UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00280959 8

Н. Д. ДАРАГАНЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Г. П. ДАНИЛЕВСКІЙ.
1847 г.

Danilevskiĭ, Grigoriĭ
III
Sochineniya

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

[1847—1890 г.].

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

t. 7

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1892.

PG
3321
D25
1922
v.7

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
[1978]

LIBRARY
UNIVERSITY OF TORONTO
789437

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

(ПУГАЧЕВЩИНА).

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РАЗОРЁННЫЙ УЛЕЙ.

— „Преданья русскаго семейства,
Да нравы нашей старины..."
Пушкинъ.

— „Черный годъ,—что туча,—не ждёшь, набѣжитъ!"
Народная поговорка.

ОТЪ АВТОРА.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я случайно узналъ, что въ одномъ старомъ домѣ въ Москвѣ, въ переулкѣ, у Чистыхъ-прудовъ, хранится много любопытныхъ бумагъ о двѣнадцатомъ годѣ.

При помощи мѣстныхъ рекомендацій, мнѣ удалось, проѣздомъ черезъ Москву, побывать у владѣлицы названнаго дома, вдовы сенатскаго секретаря NN. Деревянный, въ два этажа, обшитый потемнѣлымъ тесомъ, съ покосившимися окнами и фронтонами, этотъ домъ былъ огороженъ съ переулка высокимъ заборомъ и окруженъ обширнымъ, стариннымъ садомъ. Деревянные, желтые львы, съ открытыми пастями, стояли на его запертыхъ воротахъ. Пройдя въ калитку, я былъ введенъ въ стеклянныя сѣни, оттуда въ большую, съ зеркалами, въ бронзовыхъ рамахъ и съ фамильными портретами, залу и, черезъ коридоръ, загроможденный шкафами, перинами и другою рухлядью, въ отдаленную комнату хозяйки. Я увидѣлъ передъ собою худенькую, лѣтъ подъ семьдесятъ, но еще бодрую старушку, въ черномъ шерстяномъ капотѣ и въ бѣломъ, съ оборками, чепцѣ. Она приняла меня, сидя на кровати, покрытой зеленымъ, шелковымъ, стеганымъ на ватѣ, одѣяломъ. Съ полдюжины мосекъ бросились на меня съ лаемъ.

Предупрежденная о цѣли моего заѣзда, владѣлица ласково привѣтствовала меня, усадила противъ себя и, потирая въ рукахъ серебряную табакерку, сказала: „Знаю, батюшка, знаю,—ты на счетъ нашествія двѣнадцатаго года... Охъ, старые мои годы! И что́ тебѣ разсказать о томъ времени? Оно, точно, не токмо французовъ, и ихняго Бонапарта я видѣла тутъ своими глазами. Только что́ же сказать тебѣ? Памятью совсѣмъ я ослабла... Не мало у меня всякихъ бумагъ, въ комодахъ, баулахъ, и по шкафамъ; не знаю, для чего покойный мужъ копилъ. А безъ него трудно рѣшиться,

да врядъ ли и что путное найдется. Больше, почитай, служебныя; онъ отъ французовъ много спасъ; нужное сдалъ, кое-что оставилъ. Развѣ вотъ что, — подумавъ, заключила старушка: — внуки давно все какого-то вводнаго листа искали; я намедни изъ Горокъ выписала вонъ этотъ сундукъ: кажись, тутъ тоже были какія-то бумаги, да гдѣ мнѣ искать? Я и печатное плохо уже разбираю. Не поможешь ли, развѣ, ты?"

Сундукъ открыли. Онъ былъ полонъ всякою всячиной — мужскими и женскими, старинными платьями, конца XVIII и начала XIX вѣка, париками, башмаками, обрѣзками цвѣтныхъ суконъ и холста, связками музыкальныхъ нотъ и счетныхъ, хозяйственныхъ тетрадей, ревизскихъ сказокъ и другихъ частныхъ документовъ и писемъ. Просматривая эти бумаги, я, между прочимъ, предлагалъ хозяйкѣ вопросы о старинѣ. Она оказалась очень словоохотливою и передала мнѣ нѣсколько пелишенныхъ любопытства подробностей о нашествіи Наполеона, о пожарѣ Москвы и о бѣдствіяхъ плѣнныхъ. Желаннаго листа въ сундукѣ, однако, не оказалось. Я сталъ откланиваться.—„Да ты, родной, не стѣсняйся,—сказала, отпуская меня, старушка:—заѣзжай на свободѣ еще; просмотришь и другіе мои спряты и укладки; можетъ, пособишь мнѣ найти и тотъ листъ! Ой, трудно намъ безъ него, трудно; заклюютъ внуковъ лиходѣи". — Я обѣщалъ еще навѣдаться къ старухѣ и сдержалъ слово. Ящики съ бумагами, во второй мой заѣздъ, для удобства ихъ пересмотра, переносили мнѣ въ сосѣднюю съ хозяйскою, особую комнату, окнами въ садъ. Здѣсь было свѣтло и особенно привѣтливо. Французскія и англійскія гравюры XVIII вѣка украшали стѣны. Надъ письменнымъ, съ инкрустаціей, бюро висѣлъ потускнѣлый портретъ пожилой, но еще красивой, голубоглазой женщины, въ монашескомъ одѣяніи, съ четками въ рукахъ. На канапé лежала, искусно вышитая шелками и бисеромъ, подушка. На полукругломъ, отдѣланномъ бронзой, комодѣ стояло овальное зеркало, въ фарфоровой рамѣ, изъ блѣдно-розовыхъ, съ зеленью, цвѣтовъ. Въ комнатѣ было жарко. Я открылъ окно въ садъ, изъ котораго повѣяло запахомъ цвѣтущихъ розъ и лилъ. Усѣвшись въ кресло, я принялся за разборку принесенныхъ бумагъ. Хозяйка дома, не желая мнѣ мѣшать, не покидала своей комнаты. Прислуга ходила мимо моей, притворенной, двери не иначе, какъ на цыпочкахъ. Мосекъ куда-то запереи.

Разсмотрѣвъ принесенныя бумаги, я принялся за послѣднюю связку, вынутую изъ ящика какого-то платянаго шкафа. Здѣсь, между планами, тщетно отыскивая вводный листъ, я нашелъ обернутую въ обрѣзокъ желтаго атласа, объемистую, кое-гдѣ обгрызанную мышами, тетрадь синей, плотной бумаги, съ золотымъ обрѣзомъ, исписанную по-французски мелкимъ, но четкимъ, очевидно, женскимъ почеркомъ, конца прошлаго вѣка. На обрывкѣ заглавной, полуистлѣвшей страницы была надпись: „A ma postérité",—а ниже, другимъ, позднѣйшимъ почеркомъ, было приписано карандашомъ, по-русски: „Совѣты и поученія потомкамъ покойной благодѣтельницы, Маріи Родіоновны Дугановой. Житія ея было шестьдесятъ лѣтъ, дни треволненные, а кончина тихая и праведная, въ саратовской женской пустыни, сего 2 февраля, 1809 года".—„Предисловіе" къ этой тетради было въ двухъ спискахъ. Къ французскому оригиналу кто-то приложилъ, на особомъ почтовомъ листѣ, русскій переводъ.

Вотъ это предисловіе:

„Мои внуки и правнуки и всѣ тѣ, кому попадутся эти страницы! Давно я собиралась изложить, въ поученіе и на память вамъ, видѣнное мною лично и слышанное въ жизни отъ другихъ. Я бралась за перо, приводила въ порядокъ свои мысли и пыталась набрасывать нить необычайныхъ, претерпѣнныхъ мною событій. Воля судьбы, невѣдомымъ путемъ ведущая смертныхъ, всякій разъ устраивала все это, противъ моей воли, иначе. Я оставляла начатое, разрывала или жгла исписанные листы.

„Слушая устные мои разсказы, примѣчательные и почтенные люди стараго забытаго нынѣ времени,—мыслители, сановники и свѣтскіе остроумцы,—говорили обо мнѣ: „Какъ жаль! эта милая Дуранова такъ много испытала на своемъ вѣку, видѣла, напримѣръ, лично Пугачова и такъ занятно, случается, все разсказываетъ,—а не ведетъ своихъ мемуаровъ".

„Сердце женщины, даже пожилой, друзья мои, не камень. Честь, оказанная мнѣ столь уважаемыми людьми, сильно повліяла на мое самолюбіе. А тутъ стали одолѣвать болѣзни и скука одинокой старости,—предѣлъ человѣческой жизни. Девять лѣтъ назадъ, именно въ 1800 году,—на границѣ двухъ вѣковъ,—въ унылый, дождливый, осенній день, въ тихой сельской обители, я впервые взялась за бумагу и перо, потомъ продолжала въ городѣ, а нынѣ, когда судьбой привелось доживать вѣкъ въ иной, еще болѣе уединенной и пустынной обители и я, ослабѣвъ отъ слезъ глазами, плохо вижу, даже въ очкахъ,—я диктую дополненія и нужныя вставки крестницѣ, дочери моей пріятельницы, непосѣдѣ—Фимочкѣ. Ей семнадцать, мнѣ вскорѣ шестьдесятъ лѣтъ, но память моя еще не ослабѣла, и я, грѣшная, люблю, среди молитвъ и приготовленій къ недальней кончинѣ, переноситься мыслями въ прошлое. О, это прошлое! о, золотые, недолгіе годы молодости, улетѣвшаго счастья!

„Мои дорогія внучки и правнучки! Къ вамъ, въ эти часы, взываю, въ особенности. Ваше сердце мягче, думы отзывчивѣе.

„Склоненіе къ близкой могилѣ сильнѣе всего понудило вашу бабку и прабабку оглянуться на свое прожитое и, безъ утайки, какъ передъ вѣковѣчнымъ Судіей, передать вамъ, сходя въ эту могилу, исповѣдь о своей жизни, о ея въ началѣ тихихъ и свѣтлыхъ радостяхъ и о грозныхъ потомъ испытаніяхъ, когда надъ нами пронесся страшный, кровавый метеоръ, чуть не пресѣкшій бѣдной, давно-истерзанной жизни.

„Кончу ли, нѣтъ ли, свои записки, прочтите, мои дорогія, этотъ разсказъ о нашемъ *черномъ годѣ*, эту семейную драму, среди которой я нежданно, когда-то, была унесена по иному, гибельному руслу появленіемъ безпощаднаго чудовища, алчнаго тигра, внезапно вставшаго передъ нами. Вы увидите, что я, передавая бумагѣ эти отрывочныя замѣтки и признанія о вашихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, старалась объ одномъ—быть правдивой, а иногда, какъ можетъ вамъ показаться, даже, въ ущербъ себѣ, и черезчуръ откровенной..."

Занятый въ то время другою эпохой, я не обратилъ было должнаго вниманія на эту находку. Стряхнувъ съ тетради пыль, я прочелъ сперва ея предисловіе, а потомъ и всю рукопись. Безъискусственный разсказъ Дурановой объ испытанномъ ею семейномъ горѣ и другихъ тревоженіяхъ невольно перенесъ меня въ далекіе, семидесятые годы прошлаго столѣтія, ознаменованные рядомъ, по-истинѣ, тяжелыхъ общественныхъ бѣдствій.

Солнце, ярко свѣтившее въ комнату черезъ верхи слабыхъ липъ, давно спряталось за уголъ дома. Въ окно повѣяло прохладой вечера. Стали надвигаться сумерки. Раздался звонъ къ вечернѣ. Я продолжалъ перелистывать тетрадь. Владѣлица дома прислала мнѣ варенья, потомъ фруктовыхъ, собственнаго издѣлія, водянокъ; все это осталось нетронутымъ.—„Барыня возвратились отъ вечерни и просятъ кушать чай",—послышалось наконецъ за дверью.—„Сейчасъ, сейчасъ,"—отвѣтилъ я, закрывъ дочитанную рукопись. Я всталъ и оглянулся по комнатѣ. Эта мебель, зеркало въ фарфоровой рамѣ, шитая шелкомъ подушка и портретъ монахини стали мнѣ понятны. Я, по стемнѣвшему корридору, возвратился въ комнату старушки.—„Что, батюшка, все еще не нашелъ моего листа?"—спросила NN.—„Нѣтъ, не нашелъ..."—„Что дѣлать!"—сказала она со вздохомъ: —„а намъ всѣмъ онъ такъ

нуженъ..."—„Зато мнѣ удалось вотъ что̀ найти", — произнесъ я, указывая на завернутую въ желтый атласъ тетрадь:—„знаете ли вы это?"—Глаза старухи, при взглядѣ на этотъ атласъ и на давно, очевидно, забытую тетрадь, покрылись слезами.—„Богъ мой! гдѣ ты это выкопалъ?" — вскрикнула она, крестясь и разглядывая тетрадь:— „столько лѣтъ считала ее пропавшею, когда еще мы переѣхали изъ Горокъ... Знаю ли? да вѣдь Фимочка, о коей тутъ говорится,—коли ты читалъ,—это я сама... Половина этого мнѣ и диктована!" — „Не позволите ли воспользоваться, списать это хотя для себя?"—спросилъ я:—„не теперь, ну позднѣе. Тутъ не мало любопытнаго, и все это, притомъ, очевидно, разсказывалось для потомства, а ужъ столько времени прошло; никому не будетъ непріятно, а многихъ, пожалуй, и займетъ!" — „Эхъ, батюшка, да что̀ же тутъ занятнаго?"—отвѣтила старуха, завернувъ тетрадь въ тотъ же атласный лоскутъ и засовывая ее подъ подушки, на кровать:—„во-первыхъ, въ тѣ поры, хотя всѣ, положимъ, говорили такъ же просто, какъ и теперь, но писали выспренно, подъчасъ и витіевато,—еще смѣяться надъ нами будутъ,—а во-вторыхъ — тутъ одни домашнія, никому ненужныя и давно забытыя росказни!"—„Но здѣсь не одни семейныя событія, здѣсь столько, между прочимъ, и вообще о томъ вѣкѣ приведено!"— Старуха покачала головой. — „Все это, родной, давно и всѣмъ извѣстно и перезвѣстно... А, впрочемъ, коли ужъ хочешь,—заключила она, помолчавъ и какъ-то особенно глянувъ въ сторону:—какъ помру, изволь,—за твое вниманіе ко мнѣ,—бери... я надѣюсь, не осмѣешь дорогой мнѣ старины..."—„Но отъ кого же я это получу"?— спросилъ я.—„Душеприказчикомъ по мнѣ будетъ здѣшней церкви, коли знаешь, священникъ: я ему безпремѣнно накажу, и онъ все тебѣ, если пожелаешь, отдастъ." — „Позволите ли взять, какъ автографъ, хотя приложенный къ рукописи переводъ предисловія?"—„Его, пожалуй возьми".—„А кто эта монахиня, на портретѣ, въ той комнатѣ?"—„Благодѣтельница наша, моя крёстная, Марья Родіоновна Дуга̀нова; здѣшній домъ, много хорошихъ вещей и все у насъ, какъ есть, отъ нея..."

Прошло послѣ того около года. Я снова навѣстилъ Москву, гдѣ знакомые старушки мнѣ передали, что она умерла.—Заѣхавъ къ священнику ея приходской церкви, я отъ него узналъ, что всѣ бумаги покойной,—какъ въ сундукѣ, такъ и въ шкафахъ, и баулахъ, — вскорѣ послѣ ея смерти, — сгорѣли, вмѣстѣ съ ея домомъ, на пожарѣ, истребившемъ чуть не половину переулка, гдѣ она жила.

Въ нижеслѣдующемъ разсказѣ я постарался возстановить все то, что̀ могъ припомнить изъ записокъ Дуга̀новой—какъ о московскихъ, такъ и о иныхъ событіяхъ, за 115 лѣтъ назадъ.

I.

Было лѣто 1772-го года.

Марья Родіоновна Дуга̀нова, урожденная Камынина, за три года̀ передъ тѣмъ обвѣнчалась, по любви, съ адъютантомъ московскаго главнокомандующаго, графа Салтыкова, Глѣбомъ Андреевичемъ Дуга̀новымъ.

Первую зиму послѣ брака, въ началѣ 1769 года, молодожены провели въ Москвѣ. Марьѣ Родіоновнѣ тогда исполнилось девятнадцать лѣтъ. Нѣсколько задумчиваго, сосредоточеннаго нрава, она со всѣми была привѣтлива и общительна. Всѣ любовались ея статнымъ ростомъ, граціозною походкой, тонкою таліей и цѣлыми волнами свѣтлопепельныхъ волосъ, падавшихъ на плечи.

Чувствительная сердцемъ, она до безумія любила умнаго, дѣльнаго и добраго мужа. Онъ также въ ней души не чаялъ,—дома не отходилъ отъ нея, а въ гостяхъ, на званыхъ обѣдахъ, вечеринкахъ и во время танцевъ не спускалъ съ нея глазъ. Да и какъ было не любоваться ею? Стройная, съ свѣтло-голубыми, нѣсколько близорукими глазами, она обворожала всѣхъ своимъ обхожденіемъ, ласковою, умною рѣчью и искусствомъ одѣваться къ лицу. Парикмахеры сооружали изъ ея пышной шевелюры цѣлые зáмки и фортеціи. Знакомые трунили надъ Дугáновымъ, говоря, что онъ ревнуетъ жену чуть не къ каждому, кто съ нею заговоритъ. Въ избыткѣ радостей, Марья Родіоновна, разумѣется, не обращала на эти толки никакого вниманія.

Зима перваго года послѣ брака прошла для Дугáновыхъ въ непрерывныхъ развлеченіяхъ, выѣздахъ, вечерахъ. Веселье, въ ту пору, въ Москвѣ било ключемъ. Воспитанная въ небогатой семьѣ служилыхъ самарскихъ дворянъ, Камышиныхъ, Марья Родіоновна хотя отъ души веселилась въ пышной и шумной Москвѣ, куда перенесла ее судьба, но втайнѣ съ любовью вспоминала родную Самару, тихую, широкую Волгу, и думала: „Выѣзжать, развлекаться надо, такъ принято... но когда бы уже скорѣе все это прошло!.. Поѣдемъ на югъ, въ Ракитное, къ матери Глѣба“. Увеселенія, само собою, вскорѣ кончились. Весной и лѣтомъ 1771 года въ Москвѣ нежданно разыгралось страшное бѣдствіе: чума и бунтъ черни, убившей архіепископа Амвросія. Дугáновъ успѣлъ, до этихъ смутъ, заблаговременно отправить жену, уже бывшую въ тягости, въ Малороссію, въ изюмское помѣстье своей матери. Оттуда, въ началѣ весны того года, Марья Родіоновна извѣстила его, что у нихъ родился сынъ, Вася. Тамъ она оправилась, окрѣпла на сельскомъ покоѣ и, съ началомъ весны, опять расцвѣла, благодаря совѣтамъ и наблюденію опытнаго врача, котораго ея свекровь вызывала къ ея родамъ въ Ракитное изъ Москвы. Чума въ Москвѣ прекратилась. Новый начальникъ Дугáнова, князь Волконскій, какъ и прежній главнокомандующій, также оцѣнилъ и полюбилъ Глѣба, за его усердіе къ службѣ, и обѣщалъ ему отпускъ къ семьѣ. Въ маѣ 1772 года Глѣба Андреевича стали ожидать въ деревню.

Въ трехъ верстахъ отъ Ракитнаго, помѣстья его матери, было многолюдное село изюмскихъ слободскихъ казаковъ, Кабáнье. Черезъ него, въ то время, шла большая, почтовая и торговая, харьковская дорога на Изюмъ и Славянскъ. Марья Родіоновна часто, въ экипажѣ и верхомъ, одна или съ племянницей свекрови, Нинéтъ Ладыженцевой, выѣзжала на этотъ путь, въ надеждѣ увидѣть пыль завѣтной тройки, услышать почтовый колокольчикъ и встрѣтить тамъ дорогаго

гостя. Нинѣтъ была некрасивая собой и уже немолодая, но умная и начитанная дѣвушка. Худая, съ длинною, какъ у осы, таліей, она и нравомъ своимъ напоминала осу; любя спорить и противорѣчить, она, въ сущности добрая, язвительно цѣплялась за всякое возраженіе и носила между своими прозваніе квакерки, чудачки и пуританки. Увезенная съ дѣтства богатыми родными въ чужіе края, она долго жила въ Швейцаріи, Англіи и Голландіи, откуда, между другими причудами, вывезла благоговѣніе къ простому народу,—хранителю, по ея мнѣнію, истинной нравственности и вѣры, и смѣло ставила его въ образецъ высшимъ классамъ. Когда она, въ спорѣ на эту тему, сердито опускала вѣки и, то краснѣя, то блѣднѣя до синевы губъ, сыпала возраженіями, старуха Дуганова обыкновенно говорила: „Ну, завела, квакерка, проповѣдь! Открой, Нина, свои шторы, а то въ комнатѣ темно!“ Ладыженцева, улыбаясь, поднимала глаза—и въ комнатѣ дѣйствительно становилось какъ бы свѣтлѣе,—такъ, при общей ея некрасивости, были ласковы и привѣтливы ея большіе, сѣрые глаза.

Дни шли за днями. Глѣба Андреевича не было. Коротая свои досуги, Марѝ съ Нинетъ любила останавливаться у молодаго рослаго дуба, при въѣздѣ въ Кабанье. Здѣсь онѣ давали лошадямъ отдохнуть, а сами садились на землю или рвали цѣлебныя травы и цвѣты. Степи тогдашняго харьковскаго намѣстничества были почти сплошною, вѣковѣчною цѣлиной. Свекровь научила невѣстку собирать и сушить цвѣты. Цѣлые ворохá сушеныхъ зелій висѣли у нея въ особой, пахучей свѣтёлкѣ, куда допускали не всѣхъ, но гдѣ, съ нѣкотораго времени, невѣстка стала полною хозяйкой. Добрая ворчунья и хлопотунья свекровь, день деньской суетясь по хозяйству и звеня связкою ключей у пояса, по вечерамъ, когда всѣ собирались съ работой къ чайному столу, съ довѣрчивою важностью преподавала невѣсткѣ заповѣдные способы лѣченія собранными трáвами, но на-строго запретила ей самой ходить за недужными.

— Можешь, другъ Марьюшка,—говорила она:—пользовать всякаго, кого допускаю къ себѣ въ хоромы и кого сама тебѣ укажу; черезъ это дашь помощь и мнѣ. Но, Боже тебя упаси и помилуй, не вздумай сама посѣщать больныхъ. Ты, ма шеръ Марѝ, неопытна и подчасъ прытка; изъ-подъ пятокъ твоихъ иногда чуть не искры сыплются, когда ходишь. А мало ли какіе бываютъ больные изъ этого чернаго, бѣднаго мужичья? Они, какъ поросята, неопрятны; надо умѣючи. Берегись, Марѝ! еще заразишься ихъ болячками и въ конецъ погубишь себя...

Однажды Марѝ пришлось особенно долго замедлиться на большой дорогѣ. Она въ то время выѣхала туда верхомъ одна. Нинéтъ осталась дома, дошивать гарусомъ по канвѣ подушку, сюрпризъ Марѝ Глѣбу. Привязавъ коня къ стволу знакомаго дуба, у крайнихъ дворовъ Кабаньяго, Марѝ усѣлась на землѣ, въ тѣни дерева, и задумалась.

Ея мысли были все о той же большой дорогѣ. Вѣтви дуба тихонько шелестѣли надъ ея головой. Каждый листикъ, каждая свѣтовая, между вѣтвями, прогалина точно говорили ей: „счастье! счастье! вотъ оно, смотри“... Она смотрѣла; но по дорогѣ тянулись обозы, шли пѣшеходы,—милаго гостя не было видно. Изъ-за сосѣдняго плетня къ ней незамѣтно подошла старая казачка, съ ближняго хутора.

— Пáнночка, голубочка!—сказала она ей, низко кланяясь:—вы собираете травы, Богъ вамъ помоги, и, мы знаемъ, лѣчите ими бѣдный народъ. Не прогнѣвайтесь, зайдите; у насъ въ хатѣ, сколько времени, гибнетъ, лежитъ безъ ногъ знакомый мужа, добрый человѣкъ.

— Кто, бабýся, твой мужъ и гдѣ живете?

— Осипъ Коровка; онъ вамъ рыбу съ Дона не разъ привозилъ. Вонъ нашъ хуторъ, у огородовъ.

— А кто этотъ знакомый твоего мужа?

— Бѣдный бурлакъ; помогалъ мужу, когда былъ на ногахъ, ѣздилъ съ нимъ весной за рыбой, да захворалъ и съ Пасхи лежитъ, какъ пластъ, а мужа дома нѣтъ.

— Что же у него?

— Были раны отъ болячки, на груди и на лицѣ, теперь на ногахъ... не ходитъ.

Марѝ вспомнились слова свекрови о заразѣ. Она испугалась, не рѣшалась идти. Но мысль, что бѣдному рабочему человѣку—лишиться ногъ значило то же, что умереть съ голоду, тронула ее. Она подумала, предложила казачкѣ указать ея дворъ и поѣхала за нею. Казачка привязала лошадь Марѝ у забора, возлѣ своего крыльца, и ввела гостью въ чистую, прохладную, глиняную горенку, съ завѣшанными отъ мухъ окнами. Марѝ взглянула вокругъ себя и въ первыя мгновенія, со свѣта, ничего здѣсь не видѣла.

Въ просторной, съ земляным полом, избѣ, налѣво отъ входа, обозначилась бѣлая, съ красными и синими разводами, опрятная печь; рядомъ съ нею—поставѣцъ съ посудою и окованный желѣзомъ, разрисованный сундукъ; въ переднемъ углу—множество старинныхъ, темныхъ образовъ, съ лампадками передъ ними. Большинство казаковъ села Кабаньяго придерживались, какъ всѣ въ окрестности знали, раскола. На скамьѣ, подъ образами, лежало что-то блѣдное, прикрытое сѣрымъ, рваным зипуном. На Марѝ, изъ-подъ зипуна, устремились

черные, блестящіе, жалобно-молившіе глаза. Старуха приподняла оконную занавѣску.

— Помоги, ласковая боярышня, Богъ тебѣ поможетъ!—сказалъ сиповатымъ, глухимъ голосомъ и безъ украинскаго выговора, больной, очевидно, не здѣшній человѣкъ.

Онъ съ трудомъ приподнялся на скамьѣ, свѣсилъ и сталъ развязывать обвернутыя жалкимъ тряпьемъ, исхудалыя, костлявыя ноги. Съ виду ему было лѣтъ тридцать.

— Какъ это? гдѣ ты, голубчикъ, такъ заболѣлъ?—спросила Марѝ, подойдя къ больному и съ содроганіемъ осматривая его глубокія, зіяющія раны.

— Батракъ-сирота, бѣдола́га!—съ безнадежнымъ вздохомъ отвѣтилъ больной, перебирая ветхія тряпицы на изможденныхъ голеняхъ: —что̀ такому? мучиться въ потѣ лица и въ неволѣ добывать хлѣбъ святой. Волка, барышня, ноги кормятъ.

„Бродяга!“ — невольно подумала Марѝ.

— Какъ тебя звать?—спросила она.

— Ивановъ... по имени Емельянъ...

— Здѣшній?

— Нѣтъ, сударынька, съ Дону... казакъ.

— Что же, случайно сюда зашелъ?

— Гдѣ только не хожено, не ѣзжено, какого только земле-проходнаго вѣтра не пробовано! да вотъ, притулился у добраго человѣка, захворалъ, и аки псу, видно, приходится тутъ задаромъ пропадать. Спаси, будь ласкова, трудно такъ-то. Лежачъ камень мохомъ обростаетъ, стояча вода и та киснетъ...

— Ну, Ивановъ,—сказала Марѝ, подумавъ:—хотя и трудно, а постараюсь тебѣ, сколько могу, пособить. Все твоей хозяйкѣ передамъ...

Выйдя изъ избы, она приказала казачкѣ, промывъ больному раны, обвязать ихъ чистыми холщевыми лоскутьями и обѣщала доставить лѣкарство. На другой день, въ Кабанье съѣздила Нинѐтъ; она, по просьбѣ Марѝ, завезла казачкѣ травъ, объяснила ей, какъ ихъ приготовлять и прикладывать, и сказала, что вскорѣ навѣдается опять. Черезъ недѣлю, Мари снова вспомнила о больномъ, и Нинѐтъ, вторично съѣздивъ въ Кабанье, отвезла туда украдкой новый запасъ травъ и узнала, что больному стало замѣтно легче.

II.

Изъ Москвы, между тѣмъ, пришло письмо Глѣба. Онъ извѣщалъ жену, что его путь замедлился, вслѣдствіе его поѣздки куда-то съ

главнокомандующимъ, и что онъ будетъ въ Ракитное—не ближе двухъ недѣль. Какъ прошли эти двѣ недѣли, Марѝ уже и не помнила. Она не могла ничѣмъ заняться, какъ тѣнь, бродила изъ угла въ уголъ по дому и въ саду, ночи проводила безъ сна и съ нетерпѣніемъ считала не только дни, но часы и минуты.

Въ день, когда, по ея разсчету, окончательно долженъ былъ въ Ракитное пріѣхать Глѣбъ, она съ Нинéтъ, чуть не на зарѣ, когда въ домѣ всѣ еще спали, выѣхала въ коляскѣ на большую дорогу и, не утерпѣвъ, велѣла кучеру проѣхать далѣе, за Кабáнье.

Коляска остановилась на возвышенномъ пригоркѣ. Было чудное, теплое, душистое утро. Съ пригорка, верстъ на пять и болѣе, была видна лента той же харьковской дороги, съ уходящими въ даль, зелеными холмами и перелѣсками, но и тамъ не было видно завѣтной, мчащейся тройки. Слезы душили Марѝ. Видя ея разстройство, Нинéтъ уговорила ее ѣхать обратно.—„Ахъ, вѣдь, нельзя же!—увѣщевала она Марѝ, по пути:—и какая ты, право, странная! ну, онъ не пріѣхалъ утромъ, можетъ пріѣхать послѣ обѣда, къ вечеру... Успокойся!“—А ужъ до покоя ли тутъ?—Марѝ не отрывала платка отъ глазъ, не слышала того, что̀ ей говорила подруга. Вдругъ коляска остановилась. Путницы оглянулись. Онѣ были среди улицы Кабаньяго.

У передняго колеса экипажа, почему-то пригнувшись къ нему, стоялъ въ бѣлой, посконной рубахѣ, въ синихъ, набойчатыхъ шароварахъ и въ сѣрой дерюгѣ, поверхъ широкихъ, исхудалыхъ плечъ, средняго роста, босой человѣкъ, съ черною бородой. Марѝ по глазамъ узнала въ немъ недавняго своего пацiента, Иванова. Его ноги, выше ступней, были еще обвязаны, но онъ на нихъ держался уже свободно, слегка только опираясь на суковатую палку.

— Что это? почему стали?—спросила кучера Марѝ.

— Постромку лѣвая заступила, я и кликнулъ его помочь,—отвѣтилъ кучеръ, указывая на мужика.

Мужикъ кланялся, держа шапку въ рукѣ.

— Спасибо вамъ, сударыньки,—сказалъ онъ:—за то, что помогли мнѣ, бѣдному, Богъ вамъ пособитъ! только вотъ, лихо, — прибавилъ онъ, шаря за пазухой: — сбираюсь въ дорогу, а отблагодарствовать вамъ нечѣмъ...

— Полно, полно,—отвѣтила, вспыхнувъ, Нинéтъ: — выздоравливай, Господь съ тобой... ничего намъ не нужно... счастливаго пути...

— Не гоже, сударыня, не гоже, — сказалъ мужикъ, протягивая Нинéтъ что-то въ грубой, заскорузлой рукѣ:—не обезсудь,—изъ Почаевской лавры... самъ принесъ!

Онъ подалъ мѣдный, на простой, плетенной тесемкѣ, лаврскій крестикъ. Крестъ былъ раскольничій. Нинéтъ хотѣла его принять.

— „Не бери“,—сказала ей, по-французски, Марѝ.

— „Почему же? — спросила ее, на томъ же языкѣ, Нинéтъ: — это все твое отвращеніе къ бѣдному простонародью? какъ глупо!“

— „Да нашъ пацiентъ не вселяетъ мнѣ довѣрія,—отвѣтила Марѝ: —съ виду — ну, сущій разбойникъ; не желала бы я встрѣтиться съ нимъ въ дорогѣ, особенно ночью“.

— „Вотъ вздоръ какой,—отвѣтила Нинéтъ:—по виду онъ какъ всѣ, и я его не боюсь“.

Казакъ, очевидно, чутьемъ понялъ смыслъ разговора путницъ. Шевельнувъ плечомъ, онъ изъ-подлобья вдругъ съ такою глубокою ненавистью взглянулъ на нихъ, что онѣ невольно смутились.

— Изъ Почаева, ты говоришь?— спросила Нинéтъ, желая загладить произведенное на него впечатлѣніе:—ты былъ и въ Польшѣ?

Казакъ отвѣтилъ не сразу. Онъ тяжело дышалъ.

— Ходилъ на богомолье,—проговорилъ онъ, переминаясь:—и гдѣ послѣ того не былъ, а вотъ живъ! не своя воля, — безъ смерти не помрешь,—заключилъ онъ:—въ могилу, и въ ту, видно, надо допроситься.

Нинéтъ приняла отъ него крестикъ, надѣла его, и путницы поѣхали, разсуждая, не безъ удовольствія, что все-таки вылѣчили бѣднаго больнаго.

Вечеромъ того же дня, Марѝ заслышала изъ цвѣтника звонъ колокольчика. Надъ вербами, за садомъ, у пруда, поднялась стая галокъ и воронъ. Выше и выше вздымались крылатыя полчища, горластымъ карканьемъ привѣтствуя кого-то, подъѣзжавшаго, въ облакахъ пыли, изъ околицы. Марѝ замерла. Что̀ съ нею затѣмъ сталось, она уже и не помнила. Бросившись опрометью въ домъ, какъ буря, она промчалась чрезъ рядъ комнатъ, выскочила, уронивъ съ себя косынку и шляпу, въ переднюю и на крыльцо, и черезъ секунду, обезумѣвъ отъ восторга, повисла на груди подъѣхавшаго мужа.

Въ Ракитномъ настали дни радостей и веселья. Дугáновы непрерывно принимали родныхъ и знакомыхъ и ѣздили къ нимъ. Тучи галокъ и воронъ то и дѣло кружились надъ садомъ и дворомъ, громкимъ крикомъ, точно торжественнымъ ура, встрѣчая и провожая ракитинскихъ гостей. Глѣба разспрашивали о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, о столичныхъ новостяхъ. Среди пріемовъ, званыхъ обѣдовъ и выѣздовъ, Марѝ, разумѣется, забыла поѣздки къ завѣтному дубу, жену казака Коровки и ихъ постояльца Иванова, котораго ей привелось лѣчить, вопреки предостереженіямъ свекрови. Но какъ часто потомъ, при другомъ, наставшемъ строѣ жизни, она вспоминала и этотъ дубъ, и больнаго казака, и свое тогдашнее, ничѣмъ невозмущаемое, молодое счастье!

Свекровь отъ кого-то, однако, провѣдала-таки о лѣчебныхъ экскурсіяхъ Марѝ и Нинéтъ. Спустя недѣлю послѣ пріѣзда сына, она какъ-то, варя въ саду варенье, сказала Марѝ,—при мужѣ: „Ну, лакомка, казачій фершалъ, попробуй пѣнку,—готовы ли ягоды?“—Марѝ, не ожидавшая этого разоблаченія, вспыхнула и, отвѣдавъ варенья, объявила, что, по ея мнѣнію, ягоды готовы. А старуха Дугáнова, лукаво грозя и улыбаясь на ея растерянность, прибавила: „Впрочемъ, главный гофъ-медикъ, на этотъ разъ, не ты, а вотъ она!“—и указала на Нинéтъ.

Глѣбъ Андреевичъ, во время смутъ въ Москвѣ, такъ усталъ, а въ родной деревнѣ ему было такъ привольно и хорошо, что онъ написалъ къ главнокомандующему въ Москву, куда везти жену еще не рѣшался, и выхлопоталъ себѣ у князя новый, болѣе продолжительный отпускъ. Онъ съ Марѝ прогостилъ тогда у матери—вплоть до половины октября.

Настала чудная украинская осень. Марьѣ Родіоновнѣ долго были памятны эти тихіе и сухіе, то теплые, какъ въ маѣ, то слегка прохладные, хотя и солнечные дни, съ желтѣющими садами и дубравами и летящими, въ свѣтломъ воздухѣ опустѣлыхъ полей, прядями бѣлой паутины. Хлѣбныя нивы были убраны. Крестьяне праздновали сватанья и свадьбы. Окрестные богатые помѣщики,—Шидловскіе, Донцы-Захаржевскіе и Квитки, — охотились, съ нарядными егерями и безчисленными сворами гончихъ и борзыхъ собакъ, въ лѣсахъ гористаго Донца. Въ дубовыхъ и липовыхъ трущобахъ раздавались звуки охотничьихъ роговъ, а надъ скачущими всадниками плыли, съ звонкими криками, стаи отлетающихъ за море гусей и журавлей. Марѝ также верхомъ выѣзжала на охоту. По вечерамъ усталые путники собирались у охотниковъ-сосѣдей. Подавался украинскій пуншъ, — душистая, съ пряностями, вишневая варенýха. Молодежь, подъ клавикорды, устроивала танцы. Марѝ очень не хотѣлось покидать этого простора, этихъ степей и особенно сада, съ полчищами кружившихся, надъ безлистыми уже деревьями, галокъ и воронъ: въ каждой аллеѣ и въ каждомъ тайникѣ этого сада столько переживала она съ Глѣбомъ счастливыхъ мгновеній, тихихъ бесѣдъ, надеждъ и ожиданій.

Съ начала октября Глѣбъ сталъ думать о возвращеніи въ Москву. Видя, что жена медлитъ со сборами, онъ началъ ее торопить.

— Да куда же, помилуй, ты такъ спѣшишь отъ этихъ прелестей? — спросила его Марѝ, обжившись въ Ракитномъ и съ смущеніемъ видя, что вскорѣ надо ѣхать:—здѣсь такъ еще хорошо?

— Развѣ ты забыла? — отвѣтилъ мужъ: — я же тебѣ говорилъ,

что братъ Алексѣй рѣшилъ, наконецъ, начало этой зимы провести съ нами въ Москвѣ. У него важное дѣло по женину имѣнію, и онъ, вѣроятно, пріѣдетъ не одинъ, а съ женой. Болѣе трехъ лѣтъ мы не видѣлись; надо все приготовить къ ихъ пріему, а главное—кое-что передѣлать въ домѣ, приспособить для нихъ мезонинъ... Вѣдь они, разумѣется, остановятся у насъ.

Алексѣй Андреевичъ Дугáновъ былъ старшій, единокровный братъ Глѣба, отъ перваго брака ихъ отца. Четыре года назадъ онъ женился въ Москвѣ на круглой сиротѣ, единственной дочери нѣкогда богатаго, но разореннаго передъ кончиной, симбирскаго помѣщика, Серафимѣ Львовнѣ Туровцовой, съ которою Марѝ вмѣстѣ воспитывалась, съ дѣтства, въ самарскомъ пансіонѣ и была съ тѣхъ поръ очень дружна. По выходѣ изъ пансіона, подруги на нѣкоторое время разстались. Марѝ въ то время уѣхала къ женатому брату, служившему въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, близъ Самары, а Серафиму взяла къ себѣ въ Москву ея тетка, вдова генералъ-аншéфа, Варвара Ивановна Туровцова, бывшая ея опекуншей. Варвара Ивановна терпѣть не могла городской жизни и только на время поселилась въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, съ цѣлью вывозить племянницу и въ надеждѣ, что красивая и обаятельная своею веселостью, находчивая и живая Серафима долго не засидится въ невѣстахъ. Такъ и случилось. Выдавъ, въ 1768 году, племянницу за Алексѣя Дугáнова, Туровцова немедленно возвратилась въ свое богатое помѣстье, возлѣ Казани. Да и понятно,—это роскошное, снабженное всякими удобствами, имѣніе, по общимъ отзывамъ, было сущимъ раемъ, въ которомъ старая Туровцова жила, какъ властительная королева.

Вслѣдъ за помолвкой съ Алексѣемъ Андреевичемъ Дугáновымъ, Серафима извѣстила подругу о данномъ ею словѣ и пригласила ее на свою свадьбу, въ Москву. Здѣсь-то Марѝ впервые увидѣла своего будущаго суженаго, младшаго Дугáнова, служившаго въ то время на границѣ Польши. Послѣ свадьбы, Алексѣй и Серафима уѣхали изъ Москвы на постоянное жительство въ наслѣдственное, саратовское имѣніе Серафимы, село Горки. Марѝ, проводивъ ихъ, возвратилась къ брату, въ окрестности Самары.

Дальнѣйшая ея жизнь у брата омрачилась нежданнымъ горемъ. Простудившись на одномъ изъ смотровъ, братъ ея опасно заболѣлъ и вскорѣ послѣ того умеръ. Марѝ была сражена этою смертью. Искренняя скорбь о преждевременной потерѣ близкаго роднаго, впрочемъ, смягчалась,—Марѝ изъ Москвы унесла съ собой ободряющую, свѣтлую мечту... Въ ея душу запалъ образъ Глѣба. Хотя, въ бытность на свадьбѣ въ Москвѣ, Глѣбъ не сдѣлалъ ей ни малѣйшаго

намека на свои чувства, тайный голосъ шепталъ Марѣ, что она встрѣтилась съ нимъ не даромъ. Привлекательный и зрѣлый, не по лѣтамъ, умъ младшаго Дуганова, его изящная наружность, красивые, большіе, темно-каріе глаза и робкое, невольное предпочтеніе, вездѣ имъ оказываемое Марѣ, не покидали ея смущенныхъ мыслей.

III.

Единокровные братья, Алексѣй и Глѣбъ Дугановы, представляли совершенную противоположность другъ другу. Рожденный отъ перваго брака родителя, Алексѣй былъ вылитый отецъ: огромнаго роста, сильно-близорукій, съ крупными руками и полными, красиво-очерченными губами, тучный, но молодцоватый, и небрежный въ одеждѣ и прическѣ русыхъ, вьющихся волосъ. Онъ ходилъ твердо, всею тяжелою ступней, лѣниво переваливаясь, говорилъ внушительнымъ, пѣвучимъ басомъ, любилъ деревню, отдыхъ и тихую бесѣду; въ душевномъ волненіи обыкновенно что-либо напѣвалъ, хотя сильно при этомъ фальшивилъ, а слыша что-нибудь смѣшное, заливался гомерическимъ хохотомъ и, обладая громадною физическою силою, былъ нѣженъ и до смѣшнаго робокъ съ женщинами. Рожденный отъ втораго брака отца и всего двумя-тремя годами моложе Алексѣя, Глѣбъ былъ портретомъ матери,—также, какъ и она, невысокъ ростомъ, худощавъ, черноволосъ и съ женоподобными, маленькими руками и ногами. Вертлявый и подвижной съ дѣтства, Глѣбъ ходилъ мягкою, легкою поступью, держался прямо и стройно, всегда щегольски, съ иголочки, одѣтый, и любилъ службу и вообще трудъ. Вспыльчивый отъ природы, онъ, при чемъ-либо непріятномъ, только блѣднѣлъ; что же до женщинъ, то, хотя онъ и нравился имъ болѣе брата,—относился къ нимъ обыкновенно сдержанно и сухо. Усмѣшка рѣдко виднѣлась на его худощавомъ, смугломъ лицѣ, съ тонкими нѣжными губами, изъ которыхъ нижняя нѣсколько, какъ бы презрительно, выдавалась впередъ; а когда онъ улыбался, черты его лица оставались неподвижны, и усмѣхались одни его большіе, ласковые, черные глаза. За эту-то улыбку его глазъ, добродушную и подъ-часъ дѣтски-кроткую, Марѣ втайнѣ такъ и полюбила Глѣба. Оба брата были питомцами кадетскаго корпуса, но, по окончаніи ученія, разошлись по разнымъ путямъ. Пробывъ нѣкоторое время, какъ и Глѣбъ, въ военной службѣ, Алексѣй вышелъ въ отставку, для помощи отцу въ хозяйствѣ, и поселился у него на югѣ, въ имѣніи второй жены отца, гдѣ старикъ Дугановъ вскорѣ умеръ. Глѣбъ, по желанію матери, не оставлялъ службы. Болѣе, чѣмъ Алексѣй, снабженный средствами къ жизни,

Глѣбъ, въ началѣ, служилъ въ гвардіи и первый годъ службы ознаменовалъ шумными кутежами съ товарищами, карточною и бильярдною игрой. Особенно онъ въ то время увлекался нѣкіимъ родомъ азартной игры на бильярдѣ въ три шара. Проводя дни и ночи, напролетъ, въ излюбленныхъ молодежью притонахъ бильярдныхъ схватокъ, онъ однажды, въ какомъ-то загородномъ трактирѣ, проигрался до того, что рѣшилъ поставить на конъ свои часы. Между партіями шли обильныя возліянія. Какъ ни былъ на веселѣ Глѣбъ, онъ вдругъ случайно замѣтилъ, что его противникъ, очевидно, подкупилъ маркёра и плутовалъ, путая счеты. Глѣбъ тутъ же торжественно уличилъ его и заявилъ о томъ другимъ посѣтителямъ. Вышла бурная сцена. Противникъ, весь красный отъ вина и смущенія, вышелъ изъ себя и, думая напугать Глѣба, вызвалъ его на дуэль, которая тутъ же и должна была состояться, во второмъ этажѣ высокаго, деревяннаго, покосившагося трактира.

— Вы требуете драться? — сильно поблѣднѣвъ, спокойно отвѣтилъ Глѣбъ:—извольте, съ однимъ только условіемъ, — стрѣлять не иначе, какъ по жребію: кто вынетъ записку, со словомъ—мишень, становится въ открытое окно,—а тотъ, у кого на запискѣ окажется слово—пистолетъ, стрѣляетъ въ него. Если пуля попадетъ въ цѣль, раненый падаетъ за окно — и дуэли конецъ; а если промахъ, или вообще ожидающій выстрѣла устоитъ въ окнѣ, онъ ставитъ туда другаго, беретъ самъ пистолетъ и стрѣляетъ, по командѣ!

Присутствовавшіе возстали-было противъ такихъ дикихъ условій; но охмѣлѣвшіе противники не уступили. Принесли чей-то пистолетъ, надписали бумажки, вынули жребій, и Глѣбу пришлось изображать мишень. Онъ сбросилъ мундиръ, бодро сталъ на подоконникъ, спиной къ раскрытому въ садъ окну, и безъ смущенія выдержалъ выстрѣлъ. Послѣдовалъ промахъ. Глѣбъ еще болѣе поблѣднѣлъ, подошелъ къ окончательно-растерявшемуся противнику и въ то время, когда тотъ, снявъ кафтанъ, также готовился взобраться на окно, бросилъ въ сторону пистолетъ и объявилъ, что онъ удовлетворенъ и стрѣлять болѣе не будетъ. Эта исторія огласилась,—молодежь прославляла Глѣба; но вмѣшались власти, и Глѣбъ долженъ былъ оставить Петербургъ и перейти въ армію. Прослуживъ тамъ около года, онъ получилъ переводъ на должность адъютанта къ главнокомандующему въ Москву, и послѣ того вскорѣ, на свадьбѣ брата, встрѣтилъ Марѝ.

Ближайшую зиму послѣ свадьбы Алексѣй и Серафима провели въ Москвѣ. Переѣхавъ туда, Серафима стала настоятельно приглашать къ себѣ и подругу; но Марѝ въ то время только что ли-

шилась брата и своимъ настроеніемъ, разумѣется, далеко не подходила подъ пару женѣ Алексѣя Андреевича, страстно любившей свѣтскій блескъ, выѣзды, театры и танцы. Нося трауръ по брату, Марѝ равнодушно читала письма пріятельницы, которая расхваливала то балы благороднаго клуба, то театры, съ Дмитревскимъ и Шушеринымъ, то концерты, съ заѣзжими знаменитостями, Компасси и Сакки.

„Ахъ, дорогая Машенька, — писала подругѣ Серафима: — развѣ сомнѣваешься? твое горе — горе и для меня! Но вѣрь мнѣ, никто тебя у насъ не потревожитъ и не смутитъ; будешь жить по своему желанію, не только уединенно, а хоть полной отшельницей. У насъ обширная квартира, въ томъ же домѣ, у ma tante, на Пятницкой, гдѣ мы праздновали свадьбу. Не откажи любящему другу въ неотступной просьбѣ; навѣсти меня, хоть на мѣсяцъ, ну, на самое короткое время. Дай расцѣловать твои чудные глазки и твои дивные, пышные локоны. Помнишь, какъ мы всѣ убирали ихъ въ пансіонѣ?“ — Сама черноглазая брюнетка, Серафима потому, вѣроятно, особенно такъ и цѣнила пышные, бѣлокурые волосы подруги.

Марѝ въ слезахъ разсталась со вдовой брата и снова отправилась въ Москву, въ надеждѣ пробыть тамъ не болѣе недѣли. Судьба рѣшила иначе.

Въ глубокомъ траурѣ, съ бѣлыми плерёзами, Марѝ сидѣла въ особой комнатѣ у Серафимы, раздумывая, что на-дняхъ, — какъ бы ни просили ее остаться, — она должна возвратиться въ Самару. Къ ней вбѣжала Серафима, вся раскраснѣвшаяся, ликующая, и, схвативъ ее за руку, стала увлекать за собой.

— Что такое? — спросила та, поблѣднѣвъ.

— Иди, иди! — говорила Серафима, таща ее по комнатамъ: — смотри, кто у насъ.

Въ залѣ стоялъ пріѣхавшій изъ арміи Глѣбъ Дуга́новъ. Онъ тутъ же, при Серафимѣ, сдѣлалъ формальное предложеніе Марѝ. Заливши слезами, она молча упала на грудь Серафимы.

— Ты мнѣ всегда была родная по сердцу, — сказала ей Серафима: — неужели откажешься быть моею сестрой?

Марѝ дала слово, но свадьбу, до окончанія траура, онѣ отложили. Послѣ сговора и обрученія Марѝ уѣхала, съ Дуга́новыми, въ Горки, имѣніе Серафимы. Полгода прошло въ мучительныхъ ожиданіяхъ. Марѝ переписывалась съ Глѣбомъ чуть не ежедневно, хотя почту въ Горки изъ Саратова привозили не болѣе раза въ недѣлю, а иногда и того рѣже, и коротала время за клавесиномъ. Она страстно

любила произведенія Баха и Генделя, заигрываясь ими иногда до разсвѣта.

Горки были расположены на правомъ, возвышенномъ берегу Волги. Видъ отъ усадьбы на рѣку и ея противоположный, низменный берегъ былъ восхитительный. Вообще дикіе и пустынные берега Волги въ то время здѣсь, ниже Саратова, были уже достаточно населены.

Алексѣй Андреевичъ, отъ природы склонный къ простой, деревенской жизни, усердно принялся за хозяйство. Отецъ Дугановыхъ происходилъ изъ небогатыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ракитное принадлежало его второй женѣ, матери Глѣба. Алексѣй у нея провелъ свою молодость, помогая ей по хозяйству. Теперь, получивъ за женою большое и разстроеннее имѣніе, онъ съ увлеченіемъ отдался сельской, трудовой жизни и постоянно былъ то въ полѣ, то на гумнѣ, то при грузкѣ барокъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Серафима видимо тяготилась деревенскою скукой; Марѣ же, съ своими сердечными волненіями и тоскою по женихѣ, мало ее развлекала.

Видя пріятельницу въ задумчивости и слезахъ, у клавесина, либо склоненною къ окну, выходившему на Волгу, или гдѣ-нибудь въ уединенной аллеѣ сада, съ книгой, которой та не читала, Серафима старалась утѣшить ее.

— Помилуй, Машенька,—говорила она:—не плачь, ободрись; подумай, вѣдь ты,—подожди только,—будешь много счастливѣе меня.

— Чѣмъ же?—спрашивала та, съ удивленіемъ.

— Какъ чѣмъ? Твой женихъ переводится адъютантомъ въ Москву. Ты станешь жить въ свѣтѣ, съ людьми; а здѣсь, въ этомъ глухомъ, медвѣжьемъ углу,—развѣ люди? Только и слышно,—брёвна, барки да кули. Это не жизнь, а ссылка... Господи! хоть бы Алексѣю выпало тоже какое-либо мѣсто, хоть бы провалилось это имѣніе!—прибавляла она, принимаясь плакать:—но нѣтъ, Алексѣй не хочетъ и слышать о службѣ; говоритъ: надо прежде устроить, спасти отцовское наслѣдіе, тогда думать и объ иномъ. А когда же я опять увижу театръ? Даютъ оперу *Алцѣсту*, и ее всѣ такъ хвалятъ... А балетъ *Діана и Эндиміонъ*? Въ немъ танцуетъ Анджолини! Открываются маскарады Локателли... И все это, все не для меня!

Глѣбъ явился. Въ началѣ осени 1769 года отпраздновали его свадьбу съ Марѣ. Онъ навѣстилъ съ нею Ракитное, принялъ отъ счастливой, растроганной матери благословеніе и поселился съ женою въ Москвѣ. Старая Дуганова была въ такомъ восторгѣ отъ красивой, приводившей всѣхъ въ умиленіе Марѣ, что, въ знакъ особаго своего благоволенія къ сыну, тутъ же укрѣпила за нимъ свой московскій

весьма изрядный и помѣстительный домъ на Чистыхъ-прудахъ. Два года незамѣтно пролетѣли для Глѣба и Марѝ, въ полномъ, ничѣмъ невозмущаемомъ счастьѣ.

Одно кидалось нѣкоторымъ въ глаза: Глѣбъ не выносилъ, когда его жену кто-либо хвалилъ за миловидность и красоту. — „Красива? вотъ какъ!—говорилъ онъ, блѣднѣя:—ужъ извините... не ожидалъ! это лесть, и вы лучше обратили бы ваши похвалы на другіе предметы!“ — Одного юнаго, свѣтскаго селадона, расточавшаго мадригàлы всѣмъ хорошенькимъ женщинамъ, въ томъ числѣ и его женѣ, онъ отвелъ въ сторону, при разъѣздѣ съ какого-то бала, и сказалъ ему: „Вы ухаживаете за чужими женами? отлично!—учитесь же заранѣе владѣть шпагой или пистолетомъ... пригодится!..“

Серафима радовалась за Марѝ и чистосердечно высказывала ей невольную зависть.—„Ты молода, какъ и я,—писала ей она изъ Горокъ:—но ты веселишься, а я прямо въ заточеніи. У насъ обѣихъ—добрые и любящіе мужья; но твой служитъ въ столицѣ, на виду и, какъ слышно, у всѣхъ въ лестномъ почетѣ, а мой—въ этой вѣчной вознѣ съ мужиками, ссыпщиками и барочниками, скоро обростетъ, кажется, мохомъ. И что̀ изъ того, что у насъ земель, лѣсовъ и всякихъ угодій чуть не съ нѣмецкое герцогство? Дѣла наши такъ плохи. Ахъ, Маша, за что̀ такая напасть? И чѣмъ бы я, кажется, не пожертвовала, чтобы съ какимъ-нибудь бродячимъ, попутнымъ Эоломъ, или на коврѣ-самолетѣ, хоть на недѣльку, перелетѣть къ тебѣ, взглянуть на васъ, побывать въ театрѣ—у Шереметевыхъ—или на балу, въ дворянскомъ клубѣ, забывшись, пронестись въ экосезѣ или котильонѣ! Голова кружится при одной этой мысли. Недосягаемыя радости! Пожалѣй меня, Машенька! И хотѣла бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. У тетки, въ дѣвичествѣ моемъ, собирался все важный, но сухой народъ,—старики играли въ ломберъ и квинтичъ, молодые рѣзались въ фàро и въ кòнтру, а на мою страсть къ драмамъ, операмъ и баламъ никто тогда и вниманія не обращалъ“.

Въ началѣ втораго года замужества Серафимы, Богъ далъ ей дочь, черезъ годъ сына, а еще черезъ годъ и другаго. Радуясь дѣтямъ, она не удерживалась отъ горькихъ жалобъ, что труды мужа нисколько не улучшаютъ ихъ дѣлъ и хозяйства. Рядъ неурожаевъ ввелъ обитателей Горокъ въ чрезмѣрные убытки; повальные падежи уничтожили рабочій скотъ у нихъ и у крестьянъ. Долги росли, а съ ними куча новыхъ непріятностей и хлопотъ.

„Ко всему этому, въ Бѣлокаменной, по слухамъ, чума, — писала золовкѣ Серафима:—а дòма—твой бѣдный другъ, что̀ ни годъ, какъ и теперь опять, въ интересномъ положеніи... Нечего сказать, интересно!

Дорогая Маша! посуди о моемъ горѣ-злосчастьѣ и рѣши, выносимо ли все это для человѣческой души?"

Чума наконецъ прекратилась, Марѝ снова переѣхала, съ Глѣбомъ, на жительство въ Москву, а къ концу осени 1772 года туда пріѣхали и давно жданные гости изъ Горокъ, — какъ выразился Алексѣй Андреевичъ,—„людей посмотрѣть и себя показать".

Памятна навсегда Глѣбу и Марѝ осталась эта роковая зима.

IV.

Передъ отъѣздомъ изъ Ракитнаго, Марѝ еще два раза привелось увидѣть вылѣченнаго ею и Нинѣтъ казака Иванова. Однажды,—случилось это въ ихъ усадьбѣ,—Марѝ услышала необычный шумъ и говоръ возлѣ флигеля, гдѣ жилъ приказчикъ и куда въ ту пору, какъ она знала, заѣхалъ, по какому-то дѣлу, становой коммиссаръ. Выглянувъ на шумъ въ окно, Марѝ увидѣла на крыльцѣ флигеля красноносую и толстую фигуру коммиссара, а передъ нимъ двухъ мужиковъ. Коммиссаръ, размахивая руками, что̀-то имъ съ сердцемъ выговаривалъ, а они, безъ шапокъ, низко ему кланялись, но въ чемъ-то, повидимому, упорно ему не уступали.—„Попомню вамъ, треклятые, все перечту!"—крикнулъ коммиссаръ, уходя въ дверь флигеля. Мужики, не надѣвая шапокъ, медленно прошли мимо оконъ дома въ ворота. Одинъ изъ нихъ, пожилой и плотный, шелъ молча, въ раздумьѣ опустивъ длинноусую, коротко-стриженную голову на грудь. Другой, моложе и подвижной, порывисто продолжая что-то доказывать, такъ и метался на ходу и въ горячности билъ себя въ грудь рукою. Марѝ въ послѣднемъ узнала постояльца Коровки, Иванова.

— Зачѣмъ это мужики приходили къ коммиссару?—спросила она приказчика, когда тотъ вечеромъ возвращался съ обычнаго приказа отъ старой барыни.

— Все на счетъ соли,—отвѣтилъ неохотно приказчикъ:—Богъ ихъ разберетъ.

— Да что же это за дѣло?

— Казакъ Коровка,—проговорилъ, озираясь, приказчикъ:—привезъ соль изъ Крыма и намъ вчера часть свалилъ; я расплачивался, а коммиссаръ на нихъ и напалъ... Ваше, говоритъ, Кабанье не уважаетъ начальства; всѣ вы раскольники и воръ на ворѣ, да и ты, говоритъ Коровкѣ, давно у меня въ подозрѣніи, всякихъ бѣглыхъ передерживаешь.—„Какихъ бѣглыхъ?"—спрашиваетъ Коровка.—„А этотъ твой царскій крестникъ!"

— Это онъ о комъ?—спросила Марѝ.

— Да о постояльцѣ Коровки, Ивановѣ, что ли; онъ выдавалъ себя за крестника, что ли, Петра Перваго. Коммиссаръ потребовалъ полъ-воза соли, а тѣ уперлись, особенно ѣздившій съ ними за солью этотъ царскій крестникъ. Ну, извѣстное дѣло, власть; коммиссаръ такъ осерчалъ, что чуть ихъ не побилъ.

Марѝ покачала на это головой и хотѣла передать про этотъ случай свекрови, но забыла.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, въ Кабаньемъ была большая ярмарка. Сюда, по пути въ Бѣлгородъ и Харьковъ, изъ Крыма, съ Дона и Кубани—пригоняли въ то время много рогатаго скота и цѣлые табуны дикихъ, вскормленныхъ на степной волѣ, коней. Глѣбъ, большой охотникъ до лошадей, уговорилъ всѣхъ прокатиться на ярмарку. Онъ, Марѝ и приказчикъ поѣхали въ коляскѣ, а старуха Дуга̀нова, съ Нине́тъ—на любимой своей широкобокой, спокойной долгу́шѣ.

Пестрая ярмарочная толпа, съ загорѣлыми и оборванными цыганами, узкоглазыми ногайцами и нарядными черкесами, въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ, съ кинжалами у пояса, очень заняла Марѝ. Холщевыя палатки, рогожные навѣсы и ряды возовъ съ разною рухлядью покрывали площадь, близъ церкви. Скотская и конная ярмарки расположились не вдали отъ знакомаго Марѝ одинокаго дуба, у окраины села. Цыгане и татары, продавая коней, вспрыгивали на нихъ и били ихъ босыми ногами по бокамъ, скача по полю. Старуха Дуга̀нова, Марѝ и Нине́тъ накупили разныхъ разностей, шитыхъ яркими узорами полотенецъ и платковъ, дукатовъ, шерстяныхъ плахтъ и кораловъ, и уже собирались обратно домой. Глѣбъ тѣмъ временемъ сторговалъ и купилъ нѣсколько лошадей, но еще медлилъ, расхаживая по конскому торгу. Онъ высмотрѣлъ и уже рѣшилъ-было купить еще одного коня. Рыжій, рослый и сухой, съ тонкими ногами и широкою грудью, кабардинскій жеребецъ приковалъ къ себѣ вниманіе Глѣба. Жеребца продавалъ какой-то приземистый, криволапый ногаецъ съ Молочныхъ-водъ. Глѣбъ подошелъ къ нему и уже взялся-было за кошелекъ. Но продавецъ отрицательно покачалъ головою. Дуга̀нова предупредилъ коммиссаръ, отсыпавшій передъ тѣмъ ногайцу за коня полсотни карбо̀ванцевъ.

— Ахъ, Марѝ, знаешь ли, — сказалъ Глѣбъ женѣ, подходя къ лавкамъ и садясь въ коляску: — поѣдемъ, я покажу тебѣ одну прелесть. Меня предупредили, — я ее утерялъ; но что̀ это за диво! Съ виду не казистъ, а увѣряютъ, представь, скачетъ въ сутки, безъ корму и воды, по сто верстъ. Вотъ бы для охоты...

Дуга̀новы вернулись къ конской ярмаркѣ. Уже вечерѣло. Торгъ кончался. Глѣбъ изъ коляски указалъ Марѝ на осѣдланнаго старымъ потертымъ сѣдломъ, кровнаго скакуна, котораго ногаецъ держалъ

передъ коммиссаромъ подъ уздцы. Цыгане, крупные и мелкіе барышники, и куча мужиковъ, окруживъ покупщика и продавца, слѣдили за исходомъ состоявшейся сдѣлки. Между ними Марѝ узнала казака Иванова. Послѣдній подошелъ къ коляскѣ.

— Не упускайте, ваше благородіе, перебейте коня, — сказалъ Глѣбу Ивановъ: — жалко, — ваша сударыня мнѣ помогла, такая добрая...

— „Кто это?“ — спросилъ жену по-французски Глѣбъ.

— „Послѣ скажу“, — отвѣтила ему, смутясь, Марѝ.

— Будешь, бачка, помнить, будешь! птица, не конь! — твердилъ, между тѣмъ, ногаецъ, глядя то на Глѣба, то на коммиссара и пересыпая похвалы коню непонятными, гортанными возгласами.

— Такъ и объѣзженный? — спросилъ коммиссаръ, берясь за кошелекъ: — не врешь?

— Убей Богъ, князь! изъ руки ѣстъ, не конь, малое дитя! — клялся, бросая шапку о земь, ногаецъ.

— А дай-ка я испробую... были когда-то сами въ гусарахъ...

— Садись, князь, садись.

Ногаецъ, поглаживая и холя фыркавшаго жеребца, придержалъ его. Коммиссаръ, подтянувшись и подбодрясь, подошелъ къ коню, ухватился за его гриву, вложилъ ногу въ стремя и навалился на сѣдло. Жеребецъ шарахнулся, подъ необычною тяжестью, взвился на дыбы, и всадникъ, съ розмаха, шлепнулся, по другой бокъ его, о земь. Толпа не выдержала и громко расхохоталась. Въ числѣ смѣявшихся, коммиссару бросилось въ глаза лицо постояльца Коровки.

— А, царскій крестникъ! и ты тутъ? — сказалъ, прихрамывая и со злобой озираясь, коммиссаръ: — привяжи-ка своего коня, — объявилъ онъ ногайцу: — а я вотъ съ нимъ поговорю.

Ногаецъ отвелъ жеребца въ сторону, привязалъ его къ дубу и, чуя грозу, спрятался за толпой.

— Теперь очередь за тобой, — обратился коммиссаръ къ Иванову: — ну-ка, бродяга, подойди, сказывай, какіе цари тебя крестили?

— Напрасно обижаете бѣднаго человѣка, — отвѣтилъ, съ поклономъ, Ивановъ, не двигаясь съ мѣста и надѣвая, тѣмъ временемъ, въ рукава зипунъ, бывшій на немъ въ накидку: — извѣстно, чѣмъ мы тебѣ не любы стали...

— Что́-о? — произнесъ, напирая на него, коммиссаръ: — о чемъ намекаешь? говори!

— Соли тебѣ не дали, вотъ что́! — громко проговорилъ побѣлѣвшими губами казакъ: — ваше благородіе, господинъ Дугановъ! вы здѣшній, хотя не живете здѣсь, помѣщикъ... защитите...

Коммиссаръ побагровѣлъ и нѣсколько мгновеній не могъ выговорить ни слова.

— Слышали?—спросилъ онъ, не глядя на Глѣба и оборачиваясь къ толпѣ.

Всѣ молчали.

— Сотскіе, сторожа! вяжи его!—крикнулъ коммиссаръ.

Народъ дрогнулъ, но не двинулся. Смѣлый казакъ спокойно и свободно стоялъ противъ растерявшагося коммиссара; только уголъ его виска, съ небольшимъ шрамомъ у лѣваго глаза, судорожно вздрагивалъ.

— Да что же вы, разбойники, стойте? — еще громче крикнулъ коммиссаръ:—оскорбленіе власти и чина! кто мнѣ воспретитъ? крути ему руки, бей его, въ мою голову!

Изъ толпы выдвинулось нѣсколько человѣкъ, за ними другіе. Нѣкоторые уже коснулись-было казака. Онъ быстро нагнулся, отскочилъ, какъ кошка, и, какъ бы ища чего-то на землѣ, присѣлъ на корточки. Теперь, казалось, легко было окружить его и связать. Глѣбу и Марѣ изъ коляски было видно, какъ дѣйствительно передніе изъ народа навалились на него и смяли его.—„Пропалъ бѣдный“—мыслила Марѣ. — „Задастъ ему, однако, коммиссаръ“ — подумалъ Глѣбъ. И вдругъ казакъ высвободился изъ толпы. Его зипунъ былъ разорванъ, шапка свалилась съ головы. Въ рукахъ у него что-то сверкнуло... Выхвативъ ножъ изъ-за голенища, онъ взмахнулъ имъ на-право и налѣво, расчистилъ передъ собою дорогу и бросился въ сторону.

Не успѣли нападавшіе на него опомниться, онъ подбѣжалъ къ дубу, обрубилъ поводъ купленнаго коммиссаромъ коня, вспрыгнулъ на него и, продолжая размахивать ножомъ, безъ шапки, со всклоченными волосами, поскакалъ въ поле, къ ближнему лѣсу.

— Лови, держи его! сто карбованцевъ тому, кто поймаетъ! — кричалъ коммиссаръ, спѣша за толпою, гнавшеюся за бѣглецомъ.

Въ чаяніи заработка, поскакали въ поле и нѣкоторые всадники изъ ногайцевъ и цыганъ. Но было уже поздно. Окрестность стемнѣла. Рыжаго жеребца не догнали; бѣглецъ безслѣдно исчезъ. На утро въ Кабаньемъ не нашли и казака Коровки. Онъ также куда-то скрылся.

— Да кто вашъ постоялецъ?—допрашивали власти его жену.

— А Богъ его знаетъ! — звался казакъ Емельянъ Ивановъ, съ Дону, возилъ съ мужемъ соль, а куда дѣлся, развѣ я знаю?

Пріѣхавъ въ Москву, Серафима съ мужемъ, по приглашенію Глѣба и Марѣ, охотно поселились у нихъ въ мезонинѣ, гдѣ Глѣбомъ очень уютно и мило было отдѣлано для нихъ нѣсколько просторныхъ комнатъ.—„Нашъ дорогой, домашній улей имъ понравился!“—говорилъ Глѣбъ женѣ о гостяхъ:—„какіе они оба милые!“

Марѝ, впрочемъ, не узнала Серафимы, — такъ послѣдняя измѣнилась за время ихъ разлуки, сильно какъ-то опустилась, похудѣла и, лишившись своей прежней оживленности и подвижности, даже какъ будто постарѣла. Марѝ удивлялась, что Серафима постоянно сидѣла у оконъ, какъ чистая провинціалка, никогда не видѣвшая столицы, глядя на улицу, на движеніе экипажей и пѣшеходовъ и безконечную городскую толкотню. Отставшій ли отъ своенравной моды нарядъ такъ измѣнилъ Серафиму, или она одичала отъ долгой разлуки съ обществомъ равныхъ ей по рожденію и воспитанію людей, только она, съ первой же встрѣчи съ золовкой, показалась ей до того жалкою и убитою, что Марѝ, глядя на нее, едва удерживалась отъ слезъ. На ея замѣчанія объ этомъ мужу, онъ, цѣлуя ее, только улыбался.

— Пустое,—говорилъ онъ:—ты ее знаешь; она добрая, но у нея все легко и не глубоко. Это дитя минуты. Снова повѣетъ на нее вѣтерокъ нашихъ увеселеній, и она оправится, оживетъ. Вотъ ихъ финансы — другое дѣло; тѣмъ уже врядъ ли когда-нибудь поправиться,—совсѣмъ испорчены... Кстати, въ Головинскомъ театрѣ идутъ *Бригадиръ* и балетъ *Китайцы въ Европѣ*, у Титовыхъ — комедія *Indiscret*, у Брамбиллы — забавныя арлекинады. Похлопочи вездѣ записаться впередъ и достать мѣста. У Мамоновыхъ, на той недѣлѣ, балъ; Вязмитиновы о томъ же извѣщаютъ. Увидишь, излѣчишь гостью такъ, что и не спохватишься... Одно неладно, у нихъ вообще на Волгѣ не совсѣмъ спокойно.

— Что же такое?—спросила Марѝ.

— Ничего пока серьёзнаго. Но князь получилъ извѣстія и держитъ ихъ въ секретѣ... На Яикѣ взбунтовались казаки, убили начальника-генерала, и туда послали войско и новаго командира. Несомнѣнно, будутъ экзекуціи, — но что скверно, — пущено много нехорошихъ и злыхъ толковъ... Среди волжской слѣпой черни нашелся самозванецъ, какой-то казакъ Богомоловъ. Онъ объявилъ себя императоромъ, Петромъ Третьимъ, и, хотя его поймали въ Царицынѣ, наказали и сослали, но вообще, повторяю, на Волгѣ, въ ихъ краяхъ, очень неспокойно и ожидаются новыя смуты.

Алексѣй уже зналъ отъ брата объ этихъ вѣстяхъ, но не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Его сильно заботило устройство денежныхъ дѣлъ по Горкамъ, изъ-за которыхъ онъ, съ женою, собственно и пріѣхалъ въ Москву. Для спасенія Горокъ отъ продажи за долги съ публичныхъ торговъ, братья стали искать, подъ залогъ этого имѣнія, большой суммы денегъ. Сперва они думали прибѣгнуть къ займу, въ такъ называвшемся, тогдашнемъ „двадцатилѣтнемъ банкѣ“, гдѣ долги взносами погашались въ двадцать лѣтъ,

но потомъ рѣшили обратиться къ частному кредиту. Съ утра до вечера, у нихъ внизу и наверху появлялись разнаго рода коммиссіонеры и повѣренные столичныхъ капиталистовъ, банкировъ и купцовъ. Алексѣй и Глѣбъ запирались съ ними, по часамъ, судили-рядили, но, въ виду предлагаемыхъ тяжелыхъ условій, какъ примѣчала Марѝ, долгое время теряли всякую надежду устроить не только выгодный, а хотя бы мало-мальски подходящій и сносный заёмъ. Крутыя въ ту пору, послѣ недавней чумы, были времена для баръ, навѣщавшихъ Москву. Алексѣй, еще пропитанный запахомъ деревни и ея заботъ, почти не сходилъ съ мезонина, провѣрялъ деревенскіе счеты, писалъ приказанія управляющему, составлялъ и самъ рисовалъ планы построекъ, клеилъ дѣтямъ изъ картона игрушки и дѣлалъ модель какого-то новаго, особенно удобнаго улья для пчелъ.—„Дѣлаю улей, ищу образцовъ,—сказалъ какъ-то при этомъ Алексѣй Глѣбу и Марѝ:—а что лучше? взять бы примѣръ, прямо съ вашего дома; ужъ вотъ настоящій, благодатный улей, — всѣ заняты, всѣ счастливы и полны довольствомъ“.

V.

Поразмысливъ, Марѝ, съ согласія Глѣба, рѣшила заняться, между тѣмъ, костюмомъ Серафимы. Она и ея мужъ пріѣхали, какъ говорится, безъ гроша. Марѝ изъ щедраго подарка свекрови на зубокъ Васи (старой объемистой братины, полной червонцевъ), отдѣлила значительную долю и предложила свои услуги дорогой гостьѣ. Серафима обрадовалась этому до слезъ. Марѝ съ нею объѣхала Гостиный дворъ и лавки Кузнецкаго-моста, накупила разныхъ восхитительныхъ матерій и отдѣлки къ нимъ и отправилась въ швейный магазинъ знаменитой французской мастерицы, Колле́нъ. И когда, спустя недѣлю, къ Дуга́новымъ на Чистые-пруды, съ кучею коробокъ и бауловъ, явилась сама сѣдовласая, румяная и съ усиками, мадамъ Колле́нъ, когда ее провели на вышку къ Серафимѣ и оттуда, черезъ часъ, она торжественно сошла, со своею заказчицей,—Марѝ не узнала Серафимы.

Темно-пунцовое, перувье́невое, шелковое платье, съ бусовыми прошвами, такъ шло къ ея чернымъ волосамъ и чернымъ глазамъ, а крохотные башмачки, на высокихъ выгибныхъ каблукахъ, съ розовыми чулками, такъ мило выказывали красоту ея стройныхъ, маленькихъ ножекъ, что Марѝ бросилась цѣловать ее отъ души, а гордая своимъ успѣхомъ мадамъ Колле́нъ даже прослезилась. Послѣ платьевъ, Марѝ занялась прической Серафимы. Небрежно, безъ пудры, по-деревенски, зачесанныя на гребень косы замѣнились модною куафюрой. Мосьё Шарль, съ Кузнецкаго-моста, въ первый же выѣздъ

Серафимы на вечеръ, соорудилъ изъ ея волосъ и цвѣтовъ какъ бы корзину, или роскошный букетъ, среди котораго, на тонкихъ стебляхъ, качались крохотные колибри и мотыльки.

Марѝ съ Серафимой поѣхала къ Вязмитиновымъ, Архаровымъ, Смирновымъ и къ другимъ знакомымъ. Вездѣ Серафиму принимали радушно. Не прошло и мѣсяца, она, вновь освоясь съ столичными забавами, такъ оживилась, что уже плавала въ нихъ, какъ рѣзвая, золотопёрая рыбка въ привольной и свѣтлой водѣ, а затѣмъ, убѣдивъ также пріодѣться по модѣ и своего мужа, окончательно преобразилась. Алексѣй Андреевичъ, тѣмъ временемъ, кстати, у нѣкоего купца Пря́дышева успѣлъ достать, на короткій срокъ, изрядную сумму денегъ, причемъ этотъ же самый купецъ велъ съ нимъ послѣдніе переговоры и о ссудѣ, подъ залогъ Горокъ, болѣе крупнаго куша.

Серафима, день деньской, и безъ Марѝ, стала разъѣзжать съ визитами, бывать съ мужемъ, а въ виду его занятій—и одна, въ оперѣ, комедіяхъ, концертахъ и у общихъ знакомыхъ. Марѝ сперва даже нѣсколько смутилась этими чрезмѣрными увлеченіями, но потомъ подумала: „Богъ съ нею; пусть веселится, пока молода! уѣдетъ къ веснѣ въ имѣніе, снова запрется и затоскуетъ въ глуши. Ея дѣти—въ деревнѣ, съ разумною, опытною няней; ихъ навѣщаетъ преданный имъ, давній ихъ сосѣдъ-помѣщикъ и, дастъ Богъ, все у нихъ будетъ благополучно“. Вышло, однако, иначе.

Въ числѣ московскихъ гостей, навѣщавшихъ издавна Глѣба и Марѝ, былъ тоже ихъ давній знакомецъ, московскій медикъ, Семенъ Захаровичъ Спесивцевъ. Это былъ оригинальный и во многомъ забавный человѣкъ. Онъ, собственно, только по званію, числился врачемъ и, хотя успѣшно прослушалъ курсъ медицины въ Московскомъ университетѣ, у профессоровъ Эразмуса и Зыбелина, но съ выхода изъ университета не только почти не занимался практикой, а даже открыто высказывался противъ всѣхъ на свѣтѣ докторовъ и ихъ, какъ онъ обыкновенно выражался, вреднаго ремесла.

Спесивцевъ былъ искренній и отъявленный врагъ медицины. Онъ всѣхъ врачей, чуть не въ глаза, называлъ шарлатанами и, сплошь отвергая всѣ аптечныя средства, вѣрилъ въ одно,—въ силу природы—vis medicatrix naturae, и, какъ исключеніе, какъ нѣкоторое, всѣмъ доступное ей пособіе, допускалъ только старинныя, простонародныя средства,—травы, растиранія и баню.

— Идите не ко мнѣ, не къ медикамъ, — говорилъ онъ удивлявшимся больнымъ:—зовите простую бабу, знахарку какую-нибудь, или шептуна. Они, если васъ и не вылѣчатъ, за то ужъ никакого ущерба вамъ не причинятъ.

Старуха Дуга́нова, сама занимавшаяся простою и немудрою сель-

скою медициной, особенно высоко цѣнила достоинства этого чудака. Онъ посѣщалъ ее въ ея пріѣзды въ Москву, черезъ нее познакомился съ Глѣбомъ и, когда приспѣло время родовъ Марѝ, былъ вызванъ въ Ракитное, гдѣ и пробылъ мѣсяца полтора, балагуря съ утра до ночи и всѣхъ потѣшая своими выходками, пока все „само собой", какъ онъ это объяснялъ, кончилось благополучно. Никто не зналъ ни прошлаго, ни средствъ Спесивцева. Считали его за человѣка обезпеченнаго; говорили, что онъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, много путешествовалъ по Европѣ и былъ въ Іерусалимѣ. Самъ онъ, съ виду лѣнивый и мѣшковатый, въ веснушкахъ и дѣтски-румяный, любилъ подъчасъ разсказывать о своихъ странствованіяхъ, мало изъ видѣннаго хвалилъ и болѣе всего порицалъ пресловутую, по его мнѣнію, европейскую медицину, причемъ отдавалъ нѣкоторое уваженіе только немногимъ врачамъ, изъ такъ называемыхъ „виталистовъ", подобно ему, возлагавшихъ спасеніе больныхъ на однѣ ихъ собственныя, жизненныя силы.—„Я никуда не гожусь, отжилъ свое!"—твердилъ онъ, увѣряя, что нигдѣ не бываетъ, и между тѣмъ не могъ жить безъ общества. Перешагнувъ уже за тридцать лѣтъ, онъ, по его словамъ, рѣшился остаться холостякомъ, единственно будто бы потому, что отъ одной изъ красивыхъ и милыхъ невѣстъ, за которыхъ онъ было, въ молодости, думалъ свататься, пахло вѣнскими каплями, а отъ другой—жизненнымъ элексиромъ Парацѐльза.

— Но, можетъ быть, у вашихъ красавицъ болѣли зубы или давило подъ ложечкой? — спросила, подсмѣиваясь надъ нимъ, старая Дуга̀нова.

— То ли было, или другое,—отвѣчалъ Спесивцевъ: — только я бѣжалъ отъ нихъ и съ тѣхъ поръ, какъ видите, холостъ и одинокъ.

Злые языки иначе объясняли холостую жизнь доктора и его нападки на медицину. Увѣряли, будто по выходѣ изъ университета, гдѣ-то путешествуя, онъ страстно полюбилъ одну замужнюю женщину и, когда она чѣмъ-то сильно заболѣла, онъ сталъ ее лѣчить, но сдѣлалъ роковой промахъ: больная, послѣ пріема его лѣкарствъ, скоропостижно скончалась. Этихъ слуховъ никто, впрочемъ, не провѣрялъ.

Глѣбъ и Алексѣй охотно вели знакомство съ Спесивцевымъ. Онъ являлся къ нимъ всегда такимъ добродушнымъ и безъ затѣй. Замѣчали его—онъ, пыхтя, разговаривалъ, не замѣчали—по цѣлымъ часамъ сидѣлъ, съ трубкой, въ кабинетѣ, читая книгу, либо устремивъ разсѣянные, полусонные глаза въ пространство и въ раздумьѣ ероша свою курчавую, нерѣдко совершенно растрепанную голову. Братья любили вызвать его на разговоръ и поспорить съ нимъ вечеромъ за чаемъ. Марѝ съ Серафимой также охотно слушали его ро̀сказни о новостяхъ и объ общихъ своихъ знакомыхъ. Не выносила его одна

Нинѣтъ Ладыженцева, тоже тогда гостившая у Марѝ. Ея споры съ Спесивцевымъ усилились особенно съ того времени, какъ въ Москвѣ распространились слухи о бунтѣ и о наказаніи мятежниковъ въ Яицкомъ-городкѣ. Всегда чувствительная и склонная къ гонимымъ и несчастнымъ, Нинѣтъ всѣхъ увѣряла, что виноваты не яицкіе, смиренные и добрые по природѣ казаки, а ихъ начальство; докторъ же, обсуждая злодѣйства изверговъ-бунтовщиковъ, убившихъ ни въ чемъ неповиннаго генерала, своего командира, доказывалъ, что казаки просто злые и кровожадные звѣри и что, если ихъ не укротятъ, далѣе будетъ хуже. — „Вѣдь, отрѣзываютъ же ваши медики члены, пораженные гангреной,—говорилъ онъ:—и медики тутъ, пожалуй, правы; а это развѣ не гангрена?“

Однажды, какъ впослѣдствіи вспоминала Марѝ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Алексѣя и его жены, Серафима была съ Соймоновыми, въ ихъ ложѣ, въ оперѣ *Семира и Азоръ*. Оставшіеся дома Глѣбъ и Алексѣй, послѣ дневныхъ разъѣздовъ и хлопотъ, сидѣли въ столовой. Марѝ, разливая имъ чай, работала здѣсь же въ пяльцахъ. Подъѣхалъ Спесивцевъ. Усѣвшись, по обыкновенію, своею плотною, мѣшковатою фигурой поглубже въ кресло, онъ сообщилъ, что смуты отъ Яицка перешли и на Волгу и что, хотя казакъ Богомоловъ, объявившій себя въ Поволжьѣ императоромъ Петромъ Третьимъ, пойманъ и, сосланный въ Сибирь, на дорогѣ умеръ, народъ не вѣритъ этому и снова ждетъ его появленія.

— Не доставало еще этого!—сказалъ Спесивцевъ:—былъ у насъ самозванецъ-царь изъ шляхтичей, теперь пророчатъ царя-мужика.

— Ну, вы уже слишкомъ, — замѣтилъ, поморщившись, Глѣбъ, вообще не любившій у себя политическихъ разговоровъ:—не хотите ли чаю? вы устали?

— Вы желаете замять разговоръ? — вздохнулъ Спесивцевъ: — извольте; не будемъ вывѣдывать вашихъ тайнъ! Спрашиваете, не усталъ ли я? Неужели вы думаете, что врачи безъ практики только и дѣлаютъ, что лежатъ на боку, да созерцаютъ собственное достоинство?

— А чѣмъ же имъ еще заниматься? — спросилъ, ближе придвигаясь къ столу, Алексѣй.

Марѝ налила и подала доктору стаканъ чаю.

— Помилуйте, господа,—произнесъ съ важностью Спесивцевъ:— да у насъ, могу васъ увѣрить, болѣе дѣла, чѣмъ у любой вашей врачебной знаменитости, прописывающей рецепты для облегченія смертнымъ отправиться на тотъ свѣтъ. Я, напримѣръ, сегодня хоть и былъ

огорченъ слухами о Волгѣ, бѣгалъ по всему городу для вразумленія одной сердечно-больной...

— Это любопытно,—произнесъ Глѣбъ:—въ чемъ же ея болѣзнь? утолщеніе сердечной перепонки, что ли?

— Ничуть,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—милая бабенка просто вздумала топиться.

— По какой причинѣ?

— Предметъ ея страсти — женатый человѣкъ, а у его жены,—какъ бы вамъ точнѣе выразиться?—морское, семимильное зрѣніе. Она все выслѣдила, разгадала и теперь не спускаетъ своего шалуна ни на минуту съ глазъ.

— Ну, и что же съ этою вашею паціенткой?—спросилъ Глѣбъ.

— Сегодня утромъ, извѣщенный ея сестрой, я захватилъ ее у проруби, на Яузѣ, а вотъ только-что вечеромъ едва догналъ ее, на извозчикѣ, у Дорогомиловскаго моста и буквально всю измокшую вытащилъ изъ тамошней портомойни. Опоздай я на минуту, пошла бы ко дну.

— Какъ же вы узнали о второмъ покушеніи?

— Извѣстилъ сердобольный мужъ утопленницы, спокойно, между тѣмъ, измѣнившій своей женѣ.

— Да вы, извините, сочиняете,—сказалъ Глѣбъ:—что-то невѣроятно; вы ужъ очень великодушно и такъ все кстати поспѣваете для спасенія своей героини.

— Ничуть, Глѣбъ Андреевичъ, ей-ей!—отвѣтилъ Спесивцевъ:—я потому собственно и поспѣваю, что, въ качествѣ врача безъ практики, занимаюсь настоящимъ дѣломъ, то-есть бью баклуши... И ничего тутъ великодушнаго нѣтъ; вѣдь я, въ нѣкоторомъ родѣ, даже зло поступилъ,—возвратилъ несчастную жертву измѣннику-мужу... Великодушіе, доброта! А знаете ли, Нина Александровна, — обратился докторъ къ Нинетъ:—ваши добрые яицкіе казаки, по послѣднимъ слухамъ, предавая смерти своихъ начальниковъ, не только вѣшали ихъ внизъ головой и вбивали имъ въ голову гвозди, но еще рубили имъ ноги и руки и, въ такомъ видѣ, истекающихъ кровью, пускали ползать, для забавы толпы... это ли не доброта? Да здравствуетъ великодушный русскій народъ!

Нинетъ молча встала со стула и, уходя, такъ сердито двинула имъ, что пудра посыпалась съ ея волосъ и съ покрывшагося румянцемъ лица.

VI.

Всѣ разсмѣялись. Разговоръ коснулся вообще женщинъ, ихъ характеровъ и любви къ мужчинамъ, и перешелъ къ такъ называемой

супружеской измѣнѣ. Спесивцевъ попросилъ еще стаканъ чаю, налилъ въ него сливокъ и, съ позволенія Марѝ, закурилъ трубку. Глѣбъ и Алексѣй курили рѣдко.

— А въ самомъ дѣлѣ, господа, — сказалъ докторъ, обратясь къ Глѣбу и къ Алексѣю:—какъ вы смотрите на измѣну?

— Кого?—спросилъ Алексѣй.

— Разумѣется, жены,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—это для вашихъ братій, женатыхъ, интереснѣе, ближе.

— Вопросъ щекотливый,—произнесъ Алексѣй.

— Пустое толченіе воды,—прибавилъ, нахмурясь, Глѣбъ.

— Однако же, скажите ваше мнѣніе,—обратился докторъ къ Глѣбу:—хотя бы для подтвержденія того, что это, по вашему, пустяки.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Глѣбъ:—кто же изъ-за этого полѣзетъ на стѣну? Дѣло пустое, хоть и ужасное, и вотъ почему...

Онъ помолчалъ съ секунду и, не глядя на жену, спокойно облокотился о столъ. Сердце Марѝ невольно забилось.

— „Что-то онъ скажетъ?“—мыслила она.

— Если бы моя жена мнѣ измѣнила,—произнесъ съ разстановкою Глѣбъ:—я, безъ сомнѣнія...

— Ну, ужъ уволь меня-то хоть слушать ваши признанія,—перебила Марѝ, вспыхнувъ и съ сердцемъ отодвигая пяльцы.

— Нѣтъ, ради Бога, останьтесь,—обратился къ невѣсткѣ Алексѣй.

Глѣбъ, съ улыбкой, придержалъ Марѝ за руку.

— Если бы мнѣ измѣнила моя жена,—сказалъ онъ спокойно:—я объ этомъ, разумѣется, никогда не помышлялъ... но, если бы это случилось,—полагаю и даже убѣжденъ,—что я на это взглянулъ бы какъ на Божью кару, и безропотно покорился бы ей.

Слезы негодованія кипѣли въ горлѣ Марѝ. Она готова была осыпать мужа укоризнами, жестокою бранью, и молчала, слѣдя за его, какъ ей показалось, не искреннимъ и лукавымъ лицомъ.

— И мнѣ думается,—продолжалъ Глѣбъ, не глядя на жену:—что тутъ, въ такой бѣдѣ, не правда ли, все уже непоправимо. Чужой души не осилишь. Чувства и совѣсть свободны. Полагаю, что я простилъ бы виновницѣ и, неся тяжкій крестъ, желалъ бы ей одного—счастья съ другимъ.

— Ну, ужъ это... ну, ужъ извини, — сорвавшимся, злымъ голосомъ, крикнулъ Алексѣй:—все это, братецъ, вздоръ, оскорбительный бредъ у тебя—и только!

Всѣ удивленно взглянули на Алексѣя. Онъ сидѣлъ блѣдный, судорожно постукивая по столу костянымъ десертнымъ ножикомъ, и, сердито отдуваясь, растерянно смотрѣлъ на всѣхъ широко-раскрытыми глазами.

— Не согласны?—проговорилъ онъ, привставъ и какъ-то криво улыбаясь:—о, разумѣется, я не пѣлъ бы ощипаннымъ соловьемъ! Не пошелъ бы на такія нѣжныя и унизительныя тонкости! Скажу прямо... Убѣдясь въ измѣнѣ, я выслѣдилъ бы виновныхъ и спряталъ бы въ рукахъ увѣсистый желѣзный ломъ.

— И затѣмъ?—спросилъ, глядя на него, Глѣбъ.

— А ужъ извѣстно, что... уложилъ бы на мѣстѣ измѣнницу и ея счастливаго соблазнителя! — глухо выговорилъ Алексѣй, такъ сжавъ при этомъ въ рукахъ ножикъ, что тотъ хрустнулъ пополамъ.

— Да какой же вы азіятъ, право, трехбу́нчужный паша!—сказалъ, съ усмѣшкой, Спесивцевъ:—и вамъ не жаль? Двойное убійство!

— А ужъ какъ тамъ хотите! — рѣзко отвѣтилъ, все еще волнуясь, Алексѣй:—нашъ родъ не изъ податливыхъ; одинъ нашъ предокъ, слыхалъ я въ дѣтствѣ, подъ пьяную руку, не то засѣкъ, не то замуровалъ въ стѣну живую, невѣрную жену.

Глѣбъ также нахмурился.

— Не помню я что-то такой легенды о нашихъ предкахъ,—сухо сказалъ онъ:—впрочемъ, ты старше меня и всегда отличался сильною памятью... или это, можетъ быть, предокъ со стороны твоей матери?

Алексѣй, ничего не отвѣтивъ на это, прошелся по комнатѣ. Его лицо омрачилось, губы судорожно вздрагивали.

Съ искреннимъ сочувствіемъ взглянувъ на него, Марѝ незамѣтно оставила столовую, добрела до спальни и, горячо рыдая, упала въ подушку лицомъ. Кто-то тихо вошелъ въ комнату, нагнулся надъ нею. Она почувствовала нѣжное прикосновеніе Глѣба. Онъ цѣловалъ ей голову, плечи.

— Прости меня, Маша, я обидѣлъ тебя,—говорилъ онъ, ставъ у ея изголовья на колѣни:—то была шутка, вздорная, дружеская болтовня... ну, сорвалось! Я хотѣлъ просто подзадорить ревнивца—брата...

— Ахъ, оставь меня, недобрый, оставь! — отвѣтила Марѝ, въ слезахъ, отстраняя его:—развѣ шутятъ такъ безпощадно и зло? и развѣ я... твоя жена... могла бы когда-нибудь...

Размолвка Марѝ съ мужемъ длилась недолго. Марѝ старалась забыть о ней, хотя происшедшее оставило въ ея душѣ какое-то смутное, ей самой непонятное ощущеніе, родъ гнетущаго предчувствія.

Близилась масляная недѣля, а съ нею увеличивались городскія удовольствія. Сдѣлка о лѣсѣ съ купцомъ Прядышевымъ также подходила къ счастливому концу. Въ началѣ поста, Алексѣй и Серафима располагали возвратиться въ деревню. Слухи изъ-за Волги

стали спокойнѣе. Посланный на Яикъ новый начальникъ, по свѣдѣніямъ канцеляріи главнокомандующаго, окончательно усмирилъ бунтовщиковъ.—„Яицкая чума вырвана съ корнемъ, какъ и наша въ Москвѣ!“ — сказалъ на одномъ изъ своихъ раутовъ князь Волконскій, укротитель московской чумы. Всѣ повторяли эти слова. Москва веселилась въ эту зиму, какъ никогда. Въ ней тогда считалось до пятнадцати театровъ и до десяти тысячъ музыкантовъ.

На масляной у Сѣмоновыхъ ожидались маскарадъ и домашній спектакль. Говорили, что здѣсь готовятъ новую парижскую оперетту *Rosière de Salency* и веселый водевиль *Les moeurs du temps*. У Сѣмоновыхъ, въ то время, собиралось разнообразное и веселое общество, высшій свѣтъ и нѣкоторая доля средняго, богатаго московскаго круга, а главное — много молодежи. Хозяева незадолго передъ тѣмъ возвратились изъ-за границы, упоенные Парижемъ и его модами. То и дѣло въ Москвѣ говорили о ихъ вечерахъ, многочисленныхъ кавалькадахъ, катаньяхъ и шумныхъ пикникахъ. Серафима давно мечтала объ этихъ удовольствіяхъ и вотъ—ее не только пригласили на этотъ вечеръ, но и предложили ей взять на себя роль въ опереттѣ. У нея, еще въ пансіонѣ, былъ хорошій голосъ, и она очень мило и бойко могла спѣть предложенную ей каватину и участвовать въ дуэтѣ.

Въ числѣ другихъ любителей-артистовъ сѣмоновскаго спектакля были: гостившій въ Москвѣ, какой-то раненый морякъ и Ѳедоръ Пря́дышевъ, молодой сынъ купца, съ которымъ Алексѣй велъ переговоры о займѣ. Серафима приняла предложенную ей роль и трепетала, въ ожиданіи назначеннаго вечера. Благодаря Марѣ, упросившей мужа, знакомый Глѣбу поставщикъ Шереметевскаго театра, Имберхъ, подрядился снабдить Серафиму костюмами для роли, а каватину и свою роль въ дуэтѣ она стала репетировать у знаменитаго Компа̀сси.

Дамскій кругъ Дуга̀новыхъ только и говорилъ объ этомъ, предстоящемъ вечерѣ, со всѣхъ сторонъ разбирая приглашенныхъ пѣвцовъ. Раненый морякъ пѣлъ весьма хорошо, но былъ мѣшковатъ и въ обществѣ застѣнчивъ. Ѳедоръ Пря́дышевъ или Теодоръ, какъ его вездѣ звали, хотя былъ слабъ въ пѣніи, но за то представлялъ изъ себя, какъ говорятъ, вполнѣ интереснаго и милаго молодаго человѣка. Его отецъ, имѣвшій на Уралѣ золотые пріиски, а подъ Москвою, за Рогожскою заставой, мѣдно-котельный заводъ, гдѣ изстари отливались колокола, былъ крутаго нрава купецъ, изъ старообрядцевъ. Все его состояніе принадлежало женѣ, у отца которой онъ въ молодые годы служилъ простымъ приказчикомъ. Разбогатѣвъ женитьбой и увеличивъ заводское производство, онъ ни въ чемъ не прекословилъ женѣ, а та души не чаяла въ ихъ единственномъ сынѣ. Благодаря

ея капризу и совѣтамъ Соймоновыхъ, съ которыми Прядышевъ имѣлъ денежныя дѣла, Теодоръ, крестникъ Соймонова, учился нѣкоторое время у гувернера-француза, потомъ проходилъ науки въ одномъ изъ модныхъ московскихъ пансіоновъ и, наконецъ, съ семействомъ крестнаго отца, провелъ два года за-границей, откуда, къ изумленію старика Прядышева и къ неописанной радости его жены, возвратился истиннымъ петѝ-мéтромъ: во французскомъ, бархатномъ кафтанѣ, въ башмакахъ, съ серебряными пряжками и съ напудренною косой. Любуясь нарядомъ и цвѣтущею наружностью Ѳеди, старуха Прядышева, тайно отъ мужа, щедро снабжала сына деньгами и, довольная тѣмъ, что Ѳедя, возвратившись изъ заморскихъ краёвъ, водился не только съ сыновьями первыхъ богачей изъ купцовъ, но и съ высшею, знатною молодежью столицы, сквозь пальцы смотрѣла на его удалыя похожденія и подчасъ громкіе кутежи.—„Смотри, Аграфена, попадется Ѳедька,—говорилъ ей иногда мужъ:—не поглядитъ тогда начальство, что мы съ тобой первой гильдіи, живемъ въ эдакихъ хоромахъ и ходимъ въ соболяхъ, забрѣютъ окаянному лобъ!“—„Э, Савва Ильичъ,—отвѣчала на это, позѣвывая и крестясь, жена:—молодо вино, перебродитъ; не киснуть ему этакъ-то, на печи“...

У Соймоновыхъ и въ домахъ другихъ баръ Теодоръ былъ принятъ, какъ толковали, не столько изъ пріязни къ нему самому, сколько изъ почтенія къ сундуку его папаши. Старый крѣпышъ Прядышевъ, пуская подъ шумокъ крупную часть доходовъ за большіе проценты, охотно ссужалъ деньгами разныхъ баръ. Но въ то время, какъ дикообразный и стриженный въ скобку старикъ Прядышевъ ходилъ въ длинноломъ кафтанѣ и въ сапогахъ выше колѣнъ, румяный и стройный Теодоръ постоянно одѣвался, какъ куколка,—то въ синемъ демократическомъ сюртукѣ, то во фракѣ, съ круглою шляпой, тростью и часами, завитой, какъ пасхальный барашекъ, и съ огромнымъ золотымъ лорнетомъ. Въ театрѣ и маскарадахъ Ліона онъ обращалъ на себя вниманіе молодежи. Онъ по модѣ душился, румянилъ себѣ и безъ того румяныя губы, посыпалъ свои букли пудрою grise и пудрою blonde и, хотя не нюхалъ табаку, носилъ, однако, въ карманахъ табакерки, съ портретами красавицъ, или изображеніями въ родѣ сердца, пронзеннаго стрѣлой, причемъ также, ради моды, помышлялъ и о метрессѣ.

VII.

Теодоръ страстно любилъ цыганское пѣніе и нѣкоторое время, по слухамъ, до того увлекался красотой и пѣснями цыганки Луши, что, если бы хоръ удалаго Пантю́шки, въ которомъ она состояла,

не уѣхалъ неожиданно куда-то изъ Москвы, онъ, вѣроятно, женился бы на ней. Это было до его поѣздки за границу. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряли, онъ нѣсколько остепенился. Увлеченіе цыганами вызвало въ юномъ Прядышевѣ склонность къ музыкѣ. Посѣщая концерты и оперу, онъ началъ брать уроки пѣнія у Добервиля, а спустя нѣкоторое время, рѣшился кое-гдѣ пѣть и самъ. Въ виду затѣяннаго у Сѣймоновыхъ театра, знакомыя дамы гурьбой пристали къ Теодору и, какъ онъ ни упирался, убѣдили его также принять участіе въ опереттѣ.

Съ тѣхъ поръ, для репетицій отдѣльныхъ арій и дуэтовъ, онъ не разъ посѣщалъ и Дугановыхъ. Серафима сперва безъ смѣха не могла смотрѣть на него, когда онъ, въ видѣ кудряваго, пасхальнаго купидона, разряженный и надушенный, робко появлялся у нихъ, входилъ на цыпочкахъ, по знаку становился среди залы и, подъ аккомпаниментъ клавикордовъ, уморительно раскачиваясь и размахивая руками, вытягивалъ передъ зеркаломъ свои ноты.

— Ахъ, какой онъ забавный, смѣшной!—хохоча до слезъ, говорила Серафима, выскакивая въ гостиную, гдѣ Марѝ сидѣла за шитьемъ для Васи, и принимаясь тормошить ее и цѣловать:—ну, видѣла ли ты, Маша, другое подобное чудовище?

Марѝ серьёзно отвѣчала, что не видѣла. Теодоръ служилъ безконечною темой для насмѣшекъ Серафимы.

До спектакля оставалось нѣсколько дней. Спѣвки и всякія приспособленія къ нему кончились. Послѣ театра, всему обществу,—артистамъ и зрителямъ,—Сѣймоновы готовили сюрпризъ,—поѣздку, на двадцати ямскихъ тройкахъ, за Серпуховскую заставу, на ихъ лѣтнюю красивую мызу, гдѣ гостей ожидалъ пышный ужинъ и танцы, подъ музыку роговаго архаровскаго хора.

Былъ вечеръ субботы, канунъ масляной. Алексѣй повезъ Серафиму на послѣднюю спѣвку къ Сѣймоновымъ. Глѣбъ въ тотъ день дежурилъ у князя и еще не возвращался. Нинѣтъ также гдѣ-то была въ гостяхъ. Марѝ осталась дома одна, за неотложнымъ дѣломъ. По субботамъ она обыкновенно собственноручно мыла своего Васю. Пройдя въ его горенку, гдѣ уже была готова грѣтая вода и гдѣ няня, сѣдая Сысоевна, держала на рукахъ распеленатаго и нетерпѣливо-кричавшаго ребенка,—Марѝ переодѣлась въ ночной капотъ, завѣсилась передникомъ и только-что принялась мыть сына, какъ въ дверяхъ показался мужъ.

— Ты будешь на сѣймоновскомъ спектаклѣ?—спросилъ онъ, садясь поодаль, у окна.

— Разумѣется!—отвѣтила Марѣ, намыливая безволосую головку и пухлую спинку пріятно-замолкшаго Васи:—столько было приготовленій, хлопотъ; притомъ Серафима... а взгляни-ка на этого розоваго жука, какъ онъ шевелитъ щупальцами ..

Глѣбъ посмотрѣлъ на сына, потомъ на Сысоевну, сердито и молча, съ готовыми пелёнками, стоявшую въ сторонѣ. Старуха Сысоевна, хотя няньчила когда-то самого Глѣба, терпѣть не могла, когда баринъ, въ неурочное время, входилъ въ оберегаемое ею, заповѣдное царство ея новаго питомца.

— О Серафимѣ и рѣчь,—сказалъ по французски, съ необычнымъ раздраженіемъ въ голосѣ, Глѣбъ: — твоя пріятельница, а теперь и сестра, начинаетъ, наконецъ, выводить меня изъ терпѣнія...

„Ну, тебѣ не нравится ея бѣготня съ визитами, а особенно это появленіе на театральныхъ подмосткахъ,— подумала Марѣ, продолжая въ теплой, мыльной водѣ мыть Васю:—вотъ ты и злишься; да что же, не всѣмъ сидѣть взаперти! воображаю, что было бы,—прибавила мысленно Марѣ: — еслибъ и я вздумала участвовать въ спектаклѣ! вотъ поднялся бы ураганъ!“

— Что, же, однако, сдѣлала моя пріятельница и сестра?—спросила по-французски Марѣ, въ послѣдній разъ окачивая ребенка теплою, настоянною на травахъ водой и готовясь вынуть его изъ корыта: —чѣмъ она предъ тобою провинилась?

— Она становится сказкой города,—произнесъ медленно Глѣбъ:— этотъ матушкинъ сынокъ, этотъ молокососъ Прядышевъ такъ откровенно и такъ нагло за нею ухаживаетъ.

— У мужчинъ всегда виноваты женщины, иной разъ не только правыя, но и совершенно безупречныя! — небрежно отвѣтила Марѣ, подавая Васю въ нагрѣтыя, раскрытыя пелёнки Сысоевнѣ.

— Послушай, Маша, — сказалъ серьёзно и съ особымъ ударе-ніемъ Глѣбъ:—ты не ребенокъ, поймешь! Что этого недоросля вездѣ принимаютъ и что онъ за тою или другою изъ дамъ смѣетъ ухаживать, это возмутительно, но еще не особая бѣда, но толкуютъ о худшемъ,—будто Серафима. Ну, ты этому не повѣришь,—а говорятъ, что она къ нему неравнодушна и даже... раздѣляетъ его страсть...

Марѣ уже собралась-было расхохотаться на эти слова, но взглянула на мужа и остановилась. Его обыкновенно доброе и спокойное лицо было на этотъ разъ строго-озабоченно и печально.

— Пустая сплетня, пошлая выдумка!—сказала Марѣ, взявъ мужа за руку:—Серафима! да возможно ли это? мать троихъ дѣтей!

— Къ сожалѣнію, не сплетня,—съ тою же внушительностью и строгостью отвѣтилъ Глѣбъ: — и я прошу тебя, Маша, ради брата

Алексѣя, а особенно тѣхъ крошекъ, о которыхъ ты упомянула, — переговори объ этомъ, да прямо и безъ обиняковъ, съ Серафимой, вразуми её и дай ей добрый, родственный совѣтъ...

— Какой?

— Немедленно бросить эту сѳймоновскую дребедень, а вслѣдъ затѣмъ и Москву.

— Но неужели это такъ важно? — спросила Марѝ, все еще не вѣря слухамъ о Серафимѣ.

— Настолько важно,—продолжалъ Глѣбъ:—что пока злыя вѣсти не дошли до Алёши, настой, чтобы она сегодня же, подъ предлогомъ боли горла, что ли, отказалась отъ участія въ спектаклѣ, а завтра—съ Богомъ — и въ Горки! Имъ помогъ, кстати, отецъ Прядышева, прямо купилъ у нихъ лѣсъ; Алёша получилъ деньги и будетъ радёшенекъ скорѣе уѣхать изъ Москвы. У нихъ въ деревнѣ многое еще не устроено и главное—сильно распущены крестьяне. При жизни отца Серафимы они состояли на оброкѣ, Алексѣй же, видя ихъ обѣднѣніе и желая имъ добра, возвратилъ ихъ на барщину. Не нравятся мнѣ вообще эти приволжскіе своевольцы; дерзки, отзывчивы на всякіе дикіе слухи, а въ Горкахъ притомъ половина села—старовѣры...

Утромъ слѣдующаго дня, Марѝ, съ невольнымъ смущеніемъ, прошла на верхъ къ невѣсткѣ. Серафима готовилась ѣхать на генеральную, въ полныхъ костюмахъ, репетицію спектакля, который долженъ былъ состояться черезъ два дня, и была въ красивомъ, такъ шедшемъ къ ней, нарядѣ ардѐнской пастушки.

Она сидѣла передъ овальнымъ, въ фарфоровой рамѣ, зеркаломъ, полученнымъ Марѝ въ подарокъ отъ свекрови. Горничная кончала уборку головы Серафимы.

— Вышли свою дуэнью,—сказала Марѝ по-французски:—у меня къ тебѣ важное дѣло.

Серафима отпустила горничную, приколола къ волосамъ послѣдній цвѣтокъ и спокойно встала.

— Вотъ я и готова,—сказала она, цѣлуя Марѝ:—что тамъ за важныя у тебя дѣла?

— Ma belle espagnole,—начала Марѝ, по возможности сдержанно:—ты не поѣдешь на эту репетицію и вообще на этотъ спектакль.

Серафима, съ удивленіемъ, подняла на нее глаза. Въ нихъ свѣтилась веселая, недовѣрчивая усмѣшка.

— Что за вздоръ?—сказала она:—ты шутишь... Москва, что ли, провалилась, или сгорѣлъ театръ?

— То и другое цѣло; но выслушай, ради Бога, и разсуди.. вотъ что случилось.

Торопясь и обрываясь, Марѝ, на сколько могла, въ точности

передала ей сообщенное Глѣбомъ. Серафима измѣнилась въ лицѣ, сильно побѣлѣла.

— Это сказалъ тебѣ, выдумалъ Алексѣй!—произнесла она:—понимаю... какая злость! вѣчныя подозрѣнія, снаружи — кротость, а внутри—адъ.

— Да не онъ, помилуй, вовсе не твой мужъ! — спѣшила Марѝ успокоить ее:—во всякомъ же случаѣ—дѣло серьёзное, надо принять мѣры.

— Такъ кто же, говори, кто это сообщилъ?

— Объ этомъ трубятъ всѣ.

Серафима замолчала.

— Какая низость!—проговорила она, ломая руки:—и съ какой стороны ударъ?.. здѣсь такъ трудно оправдываться...

— Такъ ты невиновна, правда?—обрадовалась Марѝ:—о, скажи, ты равнодушна къ Теодору? все это клевета?

Серафима тихо обняла Марѝ. Въ ея глазахъ стояли слезы; они горѣли оскорбленнымъ достоинствомъ.

— Чуть намъ кто-либо понравится,—сказала она:—ну, едва отведешь душу, забудешься въ невинномъ и простомъ разговорѣ,—сейчасъ кричатъ: измѣна, разбой...

— И онъ, не правда ли, чуждъ твоей душѣ?—спросила Марѝ, стараясь побороть въ себѣ и тѣнь подозрѣнія:—еще недавно ты такъ надъ нимъ смѣялась!

— Ахъ, Машенька, да вѣдь это—сама жизнь!—произнесла Серафима, полузажмурясь, точно видя передъ собой нѣкое чудное видѣніе и сторонясь отъ его ослѣпительныхъ лучей: — и какъ чувствителенъ, пылокъ, какъ добръ!

Марѝ похолодѣла отъ ужаса.

— Такъ ты, слѣдовательно, влюблена?—вскрикнула она.

— О, пѣтъ, пустяки! но что это за наивный, милый мальчикъ, ну, чисто дѣвичья непорочность!—стискивая руки Марѝ, шептала, какъ во снѣ, Серафима:—что за самоотверженіе, преданность; а глаза—глаза... Прежде я этого не замѣчала.

— И онъ знаетъ твое мнѣніе о немъ? — съ ужасомъ спросила Марѝ, почти не сознавая, что говоритъ: — а твой мужъ? тебѣ его не жаль?

Серафима очнулась, прошлась по комнатѣ.

— Ахъ, да... про какія, однако, чувства ты говоришь? ужъ вотъ вздоръ!—небрежно сказала она, оборотясь къ зеркалу и смотрясь въ него: — ничего этого не было и пѣтъ, пѣтъ! Все это я сочинила, а мужчины такіе гнусные и негодные ревнивцы!

— Такъ, честное слово, ничего между вами не было?

— Разумѣется... я надъ тобой просто подтрунила, прочла тебѣ свою роль изъ оперетки... Кромѣ шутокъ, это изъ нея... сама ты увидишь!

Марѝ отрадно вздохнула.

— А если ничего не было, — сказала она, вспомнивъ совѣтъ Глѣба и хватаясь за него, какъ за соломенку:—то тѣмъ лучше. Тебѣ стоитъ только послать къ Соймоновымъ отказъ отъ ихъ спектакля, напиши, что заболѣла горломъ, и все разсѣется, какъ дымъ.

При этомъ, въ видѣ собственной мысли, Марѝ предложила Серафимѣ, для избѣжанія дальнѣйшихъ и возможныхъ пересудовъ, немедленно уѣхать изъ Москвы. Она высказала это рѣшительно и напрямикъ.

— Ну, выдумай что-нибудь иное,—прибавила она:—скажи Алексѣю Андреевичу, что ты видѣла сонъ, безпокоишься за него и за здоровье дѣтей.

— Ни за что, слышишь ли, ни за что!—отвѣтила ей съ сердцемъ Серафима:— какъ? чтобы я уступила городскимъ, гнуснымъ сплетнямъ? чтобы струсила, выставила себя смѣшною передъ всякими безмозглыми болтунами? никогда!

VIII.

Проговоривъ это, она сѣла, но не надолго, и опять стала ходить. Ея лицо раскраснѣлось, глаза горѣли. Во всей ея фигурѣ выражалась твердая и спокойная увѣренность въ себѣ.

— Повторяю тебѣ, ничего не было, нѣтъ и не будетъ! — заключила она, остановясь передъ Марѝ: — довольно тебѣ этого? вѣришь теперь, убѣждена?

— Вѣрю,—тихо отвѣтила Марѝ.

„И въ самомъ дѣлѣ,—думала она, глядя на Серафиму:—ну, съ чего ей такъ вдругъ обезумѣть, забыться въ концѣ и еще съ кѣмъ? съ Ѳедоромъ Прядышевымъ! Да онъ ея мужу, этому превосходному человѣку, не годился бы въ лакеи... и она такъ недавно еще искренно и весело осмѣивала его..“

— А если вѣришь,—сказала, помолчавъ, Серафима,—то отнынѣ не говори пустяковъ; не мѣшай мнѣ, въ послѣдній разъ, повеселиться. Вѣдь ты знаешь, въ какую тину мнѣ предстоитъ снова окунуться.

Серафима дружески обняла Марѝ и, надѣвъ шляпку и мѣховой плащъ, прибавила:

— Нашъ театръ, на зло сплетникамъ и подозрительнымъ ревъ-

нивцамъ, непремѣнно состоится, и на немъ будешь, не правда ли, и ты? а за это заранѣе—вотъ тебѣ, вотъ и вотъ.

Она порывисто расцѣловала Марѝ, сбѣжала внизъ, сѣла въ экипажъ и уѣхала.

Марѝ, по возможности, откровенно передала Глѣбу свой разговоръ съ Серафимой, обойдя только и нѣсколько смягчивъ ея отзывъ о Теодорѣ.—„Уѣдутъ, разсуждала Марѝ:—она снова увидитъ дѣтей, забудетъ мимолетную встрѣчу, и все обойдется благополучно“. Глѣбъ остался недоволенъ ея сообщеніемъ.

„Бѣдный Алёша!“—прошепталъ онъ:—„добрякъ, очевидно, ничего и не подозрѣваетъ“.

Онъ сердито теръ себѣ лобъ.

— Впрочемъ, братъ уже укладывается,—сказалъ онъ, оживясь:—взялъ сегодня наши чемоданы,—столько у нихъ накопилось всякихъ покупокъ; часть вещей отправляетъ завтра по почтѣ впередъ. Нечего дѣлать,—утромъ, послѣ этого театра и пикника, я самъ помягче намекну ему на необходимость прекратить скорѣе нелѣпые толки, а когда они уѣдутъ,—дастъ Богъ, все уладится, Серафима одумается въ деревенской тиши.

Съ невольнымъ, гнетущимъ чувствомъ Марѝ ожидала назначеннаго вечера. Дугаловы отправились къ Соймоновымъ. Спектакль прошелъ очень удачно. Марѝ еще кормила сына, и потому, едва кончилась оперетта, въ которой пѣла Серафима, она подала знакъ мужу. Они незамѣтно оставили зрительную залу, пробрались къ выходу, подъ громомъ вызововъ и рукоплесканій, которыми публика искренно привѣтствовала на сценѣ сіяющую торжествомъ успѣха и счастія Серафиму, и уѣхали.

Алексѣй Андреевичъ, неловко оглядываясь и растерянно принимая привѣтствія и поздравленія съ успѣхомъ жены, подозвалъ брата и шепнулъ ему, что онъ рѣшился остаться до конца вечера.—„Потянутъ бѣднаго и на пикникъ!“ — думала Марѝ, скользя по морозу на улетающихъ саняхъ. Потомъ она съ Глѣбомъ узнала, что у Алексѣя, отъ волненія за игру жены, сильно разболѣлась голова и что онъ возвратился, когда кончился водевиль, поручивъ жену хозяйкѣ дома, которая, встрѣтивъ его у выхода, молила, до конца этого послѣдняго вечера, не лишать ихъ общества такой милой и очаровательной гостьи.—„Вѣдь скоро пость!“—говорила она, обмахиваясь вѣеромъ и молящими глазами глядя на Алексѣя.

„Ну, будетъ утромъ исторія!“ — размышляла Марѝ дома, накормивъ сына и, до невозможности усталая, собираясь спать:—„Глѣбъ,

пожалуй, сразу все скажетъ брату, тотъ Серафимѣ, она вспылитъ... и въ отвѣтѣ за все передъ нею буду, разумѣется, я!"

Глѣбъ всталъ довольно рано. Ему надо было ѣхать къ обычному пріему у главнокомандующаго, и онъ, выпивъ на-скоро, безъ жены, стаканъ чаю, поспѣшилъ къ князю. Марѝ спала очень долго. Ее разбудила Сысоевна.—„Помилуйте, барыня,—говорила она, теребя подъ ея головой подушку: — Василій Глѣбычъ голодны... пора имъ завтракать".—„Какой Василій Глѣбычъ? кто это?"—соображала Марѝ сквозь сонъ, не понимая, гдѣ она и что съ нею.

Она открыла глаза. Сѣренькій день уныло глядѣлъ въ замороженныя окна. Падалъ снѣгъ и по крышамъ сосѣднихъ домовъ срывалась метель. Очнувшись и перекрестясь, Марѝ присѣла на кровати, приняла отъ няни дитя и стала его кормить. Сысоевна молча стояла возлѣ нея. Видно было, что старуха ею недовольна. Глядя на ребенка, въ полномъ блаженствѣ сопѣвшаго на ея рукахъ, Марѝ невольно думала о себѣ: „и по дѣломъ тебѣ, матушка, сама заслужила, забывъ свое дитя!"

— Который часъ?—спросила она няню.

— Двѣнадцатый.

Не поднимая глазъ, Марѝ переложила Васю на другой бочокъ.

— Глѣбушка гдѣ?—спросила она, помолчавъ.

— Извѣстно, гдѣ,—на службѣ,—отвѣтила Сысоевна.

— А папи, Серафима, Алексѣй?

— Что имъ? пешто и у нихъ служба?

— Такъ еще спятъ?

— Не знаю,—сердито отвѣтила Сысоевна:—я къ нимъ не приставница, у нихъ не была.

„Побурчитъ и утихнетъ!"—утѣшалась Марѝ, отдавая нянѣ дитя. На-скоро одѣвшись, она прошла въ столовую, въ надеждѣ застать тамъ Алексѣя и Серафиму; но столовая оказалась пустою. Она вошла въ лакейскую. Слуга Сергѣй сидѣлъ тамъ съ книжкой.

— Что же это ты за чтеніемъ, а чай не готовъ?—сказала Марѝ:—Алексѣй Андреичъ всталъ?

— Встали.

— А барыня?

Сергѣй замялся.

— Спитъ, что ли?—спросила Марѝ.

— Опѣ-съ... ихъ нѣтъ дома... не ночевали.

„Вотъ закутила,—подумала Марѝ:—а впрочемъ, и хорошо сдѣлала, что послѣ танцевъ, по такому холоду и въ темнотѣ, не поѣхала, а осталась ночевать у Сѣймоновыхъ".

— Гдѣ Алексѣй Андреевичъ?—спросила она слугу: — подавай самоваръ и скажи брату, что я жду его къ чаю.

— Ихъ тоже нѣтъ; ѣздили въ городъ и воротились, а теперь опять уѣхали,—отвѣтилъ какъ-то странно Сергѣй.

Марѝ, черезъ гостиную, медленно прошла въ дѣтскую. Сысоевна, укачавъ Васю и завѣсивъ его колыбель, стояла, нагнувшись, у окна во дворъ.

— Что ты, няня, смотришь?—спросила Марѝ.

— Климъ утромъ рано возилъ куда-то Алексѣя Андреевича и опять повезъ.

— За барышей?

— Вѣстимо.

— Она, вѣроятно, у Соймоновыхъ?

— Въ городѣ нѣту-ти ихъ...

— Ну, значитъ, осталась на мызѣ,—сказала Марѝ.

„Къ завтраку, очевидно, не возвратятся,—подумала она:—успѣю, слѣдовательно, съѣздить въ ряды“. Ей надо было еще кое-что купить, въ подарокъ дѣтямъ Алексѣя и Серафимы, и она на извозчикѣ уѣхала въ лавку, соображая, что и Глѣбу сегодня, изъ-за разъѣздовъ брата, придется возвратиться со службы не на своихъ лошадяхъ.

Едва Марѝ, справясь съ покупками, пріѣхала обратно, обогрѣлась и, войдя въ спальню, зажгла свѣчи, въ дверяхъ показался Глѣбъ.

— Скверное, невозможное дѣло! — сказалъ онъ, бросая шляпу на столъ и потирая руки отъ холода: — нажили, нечего сказать... дождались.

— Что̀ случилось?

— Неужели не знаешь?

— Почемъ мнѣ знать!

— И не догадываешься?

— Да говори же...

Глѣбъ помолчалъ.

— Серафима не ночевала дома,—сказалъ онъ.

— Я это слышала,—отвѣтила спокойно Марѝ:—она, за позднимъ временемъ, по всей вѣроятности, осталась у Соймоновыхъ, — и хорошо сдѣлала...

— Алеша былъ въ ихъ городскомъ домѣ,—сказалъ Глѣбъ:—они возвратились, но ея тамъ нѣтъ. Онъ навѣдался сюда, потомъ завернулъ на дежурство ко мнѣ и теперь поскакалъ на мызу. Что̀ скажешь на это?

— Да о чемъ ты безпокоишься?—спросила Марѝ:—Серафима, безъ всякаго сомнѣнія, на мызѣ.

Глѣбъ горько улыбнулся.

— Полно, Машенька,—произнесъ онъ:—это могъ бы еще подумать такой простакъ и слѣпецъ, какъ Алексѣй, а не мы съ тобой.

— Такъ гдѣ же она?

Глѣбъ присѣлъ на софу, взялъ жену за руку.

— Поклянись, она тебѣ ничего по этому не говорила? — спросилъ онъ.

— Ничего... вотъ передъ образомъ.

— Такъ знай же,—объявилъ Глѣбъ:—Серафима, прямо съ пикника... бѣжала съ Ѳедоромъ Прядышевымъ.

Марѣ всплеснула руками.

— Не можетъ быть! кто тебѣ сказалъ?

— Справляться по полиціи,—отвѣтилъ Глѣбъ:—мнѣ, ты понимаешь, было бы не къ лицу. Я обратился къ обычному источнику въ подобныхъ дѣлахъ,—ты догадываешься, безъ сомнѣнія,—къ Спесивцеву. Онъ, какъ и слѣдовало ожидать, все уже, разумѣется, зналъ. Сперва, по обычаю, кроткимъ, невиннымъ голосомъ, отвѣчалъ: „дѣло щекотливое,—я, молъ, полагалъ, что вы сами давно подозрѣваете, и даже, если помните, слегка намекалъ, хотя ни за что еще нельзя поручиться!“—а потомъ прибавилъ: „не я одинъ, и другіе замѣчали, что это готовилось уже давно“. — „Что готовилось?“ — спросилъ я его:—„не томите, ради Бога, скажите прямо и откровенно, если вы истинно къ намъ расположены“. — Но тонкій дипломатъ уперся и сталъ твердить одно: „неудобно и отвѣтственно; извините,—спросите у другихъ“. Тогда я самъ заѣхалъ къ Соймоновымъ.

— Такъ ты былъ у нихъ?—спросила Марѣ.

— Да... не входя въ домъ, я вызвалъ ихъ кучера и спросилъ, съ кѣмъ отъ нихъ уѣхала жена брата? Тотъ, ничего не подозрѣвая, спокойно отвѣтилъ, что, когда стали разъѣзжаться съ мызы, Серафима Львовна сѣла въ сани Ѳедора Саввича Прядышева и уѣхала съ нимъ, приказавъ сказать хозяйкѣ дома, что у нея болитъ голова. Теперь ясно тебѣ? Герой въ пьесѣ похищалъ героиню, ну, они, очевидно, и рѣшили, какъ видишь, разыграть эту пьесу на-яву.

IX.

Какъ громомъ пораженная, Марѣ не находила ни мыслей, ни словъ. Глѣбъ ей еще что-то говорилъ, упоминалъ объ Алексѣѣ и о его положеніи, высказывалъ опасенія за здоровье брата, даже за его жизнь. Марѣ сидѣла, какъ въ туманѣ. Близилось время обѣда. Всѣ въ домѣ съ смущеніемъ ожидали возврата Алексѣя. Обѣдъ прошелъ

безъ него; къ вечернему чаю онъ также не пріѣхалъ. Вечеромъ Глѣбу надо было снова отлучиться, для исполненія какого-то порученія главнокомандующаго, и онъ уѣхалъ.

Разбитая волненіями и нѣсколько недомогая, Марѝ легла спать ранѣе обыкновеннаго. Принеся ей кормить дитя, Сысоевна, вопреки своей обычной говорливости, опять не проронила ни слова и была туча-тучей. Марѝ понимала, что старая, преданная няня, простымъ чутьемъ, угадывала близость грозы и позора въ семьѣ своихъ господъ и, при всей своей наружной суровости, глубоко имъ сочувствовала. Она обыкновенно думала вслухъ: „туда-то надо вотъ пойти, то-то сдѣлать“ — „охъ, затеряла иголку и не найду, — чулочки барчука надо выгладить!“ Теперь же, подавая и затѣмъ унося дитя, она молчала и, только возвратясь изъ дѣтской къ барынѣ, чтобы потушить у нея свѣчи, проговорила про себя: „Охъ-охъ! сѣчь бы нашу сестру, да приговаривать, — не бунтуй, слушай мужа... не было бы этакого окаянства и грѣха“.

Марѝ долго не могла заснуть. Вспомнивъ слова Алексѣя о желѣзномъ ломѣ, она съ содроганіемъ прислушивалась, возвратился ли онъ. Глѣбъ потомъ ей сообщилъ, что и онъ, пріѣхавъ около полуночи домой и заставъ ее спящею, все думалъ о томъ же ломѣ и о неминуемости кровавой развязки.

Передъ утромъ, когда за окнами, въ морозной мглѣ, уже стало бѣлѣть, Марѝ сквозь дремоту померещилось, что къ наружному крыльцу быстро подкатили сани, кто-то вошелъ въ переднюю и медленно сталъ подниматься на верхъ. Ступени деревянной, витой лѣстницы скрипѣли подъ тяжелыми шагами всходившаго. Въ спальнѣ за печкой уныло звенѣлъ сверчокъ. Но вотъ шаги затихли. Позваниванья сверчка охватили Марѝ нѣжною, музыкальною волной. Она забылась тихимъ, спокойнымъ сномъ.

Былъ восьмой часъ утра. Очнувшись и увидѣвъ, что Глѣба уже нѣтъ въ спальнѣ, Марѝ вскочила съ постели, пріодѣлась и прошла къ мужу въ кабинетъ.

— Ну, что?—спросила она, присѣвъ у стола, за которымъ мужъ брился.

— Заперся,—отвѣтилъ Глѣбъ, указывая бритвою на верхъ:—никого не звалъ,—вѣроятно, еще спитъ.

Подали чай. Прислуга ходила въ смущеніи, на цыпочкахъ. Глѣбъ и Марѝ тоже говорили вполголоса, полунамёками, боясь и думать объ исходѣ начавшейся драмы.

— Нѣтъ, я пойду къ нему,—сказалъ, наконецъ, вставая, Глѣбъ:—какъ бы онъ еще чего не натворилъ съ собой?

Онъ поднялся по лѣстницѣ. Марѣ возвратилась въ спальню и упала передъ кіотомъ на колѣни. Она горячо молила Бога вразумить Серафиму и дать ей снова миръ и тишину.

Нерѣшительно и въ раздумьѣ Глѣбъ взошелъ на верхъ, постоялъ у двери брата и постучалъ въ нее.

— Войдите, — отвѣтилъ ему изъ-за двери странный и грубый голосъ, котораго Глѣбъ сперва не узналъ.

Онъ вошелъ, думая, что Алексѣй еще въ постели. Послѣдній стоялъ, не оборачиваясь, у окна, уже одѣтый, въ какомъ-то старенькомъ, отрёпанномъ мѣховомъ бешметѣ, какого Глѣбъ еще не видѣлъ у него. Надъ его широкими, плотными плечами, точно чужая, торчала его большая, всклоченная голова.

— Здравствуй, Алёша,—сказалъ Глѣбъ, подойдя къ нему.

— Здравствуй,—отвѣтилъ Алексѣй, продолжая смотрѣть на улицу.

— Я думалъ, что ты еще спишь.

— Гдѣ спать! Знаешь развязку, конецъ?

— Собственно, вѣрно не знаю, а догадываюсь, — черезъ силу отвѣтилъ Глѣбъ.

— Какія догадки! ну, прямо, открыто, взяла да и бросила, какъ старый, негодный башмакъ.. надоѣлъ, видно,—вотъ и все...

— Полно, дѣло еще поправимо, — сказалъ Глѣбъ, ласково тронувъ брата за плечо.

Алексѣй, съ блуждающимъ взоромъ, обернулся къ нему. По его опавшимъ, вздрагивавшимъ щекамъ текли слезы.

— И за что, за что?—вскрикнулъ онъ, кидаясь въ объятія брата.

Послышались судорожныя, глухія рыданія.

— Тебя ли слышу? — старался утѣшить его Глѣбъ: — стоитъ ли теперь эта особа твоего сожалѣнія, слезъ?

— О, какъ я мало зналъ себя, какъ я былъ самонадѣянъ и слѣпъ! — всхлипывая по-дѣтски, плакалъ на груди Глѣба этотъ большой и сильный, какъ казалось, человѣкъ: — что я буду теперь безъ нея? а дѣти? я погибъ... погибъ!

— Опомнись, братъ! обидчицѣ отнынѣ одно наказаніе—презрѣніе и забвеніе навсегда.

— Глѣбушка, родной мой!—вопилъ Алексѣй, хватая руки брата и цѣлуя ихъ:—спаси меня, помоги.

— Но чѣмъ же тутъ можно помочь?

— Найди ее, уговори! Ничего не жалѣй, слышишь ли, ничего!.. дѣти... О, теперь безъ нея, мнѣ одна участь—смерть.

— Да полно же, голубчикъ, полно.

Глѣбъ усиливался успокоить брата, позвалъ слугу, приказалъ подать стаканъ воды и напоилъ его.

— Не ты ли,—сказалъ онъ, усадивъ Алексѣя:—говорилъ еще недавно иначе? Вспомни, по поводу подобнаго же случая, ты высказывалъ такую твердость и рѣшимость... Ты готовъ былъ преслѣдовать виновныхъ, мстить. Не месть, хотя бы, а мужество въ твоемъ положеніи, разсудительный отпоръ!

— Ахъ, оставь меня, ради Бога... уйди! дай хоть забыться! — крикнулъ, въ отчаяніи, Алексѣй:—эти муки, эта пытка—выше силъ.

Онъ вырвался отъ брата и, упавъ на постель, обхватилъ руками подушку. Его плечи вздрагивали отъ рыданій. Глѣбъ постоялъ надъ нимъ, помедлилъ и вышелъ. Передъ обѣдомъ и въ теченіе вечера Глѣбъ снова заходилъ къ брату: Алексѣй лежалъ неподвижно, лицомъ къ стѣнѣ.

— Послать бы за докторомъ,—сказала мужу Марѝ.

— Ему не того надо, — отвѣтилъ Глѣбъ, въ раздумьи: — нужно мягкое, женское слово; сходи,—не утѣшишь ли ты его?

Марѝ налила стаканъ чаю, велѣла отнести его на верхъ, зажечь свѣчи и сама пошла туда.

Услышавъ ея шаги, Алексѣй всталъ.

— Ахъ, это вы, сестра!—сказалъ онъ, цѣлуя ей руки: — что вы безпокоитесь? мнѣ, право, совѣстно... что-то болитъ голова.

— Полноте, присядьте, вотъ тутъ, — сказала ему Марѝ: — напейтесь горяченькаго чайку, да съ ромомъ.

Она усадила Алексѣя, придвинула ему стаканъ, налила рому и отложила ему любимыхъ печеній.

— Какъ вы добры, — сказалъ Алексѣй, взглянувъ на себя и оправляя свой измятый нарядъ:—стою ли я вашего вниманія?

— Стоите, добрый, милый, все перемелется,—будете еще счастливы.

Алексѣй отпилъ чаю и задумался.

— Сестра,—сказалъ онъ:—не скрывайте, гдѣ Серафима?

Марѝ молчала.

— Она пріѣхала? не рѣшается сюда взойти?

— Пріѣдетъ, возвратится,—отвѣтила Марѝ:—вы только успокойтесь; вотъ вы какъ разстроены, — у васъ дѣти. Какая мать можетъ забыть дѣтей?

— Да, да,—радостно проговорилъ Алексѣй:—вы знаете... вотъ, если бы Глѣбушка тутъ вступился и отыскалъ бы ее... Онъ такой разумный; сразу усовѣстилъ бы ее... Вѣдь, увѣряю васъ, здѣсь просто какое-то навожденіе. Ее околдовали, можетъ быть, опоили. Серафима! да развѣ возможно? Я такъ любилъ ее; ну, убѣжденъ, увидите, если только она встрѣтится съ кѣмъ-либо изъ своихъ, сейчасъ одумается,— пелена съ глазъ спадетъ. Ревновать хорошо безсердечному, крѣпышу,— мнѣ, вижу, не подъ силу... не могу.

„Вотъ она, истинная-то любовь!“ — подумала Марѣ: — „бѣдный! куда дѣвались угрозы и похвальбы объ отместкѣ, даже о кровавой расправѣ?“

— Вѣдь я самъ бы поѣхалъ,—продолжалъ Алексѣй:—и, вѣрите ли, въ это время, клянусь, все думалъ, — гдѣ бы скрываться бѣглецамъ? но, сестра, вы посудите, здѣсь, въ Москвѣ, изъ этого такое поднимутъ и наплетутъ... невозможно! это только повредитъ Серафимѣ.

— Да вамъ, дорогой мой, добрый, и не приходится самому! — сказала Марѣ:—а вотъ Глѣба мы, пожалуй, попросимъ и, я надѣюсь, уговоримъ.

Въ это время вошелъ слуга. Онъ доложилъ, что пріѣхалъ Спесивцевъ и что баринъ проситъ барыню и Алексѣя Андреевича сойти внизъ.

— Вѣрно, какія-нибудь новости, — съ тревогой сказалъ Алексѣй: —вы, сестра, идите впередъ; а мнѣ вотъ надо пріодѣться,—неловко въ такомъ видѣ,—я тоже сошелъ бы внизъ... нѣтъ, останусь, не могу!

— Гдѣ баринъ?—спросила Марѣ слугу.

— Были, съ няней и съ барчукомъ, въ гостиной, теперь пошли за чѣмъ-то въ кабинетъ.

— А докторъ?

— Остались въ гостиной.

Марѣ вошла въ кабинетъ. Глѣбъ доставалъ гостю свѣжаго табаку.

— Ну, что? какъ Алёна? — спросилъ онъ: — успокоился ли онъ?

Марѣ передала ему свой разговоръ съ Алексѣемъ.

— Бѣдная, жалкая тряпка, проворчалъ Глѣбъ:—и ничто его не пройметъ, даже такія испытанія.

— А что новаго привезъ докторъ?—спросила Марѣ.

— Серафимы и ея похитителя въ Москвѣ, оказывается, нѣтъ; докторъ былъ у родныхъ Прядышева,—Ѳедора вчера и нынче искали, но безуспѣшно. И хорошъ, однако, этотъ докторъ, — всегда словоохотливый, а здѣсь едва цѣдитъ слова сквозь зубы, точно даритъ какими-то таинственными откровеніями.

X.

Изъ кабинета въ гостиную Глѣбъ и Марѣ прошли черезъ залу, гдѣ еще не успѣли зажечь канкетовъ, мимо большаго, простѣночнаго зеркала. Въ зеркалѣ наискось отражалась освѣщенная гостиная и въ ней — сидѣвшій на диванѣ Спесивцевъ, передъ нимъ Сысоевна и на его рукахъ Вася.

— И зачѣмъ этотъ пролазъ беретъ на руки дитя? — съ досадой проговорилъ Глѣбъ:—вотъ ужъ терпѣть этого не могу.

— Чего ты сердишься! —прошептала Марѝ: — развѣ не знаешь, онъ вообще такъ любитъ дѣтей; и у Соймоновыхъ — съ ихъ Сашей, и у Смирновыхъ—съ ихъ внучкой—все возится.

— Вездѣ пострѣлъ поспѣетъ,—раздражительно прибавилъ Глѣбъ, замедляясь, какъ бы оправляя свертокъ съ табакомъ: — не люблю я этихъ трутней; бьютъ баклуши, такъ резонёрствуютъ о семейномъ счастьѣ, а втихомолку, чай, сами волокитствуютъ на сторонѣ.

Дугановы вошли въ гостиную.

— А у малаго-то вашего уже и зубъ прорѣзывается,—замѣтилъ Снесивцевъ, отдавая нянѣ дитя: —изъ молодыхъ, да ранній.

— Вотъ вамъ свѣжій табакъ,—сказалъ ему Глѣбъ, стараясь придать своему лицу и голосу спокойное выраженіе: — теперь потолкуемъ о нашей печальной авантюрѣ.

Онъ далъ знакъ нянѣ. Та унесла ребенка. Всѣ сѣли къ столу.

— Ваше, Марья Родіоновна, мнѣніе? — спросилъ Снесивцевъ: — извините, Глѣбъ Андреевичъ, начнемъ съ милой барыни; у барынь всегда лучше и тоньше, въ подобныхъ случаяхъ, соображеніе.

Глѣбъ опять поморщился. Ему не понравилось это небрежное обращеніе гостя къ его женѣ.

— Начинай,— сухо сказалъ Глѣбъ женѣ.

— Я думаю...—отвѣтила она и остановилась:—мнѣ кажется, вопросъ слишкомъ серьёзный и въ немъ, прежде всего, необходимо твое участіе и содѣйствіе,—обратилась Марѝ къ мужу.

— Вѣрно, сударыня, вѣрно! — произнесъ, раскуривая трубку, Снесивцевъ: —и такихъ женъ,—простите, Глѣбъ Андреевичъ, за мою откровенность,—я вездѣ и всегда отъ души превозношу. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что въ настоящемъ дѣлѣ вы одинъ могли бы пособить.

— Но чѣмъ же я-то могу здѣсь быть полезенъ, не понимаю? — нѣсколько смягчившись, отвѣтилъ Глѣбъ:—эта купеческая среда, ихъ обычаи, пріемы... я вовсе съ ними не знакомъ,—притомъ никогда не видѣлъ этого старика Прядышева. Братъ велъ съ нимъ переговоры о займѣ черезъ постороннее лицо.

— Да вѣдь это совершенно просто! ну, вамъ стоитъ только заѣхать къ нему, — сказалъ Снесивцевъ: — ваше положеніе при князѣ, ужъ одинъ вашъ офицерскій мундиръ, помилуйте...

— Мундиръ, мундиръ, — съ неудовольствіемъ опять нахмурился Глѣбъ: — наслышался я объ этихъ сволочныхъ орденцахъ! много имъ дѣла до насъ...

— Струситъ,—произнесъ Снесивцевъ: —положительно струситъ и, если знаетъ, гдѣ его сынокъ, немедленно выдастъ.

Глѣбъ посмотрѣлъ на жену. Та умоляющимъ взоромъ слѣдила за нимъ.

— Гдѣ они живутъ?—спросилъ Дугиновъ:—гдѣ ихъ заводъ?

— За Рогожскою заставой.

— Подумаю,—если братнина бѣглянка не объявится сама.

Прошло нѣсколько дней послѣ исчезновенія Серафимы. Она не появлялась. Алексѣй сталъ самъ не свой; писалъ и рвалъ на верху какія-то письма или былъ въ непрерывныхъ разъѣздахъ и рѣдко обѣдалъ дома. Къ нему на верхъ, то и дѣло, ходили подозрительныя личности, въ чуйкахъ и армякахъ. Марѣ думала, что онъ собирается уже въ дорогу и что приходившіе къ нему люди—рядчики изъ ямщиковъ. Оказалось потомъ, что это были сыщики. Алексѣй уговорилъ-таки брата, и тотъ, съ разрѣшенія князя, предпринялъ черезъ полицію тайные розыски о Серафимѣ. Самъ Алексѣй, тѣмъ временемъ, посѣщалъ церкви и монастыри. Сысоевна, разговорясь, наконецъ, внушительно сообщила Марѣ, что Алексѣй Андреевичъ намедни ѣздилъ къ Неопалимой-Купинѣ, вчера утромъ былъ у Ѳедора Студита, а сегодня, послѣ ранней обѣдни, служилъ молебенъ у Никиты мученика, и что теперь Господь, уже навѣрное, вразумитъ Серафиму Львовну и она, не нынче-завтра, „безпремѣнно объявится во-свояси“. Слѣдовъ Серафимы, однако, нигдѣ не оказывалось, и она не возвращалась домой.

Шла первая недѣля поста.

— Ну, Машенька, займись съ братомъ, развлеки, успокой его!—сказалъ однажды вечеромъ Глѣбъ женѣ:—завтра я ѣду къ Прядышевымъ.

— Такъ ты рѣшился?

— Да, поиски полиціи оказались вполнѣ безуспѣшны.

Марѣ, съ мольбой и надеждой, взглянула на образъ.

Былъ полдень. Стояла морозная, тихая погода. Глѣбъ, на городскихъ санкахъ, миновалъ Рогожскую заставу и, обогнувъ безконечные огороды, подъѣхалъ къ воротамъ прядышевскаго завода. Хозяинъ оказался дома. Тяжелыя ворота со скрипомъ отворились; Глѣбъ въѣхалъ въ обширный дворъ. Въ рабочихъ деревянныхъ службахъ на-право и на-лѣво слышались звуки молотовъ; густой дымъ валилъ изъ трубы надъ закоптѣлымъ, каменнымъ горномъ, гдѣ плавилась руда. Огромныя сторожевыя собаки злобно лаяли, на цѣпяхъ, у воротъ и у подъѣзда хозяйскихъ хоромъ.

Глѣбъ взошелъ на крыльцо. Изъ сѣней, черезъ переднюю, его ввели въ контору, оттуда, черезъ длинный, узкій проходъ, въ небольшую, сильно натопленную комнату, съ горшками гераней на

окнахъ, съ кроватью, подъ стегапнымъ, изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, одѣяломъ и горою подушекъ, и съ огромнымъ, окованнымъ сундукомъ, возлѣ кіота. Въ комнатѣ пахло мятой; на столѣ пыхтѣлъ самоваръ.

У самовара сидѣлъ самъ хозяинъ, толстый, румяный и лысый, въ мѣховой шубейкѣ и съ повязанной головой, очевидно, только что пришедшій изъ бани; а передъ нимъ—тощій и длинный, старообрядческій причётникъ, съ клинообразною бородкой, въ черной, бархатной скуфейкѣ и тоже съ краснымъ и лоснящимся лицомъ. Они пили чай. Глѣбъ, изъ-за двери, услышалъ сдержанный, наставительный басъ причётника: „Ноиѣ всюду грѣхъ и царство сатаны,—и аще бы чинъ,—даже болѣе ангельскій...“ При видѣ офицера, хозяинъ и его собесѣдникъ встали.

— Савва Ильичъ?—спросилъ Глѣбъ, обращаясь къ Прядышеву.

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ тотъ, подвигая Глѣбу стулъ: — что угодно вашей чести?

— Есть дѣло.

Прядышевъ далъ знакъ своему собесѣднику. Тотъ вышелъ, крякнувъ и сердито поглаживая бороду. Прядышевъ не садился и молчалъ. Глѣбъ, опустясь на стулъ, тоже нѣкоторое время молча смотрѣлъ на него. Отецъ Теодора показался ему моложе, чѣмъ онъ ожидалъ. Сильно, ранѣе времени растолстѣвшій, Савва Ильичъ, несмотря на свой короткій ростъ и пухлые, точно обрубленные пальцы, съ перваго раза даже понравился Глѣбу. Его нѣжное и, очевидно, нѣкогда красивое лицо было обрамлено шелковистою, темно-русою бородкой, а сѣрые, задумчивые глаза такъ покорно и кротко смотрѣли на гостя, что Глѣбъ даже подумалъ: „И за что я его такъ винилъ и такъ злился на этого добряка?“

— Вы, разумѣется, догадываетесь,—началъ Глѣбъ:—я пріѣхалъ по дѣлу вашего сына.

— Тэкъ-съ,—сказалъ Прядышевъ, приготовясь слушать.

Глѣбъ сталъ разсказывать. Пока онъ говорилъ, Савва Ильичъ, отеревъ лицо, налилъ ему чаю, придвинулъ ближе банку съ изюмомъ, отлилъ и себѣ изъ чашки на блюдце, взялъ это блюдце на концы обращенныхъ кверху, растопыренныхъ пальцевъ, положилъ въ ротъ изюменку и, наклонивъ на бокъ голову, молча слушалъ.

Глѣбъ передалъ Прядышеву о томъ, какъ его сынъ познакомился съ нимъ, черезъ Соймоновыхъ, какъ онъ, Глѣбъ, и его семья радушно принимали Теодора и какъ, сверхъ всякаго ожиданія, молодой человѣкъ отблагодарилъ за вниманіе къ нему тѣмъ, что позволилъ себѣ дерзкую и возмутительную выходку.

— Совсѣмъ нестоющій!—замѣтилъ Прядышевъ.

— Онъ сталъ ухаживать, — продолжалъ Глѣбъ, едва сдерживая свое волненіе:—за женой человѣка, далеко неравнаго ему ни по его годамъ, ни по положенію.

— Тэкъ-съ, вздохнулъ, не поднимая глазъ, Прядышевъ.

— Вашъ сынъ,—произнесъ Глѣбъ:—пользуясь довѣріемъ добраго человѣка, уговорилъ его жену и, какъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, тайно ее увезъ...

— Скалдырникъ-шельма!—тряхнулъ головой Прядышевъ:—на то Ѳедька мастеръ!

— Я говорю объ Алексѣѣ Андреевичѣ Дугановѣ, — заключилъ Глѣбъ: — сызранскомъ помѣщикѣ; онъ вамъ извѣстенъ, вы имѣли съ нимъ денежное дѣло.

— По конторѣ,—вставилъ Савва Ильичъ.

— Но этотъ Дугановъ — мой родной братъ, — чуть не крикнулъ, возмущенный хладнокровіемъ слушателя, Глѣбъ.

Прядышевъ снова утеръ себѣ лицо и шею, опрокинулъ чашку на блюдце и отстранилъ ее.

— Мы, ваше высокородіе,—сказалъ онъ съ достоинствомъ: — тутъ не причинны и не защитники сорванцу! Я и допрежъ того говорилъ своей бабѣ: смотри, Аграфена, попадетесь; да что толку? вывела курка утя, значитъ—не по рангу! А коли-ежели, какъ передъ Богомъ, правду сказать, то можетъ мы и больше терпимъ. Такъ-то-съ... И хотѣлъ бы укусить локоть, да морда коротка. А гдѣ нонѣ Ѳедька, убей Богъ, не знаемъ.

— Въ чемъ вы терпите?—спросилъ Глѣбъ:—говорите прямо,—не понимаю.

Прядышевъ покосился на дверь.

XI.

— Отецъ Никодимъ, — изволили, чай, видѣть тутъ старичка, — произнесъ Прядышевъ:—мы съ нимъ, значитъ, по простотѣ, на счетъ этого грѣха-съ; такъ вонъ онъ что объявилъ... Коли, говоритъ, Ѳедька-окаянникъ не уважилъ Господа нашего Іисуса и пришедшаго нонѣ поста,—нѣтъ, говоритъ, силы, не токма человѣческой, даже ангельской, чтобъ сломить озорника. У него таперича руки не желѣзныя, а золотыя.

— Какія бы руки ни были, вы—отецъ! — отвѣтилъ Глѣбъ: — по вашему приказу,—объявите только, да безъ лукавства и напрямикъ,—васъ послушаютъ вездѣ.

Прядышевъ робко поднялъ глаза на Глѣба.

— Не шутишь, баринъ?

— Какія шутки!

— И коли-ежели, значитъ, къ городничему обращусь, или къ капитанъ-исправнику?

— Всѣ вамъ помогутъ. Повторяю—вы отецъ и право ваше велико. Я служу при князѣ главнокомандующемъ и тоже предупрежу его...

Пря́дышевъ поднялся и съ секунду нерѣшительно смотрѣлъ на Глѣба.

— Ваше высокородіе!—сказалъ онъ вдругъ, поднявъ руки и падая на колѣни:—не погубите, — знаю, гдѣ Ѳедька... Онъ сманилъ вашу невѣстку, а у меня, собачій сынъ, покралъ казну.

— Что вы говорите?

— Такъ именно-съ, какъ передъ Богомъ! — отвѣтилъ, вставая, Пря́дышевъ:—я это былъ по дѣлу въ Симоновомъ, а его, хмѣльнаго,—должно быть, послѣ попойки да картежной игры,—сволокли сюда незнакомые люди. Мать-потворщица спрятала его въ этой горницѣ. А онъ, дьяволъ, пришелъ въ память, подобралъ ключъ да и вынулъ изъ того вонъ сундука, подъ образами.

— Много взялъ?—спросилъ Глѣбъ.

— Десять тысячъ!—отвѣтилъ Пря́дышевъ:—всю наличность ограбилъ; хоть бросай дѣло, сраму—на вѣкъ!

— Вы заявили полиціи?

— Гдѣ намъ, ваша милость! Люди мы махонькіе... только тягали бы!—проговорилъ, вполголоса и оглядываясь, Савва Ильичъ.

Гость и хозяинъ помолчали.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ Глѣбъ.

— Сами это взялись за умъ... Женѣ не сказано, — баба дура только плакала бы. Свою полицію отправилъ на развѣдки.

— Какую?

— Есть у насъ вѣрные слуги, литейщики. Только, правду сказать, вездѣ искали, не токма по знатнымъ гостинницамъ и домамъ,—по всѣмъ постоялымъ и харчевнямъ, гдѣ только Ѳедькѣ былъ притонъ.

— И нашли?

— Напали, то есть, на слѣдъ.

— Гдѣ же онъ?

Пря́дышевъ вынулъ платокъ, посмотрѣлъ на него, свернулъ его жгутомъ и еще разъ отеръ имъ затылокъ и подбородокъ. Онъ хотѣлъ говорить и затруднялся.

— Что же вы молчите?—спросилъ Глѣбъ.

— Ваше высокородіе, скажу, не утаю! — отвѣтилъ, кланяясь, Пря́дышевъ:—одинъ сперва уговоръ.

— Какой? говорите, слушаю.

— Готовъ ѣхать, разыскивать, ну, ничего не пожалѣю; только ваша-то милость воспоможете ли мнѣ? что безъ васъ! одна будетъ трата казны и труда!

Глѣбъ подумалъ.

— Далеко ли?—спросилъ онъ.

— Не близкій свѣтъ; надо было гультяямъ спрятать концы. Верстъ за шестьсотъ будетъ, а то и далѣе.

— Гдѣ же это? въ Петербургъ уѣхали, или въ Нижній?

— Не примите во гнѣвъ, — отвѣтилъ, снова кланяясь, Савва Ильичъ: — опосля все доложу-съ.

— Хорошо,—сказалъ Глѣбъ:—надо взять отпускъ; надѣюсь, князь не откажетъ; завтра буду къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ разѣ, дайте знать,—заключилъ Пря́дышевъ:—только, ваше высокородіе, въ тайности держите, лиха выйдетъ бѣда, коли кто узнаетъ. А мы все изготовимъ и тихо выѣдемъ, какъ бы, такъ сказать, по дѣлу... Да оно и кстати; колоколъ на Симоновъ отлили и вчерась отправили, — начальству, молъ, надо будетъ, по заведенному показать.

„Дѣло, кажется, слажено, — разсуждалъ Глѣбъ, возвращаясь съ завода Пря́дышева домой:—и этотъ купчина правъ; ѣхать ему одному какая польза? Если онъ и уговоритъ сына оставить Серафиму и возвратиться домой, что̀ станется съ нею на чужой, незнакомой ей сторонѣ?“

Въ условленное время Глѣбъ получилъ отпускъ и доброе напутствіе отъ князя, которому онъ еще прежде все разсказалъ о событіи въ семьѣ брата, и снова поѣхалъ на пря́дышевскій заводъ.

— Смотри же, Глѣбушка, — говорилъ ему на разставаньѣ Алексѣй:—когда вы ихъ найдете... то главное—не горячись!.. ахъ, я тебя знаю, не горячись! Ну, вѣдь ты вспыльчивъ иногда, а съ женщинами высокомѣренъ и сухъ... такъ нельзя! не смѣйся, вѣдь онѣ жалкія, слабыя существа... дай мнѣ слово!

Простившись съ братомъ, Глѣбъ обнялъ жену и сказалъ:

— На заводѣ Пря́дышева, въ послѣдніе дни, усиленно работали; вотъ, Маша, тебѣ и предлогъ избавиться отъ лишнихъ разспросовъ. Скажи, что все это выдумки и вздоръ; льютъ, молъ, у Пря́дышевыхъ колокола; оттого, по повѣрью, столько въ городѣ и басенъ. Ну, что-нибудь въ этомъ родѣ.

Пря́дышевъ, встрѣтивъ Глѣба, предложилъ ему закусить на дорогу и, когда все было готово къ отъѣзду, они вышли на дворъ. Къ крыльцу подали широкую, на полозьяхъ, кибитку, запряженную тройкой, съ рогожанымъ верхомъ и нагруженную сѣномъ и подушками. Возлѣ кибитки стояли два рослыхъ и широкоплечихъ литейщика, въ бараньихъ полушубкахъ, перетянутыхъ ременными кушаками, и съ шапками въ рукахъ. Пря́дышевъ,—въ волчьемъ балахонѣ

и валенкахъ, и Глѣбъ,—въ медвѣжьей шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ,—взобрались на подушки, подъ мѣховую полость. Литейщики усѣлись на козлы съ ямщикомъ. — „Въ Симоновъ!“—объявилъ ямщику Прядышевъ, кланяясь провожавшимъ его домашнимъ. Кибитка выѣхала за ворота.

— Такъ-то, ваша честь, будетъ понадежнѣе!—произнесъ вполголоса Прядышевъ, указывая Глѣбу на плотныя спины литейщиковъ, сидѣвшихъ на козлахъ.

Кибитка, выбравшись на дорогу, направилась къ Симонову.

— Держи направо, на серпуховскій большакъ,—сказалъ ямщику Прядышевъ.

Литейщики переглянулись и только повели плечами.

Тройка понеслась по большой дорогѣ. Въ Подольскѣ перемѣнили лошадей. Проѣхали Серпуховъ и къ вечеру слѣдующаго дня были въ Тулѣ, гдѣ и ночевали. Прядышевъ вездѣ посылалъ на развѣдки литейщиковъ. Въ Тулѣ онъ самъ куда-то уходилъ и возвратился поздно вечеромъ. Заснувъ сильно не въ духѣ, онъ нѣсколько разъ ночью пробуждался, вздыхалъ и бормоталъ какъ бы молитву.

— Что, вамъ нездоровится? — спросилъ его изъ своей комнаты Глѣбъ.

— Да, должно, отъ этой самой капусты... да и масло у нихъ, не тово!

За утреннимъ чаемъ путники разговорились.

— Сгинулъ треклятый и отселева,—объявилъ о сынѣ Прядышевъ, тряся головой

— Развѣ онъ былъ здѣсь?

— Былъ... сорилъ деньгами, какъ бѣшеный, и уѣхалъ.

— Давно ли?

— Два дня тутъ куражился; пилъ еще отъ Подольска.

— Гдѣ стоялъ?

— У Трёшнина; нашъ тоже купеческій сынъ и прежде съ нимъ загуливалъ въ Москвѣ. Ужъ и семейный теперь, а передерживалъ такую, сказать, мразь!

— И Серафима Львовна съ нимъ была?—нерѣшительно спросилъ Глѣбъ.

— На станціи оставалась; разглядѣла гуся, видно, па пути, не подпускала его.

— Гдѣ же они теперь? Уѣхали?

Прядышевъ возвелъ глаза къ потолку.

— Будто на богомолье,—сказалъ онъ, разставивъ руки:—въ Кіевъ поѣхали, и онъ, будто, къ слову ей проводникъ... А ужъ какое богомолье! Тамъ, сказываютъ, всю зиму польское веселье, цыгане, ахтеры,

гульба! И далъ же Господь такую кару, смертный стыдъ! Повѣсить мало этого пса! Оттоль быдто за границу.

Путники снова пустились въ дорогу, свернули на Калугу и, мѣняя то сдаточныхъ, то почтовыхъ, на пятыя сутки достигли Кіева. Прядышевъ и его литейщики снова пустились на поиски блуднаго сына. Но ни въ первый, ни во второй день они о немъ ничего не узнали. Глѣбъ началъ терять терпѣніе. Ему казалось, что хлопоты его и Прядышева не приведутъ ни къ чему, что бѣглецы, имѣя большія средства, навѣрное уже не здѣсь, а ушли за границу. На третій день Прядышевъ возвратился съ развѣдокъ весь разбитый и еще болѣе сумрачный. При взглядѣ на него, Глѣбъ подумалъ: „Ну, дѣло окончательно потеряно, надо ѣхать назадъ!“

— Отыскался окаянникъ!—сказалъ Прядышевъ, усѣвшись и бросая на столъ шапку.

— Неужели нашли?

— Накрылъ, да что̀ съ того толку?

— Какъ что̀? Это и было нужно.

Прядышевъ безнадежно опустилъ голову.

— Промоталъ, собачій сынъ,—сказалъ онъ:—а больше того, должно прямо проигралъ всѣ захваченныя деньги разнымъ шулерамъ! Въ Тулѣ рѣзался на постояломъ, а тутъ уже дернулъ во вся нелегкія! Натолкнулись они здѣсь, при въѣздѣ, на гурьбу саней съ цыганами, что̀ пѣли это у насъ въ Москвѣ. Безпутный узналъ между ними Лушу; вызвался барыню угостить ихъ пѣніемъ, да въ таборѣ ихъ и застрялъ; пьетъ, безъ просыпу, шестой день.

— А Серафима Львовна, гдѣ она?—спросилъ Глѣбъ.

Прядышевъ разсѣянно-мутнымъ взоромъ взглянулъ на него, какъ бы не понявъ обращеннаго къ нему вопроса. Онъ гдѣ-то и кого-то, въ розыскахъ, очевидно, угощалъ и самъ, вѣроятно, съ горя, тоже выпилъ.

— И шутъ его знаетъ,—продолжалъ онъ, путаясь языкомъ и скидая съ себя, почему-то, кафтанъ и жилетъ:—ну, въ кого уродился? То-есть, вотъ въ труху стеръ бы, да стоитъ ли теперича руки марать?

— Какъ стоитъ ли?—чуть не вскрикнулъ Глѣбъ:—жена моего брата... вы же думаете только о себѣ.

— Ахъ, ваше высокородіе, — слезливо проговорилъ Прядышевъ, отирая глаза:—убилъ, осрамилъ въ конецъ. Подсылалъ я къ нему, и людей тоже спрашивалъ, гдѣ эта барыня?.. Скрылъ, шибенникъ, не говоритъ.

XII.

Въ это время въ комнату вошелъ старшій изъ провожатыхъ Прядышева. Нагнувшись къ хозяину, онъ сказалъ ему что-то на ухо.

— Какъ?—вскрикнулъ Пря́дышевъ:—и теперь у Пантю́шки? да еще при капиталѣ? Извозчика!

Онъ на-скоро опять одѣлся, позвалъ и втораго литейщика, накинулъ на себя шубу и предложилъ Глѣбу ѣхать съ собой.

— Ну, ужъ теперь—помогите только, ваша милость,—признаётся Ѳедька, укажетъ все.

Глѣбъ и Пря́дышевъ отправились на Подолъ; литейщики провожали ихъ на другомъ извозчикѣ. По пути они заѣхали въ полицію, гдѣ, при содѣйствіи Глѣба, Пря́дышеву дали въ помощь квартальнаго поручика. Миновали городъ; потянулись переулки предмѣстья.

— Здѣсь,—объявилъ ѣхавшій на переднихъ саняхъ полицейскій, указывая Пря́дышеву большой, подъ тесовой крышей, домъ съ закрытыми ставнями.

Вечерѣло. Домъ, у котораго путники остановились, стоялъ за небольшимъ палисадникомъ, у окраины огороженнаго пустыря. Въ немъ, какъ объяснилъ Глѣбу полицейскій, съ начала масляной, помѣщался цыганскій хоръ Пантю́шки, и сюда, каждый вечеръ, съѣзжались горожане и посторонніе гости, выпить цымлянскаго или польской запеканки, послушать пѣніе и посмотрѣть на пляску цыганъ. Главною приманкой посѣтителей слыла красавица Луша.

Путники постучались въ дверь дома. Удивленные раннимъ заѣздомъ гостей, цыгане нѣкоторое время не отворяли. На новый стукъ у крыльца, изъ-за угла выглянулъ кто-то, съ длинными усами. Завидѣвъ полицейскаго, онъ что́-то гортанною рѣчью сердито сказалъ товарищу, стоявшему за нимъ, и скрылся. Черезъ минуту дверь снова отворилась. На ея порогѣ показался сѣдой и плотный, въ пестромъ архалукѣ и въ желтыхъ, мягкихъ туфляхъ, цыганъ; то былъ самъ содержатель хора, Пантю́шка.

— Не прибрано у насъ, извините,—сказалъ онъ, поклонами приглашая гостей въ домъ.

Пріѣхавшіе вошли въ пріемную. Откуда-то неслись звуки гитары и пѣніе. Изъ внутреннихъ комнатъ, справа и слѣва, выглянули смуглыя, съ желтизной въ черныхъ глазахъ, лица заспанныхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, бывшихъ еще въ утреннемъ, домашнемъ нарядѣ. Звуки гитары вдругъ смолкли. За дверьми слышались смущенные возгласы. Пря́дышевъ, шедшій впереди, за полицейскимъ, остановился, съ секунду помолчалъ и обратился къ Глѣбу:

— Тутъ силкомъ ничего не сдѣлать,—сказалъ онъ ему вполголоса:—поперекайте съ полицейскимъ, а я вотъ на иной ладъ съ Пантю́шкой.

Онъ отвелъ стараго цыгана въ сторону, сталъ спиною къ прочимъ, вынулъ увѣсистую кису и началъ что́-то шопотомъ объяснять

Пантю́шкѣ. Онъ тяжело дышалъ. Потъ крупными каплями падалъ съ его лица.

— Ѳедька Пря́дышевъ здѣсь,—говорилъ онъ:—и не упирайся... Знаешь колокольный заводъ, подъ Москвой, за Рогожской? Знаешь, ну, ладно! А я отецъ Ѳедьки... Говори, гдѣ онъ?

Пантю́шка покосился на Глѣба Андреевича.

— Это кто?—спросилъ онъ, указывая на Глѣба.

— Въ адъютантахъ при московскомъ главнокомандующемъ, а Ѳедька покралъ у него золовку.

Цыганъ задумался. Онъ уже достаточно поживился отъ Теодора и даже прямо спряталъ часть его денегъ.

— Бери, Пантю́шка, и Богъ съ тобой!—сказалъ Савва Ильичъ, подавая ему изъ кисы:—только по душѣ все говори и укажи.

Цыганъ нагнулся къ нему бокомъ, принялъ отъ него подачку и, сунувъ ее въ карманъ шароваръ, подошелъ къ полицейскому.

— Ваше благородіе,—сказалъ онъ, кланяясь:—у насъ съ вечера, значитъ, загулялъ гость; не гнать было, по морозу, со двора. А это, полагать надо, ихъ тятенька... Мы съ удовольствіемъ... не угодно ли, господа?

Пантю́шка отворилъ дверь во внутреннія комнаты. Савва Ильичъ пошелъ за нимъ. Глѣбъ остался съ полицейскимъ. Черезъ минуту изъ дальней комнаты послышался окрикъ Пря́дышева: „Митричъ! Елисѣй!“ Туда, черезъ черное крыльцо, вошли литейщики. Цыганъ, подведя Пря́дышева и его провожатыхъ къ полутемной, окнами выходившей во дворъ, бокóвушкѣ, остановился.—„Здѣсь!“—сказалъ онъ. Пришедшіе ступили за дверь. Въ комнатѣ, на кожаномъ диванѣ, лежало что́-то неподвижное и длинное. Савва Ильичъ узналъ въ немъ своего бѣглеца.

Непроспавшійся съ ночной попойки, Теодоръ лежалъ, какъ былъ съ вечера, въ щегольскомъ, французскомъ кафтанѣ, изъ розоваго шелка, съ блестками, въ такомъ же камзолѣ и узорныхъ, со стрѣлами, чулкахъ. Его напудренные волосы, съ развившеюся косой, въ безпорядкѣ свѣшивались съ подушки. На отодвинутомъ отъ кровати столѣ были разбросаны карты, стояли съ догорѣвшими свѣчами подсвѣчники и недопитые бутылки и стаканы вина. По комнатѣ валялись пробки, конфектныя бумажки, табачный и всякій соръ. На стулѣ лежала брошенная гитара, увитая лентами.—„Лушка, это она!“—подумалъ Пря́дышевъ, снимая гитару и садясь возлѣ сына на стулъ.

Онъ тронулъ его за плечо, тотъ не шевелился; назвалъ его по имени, сталъ дергать за руки, за ноги,—тотъ лежалъ, какъ не живой.

— Ушатъ воды!—сказалъ Савва Ильичъ:—да мотри, ребята, похолоднѣй.

— Ваше степенство,—позволилъ себѣ замѣтить старшій изъ литейщиковъ:—не погнѣвалась бы Аграфена Марковна.

— Я тебѣ тутъ сказъ, не она!

— Не было бы какой обиды,—вмѣшался также цыганъ.

— Не твоя голова въ отвѣтѣ, моя!—отвѣтилъ Пря́дышевъ:—а ты, Пантю́ха, тащи сюда его шубу, шапку и прочее, коли цѣлы.

Цыганъ крикнулъ за дверь своимъ. Тѣ принесли шубу и шапку Ѳедора. Пря́дышевъ сталъ осматривать карманы сына; въ одномъ оказалась женская перчатка, въ другомъ—горсть серебряныхъ и двѣ золотыхъ монеты.

— Только-то!—сказалъ Савва Ильичъ, укоризненно качая головою Пантю́шкѣ:—экую казну, дьяволъ, скопи́тилъ.

— Громъ побей! Землю буду ѣсть, больше и не было!—божился и крестился цыганъ, вспоминая немалый кушъ, переложенный изъ кармановъ Теодора въ свой сундукъ.

— Десять тысячъ слопалъ! Разбойники!—повторялъ Пря́дышевъ, глядя сквозь слезы на остатокъ сыновней казны, который онъ держалъ на ладони:—открой, Пантелѣй, можетъ знаешь, гдѣ что́ припрятано?.. Подѣлюсь!

— Лопни глаза, сказалъ бы! — клялся Пантю́шка, кланяясь и цѣлуя полы кафтана Пря́дышева:—угрѣли гусары въ карты, убей Богъ, гусары...

Савва Ильичъ утеръ слезы кулакомъ и сунулъ найденныя деньги цыгану.

— Лушкѣ! Ей, урва́нъ-ехидницѣ!—сказалъ онъ, махнувъ рукой:—эка козырь дѣвка! барынь даже стала отбивать... А теперича давай ножницы!—прибавилъ Пря́дышевъ, засучивъ рукава.

— На что́ тебѣ?

— Увидишь...

Цыганъ принесъ ножницы. Въ сѣняхъ послышались шаги литейщиковъ, тащившихъ съ надворья ушатъ воды.

— Слушай, Пантю́ша,—сказалъ Савва Ильичъ, въ свой чередъ кланяясь цыгану:—уйди, сдѣлай милость! не мозоль глазъ! что́ тебѣ глядѣть на экое горе и стыдъ?

— Не ввели бы малаго въ какой изъянъ?

— Что ты? да развѣ я ему не отецъ? вотъ те крестъ!—сказалъ, крестясь, Пря́дышевъ:—свое дѣтище, не искалѣчу!

Цыганъ вышелъ за дверь.

— Ну, ребята, теперь слушать, что́ скажу!—обратился Пря́дышевъ къ литейщикамъ:—брызни ему въ рыло.

Тѣ брызнули. Ѳедоръ слегка зашевелился.

— Заноси, валяй!—объявилъ Пря́дышевъ.

Литейщики подняли ушатъ и, съ розмаха, окатили имъ спавшаго хозяйскаго сына. Ѳедоръ дико вскрикнулъ, вскочилъ и, какъ безумный, бросился было бѣжать, но увидѣлъ передъ собой отца и въ ужасѣ присѣлъ на кровать.

Митричъ и Елисѣй связали его поясами по рукамъ и ногамъ. Прибѣжавшій на крикъ Пантюшка увидѣлъ, что Ѳедоръ сидитъ уже среди комнаты, на стулѣ, литейщики придерживаютъ его за плечи, а Савва Ильичъ, отрѣзавъ сыну косу, подстригаетъ въ скобку остатки его мокрыхъ, напудренныхъ волосъ.

— Былъ лѣпокудрый Авессаломъ, ходилъ, какъ картинка, соблазнялъ барынь и дѣвокъ-пѣвицъ!—приговаривалъ, щелкая ножницами, красный отъ волненія, Прядышевъ:—быть тебѣ опять Ѳедькой-мужикомъ, походить въ посконномъ зипунѣ, поработать отцу!

Цыганъ ушелъ сообщить Глѣбу о видѣнномъ. Вскорѣ за нимъ возвратился и Прядышевъ.

— Ваша милость, простите за все,—сказалъ онъ, отведя Глѣба въ сторону:—надѣлали мы, окаянники, вамъ хлопотъ.

— А братнина жена?—спросилъ Глѣбъ.

— Допытался у изверга!—отвѣтилъ Прядышевъ: — бросила его, чуть пріѣхала сюда... раскусила, сердечная, этакаго хама! и часу съ нимъ не осталась въ гостиницѣ.

— Гдѣ же она?

— Возлѣ Лавры, у вдовы-дьяконицы пріютилась; спросите домъ Михѣевой.

Провожаемый Пантюшкой, Глѣбъ вышелъ на крыльцо, спросилъ извозчика, знаетъ ли онъ домъ Михѣевой и какъ туда добраться, и велѣлъ ѣхать къ Лаврѣ. На углу ближайшаго переулка его обогнали двое саней. Въ однѣхъ сидѣли старикъ Прядышевъ и полицейскій, въ другихъ—литейщики, державшіе на колѣняхъ закутаннаго въ шубу Ѳедора. Послѣдній, вырываясь изъ ихъ объятій, повторялъ всхлипывая: „Прощай, упоительница! богиня! гибну, прощай на вѣкъ!“ На поворотѣ къ Крещатику онъ оглянулся и узналъ Глѣба. Рванувшись еще сильнѣе, онъ что-то озлобленно закричалъ. Глѣбъ разслышалъ только: „уважилъ, мерси! не будь живъ, попомню!..“

Сани мчались къ Лаврѣ. Показались верхи церквей, каменныя стѣны. У взгорья, надъ обрывомъ, стало видно нѣсколько домишекъ. Вдова Михѣева, у которой стояла Серафима, была просвирней. Молодая стряпуха, съ засученными рукавами и съ лицомъ, испачканнымъ мукой, провела Глѣба изъ сѣней въ чистую комнату, съ запахомъ свѣже-испеченнаго хлѣба.

— Вамъ матушку?—обратилась она къ Глѣбу.

— Да, побезпокойте.

XIII.

Изъ-за двери выглянула высокая, тощая старуха, въ мѣховой безрукавкѣ, повязанная чернымъ платкомъ.

— Просвирокъ, батюшка?—спросила она, кашляя и придерживая дверь.

— Дѣло, матушка, къ вамъ,—отвѣтилъ Глѣбъ:—здѣсь ли стоитъ Серафима Львовна Дуганова?

— Вамъ, сударь, зачѣмъ?

— Скажите ей,—братъ ея мужа желаетъ видѣть ее.

Дьяконица недовѣрчиво взглянула на Глѣба, пошла и опять возвратилась къ нему.

— По правдѣ, сударь, говорите? — спросила она, не отходя отъ двери.

— Горе, матушка, тяжкое горе,—сказалъ Глѣбъ:—все ли объяснила вамъ ваша постоялка?

— И не говорите!—отвѣтила, озираясь, старуха.

Она указала гостю стулъ и сама сѣла возлѣ него.

— Какъ она у васъ очутилась?—спросилъ Глѣбъ.

— Увидѣла я ее въ церкви,—начала дьяконица:—молится, примѣчаю, необычно; упадетъ на колѣни, глядитъ на Пречистую, а слезы такъ и льются. Сталъ народъ подходить ко кресту; гляжу, гдѣ моя сердечная? а она припала въ уголку, гдѣ молилась, и лежитъ ничкомъ, какъ неживая. Я къ ней, она безъ гласа. Подняли мы ее, привели въ чувство. Гдѣ, сударыня, спрашиваю, живете и кто вы? Ни слова, смотритъ только на меня.

Дьяконица помолчала.

— Всякія бываютъ злосчастныя, — продолжала она: — что тутъ допытываться? отвела я ее сюда, да вотъ почти недѣлю и храню ее, Господь съ нею. Не спитъ, не ѣстъ... Вы бы, говорю, сходили къ начальству, или къ судящимъ; можетъ, что и посовѣтовали бы. Не идетъ, убивается, плачетъ.

— Говорила ли она что о себѣ?

— Не открыла, упорна.

— Что же, полагаете, въ мысляхъ у нея?

— Ужъ очень ожесточилась. Какъ привела я ее сюда, — по васъ видно, говорю, не простая вы,—можетъ, какія вещи гдѣ оставили, послали бы подобрать? Она такъ и затряслась,—ничего, говоритъ, мнѣ теперь не надо; я пропала и всему, видно, конецъ!

— Помогите,—сказалъ Глѣбъ:—надо ее вывезти отсюда поскорѣй!

— Куда?—съ удивленіемъ спросила дьяконица.

— Къ мужу, къ дѣтямъ, въ родную семью.

— Такъ она и впрямь замужняя?

— Да, и мой братъ такой любящій, добрый; онъ все забудетъ, они примирятся.

Старуха сомнительно покачала головой.

— Богъ васъ разберетъ,—сказала она въ раздумьѣ:—только не о томъ, кажись, ея мысли; а впрочемъ, пойду, доложу.

Она ушла.

Глѣбъ, разглядывая снѣжный пустырь, стлавшійся передъ окнами убогаго домишки, думалъ: „Бѣдная Серафима! жалкая, заблудшая овца... Не смѣетъ и думать о прощеніи,—а я ей именно и привезъ его... вотъ обрадуется!“

За спиной Глѣба скрипнула половица. Онъ оглянулся; передъ нимъ стояла Серафима. Но какъ она измѣнилась! Глѣбъ, съ перваго взгляда, не узналъ ее. Куда дѣвалась сіяющая торжествомъ, миловидная и веселая вѣтреница, въ костюмѣ испанской пастушки, какою Глѣбъ, въ послѣдній разъ, видѣлъ ее, среди грома рукоплесканій, на подмосткахъ сѳймоновскаго театра? Передъ нимъ, съ скрещенными на груди руками, въ измятомъ дорожномъ капотѣ и съ пучкомъ кое-какъ подобранныхъ волосъ, стояла исхудалая и блѣдная тѣнь Серафимы. Ея глаза смотрѣли озлобленно.

— Вы зачѣмъ здѣсь? — спросила она, едва кивнувъ головой на привѣтъ Глѣба: — посмотрѣть на мое посрамленіе, позоръ? Что же, глядите! вотъ я—передъ вами.

— Сестра, дорогая, одумайтесь! кто Богу не грѣшенъ? братъ забудетъ все...

— Грѣшенъ? Ѣхать съ вами, возвратиться домой?

— Да.

— И вы думаете, что это, послѣ всего, возможно?

— Да, разумѣется... Клянусь вамъ, братъ смягчится, проститъ... знайте, наконецъ,—прибавилъ Глѣбъ:—онъ вамъ все простилъ!

— Простилъ?—страннымъ голосомъ спросила Серафима:—и это онъ, онъ уполномочилъ мнѣ объявить?

— Да, да!—твердилъ Глѣбъ:—вамъ остается только благодарить Бога и ѣхать со мной. Ѣдемъ, дорогая сестра, ѣдемъ...

Серафима ухватилась за сердце. Ея блѣдныя губы беззвучно двигались.

— Какая пытка!—вскрикнула она, всплеснувъ руками:—простилъ! да я-то простила ли его? какъ? четыре года каторги, въ трущобѣ, въ дикой глуши? А думалъ ли, соображалъ ли онъ, въ эти годы, что тамъ, въ той норѣ, рядомъ съ нимъ и съ его важными дѣлами,

глохнетъ любившее его, молодое существо? Думалъ ли, что этому существу хочется жить?

— Но братъ, извините,—возразилъ Глѣбъ:—не сидѣлъ сложа руки; онъ заботился о вашемъ же достояніи.

— Будь оно проклято, это достояніе!—кричала Серафима, ходя по комнатѣ и ломая руки:—молодая женщина,—ну, легкомысленный, если хотите, вѣтреный ребенокъ,—жаждала свѣта, веселья, забавъ,—а ее держали въ четырехъ стѣнахъ деревенской тюрьмы. Она стремилась, хоть на короткое время, вздохнуть въ обществѣ, порядиться, быть въ театрѣ, на вечерахъ, — ну, забыться, поплясать, — а вашъ братъ все откладывалъ, — дѣла, видите ли, плохи, денегъ нѣтъ... и довелъ... а теперь великодушно прощаетъ!

— Но, сестра, вѣдь дѣйствительно братъ былъ крайне стѣсненъ,—замѣтилъ Глѣбъ.

Серафима взглянула на него и опять ухватилась за сердце.

— Да, я грѣшница,—сказала она:—великая грѣшница, передъ Богомъ и людьми; измѣнила, скажутъ, мужу и нѣтъ мнѣ прощенія во вѣкъ. Наказана, дескать, по заслугамъ; ослѣпилъ Господь и не далъ тутъ же умереть, чтобъ казнилась вѣчно... Но я ни у кого не прошу прощенія и не принимаю его! Возвращайтесь домой; я съ вами не поѣду. Нѣтъ у меня болѣе ни мужа, ни семьи, ни родныхъ. Оправдываться не намѣрена! обвиняйте на всѣхъ перекрёсткахъ...

— Но ваши дѣти... вспомните о нихъ!

— Ахъ, оставьте меня, Глѣбъ Андреевичъ! я все вамъ сказала. Не приходите болѣе, не терзайте меня. Это мое окончательное рѣшеніе. Простилъ, ха-ха! благодарю!

Серафима зарыдала, бросилась къ двери и остановилась.

— Что же до дѣтей,—сказала она, оглянувшись:—пусть и они скорѣе меня забудутъ... какая я имъ мать? добра же я ихъ не трону, успокойтесь,—оно будетъ цѣло.

„Нѣтъ, это невозможно,—думалъ Глѣбъ, возвращаясь въ городъ: —она не въ своемъ умѣ. Надо принять мѣры, вразумить ее, обратиться къ опытнымъ врачамъ“.

Глѣбъ вспомнилъ при этомъ о Снесивцевѣ. — „Недурной медикъ, находчивъ и уменъ, — размышлялъ онъ, но мало вселялъ довѣрія... О, этотъ навѣрное придумалъ бы выходъ...“

На постояломъ Глѣбъ уже не засталъ Прядышева.

— Савва Ильичъ, — сказалъ ему, на его разспросы, половой: — извиняются, что не дождались вашей милости.

— Гдѣ же онъ?

— Крѣпко шумѣлъ и буянилъ ихъ сынъ. Они одѣли его въ про-

стую, какъ есть, одёжу, — ихній Митричъ на рынкѣ купилъ, — послали за почтовыми, да такъ его, сердечнаго, связаннаго, какъ теленка, и повезли.

Дугановъ еще разъ навѣстилъ Серафиму. Она не приняла его. Глѣбъ вручилъ дьяконицѣ свертокъ денегъ, сказавъ, что это на необходимыя издержки для его родственницы, и предупредилъ, что видѣлся съ рекомендованнымъ ему врачемъ и что завтра тотъ явится къ ея услугамъ. Утромъ слѣдующаго дня Глѣбу принесли оставленныя имъ деньги обратно, съ запиской Серафимы, гдѣ та извѣщала его, что если она, въ день пріѣзда въ Кіевъ, промѣняла лучшую гостиницу на уголъ у бѣдной просвирни, то это еще не доказываетъ, чтобы она нуждалась,—у нея есть свои средства, взятыя изъ дому; будучи же совершенно здоровою, она благодаритъ за заботы и проситъ одного одолженія,—оставить ее въ покоѣ.—Глѣбъ, въ тотъ же день, уѣхалъ обратно въ Москву.

— Нѣтъ, это не женщина, демонъ,—сказалъ онъ Марѝ, возвратясь домой и, съ чувствомъ горькой досады и негодованія, передавая ей о неудачной поѣздкѣ въ Кіевъ и о свиданіи съ Серафимой: — не она оказалась виновною и подсудимою, а мы... Богъ съ нею! надо подготовить, убѣдить брата... Онъ долженъ, обязанъ забыть это бездушное, злое существо.

Разсказъ Глѣба произвелъ на Марѝ удручающее впечатлѣніе. Что же до Алексѣя, то онъ слова брата о жестокомъ и безповоротномъ рѣшеніи его жены принялъ съ полною покорностью волѣ Провидѣнія. Какъ ни старался Глѣбъ смягчить свой разсказъ, Алексѣй чутьемъ угадалъ и взвѣсилъ все недосказанное и прикрытое, изъ расположенія и жалости къ нему. — „Да, испытаніе, кара Божья! — твердилъ онъ: —Господь ее разсудитъ!“ —Пробывъ въ Москвѣ еще нѣкоторое время, онъ, попрежнему, посѣщалъ храмы, на средо-крестной недѣлѣ отговѣлъ и рѣшился ѣхать въ деревню, но вдругъ наставшая распутица опять помѣшала ему. Алексѣй отложилъ поѣздку до конца поста, чтобы Пасху встрѣтить съ дѣтьми, о которыхъ ему изъ деревни писалъ сосѣдъ. Въ первый день страстной недѣли Глѣбъ и Марѝ съ нимъ простились.

— Ахъ да, я и забылъ тебѣ сообщить, — сказалъ Алексѣй, на разставаньѣ, брату: — моя-то благовѣрная чудачка... что̀ сдѣлала?... Узнала, вѣроятно, что я еще въ Москвѣ, и, какъ бы ты думалъ, чѣмъ озадачила снова? выслала, представь, изъ кіевскаго суда, мнѣ дарственную на Горки.

— Чѣмъ же чудачка?—отвѣтилъ Глѣбъ:—во-первыхъ, Горки—не родовая у нихъ вотчина, и во-вторыхъ, ты ее, разумѣется, сбережешь... Лучше оставить дѣтямъ, чѣмъ прокутить съ любовниками.

Этотъ рѣзкій, сухой отвѣтъ Глѣба болѣзненно отозвался въ душѣ Алексѣя. Онъ хотѣлъ возражать и не нашелъ словъ. Деревня не выходила изъ его головы; онъ самъ уложилъ въ чемоданы бѣлье, платье, игрушки дѣтямъ, нѣсколько книгъ по хозяйству и томъ Четій-Миней, мечтая хоть въ нихъ найти успокоеніе.

Вечеромъ, наканунѣ его отъѣзда, всѣ по обыкновенію пили чай, въ кругу немногихъ, общихъ знакомыхъ. Здѣсь былъ и Спесивцевъ. Онъ, за чайнымъ столомъ, игралъ съ Алексѣемъ въ шахматы. Алексѣй то мрачно молчалъ, то какъ-то порывисто становился веселъ, шутилъ и даже острилъ,—королеву звалъ—„зазнобушкой“, короля—„Пантюшкой“, пѣшекъ—„Ѳединькой“.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, — спросилъ Спесивцевъ: — гдѣ нашъ этотъ рыцарь блѣднаго образа, Теодоръ?

— Имѣю свѣдѣнія,—отвѣтилъ Глѣбъ:—отецъ привезъ его на заводъ, собралъ рабочихъ, далъ ему вдоволь лозановъ и поставилъ, подъ строгій надзоръ, въ рядовые литейщики.

Всѣ промолчали на эту вѣсть; Алексѣй, двинувъ шашечницу, разразился громкимъ, судорожнымъ хохотомъ.

— Вотъ такъ купчина! — заливался онъ, отирая слезы: — ай да молодецъ! ха, ха! лозановъ... парижскому петѝ-мѐтру! надоумилъ, по старому обычаю поучилъ.

Смѣялся ли, плакалъ ли Алексѣй, трудно было разобрать. Марѝ же, на другой день, не могла безъ слезъ смотрѣть на него, когда онъ, какъ-то сиротливо и одиноко, сгорбившись, сѣлъ въ тотъ самый возокъ, въ которомъ еще такъ недавно съ Серафимой пріѣхалъ въ Москву, какъ выразился тогда: „людей посмотрѣть и себя показать“.—„Боже! неужели скоро увижу Горки, дѣтей?“—думалъ Алексѣй, вырвавшись наконецъ изъ Москвы:—„а она-то, она?“

XIV.

Тяжелое время пережила Марѝ, вслѣдствіе всего, что̀ соединилось съ неожиданнымъ побѣгомъ Серафимы и ея невѣроятною рѣшимостью — болѣе не возвращаться въ свою семью. Это обсуждалось между близкими бѣглянки на тысячу ладовъ. Марѝ болѣе всѣхъ терялась въ догадкахъ. Она пыталась было писать Серафимѣ въ Кіевъ и послала ей туда, въ мартѣ и въ апрѣлѣ, нѣсколько писемъ, адресуя ихъ въ домъ дьяконицы Михѣевой, но отвѣта ни на одно не получила. Теряясь въ соображеніяхъ, гдѣ она и что̀ съ нею, Марѝ хотѣла было, подъ видомъ богомолья, и сама съѣздить въ Кіевъ, чтобы тамъ подробнѣе все узнать о Серафимѣ, но мужъ возсталъ

противъ этого.—„Не срамись,—сказалъ онъ ей:—видишь, какая она стала; ну, охота вязаться съ низкою, совсѣмъ потерянною женщиной! Братъ теперь спасенъ! онъ рожденъ для деревни, она—его воздухъ, его жизнь, и, вѣрь, тамъ онъ окончательно забудетъ эту тварь!“

Какъ ни разсуждалъ и ни доказывалъ Глѣбъ, Марѣ было жаль золовки. Она старалась убѣдить себя, что Серафима вовсе не такъ испорчена въ душѣ, какъ это могло казаться другимъ, и что здѣсь на нее просто нашло какое-то, непонятное на взглядъ другихъ, роковое затменіе. Ея добрыя мысли о Серафимѣ не находили себѣ, однако, ни въ чемъ подтвержденія.

Съ перваго года женитьбы Глѣба и Марѣ, съ ними велъ дружескую переписку одинъ небогатый саратовскій помѣщикъ-старичокъ, сосѣдъ Алексѣя, Сила Ѳомичъ Травкинъ. Алексѣй и Глѣбъ вообще были чужды литературѣ, Алексѣй же не долюбливалъ и вообще писанія, а Сила Ѳомичъ, — напротивъ, — при всей скудости личныхъ средствъ, былъ весьма начитанъ и въ своемъ околоткѣ считался не только знатокомъ въ литературѣ, но и бойкимъ и умѣлымъ по части всякаго писанія. Глѣбъ давно хлопоталъ о какомъ-то тяжебномъ дѣлѣ Травкина въ московскомъ сенатѣ, куда послѣдній явиться не имѣлъ возможности. Сила Ѳомичъ зато усердно сообщалъ ему какъ о здоровьѣ его брата и дѣтей послѣдняго, такъ и вообще о дѣлахъ Алексѣя.

Травкинъ былъ невысокій, на согнутыхъ ножкахъ, добродушный и постоянно веселый толстякъ. Въ заѣздъ Глѣба женихомъ въ Горки, онъ потѣшалъ его разсказами изъ прочтенныхъ имъ модныхъ тогда романовъ — „Похожденій Жильблаза де-Сантилланы“ и „Хромаго бѣса“ Лесажа. Кромѣ „Шутливыхъ повѣстей“, Сила Ѳомичъ, впрочемъ, углублялся въ поэзію и философію. Онъ дамамъ, въ семьѣ Алексѣя, декламировалъ отрывки изъ „Мессіады“ Клопштока и „Ночей“ Эдварда Юнга, читалъ имъ „Штурмовыя размышленія“ и „О происхожденіи зла“ Галлера и, какъ всѣ знали, выписывалъ по почтѣ изъ Москвы сатирическіе журналы мартиниста Новикова. Самъ въ душѣ мартинистъ и масонъ, бездѣтный и вдовый, Травкинъ обыкновенно говорилъ: „Не дѣлай зла другимъ, никто тебѣ его не причинитъ, — весь міръ — твоя семья, люби его и чти!“ — Онъ былъ мягокъ и добръ со своими крестьянами, а изъ сосѣдей особенно любилъ Алексѣя и его семью. Дома у него было два развлеченія — гусли и пріемышъ-крестникъ Боря. Ему Травкинъ сберегалъ свое небольшое достояніе, такъ какъ родной братъ Силы Ѳомича, Павелъ, женатый на богатой яицкой казачкѣ, отказался отъ наслѣдства по отцѣ. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ, котораго Травкинъ училъ грамотѣ

и играть на скрипкѣ, не могъ по своему возрасту раздѣлять его умственно-возвышенныхъ досуговъ. Эти досуги Сила Ѳомичъ наполнялъ мелодическими фантазіями на лютнѣ.

Травкинъ сообщилъ Глѣбу о возвращеніи въ Горки его брата. Отъ него-же Глѣбъ и Марѣ узнали, что Алексѣй, снова поселясь въ деревнѣ, впалъ еще въ бо́льшее уныніе и скорбь. Видъ осиротѣлыхъ, безъ матери, дѣтей приводилъ его въ безъисходное отчаяніе. Хозяйство болѣе не развлекало его. Онъ безъ толку слонялся по дому. Прежде любилъ охотиться, а теперь бросилъ собакъ и ружье. Въ одномъ онъ находилъ еще нѣкоторое утѣшеніе: сойдясь съ приходскимъ священникомъ, престарѣлымъ, набожнымъ и толковымъ, отцомъ Василіемъ, Алексѣй цѣлые дни проводилъ съ нимъ, запершись въ своемъ сельскомъ кабинетѣ и читая Священное Писаніе—„единое,— какъ выражался Сила Ѳомичъ,—утоленіе скорбящей его души“.

„Вы представить себѣ не можете, — писалъ, между прочимъ, Глѣбу Травкинъ:—что́ сталось съ вашимъ добронравнымъ и унылымъ братцемъ! Сидитъ, въ точности говорю, по вся дни, наединѣ, хотя и съ препочтеннымъ, но дряхлымъ попомъ, въ ночномъ шлафрокѣ, или въ извѣстномъ вамъ дорожномъ, драномъ архалучкѣ, не причесанъ, а нерѣдко по суткамъ и не умытъ. И что́ дѣлаетъ? читаетъ о жизни Магдалины, Иродіады и иныхъ палестинскихъ женъ. Домочадцы съ скорбію слышатъ его вздохи, а часто и рыданія. Отецъ Василій неустанно вразумляетъ его, хотя, по видимости, и тщетно. Начавшіе было, отъ извѣстныхъ вамъ причинъ, копошиться и грубить крестьяне, подданные вашего братца, благодареніе Богу, присмирѣли. Да оно и препонятно; съ Яика дошли вѣсти, что состоялась сентенція надъ главными бунтовщиками, — болѣе сорока́ человѣкъ повѣсить, дванадесять четвертовать, а остальнымъ—нещадныя плети“.

Въ началѣ апрѣля 1773 года Глѣбъ и Марѣ получили краткое извѣстіе отъ самого Алексѣя. Онъ имъ писалъ, что, при постигшей его бѣдѣ, ему пришла благая мысль — перестроить въ Горкахъ ветхую деревянную церковь; что онъ началъ уже заготовлять для того нужные припасы и что вскорѣ, съ Божьею помощью, надѣется собраться со средствами и приступить къ обновленію этого храма. „Все предполагаю,—писалъ онъ: —окончить не далѣе лѣта“, причемъ просилъ брата и невѣстку, на высланныя деньги, заказать и доставить ему изъ Москвы въ Саратовъ часть церковной утвари. О Серафимѣ, съ выѣзда своего изъ Москвы, Алексѣй не вспоминалъ ни единымъ словомъ.

Въ концѣ апрѣля Глѣбъ отъ Травкина получилъ слѣдующее письмо:

„Сообщаю вамъ нѣкую, особливую и любопытства достойную, вѣсть,—писалъ онъ:—наша извѣстная авантюрьéра, сирѣчь Серафима Львовна, подала, наконецъ, о себѣ вѣсть; она, заблудшая овца, объявилась, токмо уже не въ Кіевѣ, а близъ Казани, въ родовой вотчинѣ превосходительной своей тетушки, генеральши Туровцовой. И представьте, прямо о себѣ осмѣлилась написать, кому же? — самому Алексѣю Андреевичу, и притомъ такъ гордо, даже заносчиво! „Извѣстите, молъ, прошу васъ, милостивый государь мой, что̀ и какъ съ моими дѣтьми?“—Каковъ вопросъ и къ кому обращенъ? къ несчастному, брошенному ею же, мужу! Алексѣй Андреевичъ, разумѣется, на оное писаніе вовсе и не удостоилъ отвѣтомъ“.

— И отлично сдѣлалъ! — сказалъ Глѣбъ, прочтя вслухъ это письмо женѣ:—давно бы такъ взяться за умъ! не было бы того, что̀ произошло.

Наступилъ май. Въ теченіе этого мѣсяца, по извѣщенію того же Силы Ѳомича, Серафима снова и уже не одинъ разъ, а въ двухъ подъ-рядъ письмахъ, адресовалась къ мужу съ тѣми же вопросами о дѣтяхъ.

„Пишетъ, вообразите, и паки пишетъ, — сообщалъ о ней сосѣдъ Алексѣя: — и ужъ собственною ли это персоной, или по выговорамъ и должному осужденію разумной своей тетушки-генеральши, только въ эти разы многажды мягче и въ подобающемъ приличіи. Сейчасъ и видать, жизнь-то въ постороннемъ. хотя бы и пріютившемъ ее углу, при всѣхъ о ней заботахъ и роскошахъ, ой, какъ солона, знать, пришлась оной, новой, выразиться такъ, Пентефріи. И извините меня, глубокочтимый Глѣбъ Андреевичъ, за такое сравненіе; къ слову привелось. Не соблазняй, сударушка, глупыхъ молокососовъ, не грѣши! Вашъ же препочтенный и всякаго сочувствія достойный братецъ, и на тѣ, болѣе искательныя, уловленія, не только вновь не отвѣтствовалъ, но, какъ и слѣдуетъ, не обратилъ ни малаго вниманія,—обоими письмами такожде пренебрегъ“.

— Пентефрія,—съ досадою фыркнулъ Глѣбъ, прочтя и это письмо женѣ:—нечего сказать, по-дѣло̀мъ, удостоилась твоя бывшая подруга клички! И отъ кого же? отъ Травкина, ничтожнаго и глупаго однодворца.

Глѣбъ выходилъ изъ себя. Марѝ, съ болью въ сердцѣ, слушала его жестокіе и рѣзкіе отзывы о Серафимѣ, всячески стараясь возвратить къ ней хотя тѣнь снисхожденія мужа, но не достигла этого. Глѣбъ оставался при прежнемъ мнѣніи о Серафимѣ. Марѝ, послѣ писемъ Серафимы къ мужу, пыталась заводить съ Глѣбомъ разговоры о невѣсткѣ, при постороннихъ, близкихъ имъ знакомыхъ. Тѣ, въ особенности Спесивцевъ, открыко держали ея сторону.

XV.

Однажды, это было въ серединѣ мая, Дугановы бесѣдовали, въ обычномъ своемъ кругу, объ Алексѣѣ и его женѣ. Марѣ рѣшилась утверждать, что Серафима, не смотря на внѣшніе поводы къ ея обвиненію, въ душѣ не испорчена и, какъ добрая женщина, всегда искренно способна раскаяться.

— Марья Родіоновна права,—сказалъ внимательно слушавшій ее Спесивцевъ:—и вы, Глѣбъ Андреевичъ, увидите, вашъ братъ, насколько я его знаю, если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, непремѣнно снова сойдется съ женой.

Глѣбъ, при этихъ словахъ, вспыхнулъ. Краска залила его лицо.

— Какъ? мой братъ?—спросилъ онъ, мѣряя Спесивцева глазами.

— Да-съ, Алексѣй Андреевичъ Дугановъ.

— И вы такого дурнаго мнѣнія о братѣ?

— Чѣмъ же дурнаго? онъ человѣкъ и притомъ съ добрымъ сердцемъ.

— Такъ вы допускаете,—продолжалъ, съ раздраженіемъ въ голосѣ, Глѣбъ:—что, послѣ всей грязи, запятнавшей его доброе, неповинное имя, онъ откроетъ свои двери и скажетъ этой женщинѣ, этой твари, милости просимъ, снова водворяйся у меня и, по былому, царствуй?

— Какое же униженіе, помилуйте?—возразилъ Спесивцевъ:—къ мужу придетъ грѣшная жена, въ двери родной семьи станетъ стучаться, моля о пощадѣ и примиреніи, опомнившаяся мать, и этой двери ей не отопрутъ?

— Вѣдь ты же допускаешь, нельзя же не допустить покаянія?—спросила мужа Марѣ, сжимая и цѣлуя ему руку.

Глѣбъ вырвалъ у нея руку и всталъ.

— Все можно говорить,—сказалъ онъ, съ приливомъ острой непонятной злобы, смотря на доктора и на жену:—но этого... извините меня!.. считать моего брата за такое... жалкое ничтожество!.. воля ваша, этого я снести не могу!

— Но вы же, да и вашъ братъ,—произнесъ Спесивцевъ:—давно ли вы оба говорили, какъ разъ противное тому, что проповѣдуете, повидимому, теперъ? вѣдь онъ именно дѣлаетъ то, что вы говорили... Вотъ она, жизнь! значитъ, не одно дѣло—говорить и дѣлать, значитъ...

Глѣбъ не дослушалъ доктора. Онъ всталъ и направился въ кабинетъ, но увидѣлъ въ залѣ свою шляпу, взялъ ее и вышелъ на улицу. Марѣ видѣла, какъ онъ подозвалъ перваго попавшагося извозчика, сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. У него въ тотъ день, какъ Марѣ знала, было нужное дѣло въ городѣ, и обрадовалась, что мужъ проѣздится, а слѣдовательно, и успокоится.

— Ну-съ, милая барыня, а у васъ все ли благополучно?—спросилъ Спесивцевъ, тоже взявъ шляпу:—что̀ пишутъ изъ Ракитнаго? незабвенная Украйна!.. какъ здоровье вашей свекрови?

— Maman здорова,—отвѣтила Марѝ:—но вотъ, право, мы толкуемъ о разныхъ разностяхъ, а я и забыла... съ Васей что-то неладно.

— Что̀ же у него?

— Головка горячая, все плачетъ.

— На зубки, Марья Родіоновна... очевидно, пустяки-съ, и вы о томъ не думайте... вырѣзался одинъ, пойдутъ, съ Богомъ, и другіе...

— Легко сказать, не думать!

— Да въ дѣтскихъ болѣзняхъ, сударыня моя, менѣе всего прибѣгайте къ медикамъ.

— Ахъ, Боже мой, у васъ все одна пѣсня!—сказала съ досадой Марѝ:—и помирать-то, кажется, мы станемъ, а вы будете толковать одно: не обращайтесь къ врачамъ. Не вы ли мнѣ говорили про какую-то чудовую травку для дѣтей,—материнку, что ли,—отъ которой будто даже умирающіе воскресаютъ?

— Это истинная-съ правда, только вы меня не поняли... Заболѣй дѣйствительно кто-нибудь, о, разумѣется, я первый... зовите тогда и меня, гдѣ бы я ни былъ и что̀ бы ни дѣлалъ, явлюсь, и не только для васъ стану медикомъ, пропишу и эту материнку.

Спесивцевъ поклонился и хотѣлъ уже идти.

— А кстати, однако,—сказалъ онъ:—дайте взглянуть на вашего наслѣдника, изъ-за чего онъ у васъ сталъ киснуть?

Няня принесла ребенка. Спесивцевъ внимательно осмотрѣлъ его.

— Малокровіе,—сказалъ онъ:—вы, впрочемъ, тоже не отличаетесь особымъ здоровьемъ. Мало питаетесь, черезъ васъ и онъ. Памятуйте, повторяю, великихъ виталистовъ Броуна, Бартэ и Сталя; я вамъ о нихъ говорилъ. Лучше питайте ребенка. Скорѣе отнимите его отъ груди и ставьте на общую пищу; а еще будетъ лучше, если и вы сами, съ мальчуганомъ, это лѣто, да и часть осени, проведете въ деревнѣ. Vis medicatrix naturae...

— Нельзя намъ на югъ къ maman; у мужа столько занятій.

— Такъ переѣзжайте здѣсь въ окрестности. Вы же говорили, что князь давно предлагаетъ вашему мужу свою здѣшнюю, казенную мызу, возлѣ Кунцова. Ребенокъ и вы скоро тамъ оправитесь.

Марѝ передала Глѣбу, какъ бы отъ себя, эту мысль. Онъ самъ ей не разъ, въ этомъ году, говорилъ о деревнѣ и былъ не прочь подышать сельскимъ воздухомъ. У нихъ же, кстати, постоянно были свои лошади, для поѣздки Глѣба на службу,—значитъ, можно было удобно устроиться,—и Дуга́новы, около половины мая, переѣхали на казенную мызу, возлѣ Кунцова.

Вскорѣ послѣ этого переѣзда, Глѣбъ получилъ отъ Алексѣя письмо съ извѣщеніемъ, что перестройка церкви идетъ успѣшно и что на Петровъ день онъ проситъ и ждетъ брата и его жену на освѣщеніе церкви. Ѣхать имъ въ Горки не пришлось. Марѝ, недавно передъ тѣмъ, отняла Васю отъ груди и хотя чувствовала себя на мызѣ, внѣ городской духоты и пыли, отлично и была вообще въ духѣ, хотя и ребенокъ, перейдя на собственные свои хлѣба̀, повеселѣлъ и сталъ оправляться,— не рѣшалась оставить его одного, на рукахъ няни, а брать его съ собою въ дорогу, да еще въ такую даль, сильно опасалась.

У Глѣба, около этого времени, тоже накопилось много неотложныхъ и важныхъ служебныхъ дѣлъ. Князь, охотно отпускавшій его, по дѣлу брата, въ Кіевъ, теперь безпрестанно звалъ его къ себѣ. Ѣздя по сильной жарѣ въ городъ и возвращаясь оттуда до-нéльзя усталый, съ грудами бумагъ, Глѣбъ и дома, на мызѣ, просиживалъ надъ ними иногда за полночь и сталъ, наконецъ, поговаривать, что вскорѣ ему, пожалуй, предстоитъ новый, утомительный отъѣздъ въ какую-то дальнюю командировку. На настоятельный вопросъ жены, куда это и зачѣмъ, онъ нехотя и озабоченно отвѣтилъ:—Непріятная коммиссія и пока секретъ. Одна знатная особа, нѣкто Кордѝнина, подала жалобу самой государынѣ на неуваженіе и неповиновеніе своей вдовой дочери, а ея дочь въ Петербургѣ... Возились мы съ этою барыней, разбирали, судили, и теперь князь твердитъ одно, что безъ моей поѣздки въ Петербургъ дѣло не обойдется. О, какъ бы мнѣ не хотѣлось ѣхать! А нельзя, эта обиженная дочерью Кордѝнина—близкая родня нашему князю.

Переносясь мыслію въ Малороссію, къ maman, Глѣбъ и Марѝ съ удовольствіемъ вспоминали Ракитное, его садъ и грачей, привольную жизнь въ деревнѣ и охоту на берегахъ Донца.—„А что-то нашъ паціентъ?“—сказала какъ-то Марѝ, обратясь къ Нипéтъ, послѣ одного изъ такихъ разговоровъ съ мужемъ, вспомнивъ ярмарку въ Кабаньемъ и случай съ конемъ коммиссара: „поймали ли бѣглеца и возвращенъ ли похищенный имъ конь?“—По совѣту Нипéтъ, она спросила о томъ, въ одномъ изъ писемъ къ прикащику свекрови, къ которому изрѣдка обращалась, по поводу внуковъ Сысоевны, дѣтей Якова, служившаго у нихъ садовникомъ въ Москвѣ.

— „Оный казакъ Ивановъ,—отвѣтилъ прикащикъ:—объявился закоренѣлымъ бродягою и мутьяномъ, а сбѣжавшій съ нимъ въ прошломъ году житель Кабаньяго, Коровка, возвратился было въ тайности къ женѣ и былъ изловленъ, но снова утёкъ, съ женою, изъ холодной, черезъ подконъ. Вамъ, сударыня, вѣдомо, каковы наши сельскіе остроги. Что же до его постояльца, Иванова, то съ той поры о немъ ни слуху, ни духу. И даже, живъ ли онъ, въ настоящее время, никто про то

не свѣдомъ, а скорѣе всего, что ускакалъ изъ нашихъ палестинъ въ иныя, воровскія мѣста, да притомъ, полагаю, загналъ до смерти неповиннаго коня, либо продалъ его въ какомъ-нибудь, сказать, притонѣ, а деньги пропилъ и гдѣ-нибудь, подъ заборомъ или на той воровской дорогѣ, самъ пропалъ, а по-просту, аки песъ, издохъ. Всѣ оные такъ, извините, кончаютъ".

Казакъ Ивановъ, однако, не пропалъ.

XVI.

Въ началѣ августа 1773 года, въ пустынной и дикой сызранской степи, у рѣчки Таловой, на перепутьѣ отъ рѣки Иргиза къ Яицкому-городку, стоялъ одинокій постоялый дворъ, по прозванію въ околоткѣ—Таловый-умётъ.

Это была невысокая, но обширная, въ два жилья, мазанка изъ плетня, съ сараемъ, погребомъ, баней-землянкой, камышевою огорожей и съ далёко-виднымъ колодезнымъ журавлемъ.

Былъ вечеръ субботы. Погода стояла тихая и сухая. На небѣ ни облачка.

Надъ пожелтѣвшими, скошенными жнивьями и выбитыми скотомъ травами медленно парили коршуны, въ терновыхъ кустахъ и уцѣлѣвшемъ ковылѣ высматривая дремлющихъ, съ открытыми, пересохшими ртами, дрохвъ и выводковъ-куропатокъ. Изрѣдка въ знойной, безвѣтренной тишинѣ, то здѣсь, то тамъ, сами-собой, по дорогѣ и по новой пахоти, срывались, кружа и неся густую пыль, высокіе, черные вихри.

Кругомъ было тихо. Издали слышалось только серебристое ржаніе жеребенка, потерявшаго на тощей пастьбѣ свою мать, да изъ скрытаго, за пригоркомъ, въ оврагѣ, дубоваго лѣса доносился клёкотъ степной орлицы, сзывавшей слётковъ-дѣтёнышей къ растерзанному зайцу или къ молодому сайгаку—дикой козѣ.

Хотя солнце клонилось къ вечеру, въ воздухѣ было еще знойно. На дорогѣ и вокругъ умета не было видно ни души. Два сторожевыхъ пса-волкодава, одинъ—рыжій, куцый, другой—сѣрый, съ репейниками на бокахъ и въ сбитыхъ клубняхъ хвоста, спокойно спали у открытыхъ воротъ. Окрестные поселяне, въ ожиданіи праздника, заранѣе разбрелись съ поля по домамъ. Одни пастухи маячили въ опустѣлой степи, да и тѣ отъ духоты попрятались по рытвинамъ и оврагамъ, или въ тѣни кургановъ и одинокихъ терновыхъ кустовъ.

Старый хозяинъ-уметчикъ, отставной пахотный солдатъ, Степанъ Оболяевъ, былъ старовѣръ, безпоповскаго толка. Онъ сидѣлъ тоже въ холодкѣ, у задняго крыльца мазанки, своею тѣнью уже застилавшей почти

половину двора, а въ виду того, что его хата и дворъ были пусты и что, передъ праздникомъ, не ожидалось прохожихъ, отъ скуки портняжничалъ. Надѣвъ на носъ большіе, оловянные очки и что-то бормоча себѣ подъ носъ, онъ заскорузлыми, мозолистыми руками чинилъ какую-то мѣховую одеженку. Онъ былъ высокаго роста, съ подстриженною сѣдою бородой, съ юношески-румянымъ, привѣтливо улыбающимся лицомъ и съ серьгой въ правомъ ухѣ. Набожный и добрый, онъ въ молодые годы много натерпѣлся, живя сиротою въ работникахъ, на Яикѣ, и теперь охотно давалъ у себя пріютъ всякимъ гонимымъ, бездомнымъ и утеклецáмъ. По смерти жены, оставшись одинъ, съ малолѣтнимъ племянникомъ, онъ невольно втянулся съ тѣхъ поръ въ женское хозяйство, самъ стряпалъ и мылъ, не стыдясь, подвязывался передникомъ, мѣсилъ и пекъ хлѣбы, прялъ кудель и доилъ коровъ.

У него и теперь скрывались двое бродягъ, бѣжавшихъ съ дороги въ Сибирь. Кто они, за что ссылались и какъ бѣжали, онъ ихъ не спрашивалъ. За кровъ и пищу, бѣглецы свезли ему сѣно и теперь стерегли его скотину, носили ему изъ лѣсу валежникъ и исполняли всякія нужныя требы. Ихъ пребываніе здѣсь не тревожило старика; пора была глухая, да и его дворъ стоялъ тамъ далеко отъ всякаго надзора и полицейскихъ командъ. Племянника въ то время онъ куда-то услалъ, за солью и мукой.

Оболяева втайнѣ занималъ третій его постоялецъ, вторично пришедшій къ нему на-дняхъ и особенно проспвшій его о пріютѣ. О немъ-то задумался теперь уметчикъ, изрѣдка поглядывая въ ворота и продолжая работать иглой въ холодкѣ крыльца.

„Странный человѣкъ,—разсуждалъ Оболяевъ о своемъ гостѣ:—чуть свѣтъ, ушелъ на охоту, съ ружьемъ, говоритъ,—надо бы, какъ слѣдъ, встрѣтить воскресный день, уважить хозяина, достать кой-какой дичины. Да вотъ, съ утра и нѣтъ его; взялъ сухарь хлѣба и не идетъ. Такъ-то приходилъ онъ сюда и недавно, да вдругъ и сгинулъ,—тоже пропалъ. Назвался тогда донскимъ казакомъ, нашей старой вѣры; сказывалъ, что прячется, страждетъ за истинный крестъ и бороду, и что хотѣлъ бы послужить единому, праведному, древлему Богу. Потомъ это вдругъ признался, что онъ не казакъ, а бидто богатый заморскій купецъ; что былъ онъ въ чужихъ странахъ,—въ Нѣмечинѣ, въ Египтѣ, въ Ерусалимѣ, а оносля въ Изюмѣ и на Яикѣ. И бидто лѣтось подговаривалъ донскихъ и нашихъ яицкихъ казаковъ, отъ гоненій за вѣру, переселиться въ Турцію, за Терекъ; что тамъ-де у него припасено для казачества сотни двѣ тысячъ рублями и больше, чѣмъ на полсотни тысячъ товаромъ, и что турскій паша встрѣтитъ нашихъ съ честью и лаской, дастъ всѣмъ вольную волю,—земли сколько хочешь, всяко жалованье и почетъ. Я его спрашиваю, откуда же, миленькій, у тебя этакое,

аховое богатство?—а онъ: я, молъ, выходецъ изъ Польши, изъ тамошнихъ князей, да скрываюсь. А, князь, думаю, такъ и князь! Только попался это малый, съ подговорами, сперва на Терекѣ, потомъ на Дону; приковали его, въ Моздокѣ, на цѣпь къ стулу, да скоро, провора, бѣжалъ. А какъ изловили на Дону, оттолѣ уже, въ кандалахъ, прямо погнали его въ Казань. Плохо было сердечному въ казанскихъ, черныхъ тюрьмахъ. Все разсказалъ онъ, даже плакалъ, какъ его тамъ мыкали и томили... Подговорилъ молодецъ товарища, оба отпросились съ конвойнымъ на молитву, къ знакомому попу; послали за угощеніемъ, напоили попа и солдата, а на пути сынъ товарища подхватилъ ихъ въ припасенную телѣгу—и поминай, какъ звали,—оба ушли изъ Казани сюда, на Иргизъ".

„Ловокъ, шустрый, бестія!" подумалъ умётчикъ, съ удовольствіемъ вспоминая разсказъ постояльца о его смѣломъ побѣгѣ изъ Казани: „и вѣдь не попался, Ерёма, Ерёмкинъ — курица те въ ротъ! А попъ-то, охъ, этотъ-то хмѣльной попъ! Видитъ онъ изъ окна, сѣли они съ конвойнымъ въ телѣгу, быдто договорили подводчика подвезти ихъ хмѣльныхъ въ острогъ, проѣхали этакъ малость, да вдругъ столкнули пьянаго солдатика на земь и поскакали".

Глаза Оболяева, при этихъ мысляхъ, весело прищурились; сквозь рѣдкіе, съѣденные зубы послышался кашель и смѣхъ, и все его тѣло пріятно заколыхалось. Нитка выпала изъ иглы. Отеревъ слезы, но еще смѣясь, онъ ссучилъ и прикусилъ нитку, только что нацѣлилъ ее въ иглу, какъ свѣтъ ему заслонило что-то бѣлое и лохматое. Умётчикъ поднялъ глаза.

Передъ нимъ стоялъ, съ ружьемъ въ рукѣ, придерживая на плечѣ убитую козу, средняго роста, сильно исхудалый, загорѣлый и широкоплечій, лѣтъ тридцати двухъ, мужикъ, съ рѣдкою, черноватою бородкой, въ которой уже пробивалась ранняя сѣдина, въ посконной, примаранной кровью рубахѣ, синихъ набойчатыхъ шароварахъ, сермяжномъ колпакѣ и въ худыхъ, на босу ногу, войлочныхъ котахъ. Лохматые псы пропустили подошедшаго безъ лая, какъ знакомаго человѣка.

— Освѣжуй-ка, надежа!—усталымъ, хриплымъ голосомъ сказалъ подошедшій, сбрасывая на земь дичину:—ужъ и походилъ же я, полазилъ за нею; сайгачокъ хоть куда.

Онъ снялъ шапку, отбросилъ со лба слипшіеся темные волосы и рукавомъ отеръ сильно вспотѣвшее лицо. Его глаза раздражительно улыбались; у лѣваго виска отъ усмѣшки обозначалась бѣлая морщина.

— Молодецъ, Ерёма, Ерёмкинъ-курица!—воскликнулъ умётчикъ, радостно разглядывая молодую, свѣтло-желтую козочку, съ гладкою шерстью и красивыми глазами:—будетъ на праздникъ кашица; такъ-то! ждалъ тебя долго... наваримъ таперича и напечемъ.

Тотъ, кого Оболяевъ обзывалъ Ерёмой и Ерёмкинымъ-курицей, носилъ, какъ онъ зналъ, другое имя, эти же прозвища были любимыми присловьями умётчика, изъ-за которыхъ его самого звали въ околоткѣ „Ерёмкинымъ-курицей“.

— Да ты какъ же это, Емельянъ Ивановичъ?—спросилъ Оболяевъ: — на пастьбѣ его стрѣлилъ, али такъ угодилъ, на бѣгу?

Охотникъ презрительно повелъ черными, наигранными, арестантскими глазами и молча сталъ опять поднимать козу.

— На бѣгу?—спросилъ онъ:—да нешто у меня, какъ у какого пана, готовые патроны при поясѣ и всякое снадобье? Всю картечь давеча разстрѣлилъ; вышелъ съ двумя пульками, самъ знаешь, и все... Панъ!.. Говорю тебѣ, выслѣдилъ въ гаю...

— Ну, думаю себѣ,—продолжалъ онъ:—пойдутъ онѣ къ вечеру въ лощинку, на водопой; опозналъ это я козьи слѣды, по грязи, у ключа, и поползъ. Каки-таки мы богачи? На заряды капиталовъ нѣту. Съ версту я лѣзъ въ гущинѣ, руки вѳ-какъ исцарапалъ, и залегъ. Вижу, жаръ отвалилъ. Идетъ это она, да сторожко такъ ступаетъ ножками; спустилась къ камышу, потянула студеной струйки, весело такъ дышетъ,—и глянула вверхъ на меня, а я въ травѣ лежу и цѣлюсь прямо ей въ морду... Да ласково такъ, треклятая, ну, точно человѣкъ, поглядѣла! я и стрѣльнулъ...

Умётчикъ замахалъ, отъ смѣха, руками и, старчески охая, поднялся на ноги.

— Иди же, родимый,—сказалъ онъ, ковыляя на крыльцо:—потрудись Богу, наруби дровецъ, истопимъ баню... И самъ ты у насъ еще не мылся... ишь, какъ окровянился... А я все изготовлю. Не хочешь ли щецъ? животы съ утра, чай, подвело? Тамъ оставилъ племяшку; хватитъ и тебѣ.

XVII.

Охотникъ, взваливъ козу на плечи, пошелъ отъ крыльца къ сараю. Солнце спустилось за дальніе, синѣющіе холмы. Степь покрылась мглою. Отъ сосѣдняго лѣсистаго оврага потянуло прохладой. Во дворѣ раздались звуки топора. У воротъ плетневаго бàза, скотскаго сарая, гость умётчика, сильнымъ взмахомъ худыхъ, загорѣлыхъ рукъ, рубилъ на осиновой колодѣ сучья валежника. Самъ Оболяевъ, въ сараѣ, противъ воротъ, сидѣлъ на корточкахъ, съ ножомъ въ рукахъ, свѣжуя висѣвшую съ перекладины дичину. Изъ трубы землянки бани, вырытой о-бокъ съ сараемъ, валилъ дымъ.

— Такъ плохо нашимъ-то яицкимъ казакамъ?—спросилъ гость, останавливаясь рубить дрова.

— Еще бы, батюшка, не плохо. За убивство нѣмца-генарала сколько старшинъ сослано! а за награбленное у него добро на всѣхъ рядовыхъ, войсковой руки, наложили пеню, да какую! — по полсотни и болѣе цѣлковыхъ. Опять казаки стали мутиться; сбираются всѣмъ войскомъ за море, въ Астрабадъ, либо въ Золотую-Мечеть. Да какъ его идти? вездѣ караулы, начальство; кто и какъ проведетъ?

— Я проведу! — сказалъ гость и такъ при этомъ ударилъ топоромъ по сучьямъ, что сразу перерубилъ цѣлый ихъ пукъ.

— Можетъ, соколикъ, и проведешь, — отвѣтилъ, покачавъ головой, Оболяевъ: — да съ чѣмъ они, тамотко, бросивъ свое добро, возьмутся за дѣло?

— За границей, у турскаго паши, — проговорилъ гость: — моихъ пять милліоновъ оставлено... Надо, старикъ, ой, какъ надо, вызволить страждущихъ братій.

Оболяевъ чуть не выронилъ ножа. Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на гостя, соображая, шутитъ ли онъ, или говоритъ правду. А тотъ, по-прежнему, сильными взмахами рубилъ дрова. „Чудны дѣла Твои, Господи, — набожно мыслилъ умётчикъ: — бываетъ всяко, Господь правитъ... И въ древности важные и чиновные мужи смиренно ходили промежду убогихъ и простецовъ, чиня всякую помощь угнетеннымъ и сиротамъ“.

Баня была готова. Оболяевъ и его гость усердно выпарились и вымылись въ ней и оба оттуда вышли красные, въ чистомъ бѣльѣ и съ расчесанными на-двое головами и бородами. Умётчикъ далъ гостю, вмѣсто его грязной, замаранной кровью, рубахи, свою — чистую, изъ тонкой синей бязи. Они закусили постными щами, съ лукомъ, въ ожиданіи на завтра козьей похлебки, и разошлись, умётчикъ — доить пришедшихъ съ поля коровъ, а гость — въ темный чуланъ, прилаженный въ углу скотскаго база.

Настала ночь. Въ банѣ еще свѣтилось. Тамъ мылись, пригнавшіе съ поля скотъ, бритые лбы. Но скоро и они, поужинавъ, напоили воловъ и коровъ и снова погнали ихъ на ночную пастьбу. Кругомъ опять стихло. Изрѣдка только раздавались ворчаніе и лай собакъ, лежавшихъ за воротами и чутко глядѣвшихъ на потемнѣвшую дорогу.

Умётчикъ возвратился въ избу и легъ на палатяхъ. Но ему не спалось. Изъ его головы не выходили слова гостя о пяти милліонахъ. Но болѣе этой суммы его занимало то, что онъ вдругъ разглядѣлъ на лицѣ и тѣлѣ гостя въ банѣ: бѣловатаго цвѣта шрамъ, подъ волосами, у лѣваго виска, и такого же вида, какъ бы вдавленные другъ въ друга, желобки или рубцы на плечѣ и на груди, ниже соска.

„Что бы это за знаки?“ размышлялъ Оболяевъ: „откуда они у него? отъ золотухи, или отъ иной болячки? или рубцы отъ като-

выхъ плетей?.. Такъ нѣтъ, по его словамъ, онъ убѣжалъ отъ казни. Спросить, развѣ, да не скажетъ... Важный, шельма! хоть худой, а такой корпусный, проворный, да строгій, съ виду же совсѣмъ простой человѣкъ! Обинякомъ выпытать, что ли, пойти?"

Умётчикъ всталъ, накинулъ на плечи шубейку и вышелъ во дворъ. Ночи прошло не мало. Мѣсяцъ уже высоко стоялъ въ безоблачномъ небѣ. Кругомъ была мертвая тишина. Заслышавъ шаги, собаки съ лаемъ шарахнулись съ дороги къ припертымъ воротамъ.

— Цы́ма-те, треклятыя!—крикнулъ на нихъ умётчикъ:—цыцъ!

Онъ, однако, остановился, подумалъ: „Нѣтъ, лучше завтра! теперь ужъ, видно, спитъ!" и, покряхтывая отъ лома въ старыхъ костяхъ, возвратился въ хату, раздумывая: „Купецъ безтоварный, бродяга... а вышелъ вонъ что..."

Гость Оболяева также еще не спалъ. Раскинувшись подъ зипуномъ, на досчатомъ помостѣ, прилаженномъ въ углу чулана, онъ думалъ крѣпкую думу.

Мысли о молодыхъ годахъ, когда онъ жилъ еще подросткомъ на Дону, при отцѣ, смѣнялись въ его головѣ воспоминаніями о походѣ съ казаками въ Пруссію, гдѣ онъ на Одерѣ, на смотру, впервые увидѣлъ чужеземнаго вѣнценосца, прусскаго короля, окруженнаго генералами и пышною, въ золотѣ, свитой, и гдѣ, между тѣмъ, на утро, его самого нещадно высѣкли плетьми, за пропавшую на пастьбѣ лошадь полковника.

Вспоминались ему возвратъ съ границъ нѣметчины и краткое пребываніе на родинѣ, съ женою и дѣтьми, посылка съ командой, для ловли бѣглыхъ раскольниковъ, близъ Польши, походъ подъ Бендеры, новый возвратъ въ родную станицу, побѣгъ на Терекъ, арестъ и цѣпи, казанскій острогъ и новыя шатанья по степнымъ притонамъ. Все вспоминалъ онъ,—бѣдность и лишенія, тюрьмы и кандалы, зависть и злобу къ богатымъ и сильнымъ и неутомимое стремленіе къ волѣ и къ чему-то волшебному и сказочному, что̀ такъ его манило и о чемъ онъ иной разъ боялся даже думать.

И какъ было не думать о лучшемъ, не завидовать другимъ, когда кругомъ всѣмъ было лучше? Многіе изъ казаковъ родной станицы, бывшіе съ войскомъ въ Пруссіи, возвратились оттуда съ завидною прибылью. Тотъ вывезъ съ похода дорогое оружіе и лошадей, тѣ раздобыли женамъ и дочерямъ шелковыхъ и бархатныхъ нарядовъ, а этотъ, послѣ взятія завоеваннаго Берлина, уже прямо сталъ богачемъ, вывезъ кожаный поясъ, полный золотыхъ иноземныхъ дукатовъ. И по домашнему дѣло удалось многимъ. Тѣ небывало расторговались солью, эти рыбой, а ближній сосѣдъ даже, по слухамъ, нашелъ гдѣ-то цѣлый кладъ, но-просту же, какъ его подозрѣвали, убилъ и огра-

билъ въ степи проѣзжаго съ Каспія купца. Всѣмъ было хорошо; у него только хата стояла съ продырявленною крышей и нечѣмъ было ее покрыть, а его жена и дѣти сидѣли голодныя, по мѣсяцамъ, питаясь прѣсными лепёшками, безъ сала и соли. Возвратился онъ въ прошломъ году изъ бѣговъ и самой хаты своей не нашелъ; ее продали за долги въ сосѣднюю станицу, семья же изъ милости жила у родичей, въ новыхъ долгахъ. Мельнику жена задолжала за муку шесть рублей, попу, за зимовлю коровенки, два съ полтиной. И опять онъ ушелъ бродить и шлялся, проживая то здѣсь, то тамъ, вспоминая укоры и брань голодной жены.

Болѣзнь застигла его въ Изюмскомъ уѣздѣ, у казака Коровки. Излѣчась, онъ убѣжалъ оттуда, добрался до Царицына, услышалъ тамъ о появленіи, наказаніи и ссылкѣ самозванца, Ѳедота Богомолова; разспросилъ о немъ, переплылъ на челнѣ черезъ Волгу и, побывавъ въ Яицкомъ городкѣ, направился къ знакомцу Коровки, Оболяеву, на Иргизъ. Умётчикъ былъ также одно время въ Изюмѣ; служа въ солдатахъ, онъ водилъ туда какихъ-то бѣглыхъ и ночевалъ по пути у Коровки.

„Не съумѣлъ Ѳедотъ-простота!—разсуждалъ о Богомоловѣ гость Оболяева:—назвался, съ пьяну, царемъ Петромъ Ѳедоровичемъ и знаки какіе-то показывалъ на груди и плечахъ; всѣ ходили взглянуть на новоявленнаго, аки бы чудомъ спасеннаго, императора. Не его ума дѣло! Сплоховалъ, замучили, сгинулъ! Не такъ надо было начинать и не такъ кончать... А его дѣло, сказать правду, не умерло, далеко пошло и живетъ... Всѣ ждутъ, всѣ алчутъ видѣть новоявленнаго, общаго избавителя. Другаго такого случая не было и не будетъ. Ротъ раскрыли, души раскрыли, ждутъ... Давно это думаю и я... Смѣлое дѣло; дьяволъ манитъ... Вѣдь и у меня знаки отъ болѣзни... Да какъ взяться?... Иль настала пора?“

Гость Оболяева ворочался съ боку на бокъ въ темномъ чуланѣ. Смѣлыя мысли уносили его далеко.

Настало утро. Среди двора умётчика, на таганкѣ, кипѣлъ котелъ съ похлебкой, и тутъ же на лучинкахъ хозяинъ дожаривалъ нарѣзанный ломтиками козій бокъ. Запахъ варенаго и жаренаго мяса пріятно распространялся по двору. За воротами скрипѣлъ рычагъ колодезнаго журавля. Постоялецъ Оболяева, опершись разутою, волосатою ногою въ срубъ колодца, мокрыми, покраснѣвшими руками подхватывалъ брызжащую бадью и выливалъ ее въ корыто, для пойла коней какимъ-то подошедшимъ подводчикамъ.

Накормивъ и отправивъ фурщиковъ, Оболяевъ и его гость постлали

на-земь, въ холодкѣ, у сарая, скатерть, принесли туда миски съ ѣдой и усѣлись за праздничную трапезу. Умётчикъ былъ въ новомъ азямѣ; его гость тоже пріодѣлся и обулъ коты. Истово помолясь двуперстнымъ крестомъ на востокъ, оба они сперва принялись за мясную, съ чеснокомъ, похлебку, потомъ за жареный, съ солью и перцемъ, козій шашлыкъ. Ихъ лица отъ удовольствія раскраснѣлись и вспотѣли; глаза не поднимались отъ мисокъ; полные рты молча и старательно жевали. Утершись концомъ общаго ручника, Оболяевъ перевелъ духъ, протянулъ руку къ пузатой, полйвяной флягѣ и налилъ изъ нея по стаканчику какой-то золотистой настойки. Хозяинъ и гость, перекрестясь, выпили и повторили еще по стаканчику.

— На тысячелистникѣ,—замѣтилъ Оболяевъ.

— Вижу, — отвѣтилъ постоялецъ: — знать, давняя,—захватываетъ духъ.

XVIII.

— А скажи-ка, Пугачовъ,—обратился къ гостю Оболяевъ:—что это вечёръ за знаки я видѣлъ у тебя на груди?

Пугачовъ не отвѣтилъ.

— Быдто орлы, али кресты у тебя,—продолжалъ умётчикъ:—на плечѣ и на груди...

— Знаки государевы!—спокойно проговорилъ, утираясь другимъ концомъ общаго ручника, Пугачовъ.

— Какъ государевы знаки?—спросилъ, чуть не привскочивъ на землѣ, старикъ:—ахъ ты, Ерёмкинъ-курица, шутникъ! и придумалъ же, матушка ты моя! Откуда на тебѣ быть царскимъ знакамъ?

— Ну, прямая же ты, вижу, курица, коли такъ! — небрежно зѣвнувъ, отвѣтилъ гость: — сколько лѣтъ живешь, былъ въ солдатахъ, а о царёвыхъ примѣтахъ даже не слыхалъ. Вѣдь, каждый государь, отъ рожденія, имѣетъ на себѣ тѣлесные, для отличія, знаки.

— Что ты это, Емельянъ Ивановичъ, помилуй!—въ страхѣ произнесъ умётчикъ: — опомнись! къ чему сказывать такія слова!

Пугачовъ помолчалъ. Онъ не глядѣлъ на умётчика. Пальцы его рукъ, перебирая утиральникъ, судорожно двигались.

— Экой ты безумный,—сказалъ онъ вдругъ, гордо оправляясь:— и догадаться не могъ! Полно съ тобой скрываться. Благодаримъ за хлѣбъ-соль и за пріютъ. Вѣдь я не донской казакъ и не заморскій купецъ, а только прикрывался, по нуждѣ, до времени... Я — государь вашъ Петръ Ѳедоровичъ.

Умётчикъ вздрогнулъ. Отъ испуга на немъ какъ бы подрало кожу

и сперло дыханіе въ груди. Нѣсколько секундъ онъ не могъ выговорить ни слова.

— Господи! съ нами крестная сила!—проговорилъ онъ побѣлѣвшими губами:—государь! да, вѣдь, онъ уже двѣнадцатый годъ, какъ померъ! Панихиды мы, сорокоусты пѣли...

— Врешь ты, мужикъ!—презрительно и гнѣвно возразилъ Пугачовъ:—Петръ Ѳедоровичъ живъ... смотри,—вотъ онъ передъ тобою,—я самъ...

Умёгчикъ окончательно растерялся и, разводя руками, только кланялся.

— Надёжа-государь!—произнесъ онъ, чуть не плача:—все бери, всѣ мы твои! не изволь гнѣваться; прости, коли чѣмъ, по незнанію, изобидѣлъ тебя, не помяни лихомъ, что обращались съ тобою, какъ съ простымъ.

Глаза Пугачова засвѣтились удовольствіемъ. Первый, признавшій за нимъ похищенное имя, обращался къ нему съ слѣпою, беззавѣтною преданностью.

— Ничего, ничего, старичокъ!—сказалъ онъ, съ снисходительнымъ ободреніемъ:—за что гнѣваться, оченно тебѣ за все благодарны. Только ты, до времени, не моги называть насъ царемъ и главное, слышь, не проговорись. Пусть, пока, я буду для тебя и для всѣхъ, какъ былъ, донской казакъ Емельянъ Пугачовъ. Слышишь?

— Слушаю, батюшка.

— Благодарите Бога,—продолжалъ Емельянъ, разувшись и перестилая ветхія онучи, давившія ему ноги въ котахъ: — вамъ отнынѣ открывается благополучіе, а когда мнѣ объявиться народу, про то подумаемъ и рѣшимъ.

Совсѣмъ смутившійся Оболяевъ, поглядывая на босыя ноги и убогую, истоптанную обувь гостя, наскоро, дрожащими руками, убралъ посуду, скатерть и ручникъ и, отдавъ рабочимъ остатки козы, ушелъ въ хату, раздумывая: „вотъ нежданное, вотъ Господь сподобилъ! Да правда ли все это?“ До вечера Пугачовъ не выходилъ изъ сарая. Думая, что онъ спитъ, Оболяевъ передъ ужиномъ заглянулъ въ его чуланъ. Пугачовъ, сидя на корточкахъ, чистилъ развинченное и положенное на помостъ ружье.

— Что это, батюшка, изволишь дѣлать?—спросилъ умётчикъ.

— Новая охота понадобится, нужно въ порядкѣ, а я люблю самъ.

— И все своими ручками?

— Въ потѣ лица, старикъ, сказано... и всему народу такъ слѣдъ!

— Ахъ-ахъ!—удивлялся Оболяевъ:—чудны дѣла твои, Господи!

— А вотъ я тебѣ, мужичокъ, — сказалъ Пугачовъ: — прочту изъ Писанія. Ты набожный, вижу,—слушай.

Онъ досталъ изъ мѣшечка, съ разною рухлядью, затасканную

тетрадь, вынесъ ее изъ сарая, прошелъ съ умётчикомъ къ хатѣ и сѣлъ на крыльцѣ.

— Сонъ Богородицы, молитвы Пречистой и всѣхъ святыхъ за насъ грѣшныхъ!—сказалъ онъ, держа тетрадь низомъ вверхъ, и, какъ бы читая, сталъ наизустъ перевирать то, что помнилъ изъ Писанія.

Умётчикъ, не слушая и не понимая мнимаго чтенія, только отиралъ слезы отъ радости и вздыхалъ.

— „И спросила Богородица, — кто тѣ, что стоятъ въ огнѣ по шею? — И сказалъ Архистратигъ: это тѣ, что мучили и поѣдомъ ѣли безвинныхъ людей... И бысть слава велія гонимымъ и убогимъ!“ —читалъ, глядя въ тетрадь, Пугачовъ:—„и всякому помощнику восхваленіе, честь и даръ, во вѣки...“

— Такъ, такъ,—говорилъ, кланяясь, Оболяевъ:—а скажи, ваше... то бишь, Емельянъ Иванычъ, какъ же ты спасся?

— Вездѣ не безъ добрыхъ людей,—отвѣтилъ Пугачовъ:—изволь, разскажу тебѣ... Отпустилъ меня въ Питерѣ изъ-подъ стражи вѣрный офицеръ, Масловъ, а похоронили тамотко, вмѣсто меня, другаго, помершаго въ то время, простаго солдата.

— Гдѣ же ты скрывался до сей поры?

— Не въ одномъ мѣстѣ, въ разныхъ, больше въ Ерусалимѣ и въ Египтѣ, у тамошнихъ, преклонныхъ мнѣ царей, коли слышалъ.

— Потерпѣлъ же ты, родной, какъ подумаешь, вынесъ всякой тяготы.

— Да, старикъ, было всего. А теперь, вижу, вы и вся чернь до краю обижены моею женой.

— Это царицей-то Екатериной Алексѣевной?

— Ну, да! вотъ я не вытерпѣлъ, рѣшилъ заступиться и всѣмъ, какъ есть, васъ довольствовать. И, хотя не время еще, кажись бы, явиться, да ужъ Богъ, видно, привелъ.

Оболяевъ, отъ умиленія, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. „Экое благо открылось!“—повторялъ онъ мысленно: „и у кого, поглядишь, царь-то объявился, изыдетъ стколь? Богоносные Акимъ и Анна... Симеонъ Богопріимецъ... молите о мнѣ, грѣшномъ рабѣ!“

— Таперича, значитъ, какъ ты узналъ и все, то-есть, должонъ понимать,—сказалъ, помолчавъ, Пугачовъ:—надо начать самое дѣло... Такъ вотъ что, старина, завтра помой мнѣ бѣлье, нуженъ запасъ; да свинцу пѣтъ ли? нарубилъ бы картечи, жеребковъ.

— Все тебѣ, батюшка, будетъ; есть, кажись, завалялся и свинецъ. Вотъ вернется племянникъ, найдетъ.

— А потомъ, опять же, вижу, у тебя бываютъ знакомцы изъ Яицка-городка.

— Какъ же, самъ я сколько годовъ жилъ въ Яицкѣ и кого тамъ не знаю!

— Войсковой или старшинской руки?

— Больше нашей, войсковой.

— Ну, и ладно. Какъ подъѣдутъ это, выбери мнѣ кто понадежнѣе, да умнѣй и проворнѣй, и объяви имъ, по тайности, про меня.

— Все объявить?

— Придетъ пора, прикажу; только, смотри, скромненько, да умѣючи, держи языкъ на привязи и ухо востро. Подумай, высмотри и пригласи сюда, изъ разумныхъ старичковъ... Я бы съ ними тутъ погутòрилъ, а тамъ,—Богъ благословитъ,—объявлюсь въ городѣ и вездѣ.

— Подумаю, выберу и позову.

Утромъ слѣдующаго дня умётчикъ у колодца старательно вымылъ государево бѣлье, развѣсилъ его по забору, между огородомъ и избой, а пока оно сохло, осмотрѣлъ телѣгу и сталъ ладить хомуты, на случай, если знатный гость пожелаетъ куда-либо ѣхать. Пугачова не было видно въ умётѣ. Возвратившійся племянникъ досталъ свинцу. Емельянъ нарубилъ картечи и, со словами: „мнѣ тутъ не-гоже, пока, на людяхъ!“ взялъ сухарей, вскинулъ на плечи ружье и пошелъ въ степь на куропатокъ и трухтàновъ.

Въ тотъ и въ слѣдующіе дни на постоялый заѣзжали изъ Яицка кое-какіе казаки. Они, по обычаю, жаловались на свое тяжкое житье и на притѣсненія вновь поставленныхъ надъ ними командировъ. Умётчикъ толковалъ съ ними, разспрашивалъ ихъ, но ни одному изъ нихъ не рѣшился открыть ввѣренной ему тайны.

Возвращаясь къ ночи на постоялый, Пугачовъ разспрашивалъ умётчика, добылъ ли онъ подходящихъ людей, чтобы черезъ нихъ вступить въ сношенія съ Яицкимъ городкомъ. Получая отрицательные отвѣты, онъ начиналъ терять терпѣніе и уже подумывалъ о новой перемѣнѣ мѣста. Послѣ своего признанія Оболяеву, онъ сталъ испытывать необычное ему чувство страха, мучился подозрѣніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ побороть въ себѣ жажды смѣлаго и безумнаго подвига, вдругъ охватившаго всѣ его помыслы. Останавливаясь въ полѣ, у одинокихъ путниковъ, варившихъ себѣ близъ дороги кашицу, либо сталкиваясь съ такими же гулѐбщиками-охотниками, какъ и онъ, Пугачовъ также начиналъ съ ними рѣчь о тяготахъ и бѣдствіяхъ чернаго люда и готовъ былъ сдѣлать имъ то же роковое признаніе. Слова рвались съ его языка, но онъ вспоминалъ недавнія свои бѣдствія и участь самозванца Богомолова, и молчалъ, выжидая болѣе удобнаго случая, который вскорѣ и представился.

XIX.

Недѣли полторы спустя, въ Тàловый-умётъ завернулъ смышленый, среднихъ лѣтъ, знакомый умётчика, яицкій казакъ, за покупкой у

Оболяева лошади, взамѣнъ украденной у него. Это было вечеромъ, при Пугачовѣ. Емельянъ уговорилъ умётчика уступить бѣдному казаку лошадь въ долгъ, причемъ не вытерпѣлъ и, въ присутствіи Оболяева, объявилъ казаку, что онъ царь. Смущенный вѣстью, казакъ вызвался тайно сообщить надежнымъ изъ товарищей о важномъ гостѣ, явившемся на Таловой, и, въ радости, что пріобрѣлъ лошадь, ускакалъ въ Яицкъ. Прошло еще нѣсколько времени. Пугачовъ, по прежнему, проводилъ всѣ дни на охотѣ.

— А что, батюшка, Емельянъ Иванычъ,—сказалъ какъ-то Оболяевъ, когда Пугачовъ, усталый, возвратился къ ночи въ умётъ:—не лучше ли, чѣмъ здѣсь попусту ждать подхожихъ людей, ѣхать прямо въ городокъ и объявить старикамъ, а послѣ и всему народу?

Пугачовъ на это ничего не отвѣтилъ.

„Ужъ не прогнѣвилъ ли я его, непутный, лишнимъ словомъ?“ мучился въ ту ночь сомнѣніями Оболяевъ: „вѣчно, лѣшій те въ горло, хочешь, какъ лучше, а выходитъ невпопадъ!“

— Ѣдемъ!—вдругъ объявилъ на утро Пугачовъ:—ты вчера ладно сказалъ! только не въ повозкѣ, а верхомъ; у тебя двое кони... оно легче, да и способнѣе, коли надо, каждому скрыться.

— Слушаю, надёжа... а куда?

— Увидишь.

— Старъ я сталъ,—сказалъ умётчикъ:—да для тебя, изволь, ужъ потружусь.

Онъ осѣдлалъ двухъ лошадей, навьючилъ въ ихъ торока сѣна, запасся хлѣбомъ и надѣлъ дорожный чапанъ. Гостю онъ далъ непадёванный верблюжій зипунъ и новые сапоги. Они выѣхали за ворота и направились на-прямикъ, глухою степью, къ Яику. Ѣхали цѣлый день. Вечерѣло. До Яика оставалось верстъ съ тридцать. Путь лежалъ по выжженному солнцемъ, пустынному и дикому бугру. Рѣшивъ остановиться и покормить лошадей въ долинѣ, бывшей за бугромъ, путники медленно плелись чуть видною проселочною тропинкой. Усталыя лошади, нагибаясь, пощипывали остатки изсохшихъ, скудныхъ травъ. Путники, дремля, покачивались на сѣдлахъ.

Вдругъ Пугачовъ, ѣхавшій сзади умётчика, приподнялся на стременахъ и тревожно сталъ вглядываться впередъ. Его зоркіе глаза различили въ сумеркахъ, на концѣ бугра, двухъ всадниковъ.

— Берегись,—крикнулъ товарищу Пугачовъ:—какіе-то гулѣбщики; не старшинской ли стороны?

Дремавшій Оболяевъ вздрогнулъ, торопливо подобралъ поводья, тронулъ коня нагайкой и сдѣлалъ по склону бугра большой кругъ. Передній изъ всадниковъ, ѣхавшихъ на-встрѣчу имъ, также сдѣлалъ вдали кругъ. Это, на языкѣ степныхъ мѣстъ, значило, что предстояла

встрѣча своихъ, не враговъ. Всадники приблизились. Умётчикъ разглядѣлъ въ нихъ знакомыхъ яицкихъ казаковъ.

— Мы, батюшка, Степанъ Максимовичъ, — отвѣчали они: — для ловли лисичекъ.

Оболяевъ оглянулся; Пугачовъ исчезъ, точно въ воду канулъ. Недоумѣвая, какъ и куда онъ могъ такъ скоро и на ровномъ мѣстѣ скрыться, умётчикъ сталъ разспрашивать казаковъ о Яицкѣ.

— Что, дѣдушка,—отвѣтилъ старшій изъ охотниковъ:—народъ изморенъ до краю; то за убитаго енарала сѣкли, рвали ноздри и сослали больше ста человѣкъ, а нонѣ на все войско, за раззоръ и грабежъ начальства, наложена выть, да не поровну, съ бѣднаго больше, съ богатаго меньше, а вѣдь всѣ равны. Казаки упираются, а старшинамъ то и на руку; опять пошли бѣды, пытки; въ тюрьмахъ уже мѣста нѣтъ, и никто не спокоенъ, не токма за себя, а и за свою семью.

— Что́ же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ Оболяевъ.

— Всѣ ждутъ государя; сказываютъ, появился здѣсь гдѣ-то въ хуторахъ.

— Какъ же вы-то, братцы? экое диво и счастье выпало черни, а вы ѣздите по охотамъ.

— Обѣднѣли, надо выть сборщикамъ припасать. Закапка́нили мы это и выкурили изъ норъ съ полдюжины лисицъ, да все мало.

— Эвоси,—прибавилъ другой изъ охотниковъ, показывая на лисьи шкуры у сѣдла: — въ Пахоміевъ-скитъ отвеземъ, заказывалъ на шубейку старецъ Филаретъ.

— Дома ли старецъ-то?

— А гдѣ ему быть? видѣли, какъ ѣхали на ловлю, съ пасѣки шелъ.

Путники разминулись. Оболяевъ выждалъ, пока казаки скрылись въ темнотѣ, осмотрѣлся во всѣ стороны, слѣзъ съ сѣдла и свистнулъ. Ему никто не отвѣтилъ. „Да куда же онъ дѣлся?“ думалъ о своемъ гостѣ Оболяевъ: „или онъ, по какому слову, сквозь землю ушелъ, либо его крыла какія унесли?“ Онъ хотѣлъ еще разъ свистнуть и обомлѣлъ. Въ темнотѣ послышался тихій шелестъ по сухой травѣ. — Съ нами крестная сила!—прошепталъ умётчикъ, собираясь снова вскочить на сѣдло и ускакать. На него лицомъ къ лицу надвинулось что-то высокое и косматое.

— Боже! да это ты, Емельянъ Ивановичъ!—проговорилъ онъ, разглядѣвъ подъѣхавшаго на конѣ Пугачова:—ну, и проворенъ же ты да ловокъ, точно вѣтромъ тебя сдуло; а я это съ охотничками толковалъ.

— Все я слышалъ, тутъ недалеко, изъ кустовъ, — въ раздумьѣ отвѣтилъ Пугачовъ:—пошла молва, не перенять ее теперь! Тотъ казакъ, видно, оповѣстилъ... Въ Яицкъ намъ уже не ѣхать, а навѣдаемся,

значитъ, въ Мечетную, въ скиты; старецъ Филаретъ мнѣ давній благопріятель.

— Для чего, батюшка?

— Письменные люди теперь мнѣ нужны, бумаги, манифесты писать, а тамъ между старцами ихъ вдоволь. Туда же вызовемъ и главныхъ изъ войска.

Спустившись въ долину и переночевавъ тамъ, Оболяевъ и Пугачовъ утромъ напоили подкормленныхъ лошадей, взяли влѣво и тѣмъ же прямикомъ, черезъ пустынный Сыртъ, пустились въ Мечетную. Солнце еще не заходило, когда они увидѣли крылья мельницы и крайніе заборы раскольничьяго Пахоміева скита, стоявшаго на берегу Иргиза, возлѣ Мечетной.

Пугачовъ подъѣхалъ ко двору игумена Филарета, а Оболяевъ направился въ монастырскую слободку, на постоялый дворъ. Накрапывалъ дождь. Пугачова опозналъ шедшій на-веселѣ изъ скита житель Мечетной, видѣвшій Емельяна прежде и знавшій, что его вездѣ ищутъ, послѣ его бѣгства изъ Казани, особенно за толки о немъ въ Яицкѣ.

— Ба, куманекъ! откуда?—спросилъ мужикъ, остановясь.

— Въ городъ ѣду, по дѣлу.

— А паспортъ, Емеля, есть? — подумавъ, прибавилъ незнакомецъ.

— Какъ не быть!

— Гдѣ же онъ?

— Въ мѣшкѣ; видишь, дождь.

— Пойдемъ-ка лучше къ выборному.

— Ужо сходимъ, некогда, скоро вернусь! — отвѣтилъ Пугачовъ, стегнувъ по лошади.

Онъ ускакалъ и у слободки догналъ Оболяева.

— Бѣда, Максимычъ, —сказалъ онъ:—меня признали тутъ; дадутъ, я чай, знать выборному, надо скрыться, бѣжимъ.

— Да чего же я-то, батюшка, буду прятаться?—удивился умѣтчикъ:—коли ты рѣшилъ объявиться, и объявляйся прямо; всѣ за тобой пойдутъ... Развѣ знаешь что за собой, а мнѣ печего хорониться.

— Ну, какъ хочешь! —отвѣтилъ, отъѣзжая, Пугачовъ:—вѣдь и я ничего дурнаго имъ не сдѣлалъ.

Оболяевъ послѣдовалъ за нимъ. Оба они въѣхали въ ворота Пахоміева скита. Но едва Пугачовъ слѣзъ на-земь и началъ подъ навѣсомъ, близъ колодца, разсѣдлывать коня, съ околицы послышалась погоня. Монастырскіе старцы, съ тревогой, выходили изъ келій.

— Бѣги, хоронись, —сказалъ Пугачову вышедшій изъ трапезной знакомый ему пекарь:—слышишь топотню? это ищутъ тебя.

„Опознали! неужели конецъ?“ подумалъ Емельянъ.

Онъ бросилъ лошадь и только что хотѣлъ уйти, его обхватили чьи-то сильныя руки.

— А, куманекъ!—произнесъ, выступивъ изъ-за колодца, хмѣльной мечетецъ, спрашивавшій его о паспортѣ:—теперь уже не уйдешь, выборный разсудитъ.

Пугачовъ изловчился, вырвался изъ его рукъ и такъ толкнулъ его въ грудь къ колодцу, что тотъ, съ розмаха, упалъ навзничъ, черезъ срубъ. Пока упавшій барахтался въ неглубокой водѣ, Пугачовъ оглянулся, подбѣжалъ къ плетню, перескочилъ черезъ него въ скитскій огородъ и, какъ кошка, прыгая и мелькая бѣлою рубахой въ лопушникѣ и крапивѣ, добѣжалъ до спуска къ Иргизу, спрыгнулъ въ лодку, стоявшую у берега, переплылъ на другой бокъ рѣки, втащилъ лодку въ камышъ и скрылся въ прибрежномъ лѣсу. „Не робѣй, Емеля,—думалъ онъ, запыхавшись и едва переводя духъ:—твоя стёжка еще не исхожена“.

Емельянъ слышалъ за собою крики выборнаго и мужиковъ, тщетно искавшихъ его по кельямъ, сараямъ и погребамъ. Углубясь въ лѣсъ, онъ залегъ въ его гущинѣ. Здѣсь онъ дождался ночи, украдкой, въ темнотѣ, снова пробрался къ берегу, сѣлъ надъ крутизной въ травѣ и сталъ смотрѣть и слушать. Все стихло въ скиту и въ монастырской слободкѣ.

„Ушелъ, а чуть опять не попался! — разсуждалъ Пугачовъ· — близка была гибель... Нѣтъ, теперь уже дешево не продамся... Не съ старцами и не съ гулёбщиками вести дѣло, — надо звать выборныхъ, главарей всего войска, — да не въ такую толчею, какъ здѣсь, а сперва, по тайности, въ иное, укромное мѣсто... Нужно поднять все казачество. Время приспѣло; ждутъ царя старъ и младъ,—царствуй, Емеля!—смѣлому—скатертью путь!“

XX.

Пугачовъ вытащилъ лодку изъ камыша, снова переплылъ черезъ рѣку и пробрался въ монастырскій дворъ. Онъ въ темнотѣ прошелъ подъ навѣсъ, отыскалъ тамъ и осѣдлалъ своего коня, тихо вывелъ его, мимо спавшихъ конюховъ, за ворота, вскочилъ на сѣдло и ускакалъ въ степь. Едва разсвѣло, онъ подъѣхалъ къ Таловому умёту. Усталый, голодный, съ обвѣтреннымъ лицомъ и въ намокшей отъ пота рубахѣ, Емельянъ молча слѣзъ съ дымившейся, едва живой лошади и ввелъ ее во дворъ.

— А дѣдко гдѣ?—спросилъ его арестантъ, постоялецъ Оболяева, надъ чѣмъ-то копавшійся у сарая.

— Поймали, видно, Ерёмкину-курицу, да, чай, ощипали ей уже

не токма перья, а и хохолокъ, — отвѣтилъ Пугачовъ, отплевываясь пересохшимъ ртомъ.

— Какъ такъ?

— А такъ же, малый; намъ самимъ нынѣ надо думать о себѣ. Были какіе гости безъ насъ?

— Были.

— Откелева?

— Изъ Яицка.

— Зачѣмъ? что дѣлали? спрашивали меня?

— Прибѣгали верхомъ со степи, увидѣли, что никого нѣтути дома, и отъѣхали.

— Угощали вы ихъ? о чемъ они пытали?

— Чѣмъ угощать? сами, безъ дѣда, на однихъ сухаряхъ... все онъ заперъ... а тѣ пытали о тебѣ.

— Что же спрашивали развѣдчики?

— Да какъ-то мудрено... тутъ ли, молъ, обрѣтается батюшка нашъ, государь Петра Ѳедоровичъ, и здоровъ ли?

— Что же имъ отвѣчено?

— Здоровъ, молъ, да уѣхалъ въ городокъ; ну, они померекали еще маленько, сказали: коли вернется онъ и будетъ дома, дайте намъ, ребята, какой знакъ, и уѣхали.

— Ну, карауль же, любезный,—сказалъ Пугачовъ:—не пропусти нужныхъ гостей. Да племяннику не говори, что дѣда поймали,—еще станетъ ревѣть, до времени разгласитъ.

Сильно задумался, узнавъ о развѣдчикахъ, Емельянъ.— „Пришла окончательно пора!“ —мыслилъ онъ:—„въ Яицкѣ дѣло, видно, на всемъ уже ходу. Надо быть, ой-какъ, на сторожѣ... Знаю ихъ... Не нынче, завтра явятся и выборные отъ стариковъ. На что арестантъ, и тотъ догадался!“

Поставивъ лошадь къ корму, въ конюшню, онъ прошелъ въ избу и сталъ шарить въ печи и въ поставцахъ, отыскивая чего-нибудь съѣстнаго. Печь, съ отъѣздомъ умётчика, осталась нетопленной; на полкахъ и въ разныхъ закутахъ, гдѣ обыкновенно у дѣда хранился хлѣбъ, валялись только остатки сухарей. Пугачовъ прошелъ къ колодцу, напился, умылся и сѣлъ у воротъ. Онъ разсѣянно глядѣлъ въ степь. Голодныя, отощалыя, какъ и онъ, собаки, бродя по двору, уныло смотрѣли на него, помахивая отвисшими хвостами. Насталъ вечеръ.

— Да какъ же это, парень, чѣмъ вы тутъ живы?—спросилъ онъ арестанта, гнавшаго воловъ къ водопою.

— И не говори, кормилецъ,—отвѣтилъ тотъ:—то была еще мучница, болтушку стряпали, а нынче грыземъ послѣдніе сухари; дѣдкинъ племянникъ утекъ это на слободку, къ крестной, а землячокъ нашъ

другой и вовсе помандрова́лъ на Узенѝ... хоть бы молока, кайкаму! коровы разбрелись въ лѣсу, безъ помочи и не найдешь.

Озлобленный Емельянъ легъ въ сараѣ. Ему не спалось.—„Господи! да неужели же все такъ-то будетъ и далѣ? неужели не рѣшусь? За тѣмъ-то, за Богомоловымъ, вѣдь шли же, вѣрили ему. А у меня знаки на тѣлѣ и на лицѣ почище будутъ... Скажу, что я-то, именно, а не онъ, и былъ въ Царицынѣ и ушелъ оттолѣ сюда. Нѣтъ, такъ просто нельзя; надо, ой, надо иное что̀,—похитрѣе! Сѣрому мужику, драному зипуну, сказано вѣрно, и не попасть въ царствіе Божіе; богатому, да сильному, вотъ кому легко... Нужны сила, да богатство... А Господь грѣхи-то проститъ“.

Ворочаясь съ боку на бокъ, Емельянъ снова всю ночь думалъ о скудости, убожествѣ и бѣдности своей семьи.—„Какъ-то имъ тамъ живется, безъ него? Исчахла еще, чай, болѣе жена Софьюшка; голодаютъ, видно, какъ и онъ, малыя дочки—Аграфена да Христина, и ни на что извелся сынъ, подростокъ Тришка“.—И до утра грезились Емелькѣ душистыя и мягкія, пшеничныя пампу́хи, блины, съ конопляным масломъ и съ лукомъ. Онъ мысленно глоталъ ихъ цѣлыя миски, запивая брагой и пивомъ.—„Да и что высоко мѣтить?“—разсуждалъ онъ:—„хоть бы ублажить скорѣе казачество, поднять и вывести его въ другія, вольныя мѣста, на иныя, турецкія, что ли, воды, да попасть притомъ, за заслугу, въ старшины. Зажилъ бы вотъ какъ! изба въ двѣ клѣти, съ рѣзнымъ конькомъ, ворота росписныя, крутороге волы, да пара, а то и двѣ лихихъ коней. Раздышался бы вволю, на сытой ѣдѣ, на сладкомъ питьѣ... А выше? почему же, спросить, и не выше?“

И вспомнился Емельяну одинъ вечеръ. Онъ вторыя сутки скакалъ изъ Кабаньяго къ Дону, на похищенномъ у коммиссара, ногайскомъ жеребцѣ. Лихой былъ конь; мчался съ малыми отдыхами,—гдѣ пощиплетъ травки, гдѣ хлебнетъ воды изъ тощей, степной рѣченки,—а крутыя ребра такъ и ходятъ, налитые кровью глаза пылко глядятъ,—скоро ли опять въ дорогу? На послѣднемъ перегонѣ долго скакали безъ воды. Конь шатался, измучился жаждой и сѣдокъ. День былъ знойный; въ степи, куда ни глянешь, ни признака жилья или рѣки. И увидѣлъ вдругъ Емельянъ, изъ-за холма, верхи зеленыхъ вербъ. Онъ направился туда. Подъѣхалъ—глубокій логъ, за логомъ—лѣсъ, а внизу его—ручей и невдали отъ берега—колодезь. У колодца дѣвушка, только что набравшая вёдра воды.

— Кормилица, красавица! дай испить,—крикнулъ ей, подъѣзжая, Емельянъ.

— Пей, родимый, спасетъ тебя Господь!—отвѣтила та, кланяясь:—напой и коня.

Соскочивъ съ жеребца, Емельянъ жадно припалъ къ ведру, напился и посмотрѣлъ на дѣвку. Она, полная, статная, чернобровая, съ длинною, русою косой, не поднимая глазъ, поила тѣмъ временемъ коня.—„Красавица и одна!“—подумалъ Пугачовъ, оглядываясь кругомъ. Дѣвушка изподлобья посмотрѣла на него. Давно бродяга не видѣлъ женщинъ, да еще такихъ,—а былъ онъ къ нимъ падокъ, съ молодости,—жена часто журила его за то.

— Откуда, милая?—спросилъ онъ, утираясь.

— Съ пасѣки,—отвѣтила дѣвка, указывая обнаженною, полною рукой на лѣсъ и снова черпая вёдрами воду.

— Одна водишь пчелъ?—охорашиваясь, улыбнулся Пугачовъ.

— Для-че одна? дѣдушка тамотко! въ пѣвчихъ, въ станицѣ, былъ, да одряхлѣлъ; воды у насъ нѣту-ти, а въ ручьѣ непитѣма, горька́.

Ловкимъ взмахомъ она подняла вёдра на плечи и, быстро отойдя отъ колодца, направилась къ ручью.

„До лѣсу далеко, пасѣка еще дальше“—мыслилъ Емельянъ, охваченный дрожью: „передъ лѣсомъ кусты... кругомъ ни души!“—Онъ вскочилъ на освѣженнаго коня. Дѣвка успѣла сойти въ ручей. Вода въ немъ была ей выше щиколокъ.

— Топко тутъ, душенька?—спросилъ Емельянъ съ коня.

— Не проѣдешь съ конемъ, загрузнешь, берегись! — отвѣтила дѣвка съ середины ручья. Она шла по руслу, до колѣнъ въ водѣ.

— Стой, красавица, слушай!—крикнулъ вдругъ Емельянъ, поскакавъ слѣдомъ за нею.

Конь, достигнувъ ручья, остановился и уперся; Пугачовъ понукалъ его уздой и ногами. Тотъ взвился на дыбы и ни шагу съ мѣста.

— Да загрузнешь, утопишь и коня,—смѣялась дѣвка, выйдя на другой берегъ и отирая мокрыя ноги о траву.

— Слово одно,—крикнулъ Емельянъ:—постой! скажи, ласковая, утѣшь словомъ... Гдѣ на землѣ воля и счастливое житье?

Изъ-за ручья на Емельяна смотрѣли сѣрые, усмѣхавшіеся глаза.

— Счастливъ, парень, только Богъ на небѣ, да царь на землѣ!—отвѣтила дѣвка, прилаживая гибкое коромысло на плечѣ:—у царя да у Бога—добра много.

— Будь же ты мнѣ царицей, прими, любушка, къ себѣ въ куренёкъ.

— Стань прежде самъ ты царемъ!—съ гордой усмѣшкой отвѣтила красавица, обернувшись такъ быстро, что заплескалась изъ ведеръ вода.

— Что ты! статочное ли говоришь?—укоризненно крикнулъ ей Емельянъ:—нешто захотѣлъ стать царемъ—и сталъ?

— Постарайся... всяко диво бываетъ, може еще и станешь!—звонко смѣялась, уходя и болѣе не оглядываясь, дѣвка.

„Напророчила, вѣдь, предсказала!“—думалъ теперь Емельянъ, во-

рочаясь въ сараѣ, съ подведеннымъ отъ голода животомъ:—„а впрочемъ, захотятъ и примутъ казаки,—остальные покорятся. Соберу отрядъ, да какой! двинусь, подъ именемъ покойнаго государя,—не одна Волга признаетъ, и Москва... Тамъ войска, по слухамъ, мало, даже вовсе, сказываютъ, никакого. Дѣло начато. Выборные отъ казачества вотъ-вотъ явятся... Такъ тому, видно, и быть. Надо ихъ поднять“.

Ожиданія Пугачова сбылись. На другой день, передъ вечеромъ, въ степи, позади умёта, показались двое верховыхъ казаковъ. Выѣхавъ изъ-за чуть виднаго кургана, они двинулись къ умёту, остановились, какъ бы разглядывая окрестность, и стали подвигаться ближе. Второй день, впроголодь, Емельянъ мучился раздумьемъ, какъ онъ приметъ и чѣмъ будетъ подчивать гостей? Принимаетъ такой санъ, а на умётѣ, кромѣ воды, въ рѣдкость были бы и сухари.

XXI.

Въ концѣ іюня, вскорѣ по переѣздѣ на мызу въ Кунцово, Глѣбъ и Марѳа получили отъ Силы Ильича Травкина слѣдующее письмо:

„Милостивый государь и благодѣтель мой, Глѣбъ Андреевичъ! Приготовьтесь свѣдать отъ меня, нижайшаго, нѣчто необычайное и простому уму, каковъ мой, даже непостижимое. Съ вашимъ досточтимымъ братцемъ приключилось событіе, коему я случайно былъ персональнымъ свидѣтелемъ и все оное зрѣлъ собственными недостойными очесы. Алексѣй Андреевичъ вчера строгали сыну копьецо, въ портретной, а отецъ Василій сидѣлъ противъ нихъ и, по обычаю, читалъ о великомученицѣ Анастасіи. Камердинеръ Дронъ подалъ вашему братцу на подносѣ нѣкое письмо, съ почты, и самъ сталъ къ сторонѣ. Алексѣй Андреевичъ взглянули на конвертъ, отложили его на столъ и кивнули отцу Василію,—ничего, молъ, продолжай свое; а сами, вижу, все поглядываютъ на ту цидулку. Наконецъ, не вытерпѣли, вскрыли ее, прочли и измѣнились въ лицѣ.—Что такое?—спросилъ священникъ.—Читай!—отвѣтили они ему. Тотъ началъ честь письмо. Отъ кого же оно было? Отъ Серафимы Львовны, да какое!—„Прости, Алеша, прости, другъ,—писала она:—у ногъ твоихъ молю; забудь мои злыя прегрѣшенія, мой позоръ,—не отвергни; обрати меня, куда знаешь, хоть въ судомойки, или въ коровницы; на колѣняхъ къ тебѣ приползу, смилуйся только, не кляни! Сны меня, смертныя сомнѣнія замучили и въ концъ истерзали. Жить безъ тебя и безъ дѣтей не могу. Не простишь, руки на себя, окаянная, непрощенная тобою, наложу!“—

Выслушали всѣ мы, сильно смутились и, не зная, что̀ сказать, молчали. А вашъ братецъ какъ вскочитъ, вытянулись во весь ростъ и говорятъ: „Что же вы, государи мои, молчите? вѣдь, это она, моя жена, вѣнчанная со мною, молитъ; вѣдь, это—законная моя хозяйка, матерь нашихъ дѣтей!“—Тутъ Алексѣй Андреевичъ упали на колѣни, передъ образами, воздѣли руки, тихо и со слезами, стали молиться, паки поднялись и отвѣсили отцу Василію пренизкій поклонъ: „благодарствуй, батюшка! наставилъ ты меня, слѣпаго, и вразумилъ; Господь даетъ всѣмъ намъ великую и благую милость“.—Обратились они и къ плачущему тутъ, отъ радости, Дрону: „Ну, Дро̀нушка, сысканы мы Богомъ; готовь барину лучшій нарядъ, карету и все, какъ есть,—поѣдемъ въ Казань! Хозяюшка паки обращается къ намъ и къ дѣткамъ своимъ“.—И, представьте, глубокочтимые Глѣбъ Андреевичъ и Марья Родіоновна, вашъ братецъ, какъ сказалъ, такъ и совершилъ; вчера всѣмъ парадомъ выѣхалъ въ Туровцо̀вскую вотчину, а насъ всѣхъ смиренныхъ сосѣдей оповѣстилъ, приглашая кстати и на посвященіе новозданнаго храма. А въ пригласительныхъ, отъ его милости, цидулахъ сказано: „Алексѣй и Серафима Дугà новы всепокорнѣйше просятъ и надѣются, что добрые сосѣди неукоснительно почтутъ прибытіемъ какъ оное торжество, день коего будетъ обозначенъ особо, такъ и радостный, по поводу того, семейный, въ Горкахъ обѣдъ“. Слышно, что братцемъ приглашены и многіе сторонніе, даже изъ Саратова, въ томъ числѣ всѣми хвалимый, тамошній архимандритъ, Игнатій, коему уготовано совершить и освященіе храма. Пиръ, можно сказать, затѣянъ на славу, послано на пристань за первѣйшими рыбами, въ городъ—за лучшими винами и прочею бакалеей, а я почтенъ приглашеніемъ въ распорядители. Въ качествѣ же опаго и дабы во всемъ преспѣть и все, какъ подобаетъ, уладить, я осмѣлился, при семъ случаѣ, указать братцу и лучшій день для семейнаго и церковнаго торжества, а именно—въ концѣ августа,—на честной праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна-Предтечи. И замѣчу—въ ономъ, указуемомъ мною днѣ—нарочитое знаменіе. Въ древности, хитроумная и злая жена Иродіада, не милуя, усѣкла преподобному святителю Іоанну главу; паша же рекомая грѣшница, а нынѣ, по моему,—почтенная и достохвальная госпожа,—Серафима Львовна, видимо смирясь, не погубила души неповиннаго, за что отъ мужа и отъ Бога сторицею будетъ награждена. Ждемъ и васъ, съ супругою и съ сынкомъ, на оный, всѣми нетерпѣливо ожидаемый и, сказать къ слову, небывалый, второбрачный вашего братца праздникъ. Чудны дѣянія свыше и да славится имя Господне, отнынѣ и до вѣка“.

— Ни за что!—сказалъ Глѣбъ, прочтя и скомкавъ это письмо:—

ужъ меня-то они не дождутся; ты же,—обратился онъ къ женѣ:—какъ знаешь, я умываю руки.

Марѝ, видя раздраженіе мужа, промолчала.

— Да и вообще,—прибавилъ Глѣбъ, съ досадой:—всѣ точно рехнулись! Такое важное дѣло, цѣлый новый переворотъ въ семьѣ брата, а о немъ пишетъ гороховое чучело, этотъ Травкинъ, отъ самого же брата о томъ ни строки!

Какъ-то Марѝ и Глѣбъ были въ отличномъ настроеніи духа. Марѝ, за клавесиномъ, играла отрывки изъ ораторіи Генделя. Глѣбъ, любуясь ею, припоминалъ подробности первыхъ лѣтъ женитьбы и счастія. Послѣ исторіи съ братомъ, онъ вдвое оцѣнилъ свой семейный покой, не зналъ, какъ за него благодарить Бога, и боялся лишь одного, какъ бы не исчезло это слишкомъ дорогое для него счастье. Принесли съ почты письмо Алексѣя. Тотъ писалъ кратко откуда-то, по пути къ Казани.—„Дорогой братъ, Глѣбушка,—извѣщалъ онъ:—я безъ ума отъ счастья; пролилъ его на мою недостойную голову Господь. Серафима нежданно обратилась ко мнѣ, съ полнымъ раскаяніемъ и такъ искренно, сердечно и совершенно просто. Никогда бы того и не придумалъ. Точно все это случилось во снѣ. Порадуйтесь за меня и пріѣзжайте, только не на Усѣкновеніе, какъ намъ совѣтовалъ было добрякъ Травкинъ, а на Петровъ день; не откладывайте. Лечу къ ней, не помня себя“.

— Тряпка и сущій дуракъ!—сказалъ Глѣбъ, прочитавъ это письмо брата.

Второе, болѣе пространное извѣстіе отъ Алексѣя получилось уже изъ-подъ Казани.—„Пріѣхалъ я, други мои, въ Туровцово, и увидѣлъ Серафиму,—сообщалъ онъ:—ахъ, что это была за встрѣча! Сколько трогательнаго и поучительнаго! Она вышла ко мнѣ, вся въ темномъ, какъ приговоренная къ казни преступница, и при всѣхъ пала мнѣ въ ноги. И какъ плакала, какъ молила меня,—простить ее и забыть все. Ты не узналъ бы, увидѣвъ ее. Изъ вѣтренной—стала разсудительною, изъ заносчивой, легкомысленной бабенки,—какихъ вездѣ не мало,—строгою и дѣльною женщиной, любящею и заботливою матерью. Я на нее гляжу, по часамъ, не спуская съ нея глазъ, а она торопитъ меня въ Горки, къ оставленнымъ птенцамъ.—„Дѣтки мои, дѣтки ненаглядныя!“—повторяетъ она:—„Петичка, Количка, Надя! Ангелочки мои, гдѣ вы?“—„Ну, просто, какъ помѣшанная!“

Ожиданія Глѣба о командировкѣ сбылись. Недѣли черезъ полторы, по полученіи послѣдняго письма отъ брата, онъ былъ экстренно вызванъ къ князю, получилъ наставленія о Кордниной, простился съ женою и на слѣдующій же день уѣхалъ въ Петербургъ. Для того

же, чтобъ окончательно не обидѣть Алексѣя Андреевича отказомъ отъ поѣздки въ Горки, Глѣбъ и Марѝ предложили Нинѣтъ—поѣхать туда за нихъ, что̀ Нинѣтъ вскорѣ и исполнила.

Невольное раздраженіе, овладѣвшее Глѣбомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о новыхъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ брата, мало-по-малу, улеглось. Онъ подъ-конецъ, видимо, съ этимъ сталъ примиряться. Но Марѝ нежданно замѣтила въ немъ другую, новую и до тѣхъ поръ незнакомую ей черту. Ее поразила какая-то особенная сухость и сдержанность въ его обыкновенно мягкомъ и искреннемъ обращеніи и разговорахъ не только съ нею, но и съ прочими домашними.

Онъ вдругъ точно подтянулся и подобрался. Всегда предупредительный и въ существѣ несомнѣнно добрый, Глѣбъ куда-то точно ушелъ, а на мѣстѣ его, въ семьѣ, какъ бы явился другой Глѣбъ. Онъ, казалось, радушно смотрѣлъ на всѣхъ, но въ его взглядахъ просвѣчивалась несвойственная ему до той поры пристальность, а особое вниманіе, съ которымъ онъ прислушивался къ каждому слову окружающихъ, точно ища въ немъ чего-то недосказаннаго и скрытнаго, невольно смущало Марѝ. Глѣбу, видимо, было не по себѣ.

— Что̀ съ тобою? — рѣшилась, наконецъ, Марѝ спросить его, глядя съ тревогой въ его грустные, потускнѣвшіе глаза:—здоровъ ли ты? Отложилъ бы свою поѣздку! Неужели нельзя этого уладить? Князь знаетъ и цѣнитъ тебя; позволь, я поѣду и попрошу его.

— Благодарю, милая, я здоровъ, а медлить не изъ-чего, — отвѣтилъ Глѣбъ, особенно горячо и нѣжно цѣлуя жену:—все это пустяки, пройдетъ и такъ... Вѣдь разлука, согласись, кого не смутитъ? При томъ мнѣ дано такое важное и отвѣтственное порученіе. Будь только ты внимательна къ себѣ и дитяти, все остальное пройдетъ и кончится благополучно.

Ласковый отвѣтъ Глѣба нѣсколько успокоилъ Марѝ. Она старалась себя убѣдить, что онъ говоритъ искренно и отъ души. Ея сердце, однако, ныло. Да и какъ было не томиться о мужѣ? По ночамъ онъ ворочался съ боку на бокъ, вздыхалъ и отъ мрачныхъ мыслей, видимо, почти не спалъ.

Глѣбъ уѣхалъ въ половинѣ іюня, и Марѝ, только впослѣдствіи узнавъ, какая ехидна въ то время вползла въ сердце мужа и сосала его, убѣдилась, какъ были правы ея предчувствія. Все, что̀ испытала она затѣмъ, оставило въ ея домашней жизни тяжелый и незгладимый слѣдъ.

Событіе, повліявшее на Глѣба,—какъ потомъ довѣдалась Марѝ,—случилось за нѣсколько дней до его отъѣзда въ Петербургъ. Онъ, какъ нерѣдко случалось, возвратился въ то время на мызу, особенно усталый, голодный и потому не въ духѣ. Пыль покрывала его платье

и лицо. Обойдя комнаты и не видя жены, онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, потребовалъ воды, умылся и сталъ переодѣваться. При этомъ онъ примѣтилъ на столѣ письмо, запечатанное черною печатью и адресованное на его имя. Марѣ въ то время съ Сысоевной перебирала въ дѣтской бѣлье ребенка. О возвращеніи мужа никто ей не сказалъ. Озадаченный черною печатью и незнакомымъ почеркомъ на конвертѣ, Глѣбъ позвонилъ слугу.—„Не случилось ли чего, Боже сохрани, съ матушкой и не предупреждаетъ ли насъ о томъ кто-либо изъ сосѣдей?“—пришло ему въ голову.

— Кто доставилъ это письмо? — спросилъ онъ вошедшаго слугу Сергѣя.

— Садовникъ Яковъ.

— А онъ откуда его взялъ?

— Какой-то господинъ давеча подъѣхалъ къ воротамъ, а Яковъ воду на цвѣты качалъ; господинъ кликнулъ его, спросилъ, дома ли баринъ, и велѣлъ вамъ отдать.

— Знакомый? Онъ видѣлъ его когда-нибудь?

— Говоритъ, увидѣлъ впервые; должно, городской и богатый, своя коляска и такой нарядный.

— Хорошо, иди себѣ.

Глѣбъ вскрылъ письмо, прочелъ первыя строки и обмеръ. Марѣ лишь впослѣдствіи, и послѣ ряда многихъ другихъ, скорбныхъ испытаній, навалившихся на нее, узнала объ этомъ письмѣ.

XXII.

Письмо оказалось анонимнымъ и въ немъ, видимо, поддѣльнымъ, ломаннымъ почеркомъ, были написаны слѣдующія слова: „Горделивый слѣпецъ и фанфарònъ! Ты смотришь зорко, анъ ничего не видишь; лѣзешь въ чужія дѣла, а у себя подъ носомъ,—что? Ужели не свѣдомъ? Ай, какъ жалко! Знай же, несчастный, тебя ловко проводятъ; ты обманутъ и давно рогатъ. Приглядись получше, все тебѣ станетъ ясно“.

— „Обманутъ, рогатъ!“—прозвучали страшныя слова передъ Глѣбомъ. Первымъ его движеніемъ было идти къ женѣ и показать ей это подметное письмо; затѣмъ онъ хотѣлъ ѣхать въ городъ и, во что бы то ни стало, разыскать и притянуть къ отвѣту написавшаго эти строки. Но какъ и гдѣ найти? Зачѣмъ по-пусту тревожить жену? Ломая себѣ голову, Глѣбъ перебиралъ въ умѣ, кто могъ бы рѣшиться на такую низость и кому было бы на руку нанести ему этотъ ударъ? Ни въ обществѣ, ни по службѣ онъ, по совѣсти, не имѣлъ и не зналъ подобныхъ враговъ.—„Злая шутка пустоголовыхъ, клубныхъ блюдоли-

зовъ!“—рѣшилъ онъ, вспомнивъ, что только въ клубѣ могли на него особенно злиться, такъ какъ онъ туда не ѣздилъ, въ карты съ его посѣтителями не игралъ и вообще держался вдалекѣ отъ тамошней среды. Затаивъ въ сердцѣ полученную вѣсть и никому о ней не намекнувъ, Глѣбъ нѣжно простился съ женой, съ сыномъ и домочадцами и уѣхалъ изъ Москвы.

Всю дорогу и первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ старался не думать о безъименномъ доносѣ и прилежно переписывался съ женой. Не зная о происшедшемъ и грустя въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, Марѝ, разумѣется, ничего и не подозрѣвала, а нѣсколько мрачное настроеніе въ письмахъ Глѣба приписывала разлукѣ съ собой и тѣмъ же, огорчавшимъ его, извѣстіямъ о братѣ.

Прошелъ іюнь, наступила половина іюля. Жизнь на мызѣ шла благополучно. Марѝ, за это время, получила съ Волги отъ Алексѣя и Серафимы и переслала мужу нѣсколько трогательныхъ писемъ. Оба они, хотя кратко, но радостно, извѣщали ее о счастливомъ своемъ возвратѣ въ Горки, объ освященіи, при этомъ, перестроенной церкви и объ общемъ мирѣ и довольствѣ, наставшихъ въ ихъ семьѣ.

Описывая званый свой обѣдъ, Алексѣй даже ударился въ шутки и остроты.—„Нашъ же главный распорядитель на оном торжествѣ, Сила Ѳомичъ Травкинъ, явился въ вишневомъ, матерчатомъ кафтанѣ и прикрывъ скудоволосый черепъ, съ сиво-бѣлою косичкой, чьимъ-то завитымъ и напудреннымъ, преогромнымъ парикомъ. На башмакахъ имѣлъ серебряныя, съ бантами, пряжки, а за камзоломъ на груди букетъ изъ лакфіолей и розъ. Когда же мы попарно стали шествовать изъ церкви, подъ звуки громогласнаго монастырскаго хора, мнѣ даже показалось, будто онъ, какъ нѣкій гвардейскій тамбурмажоръ, шагаетъ передъ нами съ золотою булавой“.—Марѝ съ несказанною радостью читала эти письма изъ Горокъ. Уѣхавшая туда, съ іюня, Нипѣтъ также сочувственно описывала счастливую встрѣчу и искреннее примиреніе Алексѣя съ женой.

На вопросы Марѝ, какъ удалась командировка, Глѣбъ въ началѣ писалъ, что все идетъ благополучно и ладно, что онъ часто видится не только съ приглашенными къ дѣлу, важными сенаторами, но и съ самимъ фаворитомъ государыни, Григоріемъ Орловымъ, а вскорѣ, вѣроятно, удостоится лицезрѣть и самую монархиню. Но потомъ онъ извѣстилъ, что дѣло снова запуталось, даже остановилось и что онъ возвратится теперь, по всей видимости, никакъ не ближе августа, а то пожалуй и позже.

Травкинъ, попрежнему, писалъ о событіяхъ въ Горкахъ. Въ одномъ изъ писемъ, передавая нѣкоторые мѣстные слухи, онъ сообщилъ и о новыхъ толкахъ между крестьянами, — будто гдѣ-то опять появился,

считавшійся покойнымъ, государь Петръ Ѳедоровичъ. — „Разумѣется, то все глупыя и дерзкія сплетни, — выразился при этомъ Травкинъ: —но что̀ удивленія достойно,—ваша почтенная родственница, Нина Александровна, узнавъ о томъ, выразилась: „А почемъ знать? можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ настоящій, скрывавшійся гдѣ-нибудь донынѣ въ чужихъ земляхъ, нашъ государь?“ —Мысль безумная и опасная, а ея держатся, вообразите, и другіе. Я же, навѣстивъ нѣкогда своего брата въ Питерѣ, былъ самолично на похоронахъ покойнаго государя. Оный мой братъ Павелъ нынѣ въ Яицкѣ, у больнаго тестя. Пишетъ,—опять тамъ неладно; казаки мутятся и слышать не хотятъ начальства“.

Марѝ, порицая въ душѣ Нинéтъ и не желая огорчить мужа, не послала ему этого письма Травкина; остерегаясь за послѣдствія, она даже сожгла его.

Въ исходѣ іюля, въ Москвѣ пошли проливные дожди. Ребенокъ Марѝ, на мызѣ, снова расхворался. Видя, что приглашенный къ нему извѣстный дѣтскій врачъ-нѣмецъ мало помогаетъ, Марья Родіоновна предложила ему позвать на совѣтъ другаго медика. Тотъ привезъ на мызу какого-то француза; ни нѣмецкія, ни французскія пилюли, однако, не помогли. Вася продолжалъ хирѣть. Измученная тревогой, Марѝ подумала и рѣшилась позвать Спесивцева. Послѣдній долго отнѣкивался. Онъ обмѣнялся съ Марѝ нѣсколькими письмами. — „Я, какъ вы знаете, не практикую,—писалъ онъ:—пріѣхать по знакомству готовъ, но какой же я медикусъ, коли вы знаете мой взглядъ на медицицу?“ Марѝ шутками и ласками старалась убѣдить его, приводила разныя доказательства и, наконецъ, уговорила его. Онъ смиловался и пріѣхалъ.

Осмотрѣвъ ребенка и найдя у него новый упадокъ питанія и отъ того общее разстройство здоровья, Спесивцевъ посовѣтовалъ ему хорошій бульонъ, ароматическія ванны и втиранія, и сталъ бывать на мызѣ чуть не каждый день. Ребенокъ началъ чувствовать себя лучше. Марѝ отрадно вздохнула. Даже Сысоевна, вообще не любившая Спесивцева за его насмѣшливый нравъ и за то, что онъ, ни при звонѣ благовѣста, ни при ударѣ грома, не крестился — выразилась о немъ: „Не дохтуръ, чистый вѣдунъ; его бабка, видно, знала все и ему въ ладонку свое вѣдовство̀ зашила“.—Старая Дуга̀нова, узнавъ отъ Марѝ объ отъѣздѣ Глѣба въ Петербургъ и о болѣзни своего внука, собралась-было изъ Ракитнаго въ Москву, съ цѣлью — помочь невѣсткѣ и затѣмъ, когда внуку станетъ лучше, проѣхать кстати на Волгу къ своему пасынку. Но и она, въ то время, разнемоглась и отложила свою поѣздку до болѣе удобнаго времени.

Въ хлопотахъ о ребенкѣ, Марѝ бросила чтеніе и музыку и вообще мало обращала вниманія на постороннія вещи. Даже извѣстіе о болѣзни

свекрови она приняла, какъ обычное недомоганіе вообще слабой здоровьемъ старухи. Изъ числа знакомыхъ горожанъ, Марью Родіоновну въ Кунцовѣ навѣщали изрѣдка—жена одного изъ сослуживцевъ Глѣба, ихъ домашній врачъ-нѣмецъ, лѣчившій и князя-главнокомандующаго, неизмѣнный Спесивцевъ и одна дальняя родственница Марѝ, вдова бѣднаго чиновника, умершаго во время чумы, Надя Шѝмкова. Послѣдняя жила въ крайне стѣсненномъ положеніи. Узнавъ, съ полгода назадъ, о ея нуждѣ, Марѝ пособляла ей, чѣмъ могла, и радовалась, что Надя, навѣщая ее, хоть нѣсколько отдыхала отъ своей тяжкой доли. Глѣбъ вызвался похлопотать для нея о казенномъ мѣстѣ. По праздникамъ названныя лица иногда обѣдали у Марѝ, причемъ она, имѣя собственныхъ лошадей и пользуясь снова наставшею хорошею погодой, иногда угощала ихъ прогулками въ окрестностяхъ Кунцова. Эти поѣздки, впрочемъ, обыкновенно предпринимались болѣе для Васи, котораго, по совѣту Спесивцева, Марѝ почти безвыходно держала на воздухѣ. Видя, что ребенокъ снова сталъ оправляться, Марѝ не тревожила мужа извѣстіемъ о его болѣзни, а чтобы еще болѣе быть спокойною, рѣшила, по возможности, скорѣе возвратиться въ городъ.

Однажды Спесивцевъ, по обычаю, заѣхалъ на мызу. Любуясь поздоровѣвшимъ Васей, онъ взялъ его на руки отъ няни и сталъ его цѣловать.

— Не дѣлайте этого, — сказала ему Марѝ, по-французски...

— Почему? — удивился онъ.

Марѝ покраснѣла.

— Мужъ не любитъ, когда ребенка ласкаютъ посторонніе,—отвѣтила она.

— Но вашего мужа здѣсь нѣтъ,—улыбнулся Спесивцевъ:—а я развѣ посторонній?.. я для васъ сдѣлалъ невозможное, — медикомъ сталъ.

— Вздоръ, вздоръ,—сказала Марѝ, не помня себя отъ смущенія:—оставьте его!

— Да почему же?

— Боюсь, что сглазите.

Взявъ отъ него ребенка, она отослала его съ Сысоевной и въ досадѣ на себя замолчала. Спесивцевъ грустно вздохнулъ, угнѣздился въ уголъ софы и, по обычаю, когда онъ начиналъ о чемъ-нибудь усиленно и съ недовольствомъ думать, засопѣлъ носомъ. Марѝ расхохоталась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—сказалъ онъ:—собственно вѣдь и я веселъ, потому что почти счастливъ; все идетъ хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

— Чѣмъ же вы особенно довольны?

— А какъ же? вашему сыну, во-первыхъ, лучше, недолго при томъ ждать осени,—настанетъ слякоть, вы переберетесь снова въ го-

родъ, и мнѣ не зачѣмъ будетъ сюда трястись, на нашихъ гитарахъ, отбивающихъ бока.

— Ну, и не ѣздите больше, — сказала Марѝ: — я вамъ очень благодарна, но не желаю вамъ дурнаго.

— А во-торыхъ, — продолжалъ Спесивцевъ: — подъѣдетъ вашъ мужъ, и опять мы съ нимъ сядемъ за шахматы; и въ такомъ простомъ видѣ кончится весь мой вѣкъ. Скажутъ, былъ когда-то лѣкарь, безъ практики, хотя кое-кому иногда помогая, избавляя людей отъ ядовъ латинской кухни, и умеръ, сожалѣя, что ровно нечѣмъ ему было заняться подъ конецъ жизни.

— Какъ нечѣмъ? вы же такой охотникъ до общества, особенно... до семейныхъ драмъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что драмъ болѣе нѣтъ. Вашъ вонъ своякъ нежданно примирился и отъ души, какъ увѣряютъ, вновь сошелся съ своею женою; ну, драма и кончилась, а другихъ не нарождается. Что же мнѣ дѣлать, о чемъ думать и что̀ говорить? Меня соблазняютъ на разныя кондиціи, въ отъѣздъ; одинъ помѣщикъ даже обѣщаетъ отказать мнѣ, по смерти, свое состояніе, лишь бы я переѣхалъ къ нему въ деревенскую трущобу... великій чудакъ и масонъ...

— И что же?

— Да развѣ можно промѣнять на что-нибудь Москву? здѣсь все-таки люди, увидишь и услышишь кого-нибудь. Потомъ, этотъ господинъ ужъ очень довѣрчивъ, не видитъ риска, — отказываетъ доктору состояніе, а тотъ каждый день можетъ, по всѣмъ правиламъ искусства, отправить его къ праотцамъ.

Марѝ съ улыбкой, молча слушала балагура. Онъ надулся.

— Вижу, вы мысленно разбираете и опредѣляете меня,—произнесъ онъ:—скажите откровенно, кто я такой, по вашему?

— Вы? — спросила, смѣясь, Марѝ.

— Да.

— Трутень!—отвѣтила она, снова и уже громко расхохотавшись.

Спесивцевъ былъ озадаченъ.

— За этотъ, милая барынька, сюрпризъ,—сказалъ онъ:—позвольте...

Онъ схватилъ и быстро поцѣловалъ ея руку. Марѝ не замѣтила, что въ это время въ комнату вошла и стояла у двери Сысоевна.

— Что̀ тебѣ? — обратилась къ ней, не глядя на нее, Марѝ.

— Василію Глѣбычу готовить и сегодня купель?

— Не надо,— отвѣтилъ Спесивцевъ, вставъ и откланиваясь Марѝ:— лѣченіе кончено; твой барченокъ здоровъ.

XXIII.

Онъ пошелъ въ залъ и на порогѣ встрѣтился съ подъѣхавшею изъ города Надей Шѝмковой. Они поздоровались.

— А вы, извините, все также блѣдны, — сказалъ, кланяясь ей, Спесивцевъ.

Надя, съ грустною улыбкой, молча подошла къ Марѝ. Онѣ обнялись.

— Кстати, Захаръ Семеновичъ, — сказала Марѝ Спесивцеву: — вотъ я все убѣждаю ее. Здѣшняя мыза намъ уступлена до зимы; я думаю на дняхъ переѣхать въ городъ и предлагаю Надѣ остаться здѣсь. Одобряете ли вы это?

— Совѣтъ полезный,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—Марья Родіоновна лучше придумать не могла... Школа виталѝстовъ умножается! Сельскій воздухъ, молоко и прогулки, — что̀ можетъ быть лучше? Вы теперь худы и блѣдны,—здѣсь навѣрное и быстро еще оправитесь.

— Я при томъ не одна,—произнесла Шѝмкова:—у меня дѣвочка и тоже хворая. Одного здѣсь боюсь,—безъ докторовъ.

— Да бросьте ихъ, ради Бога.

— Её лѣчитъ Лельѐвръ,—сказала Марѝ.

— Оттого она и хвораетъ,—отвѣтилъ Спесивцевъ.

— А вы насъ навѣстите, если будетъ нужно?—спросила Надя.

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ; ужъ хоть бы, въ тѣхъ видахъ, чтобы вылѣчить вашу дѣвочку отъ принятыхъ ею лѣкарствъ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа Марѝ возвратилась въ городъ, о чемъ и извѣстила мужа. Погода держалась еще теплая и ясная. На мызѣ, въ Кунцовѣ, поселилась Надя Шѝмкова. Марѝ оставила ей часть прислуги и мебели, провизіи и водовозку, съ запасными дрожками, для поѣздокъ въ городъ, гдѣ Надя въ нѣкоторыхъ домахъ брала себѣ шитье бѣлья и другую работу. Марѝ навѣщала ее изъ Москвы.

Было, — какъ часто потомъ вспоминала Марѝ,—двадцать-восьмое августа. Передъ вечеромъ, въ сумерки этого дня, Глѣбъ совершенно неожиданно возвратился въ Москву. Письмо Марѝ о ея переѣздѣ въ городъ уже не застало его въ Петербургѣ. Ѣдучи въ Москву, онъ также никого не предупредилъ о своемъ возвратѣ. Марѝ не было въ тотъ вечеръ дома. Глѣбъ обошелъ комнаты и, не видя жены, заглянулъ въ дѣтскую.

— Гдѣ же барыня?—спросилъ онъ Сысоевну, поцѣловавъ Васю, котораго та держала.

— На мызѣ.

— Развѣ вы не совсѣмъ переѣхали оттуда?

— Тамъ осталась пріятелька барыни, съ дитемъ.

— Кто?

— А какъ ее, право?.. Шѝмкова, что ли.

— Надежда Павловна?

— Она.

— Зачѣмъ же Маша туда поѣхала?

— Навѣщаетъ ее.

— Давно сами вы въ городѣ?

— Денъ съ пять.

— А барыня скоро думала быть назадъ?

— Что имъ тамъ? сейчасъ, должно, будутъ. А вашей милости какъ ѣздилось? всѣ ли вы въ добромъ здоровьѣ?

— Ничего, няня, спасибо. Все хорошо.

Глѣбъ зашелъ въ кабинетъ, развязалъ часть своихъ вещей, покопался въ рабочемъ столѣ и въ шкафахъ, что-то началъ было писать, но изорвалъ написанное и, надѣвъ шинель и шляпу, вышелъ на крыльцо.

— Будете, сударь, пить чай?—обратился къ нему слуга.

— Не буду.

— Что сказать барынѣ, коли пожалуютъ безъ васъ? — спросилъ Сергѣй.

— Скажи, что поѣхалъ по дѣлу и вернусь позднѣе...

Пройдя Чистые-пруды, Глѣбъ на Покровкѣ кликнулъ знакомаго извощика Фролку, обыкновенно стоявшаго здѣсь у богатаго трактира, сѣлъ на его дрожки и велѣлъ ѣхать въ Кунцово.

— Съ пріѣздомъ, ваше сіятельство!—сказалъ румяный и кудрявый Фролъ, снявъ шапку.

— Благодарю.

Красивый фролкинъ рысакъ медленно двинулся.

— Гони, любезный, смеркается,—сказалъ Глѣбъ:—нужное дѣло, ничего не пожалѣю... а конь у тебя еще, вижу, сталъ рѣзвѣй.

Польщенный Фролъ подобралъ возжи и пустилъ своего сѣраго полнымъ ходомъ. Онъ скоро домчалъ Глѣба въ Кунцово. На дворѣ, между тѣмъ, совсѣмъ стемнѣло. Миновавъ крайніе домишки Кунцова, за которыми, у края лѣсной просѣки, начинались паркъ и садъ—при мызѣ главнокомандующаго, Глѣбъ велѣлъ извощику, вдоль просѣки, ѣхать шагомъ.

— Придержи коня,—сказалъ онъ:—пусть отдохнетъ.

— Помилуйте, сударь, ничего! радъ стараться.

— Нѣтъ, лучше шагомъ...

Въ узкой просѣкѣ было еще темнѣе. Вправо бѣлѣла крашеная рѣшетка парка, огражденная отъ дороги глубокою канавой. Поверхъ рѣшетки, въ прогалинѣ между деревьями, былъ виденъ свѣтъ. Глѣбъ узналъ окна княжеской мызы. Разглядѣвъ въ темнотѣ рядъ высокихъ

тополей, онъ вспомнилъ, что противъ нихъ изъ парка на просѣку была калитка.

— Стой здѣсь,—сказалъ онъ извощику:—я пройду садомъ; когда будетъ нужно, кликну тебя; вотъ обрадуется жена.

— Вѣстимо, сударь.

Глѣбъ отыскалъ и отперъ калитку. Войдя въ паркъ, онъ шелъ сперва бережно, опасаясь, въ лѣсной мглѣ, наткнуться на вѣтви, потомъ пошелъ скорѣе. Дорога отъ тополей вела прямо къ дому. Паркъ кончался широкимъ прудомъ; за берегомъ послѣдняго начинался плодовый и цвѣточный садъ. Отъ пруда сталъ видѣнъ домъ. Нѣсколько оконъ въ лѣвой его сторонѣ были освѣщены. На прудѣ послышался плескъ.

— Кто здѣсь?—спросилъ Глѣбъ.

— Садовникъ.

— А, это ты, Яковъ?

Садовникъ узналъ голосъ барина и подбѣжалъ къ нему.

— Съ пріѣздомъ, сударь... Вотъ не ожидали.

— Что ты дѣлаешь тутъ?

— Привязываю лодку.

— Развѣ на ней кто теперь ѣздилъ?

— Наша сударыня, Марья Родіоновна.

— Она еще здѣсь?

— Въ комнатахъ.

— Съ кѣмъ плавала на лодкѣ?

— Съ дохтуромъ.

— Съ какимъ?

— Съ Захаромъ Семеновичемъ.

Глѣбъ помолчалъ.

— Одни они плавали?

— Одни-съ.

— А барыня, что здѣсь гоститъ?

— Ихъ не было.

— Дома ли она?

— Что-то не видѣлъ... Надо полагать, дома, а може еще въ городѣ; послѣ обѣда куда-то ѣздили.

— Наша барыня ожидаетъ ее здѣсь, что ли?

— Полагать должно. Барынины и дохтурскіе кони еще на конюшнѣ; я эвоси туда носилъ овесъ, а рыжаго не видѣлъ.

— Какого рыжаго?

— А водовозки... имъ барыня, для надобностей, оставила. Да позвольте, сударь, я сбѣгаю, узнаю.

— Не надо, ступай себѣ, Яковъ, но никому не говори; я самъ туда, черезъ балконъ...

— Вотъ, сударь, барыня обрадуется,—сказалъ Яковъ.

Отпустивъ садовника и выждавъ, пока затихли его шаги, Глѣбъ остановился, увидѣлъ подъ деревомъ скамью и безпомощно опустился на нее.

— „Обрадуется!—сказалъ онъ себѣ съ горечью:—такъ вотъ оно что̀, вотъ разлука! Кто могъ думать и ожидать? у Маши въ гостяхъ, tête a tête, Спесивцевъ... она ѣздитъ сюда... Неужели условленныя свиданія?“—Глѣбъ съ горечью посмотрѣлъ черезъ прудъ на освѣщенныя окна. Онъ уже приподнялся и рѣшился было пройти туда, смутить виновныхъ, по его мнѣнію, и потребовать отъ своего соперника отвѣта. Ему уже мерещилась грозная сцена, запирательства соблазнителя, вопли жены и роковой ломъ, о которомъ говорилъ при немъ Алексѣй.—„Нѣтъ, быть не можетъ!“—сказалъ себѣ съ отвращеніемъ Глѣбъ: „тутъ непонятное стеченіе случайныхъ обстоятельствъ, не болѣе... Но если?..“—Онъ оставилъ скамью и паркомъ пошелъ назадъ.

— Фролушка, ты здѣсь?—окликнулъ онъ у калитки извощика.

— Здѣсь.

— Ѣдемъ назадъ.

— Не застали, значитъ, хозяюшки?

— Уже уѣхала.

Дрожки помчались обратно въ Москву.

— „Невѣроятное, безобразное событіе!“ — повторялъ мысленно Глѣбъ, разглядывая въ потьмахъ заборы и домишки предмѣстья, въ которое въѣхали дрожки: „а, впрочемъ, чего съ женщиной не можетъ приключиться? на что̀ онѣ не способны? Серафима... казалась тоже такою невинною, смиренницей, а что̀ натворила!“—Острая боль щемила сердце Глѣба. Шумъ и движеніе городскихъ улицъ, по которымъ несся Глѣбъ, нѣсколько развлекли его. У одной изъ площадей онъ узналъ двухъ-этажный, съ колоннами и садомъ, домъ Туровцовой, гдѣ на свадьбѣ Алексѣя онъ впервые увидѣлъ Марѝ.

Глѣбу вспомнились первые годы послѣ его женитьбы, его пребываніе съ женой у матери въ Ракитномъ, рожденіе тамъ, въ его отсутствіе, сына и собственныя радостныя слезы, когда онъ впервые увидѣлъ ребенка и взялъ его на руки. Нежданная, жгучая мысль потрясла его... Онъ вдругъ припомнилъ, что Спесивцевъ гостилъ въ Ракитномъ, во время родовъ Марѝ, что онъ пріѣхалъ туда заблаговременно и уѣхалъ значительно позже, когда все благополучно кончилось.

— „Нѣтъ, нѣтъ! не можетъ быть!“—твердилъ онъ себѣ, съ дрожью: „матушка писала мнѣ тогда, что сама задержала этого гостя!“ — Глѣбъ доѣхалъ до угла Покровки и Чистыхъ-прудовъ, остановилъ

извощика, расплатился съ нимъ и, чтобы хоть нѣсколько разсѣяться, пошелъ, вдоль прудовъ, домой пѣшкомъ.

XXIV.

Пугачовъ сидѣлъ въ воротахъ сарая, набивая обручъ на походный боченокъ, въ то время, когда подъѣхавшіе казаки приблизились къ огороду, бывшему за дворомъ. Они привязали коней подъ вербами и остановились у забора, за которымъ копалъ грядку узнавшій ихъ бродяга-арестантъ. Они съ нимъ разговорились черезъ заборъ. Емельянъ искоса наблюдалъ, какъ прибывшіе нерѣшительно спрашивали о чемъ-то арестанта и какъ тотъ отвѣчалъ имъ, поворачивая бритую голову къ сараю.

— Такъ это и есть нашъ батюшка-царь?—спрашивали казаки.

— Онъ самый.

Казаки, снявъ шапки, съ крайнимъ любопытствомъ смотрѣли, черезъ заборъ, въ ворота сарая, гдѣ въ простой, мужичьей рубахѣ и въ набойчатыхъ штанахъ, новоявленный царь, отесавъ обручъ, собственноручно набивалъ его обухомъ на днище боченка.

— И въ какой скудости, простотѣ!—невольно умиляясь, разсуждали между собой казаки:—претерпѣлъ, сердечный,—до времени, аки подъ спудомъ, былъ сокрытъ!.. Можно, миленькій, къ нему?

— Приметъ ли еще?—съ важностью замѣтилъ бродяга.

— А что?—гнѣвенъ, что ли, бываетъ?

— Всяко случается. Ждалъ васъ, а, все-таки, надо спросить.

— Иди, спасетъ тебя Господь!—отвѣтили, кланяясь, казаки.

Арестантъ подошелъ къ Пугачову. Тотъ, оправясь, проговорилъ: зови!—Казаки перелѣзли черезъ заборъ, прошли огородомъ и приблизились къ сараю. Это были еще не женатые, безхозяйные парни, малолѣтки.

— Ты ли, надёжа, нашъ государь, Петръ Ѳедоровичъ?—спросили они съ низкимъ поклономъ.

— Я самый. Отъ кого обо мнѣ извѣстны вы стали?

— Тотъ казакъ объявилъ, что добылъ тутъ коня. Въ городѣ, кормилецъ, всѣ баютъ, ждутъ и не дождутся тебя, нашего избавителя.

— Кто васъ прислалъ? войско?—съ недовѣріемъ спросилъ Пугачовъ.

— Всѣ, какъ одинъ, всѣмъ міромъ, старъ и младъ!—врали казаки.

Пугачовъ на мигъ просіялъ, хотя въ его глазахъ еще виднѣлось сомнѣніе и какъ бы испугъ.

— Войсковой, стало быть, не старшинской руки?—спросилъ онъ, разглядывая безусыя, простодушныя лица молодыхъ казаковъ.

— Вѣстимо, батюшка; за тебя вся убогая чернь, обиженная, бездомная сѣрома, голяки... Что брюханамъ, да богачамъ? они, воры, и безъ тебя всѣмъ довольны.

„Такъ вотъ что, старшіе еще не за меня!“—подумалъ Пугачовъ.

— Знаю я брюхановъ!—сказалъ онъ, помолчавъ:—садитесь, поговоримъ.

Казаки переглянулись.

— Мы, твое царское величество,—отвѣтили они:—и постоять передъ тобой охочи.

— Приказываю, такъ садитесь,—съ досадой объявилъ Пугачовъ:—не въ ногахъ только служба!

Казаки сѣли на-земь у воротъ сарая. Пугачовъ положилъ недодѣланный бочёнокъ на край колоды, на которой сидѣлъ, и сбросилъ съ нея стружки.

— Ну, яицкіе казаки,—началъ онъ:—я точно вашъ государь, Петръ Ѳедоровичъ. Коли вы рѣшили, такъ примите меня и защитите, а не угодно, уйду на Узени и въ дальнія, дикія степи,—буду ждать другой пособки и иныхъ временъ.

— Не токма примемъ, на все готовы!—отвѣчали казаки, вставъ и кланяясь до земли:—старики баютъ, всѣ наши достатки и животы положимъ за тебя.

— По-правдѣ?

— Какъ передъ Господомъ Богомъ.

— Поклянитесь мнѣ, своему государю.

Казаки обратились на востокъ и, крестясь двуперстнымъ крестомъ, клятвенно подтвердили свои слова. Глаза Емельяна засвѣтились снова довольствомъ. Отъ радостной усмѣшки на вискѣ у него сложилась морщинка.—„Такъ и есть царскій знакъ!“—подумали казаки, разглядывая морщину, о которой уже слышали.

— Слышалъ я вашу клятву и вамъ вѣрю теперь!—сказалъ Пугачовъ:—вижу, объявиться мнѣ приспѣло время. Помогайте же, дѣтушки, соколы ясные, не покидайте... Что надумали, говорите.

— Не намъ, батюшка, рѣшать, пуще насъ есть! — отвѣтили, съ новымъ поклономъ, казаки:—мы только провѣдчики, подростки-ходаки.

— Гдѣ же ваши старшіе?—спросилъ Пугачовъ:—что медлятъ? говорю, время пришло.

— Насъ впередъ послали, сами ждутъ зова.

— Оробѣли, что ли?—кличьте, съ честью приму.

— Не твоего величества боязно, злыхъ супостатовъ сколько!

— Гдѣ ждутъ старшіе, далеко-ль?

— За тѣмъ, эвоси, курганомъ, въ логу.

— Что же медлите? зовите.

— Мы, батюшка, знакъ дадимъ.

— Давайте.

Одинъ изъ подростковъ, помоложе, взобрался на крышу сарая и сталъ оттуда махать палкой. Вдали показались три новые вершника. Они тихо приблизились къ умёту, объѣхали огородъ и дворъ и показались въ воротахъ. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, худой, съ окладистою русою бородой; другой—приземистый, черноволосый, скуластый и смуглый; третій—средняго роста, плотный, рябой и съ узенькими, на калмыцкій ладъ, глазами. То были уполномоченные отъ яицкаго войска,—Мясниковъ, Зарубинъ-Чîка и Шигаевъ. Они слѣзли съ лошадей, привязали ихъ у воротъ, къ забору, и достали изъ торокòвъ какія-то тòрбы. На нихъ были нарядные, китайчатые азя́мы,—на двухъ синіе, на третьемъ зеленый,—у каждаго ружье и сабля или кинжалъ у пояса.

— Дозволишь ли, батюшка, имъ подойти?—спросилъ подростокъ, махавшій съ крыши.

— Зови. Только вотъ что̀... Никто изъ васъ, вижу, не бывалъ въ Питерѣ и не знаетъ этихъ придворныхъ дѣловъ. Какъ подойдутъ, вы, мальцы, станете къ сторонкѣ, а они пусть упадутъ на колѣни и поцѣлуютъ мою руку.

Уполномоченные, оправясь и неся съ собою торбы, подошли безъ шапокъ къ сараю, опустились передъ Пугачовымъ на колѣни и, по очереди, поцѣловали протянутую имъ, мозолистую и загорѣлую его руку. Сильное волненіе охватило Емельяна. — „Вотъ, наконецъ, настоящіе первачѝ, рукодà́нники войска!“ — мыслилъ онъ, стараясь сохранить строгій и спокойный видъ: „зачѣмъ-то явились и что-то объявятъ мнѣ?“

Понимая, что передъ нимъ настоящіе, матерые казаки, а не мелкота, онъ готовился сказать имъ нѣчто важное и рѣшительное, подбиралъ въ умѣ слова, чтобы вышло торжественно и вмѣстѣ милостиво, какъ, по его понятію, должны были говорить высокіе властители-цари.

— Здравствуйте, войско яицкое!—сказалъ онъ, чуть кивнувъ головой на привѣтствіе казаковъ:—чай, удивляетесь? ваши отцы и дѣды ѣзжали къ моимъ предкамъ въ Москву и въ Питеръ; а нынѣ самъ монархъ пожаловалъ къ вамъ...

— Помилуй, отецъ! оспротѣли мы, страждемъ! помилуй, кормилецъ!—восклицали уполномоченные, припадая къ землѣ.

— Не кланяйтесь, дѣтушки, встаньте; садитесь противъ меня, поговоримъ.

Уполномоченные сѣли. Емельянъ внимательно вглядывался въ ихъ, какъ ему показалось, до-нельзя растерянныя и оробѣлыя лица. Казаки послѣ перваго смущенія, смотрѣли, однако, болѣе съ любопыт-

ствомъ, чѣмъ съ робостью.—„Царь, а глядитъ, какъ есть, мужикомъ!“—думалъ длинный Мясниковъ.—„Одѣженка совсѣмъ плоха, бородатъ и рыломъ какъ бы точно не вышелъ!“—мыслилъ, искоса поглядывая на царя, и черномазый Чѣка.

— Не вамъ, говорю, дѣтушки, кланяться мнѣ!—началъ, замѣтивъ пытливые взгляды казаковъ, Емельянъ: — за меня заступитесь! плохо мнѣ; погубили было въ конецъ бояре, жена и начальство.

— Не прогнѣвайся и не обезсудь,—произнесъ, вставъ и кланяясь, рябой Шигаевъ:—время обѣденное, а живешь ты, видимъ, въ скудости, пока мальцы покормятъ и напоятъ коней, дозволь угостить, — прими отъ нашей нуждишки хлѣбъ-соль.

Шигаевъ вынулъ изъ торбы свѣжій пшеничный каравай и нѣсколько арбузовъ; Чѣка досталъ паляницъ, съ саломъ, и дынь; Мясниковъ—соленой рыбы, объемистую флягу, съ водкой, и стаканъ, завернутые въ войлочную полсть.

— Что-жъ,—отвѣтилъ, бывшій, все время, безъ Оболяева, впроголодь, Пугачовъ:—мы не брезгаемъ подданными,—угощайте.

XXV.

Казаки разостлали въ воротахъ сарая полсть, нарѣзали хлѣба и арбузовъ и разложили рыбу. Всѣ, помолясь, усѣлись за трапезу. Пугачовъ разспрашивалъ гостей о послѣднихъ событіяхъ въ войскѣ, о нуждахъ казаковъ и о притѣсненіяхъ новыхъ, поставленныхъ надъ ними, командировъ. Собесѣдники, закусывая, выпили за здравіе государя по стакану и по другому. По третьему онъ самъ предложилъ выпить.

— Здравствуй я, царь Петръ третій!—сказалъ онъ при этомъ:—пью и за здравіе маво сына, наслѣдника Павла Петровича. Разумный онъ и жаль мнѣ Павлушу... надо его скорѣе ослобонить! Царицу мою запру въ монастырь, пусть замаливаетъ грѣхи.

Пятна румянца выступили на лицахъ сотрапезниковъ. Языки ихъ развязались.

— Дѣтушки мои, соколы вы ясные!—воскликнулъ Пугачовъ, переставъ ѣсть, хотя вновь разрѣзанная, душистая дыня еще привлекала его къ себѣ: — претерпѣлъ я, охъ, много! пѣшъ нынѣ сталъ сизый орелъ; подправьте орлу крылья,—вотъ какъ васъ обряжу и вознесу. Бояре, офицерство умничаютъ, стоятъ за жену; надо истребить эту всю царицыну офицерщину, всѣ ея порядки.

— Благодарствуемъ отецъ!—говорили, кланяясь, казаки:—видимъ, стоишь ты за насъ, сиротъ.

— Всѣмъ васъ одарю,—продолжалъ Пугачовъ:—Яикомъ, съ притоками и рыбными ловлями, землями, всякими угодьями, солеными озерами,—вези рыбу и соль, куда хошь,—безданно и безпошлинно, торгуй на всѣ четыре стороны... Пожалую васъ древнимъ крестомъ и бородой! Яицкій городъ сдѣлаю Питеромъ, Астрахань—Москвой! Казакамъ быть надо всѣми!

— Оченно благодарны! Такъ ѣдешь, что-ль, съ нами?

— Оставивъ царство,—говорилъ Емельянъ:—я принялъ странствіе, скрывался и претерпѣлъ—за кого? за народъ! Дай Богъ до Питера, скорѣе сына сваво Павла повидать здорова. Мало будетъ войска, скроюсь опять; много пристанетъ, прямо пойду къ Москвѣ и далѣе...

Казаки, покачиваясь и продолжая жевать, молча слушали его. За трапезой прошло болѣе часа.

— А теперь, перво-на-перво,—объявилъ Емельянъ:—гдѣ же это видано? Обносился я вонъ какъ, одёжишка у меня совсѣмъ негодящая.

— Это можно, для-че нельзя?—перебилъ болѣе другихъ охмѣлѣвшій Мясниковъ:—насъ уважь и мы свое дѣло докажемъ, такъ-то...

— Припасите платье подхожее, шалевый, али парчевой бешметъ,—говорилъ Емельянъ:—бархатную также шапку, краснаго, либо желтаго сафьяну на сапоги, чтобъ все было, какъ слѣдъ.

— А ты ѣзжай съ нами и дай указъ,—вставилъ на это Мясниковъ.

— Опять же нужны будутъ знамена,—продолжалъ Пугачовъ, какъ бы не разслышавъ сказаннаго ему:—накупите гòли разныхъ цвѣтовъ, шелку, позументу и шнура. Да какъ бы пушекъ добыть? антирѐлія нужна...

— А ты дай намъ на все то бумагу!—повторилъ Мясниковъ.

— Какой же вамъ, дѣтушки, указъ или бумагу, когда нѣту еще писаря? Вѣдь, я своей руки не долженъ казать, до времени, вплоть до самой Москвы, пока не верну царства и вѣнца. На то великая причина. Ворвалась въ душу смѣлость, дольше терпѣть не могу; изныло сердце, да вижу, надо быть еще, ой какъ, на-сторожѣ.

Казаки молча глядѣли на самозванца.

— Ну, ладно, — сказалъ, вставъ и крестясь, Чѝка: — все, ваше величество, будетъ тебѣ... Только уже не рано, лошади готовы; коли ѣдешь съ нами, не откладывай. Не налетѣли бы отъ коменданта гонцы.

Пугачовъ нехотя тоже поднялся. Ему хотѣлось еще поговорить, допытаться яснѣе о числѣ и силахъ единомышленниковъ и поставить напередъ свои условія. Солнце клонилось къ землѣ. Надо было торопиться. Выборные отослали впередъ малолѣтковъ и стали сѣдлать лошадей. Емельянъ зашелъ въ чуланъ, уложилъ въ мѣшокъ кое-какіе свои пожитки, налилъ водой исправленный имъ походный боченокъ и

прицѣпилъ его къ сѣдлу подведеннаго ему коня. Всѣ сѣли верхомъ и выѣхали за ворота.

Сердце Емельяна сжалось, когда онъ, съ сопутниками, поднялся на косогоръ и оттуда издали, у рѣчки Таловой, въ отблескѣ догоравшаго заката, увидѣлъ покинутые имъ, очевидно, уже навсегда, бѣлую мазанку, камышевый заборъ и сарай дѣдки Оболяева.—„Что-то теперь съ Ерёмкинымъ-курицей?“ — мыслилъ онъ: „чай, заперли бѣднаго въ темную, пытаютъ; промедлилъ бы я, то же было бы и со мной“.

Путники ѣхали молча.

Тѣни отъ лошадей и всадниковъ становились длиннѣе. Близились сумерки, а за ними скоро должна была настать и ночь. Казаки подъѣхали къ отвершку лѣсистаго оврага и рѣшили здѣсь подождать ночи и восхода мѣсяца. Они стреножили и пустили лошадей на траву, а сами сѣли на склонѣ оврага, подъ деревомъ, и разговорились.

— Куда же это везете вы меня?—спросилъ Пугачовъ спутниковъ.

— На хутора̀, на Усйху, либо на Узенй,—отвѣчалъ Шигаевъ:—тамъ скроемъ тебя у старцевъ, либо въ иномъ потайномъ мѣстѣ; подождемъ! все уладимъ и явимся всему народу, въ городокъ, какъ соберется казачество на ба̀гренье, либо и скорѣй!

— Поддержите, ребятушки!—сказалъ Пугачовъ:—дѣдъ мой, Петръ первый, восемь годовъ странствовалъ, въ чужихъ земляхъ, а я двѣнадцать... Много, ой, какъ много претерпѣлъ я бѣдности и всяческаго труда... За меня заколотъ и схороненъ другой, вѣрный мнѣ, коли слыхали, казакъ Пугачовъ... ой, жаль, дѣтушки, его!

— Что, батюшка, старое вспоминать!—перебилъ его молча глядѣвшій въ землю Чйка:—на хутора̀ не успѣли мы, а теперь еще видно... предъяви-ка ты намъ лучше свои царскіе знаки.

Пугачовъ вздрогнулъ.—„Что̀ это?“—подумалъ онъ: „не успѣли выѣхать, а ужъ хотятъ мною помыкать?“

— Да, кормилецъ, покажи!—прибавилъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Мясниковъ:—николи мы того, слѣпцы, не видѣли...

Онъ отрезвился нѣсколько въ дорогѣ и съ умиленіемъ готовился убѣдиться въ подлинности найденнаго ими государя.

— Рабъ ты мой!—отвѣтилъ съ сердцемъ Пугачовъ:—мой подданный, а восхотѣлъ мнѣ повелѣвать! Что же, коли сумнѣваетесь, изволь, глядите.

Онъ выхватилъ изъ-за пояса ножъ и хотѣлъ имъ распороть воротъ рубахи.

— Зачѣмъ портить рубаху!—возразилъ Чйка:—и такъ ты въ какой еще скудости; спусти ее, мы и этакъ-то просто поглядимъ.

„Спина!.. битую спину увидятъ!“—подумалъ, колеблясь, Емельянъ.

— Не гоже простымъ людямъ,—сказалъ онъ:—видѣть всю мою

наготу... Вотъ вамъ одна грудь, смотри... вотъ они прирожденные царскіе знаки...

Онъ взрѣзалъ воротъ рубахи. Несмотря на сумерки, казаки ясно разглядѣли на его груди два бѣловатыхъ пятна.

Эти знаки снова отуманили Мясникова. Мысленно повторяя: „святъ-пересвятъ! избави, Господи, и помилуй!“ и молча пощипывая свою бороду, онъ подобострастно смотрѣлъ на сидѣвшаго передъ нимъ Пугачова и удивлялся, какъ онъ такъ смѣло требовалъ отъ него указа на доставку платья и знаменъ.

— Всѣ ли цари такъ родятся?—осмѣлился онъ спросить.

— Не ваше дѣло то знать! — грубо отвѣтилъ Пугачовъ: — а кто не повѣритъ, песъ ему въ ротъ, о тѣхъ разсудится опосля.

— Да ты что же, милостивый, гнѣваешься? — проговорилъ Шигаевъ, также не зная, куда дѣться отъ страху.

Чѣка тоже старался показаться смущеннымъ. Емельянъ съ удовольствіемъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе. Чѣка, впрочемъ, лукавилъ; онъ прежде, уже не разъ, видѣлъ мнимаго царя, и близко зналъ, что онъ не царь, а донской казакъ.

— А впрочемъ, чада мои, коли желаете видѣть, какъ еще узнаютъ царей,—глядите!—сказалъ онъ, откидывая со лба волосы.

Казаки увидѣли на искѣ шрамъ.

— Вѣримъ, кормилецъ, вѣримъ! — заговорили они: — не оставь только насъ и обряди, какъ слѣдъ, а ужъ мы тебя не кинемъ до конца живота.

Собесѣдники еще нѣсколько поговорили и прилегли. Степь и оврагъ окончательно стемнѣли. До восхода мѣсяца было еще далеко. Все стихло. Слышалось только постукиваніе копытъ, да фырканье спутанныхъ коней, пасшихся по склону оврага. Свѣжая августовская ночь давала себя чувствовать. Путники укрылись, съ головой, попонами. Чѣка лежалъ рядомъ съ Пугачовымъ; остальные двое поодаль отъ нихъ. Прошло часа два. Высунувъ голову изъ-подъ попоны, Чѣка прислушался. Мясниковъ и Шигаевъ храпѣли, Пугачовъ лежалъ молча. — „Навѣрное не спитъ“,—подумалъ о немъ Чѣка: „да и какъ ему теперь спать,—то ли въ головѣ“?

— Ваше величество, ты не спишь?—спросилъ онъ, въ полголоса, тронувъ Пугачова.

Емельянъ приподнялся, зѣвнувъ и протирая глаза. Чѣка возлѣ него сѣлъ на корточки.

— А что, батюшка, о чемъ я тебя спрошу, — произнесъ онъ, также вполголоса:—не прогнѣвайся и не поставь въ укоръ.

— Говори, не бойся, что тамъ?

— Не въ опаскѣ дѣло, а вотъ,—началъ Чѣка и помолчалъ.

— „Что онъ затѣваетъ?“ —подумалъ Емельянъ.

— Насъ только двоечко теперь, — продолжалъ Чѣка, — и никто, какъ есть, насъ не слышитъ... Скажи, только по истинной правдѣ, кто ты, въ самомъ дѣлѣ, такой?

— Извѣстно кто... вашъ государь.

— Прости, кормилецъ! мы вѣдь, людишки темные, не знаемъ, какъ слово молвить, какъ сѣсть и встать. Видѣли тебя иные и опознали въ городѣ и въ скиту, да и баютъ совсѣмъ уже несуразное.

— Что же говорятъ?

— Быдто ты не царь, — проговорилъ Чѣка, — а донской казакъ, ну, просто сказать, какъ всѣ мы, мужикъ, — Емельянъ Пугачовъ.

— Врешь, дуракъ!—вскрикнулъ, не помня себя, Емельянъ.

— Тише, батюшка, что ты! еще побудишь товарищей,—спокойно произнесъ Чѣка, — а лучше скажи ты мнѣ, по-истинѣ... Отъ людей схоронишься, отъ Бога не утаишь.

Сильное волненіе охватило Пугачова. Онъ остолбенѣлъ и рѣшительно не зналъ, что отвѣтить. „Такъ и есть,—думалъ онъ:—этотъ скуластый все спозналъ и обсудилъ... Высмотрѣлъ, выслѣдилъ, стоглазый, и теперь я у него въ рукахъ. Не захочетъ—погубитъ, захочетъ—вознесетъ“... Емельянъ робко осмотрѣлся кругомъ. Золоторогій мѣсяцъ началъ вырѣзываться изъ-за вершинъ деревьевъ. Степь далеко освѣтилась голубоватымъ, мягкимъ блескомъ.

— Никому не скажешь? — прошепталъ, нагнувшись къ Чѣкѣ, Емельянъ.

— Вотъ-те крестъ.

— Побожись Иванъ!

— Убей Богъ!—отвѣтилъ, мучимый любопытствомъ, Чѣка.

— На образъ поклянись... чтобы ни на сёмъ свѣтѣ, ни на томъ коли что, счастья, молъ, не было бы тебѣ.

Чѣка вынулъ изъ-за пазухи тѣльный крестъ и, повторяя слова Емельяна, поклялся на немъ.

— Ну, ладно, — проговорилъ Емельянъ, — помни... я точно не царь, а донской казакъ Пугачовъ... принялъ на себя государево имя, чтобы помочь вамъ же, казакамъ, и всей черни...

— А намъ, кормилецъ, того вѣдь и надо!—сказалъ Чѣка,—день мой, вѣкъ мой! хоть на часъ, да наша власть! намъ какова нужда, царь ты, али названецъ-мужикъ? Изъ грязи слѣпимъ князя, и ужъ за тебя, Емельянъ Ивановичъ, тоже попомни, вотъ какъ постоимъ! Одежа, знамена ли нужны,—все тебѣ снарядимъ; пѣсаря—указы, да манифесты писать — и того, не печалься, найдемъ. Такъ согласенъ намъ вѣрой и правдой служить?

— Согласенъ!

Чѣка медленно всталъ и подошелъ къ спавшимъ Мясникову и Шигаеву.

— Максимъ, Тимоха! — громко сказалъ онъ, расталкивая товарищей, — вставайте други! его величество, нашъ свѣтлый государь, изволитъ ѣхать въ путь.

Казаки растреножили, взнуздали отдохнувшихъ лошадей и сѣли на нихъ. По передразсвѣтному, острому холодку, всадники быстро понеслись по пути къ Малому-Чапану и далѣе къ Усихѣ, гдѣ и рѣшили до времени скрываться въ дикихъ, пустынныхъ мѣстахъ.

О томъ, что случилось на Таловомъ-уметѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ степныхъ тайникахъ, не доходило еще въ то время вѣстей не только до Петербурга или до Москвы, но даже до ближайшихъ мѣстностей по Волгѣ. Жизнь вездѣ шла своимъ чередомъ. Начинавшійся пожаръ тлѣлъ еще, въ видѣ крохотной искры, подъ пепломъ.

XXVI.

Глѣбъ подошелъ къ своему дому и позвонилъ.

— Барыня пріѣхала?—спросилъ онъ слугу, забывъ, что оставилъ ее въ Кунцовѣ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ Сергѣй,—должны скоро быть.

Подъ предлогомъ нездоровья, отказавшись отъ чая и ужина, Глѣбъ сказалъ, что заснетъ въ кабинетѣ, отпустилъ слугу, заперся, легъ, не раздѣваясь, на софу и потушилъ свѣчи. Сонъ бѣжалъ отъ него. Мрачныя представленія вертѣлись въ его головѣ. Дремота казалась дѣйствительностью. То ему видѣлось, что Марѝ бросила его, бѣжала съ кѣмъ-то за-границу, и онъ все усиливался вспомнить и угадать, кто ее увезъ. То онъ видѣлъ себя въ Москвѣ, на какомъ-то общественномъ гуляньѣ, гдѣ встрѣтилъ жену подъ руку съ незнакомымъ человѣкомъ. Неописанной красоты незнакомецъ, въ бархатномъ черномъ плащѣ и въ широкой тирольской шляпѣ, съ краснымъ перомъ, велъ Марѝ, а она что-то громко и весело говорила. Глѣбъ, подойдя къ женѣ, поклонился; но она, прищуривъ удивленные глаза и, съ улыбкой, указывая на него своему сопутнику, спросила: „Что это за господинъ? я его не знаю“! Слезы душили Глѣба.

Было уже девять часовъ утра, когда онъ проснулся. Не вставая и сквозь грезы прислушиваясь къ домашнему движенію, онъ старался угадать, дома ли и проспулась ли жена. Наконецъ, онъ всталъ, оправилъ на себѣ платье, порылся въ портфелѣ, взялъ что-то оттуда и вышелъ изъ кабинета. Слуга въ залѣ обметалъ пыль.

— Барыня встала? — спросилъ онъ.
— Одѣлись.
— Гдѣ она?
— Въ уборной.
— Кушаютъ чай?
— Пишутъ.

Глѣбъ вошелъ въ уборную, гдѣ Марѝ, къ неописанной тревогѣ, сидѣла у рабочаго столика, перебирая пачку писемъ, полученныхъ въ послѣднее время отъ мужа. Она еще съ вечера узнала отъ садовника о пріѣздѣ Глѣба на мызу и о внезапномъ, необъяснимомъ его возвращеніи оттуда, безъ свиданія съ нею. Пораженная этою вѣстью, она тогда же опрометью понеслась съ мызы обратно въ городъ, но уже не догнала мужа и пріѣхала домой, когда онъ, отпустивъ слугу, заперся въ кабинетѣ и, повидимому, уже спалъ. „Что же это такое?— говорила она себѣ, — неужели опять ревность? какъ это глупо! или случилось что непріятное по службѣ?.. Онъ не хотѣлъ огорчить меня, при постороннихъ, и потому, узнавъ, что я не одна, такъ внезапно уѣхалъ. Или, наконецъ, что-нибудь другое?“ — пришло ей въ голову: „не писалъ ли онъ мнѣ какія-нибудь распоряженія, на которыя я, въ суетѣ, не обратила вниманія?“ И она старательно просматривала его письма.

Заслышавъ, наконецъ, на порогѣ шаги мужа, Марѝ вскочила и, со слезами радости и тревоги, бросилась къ нему на-встрѣчу.

— Здоровъ ли ты? — вскрикнула она, обнимая его: — что случилось? Какъ ты вчера меня смутилъ и напугалъ!..

Глѣбъ тихо отвелъ ея руки.

— Что произошло? — повторяла Марѝ, — да говори же... отчего ты вчера былъ на мызѣ, узналъ, что я въ домѣ, и не зашелъ туда?

Глѣбъ взглянулъ пристально въ глаза женѣ, вынулъ изъ кармана какую-то смятую бумажку и молча положилъ ее передъ нею на столъ.

— Что это?—спросила Марѝ, глядя на мужа и не понимая, что онъ дѣлаетъ.

— Прочти,— сказалъ сухо Дугàновъ, отвернувшись къ окну.

Марѝ прочла безъименный доносъ, полученный Глѣбомъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Низкія и грубыя выраженія этого пасквиля съ первыхъ словъ глубоко возмутили ее. Но когда она прочла выраженіе: „ты давно обманутъ, рогатъ, — ищи и легко узнаешь своего соперника“ —кровь бросилась ей въ голову и она ухватилась за сердце.

— Боже! да что же это, Глѣбушка, родной?—вскрикнула она,— за что такая обида? неужели допустишь?

— Тебѣ лучше все знать,—холодно отвѣтилъ Глѣбъ.

— Какъ? что?—спросила Марѝ:—что ты сказалъ?

— Обманутый мужъ, всѣмъ уже извѣстно, послѣдній обыкновенно узнаетъ объ измѣнѣ жены, — съ дрожью проговорилъ Глѣбъ, думая между тѣмъ: „И какъ я могъ, въ то время, когда братъ стоялъ за кровавую расправу, такъ великодушничать на счетъ всепрощенія“?

— Безсовѣстный!—крикнула Марѝ,—и тебѣ не жаль? да какъ ты смѣешь такъ подозрѣвать и оскорблять меня? какой я подала поводъ?

Слезы хлынули у нея изъ глазъ. Она, внѣ себя, рыдая, опустилась на стулъ. Все передъ нею кружилось. Обида была слишкомъ тяжела. Глѣбъ нѣсколько мгновеній молча постоялъ возлѣ нея. Жалость прокрадывалась въ его сердце.

— Послушай, — сказалъ онъ, тихо обнявъ жену:—я готовъ не вѣрить гнусному извѣту. Но если ты... скажу откровенно... пойми меня, если тебѣ болѣе близокъ другой... не терзай меня, Маша, скажи правду, сущую правду. Она будетъ мнѣ менѣе мучительна, чѣмъ эти невыносимыя сомнѣнія, это постыдное, унизительное незнаніе.

— Да ты съ ума сошелъ? — возразила Марѝ,—сознаешь ли ты, что̀ говоришь?

Мысли возвратились къ ней. Она осыпала Глѣба укоризнами. Всего сказаннаго ему, своего негодованія и горькихъ упрековъ, она не помнила впослѣдствіи. Ей представлялось одно, что ея слова, ея негодованіе и слезы какъ бы усовѣстили Глѣба, смутили его. Это ей, впрочемъ, показалось на мгновеніе, но и того ей было достаточно. Она отрадно вздохнула и, отеревъ слезы, молча протянула мужу руку. Ей не хотѣлось вѣрить тому, что̀ вдругъ такъ неожиданно принижало въ ея глазахъ и отталкивало отъ нея любимое существо.

Общіе знакомые, считая Глѣба Дуга̀нова за умнаго, честнаго и дѣльнаго человѣка, находили его, однако, не то чтобы холоднымъ и черствымъ, а нѣсколько сухимъ, не въ мѣру себялюбивымъ, утверждали, что его эгоизмъ иногда въ немъ переспливаетъ обычную ему мягкость нрава и доброту. Марѝ съ этимъ не соглашалась. „Можетъ быть, тонкая чувствительность къ собственному достоинству,—разсуждала она о мужѣ:—къ возрожденной ему честности и чести, у него иногда и выходила изъ мѣры и казалась, пожалуй, излишнею; но холодности и сухости въ немъ нѣтъ и я не вижу“. Теперь она, съ горечью, въ тайнѣ сознавала, что толки другихъ были какъ бы правы. Но чтобы эгоистическое раздраженіе и сухость могли въ мужѣ дойти до такихъ болѣзненныхъ размѣровъ, до подозрѣнія ея, такой любящей жены, въ невѣрности, въ измѣнѣ, этого она никогда не могла себѣ представить, даже во снѣ. Лучъ раскаянія, блеснувшій въ глазахъ Глѣба, снова расположилъ Марѝ къ нему.

— Слушай, недобрый, — сказала она ему:—ты, какъ вижу, наконецъ, ревнивецъ по природѣ. Зачѣмъ же было тогда жениться? зачѣмъ было оставлять такъ долго безъ себя ту, которой ты не довѣряешь и которую теперь такъ коришь?

Она обняла мужа, нѣжно прижалась къ нему.

— Вселить недовѣріе къ неповинному, близкому существу,—продолжала она, глядя ему въ глаза: — могутъ только злые люди, изъ ненависти и холоднаго разсчета, или несчастныя роковыя обстоятельства. Но у разумнаго, уважающаго себя человѣка—есть средства провѣрить подозрѣнія.

Марѝ поцѣловала мужа.

— Ты разумный,—сказала она,—и у тебя много всякихъ средствъ... какъ ни обидно для меня, прошу тебя, справляйся вездѣ, — провѣряй.

Глѣбъ, ухватясь за голову, опустился въ кресло.

— О, что бы я далъ, — проговорилъ онъ, — еслибы могъ найти гнуснаго клеветника, написавшаго этотъ безъименный извѣтъ! Мало дуэли... я нашелъ бы его и, при первой встрѣчѣ, безъ сожалѣнія убилъ бы на мѣстѣ, какъ собаку.

Слезы текли по его щекамъ.

— Успокойся,—сказала Марѝ, взявъ его за руку и цѣлуя ее,—не стоитъ того... общее презрѣніе—вотъ что будетъ возмездіемъ обидчику.

— Да, тебѣ это легко говорить,—отвѣтилъ Глѣбъ,—мнѣ же иначе не смыть обиды; ты не знаешь нашего общества... огласка, очевидно, уже пущена, мнѣ не простятъ.

Въ это время въ уборную вошла няня съ Васей. Она объявила, что пріѣхала Шѝмкова—принять ли ее? Глѣбъ взялъ ребенка на руки и, нѣжно приникнувъ къ нему, сказалъ женѣ: „Выйди, прими гостью“, а самъ, черезъ корридоръ, направился въ кабинетъ. Тамъ, какъ узнала впослѣдствіи Марѝ, онъ нѣкоторое время, не выпуская ребенка и лаская его, смотрѣлъ въ окно, потомъ притворилъ дверь и сѣлъ у стола.

— Вотъ, Сысоевна, какъ я счастливъ,—произнесъ онъ, качая ребенка на ногѣ:—и какая у меня разумная и добрая жена.

— Спасетъ васъ Господь,—отвѣтила няня, кланяясь.

— Да красивая какая!

— Еще бы, краля писанная, полновидная, кровь съ молокомъ... а косища! идетъ, всѣ не наглядятся; а у постороннихъ-то слюнки даже текутъ.

Сказавъ это, старуха заколыхалась отъ смѣха, прикрывъ ротъ рукой. Усмѣхнулся и Глѣбъ.

— А скажи, няня,—обратился онъ къ Сысоевнѣ:—дѣйствительно Маша заботилась безъ меня о ребенкѣ?

— Просто убивалась, особенно, какъ занемогъ.

— Ну, а гости у насъ часто бывали безъ меня?

— Какіе тамъ гости, при больномъ дитяти! его лѣчили, а тутъ мы и переѣхали сюда.

— Переписывалась барыня съ кѣмъ-нибудь, кромѣ меня?

— Съ кѣмъ же? къ этой самой барынькѣ посылали записки, къ дохтуру, къ Семену Захарычу.

— Кто доставлялъ письма, когда жили на мызѣ?

— Яковъ садовникъ, а больше Сергѣй, когда ѣздили за провизіей.

— Ну, а по секрету, скажи, такъ откровенно,—тебя, вѣдь, приставила старая барыня,—ухаживалъ Семенъ Захарычъ за Машей?

— И не говори,—отвѣтила, оглядываясь, няня: — все ей ручки, блюдолизъ, цѣловалъ.

— А она?

— Извѣстно, ни-ни, не позволяла, даже вотъ какъ серчала.

Глѣбъ отрадно вздохнулъ.

XXVII.

Онъ отдалъ дитя Сысоевнѣ. Когда она вышла, онъ нѣкоторое время еще побылъ въ кабинетѣ. Рой странныхъ, тяжелыхъ мыслей кружился въ его головѣ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, на что рѣшиться и что̀ предпринять. Слуга напомнилъ ему, что онъ не умывался. Глѣбъ распаковалъ остальныя вещи, умылся, тщательно выбрился и надѣлъ все чистое. Подали завтракъ. Марѝ пригласила Шѝмкову въ столовую и, заваривъ на спиртовой лампочкѣ кофе, послала слугу звать мужа. Глѣбъ прибралъ разбросанныя бумаги въ столъ, заперъ его и взялъ головной гребень.

— Скажи, Сергѣй,—спросилъ онъ слугу,—оправляясь передъ зеркаломъ:—часто къ намъ ѣздили доктора?

— Какъ же, сударь, не часто? барченокъ такъ хворали!—отвѣтилъ Сергѣй.

— Кто болѣе ѣздилъ?

— Семенъ Захаровичъ,—они, сказать, только и помогли ему. Ужъ и мы, рабы, за нихъ молимся, спаси ихъ Господь. Вотъ и въ Писаніи, сударь, сказано-съ, барыня книжку такую давали... что не токмо, выходитъ, отца, но и благодѣющаго тѝ.

— Ну, а самъ докторъ являлся или посылали за нимъ?

— Какъ случалось; иной разъ и меня отряжали.

— Ты куда за нимъ ѣздилъ? онъ живетъ на прежней квартирѣ?

— У Покрова въ Левшинѣ-съ, домъ Сусѣкиной, на верху, гдѣ и жили.

— Всегда онъ охотно ѣздилъ, или иногда и отказывался письменно? вѣдь у докторовъ капризы...

— Не ѣздили, когда сами хворали; а разъ было некогда, у нихъ шла, должно, спѣвка... и было то въ постный день...

— Какая спѣвка?—спросилъ Глѣбъ.

Сергѣй усмѣхнулся. Онъ когда-то самъ готовился въ пѣвчіе и кое-что въ этомъ понималъ.

— Тальянцы, что ли, на арфахъ, или нѣмцы какіе-то играли,—отвѣтилъ онъ:—таталáкали, по-своему... да вовсе плохо-съ.

— У доктора—итальянцы?

— Такъ точно-съ.

— И онъ тутъ былъ?

— А какъ же-съ,—слуга ихъ сказывалъ,—по ихъ приглашенію, былъ и эфтотъ, значитъ, сборъ. О, Господи, люди, сказать, постятся, а у нихъ, почитай, содомъ.

„Вотъ не ожидалъ!—подумалъ Глѣбъ:—искусствомъ тоже, мусикійствомъ, гороховый шутъ, занимается! Какая, подумаешь, нѣжность у доктора! И эту черту также осторожно отъ всѣхъ таилъ... даже не подозрѣвали... Съ виду такъ простъ, а оказывается... и вдругъ попался. Не люблю я этого Сергѣя,—ученикъ Марѝ, начётчикъ и ханжа, а за это открытіе награжу“...

Мысленно усмѣхаясь надъ докторомъ, Глѣбъ прошелъ въ столовую, подсѣлъ къ Шѝмковой и былъ такъ внимателенъ къ гостьѣ, такъ угощалъ ее кушаньями и виномъ и, самъ съ удовольствіемъ закусивъ, такъ искренно и спокойно подъ конецъ шутилъ съ женой и Шѝмковой, что Марѝ не замѣтила въ немъ и слѣда давешняго его настроенія.

Шѝмкова собралась уѣзжать.

— Куда же вы, Надежда Павловна?—спросилъ, точно очнувшись, Дугáновъ:—еще посидѣли бы съ нами.

— Надо купить гродетýра и цѣлую штуку фландрскаго холста,—отвѣтила Шѝмкова:—получила заказъ на новую работу... приданое богатой невѣстѣ.

— Холста? — спросилъ Глѣбъ! — какого? есть у васъ образецъ? позвольте, и цвѣтъ гродетура... Я къ князю, мнѣ по дорогѣ, и я счелъ бы за особую пріятность...

— Помилуйте, что̀ вы!—отвѣтила Надежда Павловна, смутясь отъ такой нежданной любезности:—мнѣ, право, совѣстно .. я сама поѣду.

— Нѣтъ, нѣтъ, я этотъ холстъ куплю выгоднѣе, у меня знакомые, хорошіе купцы, — настаивалъ Глѣбъ: — побудьте съ Машей, а мнѣ, увѣряю васъ, по дорогѣ... гдѣ образцы?

Надя, покраснѣвъ до корней волосъ, стала неловко рыться въ дорож-

номъ ридикюлѣ, достала оттуда и медлила подать ему образцы. Онъ, съ улыбкой, тихо высвободилъ ихъ изъ рукъ Шѝмковой, завернулъ въ карманъ и направился въ прихожую.

— Лошади еще не готовы,—сказала Сысоевна, встрѣтивъ его въ залѣ.

— Я пѣшкомъ,—голова что-то тяжела!—отвѣтилъ Глѣбъ, надѣвая шляпу и шинель.

„Холстъ“,—думалъ онъ, выйдя на крыльцо:—„зачѣмъ, бишь, онъ нуженъ? Да! этой блѣдной и милой Надѣ, пріятельницѣ жены. А какая она, бѣдняжка, худая... Я за-то какъ счастливъ!.. Конечно, объяснено! Марѝ, разумѣется, ни въ чемъ не виновата. Неосторожность праздныхъ шатуновъ и городскія сплетни, вотъ и все! Да иначе и быть не могло... Жена Цезаря должна быть безъ единаго упрека, безъ тѣни подозрѣнія... а Марѝ моя жена; честность и честь выше всего“.

У крыльца Дугà новъ увидѣлъ свою водовозку и Якова-садовника, сидѣвшаго на козлахъ расхожихъ дрожекъ.

„Это онъ Шѝмкову привезъ“,—подумалъ Глѣбъ, сперва удивясь, зачѣмъ Яковъ явился съ мызы.

— А рыжій-то опять, кажется, захромалъ?—сказалъ онъ, нагибаясь къ лошади:—ишь, какъ ногу отставляетъ.

— Заковали, полагать надо, маленечко,—отвѣтилъ Яковъ, снимая шапку.

— То-то, гоньбы, видно, было не мало... Ты тоже ѣздилъ съ письмами къ доктору?

— Ѣздилъ.

— Онъ, попрежнему, живетъ у Покрова въ Левшинѣ?

— Такъ точно-съ.

— Эка даль...

Глѣбъ перешелъ улицу и направился вдоль прудовъ. Кое-гдѣ уже тронутый утренникомъ, желтѣющій листъ сыпался съ деревьевъ. Солнце весело и ярко свѣтило въ прохладномъ и тихомъ воздухѣ.

„Такъ вотъ что, однако,—мыслилъ Глѣбъ, идя тропинкой по берегу пруда:—она съ докторомъ, дѣйствительно, сносилась письменно. Интимная переписка молодой замужней женщины съ холостымъ врачомъ,—какъ это мило! поздравляю, дружище,—проѣздился въ командировку...“

Сердце Глѣба сильно забило тревогу. Глаза застилалъ туманъ, земля точно колебалась подъ его ногами. Онъ остановился, прислонясь къ дереву. Мимо прудовъ шли выпачканные известкой каменьщики и плотники съ топорами. Споря и размахивая руками, спѣшили какія-то бабы въ кумачныхъ передникахъ. „Аны, дьяволы, ломятъ, галдятъ,—

говорила одна изъ нихъ:—а я, касатка моя, ластовка,—что мнѣ? вѣстимо, какъ на грѣхъ...“ Сморщенная, красная и вспотѣвшая старушонка, пыхтя беззубымъ ртомъ и едва переваливаясь, тащила передъ собой увѣсистый узелъ съ бѣльемъ. Она его уронила на тропинку и, безсильно охая, никакъ не могла снова его поднять. Глѣбъ помогъ ей справиться съ ношей.

— Для чего, бабушка, сразу-то?—сказалъ онъ ей:—снесла бы по частямъ.

— Урвушкѣ, родименькій, свѣтику, ей!—съ слезливымъ кашлемъ и новымъ оханьемъ, отвѣтила старушонка, шамкая и еще что-то бормоча подъ носъ, чего Глѣбъ уже не разобралъ.

„И у нея свое близкое существо,—подумалъ онъ:—какая-то Урвушка... урываетъ, видно, этотъ свѣтикъ остатки ея силъ. А моя-то?..“

Глѣбъ миновалъ пруды, оглянулся и нѣсколько мгновеній не могъ понять, гдѣ онъ. То была Покровка. Съ сосѣдняго перекрестка кто-то, снявъ шапку, кланялся ему, встряхивая русыми кудрями. Чье-то веселое, съ рыжею бородкой, лицо улыбалось ему, скаля бѣлые, красивые зубы. Онъ узналъ вчерашняго извощика Фролку.

— Подвезти, что ли, ваше сіятельство?

— Подавай,—разсѣянно отвѣтилъ Глѣбъ.

— Куда прикажете?

— Прямо!—сказалъ, сѣвъ на дрожки, Глѣбъ.

Фролъ оправился, вѣжливо перегнулся, вытянулъ руки и подобралъ возжи. Отдохнувшій съ вечера, сѣрый рысакъ, забирая хода, понесся къ Кремлю, оттуда по Никитской и Арбату.

„Да, нехорошее, скверное дѣло,—думалъ Глѣбъ, разглядывая вывѣски харчевень, трактировъ и лавокъ:—холстъ!.. нужно купить хорошаго, это непремѣнно, я обѣщалъ... А посудить, дѣйствительно, Маша женщина молодая, красивая, притомъ неопытная... Этимъ подлипаламъ, глотающимъ слюнки,—сущая находка... Мало ли чѣмъ не изловчатся? могутъ увлечь, того и гляди,—ну, и все пропало... Фу, какая, однако, гадость—эта ревность, и неужели я, какъ сказала Маша, дѣйствительно, ревнивецъ? Глупости, бредъ разстроеннаго случайностями воображенія!“

Сѣрый мчался. Мелькали улицы, площади, переулки.

— Стой, однако, свороти! — вдругъ сказалъ Дугановъ, опомнясь, извощику:—я и забылъ, надо въ городъ... кое-что купить...

Фролъ повернулъ снова къ Кремлю и сталъ близиться къ рядамъ. Подъ кремлевской стѣной, у моста черезъ рѣку Неглинную, послышались крики. На перекресткѣ, возлѣ кабака Агашки, Заверняйка-тожъ, шумѣла хмѣльная толпа рабочихъ.

„Праздникъ сегодня! — вспомнилъ Глѣбъ: — такъ и есть; лавки, пожалуй, закрыты“.

— Какъ думаешь,—обратился онъ къ извощику:—не вездѣ торгуютъ сегодня?

— Должно, сударь... нонче воскресенье.

— Ну, такъ ступай на Кузнецкій; у заморскихъ достанемъ скорѣе... у нихъ всегда торгъ.

Дрожки понеслись мимо Курятнаго ряда, на Кузнецкій-мостъ. Замелькали вывѣски нарядныхъ модныхъ магазиновъ, кондитерскихъ, брадобрѣевъ и винныхъ погребовъ. У знакомаго магазина Глѣбъ остановился, вошелъ, купилъ по образцу, не торгуясь, штуку лучшаго фландрскаго холста и потребовалъ гродетура. Услужливый купецъ, торговавшій холстомъ и кружевами, объявилъ, что у него шелковыхъ товаровъ нѣтъ и что желаемую матерію можно купить въ сосѣднемъ магазинѣ, у Дюкрò. Глѣбъ зашелъ къ Дюкрò, купилъ гродетура и, выйдя снова на улицу, увидѣлъ у дверей слѣдующей лавки, на складномъ стулѣ, толстаго, красноносаго, въ восточномъ архалукѣ и въ фескѣ, торговца-армянина.

— Есть канаусъ?—спросилъ онъ, вспомнивъ, что еще въ Петербургѣ собирался и не успѣлъ купить краснаго канауса на рубашку сыну.

— Первый сортъ,—отвѣтилъ, входя въ лавку, армянинъ.

Канаусъ былъ также купленъ. Въ лавкѣ, загроможденной разнообразнымъ пестрымъ хламомъ, высвистывалъ въ клѣткѣ черный, съ длиннымъ желтымъ носомъ, дроздъ и пахло чѣмъ-то пріятнымъ и пряннымъ. Глѣбъ остановился, соображая, чѣмъ это пахнетъ, и разглядывая товары. За стеклами, въ ящикахъ и шкафахъ, виднѣлись куски яркихъ штофовъ и парчей, расшитые золотомъ кисеты и туфли, янтарные мундштуки для трубокъ, кальяны, фески и въ чеканномъ серебрѣ кинжалы, а по стѣнамъ, на коврахъ, были развѣшены ружья, бердыши и ятаганы.

XXVIII.

— Какъ у васъ хорошо пахнетъ!—сказалъ Глѣбъ.

— Масло, розовый мускатъ—желаешь?

— И оружіе у васъ, какъ вижу?—сказалъ Глѣбъ разсѣянно.

— Первый сортъ, лучшаго не найдешь.

— Кажется, и пистолеты?—произнесъ Глѣбъ, взявъ покупку и собираясь идти.

Армянинъ подставилъ лѣсенку и быстро поднялся по ней къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, не надо,—отвѣтилъ, не оглядываясь, Глѣбъ, уже съ порога.

— Есть, скажу тебѣ, штучка, только не парная,—сказалъ съ лѣсенки армянинъ:—за эту, гляди, вотъ какъ дешево возьму.

Онъ снялъ со стѣны небольшой, двухствольный, въ простой от-

дѣлкѣ, пистолетъ и подалъ его, отирая съ него слой пыли. Глѣбъ возвратился, поднесъ покупку къ окну. На стволахъ пистолета красовался штемпель знаменитаго Кухенрейтера.

— Цѣна?—спросилъ Глѣбъ.

— Два червонца... убей Богъ, и то дешево, одинъ князь два давалъ.

— Мнѣ, впрочемъ, не нужно... А зарядить, попробовать въ цѣль можно.

— Только не тутъ, душа-баринъ, не тутъ... Я слабъ желудкомъ, стука боюсь.

— Разумѣется, у себя можно испробовать или за городомъ.

Армянинъ прочистилъ дула пистолета, зарядилъ ихъ пулями, оправилъ кремни и насыпалъ на полки пороху.

— На двадцать-пять шаговъ вотъ какую доску пробьетъ!—показалъ онъ на большой, съ насурмленнымъ ногтемъ, палецъ своей руки и хотѣлъ завернуть пистолетъ въ бумагу.

Глѣбъ что-то вспомнилъ; ему казалось, что онъ долженъ былъ еще что-то сдѣлать, что-то немедленно рѣшить.

— Не трудитесь заворачивать, я и такъ возьму,—вдругъ сказалъ онъ, вынимая и подавая продавцу деньги:—некогда, спѣшу.

Онъ быстро сунулъ пистолетъ въ карманъ брюкъ и вышелъ.

— Искупили сударушкѣ-хозяйкѣ обновокъ?—съ добродушною улыбкой спросилъ Фролъ, придерживая коня.

— Да, теперь уже, Фролушка, прямо домой,—отвѣтилъ Глѣбъ, садясь и укладывая въ ноги свертки покупокъ.

„Обновки сударушкѣ! — думалъ онъ, уносясь съ Кузнецкаго по Мясницкой: — о, еслибы этотъ добрякъ зналъ про мою хозяюшку? Нѣтъ, простыя женщины, ихъ нежеманныя, скромныя жены, въ кумачныхъ передникахъ, лучше. Не мучатъ такъ хитро и тонко, не терзаютъ исподтишка! Блаженъ братъ Алеша, счастливы невзыскательные и мягкіе сердцемъ слѣпцы... Но неужели же ежедневно и ежечасно такъ мучиться, ревновать? Неужели змѣя ревности такъ ненасытна и безумно-зла?“

Глѣбъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ; до обѣда еще было далеко. Вдругъ онъ вспомнилъ, что отправляясь изъ дому, предполагалъ заѣхать къ главнокомандующему. Онъ еще не представлялся ему съ дороги. Надо было безотлагательно сообщить князю о результатѣ порученія, о петербургскихъ высшихъ и иныхъ новостяхъ; но онъ выѣхалъ изъ дому запросто, не въ полной формѣ.—„Завертѣла эта глупая исторія,—подумалъ онъ:—не бѣда, впрочемъ, успѣю завтра“.—Миновавъ Мясницкую, Фролъ своротилъ вправо.

— Нѣтъ, бери налѣво.—подумавъ, сказалъ ему Глѣбъ,—я вспомнилъ одно нужное дѣло... Знаешь Денежный переулокъ, у Покрова?

— Какъ, сударь, не знать! Сколько разъ дохтура туда возилъ отъ вашей милости.

— Когда?

— Прошлою зимой.

„Всѣмъ извощикамъ пролазъ извѣстенъ!—сердито подумалъ Глѣбъ: —пожалуй, и все прочее о немъ знаютъ“...

Мучимый взрывомъ новыхъ, дикихъ предположеній и догадокъ, Глѣбъ подъѣхалъ къ церкви Покрова и остановился у дома купчихи Сусѣкиной, гдѣ жилъ Спесивцевъ. Зачѣмъ онъ неожиданно рѣшилъ направиться сюда и навѣстить доктора, Глѣбъ, впослѣдствіи, обдумывая этотъ заѣздъ, не могъ дать себѣ отчета. Помня изъ разсказовъ Спесивцева, что послѣдній обиталъ во второмъ этажѣ, Глѣбъ осмотрѣлъ этотъ небольшой деревянный домъ и вошелъ въ ворота. Со двора, надъ балкономъ втораго этажа, онъ увидѣлъ парусиный навѣсъ, а подъ нимъ горшки цвѣтущихъ розъ, азалій и геліотроповъ. Глѣбъ опять нахмурился.

„Новое открытіе, медикусъ — поклонникъ жизненныхъ удобствъ и цвѣтовъ!—презрительно подумалъ онъ, взбираясь со двора, отъ палисадника, по лѣстницѣ:—и опять мы ничего этого не знали! Казался такимъ стопкомъ и простакомъ!“ —Дойдя до верхней площадки лѣстницы, Глѣбъ замедлился. Изъ-за полуотворенной, обитой клеенкой двери, на которой была выдвинута дощечка съ надписью „нѣтъ дома“, слышались мелодическіе аккорды клавесина, которымъ аккомпанировалъ чей-то пріятный, грудной голосъ. Глѣбу послышались звуки женскаго контральто.—„Mia cara, carissima diva!“ — выводилъ кто-то нѣжную итальянскую канцонету, разливаясь въ плавныхъ и тонкихъ, какъ паутина, „dòlce“ и ласкающихъ, трепетныхъ „trémolo“.

„Войти ли?—подумалъ Глѣбъ:—еще нарушу романическое свиданіе. А, впрочемъ, дверь не заперта; тайны, очевидно, нѣтъ. Если нельзя, скажутъ; если же можно, окончательно увижу вкусъ этого селадона!“

Онъ вошелъ въ прихожую. Она была пуста. Не видя прислуги, Глѣбъ сбросилъ на окно шинель, отворилъ слѣдующую дверь, ступилъ и невольно остановился. Среди комнаты, уставленной раскрытыми ящиками, чемоданами и сундуками, спиной къ двери и лицомъ къ окну, безъ кафтана и камзола, у клавесина, сидѣлъ, перебирая клавиши, Спесивцевъ. Болѣе въ комнатѣ не было никого.—„Такъ вотъ кто пѣлъ!—подумалъ Глѣбъ:—къ нѣжнымъ привычкамъ, вдобавокъ, голосъ и склонности трубадура“.—Глѣбу почему-то въ это мгновеніе, до крайности, вдругъ показалась смѣшна и красивая вообще фигура док-

тора, его полный, нѣжный затылокъ, съ завитками бѣлокуро-рыжеватыхъ волосъ, и его тонкая, батистовая рубаха, съ кружевнымъ воротникомъ, и приподнятыя въ послѣдней страстной руладѣ, плотныя плечи. Онъ чуть не расхохотался на порогѣ.

— Браво, браво!—сказалъ онъ, подходя.

— А, это вы!—вскрикнулъ, смущенный окликомъ, докторъ, вставая и надѣвая скинутое платье:—извините, застали врасплохъ.

— Не безпокойтесь! что вы...

— Собрался, какъ видите, въ дорогу,—продолжалъ Спесивцевъ,—да сталъ раздумывать и засидѣлся. Не легко разставаться съ Москвой.

— Куда въ дорогу?—удивился Глѣбъ.

— Да тотъ же все чудакъ-помѣщикъ, масонъ и садоводъ, устроилъ у себя богадѣльню и при ней больницу, и меня все зоветъ къ себѣ. Не его наслѣдство,—дѣло хорошее способно увлечь. А васъ давно ли Богъ принесъ?

— Какъ видите, пріѣхалъ,—сказалъ, спокойно усаживаясь, Глѣбъ,—и дома не ожидали... Впрочемъ, я на время.

— Все ли благополучно въ вашей семьѣ?—спросилъ Спесивцевъ.

Глѣбъ не нашелся сразу отвѣтить. — „Что онъ, издѣвается, что ли, надо мной?—пронеслось въ его мысляхъ:—ахъ ты, рыжій пѣвунъ!“—Бѣшенство вдругъ охватило его. Онъ готовъ былъ броситься на Спесивцева, раскроить ему голову шандаломъ, стоявшимъ на столѣ.—„Нѣтъ, еще успѣю, подожду! — съ дрожью сказалъ онъ себѣ:—и какъ я могъ тогда такъ легко отнестись къ мысли о возмездіи за обиду?“

— Вы спрашиваете о моей семьѣ? о, у меня все и вполнѣ благополучно,—отвѣтилъ онъ съ легкимъ поклономъ.

— А наслѣдникъ? вотъ прелесть-мальченка! а, вѣдь, хворалъ-съ, да еще какъ?

— И онъ совершенно оправился, — прибавилъ Глѣбъ, опять кланяясь.

— Да-съ, пришлось-таки и мнѣ измѣнить принятому обычаю,—прибавилъ Спесивцевъ:—вѣроятно, изволили слышать? рискнулъ-съ, практиковалъ... да и втянулся; кажется, окончательно поѣду къ тому чудаку.

— Какъ же, слышалъ,—честь вамъ и хвала за сына,—отвѣтилъ Глѣбъ:—а главное—отмѣнная благодарность отъ матери...

— А отъ отца?—улыбнулся Спесивцевъ, лукаво глядя, мимо гостя, въ открытую дверь балкона, на цвѣтущія розы, азаліи и геліотропы.

Глѣбъ промолчалъ. Спесивцевъ удивленно оглянулся на него.

— Что же вы, слѣдовательно, не довольны?—спросилъ онъ.

— О, помилуйте... сына спасли, еще бы!—отвѣтилъ Глѣбъ, покачивая ногою, перекинутой на ногу:—но скажите, милѣйшій...

Онъ откашлялся и повелъ головой, какъ бы освобождаясь изъ воротника, давившаго ему шею.

— Скажите, Семенъ Захаровичъ,—повторилъ онъ:—вы переписывались, за это время, съ моею женою?

— Что за вопросъ?

— Нѣтъ, такъ откровенно,—для меня,—отвѣтьте: писали вы ей, а она вамъ?

— Разумѣется; было нужно, были и письма.

Глѣбъ опять повелъ головой.

— Нужно, вы говорите?—спросилъ онъ, съ тѣмъ же привѣтливымъ вниманіемъ, спокойно разглядывая доктора.

— Безъ сомнѣнія; встрѣчалась надобность, меня приглашали.

— Не будете ли вы столь добры, не покажете ли мнѣ этихъ писемъ моей жены къ вамъ?

— То-есть, какъ же это?—удивился докторъ.

— А очень просто: вѣдь, у васъ все такъ въ порядкѣ, хотя вы и собираетесь уѣзжать, вещицы и прочее на мѣстѣ,—сказалъ Глѣбъ, осматриваясь по комнатѣ:—откройте хотя бы вонъ тотъ шифоньéръ или это вонъ бюрò, и достаньте письма: согласитесь сами, не всякому мужу пріятно знать, что у посторонняго человѣка хранятся письма его жены...

Снесивцевъ вспыхнулъ.

— Послушайте,—сказалъ онъ, нахмурясь:—вы или въ шутку это говорите, или неделикатно глумитесь надо мной. Развѣ можно такъ? Вспомните, еслибы Марья Родіоновна сама еще пожелала; но подумайте, какъ я могу? письма женщины...

— Позвольте и вамъ напомнить,—отвѣтилъ, глядя на доктора, Глѣбъ:—Марья Родіоновна мнѣ, согласитесь, нѣсколько ближе, чѣмъ вамъ... Я настоятельно прошу письма.

„О-го,—подумалъ Снесивцевъ:—да онъ, чортъ его возьми, настаиваетъ, требуетъ“...

— Что бы вы ни говорили,—произнесъ онъ: — это рѣшительно невозможно... притомъ, вы въ такомъ тонѣ...

— Даю вамъ еще двѣ минуты,—ну, три!—сказалъ Глѣбъ, не спуская глазъ съ доктора.

— Никогда, ни за что!—отвѣтилъ Снесивцевъ:—я васъ, наконецъ, не понимаю!.. Хотя бы, повторяю, она сама...

XXIX.

Глѣбъ медленно всталъ со стула. Его лицо мгновенно поблѣднѣло.

— Никогда?—спросилъ онъ дрожащими губами:—ни за что?

— Да, это письма не мои,—отвѣтилъ Спесивцевъ:—и если вы, Глѣбъ Андреевичъ, подумаете спокойно... если все это...

Въ глазахъ Глѣба сверкнулъ злой огонекъ. Онъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ, быстро щелкнулъ его куркомъ и навелъ его въ упоръ на доктора.

— Немедленно, слышите ли!—сказалъ онъ:—или, видите, я васъ положу на мѣстѣ.

Глаза Спесивцева удивленно раскрылись. Онъ отшатнулся и не могъ произнести ни слова.

— Такъ вотъ вы какъ,—проговорилъ онъ, наконецъ:—насиліе сумасшедшаго? не поздравляю! А, впрочемъ, Господь васъ разберетъ...

Онъ подошелъ къ бюро, вынулъ изъ ящика портфель, порылся въ немъ и, отдѣливъ изъ него пачку писемъ, зажегъ свѣчу, запечаталъ пачку въ пакетъ и, надписавъ на немъ имя Марьи Родіоновны, подалъ его Глѣбу.

— Я уступилъ грубому натиску, вотъ вамъ письма вашей жены! —сказалъ онъ:—но ваша совѣсть воздастъ... Я всегда и вездѣ къ вашимъ услугамъ... сочтемся!

— Мою совѣсть, господинъ Спесивцевъ, оставьте въ покоѣ,— отвѣтилъ Глѣбъ пряча въ карманъ поданную ему пачку:—что же до моихъ правъ, то ихъ никто не оспоритъ... А если вы въ чемъ-нибудь остаетесь недовольны, я тоже къ вашимъ услугамъ.

Онъ взялъ шляпу, не кланяясь, вышелъ и уѣхалъ.

Желаніе немедленно, безотлагательно ознакомиться съ письмами жены къ доктору поглощало Глѣба. Онъ сперва приказалъ-было извощику ѣхать прямо на Чистые-пруды, но раздумалъ и велѣлъ сперва завернуть къ кондитерской, мимо которой, въ ту минуту, они ѣхали по Тверскому бульвару.

— Стаканъ шоколаду!—обратился Глѣбъ къ слугѣ, войдя въ кондитерскую и садясь поодаль, въ углу общей комнаты.

Пока приготовляли и подали шоколадъ, онъ склонился къ окну, вынулъ письма и сталъ ихъ одно за другимъ просматривать. Фразы въ первыхъ же изъ нихъ,—гдѣ Марѝ, испуганная болѣзнью сына, молила доктора пріѣхать: „дорогой мой“—„голубчикъ, Семенъ Захаровичъ“—„свѣтикъ, золотой!“—„пріѣзжайте же, милый, добрый, жду“ —бросили Глѣба въ краску и онъ, сжимая кулаки, мысленно воскликалъ: „Какая необдуманность, какое легкомысліе! молодой, замужней женщинѣ такъ обращаться къ постороннему человѣку!“

Въ письмахъ были и другія, искреннія и задушевныя выраженія; на нихъ Глѣбъ не обратилъ уже особаго вниманія. Но вдругъ онъ

остановился читать. Строки запрыгали въ его глазахъ. Въ одномъ изъ писемъ онъ прочелъ нѣчто, какъ ему показалось, невозможное. Потрясающая, убійственная истина вдругъ какъ бы предстала передъ нимъ, во всей своей наготѣ. Ему бросилось въ глаза сперва выраженіе: „мужъ не знаетъ, молю, пріѣзжайте“ и далѣе: „я одна,—вся утѣха теперь, всѣ надежды въ васъ“.—„Да что же это?“—мысленно воскликнулъ Глѣбъ. Письмо дрожало въ его рукѣ. Багровыя пятна выступали на лицѣ. Онъ, съ болью въ сердцѣ, принудилъ себя перевернуть страницу и на ней прочелъ уже нѣчто, по его мнѣнію, превосходящее всякія мѣры, нѣчто безобразно-наглое и циническое.—„Нашъ сынъ, нашъ Вася“—было сказано на этой страницѣ: „дважды обязанъ вамъ жизнью,—родившись и снова теперь“.

Глѣбъ въ бѣшенствѣ бросилъ это письмо.—„Боже,—повторилъ онъ:—еще открытіе... такъ вотъ чей это ребенокъ! но какая низость и каковъ ударъ!“—Онъ хотѣлъ немедленно возвратиться къ Спесивцеву и покончить съ нимъ.—„Нѣтъ, нужна очная ставка, надо провѣрить, доказать!“—Тысячи жгучихъ мыслей и рѣшеній кружились въ головѣ Глѣба. Онъ снова бралъ письма, пробѣгалъ ихъ и опять бросалъ, не понимая уже ни прочитаннаго, ни того, гдѣ онъ находился.

— Сударь, простынетъ-съ!—раздался надъ нимъ голосъ слуги, подавшаго ему шоколадъ.

— Ахъ, да! извини, братецъ,—проговорилъ Глѣбъ:—я и забылъ... Что слѣдуетъ?

Не прикоснувшись къ стакану, онъ расплатился, сунулъ смятыя письма въ карманъ и уѣхалъ.—„Прости, мой дорогой, нынѣ злодѣйски разоренный улей!“—думалъ Глѣбъ, подъѣзжая къ Чистымъ-прудамъ и издали видя свой домъ.

Марья Родіоновна сидѣла за работой, въ той же уборной комнатѣ, какъ и утромъ. Шёмкова, не дождавшись обѣщанныхъ покупокъ и, въ качествѣ большой трусихи, боясь возвращаться на мызу въ сумерки, по дурной дорогѣ, давно уѣхала. Заслышавъ на улицѣ стукъ колесъ, Марѝ рѣшила, что, наконецъ, возвратился Глѣбъ, сложила работу и собралась уже сказать прислугѣ, чтобъ подавали обѣдъ,—но въ домѣ было тихо, никто не появлялся въ немъ. Часы мѣрно тикали на каминѣ. Ей стало грустно. Она такъ давно не была вмѣстѣ съ мужемъ. Глѣбъ вечеромъ не видѣлся съ нею на мызѣ, а съ утра у нихъ былъ этотъ непріятный разговоръ, по поводу анонимнаго письма. Хотя они искренно, повидимому, тогда объяснились, но не вполнѣ; пріѣхала Шёмкова, и они прекратили неоконченный разговоръ.

На улицѣ снова загремѣлъ экипажъ. Онъ остановился у крыльца. Марѝ узнала шаги мужа въ залѣ и въ гостиной.

— А, наконецъ-то и покупки!—сказала она, участливо и ласково подходя къ Глѣбу: — потрудился, голубчикъ, усталъ, за-то мы тебя подкормимъ... твои любимыя перепелки и уха изъ ершей.

Глѣбъ молча бросилъ покупки на диванъ, притворилъ дверь въ гостиную и дверь въ корридоръ, заперъ ихъ обѣ на ключъ и сталъ передъ женой.

— Что это? что снова съ тобой?—спросила Марѝ, томимая какимъ-то неяснымъ, тяжелымъ предчувствіемъ.

Глѣбъ тихо взялъ ее за руку и нѣсколько секундъ молчалъ.

— Такъ ты ни въ чемъ невиновна?—спросилъ онъ, пристально глядя въ глаза Марѝ.

— Опять глупости! да перестань, пожалуйста!—сказала она:—довольно шутить!

— Не глупости и не шутки,—проговорилъ Глѣбъ упавшимъ и, какъ показалось Марѝ, молящимъ голосомъ:—дѣло идетъ о моей... о нашей чести... Ты, Маша, безжалостно поступила. Все мое дорогое погибло, разорено...

— Да что же это, наконецъ, за темные намеки и укоры?—не вытерпѣла Марѝ, чувствуя, какъ нѣчто страшное и холодное въ ту минуту становилось между нею и Глѣбомъ:—перестанешь ли ты, безсовѣстный, злой, терзать и мучить меня?

— Злой?—прошепталъ Глѣбъ, стискивая до боли руку жены:—темные намеки? изволь... Скажи мнѣ,—я слышалъ прежде мелькомъ, а въ Ракитномъ Сысоевна, какъ-то хваля мнѣ тебя, сообщила подробнѣе,—правда ли, что до меня у тебя были другіе ухаживатели и между ними одинъ даже сильно былъ въ тебя влюбленъ?

— Вотъ когда спохватился!—сказала Марѝ, невольно краснѣя:—надо было бы ранѣе наводить справки. Кто же, однако, ухаживалъ? кого тебѣ называли? это любопытно...

— Спесивцевъ,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Придумай кого-нибудь лучше и позавиднѣе для твоей жены,—сказала Марѝ:—пока слышу однѣ басни.

Глѣбъ молча вынулъ изъ кармана пачку скомканныхъ писемъ Марѝ къ доктору и поднесъ ихъ къ ея глазамъ. Сперва она не поняла, что нужно Глѣбу, и нѣсколько мгновеній растерянно смотрѣла на письма и на него; наконецъ, догадалась, въ чемъ дѣло. „Онъ, очевидно, не доволенъ, что я переписывалась съ докторомъ!“ подумала она: „это, впрочемъ, еще не бѣда, надо было“...

— Въ чемъ же ты коришь меня? что доказываютъ эти письма?—спросила Марѝ.

— Ты... неравнодушна къ Спесивцеву!—проговорилъ Глѣбъ, пряча

письма:—ясно!.. ты была съ нимъ близка прежде и стала еще ближе теперь, безъ меня.

XXX.

Марѝ помертвѣла. Слова мужа, какъ обухомъ, ударили ее по головѣ. Полъ заходилъ подъ ея ногами. Она силилась крикнуть о незаслуженной обидѣ, о пощадѣ и не могла. „Слушай", думала она сказать мужу: „вѣдь я знаю, ты благороденъ... твоя мать и всѣ близкіе считали и считаютъ тебя рыцаремъ добра и чести. За что же такіе убійственные и несправедливые укоры?" Рой мыслей съ страшною быстротою кружился въ головѣ Марѝ. Она теряла сознаніе.

— Да, да!—продолжалъ, глядя на ея смущеніе, Глѣбъ:—и ваши амуры увѣнчались успѣхомъ, даже принесли желанный плодъ... и—какъ и подобаетъ мужу—я, разумѣется, узналъ объ этомъ послѣдній.

Все это онъ сказалъ, какъ потомъ вспомнила Марѝ, особенно отчетливо ясно.

— Что тебѣ, наконецъ, нужно? договаривай, мучитель!—произнесла Марѝ, все еще не вполнѣ понимая всей тяжести падающихъ на нее позорныхъ обвиненій.

— Договаривать? о, такъ слушай!—съ незнакомымъ для нея, язвительнымъ спокойствіемъ, произнесъ Глѣбъ:—я только что допытался, узналъ... Вася не мой, а *вашъ* сынъ... твой и Спесивцева!

Безобразно-дикое обвиненіе, брошенное въ глаза Марѝ, окончательно взорвало ее. Мысли ея помутились. „А! такъ вотъ что, вотъ награда за мою безграничную любовь и преданность!" пронеслось въ ея головѣ: „и въ своихъ укорахъ ты, гордый себялюбецъ, даже не допускаешь сомнѣній,—сталъ сразу безжалостнымъ судіей и палачомъ?" Злая, страшная мысль невольно охватила ее. „Ты казнишь невиноватое передъ тобою, безпомощное существо, — сказала она себѣ:—казнись же до конца и самъ, неправедный и безчеловѣчный судія!"

Марѝ вдругъ почувствовала облегченіе въ душѣ. Пришедшее ей въ голову соображеніе охватило ее восторгомъ. Ей показалось, что она вдругъ вырвалась изъ какихъ-то душныхъ потемокъ и, съ стремительною, поражающею быстротой, неслась къ воздуху и свѣту. Она скрестила на груди руки, отступила на шагъ и, съ презрительною усмѣшкой, взглянула на Глѣба.

— Если такъ... если ты, какъ говоришь, въ самомъ дѣлѣ, до всего допытался и все узналъ,—сказала она:—смотри только, не раскайся, что и меня вызвалъ на сознаніе...

Марѝ помолчала. „Остановись, безумная!—шепталъ ей внутренній голосъ:—будетъ поздно, все погибнетъ, улетитъ навсегда!" Ея глаза

горѣли бѣшеною местью. Она дрожала, какъ дикій конь, закусившій удила.

— Ты спрашиваешь?—проговорила она:—изволь, не скрою; какъ ни тяжело, а дѣйствительно... ты самъ сказалъ...

Она не кончила.

Передъ нею мелькнули чьи-то исковерканныя гнѣвомъ, странныя и незнакомыя ей черты. То былъ Глѣбъ, а не кто-то иной, кого она здѣсь увидѣла впервые. Чьи-то покосившіеся отъ злобы и ненависти глаза приблизились къ ея лицу. Она почувствовала нестерпимую боль въ крѣпко стиснутой рукѣ. Въ комнатѣ раздался звѣрскій, хриплый крикъ. Что-то рвануло ее, что-то возлѣ нея затрещало... Марѝ, какъ подкошенная, упала къ углу софы, уронивъ съ нея вышитую гарусомъ подушку, ея подарокъ, въ Ракитномъ, мужу. Былъ опрокинутъ столъ, разсыпалась въ осколкахъ китайская ваза. Надъ нею стоялъ блѣдный, съ искривленнымъ отъ бѣшенства лицомъ и поднятыми кулаками, Глѣбъ. Онъ дрожалъ, осыпая ее проклятіями...

Никому и никогда впослѣдствіи Марья Родіоновна Дуга́нова не говорила о томъ, что́ произошло, въ тѣ мгновенія, въ отдаленной отъ прочихъ комнатъ уборной. Въ ея „Запискахъ“, вмѣсто всякаго разсказа, были здѣсь написаны только слова: „Власть Господня на все! А что́ случилось, о томъ знаютъ только рабыни, жалкія паріи востока, да ихъ грубые, безсердечные палачи“.

Марѝ опомнилась на верху, въ антресоляхъ, куда она вбѣжала безсознательно и дрожа всѣмъ тѣломъ. Въ слезахъ обиды и стыда, она безпомощно опустилась на тотъ диванъ, на которомъ минувшею зимой, плача и дергая плечами, лежалъ Алексѣй, узнавшій о бѣгствѣ жены. „Но, вѣдь, та ему дѣйствительно измѣнила, бѣжала отъ него“,—твердила Марѝ себѣ, собираясь съ мыслями: „а я? за что́ же это, за что́?“ Вотъ и то фарфоровое зеркало, передъ которымъ она, о масляной, допрашивала Серафиму. Думалось ли тогда, что́ вскорѣ случится съ нею самой?

Прошло болѣе часа. Марѝ не думала объ обѣдѣ и никто не звалъ ее внизъ. „Значитъ, всѣ въ домѣ знаютъ!“ ужасалась она. Надвинулись сумерки. На лѣстницѣ послышались шаги. На антресоли вошла Сысоевна, носившая ребенка, по обычаю, передъ вечеромъ, гулять и ничего, казалось, не знавшая о происшествіи въ уборной.

— Пора бы ужъ Васенькѣ ужинать и бай-бай,—сказала она и остановилась.

Измученное лицо Марѝ, упавшая на грудь, въ безпорядкѣ разсыпавшаяся ея коса и пальцы, судорожно перебиравшіе эту косу, ска-

зали Сысоевнѣ болѣе, чѣмъ могли бы объяснить слова Марѝ. Слезы навернулись на глазахъ старухи.

— Эхма̀, барынька, молодой ты мой птенчикъ!—проговорила она, всхлипывая:—все перемелется, будетъ мука. Суровъ-отъ, бываетъ, хозяинъ, да отходчивъ,—молись!

„Всѣ знаютъ, всѣ!“ подумала Марѝ, мертвѣя отъ стыда.

— Да что, милая,—продолжала няня:—нашимъ сестрамъ-отъ и косы за провинность рѣжутъ, а, пока гнѣвъ на милость склонится, какія еще отростутъ.

— Такъ и ты, няня, и ты? — вскрикнула Марѝ, заливаясь слезами:—безбожные вы всѣ, безбожные! съ вами не жить... Уйди, ради Бога, уйди!

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА ВОЛГѢ.

— „Руби столбы,—заборы сами повалятся!“
Слова Пугачова.

— „Маркизъ Пугачовъ, какъ его зоветъ г. Вольтеръ, мнѣ надѣлалъ много хлопотъ. Послѣ Тамерлана, не было никого, кто бы такъ истреблялъ человѣчество“. (*Письма Екатерины II къ барону Гриму и Вольтеру.—1774 г.*).

I.

Едва няня удалилась, Марѝ быстро подошла къ окну, распахнула его и взглянула внизъ, на улицу. Ее охватилъ злой, мучительный трепетъ. „Броситься черезъ это окно, разбиться!“ думала, замирая, Марѝ: „пусть онъ увидитъ мертвую, съ изломанными членами, съ размозженною головой!“ Опомнившись черезъ секунду, Марѝ съ ужасомъ отвернулась отъ окна. Ея голова кружилась. Мысли путались. „О, ему будетъ, разумѣется, пріятно! пусть такъ, пусть насладится!“—шептала она. Ухватясь за сердце, она помедлила, тихо сошла по лѣстницѣ во дворъ и направилась въ садъ, при домѣ. Нѣсколько минутъ она ходила по саду. Въ концѣ его былъ глубокій, старый колодезь. Изъ него рѣдко черпали воду. „Да, да, здѣсь утопиться!“—вдругъ подумала Марѝ: „не скоро спохватятся, не скоро найдутъ!“ И она, припавъ къ колодцу, стремительно нагнулась надъ нимъ. „Вѣдь мигъ одинъ, мигъ“—мыслила она, держась за срубъ: „и ты будешь счастлива, покойна на вѣкъ!“ „Мама, мама!“ послышался сзади ея знакомый голосъ. Марѝ оглянулась. Сысоевна несла къ ней по аллеѣ Васю, махавшаго издали пухлыми ручонками. Марѝ, судорожно зарыдавъ, обхватила ребенка. „Спасибо, няня, что ты его принесла“,—сказала

она:—„мнѣ легче такъ; гуляйте“. Отеревъ слезы, Марѝ тихо возвратилась въ домъ, прошла въ спальню, заперлась на ключъ и бросилась на колѣни передъ образами. Долго она молилась, никого къ себѣ не звала, а ночь на-пролётъ провела въ новыхъ мукахъ сомнѣній и безъисходной тоски. „Онъ-то, онъ!“—восклицала она мысленно: „Глѣбушка мой! да за что же? о, Господи!“ Марѝ представлялось, что совѣсть должна укорять Глѣба, что онъ вскорѣ одумается, придетъ и съ раскаяніемъ попроситъ о мирѣ и забвеніи всего, что было. Въ домѣ, какъ казалось Марѝ, слышались торопливые шаги, необычная возня. Сердце въ ней сильно билось. „Вотъ идутъ къ двери!“ думала она... Ея ожиданія не сбылись. Глѣбъ не являлся. Сталъ брезжить разсвѣтъ, когда до-нельзя измученная Марѝ припала головой къ подушкѣ и забылась тяжелымъ, прерывистымъ сномъ.

Марѝ проснулась поздно. Открывъ глаза, она съ ужасомъ вспомнила все, бывшее съ нею. „Нѣтъ, этого не было, это привидѣлось мнѣ!“ старалась она себя убѣдить. „Это невозможно!.. А если дѣйствительно все то было, какой позоръ! Этого не прощаютъ... съ такимъ мужемъ не живутъ...“

Марѝ встала, не торопясь одѣлась, снова помолилась передъ любимымъ кіотомъ и съ проясненною душой стала вынимать и откладывать особенно ей дорогія вещи. Все до бездѣлицы она разобрала и положила по мѣстамъ, присѣла къ столу и взялась за перо. Она написала Надѣ Шѝмковой, прося ее немедленно снова пріѣхать, чтобы выслушать отъ нея одно важное дѣло, позвонила и отправила, черезъ поваренка, письмо на мызу. До пріѣзда Шѝмковой, она, по прежнему, не выходила изъ своей комнаты. „Ты не идешь ко мнѣ,—думала Мари о мужѣ:—не пойду и я!“ Сысоевна принесла ей въ спальню чай и завтракъ. Отъ всего она отказалась.

— Нездорова, матушка?—спросила няня.

— Да, болитъ голова.

— Принести Васеньку?

— Нѣтъ, Бога ради, уйди теперь... послѣ!

Старуха еще какъ бы хотѣла что-то сказать и вышла, жалобно качая головой.

„Не утѣшишь теперь!“—мыслила ей вслѣдъ Марѝ.

Она продолжала укладывать вещи въ послѣднемъ изъ ящиковъ комода, когда послышался наконецъ знакомый стукъ расхожихъ дрожекъ. Мари подошла къ окну и увидѣла на крыльцѣ Надю и Сысоевну. Старуха, очевидно, поджидала здѣсь Шѝмкову и что-то передавала ей, разводя руками. Сердце Марѝ сжалось и заныло. „Боже! о чемъ это еще опѣ?“—подумала она, замирая: „неужели глупая ста-

руха, если что̀ и узнала, рѣшилась передать Надѣ? Нѣтъ, она слишкомъ предана мнѣ". Въ спальню постучались.

— Войдите,—сказала Марѝ, присѣвъ снова къ столу и стараясь быть какъ можно спокойнѣе.

Вошла Шѝмкова. На ней не было лица. Испуганные ея глаза смотрѣли странно. Снимая шляпу и мантилью, она съ трудомъ переводила дыханіе. „Да, и она, очевидно, все знаетъ!" —подумала Марѝ: — „Старуха выдала ей секретъ".—Она молча поцѣловала Надю.

— Ты всегда была мнѣ близка, — сказала она, усадивъ гостью возлѣ себя:—не правда ли, ты не оставишь меня въ тяжелую пору?

Надя тихо пожала ей руку.

— Я приняла рѣшеніе, и оно безповоротно,—продолжала Марѝ:—если не знаешь причины, объясню послѣ... Такъ долѣе нельзя... Либо надо окончательно переговорить,—онъ обязанъ извиниться,—либо подумать и... разстаться на вѣкъ... да на вѣкъ!

— Но ты не знаешь,—проговорила, вглядываясь въ нее Надя:—ахъ, Боже мой, ка́къ мнѣ это тебѣ передать, объяснить?..

— Что̀ такое?

Надя медлила отвѣтомъ.

— Да говори же, что̀ еще? все какія-то неожиданности.

— Ты еще только думаешь,—прошептала блѣдными губами Надя:—а другіе уже и рѣшили... все кончено, и тебѣ, какъ я узнала, запрещено это сообщать.

— Что̀ запрещено? — допытывала Марѝ:—да брось, ради Бога, загадки, говори...

— Ахъ, Маша, помнишь, что̀ я, потерявъ мужа, говорила тебѣ? Нѣтъ въ свѣтѣ прочнаго счастья... все шатко, все тлѣнъ и прахъ... Я сію минуту узнала,—Глѣбъ Андреевичъ съ вечера началъ дѣлать распоряженія... Онъ, очевидно, уѣзжаетъ...

— Ну, уѣзжаетъ, такъ что же?

— Да вѣдь онъ въ Петербургъ, слышишь ли, ѣдетъ и, кажется, навсегда...

Марѝ вскрикнула и, въ безпамятствѣ, упала со стула.

Съ трудомъ придя въ себя, она не хотѣла слушать никакихъ увѣщаній пріятельницы. Когда Шѝмкова, по возможности успокоивъ ее, уѣхала, она рѣшила немедленно бросить мужа и разорвать съ нимъ всякія сношенія. „Но куда ѣхать?" —терялась въ догадкахъ Марѝ. Въ Ракитное, имѣніе свекрови? это было, по ея мнѣнію, немыслимо. Если Глѣбъ еще не извѣщалъ матери о своемъ разрывѣ съ женой, то навѣрное скоро долженъ былъ ее о томъ извѣстить. Марѝ не могла разсчитывать на покровительство и помощь свекрови, такъ любившей своего сына и вѣрившей въ правоту всѣхъ его дѣйствій. Оправдываться

передъ нею значило — обвинять ея кумира, любимца. И какую цѣну старуха Дуганова могла бы дать ея голословнымъ объясненіямъ? Обиженная гордость не дозволяла Марѣ и думать о Ракитномъ. Она вспомнила о вдовѣ своего брата; послѣдняя, незадолго передъ тѣмъ, вторично вышла замужъ и находилась въ Петербургѣ, гдѣ ея мужъ служилъ въ сенатѣ. Но, поѣхавъ къ ней, Марѣ могла тамъ встрѣтиться съ Глѣбомъ и онъ, пожалуй, подумалъ бы, что она ищетъ его прощенія и примиренія съ собой. Она безуспѣшно перебирала разныя предположенія.

На Усѣхѣ Емельянъ и его сообщники остановились на плоской, безлюдной равнинѣ, подъ высокимъ яворомъ, одиноко стоявшимъ у обрывистаго берега. Сюда не было никакихъ дорогъ. Мѣсто за то было „караулисто“. Съ полузасохшаго дерева, на которомъ чернѣло нѣсколько опустѣлыхъ коршуньихъ гнѣздъ, далеко виднѣлась пустынная степь, съ синѣющими холмами и курганами.

Распоряжавшійся государевымъ станомъ и всѣмъ его обиходомъ, Чѣка разбилъ для Пугачова, подъ яворомъ, палатку изъ конскихъ попонъ. Сами казаки расположились подъ открытымъ небомъ. Отсюда, по одиночкѣ, они сдѣлали нѣсколько развѣдокъ въ окрестные хутора и въ Яицкій-городокъ. Добывъ съѣстныхъ припасовъ, а также цвѣтныхъ тканей, позументовъ и шнура для знаменъ, они привезли изъ городка нѣсколько новыхъ охотниковъ послужить государю, въ томъ числѣ и столь желаннаго для него грамотѣя.

Это былъ почти еще мальчикъ, весьма смышленный и наторѣлый въ войсковой канцеляріи, сынъ богатаго яицкаго казака, Ивашко Почиталинъ. Бѣлокурый и румяный, не по лѣтамъ высокій, сутуловатый и съ неуклюжими, крупными руками, онъ сильно трусилъ, когда впервые его подвели къ государевой ставкѣ. Въ рукахъ Ивашко держалъ подарки отъ старика-отца, благословившаго его на служеніе царю, новый, синій, китайчатый зипунъ, персидское, съ вышивками, сѣдло, бешметъ изъ бухарской, зеленой термаламы, малиновую бархатную шапку и желтые сафьяновые сапоги. Мясниковъ объяснилъ Пугачову, что это грамотный человѣкъ.

— А это что?—указалъ Емельянъ на подарки, оглядывая сгорбленную и длинную фигуру Ивашки, у котораго на поясѣ висѣла мѣдная чернильница, а изъ кармана выглядывали пучекъ бумаги и перо.

— Отъ тятеньки,—отвѣтилъ Ивашко, кланяясь и подавая гостинцы.

— Ростомъ хоть и въ гвардію, — сказалъ Емельянъ, принимая дары: — а что такъ сутулишься? въ школѣ, чай, изогнули?

Ивашко только моргалъ бѣлесоватыми, испуганными глазами. Прочіе казаки громко разсмѣялись.

— Ну, оставайся, будь при мнѣ секлетаремъ, — объявилъ Пугачовъ: — служи вѣрно и пиши, что̀ велю.

— Худо, ваше величество, пишу, — отвѣчалъ Почиталинъ.

— Ничего, письма будетъ мало, больше дѣлдвъ!

Емельянъ одѣлся въ платье, привезенное Ивашкой. Казаки собрали сухаго бурьяна, разложили въ разсѣлинѣ берега огонь и стали въ походномъ котелкѣ варить на обѣдъ кашу. Но, едва запылалъ костеръ, вдали показалась какая-то движущаяся точка. Сталъ виденъ скакавшій къ Усйхѣ всадникъ. Онъ близился, маяча надъ собой пикой. То былъ гонецъ, посланный къ Пугачову, окольными путями, изъ Яицка. Казаки узнали въ немъ посланца отъ войсковой руки и пропустили его къ ставкѣ царя.

— Бѣги, государь! — проговорилъ гонецъ, доскакавъ къ ставкѣ и спрыгнувъ съ измореннаго коня: — о твоемъ прибытіи сюда провѣдано и за тобой послана сильная погоня.

— На-конь, ребята! — крикнулъ Емельянъ: — спасайтесь, да вызволяйте, дѣтушки, и меня.

Онъ растерялся и, блѣдный, бѣгалъ по берегу. Казаки мигомъ осѣдлали лошадей. Бросивъ палатку, костеръ и съѣстные припасы, всѣ стремглавъ ускакали внизъ по Усйхѣ. Столбъ пыли несся за ними пустынною степью по пути на Толкачевы хутора. Скакали до ночи и всю ночь. Вечеромъ отдыхали на растàхѣ, у какого-то провалья. Пока провожатые пасли лошадей, Пугачовъ подозвалъ Почиталина.

— Доставай свою бумагу, пиши манифестъ! — сказалъ онъ ему: — да проворь, чадо мое, не люблю мѣшкоты...

Ивашко присѣлъ на землѣ, вынулъ бумагу и перо, откупорилъ походную свою чернильницу и, на снятомъ лéнчикѣ сѣдла, сталъ писать то, что̀ ему говорилъ Пугачовъ. Выслушавъ написанное, Емельянъ сказалъ: „Дòбре, — проба хороша“.

На Толкачевы хутора пріѣхали рано утромъ. Чйка разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ зимовникамъ и умётамъ. Къ избѣ, гдѣ остановился Пугачовъ, стали собираться бездомные казаки, бродяги и калмыки съ ближнихъ кочевокъ. Вечеромъ, на сборномъ мѣстѣ, среди хутора, гудѣла уже толпа, человѣкъ въ триста. Чйка объявилъ, что вскорѣ выйдетъ государь. Всѣ почтительно смолкли, съ жаднымъ любопытствомъ глядя на низенькую, покосившуюся дверь, изъ которой долженъ былъ, наконецъ, объявиться народу давножданный императоръ. Тутъ же сидѣлъ отбитый казаками по пути, изъ-подъ стражи, въ сосѣднемъ хуторѣ, пересылавшійся изъ Мечетной въ Яицкъ, старикъ Оболяевъ. Умётчика трудно было узнать. На немъ былъ снятый съ убитаго старшины новый, зеленый, тонкаго сукна, кафтанъ, съ позументомъ, и новая, черная смушковая шапка. Изъ избы на крыльцо вышелъ широ-

коплечій, бородатый и дюжій человѣкъ, въ зеленомъ бешметѣ и красныхъ сапогахъ, съ саблей у пояса. Онъ, изподлобья, медленно оглянулъ толпу и направился къ ней. „Батюшка! сильный, да статный какой! — шептали въ толпѣ, снимая шапки, — кормилецъ нашъ! вотъ оно, царское-то древо!“ „Экъ, брешутъ! да развѣ можно? слѣпые вы! въ бородѣ-то развѣ бываютъ цари?“ —толковали другіе. „И впрямь,— прибавляли третьи: — не царь, а нашъ братъ, казакъ, либо, какимъ обманомъ, купецъ!“ „Дурни вы, дурни!—перебивали первые, вѣрившіе, что къ нимъ выйдетъ царь:—былъ бы обманъ, развѣ долго побриться?“ —„Да, дѣлать нечего,—вздыхали старики:—допустили, такъ надо принять; иначе, коли оплошаемъ, бабы засмѣютъ!“ — Емельянъ вошелъ въ кругъ. Всѣ пали передъ нимъ на колѣни.

— Здравствуйте, други мои, войско яицкое! — сказалъ Емельянъ, самъ не снимая шапки.

Потъ крупными каплями выступилъ у него на лицѣ. Лѣвый глазъ подергивался судорогой.

— Опознайте меня, дѣтушки, смотрите!—продолжалъ онъ:—вотъ я весь теперь тутъ, — вашъ государь; не умеръ, а живъ... Одиннадцать годовъ странствовалъ... Богъ, за старую, прямую мою вѣру, опять вручаетъ мнѣ царство. Служите по правдѣ, — будете у меня первые люди... Держитесь за мою правую полу, соколята, орлами будете.

— Рады, батюшка! до послѣдней капли крови... бери всѣ наши животы, родимый, ваше величество!

Пугачовъ оглянулся къ избѣ.

— Иванушка!—крикнулъ онъ стоявшей тамъ своей свитѣ:—читай имъ манифестъ; слушайте, братцы-станичники.

Почиталинъ подошелъ къ кругу, досталъ изъ-за пазухи заготовленную на растахѣ бумагу, развернулъ ее и сталъ читать.

Толпа, съ любопытствомъ и страхомъ, слушала то, что на-распѣвъ, по-дьячковски, произносилъ писарь. „Самодержавнаго ампиратора... какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили“ —вычитывалъ Иванушка:— „и ни источитъ ваша слава... и которые мнѣ, ампираторскому величеству, винные были, прощаю... и жаловаю я васъ — рякою, съ вершинъ и до усья, и порахомъ, и провіянтамъ, я великій ампираторъ,— жаловаю васъ, Петръ Ѳедоровичъ... 1773 года, 18 сентября“.

— Веди насъ, государь, куда хочешь!—крикнули всѣ:—мы твои; отстоимъ, поможемъ тебѣ!

II.

Пугачовъ подозвалъ Чѣку.

— На-конь, ребята, походъ!—объявилъ онъ молодецки и громко, вспоминая, какъ при немъ точно также, на стоянкахъ въ Пруссіи,

командовали его бывшіе полковники:—а ему,—крикнулъ онъ, подзывая Ерёмкина-курицу:—вручаю мою походную икону и главный штандартъ. Ты, старикъ, потрудился; заслужи еще, береги то и другое!

Казаки засуетились, развернули пять смятыхъ, заготовленныхъ въ торбахъ, знаменъ, съ нашитыми на нихъ восьмиконечными крестами, преклонили ихъ передъ новоявленнымъ царемъ, сѣли на коней и направились вверхъ по Яику. Впереди, на небольшомъ, пѣгомъ иноходцѣ, ѣхалъ самъ Пугачовъ. За нимъ, недавно еще кряхтѣвшій, при взлѣзаніи на коня, бодрымъ скокомъ поспѣвалъ теперь Оболяевъ, со значкомъ въ рукѣ и съ небольшою, на лентѣ, иконкой, поверхъ кафтана. — „Господи, Боже Ты нашъ, — думалъ, сквозь радостныя слезы, старый умётчикъ:—кто явился и обрященъ кѣмъ? Обѣщаетъ семиглавыя церкви строить, потрудиться Богу, миловать и жаловать всѣхъ! какъ за такого не положить жизни, не пострадать?“ — Казаки приблизились къ Яицку.

У Чаганскаго моста ихъ встрѣтилъ высланный противъ нихъ, для развѣдки, комендантомъ Яицкой крѣпости, небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ, съ пушками. Емельянъ, засѣвшій въ обрывѣ, подъ мостомъ, бросился изъ засады и охватилъ часть этой команды; остальные ушли. Отрядъ Емельяна усилился до семисотъ человѣкъ. Его сообщники связали одиннадцать плѣнныхъ и стали усиленно просить Емельяна казнить пойманныхъ.— „То все твои супротивники,—говорили они:—великіе злодѣи, кумовья и посланцы старшинъ. Веревокъ! на надолбы ихъ!“

„Что-жъ, надо ихъ довольствовать!“ — подумалъ Емельянъ, оглядывая запыленныя и потныя лица плѣнныхъ, испуганно смотрѣвшихъ на него: — „таперича на всякъ грѣхъ не намолишься!“

Онъ далъ знакъ Чѝкѣ и отъѣхалъ съ нимъ въ сторону.

— Какъ думаешь?—спросилъ онъ, перебирая въ рукахъ уздечку.

— Да что, батюшка,—отвѣтилъ Чѝка:—между плѣнными попался непричастный, сторонній офицеръ... ѣхалъ по своему дѣлу изъ Яицка, его, значитъ, и схватили.

Говоря это, Чѝка поглядывалъ на бричёнку, въ которой сидѣлъ связанный офицеръ и гдѣ было не мало цѣнной поклажи. Плѣнный офицеръ былъ братъ Травкина, Павелъ.

— Такъ что же?—спросилъ Емельянъ.

— Барина слѣдовало бы помиловать,—отвѣтилъ Чѝка, сообразивъ, что за свое ходатайство заработаетъ съ офицера хорошій бакшишъ.

— Барина?—сердито спросилъ Емельянъ, вспыливъ и покраснѣвъ до поту:—меня учить? да не за алтынъ всякаго удавлю! Надъ самими висить петля, а ты о господахъ? бей ихъ, дави, полосуй, отъ прапорнаго до енерала! чего жалѣть проклятый родъ дворянъ? Руби столбы,—заборы сами повалятся...

Пугачовъ отдалъ приказъ. Чика отошелъ къ мосту.

На старыхъ пáляхъ и нáдолбахъ, изъ конскихъ òбротей, устроили первыя рéли. На нихъ повѣсили всѣхъ одиннадцать плѣнныхъ. Особенно долго боролся и бился повѣшенный офицеръ. Болѣе другихъ надъ нимъ положилъ труда Оболяевъ, такъ недавно еще мыслившій о милованіяхъ и печалованіяхъ найденнаго имъ царя. Отдавъ подручному значекъ, Ерёмкинъ-курица, съ болтающеюся на груди иконкой, лихорадочно копошась у почернѣвшей мостовой пáли, торопливо наладилъ веревку и, шепча побѣлѣвшими губами: „О, Господи-Іисусе! о, Господи, помилуй грѣшныхъ!“—первый дрожащими руками затянулъ петлю надъ связаннымъ Травкинымъ и пинкомъ столкнулъ его съ моста. И когда повисшій надъ омутомъ, нѣсколько секундъ, еще вертѣлся на веревкѣ, Оболяевъ, глядя на его побагровѣвшее лицо и въ ужасѣ широко-раскрытые глаза, не переставалъ твердить: „Господи, Пречистая... ой, грѣхъ! помилуй насъ, Іисусе, и спаси!“

Раздѣливъ по-ровну, межъ всѣми, одежду казненныхъ, Пугачовъ двинулся къ Яицкому-городку. Въ коляскѣ повѣшеннаго офицера нашли ящикъ съ виномъ; у сосѣдняго кабатчика прихватили къ нему еще увѣсистый боченокъ съ водкой. Всѣ дружно выпили. Въ передней кучкѣ казаковъ оказалось нѣсколько бѣглыхъ малороссовъ. Сильно подвыпивъ водки и вина, кто-то изъ нихъ затянулъ пѣсню, подъ которую запорожцы, въ недавнемъ набѣгѣ за Днѣпръ, громили, жгли и били польскія села. Запѣвало началъ:

„Да прибьéмо пáна
До стѣны плечúма,
Щобъ на насъ дивúвся
Чёрными очúма“...

Хоръ подхватилъ. Густая пыль столбомъ понеслась вслѣдъ за отрядомъ, скакавшимъ къ виднѣвшимся вдали мельницамъ и предмѣстьямъ Яицкаго-городка.

Марѝ терзалась, не находя выхода изъ томительныхъ колебаній. Переходя отъ одного предположенія къ другому, она рѣшилась-было ѣхать въ Самару, гдѣ когда-то жилъ ея отецъ, небогатый отставной офицеръ, имѣвшій подъ городомъ небольшую деревеньку, Свѝблово. Въ этой деревнѣ родились Марѝ и ея покойный братъ, въ ней была похоронена ихъ мать и здѣсь же теперь доживала вѣкъ старая ихъ тетка, сестра покойнаго отца. Марѝ изрѣдка переписывалась съ нею и знала, что старуха еще бодра и что въ Свѝбловѣ есть небольшой уютный домикъ, гдѣ Марѝ провела однажды цѣлое лѣто, въ бытность свою въ самарскомъ пансіонѣ. Но Марѝ могла бы найти пріютъ и въ Горкахъ, у Алексѣя и Серафимы. Они же, кстати, такъ убѣди-

тельно, послѣ отказа Глѣба ѣхать къ нимъ, упрашивали Марѝ навѣстить ихъ въ это лѣто непремѣнно.—„Мы сильно огорчены вашимъ отказомъ,—писалъ ей еще недавно Алексѣй:—но, милая сестра, помните, что нашъ кровъ и все наше всегда къ вашимъ услугамъ. Братъ Глѣбъ, какъ мы знаемъ, теперь не съ вами; онъ въ Петербургѣ, и вы навѣрное скучаете въ одиночествѣ. Пріѣзжайте къ намъ въ Горки, да не только, какъ говорится, собакъ подразнить, а если осчастливите заѣздомъ, то со всѣми домочадцами, и по искренней къ вамъ пріязни, просимъ васъ пробыть хоть и вплоть до возвращенія брата въ Москву. Тогда даемъ слово и лично васъ проводить туда, если братъ не явится самъ, вслѣдъ за вами, въ наши мѣста“.

„И кстати,—подумала Марѝ, вспомнивъ это письмо Алексѣя:—ѣхать прямо въ Свѝблово, съ дитятею, не совсѣмъ удобно,—осень, дожди не за горами, да и хорошо ли еще теперь прилаженъ тамошній домъ? Предупрежу тетку, она такая добрая,—будетъ навѣрно рада мнѣ и внуку; а по пути сперва заѣду въ Горки, и оттуда уже все устрою и всѣмъ распоряжусь“.

Марѝ снова вызвала къ себѣ Шѝмкову, съѣздила съ нею къ знакомому ювелиру и заложила у него алмазный браслетъ и ожерелье, свадебный подарокъ свекрови. По отъѣздѣ Шѝмковой, она написала большое письмо въ Свѝблово, предупредивъ тетку, что отвѣта будетъ ждать въ Горкахъ, на-скоро уложилась и, въ слѣдующее утро, узнавъ, что Глѣбъ у князя, отправилась въ извощичьей коляскѣ, съ няней и сыномъ, за городъ, въ Донской монастырь. Помолясь тамъ въ церкви и, со слезами, приложась къ иконамъ, она, не заѣзжая домой, проѣхала на мызу въ Кунцово. Тамъ она оставила Шѝмковой, для передачи мужу, слѣдующія строки: „Ты оскорбилъ меня, повѣрилъ гнусной клеветѣ и моей умышленной неправдѣ, которою я хотѣла тебя окончательно испытать, и рѣшилъ бросить меня. Предупреждаю твое намѣреніе. И если ты, какъ я теперь убѣждена, послѣ всего происшедшаго между нами, начнешь и доведешь до конца дѣло развода,—не мнѣ когда-нибудь придется о немъ пожалѣть“.—Городской извощикъ былъ отпущенъ. Пока гости Шѝмковой закусывали, къ крыльцу мызы подъѣхалъ заранѣе приготовленный, синій берлинъ, подарокъ свекрови Дугáновой. Марья Родіоновна простилась съ Надей, сѣла съ Васей, няней и Сергѣемъ въ берлинъ и, выѣхавъ просѣкой парка на рязанскую дорогу, отправилась, на Тамбовъ и Саратовъ, въ Горки.

Послѣ утомительной ѣзды на долгихъ, съ отдыхами въ пыльныхъ городахъ и на душныхъ, постоялыхъ дворахъ,—путники приблизились къ окрестностямъ Волги, поздно вечеромъ. Въ воздухѣ посвѣжѣло. До Горокъ еще оставалось верстъ десять. Лошади, по гористому проселку, тянулись медленно. Темнота сгущалась. Мѣсяцъ еще не всходилъ.

Сѣрая, туманная мгла покрывала небо. Выѣхавъ съ послѣдняго постоялаго двора, Марѝ сперва то и дѣло торопила ямщика; теперь же, боясь, чтобы лошади вовсе не пристали, сидѣла молча, прижимая къ себѣ спавшаго у нея на рукахъ ребенка и высматривая, скоро ли мелькнутъ вдали знакомыя плёса Волги.

— Мѣсяцъ всходитъ!— сказала, полуоборотясь, сонная Сысоевна, сидѣвшая на передкѣ берлина, спиной къ кучеру: —теперь будетъ виднѣе...

Марѝ взглянула туда, куда смотрѣла няня. Нѣсколько влѣво отъ берлина, между невысокихъ песчаныхъ холмовъ, стали видны бѣлесоватыя заводи Волги, а надъ ними вдругъ дѣйствительно засвѣтилось что-то круглое и яркое, только не мѣсяцъ. Нѣчто красно-огненное и ослѣпительное, съ поражающею быстротой, понеслось по небу, бороздя туманъ и оставляя за собою какъ бы кровавый, длинный слѣдъ. Пролетѣвъ надъ рѣкой, огненный шаръ съ оглушительнымъ трескомъ лопнулъ и разлетѣлся надъ головами путниковъ. Марѝ въ ужасѣ вскрикнула, невольно закрывъ ослѣпленные глаза.

— Съ нами крестная сила!—шептала, крестясь, Сысоевна.

— Полыхаетъ,—произнесъ, подбирая возжи, ямщикъ:—сказываютъ, къ вёдру! эхъ вы, дѣтки!

Онъ ударилъ по лошадямъ. Четверня, спустившись на равнину, побѣжала крупною, дружною рысью. Кровавый метеоръ не покидалъ смущенныхъ мыслей Дуга́новой... „Что̀-то онъ пророчитъ?“ —невольно думалось ей.

Пріѣздъ Марьи Родіоновны въ Горки былъ всѣми встрѣченъ съ искреннимъ сочувствіемъ. Алексѣй и Серафима всячески старались ей угодить. Въ огромномъ деревянномъ домѣ Горокъ, Дуга́новой, съ сыномъ и прислугой, отвели лучшую и удобнѣе устроенную половину нижняго этажа. Сами хозяева, съ своими дѣтьми, перебрались для того въ верхній этажъ, спускаясь внизъ, въ общую столовую, только къ чаю, обѣду и ужину. Въ нижнемъ этажѣ по другую сторону столовой, дѣлившей эту часть дома пополамъ, помѣстилась гостившая въ Горкахъ, со дня освященія церкви, Нине́тъ Лады́женцева.

Въ день пріѣзда Марѝ, для нея и ея спутниковъ вытопили баню. Послѣ бани всѣ сошлись къ Марѝ пить чай и застали ее въ дорожной блузѣ и въ чепцѣ поверхъ еще мокрыхъ волосъ, среди кучи полуразвязанныхъ, нагроможденныхъ по столамъ, стульямъ и диванамъ, укладокъ, корзинъ и узловъ. Посыпались новыя привѣтствія, поцѣлуи и разсказы.

— Такъ вы, душенька сестра, говорите, что командировка Глѣба еще не кончилась?—спросилъ Алексѣй, усаживаясь возлѣ канапе́, на которомъ, кутаясь поданною шалью, полулежала раскраснѣвшаяся Марѝ.

— Да, не кончилась.

— И онъ отъ этого васъ не провожалъ?

— Вслѣдъ за моимъ отъѣздомъ, вѣроятно, на другой же день, уѣхалъ въ Петербургъ.

— Жаль, жаль, а мы васъ обоихъ ожидали.

— Порученное ему дѣло очень важное. Имъ интересуется сама государыня.

Марѝ все это говорила и объясняла такъ спокойно, что никому въ то время и въ голову не могла придти мысль о печальной драмѣ, которая разыгралась въ Москвѣ между ею и мужемъ и привела ихъ къ неожиданному и, какъ убѣдилась Марѝ, полному разрыву. „Узнаютъ отъ другихъ,—думала она:—можетъ статься, съ первою же почтой, напишетъ онъ и самъ, это въ его духѣ, тогда по-неволѣ все разскажу и я".

— Ну, какъ же ты ѣхала?—спросила Серафима:—вотъ воображаю... эта пыль, духота, остановки на постоялыхъ дворахъ.

— И такой дальній путь вы ѣхали однѣ, только съ прислугой,—удивлялся Алексѣй, ероша волосы и счастливо улыбаясь радостными, близорукими глазами:—вотъ какая храбрая!.. а ужъ подарокъ намъ, никогда не забудемъ!

И онъ рыцарски-вѣжливо, нагибая свою богатырскую фигуру, цѣловалъ маленькія руки покраснѣвшей еще болѣе свояченицы. Марѝ едва успѣвала отвѣчать на разспросы.

— Ромку, сестра, въ чай!—вскрикнулъ Алексѣй: — Нина Александровна, прикажите.

— Да мнѣ и такъ жарко, уфъ!—отвѣчала Марѝ, обмахиваясь концомъ шали.

Нинѐтъ принесла флаконъ съ ромомъ.

— Кушай, Маша, это полезно съ дороги!—сказала она, подливая въ чашку дорогой гостьи.

— А мнѣ можно войти?—раздался голосъ за дверью.

— Кто это?—въ смущеніи прошептала Марѝ, кутаясь въ шаль по горло.

— Не лишите узрѣть нашу залетную пташку!—молилъ голосъ за дверью:—очаровательная богиня, дозволь...

— Нельзя, нельзя!—отрицательно качала головой Марѝ.

— Да это Сила Ѳомичъ,—произнесъ Алексѣй:—это Травкинъ... ему можно... уже провѣдалъ селадонъ, прискакалъ съ хутора.

III.

Дверь отворилась. Вошелъ и среди комнаты замеръ кругленькій, румяный и подвижной старичокъ. Онъ былъ въ суконномъ кафтанѣ

свѣтло-песочнаго цвѣта, въ голубомъ камзолѣ и въ завитомъ парикѣ. Поднявъ руки къ потолку, онъ нѣсколько секундъ, въ безмолвномъ умиленіи, смотрѣлъ на нежданную гостью, почтительно шаркнулъ ножкой и подкатился къ канапе́ Марѝ.

— Какое счастье! какое!—вскрикнулъ онъ, отирая искреннія, радостныя слезы: — послѣ одиночества — такое свиданіе, послѣ бѣдъ— утѣшеніе... и я притомъ не одинъ. Позволите ли, милая путница? здѣсь за дверью птенецъ, которому вы первая вселили любовь къ прекрасному, къ музыкѣ и стихамъ... помните, въ вашъ первый пріѣздъ сюда? онъ былъ еще вотъ какой шарикъ... а теперь ужъ самъ играетъ на флейтѣ и лихо танцуетъ... Боря! входи!

Травкинъ отворилъ дверь и ввелъ въ нее своего крестника. Двѣнадцатилѣтній Боря, въ коричневой драдедамовой курточкѣ, съ бронзовыми пуговками, и въ большихъ, бѣлыхъ, отложныхъ воротничкахъ, войдя, смущенно и робко поцѣловалъ руку Марѝ. Его умные, черные глаза также блестѣли счастьемъ и радостью. Общій разговоръ сталъ еще оживленнѣе. Вспоминали прошлое. Марѝ разспрашивала о другихъ дальнихъ и ближнихъ сосѣдяхъ. Тѣ умерли, тѣ поженились.

Пришли на поклонъ гостьѣ старые слуги: сѣдой, главный слуга Дронъ и сморщенная, подъ пару ему, сѣдая буфетчица и чайница, Софьюшка. Они кланялись, вспоминая, какъ гостила и горевала здѣсь Марья Родіоновна, еще дѣвушкой-невѣстой. „А теперь вы, спаси васъ Господь, уже барыня, да какая красивая и съ дитемъ!“

Остановили, съ привѣтомъ, и вошедшаго за чѣмъ-то сюда, слугу Марѝ, Сергѣя, родомъ изъ Свѣблова. „Поѣдешь туда, закормятъ тебя родичи!“ — шутилъ Алексѣй. Обласкали и вошедшую съ ребенкомъ Сысоевну. Васю познакомили съ дѣтьми хозяевъ. Послѣднія, широко раскрывъ на гостя глаза, сперва молча и съ суровымъ любопытствомъ разглядывали тоже въ началѣ строгое и озадаченное личико незнакомаго имъ Васи, который молча, даже какъ бы враждебно слѣдилъ за ихъ странными для него лицами и движеніями. Но кто-то изъ дѣтей крикнулъ: „А у насъ котенокъ и повозочка!“—и всѣ шумною гурьбой увели Сысоевну съ Васей къ себѣ наверхъ.

Растроганная общими ласками, Марѝ чуть не расплакалась. За обѣдомъ не прерывались новые разспросы. Послѣ ужина, передъ сномъ, всѣ собрались въ кабинетѣ Алексѣя Андреевича и такъ снова здѣсь заговорились и засидѣлись, что когда опомнились, было уже недалеко до разсвѣта. Травкинъ, съ племянникомъ, даже заночевалъ въ Горкахъ, хотя отсюда до его хутора считали не болѣе трехъ-четырехъ верстъ. То же повторялось и въ слѣдующіе дни. Алексѣй и Серафима водили Марѝ осматривать передѣланную церковь. Марѝ любовалась ея

благолѣпіемъ и въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни, отслужила въ ней благодарственный, за счастливый свой путь, молебенъ.

Разспросы и толки обо всемъ, что могло на первыхъ порахъ особенно занимать хозяевъ и гостью, изсякли. Вспоминались еще кое-какія семейныя и постороннія событія, о которыхъ не успѣли подробно поговорить. Но и всѣ подробности, наконецъ, были изложены и обсуждены до мелочей. Марѣ, тѣмъ временемъ, все установила и по-своему распредѣлила въ отведенныхъ ей комнатахъ. Въ свободные часы, между общими сборами въ столовой или наверху у хозяевъ, она осмотрѣла садъ, гдѣ такъ давно не была, и даже заглянула въ сосѣдній, прилегающій къ саду, лѣсъ. Дорожной усталости и душевнаго волненія у Марѣ не осталось и слѣда. Ея мысли приняли обычное, спокойное теченіе. Упрошенная не торопиться съ отъѣздомъ, она рѣшилась долѣе погостить въ Горкахъ. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Еще въ первое время по пріѣздѣ въ Горки, Марѣ, въ разговорахъ Алексѣя съ Травкинымъ и съ Нинéтъ, нѣсколько разъ слышала имя „Пугачовъ“. Оно при ней упоминалось вполголоса и какъ бы неохотно. Видя, что отъ нея нѣчто скрываютъ, повидимому, не желая на первыхъ порахъ тревожитъ ее, она вспомнила, что это имя мелькомъ она уже слышала въ Москвѣ, и рѣшилась при удобномъ случаѣ разспросить о всемъ Серафиму.

— Скажи, дорогая, я все собиралась и забывала у тебя узнать,— обратилась она къ Серафимѣ, когда та послѣ ужина, однажды, проводила ее наверхъ и присѣла у нея въ спальнѣ:—этотъ, какъ его, Пугачовъ, что ли,—что слышно о немъ?

— Ахъ, ужъ и не говори, — отвѣтила недовольно Серафима:— сколько вѣсти о немъ испортили крови! Въ первое время, когда прослышали о немъ, мы не спали по нѣскольку ночей. Положимъ, отсюда до мѣста, гдѣ появился и дѣйствуетъ этотъ звѣрь, далеко, болѣе трехсотъ верстъ... а все-таки, жутко! Alexis ѣздилъ въ Саратовъ, справлялся; воевода и всѣ увѣряютъ, что неопасно,—а какъ подумаешь...

— Гдѣ онъ и что съ нимъ? — спросила Марѣ, расчесывая и свертывая на ночь, передъ зеркаломъ, распущенную косу.

— Нѣтъ, уволь, разспроси лучше мужа.

— Ну, полно, разскажи.

— Но я могу спутать... мало ли что толкуютъ! Охота объ этомъ говорить на ночь?

— Ахъ, нѣтъ, за меня не бойся... лучше знать, быть готовой.

— Да что готовой? Говорятъ тебѣ, что здѣсь неопасно... Ну, этотъ бунтовщикъ поднялъ на Яикѣ казаковъ и часть мужиковъ, увѣряетъ, что онъ государь Петръ Ѳедоровичъ... только сюда ему не дойти, кругомъ войско и приняты мѣры.

— А тамъ на Яикѣ?

Серафима не отвѣчала.

— На Яикѣ, надѣюсь, его одолѣли, разбили? — спросила Марѝ, оглядываясь на нее.

— Нѣтъ, онъ тамъ усилился, взялъ какую-то крѣпостцу или двѣ, казнилъ нѣсколько офицеровъ, истранилъ ихъ семьи и теперь, по слухамъ, обложилъ Оренбургъ.

— Какъ? цѣлый городъ? И это считаютъ пустяками?—спросила, снова обернувшись отъ зеркала, Марѝ.

— Да и я говорю,—дождетесь вы его здѣсь,—смѣются надо мной. Онъ въ лагерѣ подъ Оренбургомъ устроилъ себѣ настоящій дворецъ; стѣны оклеилъ золотою бумагой, отдѣлалъ зеркалами и на-показъ всѣмъ тутъ же помѣстилъ гдѣ-то отбитый портретъ цесаревича Павла, — вотъ, молъ, мой первенецъ,—дойду до Питера, посажу его съ собой на престолъ.

— Ловкій враль!—сказала, двинувъ плечами, Марѝ.

— Это еще что! На знаменахъ у него Святой Спасъ и угодникъ Николай, — сказала Серафима: — а едва одолѣетъ какое мѣсто, хуже всякаго людоѣда.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Да нѣтъ, не спрашивай,—говорили страшныя вещи,—можетъ быть, этого и не было...

— Даромъ не станутъ сочинять.

— И я спорила и доказывала то же. Помилуй, аптекарша изъ Саратова пріѣзжала, также здѣшній землемѣръ,—передавали слышанное отъ бѣглецовъ изъ того края, множество дворянъ онъ убилъ прямо дубьемъ, другихъ повѣсилъ, застрѣлилъ, засѣкъ... тѣхъ казаки пришибли кистенемъ, закололи пиками, либо заживо сожгли, а съ какого-то офицера съ живаго сняли кожу. Считаютъ злодѣйства сотнями... Страшно!

— Да, небывалые ужасы!—сказала Марѝ: — что же начальство? посланы ли туда войска?

— Посланы, но ничего не подѣлаютъ; самозванецъ поднялъ помѣщичьихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ. Слѣпой народъ вѣритъ и помогаетъ ему; да и какъ не слушаться его, онъ считаетъ его за настоящаго государя; а что велитъ государь, то, по мнѣнію народа, должно исполнять.

— Согласна, народъ,—но какъ могла вооруженная крѣпость сдаться нестройной черни?

— Это дѣйствительно ужасно,—сказала Серафима:—случайность все погубила. Жители, городскіе мѣщане взлѣзли на колокольню и зазвонили въ колокола; гарнизонные солдаты съ испуга повѣрили, что

и впрямь со степи идетъ, съ войскомъ, самъ государь, не послушались офицеровъ, растворили ворота и вышли на-встрѣчу злодѣю, съ знаменами, хлѣбомъ-солью и съ распущенными по плечамъ волосами. Ждали, что онъ всѣхъ помилуетъ и наградитъ за вѣрность. Да и какъ было этого не ждать гарнизоннымъ инвалидамъ, когда вслѣдъ за ними вышло духовенство и встрѣтило злодѣевъ съ иконами и крестами?

— И самозванецъ всѣхъ помиловалъ?—спросила Марѝ.

— Какое! Съ солдатъ снялъ мундиры, обрѣзалъ имъ косы, остригъ ихъ въ скобку и всѣхъ обратилъ въ казаковъ, а офицеровъ, торговцевъ и кто случился тамъ изъ дворянъ—безъ жалости повѣсилъ... Нѣтъ, не могу, ты лучше спроси Алексѣя или Силу Ѳомича; они все знаютъ.

— Но какъ же вы тутъ живете такъ спокойно?—спросила Марѝ:—далеко-то, далеко, но злодѣи могутъ нагрянуть и сюда.

Серафима не знала, что̀ отвѣчать.

— Успокойся,—сказала она:—какъ это ни страшно, Alexis да и всѣ говорятъ, что эти скопища скоро разсѣютъ; туда форсированнымъ маршемъ пошли свѣжіе отряды, а мы, сверхъ того, имѣемъ защиту въ гарнизонѣ и пушкахъ Саратова.

Несмотря на завѣренія золовки, Марѝ въ ту ночь спала очень плохо. Въ первый же заѣздъ Травкина она сказала ему: „Вы давно такъ любезно предлагаете мнѣ взглянуть на вашу усадьбу,—сегодня я готова, ѣдемъ“—и, когда обрадованный Травкинъ, послѣ обѣда, объявилъ ей, что его одноколка подана, она сѣла съ нимъ безъ кучера и, выѣхавъ изъ Горокъ въ поле, спросила его: „Скажите, Сила Ѳомичъ, что̀ это толкуютъ о Яикѣ? невѣроятные ужасы какіе-то, ничего не пойму...“

— Да, дорогая Марья Родіоновна,—отвѣтилъ, подгоняя савраску, Травкинъ:—посѣтила насъ лютая, политическая чума. Шутка сказать, сбродъ всякой голытьбы, самомерзостныхъ каналій охватилъ, взбудоражилъ цѣлый край и держитъ въ тискахъ, какъ въ нравственномъ лавиринтѣ... И этой гидрѣ, стоглавому змѣю, нѣтъ до-нынѣ конца; звѣроярostная сволочь, къ позору и огорченію всѣхъ истинныхъ патріотовъ, держитъ нынѣ въ осадѣ, что же? губернскій городъ Оренбургъ!

— Да, я слышала. Говорятъ о непстовствахъ злодѣя, о замученныхъ имъ офицерахъ, помѣщикахъ; именъ мнѣ не называли...

— Тамъ погибъ мой братъ Павелъ, я оплакалъ его, жалѣю, но его мало знали въ свѣтѣ... а вотъ храбрый комендантъ Харловъ, трагическая судьба взятой въ плѣнъ красавицы его жены!

— Какъ? погибъ Павелъ Ѳомичъ? гдѣ, когда?—въ ужасѣ спросила Марѝ.

— А вы этого не знали? что же, однако, я? Алексѣй Андреевичъ вѣдь запретилъ безпокоить васъ...

— Разскажите, гдѣ, когда и какъ погибъ вашъ братъ?—сказала Марѝ, отирая слезы:—Боже мой, давно ли онъ былъ у насъ въ Москвѣ?

Травкинъ поникъ головой и нѣсколько мгновеній молчалъ. Савраска шла въ гору шагомъ.

IV.

— Павелъ былъ у тестя въ Яицкомъ-городкѣ,—началъ Травкинъ, стараясь говорить спокойно, и разсказалъ переданное бѣглецами съ Яицка о Харловыхъ и о томъ, какъ его братъ Павелъ, при возвращеніи оттуда, встрѣтился съ Пучаговымъ, былъ имъ схваченъ и только потому, что онъ дворянинъ и офицеръ, повѣшенъ.

Въ концѣ разсказа Травкинъ не осилилъ себя и, тихо всхлипнувъ, отвернулся.

— Но какая причина этого бунта? - спросила Марѝ, чтобы хотя нѣсколько развлечь его:—что тянетъ темный народъ къ самозванцу?

— Здѣсь, сударыня моя,—отвѣтилъ Сила Ѳомичъ:—дѣло понятное, а если хотите, такъ и совершенно простое,—возстаніе мужика-армяка противъ боярина, сѣраго порваннаго зипунишки—противъ шелка и пудры, кабацкой голи—противъ всякаго порядка и властей,—чья, молъ, возьметъ?

— Слѣдовательно, возстаютъ недовольные. Но чѣмъ же? Нынѣшняя государыня такая милостивая, о помѣщичьихъ былыхъ насиліяхъ не слышно.

— Чернь, народъ всегда недоволенъ властью, какъ бы она ни была справедлива и добра.

— Но почему же такія неистовыя злодѣйства: висѣлицы, убійства кистенями, дубинами, сдираніе кожъ съ живыхъ людей?

— Какъ повелѣваетъ самозванецъ, народъ такъ и дѣйствуетъ. Злодѣй отлично знаетъ, что дворяне, офицеры и духовенство—противники ему, какъ врагу порядка, и разсылаетъ пріятные черни приказы—не отбывать барщины, не платить и казнѣ, а истреблять дворянъ и всякія власти. Кто разоритъ десять дворянскихъ усадебъ и домовъ, объявилъ онъ, да еще убьетъ столько же помѣщиковъ, въ награду тому онъ обѣщаетъ тысячу рублей и генеральскій чинъ.

— Но какъ же, Сила Ѳомичъ, не пойму я,—отвѣтила Марѝ:—народъ нашъ религіозенъ, а слѣпо слушается такихъ варварскихъ приказаній и исполняетъ ихъ! гдѣ же его христіанскія вѣрованія, совѣсть?

— Да какъ же, Марья Родіоновна, и не слушаться ему! Вѣдь, повторяю вамъ, это, по мнѣнію его, то-есть по убѣжденію, хотя и

ложному, повелѣваетъ ему самъ императоръ, государь... Какъ же ослушаться? Живъ, молъ, идетъ къ вамъ царь Петръ Ѳедоровичъ!

— Да народъ-то нашъ, вѣдь, добрый, — не могла успокоиться Марѝ:—онъ вѣрующій, повторяю вамъ, знаетъ, слышалъ, наконецъ, что неповинныхъ ни въ чемъ не казнятъ, не истязуютъ... Этого я не могу взять въ толкъ!

— Хороши вѣрующіе!—сказалъ Травкинъ:—большинство бунтовщиковъ, вѣдь, раскольники. Что̀ о нихъ говорятъ? налетаютъ они на церковь, рвутъ съ иконъ оклады, поповскія ризы отдаютъ женамъ на исподницы, на дѝскосахъ мясо ѣдятъ, утира̀ются антимѝнсами, какъ полотенцами. Это ли христіане?

— Но что̀ же имъ нужно? чего они добиваются?—спросила Марѝ.

Одноколка въ это время въѣхала въ лѣсъ.

— Казаки, знающіе, что самозванецъ не государь, — отвѣтилъ Травкинъ, снова придерживая коня:—думаютъ, дай, молъ, на престолъ посадимъ мужика-царя... всякой голытьбѣ будетъ благодать! Мужичье царство оснуемъ... Потому-то въ помощь къ нимъ и къ самозванцу охотно шествуетъ такая же всякая подлость, все холопство и чернь, какъ они сами, и всѣ они, съ своимъ вождемъ, ждутъ не дождутся растерзать всѣхъ чиновниковъ, офицерство и дворянъ. И какіе у него подобраны помощники палачи!—однѣ клички, по истинѣ сказать, чего стоятъ! Въ камергерахъ у злодѣя состоитъ казакъ Давилинъ, а въ капитанахъ Мертвецовъ.

Травкинъ смолкъ. Марѝ въ волненіи обдумывала все роковое и ужасное, слышанное отъ него.

— Скажите откровенно, Сила Ѳомичъ,—спросила она его:—здѣсь не безопасно? не за себя боюсь, за ребенка... не уѣхать ли отсюда?

Травкинъ подумалъ.

— Оно точно,—отвѣтилъ онъ:—Алексѣй Андреевичъ и другіе не раздѣляютъ моихъ сомнѣній. И надо прибавить, въ здѣшнихъ разсказахъ и письменныхъ рема̀ркахъ отъ сторонніхъ лицъ немало всякихъ преувеличеній и авантюрье́рскаго вранья. Что же до здѣшнихъ мѣстъ, то по совѣсти скажу, во-первыхъ, наши палестины далеко отъ того края, а во-вторыхъ, и народъ здѣсь въ полной еще тихости и не таковъ сумнителенъ и зломысленъ, какъ въ тѣхъ дикихъ, степныхъ пустыряхъ, по этому Яику и хоть бы по Узенямъ. Здѣшняя чернь спокойна, и неслышно еще промежъ нея бездушныхъ и крови жаждущихъ мутьяновъ. Да и чего нашимъ-то здѣшнимъ мутиться? Алексѣй Андреевичъ, по чести сказать, не владѣлецъ, а отецъ своимъ подданнымъ,—и всѣ подтвердятъ, добрѣйшій; воды не замутитъ и скорѣе послѣднюю рубашку отдастъ мужику, чѣмъ обидитъ его. Таковы и прочіе помѣщики въ здѣшней окольности... не говорю о себѣ, но и

другіе—Шихматовы, Толыгины, Болотины, вы ихъ знаете, Лаптевъ, ну, всѣ... ни насилій, ни стѣсненія подданнымъ. Скажу, наконецъ, болѣе: и тамъ, въ той дикой глуши, еслибы не колеблемость нерегулярныхъ, спрѣчь казачества, коего непорядочное житье правительство рѣшило нынѣ ограничить,—не было бы открытаго мятежа и тамъ.

— Странно,—сказала Марѣ:—мой мужъ служитъ при главнокомандующемъ въ Москвѣ, а тамъ объ этомъ почти не знаютъ, и если говорили, то вскользь, увѣряя, что смуты вскорѣ будутъ прекращены.

Одноколка, миновавъ лѣсъ, стала спускаться съ холма въ долину.

— Вонъ мое жилье,—указалъ Травкинъ съ холма:—то мой садъ, а среди него домишко... Надеждъ, сударыня, и у насъ не мало, а на дѣлѣ что-то не такъ; злодѣй открыто разсылаетъ манифесты, грозитъ взять Оренбургъ и двинуться оттуда къ Волгѣ и къ Москвѣ. Всѣ мы давно погибли бы, извините, аки черви капустные, и злодѣй перебилъ бы и передушилъ бы насъ всѣхъ, еслибы не такіе патріоты, какъ князь Голицынъ и Мансуровъ. Тѣ уже двигаются къ нему...

— Манифесты, вы говорите? что же онъ въ нихъ оповѣщаетъ?

— Казакамъ сулитъ на Яикѣ поставить главное царство и Яикъ объявить на мѣсто Петербурга и Москвы, а всей вообще черни, на многія лѣта, обѣщаетъ разныя льготы и перевѣсъ надъ прочими сословіями. Въ Саратовѣ ходила письменная ремарка съ одного изъ такихъ его воровскихъ листовъ.

— Ну, и что же это за произведеніе? вы его читали?—спросила Марѣ, когда одноколка уже въѣзжала во дворъ, обсаженный вербами.

— Безграмотно-съ и совсѣмъ дѣтски-грубо,—сейчасъ видно, что у него нѣтъ еще знающихъ, толковыхъ секретарей... народу же это, разумѣется, не въ-домекъ.

Травкинъ ввелъ гостью въ домъ. Они обошли его и садъ и сѣли на крыльцѣ, у котораго крестникъ Травкина Боря держалъ подъ уздцы савраску.

— Видѣлъ ли кто этого Пугачова?—спросила Марѣ Травкина:—каковъ онъ изъ себя? Похожъ ли на покойнаго императора Петра Ѳедоровича?

— Ничуть,—отвѣтилъ Травкинъ:—злодѣй средственнаго роста, сутулый, рябоватый и невзрачный мужичонка, пьяница, грубіянъ и притомъ волокита, похитилъ въ разныхъ мѣстахъ и держитъ при себѣ нѣсколько не только простыхъ дѣвокъ, но и боярскихъ дочерей. А какъ сядетъ на коня, сущая, говорятъ, картина,—молодецъ и безстрашенъ, кидается прямо въ огонь; не только мужики,—солдаты, глядя на него, говорятъ: и впрямь онъ царь,—его, молъ, и пуля не беретъ... Одно, впрочемъ, дѣло толки, а другое—настоящее войско; онъ его еще не видѣлъ, а какъ встрѣтитъ, всѣмъ его шайкамъ не сдобровать.

Марѝ встала, прощаясь.

— Такъ вы думаете, во всякомъ случаѣ, здѣсь еще нечего опасаться?—спросила она.

— По совѣсти спрашиваете?

— Да, вамъ я повѣрю отъ души.

Травкинъ радостными глазами взглянулъ на Дуга́нову.

— Для васъ, Марья Родіоновна,—сказалъ онъ, снова подсаживая гостью въ одноколку:—за вашъ лестный для меня визитъ, не только услуги, жизнь готовъ отдать... Да-съ, густой, безпроцвѣтный туманъ, нечего сказать, еще носится надъ нами. Но, голубушка вы моя, дорогая барынька, велика милость Господня... надо именно думать, что зло не пойдетъ далеко, — здѣшніе крестьяне еще спокойны, и сѣмя бунта, смѣю думать, въ скорости, на общее благо, будетъ истреблено.

Савраска весело помчалась обратно въ Горки.

Травкинъ былъ правъ: не только горе́цкіе, но и всѣ окрестные крестьяне вели себя вполнѣ смирно, охотно исполняли свои работы, съ барщины возвращались съ пѣснями, а идя мимо господскихъ хоромъ, вѣжливо снимали шапки и кланялись, хотя бы въ окнахъ никого не видѣли изъ баръ.—„Что, ребята, слышно о злодѣѣ?“—спрашивалъ ихъ иногда на работахъ Алексѣй.—„О комъ, батюшка?“—„Да о Пугачовѣ...“—„А Господь его знаетъ, далеко онъ и ничего мы о немъ не слыхамши“.—„Сказываютъ, въ цари мѣтитъ“,—улыбался Алексѣй.—Мужики строго смотрѣли на барина.—„Шутишь, сударь,—отвѣчали они:—куда сиволапому до царя!.. вонъ Ѳедька въ старосты норовилъ, да и то шею ему добре набили“.—Толпа громко хохотала. Алексѣй, успокоенный, возвращался домой.—„Ну, наши еще надежны,—ихъ скоро не собьешь!“—разсуждалъ онъ и старался еще болѣе угождать крестьянамъ,—далъ имъ лѣсу на избы, нынъ съ весны обѣщалъ отвести лишняго сѣнокоса, бабамъ къ посту простилъ срочный взносъ холстовъ, куръ и яицъ. Въ Горкахъ и кругомъ въ окрестныхъ деревняхъ все, дѣйствительно, было вполнѣ спокойно.

Какъ ни старалась также быть спокойной, Марѝ не находила въ себѣ желанной, душевной тишины. Она стала раскаяваться, что, вмѣсто тихой, далекой Малороссіи, пріѣхала сюда. Раздумывая о предположенной поѣздкѣ въ Свѝблово, она пришла къ убѣжденію, что, поселясь въ той, еще болѣе глухой деревушкѣ, она будетъ менѣе безопасна, чѣмъ въ Горкахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ такимъ большимъ городомъ, какъ Саратовъ, гдѣ, по слухамъ, было достаточно войска

и всякихъ средствъ къ оборонѣ, не говоря уже о лучшихъ удобствахъ къ жизни. Рѣшивъ поэтому еще пробыть въ Горкахъ, она послала въ Свѣблово, съ письмомъ къ теткѣ, слугу Сергѣя, который кстати просился туда, такъ какъ его сестра была замужемъ за кѣмъ-то изъ тамошнихъ крестьянъ. Давъ ему письмо и денегъ на дорогу, она снабдила его наставленіями, какъ получше и не возбуждая подозрѣній осмотрѣть тамошній домъ, удобенъ ли онъ для зимы, есть ли тамъ особая теплая комната для Васи, да съ лежаночкой, не дуетъ ли въ окна и чѣмъ топится домъ,—дровами или гречаною трухой, отъ которой заводится много мышей.

— Тебя жду обратно черезъ три недѣли,—сказала Марѣ Сергѣю:— а тетушкѣ кланяйся и передай, что если не захвораю и все будетъ благополучно, мы съ Богомъ двинемся и пріѣдемъ къ ней по первому санному пути.

Шли недѣли; прошелъ мѣсяцъ и начался другой. Настала половина октября. Сергѣй не возвращался. Марѣ написала теткѣ въ Самару; отвѣтъ пришелъ, что Сергѣй, съ родными сестры, ѣздилъ на богомолье въ какой-то монастырь, возлѣ Самары, гдѣ свихнулъ ногу, хотя началъ уже оправляться. Тетка просила Марѣ скорѣе обрадовать ее пріѣздомъ. Новыхъ слуховъ о самозванцѣ въ Горки не приходило. Знали только, что онъ все еще подъ Оренбургомъ, гдѣ, по саратовскимъ свѣдѣніямъ, ожидалось полное его истребленіе отрядомъ шедшаго туда Голицына. Кстати настала ранняя стужа, степи замело.

Съ первымъ снѣгомъ жизнь въ Горкахъ потекла уютнѣе и веселѣе. Алексѣй не стѣснялся въ домѣ расходами. Въ теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ просторнаго дома чуть не каждый день были гости. Кромѣ Травкина, вблизи проживалъ другой, тоже страстный любитель музыки, старикъ-вдовецъ, изъ отставныхъ военныхъ, Лаптевъ, прозванный, за жизнь въ лѣсномъ своемъ хуторѣ, Волкомъ. Онъ игралъ на скрипкѣ. Двѣ его дочери обучались въ пансіонѣ, въ Саратовѣ, и тоже на праздники посѣщали Горки. На одиночествѣ Лаптевъ, кромѣ скрипки, короталъ время охотой, хотя уже плохо видѣлъ, и въ шутку говорилъ, что на охотѣ надо такъ выпить, чтобы изъ одного взлетѣвшаго вальдшнепа казались три... „бей въ средняго, и навѣрное попадешь!“—Сосѣди цѣлыми семьями съѣзжались съ утра поиграть въ карты, побесѣдовать и послушать музыку. Радушное гостепріимство состоятельной и домовитой, стародворянской семьи охватывало всѣхъ, въ томъ числѣ и Марѣ, своими ласкающими, мягкими волнами. Короткіе дни и длинные вечера пролетали незамѣтно. Гости въ этомъ, искони радушномъ, пріютѣ, среди общаго довольства, жизни на-распашку, искренняго смѣха и веселостей безъ затѣй, чувствовали себя, какъ дома. Свѣтлое настроеніе сошло и на душу Марѣ. Ничто въ окружающемъ болѣе не волновало

и не тяготило ее. Вася окрѣпъ и поздоровѣлъ; дѣти хозяевъ были также здоровы. Цѣлый день весело раздавались по комнатамъ ихъ голоса. Одно подъ-часъ смущало Марѝ: она съ ужасомъ стала замѣчать, что никогда, до сей поры, не сознавала она себя настолько спокойною и счастливою, какъ теперь. Образъ мужа невольно воскресалъ и оживлялся въ ея душѣ.—„Что̀, если бы онъ увидѣлъ меня теперь?“ —разсуждала она:—„если бы перенесся, заглянулъ сюда? Что же, самъ ты, подозрительный, злой и неправый, оттолкнулъ отъ себя это тихое счастіе, эту мирную, искреннюю жизнь; ты далеко, даже не подозрѣваешь этого,—ну, и казнись...“

Слушая пѣніе Серафимы подъ арфу, на которой та въ послѣднее время выучилась играть у сосѣдки, Барата́евой, Марѝ и сама вспомнила свою временно-забытую любовь къ музыкѣ, отыскала въ нотахъ Серафимы нѣсколько пьесъ Скарла̀тти, Паскѝни и Баха, которыя когда-то здѣсь разучивала, и съ увлеченіемъ занялась игрой на клавикордахъ. Съ ея легкой руки, въ Горкахъ стали исполняться не только итальянскія рондо̀ и настора́ли, сонаты и фуги Баха, но и кантаты и цѣлыя аріи изъ гайдновскихъ онеръ и ораторій. Здѣсь, благодаря Серафимѣ и Марѝ, начали устраиваться даже тріо и квартеты. Серафима пѣла, Марѝ играла на клавикордахъ, Травкинъ на віолончели, его крестникъ на флейтѣ, а Лаптевъ-Волкъ на скрипкѣ. Послѣ успѣшнаго опыта съ баховскими прелюдіями и санктусами, въ Горкахъ, наконецъ, задумали къ Рождеству исполнить цѣлый концертъ изъ ораторіи Гайдна „Сотвореніе міра“.

Небольшое, дружно-сплоченное общество не замѣчало въ этихъ занятіяхъ, какъ текло время.

V.

Однажды, послѣ ужина, когда ближніе изъ гостей разъѣхались, а болѣе дальніе разошлись по отведеннымъ имъ комнатамъ, Серафима, разговаривая съ Марѝ и доведя ее со свѣчей въ спальню, собралась уже съ нею проститься и остановилась. Выславъ горничную и продолжая какой-то обычный разсказъ, начатый на верху, она подождала, пока Марѝ раздѣлась и легла въ постель,—сказала: „Ну, пора, однако, мнѣ и тебѣ спать“,—и поцѣловала Марѝ, но вмѣсто того, чтобы уйти, сѣла на кресло у ея кровати и задумалась.

— Что̀ странно, произнесла она:—ты, Маша, ни единымъ словомъ до сихъ поръ не намекнула мнѣ объ одномъ обстоятельствѣ.

— О какомъ?—спросила, вспыхнувъ, Марѝ.

„Это о Глѣбѣ, навѣрно о немъ!“—подумала она, замирая.

— Послушай, будемъ откровенны,—проговорила Серафима:—отчего

ты такъ недовѣрчива со мной? относишься ко мнѣ, какъ бы съ какимъ-то снисходительнымъ... не то, что прощеніемъ, а даже — презрѣніемъ.

— Что ты, дорогая? да развѣ я могу, смѣла бы? — вскрикнула Марѝ, вскакивая и садясь на кровати.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайся... Почему ты ни полусловомъ не намекнула, не спросила меня о томъ печальномъ прошломъ... о кіевскомъ событіи?

На душѣ Марѝ отлегло.

— Да о чемъ же спрашивать?—сказала она:—ну, развѣ непонятно? было мимолетное, легкомысленное увлеченіе... ну, глупая и, разумѣется, невинная вспышка безумной и слѣпой молодости, не больше... о чемъ же спрашивать?

Серафима схватила руку Марѝ и съ чувствомъ пожала ее.

— Такъ ты вѣришь мнѣ, допускаешь,—спросила она:—что я, при всемъ безобразіи этого поступка, осталась... могла остаться непорочной?

— Успокойся, милая, дорогая,—клянусь тебѣ, я ни въ началѣ, ни потомъ, когда все это произошло и огласилось, иначе не думала и не могла думать о тебѣ...

Серафима взглянула на кіотъ съ образами, передъ которымъ, заботами Сысоевны, въ комнатѣ Марѝ постоянно горѣла лампада.

— Слушай,—сказала она, вставъ и съ чувствомъ простирая руки къ кіоту:—моими дѣтьми и всѣмъ святымъ я клянусь тебѣ,—я дѣйствительно, благодаря Промыслу Господню, осталась правою и чистою передъ совѣстью и мужемъ... Alexis, этотъ дивный, божественно-добрый человѣкъ,—продолжала, сдерживая слезы, Серафима:—отъ сердца простилъ мою глупость, далъ слово все забыть и забылъ... Я боялась одного,—да, да!—день и ночь я мучилась, что подумаешь и скажешь обо мнѣ ты?

Марѝ обхватила Серафиму и нѣжно привлекла ее къ себѣ, осыпая поцѣлуями.

— Ахъ, Марѝ, что я пережила и что испытала,—продолжала, удерживая рыданія, Серафима:—это было какое-то дикое, слѣпое, необъяснимое безуміе. Начать съ того... Пріѣздъ тогда отсюда, изъ тихой деревни, въ шумную Москву... началось какое-то нравственное опьянѣніе, вѣчные выѣзды въ театры, на концерты и балы... Масса новыхъ знакомыхъ вскружила голову. То и дѣло мелькали новыя лица. Меня хвалили, льстили мнѣ. А тутъ этотъ домашній спектакль. Я ночей не спала, твердя роль и думая, какъ это я выйду,—сотни глазъ на меня глядятъ... И вотъ, я очутилась, сама не своя, на сценѣ передъ публикой. Помню, какъ охватилъ меня трепетъ, какъ я была потрясена собственною игрой и пѣніемъ. Гдѣ-то далеко гремѣли шумные аппло-

дисменты; я чуть не упала въ обморокъ отъ восхищенія и боязни за себя. Потомъ поѣздка съ факелами на мызу, танцы тамъ чуть не до зари, ужинъ съ шампанскимъ, а кстати, притомъ, всѣ упрашивали меня пить и, вѣроятно, усердно подносили. Этотъ несчастный Прядышевъ, сильно влюбленный въ меня, давно молилъ меня съ нимъ бѣжать; я, разумѣется, на это только смѣялась... а пастушка, которую я играла, тоже,—какъ помнишь, въ пьесѣ, на сценѣ,—куда-то бѣжала съ обожателемъ... Ну, я въ непонятномъ забытьѣ, недолго думая, сѣла въ сани, — бѣшеная тройка помчалась; хмѣльная молодежь все это устроила... Мнѣ грезилось, что я ѣду обратно въ Москву, и только утромъ я увидѣла, что это не Москва и что мы уже въ Подольскѣ... Ты спросишь, почему я не возвратилась? Одно скажу—меня охватывало то же безуміе, тотъ же полусонъ... Мнѣ мерещилось, что мы несемся въ какой-то опьяняющей сказкѣ; спать хотѣлось и было такъ весело, а мой спутникъ все твердилъ мнѣ завѣренія, что вотъ-вотъ снѣгъ, ухабы, тройки кончатся, мы промчимся черезъ холодную Россію и скоро очутимся въ невиданныхъ, теплыхъ, райскихъ странахъ, съ пальмами и вѣчно-цвѣтущими розами, подъ небомъ роскошной Италіи. Мысль о Москвѣ не пугала, а смѣшила меня... Вотъ,—думала я, наслаждаясь бѣшеною ѣздой:—тамъ ахаютъ, бьютъ тревогу, ищутъ! пускай...

— Чудеса ты разсказываешь!—не утерпѣла замѣтить Марѝ.

— Безумный мальчикъ,—продолжала Серафима:—платилъ двойные и тройные прогоны; мѣняя лошадей и едва успѣвая обогрѣваться на станціяхъ чаемъ, мы неслись, какъ на крыльяхъ. Въ Серпуховѣ, пока мнѣ подали обѣдать, Прядышевъ вдругъ какъ бы что-то вспомнилъ, ушелъ куда-то и возвратился самъ не свой. Я въ ужасѣ чуть не лишилась чувствъ:—взглянула, онъ былъ на-веселѣ... ласковый, такой же вѣжливый, но едва стоялъ на ногахъ. Гдѣ? спрашиваю:—какъ? молчитъ. Что же тутъ было еще говорить или дѣлать? Возвратиться? я и молила его... онъ обѣщалъ взять обратную подорожную изъ ближайшаго города—и обманулъ... А ужъ что было потомъ—и не спрашивай:—далѣе онъ просто напивался! Этой страсти мнѣ и въ голову не могло придти, а онъ, появляясь въ Москвѣ, среди лучшаго общества, тайно кутилъ и пилъ въ грязныхъ притонахъ, о чемъ никто тогда и не зналъ. На остальномъ пути я уже не позволяла ему садиться рядомъ съ собой; онъ ѣхалъ либо на облучкѣ, либо отъ станціи до станціи безпробудно спалъ у меня въ ногахъ, на днѣ саней. Опять порывалась я бросить его, ѣхать назадъ, но у меня не было ни паспорта, ни обратной подорожной, ни денегъ.

Серафима закрыла руками глаза.

— Воображаю, бѣдная, твое положеніе,—сказала Марѝ.

— Ужасъ! а лошади мчатся, мѣняются станціи. Да еслибы и уда-

лось какъ-нибудь достать денегъ и лошадей, какъ было бросить его, среди незнакомыхъ людей, на дорогѣ? онъ пока велъ себя тихо, а увидя мою попытку къ бѣгству, съ-пьяну могъ бы поднять шумную исторію, безобразничать... Спасъ меня Кіевъ... При въѣздѣ въ него, Прядышевъ увидѣлъ нѣсколько троекъ съ цыганами и цыганками, узналъ между ними свою прежнюю Дульцинею и пришелъ въ неописанный восторгъ: —вотъ, кричитъ, услышишь божество, соловья: что за голосъ, душа!.. Едва мы прибыли въ гостиницу и помѣстились,—разумѣется, порознь,—онъ наскоро умылся, нарядился и вылетѣлъ... сейчасъ, говоритъ, буду, привезу ее сюда!.. Остальное ты знаешь; болѣе мы не видѣлись. Пріѣзжалъ звать меня Глѣбъ... но не будемъ вспоминать! Онъ такъ нежданно и такъ сухо, свысока, объявилъ мнѣ о прощеніи мужа... ахъ, могла ли я вдругъ тогда опомниться, принять это великодушное прощеніе?

Кончивъ разсказъ, Серафима склонила голову. Ея щеки пылали, грудь тяжело дышала.

— И вотъ все мое горе, мой бывшій грѣхъ!—сказала она, щипля конецъ мокраго отъ слезъ платка: —долго я не рѣшалась писать мужу, думала покончить съ собой, либо скрыться навсегда, идти въ монастырь... да и теперь иной разъ совѣстно людямъ въ глаза смотрѣть... а вѣдь и въ помыслахъ, клянусь, и въ помыслахъ не было у меня тѣни грѣховной...

Марѝ быстро спустила ноги на коврикъ у кровати, поймала ими туфли, обула ихъ и, накинувъ на плечи кофту, сѣла на краю постели, рядомъ съ Серафимой.

— О, да, ты чиста, повторяю тебѣ, чиста, и твой дѣтски-взбалмошный проступокъ тебѣ прощенъ не однимъ мужемъ, всѣми!—сказала она: — но ты, все-таки, подала поводъ, необдуманно бѣжала... Вѣдь, правда же, ты открыто препебрегла приличіями —съ посторонимъ человѣкомъ бѣжала въ такую даль? другія ничего подобнаго не дѣлали...

Серафима вспыхнула. Ея глаза съ изумленіемъ устремились на Марѝ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила она:—я недостойна, по-твоему, прощенія?

— Не о тебѣ, дорогая, ахъ, не о тебѣ!—отвѣтила Марѝ:—есть другія... ты меня также поймешь и можетъ быть пожалѣешь.

Она ломала руки, не находя словъ.

— Слушай, Серафима,—сказалъ она:—ты все мнѣ открыла, а я была неискренна съ тобой. Тебѣ не все извѣстно; я стѣснялась, не имѣла духа все тебѣ объяснить. Между тобой и твоимъ мужемъ былъ хоть какой-нибудь, по существу, пустой, внѣшній, но все-таки поводъ къ разладу. Ты откровенно сознала свою вину; великодушный, честный, добрый мужъ понялъ дѣло и все тебѣ простилъ, все забылъ; вы снова

живете въ полномъ согласіи и счастьи. А я... знаешь ли ты?—сказала Марѣ, ухвативъ Серафиму за руку:—между мною и Глѣбомъ все кончено... Да, я бросила его, мы разстались навсегда!

Серафиму, какъ громомъ, поразило это признаніе. Она безъ движенія, безъ словъ, молча смотрѣла на золовку широко открытыми глазами.

— Какъ? разстались? когда? почему?—выговорила она наконецъ.

— Изъ дикой, слѣпой ревности Глѣбъ придрался къ ничтожному поводу,—отвѣтила Марѣ:—и глубоко оскорбилъ меня, неповинную ни въ чемъ.

— Но ты могла же оправдаться, доказать?

— Мнѣ доказывать?—вскрикнула Марѣ:—кому? въ тѣ часы,—когда я умирала отъ страха за жизнь ребенка, а онъ былъ въ отсутствіи... когда я по цѣлымъ днямъ молилась, прибѣгая къ помощи врачей... сперва онъ получилъ безъименный извѣтъ, а потомъ угрозой вытребовалъ отъ Спесивцева мои письма... и рѣшился обвинять меня по нимъ.

Слезы не дали продолжать Марѣ. Осиливъ себя, обрываясь и снова плача, путаясь въ словахъ и забывая подробности, она кое-какъ разсказала исторію своего столкновенія и разрыва съ Глѣбомъ.

— И это за пять лѣтъ брака, честный мужъ и семьянинъ!—сказала, кончивъ, Марѣ:—осыпать позорными укорами и ни слова, ни признака раскаянія. Что же, буду, по волѣ его, вдовой живаго мужа!

— Пустяки, забудется!—старалась утѣшить ее Серафима:—посуди, наконецъ, сама... вѣдь между вами ничего же въ сущности не было, даже тѣни какихъ-либо сердечныхъ съ твоей стороны увлеченій. Я знаю тебя... ты осмотрительна, горда, всегда любила мужа, а рыжій и лысый Спесивцевъ—ну, развѣ могъ онъ явиться соперникомъ — и кому же?—Глѣбу!

— Да, да,—вскричала Марѣ: — это-то и возмутительно! Никогда и ни за что я не прощу ему этого. Такое возмутительное обхожденіе; безпощадный укоръ въ измѣнѣ, въ развратномъ поведеніи... онъ даже посягнулъ на неповиннаго ребенка!—бѣшено кричала Марѣ:—въ глаза мнѣ бросилъ упрекъ, что это не его дитя... Вася-то, Васенька!

Марѣ, рыдая, упала головой въ подушку.

— И все это, повѣрь мнѣ, кончится миромъ и раскаяніемъ,—успокоивала ее Серафима:—завтра же я ему напишу... мы объяснимъ ему, онъ явится, и ты охотно простишь ему злую, ревнивую выходку.

— Никогда! ни за что! на всю жизнь, кончено, слышишь ли?—вопила, глядя на образъ, Марѣ:—ты не знаешь этого самолюбиваго, сухаго чудовища... Онъ сразу высказался... Языкъ отсохни, если я позволю себѣ хоть единымъ словомъ намекнуть ему о примиреніи. Пусть помнитъ, если смотрѣлъ на меня, какъ на рабыню, пусть знаетъ, что есть самолюбіе и у рабы!

„Ну, ты сердишься, еще зла на него, — подумала Серафима: — а мы съ Alexis все-таки ему напишемъ, чтобы онъ не дурилъ и скорѣе пріѣзжалъ бы сюда. А тутъ ужъ устроимъ примиреніе. Она клянетъ его, осыпаетъ обвиненіями, — и онъ стоитъ ихъ, — но и въ гнѣвѣ видно, какъ онъ дорогъ ей и какъ горячо, по прежнему, она любитъ его!“

Серафима еще посидѣла у Марѝ. По возможности успокоивъ ее, она уложила ее, поправила ей подушки, прикрыла одѣяломъ, даже перекрестила и, съ облегченнымъ сердцемъ, поднялась къ себѣ наверхъ, гдѣ утромъ все и разсказала мужу. Въ тотъ же день они оба написали и послали по почтѣ письма Глѣбу въ Петербургъ.

VI.

Узнавъ объ отъѣздѣ жены изъ ея письма черезъ Надю Шимкову, Глѣбъ впалъ въ крайнее смущеніе и раздраженіе. Послѣ рѣзкаго и до неприличія грубаго объясненія съ нею, онъ самъ, рѣшившись бросить ее, могъ ожидать и отъ нея всякаго, крайняго поступка, новой бурной сцены съ нимъ, присылки къ нему, съ требованіемъ объясненій, Спесивцева, но столь рѣшительнаго, быстраго и открытаго разрыва онъ никакъ не ожидалъ. Тѣнь нѣкотораго раскаянія и даже жалости къ женѣ шевельнулась въ душѣ Глѣба. Избѣгая всякой огласки и чтобы не дать домашнимъ ни малѣйшаго повода къ подозрѣніямъ и пересудамъ, онъ позвалъ слугу, спокойно приказалъ ему отложить запряженный и поданный уже къ крыльцу экипажъ, вышелъ какъ бы прогуляться, крикнулъ на Покровкѣ того же извощика Фролку, сѣлъ въ его дрожки и велѣлъ везти себя къ Покрову въ Левшинѣ. Глѣбъ увидѣлъ знакомый домъ и взошелъ по лѣстницѣ къ Спесивцеву. — „Удивится этотъ гусь, да чортъ его возьми!—думалъ онъ:— нечего церемониться! допрошу его,—навѣрное знаетъ и скажетъ, куда уѣхала жена“.—Отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что передняя и кабинетъ доктора были совершенно пусты; валявшійся на полу соръ и клочки бумажекъ показывали, что жилецъ оставилъ эту квартиру. Въ полуотворенную дверь изъ корридора выглянулъ, съ метлой въ рукахъ, старикъ-дворникъ, изъ отставныхъ солдатъ.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ.

— Гдѣ докторъ?

— Съѣхали.

— Куда?

— Не могимъ знать.

— На новую квартиру, что ли?

— Должно, совсѣмъ изъ города.

— Но куда же?

— Не могимъ, ваше благородіе, знать.

— Послушай, ты мнѣ скажи; я требую,—возвысилъ голосъ Глѣбъ:—я служу при главнокомандующемъ, — не можетъ быть, чтобъ ты не зналъ отъ его прислуги.

— Извольте, ваше сіятельство, спросить у хозяйки; мы что? они съ нею разсчитывались, а мы, сейчасъ помереть, въ томъ непричинны.

Глѣбъ пошелъ къ хозяйкѣ. Его приняла больная и полуглухая старуха, давно не встававшая съ постели. То и дѣло кашляя и оправляя сползавшій съ сѣдой головы платокъ, она спросила, что ему нужно. Глѣбъ объяснилъ.

— Семенъ Захарычъ, извѣстное дѣло,—отвѣтила старуха:—былъ жилецъ изъ жильцовъ, тихій, аккуратный и не токма платилъ въ срокъ, жилъ безъ всякаго окаянства, а еще лѣчилъ, сказать, даромъ... Куда же выѣхалъ, не знаю, не то къ сродственникамъ куда-то, не то на кондиціи въ деревню, къ какому-то богатому человѣку, за Тверь.

— На-время?

— По видимости, надолго, если не навсегда... распродалъ небель и прочее... дешево распродалъ, спѣшилъ...

— На почтовыхъ онъ уѣхалъ или на долгихъ?

— Кажись, батюшка, на почтовыхъ,—я хворая, не встаю,—входилъ ямщикъ, въ армякѣ и съ орломъ на шапкѣ.

„Такъ вотъ оно что, теперь ясно,—разсуждалъ Глѣбъ, выйдя на улицу:—они, очевидно, условились и все заранѣе обдумали; выѣхали порознь, а гдѣ-нибудь далѣе и встрѣтятся“.

Бѣшенство овладѣло Глѣбомъ. Онъ, едва помня себя, возвратился домой, упалъ на диванъ, стоналъ, билъ себя кулакомъ въ голову и до крови грызъ себѣ ногти. Онъ было рѣшилъ ѣхать въ Кунцово, допытаться, кто изъ ямщиковъ и на какую дорогу вывезъ его жену съ мызы? Предполагалъ обратиться и въ полицію, также на почту, чтобы узнать, по какому виду и куда именно выѣхалъ изъ Москвы Спесивцевъ, — но тутъ же безнадежно и злобно махнулъ на все рукой.—„Какая польза,—сказалъ онъ себѣ:—освѣдомляться, слѣдить и раскапывать эту грязь? Не все ли равно? такъ или иначе, но я одураченъ и проведенъ... Проклятіе измѣнницѣ и ея соблазнителю! пусть будетъ, чему быть суждено. А съ нею отнынѣ исторія разъ навсегда кончена!“

На другой день Глѣбъ явился къ главнокомандующему. Онъ доложилъ ему, что устроилъ домашнія дѣла, для которыхъ пріѣзжалъ, и что, если князь разрѣшитъ, онъ готовъ немедленно снова возвратиться въ Петербургъ. Получивъ согласіе князя, онъ откланялся, взялъ

нужныя бумаги, заѣхалъ къ себѣ домой, все заперъ тамъ на замки, сдалъ подъ охрану оставленной прислугѣ, уложился, послалъ за почтовыми и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Расписываясь въ Клину объ уплатѣ прогоновъ и въ полученіи лошадей, онъ хотѣлъ было освѣдомиться, отсюда куда проѣхалъ Спесивцевъ, и уже сталъ перелистывать книгу, но остановился и съ презрѣніемъ отбросилъ ее на конецъ стола.—„Нѣтъ, Господъ съ ними!—рѣшилъ онъ:—забыть ихъ, забыть окончательно и скорѣй. Украденной души не воротишь! Начать новую, спокойную жизнь... Служба—вотъ отнынѣ моя задача, вотъ удѣлъ! она спасала не разъ меня прежде, спасетъ и теперь!“

Въ первое время, по возвращеніи въ Петербургъ, Глѣбъ былъ сильно не въ духѣ. Одинокая жизнь въ нумерѣ гостиницы тяготила его, и онъ очень обрадовался, когда ему представилась возможность устроиться на квартирѣ съ давнимъ своимъ знакомымъ, гвардейскимъ офицеромъ Галаховымъ, состоявшимъ также и при канцеляріи фаворита государыни, князя Орлова. Покойный отецъ Галахова былъ въ молодости друженъ съ отцомъ Глѣба. Возлагая теперь всѣ свои надежды на Орлова, какъ по дѣлу, порученному ему Волконскимъ, такъ и относительно своей дальнѣйшей карьеры, Глѣбъ былъ радъ, что и Галаховъ, близкій къ Орлову, могъ ему пособить. Но его сожитель, откровенный съ нимъ во всемъ, лично объ Орловѣ и о поручаемыхъ ему дѣлахъ молчалъ. Выбравъ удобный часъ, Глѣбъ навѣстилъ Орлова. Князь милостиво и ласково встрѣтилъ его.

— Оченъ радъ, Дугáновъ, что ты возвратился,—сказалъ онъ:—государыня склоняется окончательно къ мнѣнію моему и твоего шефа, по жалобѣ обиженной матери на непослушную дочь; отъ сената ожидаются послѣднія справки. Вотъ тебѣ экстрактъ изъ производства; составь изъ него краткую ремарку для меня, на случай, если потребуется для послѣдняго доклада ея величеству; дѣло во всякомъ случаѣ теперь уже не затянется, о чемъ можешь отписать и князю Михаилу Никитичу... Обрадуй его,—хотя, по-правдѣ сказать, государынѣ теперь не до того... По случаю пріѣзда невѣсты цесаревича Павла Петровича и предстоящаго ихъ обрученія, а затѣмъ и свадьбы, при дворѣ будетъ цѣлый рядъ торжествъ. Ты здѣсь будешь скучать, но что же дѣлать, — служба! могу, впрочемъ, посовѣтовать,—заключилъ съ улыбкой князь:—ремарку составляй скорѣе, а затѣмъ—вмѣстѣ со всѣми—веселись и ты.

„Не до веселья мнѣ“, хотѣлъ отвѣтить Глѣбъ. Онъ, въ смущеніи, молча сталъ откланиваться.

— Вѣдь, кстати, и ты получишь доступъ на всѣ торжества, тебя

не забудемъ, велю записать!—сказалъ Орловъ, по-своему объяснивъ растерянность и смущеніе своего гостя:—ты хоть не вышелъ рангомъ, удостоишься доступа, какъ москвичъ, разскажешь тамъ всѣмъ впечатлѣнія, какъ очевидецъ.

Польщенный такою любезностью, Глѣбъ не рѣшился въ этотъ разъ безпокоить князя просьбой о покровительствѣ ему на дальнѣйшемъ служебномъ пути. Обѣщаніе Орлова касательно придворныхъ торжествъ вскорѣ осуществилось: Глѣбу прислали форменный ордеръ съ разрѣшеніемъ ему, въ качествѣ адъютанта московскаго главнокомандующаго, присутствовать на всѣхъ придворныхъ выходахъ, раутахъ, балахъ и иныхъ собраніяхъ, по случаю ожидаемаго бракосочетанія наслѣдника-цесаревича.

Лѣтніе маневры гвардіи, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, въ 1773 году, были окончены въ половинѣ августа. Дворъ возвратился изъ Царскаго-Села въ Петербургъ. Въ день обрученія цесаревича и его невѣсты, 16-го августа, на придворной сценѣ Эрмитажа давали итальянскую оперу „Антигона“. Здѣсь впервые, въ теченіе цѣлаго вечера, Дугановъ имѣлъ случай видѣть вблизи императрицу Екатерину, ея сына, его невѣсту и всю ближнюю свиту государыни. Вскорѣ ему удалось быть на представленіи во дворцѣ и другой итальянской оперы „Психѣ и Купидонъ“. Блескъ роскошно убранной залы, разволоченные мундиры гвардіи и высшихъ гражданскихъ чиновъ ослѣпили Глѣба. Но его взоры были обращены на государыню.

Не смѣя изъ креселъ, какъ и другіе, наводить на царскую ложу зрительной ручной трубки, Глѣбъ восторженно вглядывался въ лицо Екатерины, приподнимаясь изъ-за высокихъ дамскихъ прическъ и шляпъ, мѣшавшихъ ему вдоволь на нее смотрѣть. „Боже, какъ бы я желалъ услужить ей чѣмъ-либо особеннымъ, пожертвовать для нея жизнью, совершить передъ нею какой-либо, выходящій изъ ряду, высокій подвигъ“ — думалъ Глѣбъ, замирая и почти не слыша арій и нѣжныхъ руладъ, которыми заморскіе пѣвцы и пѣвицы плѣняли и потрясали слушателей, переполнявшихъ залу. При вызовѣ, подъ громъ рукоплесканій, артистамъ апплодировали, какъ видѣлъ Глѣбъ, сама императрица и стоявшій за ея кресломъ, въ пудрѣ и голубой лентѣ, счастливо-улыбающійся, худенькій и стройный цесаревичъ Павелъ. Дугановъ слѣдилъ за небольшими, обтянутыми въ длинныя перчатки, руками императрицы и, когда она, улыбаясь на сцену, хлопала ими, думалъ: „И эти маленькія, въ перчаткахъ по локоть, руки правятъ судьбою милліоновъ! по ихъ мановенію, созидаются и разрушаются союзы, движутся громадныя арміи... О, еслибы этотъ взоръ, хотя бы случайно, упалъ когда-нибудь на меня, еслибы судьба избрала меня для принесенія ей жертвы моимъ умомъ, силами, жизнью!“ Опера

кончилась, занавѣсъ опустился, публика, среди послѣднихъ вызововъ, разъѣзжалась. Дугановъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, возвращался домой взволнованный, съ чувствомъ необъяснимой досады и душевной пустоты. Нехотя и сухо отвѣчая на разспросы своего сожителя, которому, вслѣдствіе порученныхъ ему, неотложныхъ работъ по канцеляріи, не удавалось попадать на эрмитажные спектакли, онъ долго не засыпалъ, обуреваемый разнообразными и тягостными мыслями. Проситься въ дѣйствующую армію, въ Турцію?—думалъ онъ:—но что изъ того толку? Тамъ достаточно такихъ же заурядныхъ, малопомѣстныхъ дворянчиковъ и безъ меня, да и не предвидится особыхъ дѣлъ. Войска стоятъ на Дунаѣ, въ выжидательномъ положеніи; вмѣсто боеваго подвига, попадешь еще въ лапы гнилой горячки или чумы, безвѣстно околѣешь въ какомъ-нибудь голодномъ и грязномъ госпиталѣ. А главное — все это будетъ невѣдомо ей, великой монархинѣ, вдали отъ нея".

Приходя затѣмъ въ себя и зрѣло обдумывая свои мысли, Глѣбъ иной разъ даже зло смѣялся надъ собою. „Чего захотѣлъ,—разсуждалъ онъ: — заслуги, подвига передъ лицомъ самой государыни! да это въ цѣлой міровой исторіи если и выпадетъ, то рѣдко и на долю одного, много двухъ счастливцевъ изъ милліоновъ подданныхъ монарха. Несбыточныя грезы, пустыя надежды жалкаго мечтателя. Ниже, ниже, у ногъ твоихъ, на землѣ, ищи обычной людской доли!"

Въ началѣ сентября Дугановъ снова удалось близко увидать государыню и весь ея близкій штатъ, при посѣщеніи ею работъ, заложеннаго тогда, мраморнаго Исаакіевскаго собора. Фундаментъ собора былъ въ то время уже конченъ и начали класть на немъ цоколь. Дугановъ не зналъ о предстоявшемъ заѣздѣ сюда государыни. Идя отъ сената мимо изгороди, окружавшей эту постройку, онъ вдругъ увидѣлъ четверню сѣрыхъ цугомъ, открытую, высокую коляску императрицы и ѣхавшаго за нею, на дрожкахъ, запряженныхъ тройкой, князя Орлова. Князь подбѣжалъ къ колескѣ, отворилъ дверцу, откинулъ складныя ступеньки и подалъ государынѣ руку. Не успѣла она сойти съ послѣдней ступеньки, пристяжная коляски испугалась чего-то и, бросаясь въ сторону, поднялась на дыбы. Глѣбъ успѣлъ ухватить ее за уздцы и придержалъ. „Теперь увидятъ, замѣтятъ меня!"—подумалъ онъ, замирая и продолжая держать испуганную лошадь. Но князь Орловъ, грозно взглянувъ на кучера, поспѣшилъ къ калиткѣ, къ которой шла, улыбаясь и кланяясь столпившимся прохожимъ, императрица Екатерина. Свита послѣдовала за нею. Калитка захлопнулась. „И чего я ищу, чего мнѣ надо?—горько усмѣхнулся Глѣбъ, возвращаясь домой:—мнѣ поручены ремарки; надо получше заняться ими". Онъ засѣлъ за окончательное изготовленіе выборокъ изъ дѣла.

Въ Петербургѣ всѣ заговорили о предстоявшей 13-го сентября поѣздкѣ двора на дачу Нарышкина, гдѣ государыня изъявила готовность принять предположенную охоту на оленей и обѣдъ въ лѣсу. Дугановъ также получилъ разрѣшеніе ѣхать туда, но раздумалъ и рѣшилъ сказаться больнымъ. „Лишнія развлеченія и лишняя трата времени!“ — сказалъ онъ себѣ, сидя надъ сенатскими бумагами.

VII.

Наканунѣ назначенной охоты поднялся сильный вѣтеръ съ моря. Нева къ утру вздулась, началось наводненіе, изъ-за котораго цугъ придворныхъ каретъ, шарабановъ и линеекъ не могъ переѣхать по Калинкину мосту, черезъ разлившуюся Фонтанку. Императорскій поѣздъ по-неволѣ возвратился назадъ. Въ городѣ по этому поводу прошла молва, будто государыня, подъѣхавъ къ мосту и увидѣвъ, что вода бушевавшей Фонтанки доходила уже до осей колесъ, открыла окно и сказала кучеру: „Что же, на мосту будетъ не выше дна кареты, мы подожмемъ ноги, ступай!“ — но въ это мгновеніе порывомъ вѣтра сорвало съ головы государыни поярковую, съ соколинымъ перомъ, охотничью шляпу, которая улетѣла за ограду набережной и понеслась по волнамъ. Всѣ и больше всѣхъ сама императрица много смѣялась этому на возвратномъ пути. „Гляжу, она уже, какъ корабль, на водѣ,—покатывалась со смѣху императрица:—перо точно парусъ... а вы, какъ слѣдуетъ рыцарю, и не вздумали броситься въ рѣку, спасать мой нарядъ!“ — сказала она толстому Нарышкину, сидѣвшему противъ нея въ каретѣ. „И зачѣмъ меня тамъ не было?“ — съ досадой думалъ, слыша разсказъ объ этомъ, Дугановъ: „я не Нарышкинъ; я не задумался бы броситься вплавь и спасъ бы шляпку государыни“. „Сумасшествіе! безумныя, несбыточныя мечты!“ — сказалъ онъ себѣ черезъ минуту:—„въ этотъ прозаическій, холодный вѣкъ, такимъ поступкомъ только навлечешь на себя насмѣшки, разыграешь роль общаго забавника, шута! Нѣтъ, кончу работу, сдамъ ее князю и стану проситься на Дунай; тамъ Суворовъ, — онъ какъ-то зналъ отца, вспомнитъ и меня... тамъ поле чести, не все же будутъ даромъ стоять наши войска“.

Наступилъ день бракосочетанія цесаревича. Вѣнчаніе совершилось, 29 сентября, въ Казанскомъ соборѣ. Императрица выѣхала изъ дворца въ раззолоченной, сквозной каретѣ, запряженной восемью бѣлыми, разубранными въ страусовыя перья, лошадьми. Въ каретѣ передъ государыней сидѣлъ цесаревичъ, рядомъ съ нимъ его невѣста, великая княжна Наталья Алексѣевна. Государыня была одѣта въ русскомъ

платьѣ, изъ алаго атласа, расшитаго жемчугомъ, и въ горностаевой мантіи. Карету сопровождали верхомъ командиры кавалергардскаго конвоя, князь Григорій и его братъ, графъ Алексѣй, Орловы; впереди, также верхомъ, гарцовали, въ шляпахъ съ плюмажемъ и въ залитыхъ золотомъ мундирахъ, камергеры и камеръ-юнкеры. Въ концѣ вѣнчанія раздалась пушечная пальба. Площади и улицы города оглашались радостными кликами.

Послѣ торжественнаго обѣда, въ тронной залѣ, съ новою салютаціонной пальбой, всѣ перешли въ боковыя залы, гдѣ начались танцы. Императрица, новобрачные и всѣ гости были веселы. Дуга́новъ въ новомъ, съ иголочки, сшитомъ для этого бала мундирѣ, стоялъ у одного изъ оконъ. Изъ-за цвѣтущихъ азалій и олеандровъ, онъ любовался толпой разряженныхъ красавицъ, подъ нѣвучій стонъ и ревъ струннаго оркестра, то граціозно присѣдавшихъ и медленно плывшихъ въ менуэтѣ, то рѣзво уносившихся въ веселомъ котильонѣ.

Между танцующими болѣе всѣхъ выдѣлялась, въ бѣломъ, тяжеломъ серебряномъ платьѣ, усыпанномъ алмазами, и въ серебряной, унизанной жемчугомъ, коронѣ, утомленная и блѣдная новобрачная. Императрица въ особой ложѣ, на возвышеніи, радостно слѣдила за общимъ оживленіемъ и веселостью. Въ промежуткахъ, среди менуэтовъ, гавотовъ и котильона, скрытый за колоннами, въ глубинѣ залы, хоръ придворныхъ пѣвчихъ, въ алыхъ кафтанахъ, съ золотомъ, возглашалъ кантáту, написанную къ этому торжеству:

„Пойте, музы восхищенны,
„Родъ Петровъ воскреснетъ днесь!“

Другой хоръ пѣвчихъ, въ голубыхъ кафтанахъ, съ серебромъ, подхватывалъ этотъ стихъ, на другомъ концѣ залы, и потрясая густыми басами слухъ, выкрикивалъ: „Родъ Петровъ, родъ Петровъ воскреснетъ... воскреснетъ днесь!“

Любуясь танцами, музыкой и пѣніемъ, отуманенный всѣмъ, что происходило въ этомъ пышномъ, горѣвшемъ тысячами свѣчей, царскомъ чертогѣ, Дуга́новъ вдругъ замѣтилъ, что общее веселье и общая торжественность какъ бы стихли и мгновенно стали блѣднѣть. Онъ услышалъ за собою странный, сперва сдержанный шепотъ.

— А каково? на Яикѣ-то? — вполголоса сказалъ кто-то камергеру, стоявшему возлѣ Глѣба, за боскетомъ изъ живыхъ цвѣтовъ:—слышали? разсказываютъ страхи.

— Нѣтъ, не слыхалъ,—отвѣтилъ камергеръ.

— За Волгой, на Яикѣ, появился самозванецъ,—продолжалъ вѣстовщикъ:—и представьте, дерзнулъ принять имя покойнаго государя, собралъ войско и взялъ уже нѣсколько крѣпостей... Сейчасъ прибылъ

курьеръ изъ Москвы, государыня очень опечалена и удалилась во внутренніе покои.

Дугáновъ оглянулся: ложа императрицы, дѣйствительно, опустѣла.

Говоръ въ разныхъ группахъ гостей сталъ явственнѣе, толки громче.

— Да, батюшка, вотъ тебѣ и „родъ Петровъ воскресъ!“ —сказалъ важный сановникъ, въ александровской лентѣ, съ толстыми икрами ногъ, туго обтянутыми въ бѣлые, съ золотымъ лампасомъ, панталоны, проходя съ худымъ и тощимъ, трясущимъ головою, адмираломъ, мимо цвѣтовъ, за которыми продолжалъ стоять Дугáновъ:—днесь, днесь... а грозная тѣнь покойника воскресла-таки изъ гроба.

— Saluez les morts! saluez! — насмѣшливо шамкалъ адмиралъ, двигаясь къ выходу на тонкихъ, слабыхъ ножкахъ.

Начался общій разъѣздъ. Внизу, въ сѣняхъ, Глѣбъ впервые изъ группы уѣзжавшихъ услышалъ и прозвище того, кто дерзко принялъ на себя имя покойнаго императора. „Донской казакъ, Емельянъ Пугачовъ“,—повторяли гости, разъѣзжавшіеся изъ дворца.

На другой и въ слѣдующіе дни, Дугáновъ старался болѣе подробно узнать о самозванцѣ. Къ кому онъ ни обращался, всѣ оказывались знающими не болѣе его. Сожитель его, Галаховъ, бывшій наканунѣ дежурнымъ при гауптвахтѣ, у военной коллегіи, даже видѣлъ того фельдъегеря, который прискакалъ съ первою вѣстью изъ Москвы, но и отъ фельдъегеря, снова усланнаго съ бумагами въ Москву, онъ не довѣдался, будто бы, ничего.

Новыя торжества и веселости, послѣ брака цесаревича, продолжались, впрочемъ, безъ перерыва, еще около двухъ недѣль. Подъ ихъ впечатлѣніемъ, въ городѣ хотя и говорили о событіяхъ за Волгой, но уже безъ особаго вниманія и тревоги. Нѣкоторые еще утверждали, что бунтъ на Яикѣ дѣло пешуточное, что волненіе и мятежъ тамъ разростаются съ неимовѣрною быстротой и что, если государыня еще показывается на придворныхъ празднествахъ, то либо она это дѣлаетъ съ цѣлью, наружнымъ спокойствіемъ, хотя нѣсколько ослабить толки общества, либо сама не знаетъ важности событія, такъ какъ министры скрываютъ отъ нея истинное положеніе дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ стало слышно о посылкѣ свѣжихъ войскъ за Волгу, къ осажденному Оренбургу.

— Карръ назначенъ!—радовалась нѣмецкая партія:—онъ примѣрный служака, неутомимъ и честенъ; къ нему присоединили Фреймана; зададутъ они этой казацкой сволочи!

— Но отчего же не русскіе?—ворчали патріоты.

— Да гдѣ же ихъ, отцы вы наши, взять?

— Какъ гдѣ? а Суворовъ, Бибиковъ?—возражали русскіе.

— Но первый за Дунаемъ, а второй, будто не знаете, въ опалѣ.

— Какая тутъ, сударь, опала, когда повторяются времена Разина и Дмитрія царевича и всѣмъ грозятъ смертныя бѣды? Увидите, увидите.

Толки о самозванцѣ стали затихать среди дальнѣйшихъ брачныхъ торжествъ, завершившихся пышнымъ придворнымъ маскарадомъ, на три съ половиною тысячи гостей.

Иностранные принцы, родичи цесаревны и ихъ свита разъѣхались въ чужіе края. Императрица съ семействомъ, въ началѣ ноября, возвратилась въ Царское-Село. О событіяхъ подъ Оренбургомъ болѣе не говорили. Жизнь Петербурга, съ началомъ зимы, пошла обычнымъ порядкомъ. Въ частныхъ домахъ, по прежнему, собирались для игры въ бостонъ, макáо и въ вистъ, по десять копѣекъ партія. Въ видѣ отзвука недавнимъ придворнымъ баламъ и маскарадамъ, высшій и средній круги столицы наперерывъ стали также давать балы и маскарады. Молодежь, по утрамъ, гуляла по дворцовой набережной и носилась на рысакахъ по Невской перспективѣ, а вечеромъ толпилась въ итальянскихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ, гдѣ пѣли арфянки, и въ бильярдныхъ модныхъ гостинницахъ, гдѣ игра кончалась шумными попойками. Кромѣ придворной итальянской оперы и русской комедіи, столичное общество посѣщало также представленія заѣзжихъ эквилибристовъ Прòни и Брамбíлла, поражавшихъ всѣхъ невиданнымъ дотолѣ и изумительнымъ балансированіемъ на тугонатянутой проволокѣ, причемъ, одѣтая Коломбиной, красавица Брамбíлла, по словамъ видѣвшихъ ее, такъ быстро вертѣлась на проволокѣ, что совершенно, казалось, исчезала въ воздухѣ.

Близилось, наконецъ, къ рѣшенію и дѣло Кордúной, порученное Дугáнову. Его раза два вызывали въ сенатъ для дачи послѣднихъ разъясненій, о чемъ онъ и поспѣшилъ сообщить въ Москву главнокомандующему. Но встрѣтилась новая затяжка. Сенаторы, какъ предполагалъ Глѣбъ, подъ вліяніемъ небезгрѣшнаго тутъ оберъ-секретаря, потребовали дополнительныхъ справокъ. Послѣднія были затребованы не только изъ Москвы, но, по жительству отвѣтчицы, даже изъ Калуги, и дѣло, сверхъ всякаго ожиданія, опять очутилось подъ сукномъ. Оставшись, въ ожиданіи затребованныхъ справокъ, снова безъ всякихъ занятій, Дугáновъ рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать, и сильно скучалъ. Возвратиться на время въ Москву онъ не рѣшался,—справки могли придти безъ него. Отъ скуки онъ посѣтилъ нѣсколько разъ театръ, заглянулъ и къ эквилибристамъ, но все это мало развлекало его. Зайдя какъ-то съ Галаховымъ въ гостинницу, гдѣ тотъ условился съ кѣмъ-то сыграть на бильярдѣ, Глѣбъ усѣлся въ общей залѣ и около часа пробылъ здѣсь, съ давно-неиспытаннымъ удовольствіемъ слѣдя за

состязаніемъ игроковъ. Самъ браться за кій онъ не рѣшался, боясь увлечься игрой, когда-то чуть не разорившей его. Около двухъ недѣль, послѣ того, онъ не только не посѣщалъ гостиницъ, но даже далеко обходилъ подъѣзды, надъ которыми красовались вывѣски съ изображеніемъ бильярда и шаровъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Дуга́новъ изрѣдка переписывался только съ матерью. Къ брату, послѣ своего разрыва съ женой, онъ не писалъ ни разу, довольный и тѣмъ, что и Алексѣй, вообще большой неохотникъ до корреспонденцій, также не напоминалъ ему о себѣ. „И о чемъ я буду ему писать?—разсуждалъ, желчно усмѣхаясь, Глѣбъ:—что нежданно сталъ рогатъ и что безъ вѣсти пропала моя благовѣрная? есть о чемъ оповѣщать и чѣмъ хвастать!“

Идя однажды по Гороховой, Глѣбъ увидѣлъ Галахова, подъѣхавшаго къ какому-то трактиру.

— Ты сегодня дома обѣдаешь?—спросилъ онъ его.

— Врядъ ли, обѣдай безъ меня,—отвѣтилъ Галаховъ:—тутъ проявился восточный какой-то искусникъ на бильярдѣ, всѣхъ обыгрываетъ на-повалъ... какъ я ни занятъ, хочу посмотрѣть, зайдемъ!

— Нѣтъ, уволь,—я далъ зарокъ никогда болѣе не брать кія въ руки.

— Вздоръ, зайдемъ, погляди только.

Глѣбъ зашелъ съ Галаховымъ и увидѣлъ въ небольшой, наполненной табачнымъ дымомъ комнатѣ нѣсколько игроковъ, напряженно слѣдившихъ за невысокимъ, тощимъ и лысымъ человѣкомъ, въ красной восточной фескѣ, неумѣло въ то время садившимъ въ лузы свой шаръ, вмѣсто шаровъ противниковъ. „Плутъ,—подумалъ о немъ присматривавшійся къ игрѣ Дуга́новъ:—заманиваетъ, поддается! и удивительно, какъ это не замѣчаютъ другіе!“ Онъ кивнулъ многозначительно Галахову:—„берегись, молъ, дѣло не чистое!“—и ушелъ.

Возвратясь домой, онъ нашелъ у себя на столѣ два письма, съ почтовыми клеймами. Онъ прежде всего узналъ руку брата и вскрылъ его письмо. Алексѣй поздравлялъ его съ днемъ рожденія, о которомъ Глѣбъ и забылъ, и вскользь прибавилъ:—„что же до Марѣ, то она и Вася совершенно здоровы, а съ ихъ пріѣздомъ и у насъ все благополучно“. „И ужъ какъ было бы хорошо“ — приписалъ къ концу письма Алексѣй: „еслибы и дорогой нашъ Глѣбушка скорѣе покончилъ свои служебныя коммиссіи и также пожаловалъ бы къ намъ. Какіе у насъ составляются музыкальные вечера! Марья Родіоновна вспомнила свои дѣвическія упражненія на клавикордахъ, Серафимочка свое пѣніе, а при помощи окольныхъ, доморощенныхъ виртуозовъ на віолончели, скрипкѣ и даже на флейтѣ, у насъ происходятъ, говоря не въ шутку, цѣлые концерты превзрядной камерной музыки. Другое

коротенькое письмо было отъ Серафимы. Оно заключалось только въ слѣдующихъ словахъ: „Дорогой братъ! Не все то вѣрно, что кажется. И неужели всякое рѣшеніе безупречно? Ахъ, спросите ваше сердце,— оно вамъ скажетъ: любившее васъ существо не достойно ли васъ и теперь?“

VIII.

„Такъ вотъ гдѣ она!“—сказалъ себѣ Дугановъ, дочитавъ письма и озадаченно потирая лобъ: „пріютилась у нашихъ и, очевидно, не все имъ открыла... Что-жъ, и съ Богомъ! Живи, матушка, хоть и тамъ; ѣзди, куда знаешь и хочешь,—скатертью дорога. Сокровенный же другъ, счастливый соблазнитель, вѣроятно, вскорѣ гдѣ-нибудь устроится по близости, въ Саратовѣ или въ иномъ мѣстѣ, уладятся тайныя свиданія, нежданныя будто бы встрѣчи. Въ городъ легко съѣздить, голубки и увидятся. Меня же ты, сударыня, разумѣется, уже никогда болѣе не увидишь!“ Глѣбъ еще разъ пробѣжалъ письма брата и невѣстки, скомкалъ ихъ, разорвалъ и бросилъ въ печь.

Не обѣдавшій дома Галаховъ возвратился въ тотъ день поздно. Зайдя въ комнату Глѣба, онъ засталъ его сидящимъ, съ ногами, на канапе и спокойно читающимъ у канделябра модный французскій романъ, который онъ ему откуда-то привезъ и чтеніемъ котораго давно уговаривалъ его развлечься.

— А я, дружище, проигрался,—сказалъ Галаховъ, сѣвъ въ кресло возлѣ Глѣба и позѣвывая: — за то этотъ искусникъ въ фескѣ, хоть обобралъ насъ, угостилъ превосходнымъ обѣдомъ, то-есть, собственно, ужиномъ... Какіе вина, ликеры! Только что изъ-за стола.

— Такъ ты-таки отдалъ дань?—спросилъ Глѣбъ, не отрываясь отъ книги.

— Да обыгранъ, но счастливъ! Что за удары, что за ходы, быстрота зрѣнія, а сперва... какъ бы нарочно уступалъ...

Дугановъ на это не отвѣчалъ. Прошло нѣсколько минутъ общаго молчанія.

— И тебѣ не скучно?—спросилъ съ сожалѣніемъ Галаховъ, когда Глѣбъ, дочитавъ страницу, закрылъ книгу:—удивляюсь тебѣ, жить въ одиночествѣ, въ холостой обстановкѣ, когда есть и свой домъ, и милая, достойная подруга жизни, есть, наконецъ, семья... ты извини меня, но такія блага... я давно хотѣлъ тебѣ сказать...

— Слушай, Александръ Павловичъ,—отвѣтилъ Глѣбъ:—и я давно собирался тебѣ объяснить... Иного счастья не желаю, да лучшаго, пожалуй, и нѣтъ на землѣ.

— Какъ? жить въ разлукѣ съ ближними, бобылемъ?

— Да, бобылёмъ.

Галаховъ удивленно взглянулъ на Дуга́нова.

— Ты шутишь, или я тебя не понимаю,—сказалъ онъ.

— Не понимаешь? Изволь, поясню. Я потому несказанно счастливъ, именно здѣсь, въ одиночествѣ, въ этой нашей холостой конурѣ,—сказалъ Глѣбъ, указывая кругомъ по комнатѣ:—что я здѣсь свободенъ, какъ воздухъ, ничѣмъ не связанъ и, главное, ничѣмъ не смущенъ, а еще болѣе потому, что тамъ,—прибавилъ онъ, указывая за дверь, на прочія комнаты квартиры:—живешь только ты и нѣтъ за этою дверью ни тѣни какой-либо, по твоему, очаровательной Клеопатры или Пентефріи Николаевны.

— Что̀ ты этимъ хочешь сказать?—смущенно спросилъ Галаховъ, даже покраснѣвъ при мысли о томъ, какъ могъ его сожитель такъ выразиться о своей женѣ.

— Да, да, милый мой!—продолжалъ Глѣбъ:—ты самъ тронулъ этотъ вопросъ, буду откровененъ до конца. Ты холостъ, никогда не былъ связанъ рабскими цѣпями гименея,—а въ бракѣ, да будетъ тебѣ извѣстно,—непремѣнно одна сторона является злосчастною, искупительною жертвой. Не испытавъ брачныхъ оковъ, ты не можешь вѣрно и судить о семейныхъ событіяхъ, драмахъ, комедіяхъ, а подчасъ и трагедіяхъ. Одиночество... да что̀ можетъ быть выше его? Знать, что никакая въ мірѣ Пентефрія, или тамъ Клеопатра, сейчасъ вотъ, каждую секунду, не появится изъ-за этой вотъ двери,—злобно указывалъ худымъ, длиннымъ пальцемъ Глѣбъ:—что она, эта обольстительница, не зашуршитъ своимъ очаровательнымъ платьемъ, не склонится къ тебѣ лебяжьей шейкой, съ надушенными локонами, и при этомъ не станетъ тебя безпощадно, разными милыми попреками, да экивоками, пилить, пилить и пилить,—да развѣ, милый, это не великое благо на свѣтѣ, не своего рода земной эдемъ?

Проговоривъ это, Глѣбъ всталъ и нервно захохоталъ.

— Именно эдемъ, и тѣмъ болѣе истинно благодатный и вѣчный, что безъ Евы!—сказалъ онъ, прохаживаясь по комнатѣ и продолжая смѣяться:—удивляешься? Не удивляйся—поживешь, увидишь... Эхъ ты, простота! Кстати, у меня вышли сигары, есть у тебя лишняя?

„Онъ рехнулся!“—подумалъ Галаховъ, торопливо вынувъ и подавая Дуга̀нову свертокъ сигаръ.

— А, впрочемъ, не думай, я говорю не о себѣ, а вообще,—продолжалъ, закуривая сигару и какъ бы спохватясь, Глѣбъ:—холостяку все это кажется въ идеалѣ, въ розовомъ свѣтѣ; отъ женатаго ничто не ускользнетъ, нѣтъ, нѣтъ! Повторяю, рѣчь не обо мнѣ. Я счастливъ, да иначе не можетъ и быть. Ты вѣрно выразился,—у меня молодая, умная и, прибавлю, красивая жена. Но представь себѣ такой милый

случай, что въ одно прекрасное утро безмѣрно-блаженный и совершенно-спокойный мужъ вдругъ очнется и во-очію убѣждается, что своимъ счастьемъ онъ пользуется не одинъ, а что оно, съ добраго согласія его жены, раздѣляется еще другимъ, что онъ, этотъ феноменально-довѣрчивый мужъ, такъ сказать, состоитъ въ долѣ, на паяхъ, еще съ такимъ-то! Не о себѣ говорю, а тебѣ надо знать... вотъ и въ этомъ романѣ то же.

Проговоривъ это, Дугановъ замолчалъ и какъ-то осунулся, точно истомясь отъ подъёма непосильной тяжести. Галаховъ тоже молчалъ.

— Да, подолѣе береги свое одиночество,—сказалъ Глѣбъ:—тебѣ оно кажется убійственнымъ, а въ немъ бываютъ свои прелести. Углубляешься въ свою душу, перебираешь... Кстати, что новаго? Я эти дни не видѣлъ никого.

„Не рехнулся, а блажитъ не даромъ!“—подумалъ, глядя на него, Галаховъ:—„надо его какъ-нибудь развлечь!“

— У князя Орлова, подъ Гатчиной, затѣвается большая охота,—сказалъ онъ:—облава на медвѣдей.

— Да, знаю.

— Будешь на ней?

— Получилъ приглашеніе, но врядъ ли поѣду.

— Отчего?

— Будетъ толпа всякаго люда, выпивка, суета; намерзнешься, а толку мало... я не пью, и хотя стрѣляю, но какой же я охотникъ?

— Что касается меня,—сказалъ Галаховъ:—то я бы тоже очень желалъ туда попасть, но отъ князя привезли новую кучу бумагъ, весь столъ заваленъ,—прибавилъ онъ, указывая на свой кабинетъ, дверь въ который онъ обыкновенно держалъ на запорѣ.

— Не спрашиваю тебя, что за дѣла, но скажи, что слышно о самозванцѣ?

— Да что, Оренбургъ, по прежнему, въ осадѣ,—отвѣтилъ Галаховъ:—жители терпятъ голодъ и между ними большая смертность.

— Все это, разумѣется, скоро кончится,—возразилъ Глѣбъ:—туда подходятъ усиленными маршами и, вѣроятно, уже подошли свѣжія войска... Осаду не сегодня, завтра отобьютъ.

— Нѣтъ, Дугановъ, ошибаешься,—отвѣтилъ, подумавъ, Галаховъ:—говорятъ... этотъ, между прочимъ, восточный кудесникъ выпулъ французскую газету и намъ за обѣдомъ прочелъ кое-какія вѣсти... Нашему сермяжному Аттилѣ охотно несутъ присягу не только села и мѣстечки, чуть не цѣлые уѣзды. И онъ ошеломляетъ народъ; безъ сожалѣнія передъ нимъ вѣшаетъ и разстрѣливаетъ помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ. Женъ ихъ мучитъ, обращаетъ въ своихъ стряпухъ то-есть, попросту въ любовницъ.

Глѣбъ измѣнился въ лицѣ. Онъ вспомнилъ, что его жена была теперь на Волгѣ, а шайки самозванца могли проникнуть и туда.

„Что же,—пронеслось въ его головѣ:—не жилось тебѣ, измѣнница-сударушка, въ мирѣ и честномъ согласіи съ мужемъ, испытаешь, можетъ быть, долю и стряпухи самозванца-мужика“.—Злобная вспышка мстительной мысли смѣнилась инымъ раздумьемъ: „Сынъ... Вася!.. что будетъ съ нимъ? Неужели братъ не спохватится и во-время не вывезетъ всѣхъ изъ Горокъ?“

— Твои вѣсти прискорбны,—сказалъ Глѣбъ:—но Богъ не безъ милости, а наше войско таково, что если только ему дадутъ настоящаго вождя, оно разобьетъ и развѣетъ полчища какого-угодно Аттилы.

Однажды въ декабрѣ, незадолго до новаго года, Галаховъ, послѣ новаго крупнаго проигрыша, вовсе прекратившій игру на бильярдѣ, ѣдучи съ Дугановымъ по Гороховой, указалъ ему на трактиръ, гдѣ онъ проигрался.

— А представь,—сказалъ онъ при этомъ:—тотъ восточный магъ, что обобралъ насъ, исчезалъ было куда-то, а теперь, какъ говорятъ, вновь появился въ Петербургѣ и царитъ у Шлейеля.

— Гдѣ это?

— На углу Вознесенскаго и Мѣщанской.

— Да онъ просто шулеръ, если только въ бильярдной игрѣ бываютъ шулера,—сказалъ Глѣбъ.

— Ну?—удивился Галаховъ.

— А ты и не подозрѣвалъ?

— Да, не вѣрится...

— Не плутъ, не картежникъ, такъ, ночной подорожникъ, и всѣ его ухватки—чисто-мошенническія; знаю я ихъ, испыталъ, меня не проведешь.

— Что же полиція? отчего его не вышлютъ?

— А вотъ поди же,—многозначительно замѣтилъ Глѣбъ:—хорошо, что ты сказалъ; увижу оберъ-полиціймейстера и сообщу ему, надо принять мѣры.

И Дугановъ ихъ принялъ. Онъ вечеромъ того же дня взялъ полный кошелекъ золота, зашелъ въ трактиръ Шлейеля, засталъ тамъ человѣка въ фескѣ, съ полчаса послѣдилъ за его игрой и, подойдя къ нему съ кіемъ, небрежно предложилъ ему партію въ три шара. Игроки сразились; ставка была небольшая. Глѣбъ подъ-рядъ выигралъ двѣ партіи. Его противникъ предложилъ увеличить ставку. Глѣбъ проигралъ. И пошло... Его глаза горѣли, руки дрожали. Соперникъ его также, повидимому, горячился. Посторонніе зрители тѣсною толпой окружили бильярдъ. Ставки увеличивались. Глѣбъ опомнился за полночь.

— Не прекратить ли игру?—спросилъ его противникъ (разговоръ между партнерами шелъ по-французски).

Глѣбъ вспыхнулъ. Онъ вспомнилъ, что въ опустѣломъ его кошелькѣ осталось на днѣ только два червонца. Онъ взглянулъ на своего партнера; тотъ, съ невинной улыбкой, щурясь на свой кій, молча намѣливалъ его.

— Да,—отвѣтилъ Глѣбъ, вынувъ часы и глядя на нихъ:—поздно... кончимъ завтра.

Противникъ вѣжливо поклонился ему. Игроки разстались.

— Нѣтъ, онъ не шулеръ,—объявилъ Галахову блѣдный, съ измученнымъ лицомъ, Дугáновъ, возвратясь домой:—это, по-истинѣ, магъ какой-то, истинный кудесникъ! Такого я еще и не видывалъ... Завтра условились снова... о, я отыграюсь, разобью!

— Увы!—улыбнулся на это Галаховъ:—отложи попеченіе; безъ тебя привезли изъ Гатчины повѣстку; завтра у князя сборъ на охоту... приглашенъ и я, отказываться нельзя, надо ѣхать... Утромъ займемся приготовленіями. Я досталъ тебѣ и себѣ отличные штуцера, даже испробовалъ ихъ, бьютъ превосходно... кромѣ того, почистилъ свои и твои пистолеты.

— Ну, ладно, голубчикъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Дугáновъ, все еще въ туманѣ отъ впечатлѣній того вечера:—спасибо за все! теперь давай спать, а свой проигрышъ я наверстаю!

Онъ легъ, погасилъ свѣчу, но сонъ не скоро сошелъ на его усталую голову.

Давно-условленная охота состоялась въ гатчинскихъ, лѣсныхъ дачахъ князя Орлова. Сборнымъ мѣстомъ для охотниковъ былъ назначенъ лѣсной домъ арендатора главной изъ дачъ. Старикъ-арендаторъ, отставной гвардеецъ, былъ записной хлѣбосолъ, любитель компанства и весельчакъ. Онъ когда-то оказалъ услугу бывшему еще въ бѣдности и неизвѣстности князю и съ тѣхъ поръ, состоя при его частныхъ дѣлахъ, былъ однимъ изъ его любимцевъ. Онъ встрѣтилъ съѣзжавшихся съ вечера охотниковъ роскошнымъ ужиномъ и обильною выпивкой. Для гостей, въ лѣсномъ домѣ и въ нѣсколькихъ при немъ флигеляхъ, приготовили отлично-натопленныя комнаты, мягкія постели и отъ главнаго управителя Гатчины вдоволь прислуги.

— Ну, господа,—сказалъ гостямъ, въ концѣ ужина, арендаторъ, строго соблюдавшій правила охоты:—обойдено въ трехъ мѣстахъ пять медвѣдей; надо вставать и выѣзжать на линію до разсвѣта. Князя знаете, онъ и спать не будетъ, и явится, какъ снѣгъ на голову, прямо на мѣсто. А потому, не угодно ли приказать снести къ себѣ недопитыя бутылки и стаканы—и за мною! удостойте по своимъ аппартаментамъ...

— Вѣрно, вѣрно, отецъ командиръ! надо знать егерскіе порядки!— заговорили гости и, поднявшись, веселою гурьбой, въ сопровожденіи слугъ, несшихъ за ними напитки, разошлись, по двое и по трое, въ отведенныя имъ комнаты.

Всѣ раздѣлись и улеглись, но долго еще, попивая англійскій портеръ, бишофъ и другіе напитки, бесѣдовали, передавая другъ другу обычные и, какъ всегда, на половину преувеличенные и даже неправдоподобные разсказы о своихъ и чужихъ охотничьихъ подвигахъ. Дуга́нову съ Галаховымъ ночлегъ былъ отведенъ во флигелѣ, невдали отъ дома арендатора.

IX.

Осмотрѣвъ еще разъ, передъ сномъ, оружіе, пріятели зарядили по одному стволу въ штуцерахъ пулями, а другіе—картечью, обмѣнялись нѣсколькими словами о предстоящей облавѣ и стали раздѣваться. Изъ сосѣдней комнаты, вблизи которой стояла кровать Дуга́нова, сквозь тонкую перегородку слышались оживленные голоса другихъ охотниковъ. Кто-то тамъ, очевидно, смѣшилъ зашедшихъ къ нему соночлежниковъ, покрывавшихъ его слова взрывами дружнаго хохота. Скоро голоса въ этой комнатѣ стали тише; въ ней, какъ надо было полагать, остались, наконецъ, и продолжали разговаривать только двое.

— А этотъ весельчакъ-арендаторъ, нашъ хозяинъ, по-истинѣ предусмотрительный человѣкъ,—сказалъ Галаховъ, улегшись въ постель и завертываясь въ одѣяло.

— Почему?

— Да какъ же, и лѣкаря съ инструментами, на всякій случай, добылъ отъ Тарбѣева; говоритъ, медвѣдь не свой братъ, выскочитъ на иного, всяко случится.

— Отъ какого Тарбѣева?—спросилъ Глѣбъ, тоже уже лежавшій на кровати, задувая свѣчу.

— Здѣшній по сосѣдству помѣщикъ, масонъ, богачъ и замѣчательный чудакъ. У него въ помѣстьѣ школа для мужиковъ, больница и какія-то особыя правила насчетъ барщины.

— Не слышалъ, — отвѣтилъ Дуга́новъ, — онъ тоже будетъ здѣсь на охотѣ?

— О, нѣтъ, онъ въ параличѣ, съ весны собирается куда-то въ теплые края и для того выписалъ этого доктора изъ Москвы, такого же, говорятъ, какъ и самъ онъ, чудака.

Глѣбъ навострилъ уши.

— Ты видѣлъ этого лѣкаря?—спросилъ онъ.

— Не видѣлъ; за нимъ посылали съ утра, но онъ пріѣхалъ въ

концѣ ужина, усталый, — отвѣтилъ Галаховъ:—и прошелъ прямо во флигель спать.

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Нашъ хозяинъ; видя, что мой сосѣдъ по ужину мало ѣстъ, почти ничего не пьетъ и все кашляетъ, онъ подошелъ къ нему, освѣдомился о его здоровьѣ, не простудился ли онъ, и предупредилъ его, что, если бы встрѣтилась надобность, у нихъ и докторъ къ его услугамъ.

„Докторъ-чудакъ и изъ Москвы!“ — не безъ волненія подумалъ Дугáновъ:—„да неужели же такая странная случайность? неужели это Спесивцевъ? быть не можетъ!“—Онъ завернулся съ головой въ одѣяло, закрылъ глаза и старался, не думая о дикой мысли, пришедшей ему на умъ, скорѣе заснуть. Но голоса за стѣнной перегородкой не унимались и, въ виду общей тишины, мало-по-малу наставшей въ комнатахъ флигеля, стали еще слышнѣе. Явственно раздавались два голоса. Глѣбъ не вытерпѣлъ и освободилъ голову изъ-подъ одѣяла.

Одинъ изъ говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ былъ, очевидно, тотъ охотникъ, который за ужиномъ ничего не ѣлъ и не пилъ; онъ и теперь изрѣдка покашливалъ, разсказывая своему соночлежнику о какихъ-то своихъ страданіяхъ. Ему коротко и вразумительно отвѣчалъ другой голосъ, по всей видимости, доктора; за стѣной слышались медицинскіе термины и обстоятельныя порицанія принятаго больнымъ способа лѣченія. И вдругъ Дугáновъ вскочилъ, какъ ужаленный, и присѣлъ на постели. Его охватила дрожь. Зубы его стучали... Онъ вполнѣ разслышалъ и узналъ голосъ Спесивцева: тѣ же пріемы и тѣ же знакомыя поговорки.

— Бросьте вы, батенька, всѣхъ этихъ нашихъ врачей!—сказалъ, между прочимъ, голосъ за перегородкой:—всѣ-то мы, не исключая и меня, никуда не годимся; пейте то, что вамъ совѣтуетъ эта ваша знахарка, Степанидушка, — свѣжій морковный сокъ, по стаканчику утромъ, днемъ побольше теплаго, парного молока, ѣшьте разварную кашу, съ гусинымъ сальцемъ, и запивайте рюмочкой-другой хорошей настойки, да избѣгайте простуды,—словомъ, все, какъ говоритъ ваша Степанидушка. Это вамъ никоимъ образомъ не повредитъ и ужъ во всякомъ случаѣ, какъ другія ваши лѣкарства, не отправитъ васъ на тотъ свѣтъ.

„Онъ, онъ“! — говорилъ себѣ въ волненіи Дугáновъ, отыскивая ногами у кровати сапоги и нáскоро ихъ обувая: „судьба,—странная и загадочная судьба! и ею надо воспользоваться безотлагательно!“—Затаивъ дыханіе, онъ бережно ощупалъ сосѣдній стулъ, нашелъ на немъ свое платье и, не зажигая свѣчи, нáскоро одѣлся. Галаховъ уже спалъ. Съ другого конца комнаты, въ-потьмахъ, доносилось его

мѣрное, тихое дыханіе. Глѣбъ взглянулъ къ сторонѣ выходной двери. Изъ-подъ нея, у порога, виднѣлась слабая полоса свѣта; корридоръ, слѣдовательно, былъ еще освѣщенъ. Дугáновъ помедлилъ. Голоса за перегородкой затихли.—„Заснули тоже,—подумалъ онъ,—ну, да ничего, увидимъ.

Онъ на цыпочкахъ, беззвучно, подошелъ къ двери, тихо отворилъ ее и корридоромъ приблизился къ сосѣдней комнатѣ. Его сердце сильно билось. Онъ минуты двѣ постоялъ у входа въ эту комнату; голоса въ ней дѣйствительно смолкли; тамъ была полная тишина.—„Отворить ли? войти ли?“—колебался Дугáновъ:—„если дверь заперта на замокъ, придется постучать—и кто первый очнется? разумѣется, этотъ больной... объясненія, переговоры, нежелаемый свидѣтель... Но, можетъ быть, у нихъ еще горитъ свѣча, этотъ гусь не спитъ и сразу меня узнаетъ... что я ему скажу?“—Горло Дугáнова сжалось судорогой; онъ едва не раскашлялся:—„Безуміе!—сказалъ онъ себѣ:—„приходъ, объясненіе ночью,—какая чепуха! надо уйти...“.

Въ корридорѣ, также какъ и въ комнатахъ, было сильно тепло; пахло сѣномъ, изъ котораго вечеромъ устраивали постели для гостей. Гдѣ-то мирно позванивалъ сверчокъ. Глѣбъ съ минуту подумалъ. отошелъ въ сторону, сталъ лицомъ къ стѣнѣ, постоялъ такъ минуты двѣ, круто обернулся, подошелъ опять къ двери, которую оставилъ, и тихо тронулъ ея ручку. Дверь оказалась запертой снутри на задвижку. Онъ еще помедлилъ и осторожно стукнулъ въ дверь. За нею никто не отзывался. Онъ еще разъ постучалъ. За дверью было тихо.—„Ну, не судьба“,—подумалъ Глѣбъ:—„время есть, объяснюсь и завтра; а то и впрямь, крадусь, точно воръ!“—Онъ ступилъ шагъ отъ двери. Дверная задвижка щелкнула.

На порогѣ темной комнаты, въ мерцаніи корридорнаго ночника, обрисовалась босая, и въ одномъ бѣльѣ, знакомая фигура. Передъ Дугáновымъ стоялъ Спесивцевъ.

— Это вы? что вамъ?—спросилъ тотъ, въ изумленіи разглядывая Глѣба.

— Да... вы, разумѣется. не ожидали?

Докторъ молчалъ.

— Прошу безъ шума и отказа,—сказалъ Глѣбъ:—время дорого... одѣньтесь, на пару словъ.

Спесивцевъ растерянно смотрѣлъ на него.

— Я только сію минуту узналъ, что мы, то-есть, что вы.—проговорилъ, путаясь, Дугáновъ:—и надѣюсь, вы не откажетесь поэтому объясниться.

Спесивцевъ съ секунду подумалъ, оглянулся въ полураскрытую дверь. скрылся за нею и вскорѣ вновь показался оттуда одѣтый.

Дугáновъ знáкомъ пригласилъ его и провелъ въ глубь корридора, куда свѣтъ ночника едва достигалъ слабою, трепетною полоской.

— Послушайте,—началъ, приближась къ нему, Дугáновъ:—не вамъ удивляться,—мнѣ! Вы исчезли изъ Москвы такъ неожиданно быстро, безъ слѣда.

— Вы слышали ранѣе... я, сколько помню, васъ предупреждалъ...

— Никто, рѣшительно никто не зналъ, куда вы скрылись,—продолжалъ, не слушая возраженій, Дугáновъ:—а между тѣмъ—дѣло такъ просто и ясно...

— Что же вамъ угодно отъ меня?—спросилъ Спесивцевъ.

— Марья Родіоновна, моя жена, одновременно съ вами, тоже скрылась... И если она, какъ я убѣдился, не съ вами еще пока, то, согласитесь, никто не поручится, что послѣ всего, что совершилось, вы оба впослѣдствіи...

— Не понимаю,—перебилъ Спесивцевъ:—какъ все это можетъ относиться ко мнѣ?

— Не понимаете? вамъ не ясно?—торопясь и обрываясь, продолжалъ Дугáновъ:—извольте-съ, поясню. Но зачѣмъ отговорки, зачѣмъ комедію ломать? Вы тогда выразились, что всегда будете къ моимъ услугамъ. Я это помню; а вы, какъ честный человѣкъ, скажите, помните ли это?

— Отлично помню.

— О, такъ извольте,—заговорилъ, еще болѣе торопясь и глядя въ уголъ, Дугáновъ—только никому, слышите ли, ни слова... Утромъ, черезъ нѣсколько часовъ, здѣсь охота. Медвѣди обойдены въ трехъ или четырехъ мѣстахъ. У меня планъ и вы, надѣюсь, поймете меня... Вамъ починъ... Не угодно ли выбрать болѣе отдаленное, поглуше мѣсто и покончить тамъ между нами, прямо и безъ свидѣтелей, разъ навсегда?

Глѣбъ смолкъ. Зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ.

— То-есть, какъ же покончить?—спросилъ, не совсѣмъ понявъ его, Спесивцевъ:—дуэль предполагаете, что ли?

— Именно, дуэль-съ... и одинъ-на-одинъ.

— Но какъ же безъ свидѣтелей?

— О, разумѣется, не изъ-за угла же васъ или меня убить,—лепеталъ, странно улыбаясь, Глѣбъ:—а впрочемъ, если хотите, то, пожалуй, и даже именно почти изъ-за угла, то-есть... ну, изъ-за дерева... изъ-за куста...

Удивленіе Спесивцева возростало. Едва улавливая несвязныя слова Дугáнова, онъ старался въ полусвѣтѣ разсмотрѣть его лицо. Передъ нимъ мелькали только странно-расширенные глаза и блѣдныя губы Глѣба.

— Объясните, прошу васъ, подробнѣе,—сказалъ Спесивцевъ:—вы говорите, безъ свидѣтелей, слѣдовательно, безъ секундантовъ?

— Да-съ, безъ нихъ!—отрѣзалъ, вспыливъ, Глѣбъ:—на что они, въ нашемъ положеніи? лишняя только огласка! Вы же человѣкъ безъ предразсудковъ... Мы съ вами проѣдемъ туда, станемъ, понимаете, не вдали другъ отъ друга, ну, съ краю какой-либо линіи, взведемъ курки,—даже цѣлить заранѣе дозволяется,—если хотите... и, вслѣдъ за криками гонцовъ, съ первымъ чьимъ-либо выстрѣломъ на нашей линіи,—такъ это уже и положимъ, условимся,—пустимъ другъ въ друга пули. Повторяю, съ криками гонцовъ—цѣлиться, а при первомъ выстрѣлѣ въ цѣпи—спускать курки...

— Дуэль на пистолетахъ? — спросилъ, какъ бы просыпаясь отъ тяжелаго сна, Спесивцевъ.

— Разумѣется, не на охотничьихъ же длинныхъ штуцерахъ.

— Но мнѣ дали здѣсь штуцеръ, у меня нѣтъ пистолета.

— Выберите изъ моихъ, я приготовлю,—сказалъ Глѣбъ.

„Онъ рѣшительно съума сошелъ,—мыслилъ Спесивцевъ, глядя на дико-сверкавшіе глаза и блѣдныя, странно-шевелившіяся губы Дуга́нова:—доказать ему его безуміе, неправоту? но развѣ это теперь возможно? Отъ помѣшаннаго, безумнаго—нигдѣ не уйти! да при этомъ его раздраженіе, и все равно,—не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ,—даже здѣсь же въ лѣсу, на этой самой охотѣ, онъ нарвется вдругъ или подкараулитъ и подстрѣлитъ также изъ-за угла. Впрочемъ, и терять-то особенно нечего, хотя тутъ еще роковой вопросъ, жребій,—я или онъ? Чего мнѣ жалѣть въ жизни? жаль вонъ кого—бѣдную, брошенную имъ, превосходную женщину... А она и не подозрѣваетъ, въ эту минуту, что за нее рѣшается судьба двухъ жизней. Если онъ свернется, въ видѣ подстрѣленнаго бекаса, — самъ заслужилъ такую собачью судьбу!.. Ну, а если я?..“

— Вы этого настоятельно требуете?—спросилъ, помолчавъ, Спесивцевъ.

— Безповоротно и окончательно,—сказалъ Глѣбъ:— притомъ, не далѣе сегодняшняго утра... Надѣюсь, все до времени останется въ полномъ секретѣ. Выстрѣлъ окажется потомъ какъ бы случайный... Охотники вѣдь нерѣдко сами въ себя, по неосторожности, пускаютъ зарядъ,—не только въ грудь, но часто и въ животъ... и это бываетъ очень мучительно,—съ злою улыбкой прибавилъ Дуга́новъ:—намъ съ вами, впрочемъ, не такъ ли, все равно...

Сердце Спесивцева било тревогу. Онъ боролся съ собой.

— Извольте, я согласенъ,—отвѣтилъ онъ, наконецъ:—справлюсь о мѣстѣ, сообщу вамъ при отъѣздѣ, мы и встрѣтимся тамъ.

Дуга́новъ и Спесивцевъ, поклонясь другъ другу, разошлись по

своимъ комнатамъ. Возвратясь въ раздумьѣ къ себѣ, Спесивцевъ зажегъ у ночника свѣчу, раскрылъ походную шкатулку, съ инструментами въ суконномъ чехлѣ, досталъ оттуда клочёкъ бумаги и карандашъ, и нѣсколько минутъ съ разстановками что-то писалъ. Кончивъ письмо, онъ сложилъ его, надписалъ надъ нимъ адресъ, снова заперъ шкатулку, положилъ письмо возлѣ себя, на столъ и, задувъ свѣчу, улегся въ постель. Онъ лежалъ, не смыкая глазъ. Тяжелыя мысли носились передъ нимъ. Ему вспоминалось прошлое, годы ученія, путешествіе въ чужихъ краяхъ, молодая женщина, которую онъ когда-то страстно любилъ и которая, лѣчась у него, нежданно скончалась на его рукахъ, возвратъ въ Москву, горькое одиночество и отрадные часы, проведенные въ кругу Дугановыхъ. И вдругъ такой случай, это невозможное подозрѣніе и дикая месть озлобленнаго слѣпою ревностью человѣка. — „О, его не переубѣдить, не разувѣрить! — мыслилъ Спесивцевъ: — такъ тому и быть! значитъ, судьба!“ — Во дворѣ послышались голоса. Фыркали лошади. — „Запрягаютъ, скоро ѣхать!“ — подумалъ Спесивцевъ. Въ окнахъ сосѣднихъ зданій замелькали свѣчи. Корридоръ огласился шагами прислуги, поднимавшей господъ и выносившей вещи. Спесивцевъ разбудилъ своего соночлежника. То былъ морской офицеръ.

— Не откажите, — сказалъ онъ ему: — доставить въ городъ по адресу это письмо.

— Запечатано? — спросилъ тотъ съ просонья.

— Сейчасъ попрошу въ конторѣ сургуча, запечатаю.

— Такъ положите въ карманъ моей шинели; вонъ она на стулѣ...

— Да пора и вамъ, вставайте, всѣ уже одѣты, ѣдутъ! — сказалъ Спесивцевъ, выходя въ корридоръ: — а если хотите знать мое искреннее мнѣніе, то еще лучше, вовсе не вставайте и спите себѣ, не рискуя въ концѣ простудиться.

Соночлежникъ перелегъ на другой бокъ и, съ мыслью: „а и въ самомъ дѣлѣ, чего я поѣду туда на толкотню и морозъ, когда еще такъ рано, а здѣсь такъ уютно и тепло?“ — укрылся получше одѣяломъ и снова заснулъ.

X

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ? — спросилъ припоздавшій съ одѣваніемъ Галаховъ, увидѣвъ уже одѣтаго Дуганова, который, въ высокихъ сапогахъ и въ теплой на енотѣ шинели, укладывалъ свой штуцеръ не на вчерашнія, городскія извощичьи сани, въ которыхъ они пріѣхали, а на крестьянскія дровни, съ намощенной на нихъ соломой.

— Нѣтъ, голубчикъ, поѣзжай съ другими, — отвѣтилъ Глѣбъ: — я приглашенъ тутъ однимъ знакомымъ, на дальнюю цѣпь.

Охотничій поѣздъ двинулся. Скоро ожидался разсвѣтъ, но было еще темно. Вереница саней, скрипя по крѣпкому морозу, двинулась изъ усадьбы, миновала паркъ и понеслась къ ближнему лѣсу. Едва охотники въѣхали въ его просѣку, сзади раздалось звяканье серебристыхъ бубенчиковъ и мимо поѣзда, въ клубахъ снѣга, летѣвшаго изъ-подъ четверки сѣрыхъ жеребцовъ, промчались широкія, крытыя персидскимъ ковромъ пошевни, на которыхъ сидѣлъ, кланяясь обгоняемымъ гостямъ, закутанный въ соболя и въ высокой куньей шапкѣ, съ заломленнымъ бархатнымъ верхомъ, весь опушенный инеемъ, князь Орловъ. — „Останусь живъ,—думалъ Дугановъ, провожая его глазами:— отличный случай,—здѣсь же попрошу его о переводѣ на Дунай...“

Гости и княжескіе стрѣлки устанавливались на назначенныхъ мѣстахъ. Сани сворачивали съ дороги то въ одну, то въ другую просѣку. Между посеребренными деревьями, въ начинавшемся, блѣдномъ разсвѣтѣ, виднѣлись копошившіеся, съ рогатинами и дубинами, гонцы, разставленные съ ночи вокругъ обойденныхъ медвѣжьихъ берлогъ.

— А гдѣ же докторъ?—спросилъ кто-то управляющаго, подъѣхавшаго къ ближайшей линіи стрѣлковъ.

— О, у него на все особыя соображенія; онъ пробрался на самый край, къ лѣсной сторожкѣ.

— Почему?

— Туда, говоритъ, всѣмъ сходиться; въ началѣ всѣ будутъ осторожны, а въ концѣ разгорячатся и онъ тамъ будетъ, по его мнѣнію, полезнѣе.

Цѣпь стрѣлковъ, въ концѣ лѣса, у сторожки, была расположена на песчаномъ взгорьѣ, у непролазной гущины сосенъ, кустарниковъ и березъ, спадавшихъ къ небольшому, круглому озерку. Узкій, чуть виднѣвшійся въ снѣгу, проселокъ шелъ вдоль этого мѣста къ озеру. Дугановъ и Спесивцевъ расположились у лѣваго края послѣдней линіи стрѣлковъ, ставшихъ за деревьями, лицомъ къ озеру, изъ-за котораго ожидался выходъ звѣрей.

Когда охотники заняли мѣста и Дугановъ вправо, за можжевеловымъ кустомъ, разглядѣлъ бѣлую, барашковую шапку и сѣрый, на лисьемъ мѣху, бешметъ Спесивцева, онъ, нѣсколько подумавъ, подошелъ къ нему.

— Выбирайте,—сказалъ онъ, протягивая ему пистолеты.

— Заряжены?—спросилъ Спесивцевъ.

— За кого же вы меня принимаете?—отвѣтилъ, презрительно пожавъ плечами, Дугановъ:—вотъ вамъ и патроны.

Спесивцевъ сталъ заряжать выбранный имъ пистолетъ. Дугáновъ занялся своимъ. Его руки дрожали. Докторъ, повидимому, былъ совершенно спокоенъ. Только его лицо было нѣсколько блѣдно, да глаза отъ безсонницы красноваты.

„Это, наконецъ, вѣдь, чортъ знаетъ, что̀ такое! — думалъ, глядя на Дугáнова, Спесивцевъ:—ну, хоть бы словомъ его образумить, показать ему все безобразіе этого дикаго и безсмысленнаго рѣшенія. Будь свидѣтели, секунданты, какъ у другихъ, я все разъяснилъ бы, остановилъ... А такъ... какое возмутительное безуміе! И ничего не подѣлаешь; все онъ перетолкуетъ въ гнусную сторону, огласитъ, ославитъ трусомъ, подлецомъ“.

Пистолеты были заряжены. Спесивцевъ взвелъ курокъ, насыпалъ на затравку пороха, снова прикрылъ затравку, и въ раздумьѣ поглядывалъ на пистолетъ, какъ бы не зная, что̀ далѣе съ нимъ надо дѣлать.—„Скажу я ему: слушайте!—мыслилъ онъ:—не страхъ смерти, не сожалѣніе о чемъ-либо изъ прожитаго останавливаетъ меня... Но согласитесь, вѣдь это злая нелѣпость и чепуха!.. Мы съ вами не глупые люди, разберите, наконецъ, хладнокровно!“

— А теперь, можете, для практики, и цѣлиться въ дерево, а то и въ меня,—объявилъ Дугáновъ, спокойно уходя на свое мѣсто:—не забывайте главнаго, при первыхъ окрикахъ гонцовъ—наводить пистолеты, а при первомъ выстрѣлѣ въ нашей цѣпи, кто бы ни выстрѣлилъ, спускать курки.

Окраина лѣса, гдѣ за деревьями и кустами размѣстились охотники, болѣе и болѣе свѣтлѣла. Къ Спесивцеву съ линіи, промежъ кустовъ, подошелъ, съ огромною старомодною винтовкой черезъ плечо, высокій и румяный старикъ-помѣщикъ, въ мѣховой куртκѣ и шапкѣ съ наушниками. Въ его рукахъ были дорожная фляга и серебряный стаканчикъ.

— Не хотите ли?—сказалъ онъ, показывая на флягу.

Дугàновъ, поблагодаривъ, отказался. Спесивцевъ съ удовольствіемъ выпилъ.

— Да у васъ тутъ и вполнѣ безопасно,—сказалъ, проходя мимо Глѣба, помѣщикъ:—докторъ подъ рукой... вѣдь вашъ сосѣдъ—докторъ, кажется?

Дугàновъ утвердительно кивнулъ головой.

— И отлично, на всякій случай... изранитъ медвѣдь, помощь и готова.

— Ну, ужъ и изранитъ, почему же,—сказалъ Глѣбъ.

— Медвѣжій ходъ, государи мои, какъ разъ сюда съ озера,—сказалъ, затыкая флягу, старикъ: — въ прошломъ году, на этомъ самомъ мѣстѣ одного гонца медвѣдица свалила и такъ изгрызла, что пока подоспѣли сосѣди-стрѣлки, онъ и душу Богу отказалъ... Береги-

тесь, миленькіе; да цѣльте подъ лопатку, вотъ сюда... а ножи, пистолеты, кромѣ ружей, припасли?

— Ножей нѣтъ, а пистолеты есть, — отвѣтилъ Дуга̀новъ, показывая свой.

Старикъ, переваливаясь, пошелъ на свое мѣсто. Лѣсъ, впереди за озеромъ и вокругъ стрѣлковъ, замолкъ. Гонцы, очевидно, приближались къ мѣсту, съ котораго долженъ былъ начаться общій гонъ. Въ мертвой тишинѣ, вдругъ наставшей кругомъ, слышался только лай собакъ въ какомъ-то дальнемъ посёлкѣ, да осторожное, едва уловимое ухомъ переступаніе, въ кустахъ, зябнувшихъ ногъ сосѣднихъ стрѣлковъ. Съ высокой ели беззвучно сыпался снѣгъ отъ прыгнувшей съ вѣтки на вѣтку бѣлки. Сухой валежникъ предательски хрустѣлъ подъ чьими-то валенками, а сосѣдъ, въ отчаяньѣ присѣвъ, укоризненно махалъ неосторожному руками. Дуга̀новъ покосился на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ. Онъ, поверхъ невысокихъ, можжевеловыхъ кустовъ, явственно разглядѣлъ его плотную фигуру, сѣрый бешметъ и бѣлую барашковую шапку. Опершись о стволъ сосны, докторъ былъ виденъ до пояса. Пистолетъ торчалъ у него изъ-за лацкана бешмета. Штуцеръ онъ держалъ въ рукѣ и, казалось, разсѣянно смотрѣлъ прямо, изъ-за березы, на озеро.

„О чемъ онъ мыслитъ?“ — подумалъ Дуга̀новъ: — „спокойно ли обсуждаетъ, что вотъ, молъ, жалкій, обманутый мужъ предложилъ ему безразсудную, короткую раздѣлку, и презрительно въ душѣ издѣвается надъ нимъ? или спокойно разсуждаетъ о томъ, какъ онъ, обстоятельный и сдержанный человѣкъ, спокойно прицѣлится въ этого бѣднаго мужа, спуститъ, въ условленное мгновеніе, курокъ и влѣпитъ ему пулю прямо въ лобъ?“

Порывъ злобной ненависти и жажды мщенія охватилъ Дуга̀нова. Руки его тряслись, ознобъ пробѣгалъ по спинѣ. Онъ положилъ ружье на землю и взялся за пистолетъ. Вдали какъ бы что-то ахнуло. „Начинается!“ — подумалъ онъ, взглянувъ на Спесивцева. Докторъ не измѣнилъ своего положенія. Звуки росли; гонъ становился явственнѣе. „Да, участь моя рѣшена, — мыслилъ Глѣбъ: — я волнуюсь, а онъ совершенно спокоенъ, обдумалъ, какъ видно, все и ждетъ... Бей же! погаси эту мятущуюся, никому ненужную, жалкую жизнь“.

За озеромъ, въ ближайшей линіи, послышалось нѣсколько выстрѣловъ: пафъ-пафъ въ одной сторонѣ, пафъ въ другой. „Разомъ вышли два звѣря“ — подумалъ Дуга̀новъ. Голоса крича̀нъ раздавались по всему лѣсу. Послышалось постукиваніе дубинъ о деревья, ближе и ближе. Гонцы, огибая послѣднюю изъ обойденныхъ берлогъ, надвигались къ линіи, стоявшей передъ озеромъ. На берегъ выскочило и робкими прыжками пронеслось по льду нѣсколько зайцевъ. Выбѣжала,

остановилась, нюхая воздухъ, и наискось, вдоль цѣпи стрѣлковъ, помчалась, разстилая хвостъ, спугнутая лисица. По нимъ, въ ожиданіи медвѣдя, положено было не стрѣлять. Крики гонцовъ стали раздаваться у окраины озера. „Да гдѣ же берлога?“ — думалъ Дугановъ, глядя изъ-за куста на встрѣчу гонцовъ: — „или звѣрь ушелъ ранѣе?“ Онъ взвелъ курокъ пистолета и оглянулся на то мѣсто, гдѣ стоялъ Спесивцевъ.

Тамъ, за кустомъ, у высокой, суховерхой сосны, онъ увидѣлъ хмурое лицо и пристально-устремленные на него глаза какого-то, точно незнакомаго ему, человѣка. Этотъ человѣкъ, держа въ протянутой рукѣ пистолетъ, цѣлился прямо въ него. За озеромъ, въ это мгновеніе, мелькнуло и выкатилось на ледъ что-то рыжевато-черное и косматое. „Медвѣдь!“ — сообразилъ Дугановъ: „но почему же въ него не стрѣляютъ? А, понимаю! онъ вышелъ между мною и Спесивцевымъ, а намъ не до него“... Отведя глаза отъ косматой фигуры, которая, сбивая снѣгъ съ кустовъ, катилась на мягкихъ лапахъ по льду, Дугановъ подумалъ: „Неужели время настало и мы должны стрѣлять?“ и также навелъ пистолетъ на Спесивцева. „Бумъ! бумъ!“ раздалось, въ это мгновеніе, нѣсколько оглушительныхъ выстрѣловъ по линіи. Одновременно съ ними, послышались два негромкіе, пистолетные выстрѣла...

Отъ опушки лѣса на озеро, пересѣкая полосы бѣловатаго дыма, сбѣгались съ ружьями ближайшіе стрѣлки. Гонцы, справа и слѣва, тащили по льду огромныя медвѣжьи туши.

— Кто убилъ? — слышались голоса.

— Двухъ, на-повалъ... Одного князь, медвѣдицу Семенъ Васильевичъ. Побѣжали, ловятъ медвѣжатъ.

„Боже! что я надѣлалъ! что случилось?“ — подумалъ Глѣбъ, быстро кинувшись съ своего мѣста, сквозь цѣпкіе, колючіе кусты: „неужели Спесивцевъ упалъ, умретъ, и я, я его убійца?“ Онъ ясно впослѣдствіи вспомнилъ, что вслѣдъ за выстрѣлами по линіи, его рука нажала пружину, спустила курокъ, впереди его тоже мгновенно что-то сверкнуло и онъ, услышавъ трескъ вѣтокъ и паденіе чего-то тяжелаго, нѣсколько секундъ не сознавалъ, что именно упало. Онъ приблизился... Передъ нимъ, безъ движенія, лежалъ тотъ, котораго онъ за секунду такъ глубоко ненавидѣлъ. Сердце Глѣба дрогнуло, онъ наклонился къ лежавшему и приподнялъ его за плечи. Глаза Спесивцева были закрыты; блѣдное и спокойное лицо его какъ бы говорило: „Все кончено; чего же еще нужно тебѣ, мой ожесточённый, слѣпой и счастливый, въ своей злобѣ и мести, врагъ?“ Острое, жгучее раскаяніе, презрѣніе къ себѣ и стыдъ за исполненное дѣяніе охватили Глѣба.

Къ раненому сбѣжались другіе стрѣлки. „Бешметъ разстегните, что вы? голову сюда, повыше!“—слышались голоса. „Кто раненъ?“ „Да самъ докторъ“... „Къ князю скорѣе“...

Охотники, столпясь вокругъ князя на озерѣ, разсматривали добычу. Счастливо улыбавшійся Орловъ, отирая вспотѣвшее лицо, въ распахнутой шубѣ и съ шапкой на затылкѣ, стоялъ въ пошевняхъ. Егеря угощали гонцовъ. Толстый и важный дворецкій держалъ передъ княземъ за спину пойманнаго, забавно-рычавшаго медвѣжонка.

— Да, господа,—произнесъ Орловъ:—удача разлюбезная; и второй разъ... на томъ же самомъ мѣстѣ.

Къ князю подбѣжалъ, запыхавшись, безъ шапки, его любимый егерь.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ:—раненъ одинъ изъ охотниковъ... и опасно-съ!

— Зови лѣкаря, скорѣе!

— Да лѣкарь-то и раненъ.

— Какой? тарбѣевскій?

— Онъ самый.

— По неосторожности?

— Должно статься.

— Вотъ они, эти торопыги. Гдѣ?

— Эвоси, въ тѣхъ кустахъ, ваше сіятельство, подъ тою вонъ сосной.

— Пошелъ туда!

XI.

Княжескія сани, окруженныя гурьбой охотниковъ, двинулись по направленію къ указанному мѣсту. Здѣсь между можжевеловыхъ кустовъ, опершись головой о стволъ сосны, лежалъ на снѣгу, поддерживаемый старикомъ-помѣщикомъ, блѣдный, съ закрытыми глазами, Спесивцевъ. Возлѣ него валялся штуцеръ и пистолетъ. Кровь, сквозь разстёгнутый бешметъ, сочилась изъ груди его, окрашивая подъ нимъ притоптанный снѣгъ.

Орловъ всталъ къ нему изъ саней.

— Перевязку, бинтовъ! еще сани сюда!—обратился онъ къ окружающимъ раненаго и разстёгивая свой кафтанъ.

— Простудитесь, ваше сіятельство,—говорилъ дворецкій:—мы, помилуйте, и сами!

Князь сорвалъ съ себя батистовое жабо; другіе подали ему платки. Сдѣлавъ наскоро перевязку раненому, его бережно подняли и уложили въ сани. Онъ медленно открылъ глаза и вздохнулъ. Странный хрипъ слышался изъ его груди.

— Что̀ съ тобою, голубчикъ?—спросилъ его Орловъ, угадывая, что докторъ раненъ въ грудь.

— Пустяки-съ... второпяхъ уронилъ пистолетъ, — чуть слышно проговорилъ Спесивцевъ:—падая, онъ куркомъ, вѣроятно, задѣлъ за кустъ... и выстрѣлилъ... а̀рники надо бы, корпіи...

„О лѣкарствахъ, о корпіи вспомнилъ! — презрительно подумалъ Глѣбъ:—куда дѣлась vis medicatrix naturae?“

— Не безпокойся,—сказалъ раненому Орловъ:—послали въ городъ за твоимъ коллегой.

Сани тихо двинулись. Спесивцевъ махнулъ дворецкому рукой. Тотъ подбѣжалъ и нагнулся къ нему.

— Этотъ господинъ,—прошепталъ черезъ силу раненый, указывая на Дуга̀нова, неподвижно и молча стоявшаго поодаль, среди другихъ стрѣлковъ.

— Позвать ихъ?—спросилъ дворецкій.

— Нѣтъ, зачѣмъ? отдайте ему... пистолетъ... я выпросилъ у него, на всякій случай,—онъ ссудилъ и, какъ видите...

— Все будетъ исполнено,—отвѣтилъ дворецкій, укрывая раненаго полстью:—главное, сударь, будьте спокойны.

— Ничего не жалѣть!—сказалъ дворецкому Орловъ, провожая глазами увозимаго доктора:—дать помѣщеніе и все... непріятная оказія, да, авось, Богъ помилуетъ. А, Дуга̀новъ!—произнесъ князь, увидя Глѣба, среди прочихъ охотниковъ:—у меня къ тебѣ дѣло, садись со мной.

Дуга̀новъ, не помня еще себя отъ всего роковаго, что̀ совершилось передъ нимъ, поклонился и сѣлъ рядомъ съ княземъ.

— Каковъ случай,—замѣтилъ Орловъ:—и надо было, какъ вспомню, все это почти предвидѣть... съ вечера, вчера, мой комнатный мелелянскій пёсъ, ну, вѣришь ли, вылъ, какъ по покойнику!

„И въ этой смерти, если ей быть суждено,—думалъ, замирая, Дуга̀новъ:—я виноватъ!“

— Ты стоялъ въ этой же цѣпи?—спросилъ князь.

— Въ этой,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Далеко отъ него?

— Почти рядомъ, въ десяти, пятнадцати шагахъ.

— Какъ онъ еще не прострѣлилъ тебя самого? Охъ, ужъ эти штафѝрки! его позвали, какъ врача; такъ нѣтъ, не вытерпѣлъ, тоже сталъ съ оружіемъ, покажу, молъ, свою ловкость и храбрость.

Глѣбъ молчалъ. Ему вспоминались глаза Спесивцева и протянутый, въ направленіи къ нему, пистолетъ.

— Кстати, однако,—продолжалъ Орловъ:—медвѣдь медвѣдемъ, а я могу тебя поздравить и съ другой, убитой тоже на повалъ, добычей,—съ медвѣдицей! Государыня вчера подписала резолюцію по дѣлу

той московской барыни. Согласно съ прошеніемъ старухи Кордниной, велѣно всѣ имѣнія, подаренныя ею обидчицѣ-дочери, отписать обратно за дарительницей, а ей самой, за дерзости и обиды, нанесенныя матери, отправиться отсюда, подъ строгій надзоръ и отвѣтъ князя, въ Москву. Дѣлать тебѣ здѣсь болѣе поэтому нечего... Понимаю твое нетерпѣніе. Можешь обрадовать жену... Завтра или послѣ-завтра выдадутъ тебѣ всѣ нужныя бумаги, и поѣзжай, съ Богомъ. Къ князю буду писать самъ; передъ отъѣздомъ, впрочемъ, зайди,—напишу черезъ тебя князю.

— Слушаю, ваше сіятельство, и приношу глубокую благодарность, —отвѣтилъ Глѣбъ:—но могу ли при этомъ побезпокоить васъ еще объ одной милости?

— Говори, слушаю.

„Ну, къ чему я буду проситься на Дунай?—подумалъ Дугáновъ:—дѣло тамъ, того и гляди, скоро кончится; попрошусь лучше на службу лично къ нему“...

— Такъ какъ порученіе князя теперь исполнено и если на то будетъ его согласіе, могу ли утруждать ваше сіятельство о зачисленіи, переводомъ меня, въ штатъ лично служащихъ при вашей особѣ?

Орловъ разсѣянно слушалъ его.

— Хорошо, милый, хорошо!—отвѣтилъ онъ, оглядываясь на сани доктора, которыя показались въ это время изъ лѣсу: — жаль этого лѣкаря; говорятъ, веселый, хорошій человѣкъ, и вдругъ такой случай.

Болѣе Орловъ, до Гатчины, не говорилъ. Онъ думалъ вообще о превратностяхъ судьбы, предвидя роковыя перемѣны и для себя.

Въ Гатчинѣ Дугáновъ отыскалъ Галахова и съ нимъ возвратился въ Петербургъ. За закуской, которую, отъ имени князя, предложилъ охотникамъ гатчинскій управитель, всѣ толковали о печальномъ приключеніи съ докторомъ.

— Пустяки,—сказалъ кто-то:—легкая рана въ плечо.

— Не умѣешь обращаться съ оружіемъ, лучше и не берись за него.

— Да почемъ вы знаете,—возразилъ сидѣвшій тутъ старикъ-помѣщикъ, въ сѣрой курткѣ:—да онъ, можетъ быть, прирожденный охотникъ? какъ выпилъ ромъ! сейчасъ видно... да я съ нимъ, за секунду передъ тѣмъ, говорилъ. Случай, не больше; сорвалось и все... Да-съ, докторъ раненъ, за-то мы вотъ всѣ цѣлехоньки... выпьемъ!

И всѣ выпили.

„И я уцѣлѣлъ, благодаря случайности, не болѣе!“ думалъ, слушая общіе разговоры, Дугáновъ.

На пути въ Петербургъ, Галаховъ замѣтилъ смущеніе Глѣба.

— Что, и тебѣ жаль этого господина?—спросилъ онъ.

— Еще бы, старый знакомый, нежданно встрѣтились.

— Да, вѣдь, у тебя и пистолетъ онъ, кажется, взялъ?

— Стояли рядомъ.

— Толкуютъ, пустое,—сказалъ Галаховъ:—хороши пустяки!

— А что, развѣ?..

— Его осмотрѣлъ другой докторъ; говоритъ, пуля пробила плечо и задѣла легкое... ну, а ты знаешь, чѣмъ это пахнетъ... фьюи!..

— Кто это тебѣ сказалъ?—спросилъ Глѣбъ.

— Управляющій.

— И что же?

— Говоритъ, рана тяжелая и, по всей видимости, безнадежная.

Дугановъ помертвѣлъ.

„И неужели я, именно я желалъ его смерти, вызывалъ и торопилъ его къ ней?“ думалъ Дугановъ, войдя, въ сумерки, въ свою комнату: „но зачѣмъ я молчалъ, какъ трусъ, тамъ въ лѣсу и за завтракомъ? почему не объявилъ всѣмъ, что я ранилъ его?.. Нельзя было иначе! Такъ было рѣшено, дѣло шло о чести женщины... Но возстановлена ли этимъ чья-либо честь? Можетъ ли быть, послѣ этого, близка для меня та, изъ-за которой гибнетъ онъ, дорогой ей человѣкъ, а мнѣ, очевидно, по ненавистной и несчастной для нея случайности, суждено жить? Безумное рѣшеніе, безумный конецъ“...

Черезъ нѣсколько дней, получивъ нужныя бумаги по дѣлу Кордонниной, Дугановъ воспользовался общимъ пріемомъ у князя Орлова и поѣхалъ къ нему въ городскую квартиру—откланяться.

— Что скажешь?—спросилъ князь, увидѣвъ его, среди другихъ посѣтителей.

— Ѣду обратно въ Москву.

— Когда отправляешься?

— Завтра.

— Ну, вотъ что,—сказалъ, подумавъ, князь: — теперь некогда; заѣзжай, по пути, ко мнѣ въ Царское Село,—я туда возвращусь сегодня же; у меня будетъ письмо, съ однимъ документомъ, къ твоему шефу, князю Волконскому,—тотъ документъ въ Царскомъ, и мнѣ нужно, чтобы ты лично передалъ его въ руки князя Михаила Никитича.

Глѣбъ отвѣтилъ, что онъ исполнитъ желаніе князя. Ѣхать въ Царское онъ рѣшилъ также въ тотъ же день, съ вечера, чтобы, переночевавъ тамъ, пораньше явиться къ Орлову. Вещи давно были уложены. Послѣ ранняго обѣда, Глѣбъ послалъ за почтовыми лошадьми, и когда ихъ подали, зашелъ проститься къ своему сожителю. На дворѣ шумѣлъ вѣтеръ, шелъ снѣгъ.

— Ну, до свиданія, Александръ Павловичъ,—сказалъ онъ, входя, въ дорожномъ нарядѣ, въ комнату Галахова.

Послѣдній, по обычаю, сидѣлъ у письменнаго стола, передъ грудою бумагъ, которыя онъ, при входѣ Глѣба, прикрылъ портфелью.

— Какъ? ты уже ѣдешь?—удивился Галаховъ.

— Да, необходимо, мнѣ назначенъ срокъ.

Пріятели дружески обнялись.

— До скораго, надѣюсь, свиданія,—сказалъ Галаховъ:—но зачѣмъ ѣдешь противъ ночи? лучше бы завтра, съ утра... смотри, какая непогода, будетъ метель.

— Нельзя,—отвѣтилъ Глѣбъ:—князъ Григорій Григорьевичъ, отпуская меня сегодня, пожелалъ, чтобы я завтра, по пути, заѣхалъ къ нему въ Царское:—ну, лучше, не правда ли, заранѣе прибыть туда и, тамъ обождавъ, явиться во-время?

— Разумѣется,—отвѣтилъ, какъ бы что-то обдумывая, Галаховъ:—видно, что-нибудь очень нужное, если князь, чуть не при ежедневной отправкѣ фельдъегерей, пользуется оказіей съ тобой.

— А какъ полагаешь, гдѣ мнѣ придется его видѣть тамъ? тебѣ это должно быть извѣстно.

— Въ собственномъ, разумѣется, его флигелѣ,—справа отъ дворца.

— Въ которомъ лучше часу?

— Пораньше явись; встаетъ же онъ въ разное время—то съ разсвѣтомъ, а иногда и въ полдень.

— Хорошо, значитъ, что ѣду наканунѣ... Кстати, однако,—прибавилъ Глѣбъ:—столько времени мы прожили вмѣстѣ и я тебя не спрашивалъ... Скажи, если это не особый секретъ, по части какихъ вообще бумагъ ты работаешь для князя? военныхъ, придворныхъ или политическихъ? Если тайна, не смѣю спрашивать, и ты мнѣ не говори.

— О, пустяки!—отвѣтилъ, улыбнувшись, Галаховъ:—частныя дѣла князя,—ну, больше по его имѣніямъ,—онъ плохой хозяинъ и считать почти не умѣетъ,—кромѣ того, семейная переписка... Ничего, увѣряю тебя, о чемъ бы стоило говорить, ни важнаго, ни любопытнаго.

— Ну, будь же здоровъ, не поминай лихомъ,—сказалъ, протянувъ руку, Дуга́новъ.

— Прощай, Глѣбъ Андреевичъ! не забывай и ты, да хоть изрѣдка пиши о себѣ.

Пріятели простились. Доѣхавъ до Царскаго Села, Глѣбъ переночевалъ тамъ на постояломъ и рано утромъ отправился къ князю Орлову. Дежурный камердинеръ объявилъ ему, что князь, возвратясь изъ Петербурга, вспоминалъ о немъ и приказалъ принять его, но съ вечера игралъ долго во дворцѣ въ карты и еще не вставалъ. Глѣбъ, по совѣту камердинера, пришелъ черезъ часъ. Передъ подъѣздомъ дворца и флигелемъ Орлова стоялъ уже рядъ придворныхъ и городскихъ экипажей.

— Князь только-что ушли во дворецъ и просили васъ явиться туда,—сказалъ камердинеръ Глѣбу.

— Куда же это? какъ пройти?—спросилъ Глѣбъ.

Камердинеръ указалъ парадное крыльцо.

— Идите, сударь, прямо,—сказалъ онъ:—доложитесь тамъ,—князь, молъ, лично приказалъ.

XII.

Дугановъ вошелъ въ обширныя теплыя сѣни, наполненныя ливрейными слугами, дневальными и вѣстовыми. Придворный скороходъ, въ золотой шапкѣ, съ страусовыми перьями, провелъ его черезъ небольшую пріемную залу, гдѣ сидѣло нѣсколько лицъ, представлявшихся въ тотъ день государынѣ, и длиннымъ, полуосвѣщеннымъ корридоромъ нижняго яруса, потомъ рядомъ небольшихъ, внутреннихъ комнатъ, достигъ правой стороны дворца, окнами выходившей въ садъ. Дугановъ очутился въ угольной комнатѣ, съ китайскимъ бильярдомъ, зеркаломъ между оконъ и диванами вдоль стѣнъ. Предложивъ ему сѣсть, скороходъ сказалъ: „Здѣсь приказано подождать“—и ушелъ.—„Государынинъ бильярдъ!“—подумалъ Глѣбъ, съ благоговѣніемъ осматривая комнату: „она развлекается здѣсь, въ минуты отдыха, для моціона“.—Стѣны комнаты были увѣшаны картинами, изображавшими сцены морскихъ и сухопутныхъ сраженій. На одной изъ нихъ масляными красками былъ нарисованъ бой подъ Полтавой, на другой—взятіе Нарвы. Прочія изображали походы и битвы крестоносцевъ. Дугановъ сталъ разсматривать ихъ. Кругомъ было тихо. Только отъ движенія экипажей, подъѣзжающихъ ко дворцу, изрѣдка слышалось позвякиванье стеклянныхъ призмочекъ, висѣвшихъ подъ потолочною, бронзовою люстрой.—„Гдѣ же теперь князь?—раздумывалъ Глѣбъ:—въ пріемной большею частью не важныя лица, а у подъѣзда столько придворныхъ экипажей. Не совѣтъ ли какой-либо собрался у государыни? и скоро ли освободится князь?“—Прошло полчаса, часъ и болѣе. На дворѣ вдругъ стемнѣло. Нашла туча, ворохами повалилъ снѣгъ. Съ вершинъ деревьевъ поднялась и стала кружиться, въ снѣжной пеленѣ, туча воронъ и галокъ. Глѣбу вспомнились пернатыя полчища надъ садомъ въ Ракитномъ. Онъ перенесся мыслію къ матери.—„Здорова ли она,—думалось ему:—знаетъ ли о моемъ разрывѣ и разлукѣ съ женой? Надо бы провѣдать ее,—едва сдамъ дѣло главнокомандующему, отпрошусь въ отпускъ, навѣщу ее“. Еще прошло нѣсколько минутъ. За дверью, противоположною той, въ которую вошелъ Дугановъ, послышались неспѣшные, тяжелые шаги. Дверь отворилась, на порогѣ показался князь

Григорій Григорьевичъ. Лицо Орлова было возбуждено. Пятна румянца проступали на гладко-выбритыхъ щекахъ. Глаза были отуманены.

— А, ты здѣсь?—сказалъ онъ разсѣянно, мелькомъ взглянувъ въ зеркало и оправляя на себѣ кружевное жабо́ и манжеты:—очень радъ; иди за мной. Вотъ тебѣ письмо къ князю Михаилу Никитичу,—сказалъ онъ, подавая Глѣбу пакетъ:—но это не все... Государыня, узнавъ, что я пишу съ тобой къ князю, также пожелала лично, черезъ твое посредство, послать письмо къ князю и отъ себя...

Орловъ повернулся и пошелъ обратно. Дуга́новъ, замирая, молча послѣдовалъ за нимъ. Они миновали нѣсколько пустыхъ комнатъ. Одна изъ нихъ показалась Глѣбу уборною, другая была, очевидно, библіотекой, третья—нѣчто въ родѣ оранжереи, съ цвѣтущими растеніями на окнахъ и вдоль стѣнъ.

— Я за тебя, сударь, поручился,—строго сказалъ, идя далѣе и не оборачиваясь, Орловъ:—аттестовалъ, помни, тебя какъ скромнаго и усерднаго человѣка, способнаго соблюсти монаршее порученіе.

— Не знаю, ваше сіятельство, чѣмъ я удостоился и могу ли въ жизни хоть чѣмъ-либо заслужить столь великую милость?—отвѣтилъ, кланяясь, Дуга́новъ.

— Не я, впрочемъ, тебя указалъ, сама государыня услышала о тебѣ и рѣшила.

„Теперь уже князь не откажетъ взять меня къ себѣ,—подумалъ, слѣдуя за Орловымъ, Дуга́новъ:—исполнивъ порученіе, напишу ему изъ Москвы“.

Шаги Орлова вдругъ затихли, точно куда-то исчезли, хотя онъ продолжалъ идти впередъ. Глѣбъ подъ ногами почувствовалъ нѣжный и мягкій, какъ пухъ, коверъ. Въ комнатѣ, куда они вошли, окна, въ виду наступившей, передъ тѣмъ, отъ падавшаго снѣга темноты, были закрыты гардинами и комнату освѣщали восковыя розовыя свѣчи, въ красивыхъ фарфоровыхъ кенкѐтахъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Слѣва, у двери въ слѣдующія комнаты, стоялъ высокій, съ коричнево-бронзовымъ лицомъ и такими же руками, арабъ, въ ярко-пунцовой курткѣ, расшитой золотыми шнурками, въ зеленыхъ шараварахъ, желтыхъ туфляхъ и въ бѣлой, огромной чалмѣ.

— Побудь здѣсь, тебя позовутъ,—произнесъ Орловъ, указавъ Дуга́нову мягкую шелковую кушетку, у двери, возлѣ которой стоялъ стражъ.

Арабъ, склонясь, отворилъ дверь. Орловъ скрылся за нею.—„Такъ вотъ что̀,—съ невольнымъ трепетомъ подумалъ, усѣвшись, Глѣбъ:—сама государыня удостоиваетъ меня высокой чести доставить ея строки главнокомандующему. Но вѣдь это, дѣйствительно, простая случайность; она узнала, что ѣдетъ нарочный, и пожелала воспользоваться оказіей. Гдѣ въ эту минуту государыня? неужели невдали, даже, быть можетъ,

прямо за этою стѣною? И что здѣсь рядомъ за комната? пріемная для немногихъ, ближайшихъ къ государынѣ особъ, или собственный ея рабочій кабинетъ? Вотъ взглянуть бы, если тамъ нѣтъ никого... Каково убранство этой комнаты? Увидѣть бы ея кресло, рабочій столъ, за которымъ она рѣшаетъ дѣла великой имперіи".

Изъ-за двери, между тѣмъ, Глѣбъ разслышалъ звуки голоса. По сосѣдству кто-то, казалось, говорилъ или что-то читалъ, смолкалъ и снова говорилъ. Кто говорилъ и о чемъ? докладчикъ ли излагалъ какое-либо сообщеніе, или изволила говорить сама императрица? — „Вотъ пріотворить бы дверь, посмотрѣть бы въ нее, хоть секунду, послушать бы!" — пришло на мысль Дугáнову: — „нельзя! это губатое чудовище тутъ на-сторожѣ!" — Арабъ, между тѣмъ, прислонясь плечомъ къ притолку двери, стоялъ какъ вкопанный, не шелохнувшись и такъ спокойно, точно дремалъ. — „Неужели и впрямь дремлетъ?" — досадливо мыслилъ Глѣбъ. Онъ обернулся къ нему. Черные, круглые глаза араба, съ желтыми бѣлками, пристально глядѣли на него. — „Попросить его?" — подумалъ Глѣбъ: — „а какъ откажетъ, да еще передастъ князю дерзкую мою просьбу?"

За дверью послышался серебристый звонокъ крохотнаго колокольчика. Арабъ встрепенулся, беззвучно шагнулъ за дверь и, вновь появясь обратно, съ бумагами, направился съ ними въ другую дверь. Дрожь охватила Дугáнова... Голоса за дверью, изъ которой арабъ вынесъ бумаги, стали вдругъ до того явственны, что Глѣбъ слышалъ чуть не каждое слово говорившихъ тамъ. Арабъ, уходя съ бумагами, очевидно, неплотно притворилъ дверную половинку. Глѣбъ тихо всталъ, подошелъ на цыпочкахъ къ двери и взглянулъ сквозь ея щель. Его сердце сильно забилось.

Онъ увидѣлъ круглый широкій столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. На столѣ стоялъ канделябръ съ зажжёнными свѣчами. За столомъ, лицомъ къ двери, сидѣла императрица, въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ жемчугомъ въ напудренныхъ волосахъ. Справа, возлѣ нея, помѣщался канцлеръ графъ Никита Ивановичъ Панинъ; слѣва — генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій; далѣе, въ полуоборотъ къ двери, сидѣли, — съ одной стороны князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, съ другой — Григорій Александровичъ Потемкинъ и — уже спиной къ двери — бывшій гетманъ, графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій и фельдмаршалъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ. Дугáновъ узналъ не только старыхъ, всему Петербургу извѣстныхъ, давнихъ пособниковъ Екатерины, но и новое, восходившее надъ придворнымъ міромъ, яркое свѣтило, — Потемкина, котораго онъ не разъ видѣлъ, въ проѣзды послѣдняго черезъ Москву. — „Тайный совѣтъ ея величества! экстренное собраніе!" — пронеслось молніей въ мысляхъ

Глѣба: „и я его вижу, услышу, можетъ быть!“—Онъ оглянулся, прислушался, не возвращается ли усланный стражъ, и, съ восхищеніемъ и ужасомъ за свою рѣшимость, припалъ глазомъ къ двери. Онъ слушалъ, мысленно повторяя: „Боже мой, Господи! и я дѣйствительно это вижу и слышу!“ Черезъ минуту онъ опомнился.—„Но зачѣмъ я, безумный, такъ рискую?“—подумалъ онъ:—„арабъ можетъ каждую секунду возвратиться, застать меня здѣсь... вѣдь будетъ слышно и такъ!“—Онъ, въ неодолимомъ волненіи, опустился на ту же кушетку, у двери. И точно, каждое слово говорившихъ въ сосѣдней комнатѣ явственно, по прежнему, долетало до него изъ-за порога.

— Такъ вы, господа, не одобряете? — слышался, съ замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, голосъ Екатерины: — не совѣтуете, чтобы я, какъ мнѣ хотѣлось, сама ѣхала для спасенія государства въ Москву и лично стала бы во главѣ войскъ, посылаемыхъ для истребленія злодѣя Пугачова? Что скажете, но откровенно, вы, графъ Никита Ивановичъ? не слѣдуетъ, по-вашему, нехорошо?

— Не только нехорошо, но, въ разсужденіи достоинства и цѣлости имперіи, даже бѣдственно,—отвѣтилъ негромкій и вмѣстѣ твердый голосъ Панина: — эта поѣздка, увеличивъ небольшую еще въ общемъ опасность, только ободритъ и умножитъ мятежную чернь. А! скажутъ, вотъ какъ, сама государыня бросила столицу и сына и уѣхала къ войску, значитъ совсѣмъ неладно... она и въ Турцію къ Румянцеву, противъ самого султана, лично не выступала, а тутъ—противъ мужика... значитъ, и впрямь онъ вовсе не мужикъ!

Екатерина помолчала. Молчали и остальные.

— Согласна, уступаю, такъ и запишите, господинъ секретарь,—сказала Екатерина, обращаясь къ какому-то, кого Дуга́новъ не разглядѣлъ въ дверь, за секретарскимъ столомъ:—назначимъ, когда понадобится, изберемъ для того иное, съ полною силою и властью, лицо. А теперь объ иномъ, не менѣе важномъ... Вы слышали,—продолжала императрица:—князь Григорій Григорьевичъ считаетъ, что нынѣшній за Волгой, обширный и безпримѣрный, по дерзости и жестокостямъ, бунтъ черни главнѣйше выросъ и усилился, вслѣдствіе многихъ бѣдствій крѣпостнаго народа, угнетаемаго помѣщиками, монастырями и казной, и предложилъ мнѣ частно, а здѣсь при васъ и вторично—отмѣну крѣпостнаго состоянія... Что скажете на это?

— Мѣра гибельная и бѣдственная,—произнесъ, подумавъ, генералъ-прокуроръ Вяземскій:—къ смутѣ одной губерніи прибавятся смуты въ остальныхъ, сказать проще—бунтъ цѣлой имперіи.

— Лучше умножить число войска за Волгой,—сказалъ фельдмаршалъ Чернышовъ:—послать въ распоряженіе князя Волконскаго еще нѣсколько полковъ пѣхоты, пушекъ и кавалерію.

— Именно, прежде надо истребить мятежъ, и тогда уже подносить монархинѣ прожекты новыхъ законовъ, — отозвался бывшій гетманъ, графъ Разумовскій: — не въ бурю и не въ хозяйскую страду перестраиваются дома и хижины, а въ пору отдыха и полной тишины.

— Матушка, мудрая монархиня!—не вытерпѣвъ, вскрикнулъ князь Орловъ:—не слушай ихъ, слушай своего сердца! Въ чемъ колебанія? Скажи одно слово — и цѣпи народнаго рабства рухнутъ, распадутся! Всѣ мы, владѣльцы крѣпостныхъ душъ,—и я, каюсь, не послѣдній изъ ихъ числа,—грѣшны и виновны передъ тобой и закономъ за подданныхъ своихъ. Не мы ли проигрывали дарованныхъ намъ тобою и твоими предками крѣпостныхъ людей въ карты, мѣняли ихъ на рѣзвыхъ скакуновъ и роскошныя мебели? Не мы ли, стыжусь повторить, закладывали ихъ, какъ движимость, продавали, разлучая семьи, на переводъ,—въ дальнія окраины и въ зачетъ рекрутовъ? Скажи слово—и все высшее, все знатное, среднее и мелкое дворянство, какъ истые патріоты, ударятъ тебѣ челомъ, многомилостивая, своими вотчинами, селами и хуторами... Бери ихъ, для спасенія и замиренія отечества, обратно! Объявляй неотлагательно общую вольность нашихъ и твоихъ собственныхъ, казенныхъ рабовъ; церковь, съ монастырями, послѣдуетъ за тобой! Не будетъ у стѣсненнаго народа причины къ мятежамъ, бунтъ за Волгой утихнетъ, и сами крамольники приведутъ и выдадутъ тебѣ головой своего вождя, на твое рѣшеніе и правый судъ.

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова Орлова. Всѣ ждали, чѣмъ выразится мнѣніе самой государыни, относительно небывалаго, по смѣлости, даже дерзости, предложенія, которымъ, какъ думали нѣкоторые, терявшій свое значеніе фаворитъ, очевидно, стремился съ этой стороны возстановить свое значеніе и силу.—„Тебѣ легко вольнодумствовать, на чужой счетъ!“—мыслили противники Орлова:—„ты, выскочка, давно ли снисканъ помѣстьями и всякими благами, безъ числа? У тебя возьмутъ, наверстаешь втрое... а мы, наслѣдственные, исконные дворяне,—намъ не до твоихъ акробатскихъ, головоломныхъ фокусовъ и скачковъ!“

Видя смущеніе, вызванное въ главныхъ членахъ совѣта словами Орлова, Екатерина молча вынула изъ кармана крохотную табакерку, раскрыла ее и поднесла къ носу, глядя на Потемкина, съ хмурымъ лицомъ нагнувшагося и недовольно сопѣвшаго надъ листомъ бѣлой, чистой бумаги, лежавшей передъ нимъ на столѣ.

— Смѣло и дѣльно, какъ всегда, выразились вы, князь Григорій Григорьевичъ,—сказалъ Потемкинъ, слегка склонясь въ сторону Орлова и продолжая смотрѣть на листъ бумаги:—кто возразитъ противъ святой истины, что рабство недостойно нашего вѣка и славы свободолюбивой и великодушной нашей монархини? Нѣтъ спора, всѣ мы сочувствуемъ вамъ... не правда ли?—обратился Потемкинъ къ прочимъ членамъ совѣта.

Всѣ, нѣсколько смущенно, молча поклонились ему.

— Но кто поручится,—продолжалъ Потемкинъ:—что ваше добро не станетъ худшимъ зломъ для того же народа?

— Какъ это? почему?—опять не вытерпѣвъ, съ горячностью возразилъ Орловъ.

— А такъ, батюшка, ваше сіятельство, очень просто!—отвѣтилъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ Потемкинъ:—неразвитая, слѣпая и дикая чернь,—разнуздайте вы только ее, дайте ей вольную волюшку, и вы увидите,—она броситъ неблагодарный и тяжкій трудъ земледѣльца и бурнымъ потокомъ хлынетъ изъ селъ въ города. Что вы сдѣлаете въ то время? Кто будетъ воздѣлывать хлѣбныя нивы, платить оброки, давать рекрутовъ? Деревни опустѣютъ, поля заростутъ сорными травами и лѣсомъ. Что скажетъ отечество, когда ему станетъ грозить голодъ, а преступленія всякаго рода, кражи, грабежи, насилія и убійства обратятъ великую имперію въ страну прокéзскихъ дикарей, чуть не людоѣдовъ? Кѣмъ вы станете укрощать буйства и мятежи? Войска нечѣмъ будетъ комплектовать, — вольные люди не дадутся, чтобъ ими брили лобъ... Не на манеръ ли Англіи станете вербовать охотниковъ на базарахъ и площадяхъ? О прочихъ, въ столь важномъ дѣлѣ, потеряхъ государства и частныхъ лицъ не говорю,—онѣ всякому извѣстны...

XIII.

„Ай да мастеръ!“ — думали, слушая Потемкина, старѣйшіе изъ членовъ совѣта: — „такъ говорить и мыслить подъ-стать хоть бы и многоопытному дѣльцу, убѣленному сѣдиной. Угадалъ, забилъ вольнодумца! далеко пойдетъ!“

— Не спорю о потеряхъ, не спорю!—вскрикнулъ Орловъ:—всѣ мы, отъ богачей до бѣдныхъ, сильно потерпимъ отъ предлагаемой мною мѣры, даже, быть можетъ, разоримся въ конецъ. Но надо, государи мои, думать не о насъ лично, а объ отечествѣ и о славѣ великой монархини, которой мы обязаны служить до послѣдней капли крови. Не она ли, первая въ государствѣ, внявъ голосу и нуждамъ народа, еще недавно созывала, на вѣчную память о себѣ, коммиссію для начертанія проекта новаго уложенія? и не тамъ ли, не въ этой ли коммиссіи, впервые передъ всѣми, раздались заглушенные, впрочемъ, недальновидными слѣпцами, голоса, что назрѣло время подумать, коли не о полной отмѣнѣ, то хотя бы о сокращеніи унизительнаго рабства? Говорите противъ меня, возражайте; я остаюсь при своемъ: ранѣе подумали бы о моей мысли, не было бы ни бунта за Волгой, ни Пугачова...

— Не было бы! не случилось бы! вотъ какъ!—произнесъ, глядя на

Орлова, Потемкинъ:—все это, извините, ваше сіятельство, такія же загадки, какъ и этотъ чистый листъ бумаги... написать на немъ можно все, что̀ угодно, какъ легко составить и издать всякій законъ... Да что̀ вычитаетъ изъ этого писанія народъ? готовъ ли онъ ко всякой, хотя бы и мудрой, мѣрѣ? Вотъ вы тоже упомянули о коммиссіи... но знаете ли...

— Позвольте,—возразила императрица, видя растерянность и затрудненіе остальныхъ членовъ совѣта, молча слушавшихъ препирательства соперниковъ-фаворитовъ:—лучше намъ о коммиссіи здѣсь не упоминать... Вы, князь Александръ Алексѣевичъ, знаете,—обратилась Екатерина къ генералъ-прокурору Вяземскому, бывшему предсѣдателю той коммиссіи:—каковы, по-истинѣ сказать, плоды упомянутаго здѣсь собранія? Всѣмъ извѣстно, депутатъ столь важнаго учрежденія, яицкій сотникъ, Падуровъ, не только не останавливалъ и не вразумлялъ бунтовщиковъ, а самъ изъ первыхъ передался самозванцу и нынѣ, по слухамъ, командуетъ у него цѣлымъ полкомъ! Это ли не утѣшительный даръ нашего перваго опыта съ русскими парламентами?

Екатерина, опять поднеся къ носу табакерку, помолчала.

— Благодарю васъ, князь Григорій Григорьевичъ, и васъ, Григорій Александровичъ,—сказала она, обращаясь къ Орлову и Потемкину:—благодарю и всѣхъ васъ,—взглянула она на остальныхъ:—никогда я не сомнѣвалась въ вашихъ чувствахъ и въ вашей преданности отечеству и мнѣ, — но съ столь важнымъ дѣломъ, какъ предложеніе князя Григорія Григорьевича, надо, какъ я полагаю и какъ убѣждена, повременить.

— Но этотъ шагъ прославитъ и вознесетъ ваше величество на неизмѣримую высоту! — воскликнулъ князь Орловъ:—всѣ препятствія геній вашъ преодолѣетъ, какъ всегда, и затмитъ...

— Александръ Македонскій,—отвѣтила съ улыбкой Екатерина:—укорялъ память своего отца, Филиппа, говоря, что его родитель такъ много прославился и столько совершилъ великаго, что почти ничего не оставилъ для своего наслѣдника. Не все же дѣлать современникамъ, надо кое-что оставить на долю и своимъ преемникамъ, потомкамъ!

— Сама истина глаголетъ вашими устами!—произнесъ, склоняясь, князь Вяземскій.

— Немало чести подготовить славныя дѣла и для потомства! — прибавилъ канцлеръ Панинъ.

— Что же, повторяю, до выбора главнаго полномочнаго лица, по укрощенію бунта за Волгой,—сказала Екатерина:—то я, забывъ личное неудовольствіе, изберу и назначу достойнѣйшаго, и князю Волконскому я на этотъ предметъ напишу инструкціи...

Далѣе Дугаповъ ничего не слышалъ. Мимо его, въ это мгновеніе,

незамѣтно скользнулъ по ковру и опять сталъ у порога возвратившійся арабъ. Замѣтивъ, что дверь въ совѣтскую комнату пріотворена, онъ плотно закрылъ ее и, по прежнему, неподвижно замеръ у ея притолка. Голоса за порогомъ разомъ стихли. Такъ прошло еще нѣсколько минутъ. Дугановъ, пораженный тѣмъ, что дошло до его слуха, сидѣлъ, не помня, гдѣ онъ и что съ нимъ. Въ совѣтской комнатѣ снова раздался звукъ колокольчика. Арабъ вошелъ туда.

— Пожалуйте, васъ просятъ,—сказалъ онъ, возвратясь, Дугánову.

Глѣбъ вступилъ въ совѣтскую комнату, сдѣлалъ шагъ отъ порога и, вытянувшись, сталъ неподвижно. Прямо передъ нимъ была государыня. Справа за нею, близъ окна, у особаго столика, сидѣлъ тотъ, кого именовили секретаремъ и лицо котораго теперь ясно было ему видно. Глѣбъ взглянулъ на него и не вѣрилъ своимъ глазамъ. У столика, передъ зажженной свѣчой, сидѣлъ его недавній сожитель, Галаховъ, съ которымъ онъ простился только вчера.—„Такъ вотъ твои тайныя занятія у князя Орлова!“—подумалъ Глѣбъ, въ волненіи ожидая, кто и что ему скажутъ теперь.

— Адъютантъ московскаго главнокомандующаго?—спросила Екатерина.

— Поручикъ Дугановъ, ваше величество,—отвѣтилъ Орловъ.

— Подойдите, господинъ поручикъ, и станьте ближе! — сказала императрица.

Глѣбъ мѣрнымъ, форменнымъ шагомъ обошелъ столъ и приблизился къ креслу государыни.

— Вотъ письмо, господинъ Дугановъ, — произнесла Екатерина, протягивая ему запечатанный пакетъ:—отдайте его лично князю Михаилу Никитичу. Кланяйтесь ему и скажите, что я съ особымъ удовольствіемъ рѣшила дѣло его родственницы. Вамъ, кажется, княземъ спеціально было поручено это дѣло?

— Точно такъ, ваше величество,—отвѣтилъ Глѣбъ.

— Очень рада, — князю будетъ пріятно ваше усердіе... счастливаго пути!—сказала Екатерина, ласковою улыбкой и чуть замѣтнымъ склономъ головы показывая Глѣбу, что онъ можетъ удалиться.

Всѣ глаза были, какъ чувствовалъ Глѣбъ, обращены на него, когда онъ, повернувшись налѣво кругомъ, направился тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ къ двери и скрылся за нею. Спрятавъ на грудь, подъ кафтанъ, пакетъ императрицы, онъ въ сопровожденіи араба, не слыша подъ собою ногъ, прошелъ тѣмъ же рядомъ внутреннихъ комнатъ до парадныхъ сѣней, одѣлся и вышелъ на крыльцо. Снѣгъ прекратился. Солнце ярко и весело свѣтило, красиво золотя розовымъ отблескомъ крыши дворцовыхъ зданій и опушенныя серебристымъ инеемъ вершины садовыхъ деревьевъ. Дугановъ ничего этого не видѣлъ, не любовался

ничѣмъ. Отъ его глазъ не отходила чудная улыбка, а въ ушахъ раздавался нѣжный и ласковый голосъ императрицы. Не помня себя, на верху блаженства, онъ поспѣшилъ на постоялый, приказалъ подавать обѣдъ и послалъ за почтовыми лошадьми.

„А Спесивцевъ? что съ нимъ?“ — вдругъ пришло ему на мысль, когда онъ, наскоро закусивъ, узналъ, что лошади поданы уже. „Въ Гатчину! надо видѣть его, навѣстить! это, кстати, почти и по дорогѣ!“—сказалъ онъ себѣ и, выѣхавъ изъ Царскаго, приказалъ ямщику свернуть въ Гатчину.

Доѣхавъ туда, онъ отыскалъ врача, лѣчившаго Спесивцева, и узналъ отъ него, что раненый, заботами князя, помѣщенъ въ сосѣднемъ домѣ.

— Вонъ, черезъ улицу,—указалъ врачъ въ окно:—красная крыша и зеленыя ставни.

— Могу ли я его видѣть?—спросилъ Глѣбъ:—хотя на минуту; мы старые знакомые, и я ѣду надолго, далеко.

— Больной въ безпамятствѣ, бредитъ,—сказалъ врачъ:—все равно, не узнаетъ васъ, да и опасно тревожить его.

Глѣбъ помолчалъ.

— Есть надежда на спасеніе?—спросилъ онъ.

Докторъ поднялъ надъ головою палецъ.

— Тамъ на небѣ все, разумѣется, возможно,—сказалъ онъ:—а здѣсь,—докторъ опустилъ палецъ къ полу:—здѣсь могу сказать одно, рана такого рода, что вашъ знакомый, или даже можетъ быть пріятель, врядъ ли дотянетъ до весны.

Дугáновъ постоялъ еще съ минуту передъ докторомъ, молча пожалъ ему руку, поклонился и уѣхалъ, въ смущеніи поглядывая на невысокій деревянный домишко, съ красною крышей и зелеными ставнями, гдѣ лежалъ, бредя, вѣроятно, о чемъ-либо счастливомъ и свѣтломъ изъ прожитаго, приговоренный къ печальному исходу Спесивцевъ.

„Да, судьба!—мыслилъ Глѣбъ, выѣхавъ изъ Гатчины на московскій почтовый трактъ:—но вѣдь такая же точно судьба могла постигнуть и меня!“ И, невольно радуясь, что онъ во всякомъ случаѣ былъ цѣлъ и невредимъ, что его грудь, сердце и все его крѣпкое, пышащее жизнью тѣло было здорово, Глѣбъ плотнѣе усѣлся въ кибиткѣ, съ головой укутался въ теплую шубу и, изможенный суетой и тревогами послѣднихъ тяжелыхъ дней, крѣпко заснулъ. Почтовая тройка понеслась.

На третьи сутки безостановочной ѣзды, Дугáновъ благополучно возвратился въ Москву.

Довольный успѣшнымъ окончаніемъ дѣла, главнокомандующій отъ души благодарилъ Глѣба и, давъ ему отдохнуть нѣкоторое время, сказалъ, что приготовилъ для него другое важное порученіе въ одинъ

изъ уѣздовъ Московской губерніи, гдѣ предстояло произвести слѣдствіе о поддѣлкѣ фальшивой монеты на фабрикѣ богатаго раскольника-купца Суслова. Въ этомъ же уѣздѣ были имѣнія Кордюшиной, присужденныя государыней ко взятію въ опеку. „Ты помогъ рѣшенію этого дѣла,— сказалъ князь:—ты же наблюдешь и за приведеніемъ его къ концу".

Москва охватила Дугáнова скукой и тоской. Осиротѣлый, пустой домъ у Чистыхъ-прудовъ, гдѣ еще такъ недавно все было полно жизни, гдѣ царила женская, прямая предупредительность и раздавался смѣхъ и звонкій голосъ ребенка, былъ теперь для Глѣба невыносимъ. Онъ обѣдалъ въ клубѣ, домой едва заглядывалъ. Объѣздивъ кое-кого изъ знакомыхъ, онъ написалъ короткія письма къ матери и къ брату, извѣстивъ ихъ, что едва кончилъ одну командировку, какъ пришлось ѣхать на другую, и сильно обрадовался, когда, дѣйствительно, наконецъ, выѣхалъ съ порученіемъ князя изъ Москвы.

Слѣдствіе о поддѣлкѣ монеты Дугáновъ повелъ настойчиво и умѣло. Начались розыски и допросы на фабрикѣ Сусловыхъ и въ уѣздномъ городѣ, гдѣ пало подозрѣніе въ подкупѣ и въ укрывательствѣ виновныхъ не только на полицію, но и на земскій судъ. Пришлось воевать съ исправникомъ и съ весьма ловкимъ и вліятельнымъ уѣзднымъ судьей, который, по слухамъ, былъ долженъ по горло заподозрѣнному Суслову и потому особенно мирволилъ ему. Все это Глѣбъ разслѣдовалъ и разобралъ, а въ промежуткахъ розысковъ составилъ опись имѣніямъ Кордюшиной и сдалъ ихъ въ опеку. Кончивъ слѣдствіе, онъ написалъ князю рапортъ, съ требованіемъ уличеннаго Суслова арестовать и доставить на судъ, не иначе, какъ въ Москву, вслѣдствіе того, что мѣстныя власти относительно его не безъ грѣха.

При одномъ изъ послѣднихъ допросовъ, собирая на фабрикѣ свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ образѣ жизни и о родныхъ вдругъ разбогатѣвшаго Суслова, онъ неожиданно услышалъ фамилію Прядышева, съ которымъ Сусловъ оказывался въ близкомъ родствѣ.

Это имя кольнуло Глѣба. Онъ вспомнилъ бѣгство Серафимы въ Кіевъ, свою поѣздку туда, переговоры съ нею, а затѣмъ и собственный разладъ съ женой.

— Какой это Прядышевъ?—спросилъ онъ сусловскаго прикащика, стоявшаго передъ нимъ на допросѣ.

— Савва Ильичъ,—отвѣтилъ свидѣтель.

— Развѣ онъ родня твоему хозяину?

— Свояки-съ. Аграфена Марковна, супруга Саввы Ильича, выходитъ, двоюродная сестрица нашему Доримедонту Кузьмичу.

— Не отъ свояка ли Суслова, въ такомъ случаѣ, пошло и все состояніе самого Прядышева?—спросилъ Глѣбъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе,—отвѣтилъ свидѣтель:—тя-

тенька Аграфены Марковны изстари былъ первостатейный московскій купецъ, а онѣ у него состояли единственною дочкой; и у ихняго тятеньки не токма первый подъ Москвой изстари колокольный заводъ, а за Ураломъ еще богатѣйшіе рудные пріиски.

— Кстати, почтенный,—сказалъ, подумавъ, Дугáновъ: — у Прядышевыхъ, помнится, былъ тоже единственный сынъ,—не знаешь ли, что̀ съ нимъ и гдѣ онъ нынче?

Свидѣтель помолчалъ.

— Вѣрно-съ, изволите говорить,—есть сынъ, Ѳедоромъ звать,— отвѣтилъ онъ:—и мы сами видали ихъ, вотъ еще какимъ махонькимъ, когда оттуда колоколъ брали сюда на соборъ... Не наша сторона хозяйскія дѣла... а жаль...

— Что̀ же именно?

— Свертѣли молодца гулянки да колобродства, и попалъ онъ родителю на искусъ, поставленъ былъ въ простые, какъ есть, черноработчіе, въ молотобойцы... этакого богача-магдэа сынъ и въ такой чернотѣ!

— Онъ и теперь на этой работѣ?—спросилъ Глѣбъ.

— Мать увидѣла его, оборваннаго, да въ сажѣ, въ окно, — возрыдала сердечная и заступилась; слышно, отослали его, нонѣ зимой, въ дальнюю поправку, на ихніе Куршавинскіе заводы, за Уралъ. Да что̀? сильно, сказываютъ, огорчился малый вообще, запилъ тамъ и въ горести чуть рукъ на себя не наложилъ. Наши сильно жалѣютъ его.

— Отчего же отецъ не держитъ его при себѣ?

— Видно, думка такая, исправится, молъ, на дальней работѣ.

Въ концѣ великаго поста Дугáновъ возвратился въ Москву. Князь Волконскій одобрилъ всѣ его дѣйствія, Суслова вытребовалъ къ себѣ и посадилъ въ московскій острогъ. Дугáновъ, за успѣшное веденіе слѣдствія о поддѣлкѣ монеты, былъ представленъ къ наградѣ крестомъ.

— Твоя жена еще у родныхъ?—спросилъ князь.

— Такъ точно.

— Гдѣ она? въ Малороссіи?

— Нѣтъ, на Волгѣ, у брата.

— Не хочешь ли проѣхать туда?

Глѣбъ промолчалъ.

— Постоянно, какъ знаешь, туда оказіи теперь, — продолжалъ князь, не замѣтивъ смущенія Глѣба:—недавно посланы гусары, а на-дняхъ отправляю пѣхоту и пушки... ты могъ бы проводить ихъ до Казани, а оттуда завернулъ бы и къ своимъ.

— Усерднѣйше благодарствую, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Дугáновъ:—но моя жена, какъ полагаю, вскорѣ выѣдетъ оттуда.

— Ну, какъ знаешь, любезный. Во всякомъ же случаѣ, встрѣтится нужда, просись, — не откажу. Пріемъ имѣній будетъ не ближе іюня; тогда опять поѣдешь въ уѣздъ.

Близилась Пасха. Въ воздухѣ потемнѣло. Настало водополье.

Возобновивъ свои обычныя занятія у князя, Дугáновъ не замѣчалъ, какъ текло время. Переписываясь иногда съ матерью, онъ зналъ, что въ Ракитномъ все благополучно. О Горкахъ и ихъ обитателяхъ онъ старался не вспоминать. „Не пишутъ оттуда, стало быть, все хорошо!“ съ горечью думалъ онъ: „а не спрашиваютъ, почему мы разстались, значитъ, жена не смѣетъ признаться, что у насъ вышло. Ну, и Господь съ нею“.

Вернувшаяся въ Петербургъ, былая страсть къ азартной бильярдной игрѣ болѣе о себѣ не напоминала Глѣбу. Все прошлое въ немъ, казалось, успокоилось, заснуло и какъ бы умерло. Въ домѣ у себя онъ уже не томился, проводя время здѣсь только въ кабинетѣ и въ столовой. Въ спальню, уборную жены и дѣтскую онъ болѣе совсѣмъ не заглядывалъ, и двери туда были постоянно на замкѣ. Портретъ жены, висѣвшій въ гостиной и когда-то съ такою любовью заказанный знаменитому живописцу Тишбейну, онъ покрылъ кисеей и перенесъ въ запертую на ключъ уборную. Но все это наружное спокойствіе далеко не соотвѣтствовало внутреннему состоянію. Нѣчто въ родѣ раскаянія начинало сказываться въ его душѣ. Правъ ли онъ былъ въ своемъ рѣшеніи насчетъ жены? Не увлекся ли онъ ошибочнымъ подозрѣніемъ? И дѣйствительно ли была измѣна, или только совпаденіе уликъ, въ сущности не доказывающихъ ничего? Неувѣренность въ правотѣ, относительно разрыва съ женой, начинала тяготить его; ну, какъ она невинна ни въ чемъ и онъ все это сдѣлалъ въ порывѣ раздраженія, не имѣя на то права? Передъ Пасхой Глѣбъ получилъ письмо, въ нѣсколько строкъ, отъ брата, съ поздравленіемъ и извѣщеніемъ, что всѣ живы и здоровы, что зима была студеная и что наступило тепло. На это онъ отвѣтилъ столь же краткою отпиской, что, молъ, также живъ и здоровъ и что думаетъ перемѣнить службу. Онъ дѣйствительно написалъ въ Петербургъ Орлову; отвѣта не приходило.

Въ концѣ Вербной недѣли, на обычномъ утреннемъ пріемѣ у главнокомандующаго, Глѣбъ получилъ отъ Волконскаго порученіе — съѣздить къ митрополиту и лично у него испросить указаніе и совѣтъ по одному духовному дѣлу. Дугáновъ поѣхалъ, долго дожидался владыки, въ то время служившаго гдѣ-то въ дальнемъ монастырѣ, а когда возвратился, съ нужными указаніями отъ митрополита, пріемъ у князя уже кончился.

Дугáновъ прошелъ въ кабинетъ князя, доложилъ ему справку, принялъ отъ него для передачи въ канцелярію накопившіяся безъ него

бумаги и откланялся. Проходя изъ кабинета князя опустѣлыми залами, онъ въ сторонѣ, въ боковомъ корридорѣ, услышалъ странный шумъ, какъ бы споръ. Заглянувъ туда, Глѣбъ увидѣлъ растрепанную и лысую фигуру невысокаго, пожилаго купца, въ долгополомъ кафтанѣ и съ медалью на шеѣ, стоявшаго передъ княжескимъ слугой. Размахивая руками, купецъ о чемъ-то, съ поклонами, просилъ; оффиціантъ заграждалъ ему дорогу.

— Да вотъ ихъ милость, господинъ адъютантъ, рѣшатъ,—сказалъ оффиціантъ, указывая просителю на Дуга́нова: — и какъ это можно безпокоить князя, когда объявлено болѣе не принимать никого?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ, подходя, Дуга́новъ.

Купецъ оглянулся. Дуга́новъ узналъ въ немъ Савву Ильича Пря́дышева, — но въ какомъ видѣ? Сытой, презрительной чванливости и дерзости, съ которою онъ когда-то въ Кіевѣ, у цыганъ, обливалъ водою сына и стригъ ему косу, не было и слѣда. Куда дѣлись складки жирнаго подбородка, красный, плотный затылокъ и объёмистый животъ? Худыя, костлявыя плечи уныло торчали изъ-подъ широкаго, точно чужаго кафтана. Борода была всклочена. Потускнѣлые глаза умоляюще и жалобно смотрѣли на Глѣба.

— Ваше... ваше высокородіе,—вскрикнулъ онъ, хватая Дуга́нова за руки и вдругъ падая передъ нимъ на колѣни:—спасите, не погубите.

— Что̀ съ вами, Савва Ильичъ? Успокойтесь!—произнесъ Глѣбъ, поднимая его:—вы, вѣроятно, о родственникѣ вашемъ, о Сусловѣ, насчетъ монеты?

— Господь съ нимъ, — отвѣтилъ, отирая слезы, Пря́дышевъ: — Сусловы не подростки; коли не по винѣ угодилъ въ острогъ, сами себя отстоятъ.

— Въ чемъ же ваше дѣло?—спросилъ Глѣбъ:—пріемъ у князя, дѣйствительно, конченъ; если у васъ неотложная, важная нужда, скажите, я передамъ ему, онъ приметъ васъ завтра.

— Поздно будетъ, поздно!—простоналъ Пря́дышевъ:—коли милость князя, штафетъ бы или иное что̀, да не отъ всякаго берутъ. Только, вотъ, нынче извѣстилъ по почтѣ.

— О комъ говорите?

— Ѳедоръ-то мой, Ѳедя... что въ Кіевѣ, помните...

— Знаю; онъ, слышно, у васъ за Ураломъ?

— Тамъ-то окаянный, тамъ, да спятилъ, какъ есть, съ ума. Охъ, матушки вы мои, охъ, родные!—всхлипывая, бормоталъ Пря́дышевъ:—и кто ожидалъ экаго божескаго наказанія? Прогнѣвали мы Господа. Мать съ горя захворала, померла; нынѣ срамитъ весь нашъ родъ...

— Да что̀ сталось съ вашимъ сыномъ? Сядьте, разскажите.

Глѣбъ увелъ Пря́дышева въ залу и усадилъ его на софѣ. Руки

старика тряслись, губы силились что-то выговорить и не могли. Онъ безпомощно поникъ головой.

— Отступился окаянный,—проговорилъ онъ:—извѣщаютъ, задумалъ передаться злодѣю, Пугачу!.. Да что, баринъ, на, читай! — заключилъ Прядышевъ, вытаскивая изъ кармана и подавая Дуганову скомканный обрывокъ толстой синей бумаги:—сорокъ дѣнъ не прошло со смерти покойницы, а тутъ такая напасть.

Глѣбъ сталъ читать письмо къ Прядышеву его заводскаго прикащика. „А нашъ отъ Ѳедоръ Саввичъ, — выводилъ каракулями прикащикъ:—забылъ Божескія заповѣди и отцово наставленіе; какъ узналъ о смерти родительницы, пуще запилъ, а въ прошлую среду, супротивъ ночи, отбилъ замокъ въ каморѣ, гдѣ, по приказу вашему, его хмѣльнаго держивали взаперти; тайно забралъ пожитки, казну и соболью твою новую, данную ему на дорогу, шубу, да съ Апронькой, да съ Борькой-кривымъ, запрегъ лучшихъ, ѣздовыхъ жеребцовъ и сбѣжалъ съ завода. Сказываютъ, подался въ горы, къ демидовскимъ, да бѣлорѣцкимъ заводамъ, рѣшилъ передаться оному окаянному ироду и злодѣю, самозванцу Пугачову. Апронька, дьячій сынъ, съ нимъ и остался, а кривой чортъ, Борька, вернулся нонѣ на зарѣ, быдто въ совѣсть пришелъ, а въ тайности — сманивать остальныхъ заводскихъ, и мы его, изловимши, связали и держимъ взаперти. И сказываетъ Борька-паршивецъ, быдто Ѳедоръ-то нашъ Саввичъ, забывъ оныя Господни заповѣди, въ точности поѣхалъ, невѣдомо для какой нужды, сирѣчь, къ тому, окаяннику и злодѣю, и повезъ ему казну, да твою шубу, и быдто тому отступнику всѣ уже присягаютъ и цѣлуютъ руку, а самъ продъ отошелъ намедни отъ Оренбурга къ Магнитной и скоро-де объявится на заводахъ и въ нашихъ мѣстахъ. Мы день и ночь, батюшка, Савва Ильичъ, на-стóрожѣ, рвы порыли и огородились рогатками; да ружей мало, пушчонка была одна, и ту, намеднись, — чаю, вѣдомо тебѣ,— о масляной, какъ салютъ въ твою честь чинили,—разорвало на части. Просимъ, милостивецъ, о присылкѣ защиты. Вóйска тутъ и въ поминѣ нѣту-ти. Ой, плохо намъ, грѣшнымъ, свѣтъ не милъ. До дна, благодѣтель, дошли, гибнемъ въ конецъ!“

— Что же вамъ нужно отъ князя?—спросилъ Дугановъ, дочитавъ письмо.

— Хоть бы штафетъ въ Куршавино, на заводъ, пытался, не берутъ,—твердилъ, кланяясь, Прядышевъ:—граматку бы къ Ѳедору, не одумается ли? Дай охрану, или такой листъ, не токма изъ своихъ кого послалъ бы, одно дѣтище,—самъ бы поѣхалъ туда.

Глѣбъ прошелъ къ князю. Волконскій, уже въ шлафрокѣ и вмѣсто парика, въ бѣломъ, съ розовою лентой, колпакѣ, сидѣлъ за чтеніемъ новыхъ нѣмецкихъ газетъ. Дугановъ доложилъ ему о просьбѣ Прядышева.

— Гони его, голубчикъ!.. съ ума онъ сошелъ!—вскрикнулъ князь:— сынъ дерзнулъ измѣнить,—не далеко, знать, ушелъ и его батюшка; подъ надзоръ его! Боже, Господи, что за дѣла! Взгляни, что̀ печатаютъ о насъ берлинскіе газетйры! Мерзавцы! Не даромъ ихъ сѣкъ, на унтеръ-денъ-Лйнденъ, Чернышевъ, по взятіи Берлина! теперь публично завѣряютъ, будто этотъ приговоренный къ плетямъ каторжникъ, этотъ казакъ-воришка, и впрямь... Да нѣтъ, что̀ же это? свѣтопреставленіе!

Князь закрылъ лицо руками. Глѣбъ сталъ просить за старика Пря́дышева.

— Ну, ты правъ, милый, правъ!—одумался князь, бросая подъ столъ газеты: — этого сына навѣрно спьяну совратили, иначе какъ же?.. Вѣдь, я, помню, своими глазами видѣлъ его у Архаровыхъ, Мелецкихъ, — смирный такой, менуэты отплясывалъ... Ступай, Глѣбъ Андреичъ, устрой тамъ, что̀ можно, для отца.

Дня черезъ три, Пря́дышеву, за скрѣпой главнокомандующаго, выдали охранный листъ и письмо къ казанскому губернатору, фонъ-Брандту. Савва Ильичъ рѣшилъ ѣхать за Уралъ лично. Собравшись и распорядившись по заводу, онъ засунулъ за пазуху изрядный свертокъ денегъ, отслужилъ напутственный молебенъ, сѣлъ въ пошевни, съ тѣми же двумя здоровенными литейщиками, съ которыми, годъ назадъ, ѣздилъ въ Кіевъ, и завернулъ проститься на Чистые-пруды.

— Въ опасный путь пускаетесь,—сказалъ ему Дуга́новъ: — что ни день, какія извѣстія! Пугачовъ усиливается... все Зауралье въ возстаніи...

— Богъ милостивъ, доѣду, сына спасу.

Въ Казани Пря́дышева нагнала эстафета московской его конторы. Онъ вскрылъ ее, прочелъ и упалъ безъ чувствъ. Контора извѣщала его, что сынъ, какъ стало нынѣ извѣстно, окончательно бѣжалъ къ самозванцу, съ жалобой на родителя за захватъ, будто бы, материнскихъ заводовъ и другихъ имѣній. „Господь взялъ жену,—подумалъ, придя въ себя, Пря́дышевъ:—надо ѣхать, охранить хоть заводъ, горное начальство просить; а Ѳедькѣ, каторжному искаріоту, вспомянется, видно, на томъ свѣтѣ и тутъ!..“

Губернаторъ, однако, остановилъ его. Къ Уральскимъ горамъ уже не было свободнаго проѣзда. Пугачовъ, грабя и выжигая все по пути, близился лѣсами по сю сторону горъ.

Настала пасхальная недѣля. Москва, несмотря на слухи о Пугачовѣ, веселилась. Главнокомандующій, въ раззолоченной, голубой ко-

ляскѣ, выѣхалъ съ племянницами подъ качели, на Дѣвичье поле. Увидѣвъ здѣсь, среди гуляющихъ, Дуга́нова, онъ подозвалъ его къ себѣ. Глѣбъ протискался мимо знакомыхъ и незнакомыхъ, толпившихся вокругъ князя, и подошелъ къ нему.

— Ну, что, довольны въ народѣ нашею нынѣшнею публикаціей?— спросилъ Волконскій, нагнувшись къ Глѣбу изъ коляски, стоявшей въ это время противъ балагана, гдѣ на балконѣ кувыркались и смѣшили зрителей акробаты.

— Еще бы, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Дуга́новъ:—только и слышно, прославляютъ новую, славную побѣду Михельсона надъ злодѣемъ.

— Да! разбитъ подъ Магнитною, притомъ какъ счастливо!—улыбнулся князь, обратясь къ племянницамъ:—избавилъ Господь! исчезъ, разсѣянъ безъ слѣда. Ну, да вамъ это не любопытно... Брамбилла и арлекины у васъ въ головѣ.

— Mon oncle! можно ли! развѣ мы не патріотки?—обидѣлась старшая изъ племянницъ, лорнируя публику, тѣснившуюся передъ балаганомъ, гдѣ акробатовъ смѣнили пьеро́ и коломби́на.

— Такъ иди же, голубчикъ, — обратился князь къ Дуга́нову:—всѣмъ говори,—злодѣя, молъ, гонимъ,—скоро и въ конецъ его истребимъ. А тебѣ съ Ѳоминой въ отъѣздъ; барыня извѣстила, будетъ въ имѣнія къ концу Пасхи, она желаетъ быть при ихъ сдачѣ.

Коляска главнокомандующаго двинулась далѣе. Дуга́новъ снова зашелъ за канатъ, ограждавшій пѣшихъ отъ экипажей; но, едва онъ вмѣшался въ толпу, кто-то, слѣдившій за нимъ глазами, пока онъ говорилъ съ княземъ, тронулъ его за плечо. Глѣбъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ высокій и тощій, съ впалыми, блѣдными щеками, морской офицеръ, въ отставномъ мундирѣ.

— Извините,—сказалъ, касаясь шляпы, морякъ: — вы состоите при князѣ?

— Такъ точно.

— Дуга́новъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Незнакомецъ сильно закашлялся.

— Отойдемъ къ сторонѣ, здѣсь такъ тѣсно,—сказалъ онъ:—у меня къ вамъ личное дѣло. Вчера, какъ пріѣхалъ, я былъ у князя на дежурствѣ, но пріемъ, по поводу праздниковъ, былъ отмѣненъ.

Глѣбъ и морякъ вышли изъ толпы.

XV.

— Въ Петербургѣ,—продолжалъ морякъ:—то-есть, подъ Гатчиной, минувшею зимой, если помните, была охота... и я находился тамъ...

— Охота, дѣйствительно, была,—отвѣтилъ Дугáновъ:—но, извините, васъ я не помню.

— Да, мы не видѣлись,—продолжалъ морякъ:—я былъ съ другимъ, съ докторомъ. Спесивцева изволите знать?

— Знаю... онъ раненъ тамъ,—отвѣтилъ Глѣбъ.

Морякъ промолчалъ.

— Живъ онъ?—спросилъ Дугáновъ.

— Живъ-то еще живъ, только вотъ что̀,—отвѣтилъ, сдерживая порывы кашля, морякъ:—я, видите ли, мало его знаю, но пришлось тогда спать въ одной комнатѣ... Уѣзжая на охоту, онъ разбудилъ меня и оставилъ мнѣ записку, я спросонья сунулъ ее куда-то и о ней совсѣмъ позабылъ. Охоту проспалъ. О ранѣ доктора услышалъ уже въ Гатчинѣ, когда всѣ туда возвратились, да не до того было самому: слуга въ суетѣ, видно, не притворилъ, какъ слѣдуетъ, двери, или охватило отъ плохо вставленнаго окна, только кашель усилился, пошла кровь горломъ,—ну, и все, какъ слѣдуетъ,—очутился въ гошпиталѣ. Да уже тамъ сунулъ руку въ карманъ шинели, вижу письмо, и на немъ надпись—Дугáнову. Какой такой, извините, Дугáновъ? Насилу вспомнилъ и то, кто и когда далъ мнѣ это письмо. Хотѣлъ обратиться къ тому доктору, сталъ о немъ разспрашивать, говорятъ, его уже нѣтъ...

— Гдѣ же онъ?

— Чахотка, что ли, развилась у него, отъ раны въ груди, или вообще плохо стало, только тотъ больной богачъ, Тарбѣевъ, у котораго онъ жилъ, взялъ его и увезъ съ собой въ чужіе края.

— Что̀ же съ нимъ теперь?

— А Господь его знаетъ... должно, померъ! рана въ это самое мѣсто, на-вылетъ,—показалъ морякъ на свою тощую впалую грудь:—тутъ, батюшка, запо̀ешь по-неволѣ...

Онъ снова закашлялся.

— Какъ же вы узнали обо мнѣ?

— Думаю, докторъ умеръ, а въ письмѣ-то, пожалуй, что-нибудь важное. Другъ онъ вамъ?

— Да, мы были знакомы...

— Ну, передъ выходомъ изъ гошпиталя, я и написалъ въ Гатчину, къ управляющему князя Орлова, кто, молъ, такой Дугáновъ, что̀ былъ тогда на охотѣ? онъ и отвѣтилъ. Меня посылаютъ въ Кіевъ, на поправку, къ отцу; думаю, буду ѣхать черезъ Москву и лично отдамъ. Вчера васъ не нашелъ, а сегодня—тепло, прелесть, не утерпѣлъ—взглянуть на гуляпье,—Богъ и привелъ. Сейчасъ съѣзжу за письмомъ... гдѣ живете?

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣтилъ Глѣбъ:—но зачѣмъ же вамъ безпокоиться? я и самъ къ вамъ заѣду завтра, падняхъ.

— О, нѣтъ, если уже вы сами, такъ ѣдемъ теперь. Я завтра уже въ Кіевъ, нашелъ и попутчика... И что, представьте, странно,—я совсѣмъ здоровъ,—добавилъ морякъ, закашливаясь до синевы лица:—иногда вотъ только еще першитъ; а доктора увѣряютъ, Богъ знаетъ что.

Глѣбъ отыскалъ свою лошадь и поѣхалъ съ моряком. Дрожки остановились въ переулкѣ, за Сухаревою башней. Войдя, по черной, узкой лѣстницѣ, на антресоли закоптѣлаго деревяннаго дома, стоявшаго въ глубинѣ двора, наполненнаго извощиками, неразгруженными возами и всякимъ хламомъ, морякъ отворилъ низенькую дверь и вошелъ въ душную, крошечную комнату.

— Это я у того попутчика, что договорились до Кіева,—сказалъ онъ, въ одышкѣ, опускаясь на стулъ:—блаженный край, солнце, зелень, молоко... ребенкомъ бѣгалъ тамъ... Ну, и признаться, невѣста... это уже родитель приготовилъ. Вы сами, извините, женаты?

— Да, я семейный человѣкъ.

— Великое счастье и нѣтъ выше его!—произнесъ, надрываясь отъ кашля, морякъ:—однако, что же я это балясы точу?

Онъ пересилилъ себя, вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ, досталъ изъ него свертокъ бумагъ и, порывшись въ немъ, подалъ Глѣбу смятое, съ полусломанною печатью, письмо.

— Извините, сказалъ онъ:—долго вездѣ таскалъ его, ну и примаралъ.

Глѣбъ узналъ руку Спесивцева. Поблагодаривъ моряка и пожелавъ ему счастливаго пути и скораго выздоровленія, онъ вышелъ за ворота, сѣлъ на дрожки, вскрылъ письмо и прочелъ слѣдующее:—„Вы меня вызвали на поединокъ,—писалъ Спесивцевъ:—такъ тому и быть; я принялъ вашъ необычный вызовъ. Черезъ часъ, черезъ два, раздадутся два выстрѣла, и одного изъ насъ, какъ надо полагать, не станетъ на свѣтѣ. Оставить безумное рѣшеніе, образумить васъ,—я не въ силахъ, да и къ чему? Избранный вами способъ и предлогъ къ этой раздѣлкѣ останутся тайной для всѣхъ. Если погибнуть суждено вамъ, клянусь въ эту минуту, я всю жизнь буду о томъ жалѣть. Шевельнется ли, однако, въ васъ сожалѣніе, если погибну я, не думаю. Но есть еще одно существо—ваша жена. Слышалъ я и скорбѣлъ,—вы съ нею разошлись. Зная васъ, думаю, что этотъ разрывъ не шуточный; вы порвали душевныя связи навсегда. Но правы ли вы? Становясь подъ вашу пулю, рискуя съ разсвѣтомъ умереть, я рѣшилъ не себя оправдывать, а сказать вамъ: вы преступникъ передъ вашею женой. Да, да! и вы это узнаете, если я не останусь въ живыхъ и не возьму обратно у случайнаго своего сосѣда этихъ своихъ строкъ. Жертва недостойной ревности, либо злонамѣренной клеветы, вы не задумались бросить и тѣмъ заклеймить передъ свѣтомъ любящее, безгранично вамъ преданное, существо. Знайте

же, злой, ослѣпленной ревнивецъ: ваша жена, клянусь, неповинна передъ вами. Она достойна одного—глубокаго, безмѣрнаго вашего уваженія. За нее некому отомстить. Вашъ вызовъ принимаю, какъ возмездіе вамъ. И если *мнѣ* суждена смерть, охотно прощаю васъ, моего убійцу. За меня, праваго передъ вами, и за вашу неповинную передъ вами жену воздастъ вамъ ваша совѣсть! Клянусь, говорю въ этотъ мигъ святую истину.—*З. Спес—въ*".

„Да что же это такое?"—мысленно воскликнулъ Дугановъ, дочитавъ письмо:—„или новый обманъ? Нѣтъ, онъ писалъ это, готовясь умереть. Но ея письма къ нему? въ нихъ говорилось другое... Тамъ прямо, безповоротно сказаны страшныя, позорныя слова"...—Рой мучительныхъ сомнѣній, съ новою силою, поднялся въ душѣ Глѣба, терзалъ и жегъ его. Онъ понукалъ кучера, глядя на прохожихъ, на вывѣски и дома, и не узнавалъ, гдѣ онъ ѣдетъ.

Очутившись у своего крыльца, Глѣбъ быстро прошелъ въ сѣни, въ кабинетъ, открылъ потайной ящикъ рабочаго стола, гдѣ лежала пачка, угрозой когда-то вытребованныхъ у Спесивцева, писемъ Мари. Онъ, задыхаясь отъ волненія, дрожащими руками сорвалъ ленточку, которою они были связаны, сѣлъ къ окну и снова сталъ ихъ читать. Прочелъ одно, другое и отшатнулся на спинку кресла. Комната заходила въ его глазахъ. Онъ опять сталъ перечитывать письма и не узнавалъ ихъ. То, что когда-то, подъ вліяніемъ подозрѣній, казалось постыдною измѣной, преступленіемъ, теперь являлось въ другомъ видѣ; что тогда раздражало, мучило и жгло его, было теперь такъ просто и такъ объяснимо. Любящая мать молила доктора, въ котораго вѣрила, о спасеніи сына; подразумѣвая мужа, выражалась этому доктору „нашъ сынъ", то-есть, сынъ ея и мужа. Гдѣ же тутъ измѣна, гдѣ явныя, проклятыя улики, гдѣ оправданіе жестокой семейной бѣды?

„О, я, безумный, злой слѣпецъ!"—воскликнулъ Дугановъ, хватаясь за голову. Онъ рвалъ на себѣ волосы, глядѣлъ на письма и силился сообразить, что именно, въ тѣ безобразныя, тяжелыя минуты, произошло между нимъ и его женой. Забытая сцена вспоминалась ему до мелочей.—Ты хочешь знать, злой человѣкъ,—сказала тогда Мари:—виновата ли я? изволь, узнай... ты самъ это сказалъ!—Глѣбъ вскочилъ съ кресла, сталъ ходить по комнатѣ.—„Ясно, ясно,—повторялъ онъ себѣ:—это она, огорченная, несправедливо обиженная, такъ говорила отъ отчаянія, въ отместку! О, все теперь понятно—и мое нравственное передъ нею ничтожество, и ея душевная непорочность и чистота! Какъ теперь поправить дѣло? какъ воротить потерянное счастье? Проститъ ли она?"

Глѣбъ прошелъ рядъ комнатъ и повернулъ ключъ въ дверяхъ уборной. Ключъ звонко щелкнулъ въ тишинѣ. Глѣбъ вошелъ въ убор-

ную, поднялъ опущенную оконную штору, сдернулъ кисею съ портрета жены и сѣлъ передъ нимъ. Заходящее солнце золотило миловидное лицо, съ розой въ свѣтло-пепельныхъ волосахъ. Большіе голубые глаза привѣтливо и ласково смотрѣли съ этого портрета. Глѣбъ не помнилъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Радостныя, горячія слезы текли по его лицу... „Она великодушнѣе, чище меня,—говорилъ онъ себѣ:—она все забудетъ, все проститъ! Злой я, сухой, это правда, и не стою этой дивной, безконечной доброты... Но,—если все забудется,—Боже, какъ я буду снова лелѣять ее и любить!“

Въ началѣ апрѣля, Травкинъ рано утромъ пріѣхалъ въ Горки. Торопливо освѣдомясь въ прихожей, гдѣ господа, и узнавъ, что всѣ были внизу, за чаемъ, онъ, не снимая верхняго платья, быстро прошелъ туда и, въ волненіи, замеръ на порогѣ. Всѣ съ изумленіемъ взглянули на него.

— Ура!—крикнулъ онъ, не помня себя и отъ радости размахивая шляпой:—ура!

— Да говорите, что̀ такое?—спросили его.

— Ура! Пугачовъ разбитъ,—кричалъ и махалъ шляпой Травкинъ:—поздравляю, Оренбургъ спасенъ отъ осады... спасены и мы всѣ!

Крики общаго восторга встрѣтили эту радостную вѣсть. Всѣ бросились обнимать и цѣловать ликующаго старика.

— Кто сообщилъ? гдѣ узнали? да говорите же скорѣе!—приставали къ нему и тормошили его.

— Дайте отдохнуть, уфъ!—отвѣтилъ онъ, опускаясь въ изнеможеніи на стулъ и обмахиваясь платкомъ:—верхомъ прискакалъ... Одно вѣрно и точно: злодѣй разбитъ и бѣжалъ, въ самый день Благовѣщенія... вотъ ужъ именно благая вѣсть,—праздникъ изъ праздниковъ, чудо!

— Да откуда же, не мучьте, вы это узнали?

— Изъ Саратова, родные мои, изъ города, становой нынче, чуть разсвѣло, промчался мимо меня; встрѣтились мы съ нимъ подъ садомъ, у мельницы,—сукновальню это я пустилъ,—онъ все и объяснилъ... Къ губернатору вчера утромъ гонецъ прискакалъ изъ Оренбурга... Охъ, не могу, соколики, духъ замираетъ, дайте отдохнуть... А вѣдь Сергѣй-то вашъ,—обратился Сила Ѳомичъ къ Алексѣю:—раньше пронюхалъ; говорю моимъ на мельницѣ, а они,—знаемъ, молъ, вчера еще Серёжка дуга̀новскій сказывалъ, не устояли казаки, за горы ушли.

— Какъ Сергѣй? да развѣ онъ возвратился? — съ удивленіемъ спросили Алексѣй и Марѣ.

Травкинъ недоумѣвающимъ взглядомъ окинулъ присутствующихъ.

— Но развѣ вы не знаете?—произнесъ онъ: — Сергѣй, возвра-

щаясь изъ Свѝблова, шелъ вчера вечеромъ отъ Саратова пѣшій, притомился и отдыхалъ у насъ на сукновальнѣ... Да неужели его еще нѣтъ?

Послали справиться. Оказалось, что Сергѣй возвратился еще къ ночи, но ждалъ у ключника, пока господа кончатъ чай.

— Сюда его, сюда!—приказали хозяева.

Сергѣй вошелъ, низко всѣмъ поклонился и подалъ Марѝ письмо. При взглядѣ на его огрубѣлое, обросшее бородой лицо и на потертый дорожный зипунъ, трудно было узнать его. Онъ походилъ теперь скорѣе на рыбака или хлѣбнаго ключника, чѣмъ на недавняго столичнаго слугу, и держался тоже не по прежнему, а какъ-то понуро и мужицки-тупо.—„Отъ болѣзни“—подумала, взглянувъ на него, Марѝ.

— Что̀ тетушка?—спросила она, прочитавъ поданное ей письмо.

— Здоровы-съ, кланяются вамъ, сударыня, и всѣмъ, и просятъ къ себѣ.

— Гдѣ же ты такъ долго пропадалъ?—спросилъ, вглядываясь въ него, Алексѣй.

— Еще бы, судьба-съ! всю зиму, почитай, хворый пролежалъ на печи,—отвѣтилъ Сергѣй, не поднимая глазъ:—ознобился, полагать надо; думалъ—пришелъ смертный часъ.

Онъ, заложа руки за спину, тихо вздохнулъ.

— Разскажи-ка, милый, — обратился къ нему Травкинъ:—какъ это ты, говорятъ, слышалъ насчетъ самозванца? вѣдь его разбили? правда, вѣдь, прогнали Пугачова? онъ бѣжалъ?

Сергѣй молча глянулъ на господъ.

— Это точно-съ, въ Саратовѣ, на постояломъ, у Давыдыча, и на базарѣ сказывали,—отвѣтилъ онъ, переступивъ съ ноги на ногу:—будто онъ и все казачество отступили... А въ Свѝблово, тоже правда-съ, приходили съ Бѣлой мужички; ну, они толковали вовсе иное... Жить—Богу служить... а кто велій-съ яко Богъ?

— Ну, оставь поговорки; что̀ же именно они говорили?—спросилъ, впиваясь глазами въ слугу, Травкинъ.

Сергѣй посмотрѣлъ на свои сапоги.

— Разное слышно, а главное, будто у него уже сто двадцать тысячъ войска и сто пушекъ.

— Ну, и что̀ же изъ того?—спросилъ, привскочивъ, Травкинъ:—и все-таки его разбили!

— Разное толкуютъ, — загадочно отвѣтилъ Сергѣй:—другъ по другѣ-съ, а Богъ, значитъ, по всѣхъ.

— Иди себѣ, иди, отдыхай,—сказала Марѝ.

— Да эту бороду свою соскобли,—прибавилъ Алексѣй.

Сергѣй пошелъ, но остановился у порога.

— Монашка тоже одинъ сказывалъ,—прибавилъ онъ:—будто его,

Пугачова-то, и пули не берутъ, ружья въ него не стрѣляютъ... Безъ Бога-то, видно, и червякъ сгложетъ...

— Да уходи же, полно пустяки-то болтать,—съ сердцемъ крикнулъ Алексѣй:—вотъ, дуралей, наслушался вранья.

Сергѣй вышелъ. Всѣ нѣкоторое время, по уходѣ его, молчали.

XVI.

— А что, господа?—произнесъ Травкинъ:—вѣдь, мы главное забыли... не послать ли за отцомъ Василіемъ, да не отслужить ли благодарственный молебенъ?

— И правда! именно!—отозвались всѣ.

Дали знать священнику. Онъ послалъ звонить и отперъ церковь. Всѣ радостно и торжественно направились туда. Молча подошли молельщики и изъ деревни. Алексѣй объявилъ всѣмъ радостную вѣсть и, послѣ молебна, подозвавъ старосту, приказалъ все село на три дня избавить отъ работъ. Къ вечеру и на другой день стали съѣзжаться сосѣди. Всѣ толковали о стастливомъ событіи, передавали много подробностей и пророчили близкій конецъ бунту и смутамъ. Время катилось незамѣтно. А тутъ, кстати, настали теплые, ясные, безоблачные дни. Весна вдругъ разыгралась со всѣми своими прелестями.

Марѣ, получивъ письмо отъ тетки, думала было, черезъ день—два, укладываться и ѣхать въ Свіблово. Убѣждаемая хозяевами Горокъ, она рѣшила, однако, остаться еще на время въ Горкахъ. Серафима и Алексѣй, еще съ осени, предполагали совершить поѣздку къ крестной матери Серафимы, къ Варварѣ Ивановнѣ Туровцовой, въ ея помѣстье подъ Казанью, Красный-Кутъ. Туровцова въ каждомъ письмѣ напоминала объ ихъ обѣщаніи. Въ виду прибытія Марѣ, они рѣшили навѣстить ее съ дѣтьми, ко дню ея рожденія, въ началѣ іюля. — „Мы отправимся въ Красный-Кутъ, — убѣждала Серафима Марѣ: — тогда и ты съѣздишь въ Свіблово; а теперь погости еще, дорогая, пробудь съ нами“.—Марѣ согласилась. Да ей, кстати, было здѣсь такъ хорошо. Погода стояла превосходная. Всюду начинала проявляться зелень и луговины запестрѣли цвѣтами. Еще непокрывшійся листьями садъ наполнился птицами. Толкаясь между оголённыхъ вѣтвей жимолости и сирени, скворцы, малиновки, сѣрые и черные дрозды вили гнѣзда въ незримыхъ затишьяхъ. Звонкою свирѣлью отзывалась зелено-желтая иволга, взлетая и ныряя между зацвѣтавшихъ яблонь и грушъ. По мшистой, корявой березѣ, отыскивая оживишихъ червей, прыгалъ и долбилъ носомъ дятелъ, то складывая, то

распуская вѣеромъ свой хохолокъ. Съ вершины могучаго, еще безлистаго дуба, на всѣ садовые заросли и тайники куковала кукушка, и съ утра до ночи въ нижнемъ, а частью и въ верхнемъ саду гремѣли соловьи.

— Ахъ, Серафимочка, какъ у васъ здѣсь хорошо!—вскрикивала Марѝ, вслушиваясь въ эти свисты и крики:—хорошо и въ Ракитномъ; но тамъ степь, мало воды, а здѣсь, эта Волга...

Накинувъ на голову косынку, Марѝ, безъ мантильи, выходила съ Серафимой на просохшія аллеи верхняго сада и спускалась, по набитой щебнемъ дорожкѣ, къ обрыву надъ рѣкой.

— Смотри, какая прелесть!—указывала она на синіе подснѣжники и желтые одуванчики, выглядывавшіе изъ-подъ старыхъ листьевъ и мха:—вотъ восторгъ... А воздухъ... такъ и опьяняетъ,—а этотъ видъ отсюда... Волга, бѣгущія суда...

Присѣвъ на дерновую скамью, Марѝ по часамъ любовалась широкимъ разливомъ Волги, подошедшей къ Горкамъ и далеко затопившей противоположные, синѣющіе берега.

— Что̀ это?— спрашивала она, указывая Серафимѣ чуть видныя точки за рѣкой.

— Прямо — рыбацкая слободка,—отвѣчала Серафима:—вправо, видишь маковку церкви?—то на холмѣ монастырь.

— А это будто лѣсъ, или горы?

Серафима объясняла. Марѝ едва слушала.

Ея мысли носились далеко.

„Все обняла и все потопила могучая рѣка,—думала она:—нѣтъ другимъ мѣста, одна она. Но пригрѣетъ солнце, воды спадутъ, обсохнутъ берега... Горе людское злѣе; оно неукротимо, топитъ все на пути и не отступаетъ...“ — Вспомнилось Марѝ недавнее прошлое, жизнь въ Ракитномъ, ожиданіе мужа, встрѣча съ нимъ, возвратъ изъ Ракитнаго и тихая, радостная жизнь въ Москвѣ. Гдѣ же все это теперь? Откуда взялся страшный и грозный потокъ и куда онъ унесъ всѣ эти радости, все счастье?— „О, этому горю, одиночеству не будетъ конца!“ — мыслила она:— „счастье, какъ молодость, приходитъ разъ въ жизни и больше не повторяется“.

— О чемъ думаешь?—спрашивала ее, въ такія минуты, Серафима.

— Такъ, вспомнила, что давно пора ѣхать въ Свѝблово... да вотъ кончится половодье, просохнутъ дороги, тогда и въ путь.

— Полно, Машенька, выкинь эти мысли изъ головы, оставайся у насъ, іюнь не за горами... тогда разомъ и уѣдемъ.

— Ахъ, дорогіе мои, не то,—отвѣчала Марѝ, утирая катившіяся слезы:—не то въ мысляхъ... Правъ былъ великій писатель, изъ котораго читалъ Сила Ѳомичъ:—нѣтъ полнаго счастья на землѣ, оно только

поманитъ и скроется; ищешь его и видишь—оно уже не здѣсь, а въ загробной жизни, въ небесахъ.

— Да полно отчаяваться,—утѣшала ее Серафима:—всякому горю бываетъ конецъ... посуди сама, ты молода, безупречна. То, что̀ совершилось, какой-то странный, невѣроятный сонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь меня, ни слова!—отвѣчала Марѝ:—донесу крестъ до гроба, а счастья не воротить.

Въ такія минуты Серафима смолкала и незамѣтно оставляла Марѝ.

„Пусть выплачетъ подступившія слезы“, думала она, возвращаясь въ домъ. Проходилъ часъ-другой. У балкона мелькала кисейная косынка. Марѝ медленно всходила на крыльцо. Вскорѣ, изъ раскрытаго въ садъ окна ея комнаты, доносились звуки клавикордовъ. Тихая и нѣжная мелодія народной итальянской канцоне́ты переходила въ бурную фугу Баха и завершалась страстною, точно плачущею, серенадой Моцарта.

— Старается успокоиться, бѣдная! — говорила Серафима мужу, указывая на комнату Марѝ: — ужъ я ей и то, и другое, толкуетъ одно—горе мое безъ конца! Не ожидала я и отъ Глѣба... Ты знаешь ихъ размолвку; вѣдь чистые пустяки; какъ молчать столько времени? не говорю о насъ, о женѣ, хоть бы о ребенкѣ ласково вспомнилъ... написалъ два раза по пяти строкъ, да и то — словно на казенный запросъ отвѣтилъ.

— Да, онъ упоренъ и не по лѣтамъ суровъ,—отвѣтилъ, почему-то краснѣя, Алексѣй: — бываютъ такія натуры. И это не зло и не черствость души; скорѣе—чрезмѣрное самолюбіе, мнительность.

Серафима нѣжно, съ любовью, слушала мнѣніе этого огромнаго, со всклоченною головой, человѣка, близорукими глазами смущенно глядѣвшаго въ это время въ раскрытую передъ нимъ книгу, и думала: „такъ, милый, добрый, такъ! ты великодушно, честно простилъ когда-то меня... Всѣ ли способны быть такимъ возвышеннымъ и прощающимъ, какъ ты?“

Садъ окончательно зазеленѣлъ. Старыя липовыя и березовыя аллеи стемнѣли. Марѝ брала зонтикъ и книгу и ходила на любимую лужайку, надъ спускомъ въ нижній садъ; здѣсь она ежедневно сидѣла, читая и любуясь выходившими изъ воды полянами и холмами зарѣчной, луговой стороны. Тамъ теперь ясно виднѣлись очертанія пристаней, враговъ и лѣсовъ. Серебристо-голубыми лентами между луговъ извивались еще полные весеннихъ водъ ручьи и озера. У берега и по окрестнымъ холмамъ паслись стада. Сѣрые дымки, пророча долгое вёдро, медленно поднимались надъ чуть видными посёлками. Съ плывущихъ на Волгѣ барокъ доносились пѣсни и крики рабочихъ, сплавлявшихъ лѣсъ и хлѣбъ на низъ.

Однажды Марѝ, кончивъ чтеніе, съ книгой подъ мышкой, медленно возвращалась по саду домой. Вечерѣло. Въ росистомъ, тепломъ воздухѣ пахло отцвѣтавшей въ то время сиренью. Соловьи перекликались со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ, въ концѣ верхняго сада, пѣлъ особенно восхитительно. Марѝ, остановясь, послушала его и рѣшила подойти къ нему ближе. Она, осторожнымъ шагомъ, миновала одну дорожку, другую. Плодовый садъ смѣнился рощей дикихъ деревьевъ, растущихъ на его краю. Пройдя по мосту черезъ ручей, отдѣлявшій садъ отъ рощи, Марѝ взяла вправо и очутилась у остатковъ ветхой изгороди, окружавшей поляну, гдѣ когда-то стоялъ пчельникъ. Это мѣсто теперь было заброшено и заросло кустами, крапивой и лопухомъ. Дорога отъ моста въ рощу шла лѣвѣе. Соловей, такъ чудно гремѣвшій здѣсь гдѣ-то, за минуту назадъ, смолкъ, очевидно, перелетѣвъ въ другое мѣсто. Марѝ остановилась, глядя на этотъ дикій, пустынный уголъ, и невольно вздрогнула. Въ гущинѣ кустовъ, за изгородью, ей послышался странный шорохъ, какъ бы кто-нибудь рылъ и тихо отбрасывалъ землю. Марѝ замерла. — „Вѣрно собака роется за кротомъ,—подумала она, слушая:—а что, если не собака, а волкъ? здѣсь, можетъ быть, его нора...“—Она уже хотѣла опрометью бѣжать обратно, какъ явственно разслышала вздохъ и чьи-то слова. Она обошла кусты, за которыми слышался шорохъ, и увидѣла бѣлую шапку и худыя плечи кого-то, согнувшагося у изгороди надъ травой. Марѝ узнала стараго кучера Корнея, давно жившаго, при горецкой усадьбѣ, на покоѣ. Возлѣ него, кроясь за кустомъ, стояла сѣдая, сгорбленная старуха. Двинувшись къ изгороди, Марѝ въ этой старухѣ узнала хворавшую въ теченіе всей зимы, тоже отставную, птичницу Дарью, жену Корнея. Она ласково окликнула ихъ.

— Что вы это копаете?—спросила Марѝ, подходя къ нимъ.

— Ой, какъ вы, барыня-матушка, испугали насъ,—отвѣтила Дарья, крестясь и опуская какой-то узелъ въ траву.

Корней, снявъ шапку, смущенно почесывалъ въ бородѣ.

— Зелье какое или грибы?—спросила Марѝ.

— Какое зелье! а грибамъ время ли? — отвѣтилъ Корней: — не выдай, матушка-сударыня, добро свое закапываемъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ, барыня ты наша хорошая? антихристъ народился; сколько губитъ, калѣчитъ и грабитъ неповинныхъ душъ! Былъ въ оны годы, сказываютъ, сто лѣтъ назадъ, въ тутошнихъ мѣстахъ душегубъ-разбойникъ, Стенька Разинъ,—тоже всѣхъ истязалъ. Да вѣдь на то онъ и былъ разбойникъ, бурлакъ, по-разбойничьи и жилъ. А вѣдь этотъ, спаси, Господи, и помилуй, эко дѣло затѣялъ, царское имя на себя взялъ... не по просту жить хочетъ. Ему все мало, все подай.

— Что же, Корней, его бояться? слышно, его уже разбили, прогнали за горы, за Уралъ.

— Не разобьютъ такого, болѣзная, и не прогонятъ, — отвѣтилъ, покачавъ головою, Корней:—онъ по всему царству тайно ходилъ, все развѣдывалъ; бѣлый да черный порохъ дѣлалъ... черный бы еще ничего, у солдатъ есть, а бѣлый, сказываютъ, тайно палитъ, а огня не даётъ.

Марѣ улыбнулась.

— Не смѣйтесь, барыня,—укоризненно сказалъ Корней, глянувъ на Дарью: — въ него и пушки не стрѣляютъ; это наведутъ на него, фитиль къ затравкѣ приложатъ, а бонба хоть вылетитъ, да къ ногамъ, какъ яичко, и прикатится.

— Полно, Корней, это все глупыя росказни, нарочно сбиваютъ народъ.

— Не нарочно... Не токмо мы, рабы, многіе господа и попы уже признали его, крестъ ему цѣлуютъ, а на ектеніяхъ, не царицу нашу, Катерину Ликсѣвну, а уже супружницу его, какую-то, прости, Господи, Устинью поминаютъ.

— Откуда ты все это знаешь?—удивилась Марѣ.

Корней опять глянулъ на Дарью; та сердито отвернулась.

— Какъ не знать? оно точно, мы тутъ сидимъ, какъ въ норѣ,— отвѣтилъ старикъ: — а спросите хоть Сергѣя; онъ былъ въ людяхъ и наслышался. И сказываетъ всѣмъ тотъ Пугачъ: разорю и покорю— не токмо Яикъ и Каму, всю Волгу; пойду къ Москвѣ, какъ глава къ главѣ, и всѣ ко главѣ моей преклонятся и мнѣ присягнутъ. Охъ, матушка, явится злодѣй, антихристъ, и въ нашихъ мѣстахъ... Какъ не бояться и не хоронить добра? Только ты-то, барыня, никому не сказывай.

— Не губи, милостивая,—обратилась къ Марѣ и Дарья, кланяясь ей въ поясъ:—всяко бываетъ; хорони до случнóго часа, свои пожитки, добро.

XVII.

Задумалась Марья Родіоновна надъ тѣмъ, что̀ увидѣла и услышала, и до времени рѣшила объ этомъ помолчать. А дня черезъ два увидѣла, что и другіе слуги, въ сумерки, тайкомъ уходили съ узлами въ рощу и на деревню, съ цѣлью, очевидно, припрятать болѣе цѣнныя вещи. Примѣтила она, наконецъ, что и Сысоевна, долго засидѣвшись за чаемъ, въ каморкѣ ключницы, прійдя отъ нея, стала какъ-то особенно внимательно копаться въ хламѣ своего дорожнаго сундука. Она отбирала и откладывала изъ него въ особый свертокъ разныя вещи:

два шерстяныхъ, праздничныхъ цвѣтныхъ платка, шелковое платье, свадебный подарокъ матери Глѣба, парадный кисейный чепецъ, съ оборками и бархатною лентой, мѣшочекъ ладону, которымъ она любила въ праздники курить, и складной походный образокъ.

— Что это, няня, ты дѣлаешь?—спросила Марѝ, входя въ дѣтскую.

Сысоевна тяжело вздохнула и, продолжая копаться, ничего не отвѣтила.

— Развѣ и ты собираешься что прятать?—спросила Марѝ.

Старуха обернулась.

— А ты, матушка, думаешь,—сердито отвѣтила она:—что такъ-то имъ, извергамъ, и оставлять на показъ всѣ наши похорóнки, какъ сюда налетятъ?

— Да неужели, няня, ты думаешь, что злодѣи могутъ явиться и въ эти мѣста? Такая, во-первыхъ, даль, а они бѣжали еще за семьсотъ верстъ отъ Оренбурга, въ Башкирію, и, во-вторыхъ, чтобы добраться сюда, имъ надо вновь пройти мимо крѣпостей, гдѣ уже ихъ разбили и куда посланы новыя войска.

— Эхъ, матушка, птенчикъ ты молодой,—отвѣтила старуха, прикрывъ сундукъ и присѣвъ на него:—тутошніе старики не то говорятъ; есть промежъ ихъ вонъ какіе древніе, хоть бы Романъ Сухóня, или охотника Пармёна дѣдъ, по сту лѣтъ и болѣе живутъ. Они царя перваго Петра видѣли и помнятъ, а отъ отцовъ-дѣдовъ слышали о Разинѣ. Тотъ, сказываютъ, леталъ по низу, какъ черный воронъ, падалью не брезгалъ; этотъ же летаетъ высоко, какъ орелъ. Тотъ грабилъ барки, да купцовъ, по-мужицки жилъ; этотъ норовитъ—на царство сѣсть. Ты пойми, матушка: съ чего ему, царю-то мужику, надо было начать?—спросила Сысоевна, понизивъ голосъ и оглядываясь:—разсуди сама... Онъ объявилъ черни, всѣмъ мужикамъ — не быть за помѣщиками, не быть за монастырями, дворцами и казной, а всѣмъ стать вольными. А черни того и надо. Стали убивать старостъ, прикащиковъ, а нынѣ, прости, Боже, и господъ!..

— И, няня! бываютъ тяжкія времена, да милостивъ Богъ... Будемъ молиться; бунтъ, слышно, совсѣмъ затихъ. Воевода на-дняхъ самому Алексѣю Андреичу сказалъ,—нечего, молъ, болѣе бояться, отъ злодѣевъ не осталось и слѣда.

— Дай-то, Господи, — раздумчиво крестясь и опять раскрывая сундукъ, сказала старуха:—а я, все-таки, подарки твои и твоей свекрови отъ тѣхъ убивцевъ схороню, гдѣ знаю... Да и тебѣ совѣтую, не ровенъ часъ, припрятать, что подороже,—алмазныя серьги,—зачѣмъ ихъ носишь, по всякъ день? колечки, зéпьчугъ, да хоть и Васенькинъ, отъ бабушки, золотой, съ бирюзами, крестикъ. Хоть и ѣхать намъ въ Свíблово, на дорогѣ могутъ отнять.

Марѝ задумалась отъ этихъ словъ.

— Гдѣ же тутъ спрятать?—спросила она.

— Отдай отцу Василію; онъ Богу служитъ, его не тронутъ, въ церковной оградѣ, полагать надо, и для душегуба святъ человѣкъ.

— Охъ, няня, такъ ли это? впрочемъ, подумаю, — отвѣтила Марѝ.

Вспомнивъ о Сергѣѣ, она выбрала минуту и рѣшила разспросить его подробнѣе. Но на всѣ ея вопросы, сбрившій бороду и попрежнему служившій въ домѣ, Сергѣй отвѣчалъ одно: „Что̀ намъ, сударыня, знать! мы люди темные, темныхъ и слушали... мало ли что толкуютъ!“ Такъ Марѝ и не добилась отъ него никакихъ разъясненій. Но какъ она ни была убѣждена въ томъ, что никакія опасности въ то время болѣе не грозили Поволжью вообще, а Горкамъ въ особенности, однако, передъ отъѣздомъ въ Свѝблово, нѣкоторыя свои цѣнныя вещи оставила на храненіе отцу Василію.

Выѣздъ хозяевъ въ Красный-Кутъ, а гостьи въ Свѝблово назначался и отмѣнялся нѣсколько разъ подъ-рядъ. Все уже оказывалось вынесеннымъ и уложеннымъ; слуги ждали и запряженные экипажи стояли у крыльца, но вдругъ являлась какая-нибудь нежданная преграда,—не удавались пирожки на дорогу, во-время не просохло и не было, какъ слѣдуетъ, выглажено все бѣлье дамъ и дѣтей, или кто-либо изъ множества слугъ, на прощанье, оказывался до того пьянъ, что боялись обронить его на пути,—и опять лошади отпрягались, путники, уже одѣтые, снова входили въ комнаты, и отъѣздъ отлагался. Наконецъ, выбрали самый удобный день,—не понедѣльникъ, не среду и не пятницу, но вторникъ, — и рѣшили, уже безъ всякой отмѣны, пуститься въ дорогу въ этотъ день.

Путниковъ, по обычаю, собрались провожать многіе сосѣди. Весь дворъ въ Горкахъ, съ утра, наполнился экипажами. Ранѣе всѣхъ, разумѣется, явился Травкинъ, съ своимъ племянникомъ, Бо̀рей. Пріѣхалъ и Лаптевъ, съ дочерьми и скрипкой. Отслужили напутственный молебенъ. Послѣ завтрака, когда экипажи стояли у крыльца и слуги сносили въ нихъ послѣдніе укладки, ящики, свертки и узлы, Марѝ присѣла за клавикорды, а Серафима, подъ ея игру, спѣла арію изъ Антигоны: „Впередъ, проводникъ, впередъ!“—Сила Ѳомичъ схватилъ изъ передней привезенный имъ футляръ съ віолончелью, Лаптевъ принесъ скрипку, Борисъ взялъ флейту, и проводы завершились квинте́томъ Буккерѝни.

Алексѣй приказалъ подать венгерскаго, налилъ бокалы и самъ ихъ разнесъ. Всѣ пили, желая отъѣзжающимъ счастливаго пути и скораго, благополучнаго возвращенія. Пили также за находившихся въ Ракитномъ, Красномъ-Кутѣ и Свѝбловѣ. Алексѣй вспомнилъ о Москвѣ и

предложилъ выпить за здоровье Глѣба. Онъ взглянулъ на Марѝ: у нея слезы стояли въ глазахъ.

— А ну, Сила Ѳомичъ, веселенькую! — обратился онъ къ Травкину, указавъ ему на Марѝ.

Старикъ не заставилъ долго ждать себя. Онъ подошелъ къ крестнику, оправилъ на немъ коричневый шерстяной камзольчикъ, откинулъ ему кудри за уши, шепнулъ: „Ну, Боря, не осрамись... Варва̀рушку!“ — и, шевеля плечами и подмигивая ему и своей втòрѣ, Лаптеву, сталъ пиликать на віолончели нѣчто веселое и подхватывающее. Боря уставилъ руки фертомъ въ бока, вытянулся, сдѣлалъ нѣсколько тихихъ и плавныхъ движеній, живо метнулъ въ воздухъ одною ногою, потомъ другою, поднесъ флейту къ губамъ, проигралъ на ней отвѣтную трель и, взявшись снова подъ бока, ухарски взглянулъ на дядю. Согнувшійся надъ пузатою віолончелью, Травкинъ быстрѣе задвигалъ смычкомъ по струнамъ и, продолжая шевелить плечами, отвернулся въ сторону. Въ комнатѣ послышался звукъ пріятнаго, нѣжнаго, хотя нѣсколько дрожавшаго баритона. Марѝ, съ удивленіемъ, оглянулась, не зная, чей это голосъ. Пѣлъ старикъ Травкинъ...

„Сударушка, Варва́рушка,
„Не гнѣвайся на меня,
„Что я не былъ у тебя...“

Боря, подъ это пѣніе, зачастилъ ногами, пронесся волчкомъ въ одинъ конецъ комнаты, потомъ въ другой и, въ самомъ разгарѣ музыки, вновь замирая на мѣстѣ, взглядывалъ на дядю и ждалъ. А дядя, еще ниже сгибаясь надъ віолончелью и подмигивая не только Борѣ и Лаптеву, но и всѣмъ остальнымъ, подхватывалъ:

„Сударь, баринъ, приходи,
„Подарочки приноси —
„Подарочекъ не простой,
„Перстепечекъ золотой“.

— Браво, браво! — раздались восторженные возгласы, когда Боря кончилъ.

Изъ корридора и прихожей выглядывали радостныя лица слугъ, шептавшихъ: „ай да молодецъ. барченокъ! вотъ такъ отхваталъ Варва́рушку!“

— Да какой же у васъ и голосъ пріятный, — повеселѣвъ. обратилась Марѝ къ Травкину, скромно принимавшему общія похвалы себѣ и Борѣ: — ужъ вотъ подарили, и не ожидала!

— Э, да ты многаго еще въ немъ не знаешь, — улыбался Алексѣй: — онъ и самъ лихо пляшетъ.

Всѣ окружили Травкина, прося и его на прощаньѣ протанцовать.

— Нѣтъ ужъ, други мои, нѣтъ, — отговаривался Сила Ѳомичъ, утирая платкомъ лысину и лицо: — не теперь, въ другой разъ, какъ всѣ вернетесь. А вамъ, скажу, пора и ѣхать. Вонъ солнце зашло за облако; еще сберутся тучи, не быть бы грозѣ.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ потемнѣло! — сказала Нинéтъ, ѣхавшая въ Свѝблово, съ Марѝ, и сильно боявшаяся грозы: — лошади готовы, ѣдемъ.

Всѣ взглянули на окна. На дворѣ, дѣйствительно, какъ бы примеркло.

— А что, не остаться ли намъ до завтра?—вдругъ сказала, посмотрѣвъ на мужа, Серафима.

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричали всѣ:—все уже вынесено и уложено... Легкій день и при томъ сѣренькая, нежаркая погода.

— А ѣхать, дѣйствительно, такъ и ѣхать,—объявилъ, наконецъ, Алексѣй:—что, все готово?—обратился онъ къ слугамъ.

— Все-съ,— отвѣтили тѣ съ порога.

Хозяева и гости сѣли по стульямъ, помолчали и, вставъ и крестясь, начали прощаться.—„Не забыли ли чего?“—„Все взято и вынесено“. — Путники вышли на крыльцо и стали снова прощаться.

— Да что же мы,—улыбнулась золовкѣ Серафима:—вѣдь до города намъ всѣмъ одинъ путь.

И дѣйствительно, до Саратова всѣ ѣхали вмѣстѣ. Далѣе ихъ пути расходились. Пока экипажи миновали деревню и выбрались въ поле, грозы не было. Изъ надвинувшихся тучъ упало только нѣсколько капель дождя. Но едва путники, поднявшись въ гору, выѣхали на почтовый трактъ, шедшій по берегу Волги, подулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ, на дорогѣ поднялись и закружились столбы пыли, ударилъ громъ, и обильный дождь косымъ ливнемъ зачастилъ и загудѣлъ надъ полями.

— Благодать! счастье! дорогу смочилъ! — весело толковали путники, прячась подъ кузовами каретъ, колясокъ и бричекъ.

— Подвинь-ка ноги, тѣсно,—сказалъ Сергѣй горничной Аннушкѣ, сидя съ нею подъ синимъ холщевымъ зонтомъ, сзади кареты Марѝ.

— Самъ, чёртъ, лапища разставилъ, а тоже командуетъ, — сердито огрызнулась Аннушка, видя, что дождь мочитъ ея новое, розовое, тарлатановое платье.

— Не командую... другой надъ нами командиръ!

— Какой это еще другой?

— Не видишь, развѣ, ливня, грозы? Откуда все взялось? царя нашего, батюшку, не уважаютъ... Господь-то и гнѣвается Въ малѣ Богъ и въ велицей Богъ... Живъ Богъ, жива душа моя... Мало ли еще чему быть!

— Ну, ври, толстомордый, пока не урѣзали языка... Да ты что

это весь зонтъ заграбасталъ на себя? давай, — крикнула Аннушка, оттаскивая покрышку зонтика на себя: — мое платье не твоему суконищу чета, опять же только-что пошиты башмаки.

— Воздастся вамъ за грѣхи, воздастся!—ворчалъ, подъ брызгами дождя, Сергѣй:—Богъ по ны, никто же на ны... о, Господи, всевидецъ, укротитель и судія!

Путники благополучно и въ свое время добрались какъ въ Красный-Кутъ, такъ и въ Свѝблово. Они разстались въ Саратовѣ, гдѣ заѣзжали къ знакомому профессору, астроному Ловицу, у котораго отдохнули около часа. Это былъ добродушный, очень мало обрусѣлый нѣмецъ, совершившій путешествіе въ Среднюю Азію и въ Гурьевѣ, пять лѣтъ назадъ, наблюдавшій прохожденіе Венеры черезъ солнце.

— Bitte, bitte... уфъ августъ,—сказалъ Ловицъ:—у меня отличне телескопъ, увидите кольца Сатурнъ.

Въ Красномъ-Кутѣ Алексѣй и Серафима были встрѣчены со слезами радости. Крёстная Серафимы не знала, какъ лучше ихъ угостить. Особенно она восхищалась ихъ дѣтьми. Прошло около двухъ недѣль. Алексѣй написалъ обо всемъ въ Свѝблово, откуда въ Красный-Кутъ также пришло письмо.

— А наши вояжеры не обошлись безъ приключенія, — сказалъ Алексѣй, прочитавъ на балконѣ въ саду это письмо: — Марѝ, представьте, сообщаетъ, что ихъ слуга, этотъ-то Сергѣй, едва прибывши въ Свѝблово, исчезъ безъ слѣда.

— Куда же онъ пропалъ? — спросила Варвара Ивановна Туровцова, удивленно оглядывая всѣхъ въ лорнетъ.

— Марѝ только и пишетъ, что едва онъ пріѣхалъ, внесъ и распаковалъ вещи, отпросился, будто бы, къ роднымъ, на деревню, и исчезъ!

— Какая, однако, причина? его притѣснялн? обижали, или онъ пилъ?—спросила Туровцова.

— Воли, видно, захотѣлъ, понюхалъ воздуха тамошнихъ степей.

— Да, не даромъ онъ у васъ, какъ я была въ Москвѣ, все священныя книжки читалъ, — замѣтила Варвара Ивановна: — охъ, не люблю я этихъ слугъ-грамотѣевъ; глядитъ въ книжку, едва разбираетъ по складамъ, а у самого мысли далеко, и все дурныя.

— Полноте, маман,—возразила Серафима:—вѣдь сама Марѝ учила его грамотѣ; онъ читалъ все святыя книжки, Богу все хотѣлъ послужить... Будь-ка образованъ нашъ народъ,—ну, хотя бы, какъ наши сосѣди, саратовскіе колонисты... Отъ чего же и всѣ грубыя страсти и преступленія народа?..

— Отъ бѣдности и нравственной тьмы!—отозвалась Нинѐтъ.

— Ну, старая пѣсня, Нина Александровна, —съ неудовольствіемъ

возразилъ Алексѣй: — вамъ, извините, только бы изучать философовъ, да вольнодумствовать о мнимыхъ бѣдствіяхъ чернаго народа. А чѣмъ онъ у насъ здѣсь, или въ Свѣбловѣ, стѣсненъ или отягченъ? все у васъ, извините, фантазіи!—заключилъ Алексѣй, барабаня пальцемъ по столу и думая, между тѣмъ: „а все ли, однако, у насъ въ деревняхъ такъ благополучно и хорошо?“

XVIII.

Отбитый отъ Оренбурга и Татищевой Голицынымъ, Пугачовъ странствовалъ, съ остатками своихъ шаекъ, въ Уральскихъ горахъ, выжигая и грабя башкирскія деревни и рудокопные заводы, забирая на послѣднихъ оружіе, порохъ и деньги и „скопляясь“ силами для новыхъ набѣговъ и грабежей. Онъ находился еще въ Башкиріи, когда настала весна 1774 года.

Снѣга въ степяхъ затаяли, вскрылись рѣки и по нимъ, мимо освобожденныхъ отъ самозванца крѣпостей, поплыли тѣла убитыхъ въ послѣднемъ его набѣгѣ на Татищеву. Осиротѣлыя казачки, стоя у береговъ, съ воплями и причитаніями, ловили баграми плывшіе трупы, распознавая въ нихъ своихъ мужей и отцовъ.

Былъ теплый, апрѣльскій день. Пугачовъ задумалъ разгромить и выжечь Саткинскій и Златоустовскій заводы, но еще не рѣшался двинуться туда. Главные изъ его сообщниковъ и помощниковъ, въ послѣднихъ стычкахъ съ Михельсономъ, были взяты въ плѣнъ: Шигаёвъ и Почиталинъ — въ Сакмарскомъ городкѣ, въ Табынскѣ — Зарубинъ-Чика. Емельянъ подбиралъ себѣ новыхъ. Смѣнившій Зарубина, состоявшій когда-то въ церковныхъ пѣвчихъ, казакъ Иванъ Твороговъ подыскивалъ способнаго грамотѣя, для составленія манифестовъ и указовъ самозванца. Многихъ приводили къ нему. Онъ испытывалъ ихъ въ писарствѣ и не одобрялъ. Вдругъ ему сообщили, что въ лагерь прибылъ зѣло-грамотный сынъ богатаго заводчика, съ просьбой дозволить ему явиться къ царю. Твороговъ доложилъ Пугачову.

— А! это съ куршавинскихъ рудъ! — сказалъ Емельянъ: — слышалъ... тысячники!.. какъ его имя?

— Зовутъ Ѳедоромъ, по прозвищу Пря́дышевъ.

— Веди его...

Твороговъ послалъ за Пря́дышевымъ. Подъѣхавшій къ ночи въ обозъ Пугачова, Теодоръ, съ тревогой и любопытствомъ, всматривался въ необычное и странное зрѣлище, встрѣтившее его здѣсь.

Лагерь и обозъ Пугачова, въ то время, были расположены на взгорьѣ, у опушки большаго лѣса, невдали отъ казеннаго чугунно-

плавильнаго и желѣзнаго завода, наканунѣ только разгромлённаго, ограбленнаго и сожжённаго отрядомъ Пугачова. Съ холма, черезъ рѣчку, въ темнотѣ, виднѣлось еще пламя дымившихся развалинъ литейныхъ, кузницъ, складовъ и другихъ зданій завода и прилегавшихъ къ нему предмѣстьевъ. Нападавшіе, окруживъ заводъ, кинулись ночью безъ выстрѣла на приступъ, съ чекушами, дрекольемъ и пиками, зажгли избы и сараи предмѣстьевъ и стали ломиться въ ворота высокаго деревяннаго частокола, которымъ заводъ изстари охранялся отъ нападеній башкирцевъ и киргизъ. Кучка гарнизонныхъ инвалидовъ, составлявшихъ заводской караулъ, отбила ворота и, съ хлѣбомъ-солью и съ церковнымъ причтомъ во главѣ, покорно вышла на-встрѣчу самозванцу. Съ заводской церкви загудѣлъ колокольный набатъ. Солдаты шли безъ оружія. Блѣдный и растерянный священникъ, спотыкаясь и боясь поднять глаза, шелъ съ крестомъ и хоругвями за пѣвчими, возглашавшими самозванцу: „Тебе, Бога, хвалимъ“. Знамя преклонили передъ Пугачовымъ, церковники и прочіе цѣловали ему руку. Онъ велѣлъ остричь солдатамъ косы и объявилъ ихъ казаками. Гарнизонный офицеръ и смотритель завода, отказавшіеся покориться самозванцу, были повѣшены; посаженные ими подъ арестъ, подозрительные рабочіе выпущены на свободу. Побѣдители взломали кладовыя, церковь и погреба, выкатили бочки, съ запасомъ казеннаго вина, и всю ночь, въ обозѣ и у ставокъ начальства, шла непрерывная попойка и гульба, слышались буйные крики и пѣсни.

Зарю въ лагерѣ самозванца возглашали пушечными выстрѣлами, а когда у него не оказывалось пушекъ,—барабаннымъ боемъ.

Кое-какъ задремавъ у себя въ саняхъ, подъ полстью, Теодоръ былъ разбуженъ страннымъ и рѣзкимъ звукомъ барабана. Онъ раскрылъ глаза. Невдали отъ мѣста, гдѣ стояли его сани, между войлочными кибитками, землянками и коновязями, ходилъ въ нагольномъ тулупѣ и бабьемъ волосникѣ, вмѣсто шапки, огромный и бородатый мужикъ, съ саблей при боку и барабаномъ на привязи, черезъ плечо, будя разоспавшихся и хмѣльныхъ гулебщиковъ. Разсвѣло. Тамъ и здѣсь, на площадкахъ лагеря и въ обозѣ, у дымившихся костровъ, кипѣли котлы съ кашей, бараньей похлебкой и щербой — ухой изъ мелкой рыбешки.

Проголодавшійся за ночь, среди опасной, наполненной мятежниками дороги, верзило Апрóнька, спутникъ Теодора, поглядывая то на распряженныхъ жеребцовъ, ѣвшихъ въ торбахъ овесъ, то на снующую въ обозѣ пеструю челядь, жадно принюхивался къ смѣшанному, вкусному запаху рыбы и баранины, доносившемуся съ ближняго костра.

Лишенный отцомъ, со времени своего побѣга въ Кіевъ, моднаго

французскаго кафтана, камзола, башмаковъ съ пряжками и напудренной косы, Пря́дышевъ и теперь былъ одѣтъ въ простой купеческій, долгополый кафтанъ, въ высокіе сапоги, черный башкирскій полушубокъ, подтянутый поверхъ кафтана зелёнымъ кушакомъ, и въ сѣрой шапкѣ, на остриженныхъ въ скобку волосахъ. Онъ сидѣлъ на облучкѣ саней, слѣдя за суетой обоза и лагеря. Мимо него сновали продавцы хлѣба, связокъ лука, вяленой и сухой рыбы и чесноку. Полупьяные оборванцы, горланя, носили и продавали разную рухлядь изъ остатковъ вчерашняго грабежа: сапоги, зипуны и шапки съ убитыхъ заводскихъ рабочихъ, куски холста, подушки, муку и горшки съ квашеной капустой. Хромой, краснокожій здоровякъ несъ въ рукахъ женскій шелковый робро̀нъ; самъ онъ былъ одѣтъ въ церковную, глазетовую ризу, а поверхъ лисьяго малаха̀я, съ ушами, имѣлъ на головѣ бархатную поповскую камилавку. Толпа, состоявшая почти сплошь изъ раскольниковъ, со смѣхомъ и прибаутками, провожала этого продавца по обозу, а онъ выкрикивалъ: „Вотъ наряды, платье, сама заводчиха носила, на осину у батюшки угодила!“ — Лагерь былъ особенно шуменъ выше, на взгорьѣ, гдѣ виднѣлись, невдали одна отъ другой, три большія, войлочныя палатки. У входа въ одну изъ нихъ, съ саблями на-голо, стояли, въ красныхъ чекменяхъ, часовые. Пря́дышеву сказали, что то была государева ставка; на ней развѣвалось бѣлое шерстяное знамя, съ восьмиконечнымъ, золотымъ, раскольничьимъ крестомъ.

„Государь онъ и вправду“ — думалъ Теодоръ, глядя на эту палатку: — „по всему, что̀ видно и слышно, должно быть — государь. Прибѣгалъ это къ намъ на заводъ лазутчикъ, саткинскій пономарь; божился, увѣрялъ, — развѣ попли бы такъ за другимъ? Не токмо отставные гвардіонцы, — служащій во фронтѣ офицеръ-поручикъ, слышно, призналъ его. А пономарь сказывалъ, что государя укралъ и выпустилъ изъ-подъ караула въ Ропшѣ капитанъ Масловъ; сѣлъ избавленный на коня и поскакалъ, да въ три дня отъ Питера въ Кіевѣ сталъ, загналъ восемнадцать верховыхъ лошадей и за каждую выплатилъ по сто червонцевъ. Щедрый! А у меня къ нему важное дѣло... Матушка, какъ повидѣла меня изъ саду, въ ту пору, въ черной, срамной работѣ, въ сажѣ, рваной сорочкѣ, да въ посконныхъ портахъ, упала безъ памяти и заболѣла. Тятенька ту-жъ минуту, будто, смиловался, пріодѣлъ меня и отправилъ сюда за горы, въ Куршавино. — Ты, говоритъ, Ѳедька, сталъ въ умъ приходить, пора; ѣзжай, будь моимъ главнымъ окомъ на заводѣ; веди себя честно, да боязно, оправишься, буду самъ туда лѣтомъ, и вотъ какъ тебя превозвышу и отличу. — Я сдуру и поѣхалъ! Матушка безъ меня, съ новаго горя, съ разлуки нашей, не долго прожила, въ скорости померла. Какъ узналъ я про то, должно

съ горя, опять запилъ, закурилъ. Страшно и вспомнить, какъ пилъ! По задворьямъ валялся, у кабаковъ поднимали, приносили въ контору. Тутъ пожалѣть бы, а отецъ, какъ есть, ожесточился. Пошли сюда письма, приказы; пишетъ: въ холодной его, дьявола, держать. И держали; да, теперь уже баста. Пускай старый московскіе пожитки, заводъ и весь тамошній капиталъ на свое имя перевелъ; здѣшніе всѣ заводы и руды—матушкины, стало быть, мои... Царь разсудитъ насъ, отберетъ заводы и велитъ числиться за мной".

— Кто тутъ изъ куршавинскихъ, — раздался голосъ за спиной Теодора.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ въ тулупѣ и въ волосникѣ, съ саблей у пояса, бородачъ, барабанившій утромъ зарю. Теодоръ всталъ съ саней.

— Ты будешь Прядышевъ?—спросилъ подошедшій.

— Я.

— Какъ тебя величать?

Теодоръ назвалъ себя.

— Ну, иди же, Ѳедюха,—сказалъ бородачъ:—царь-батюшка, милостивецъ нашъ, жалуетъ тебя, допущаетъ передъ свои очи.

Теодоръ оправилъ на себѣ шапку, подтянулъ поясъ, взялъ съ саней привезенную съ завода соболью шубу, крытую тонкимъ, синимъ сукномъ, и пошелъ за провожатымъ.

— Подарокъ?—спросилъ, глядя на шубу, бородачъ.

— Не прогнѣвить бы... приметъ ли его величество?

— Все приметъ, тащи... а намъ будетъ что отъ милости твоей?

Теодоръ вынулъ кису и подалъ провожатому серебряный рубль.

— Дай пару,—сказалъ вполголоса, оглядываясь, бородачъ: — али нѣтъ, обожди, дай три... нужно три монеты!

— Добрый опъ?—спросилъ Теодоръ, подавая опять провожатому изъ кисы.

— Какъ для кого... а осерчаетъ, бѣда!—отвѣтилъ бородачъ, шагая вывернутыми, огромными ногами, въ разорванныхъ, изъ сыромятины, котахъ: — намедни прогнѣвился тутъ на одного попа, что не помянулъ въ церкви новую его царицу, и велѣлъ ему саблей отесать бока, а попадью просто удавилъ. Въ одной тоже крѣпости взялъ въ полонъ толстаго-претолстаго офицера; говоритъ—присягай,—тотъ отказался... онъ съ него живаго и снялъ кожу... Мы, братецъ, саломъ съ его туши, какъ онъ еще шевелился, — усмѣхнулся бородачъ, — и раны себѣ мазали... добре заживаютъ!

Ужасъ объялъ Прядышева при этихъ словахъ. Чѣмъ ближе къ палаткамъ, видиѣвшимся съ пригорка, лагерь становился оживленнѣе и шумнѣй. Изъ землянокъ, бревенчатыхъ и войлочныхъ шатровъ то

здѣсь, то тамъ выглядывали женскія лица и слышались пискливые женскіе возгласы и смѣхъ.

— Такъ съ вами и бабы, —спросилъ Пря́дышевъ.

— Не наши, заемныя, — отвѣтилъ, озираясь, провожатый: — балуются парни, да и кто постарше... нехристи-татары, да башкирство примѣръ подаютъ.

— Откуда эти бабы?

— Все жёны и дочки побитыхъ офицеровъ, иныя же и волей сюда пошли.

— Кто у васъ, дядя, нынче главные тутъ возлѣ царя?

Бородачъ остановился.

— Дай-ка еще монету, нужно долгъ отдать!—сказалъ онъ.

Пря́дышевъ вынулъ и подалъ ему рубль.

— Были тутъ прежде, возлѣ него, все свои,—сказалъ, продолжая идти, провожатый:—да перестрѣляны, либо взяты въ полонъ; теперь, опричь Ивашки Творогова, все чужаки... Вонъ, гляди, у его ставки, бритоголовые татары, Идорка, да Баранка... то наши и первачи.

XIX.

Сказавъ это, провожатый снова остановился, подтянулся и, молча взглянувъ на Пря́дышева, сталъ идти тише. Его лицо приняло озабоченное и растерянное выраженіе. Они подошли къ окраинѣ холма, на которомъ передъ обширной палаткой, подаренной самозванцу киргизскимъ старшиной Лай-ханомъ, стояли нѣсколько казачьихъ старшинъ и между ними — худой и высокій, какъ шестъ, изуродованный оспой, въ верблюжьемъ армякѣ и сивой калмыцкой шапкѣ, Идорка, и приземистый, на дугообразныхъ ногахъ, толстый и смуглый, съ вырванными ноздрями, Баранка. У перваго за поясомъ торчалъ широкій кинжалъ, второй опирался на длинное персидское ружье, треснувшій прикладъ котораго былъ связанъ бичевкой. Тутъ же, въ сторонѣ, виднѣлась куча какихъ-то вещей и между ними лежалъ связанный по рукамъ и ногамъ, въ офицерской шинели и бараньей шапкѣ, съ подвязанною щекой, среднихъ лѣтъ, плѣнный офицеръ. Его растерянные глаза моляще и испуганно смотрѣли на татаръ, споривших между собой гортанною, рѣзкою рѣчью.

— Руби ему башку, руби! — говорилъ Идорка, сердито топчась на мѣстѣ кривыми ногами:—не хотѣлъ царю давать коня.

— Тебѣ все рубить, дьяволъ, шайтанъ! — отплюнулся, косясь на связаннаго плѣнника, Баранка: — и того мало... сжечь еще развѣ? а почемъ онъ зналъ, кому конь?

— И сжечь, сжечь! — твердилъ осипшимъ отъ злости голосомъ Идорка: — отбивался, а какъ брали, пустилъ ночью коня въ степь... камень ему на шею, да въ воду.

— Сунься-ко самъ!

— И сунусь.

Пола войлочнаго шатра поднялась. Изъ-подъ нея показался плотный и русый, съ окладистою бородой и красивыми сѣрыми глазами, казакъ среднихъ лѣтъ. На немъ былъ подбитый лисьимъ мѣхомъ, канавáтный, шелково-узорочный охабень, офицерская треуголка, съ черными перьями, и у пояса кривой ятаганъ. То былъ уцѣлѣвшій изъ разсѣянной военной коллегіи самозванца, бывшій начальникъ его артиллеріи и провіанта, Иванъ Твороговъ. За нимъ вышелъ понурый, сгорбленный старикъ, въ зеленомъ съ позументомъ кафтанѣ поверхъ шубы и съ мѣдною складною иконкой на шеѣ. Въ старикѣ трудно было узнать умётчика Степана Оболяева.

Ерёмкинъ-курица, попрежнему, состоялъ при самозванцѣ, въ санъ котораго онъ слѣпо вѣрилъ. Сопровождая его въ походахъ, онъ возилъ и носилъ за нимъ значекъ съ его штандартомъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ и почетомъ. Старый и благочестивый умётчикъ, однако, во многомъ въ послѣднее время извѣрился и на многое изъ того, что видѣлъ, смотрѣлъ съ тайнымъ осужденіемъ и даже со злобой. Особенно ему не нравилось женолюбіе объявившагося у него на умётѣ царя.—„Ну, идетъ супротивъ постылой, ополчившейся на него жены,—разсуждалъ Оболяевъ:—пусть такъ, всякому понятно; обзавелся и повѣнчался съ новою супружницею, изъ простыхъ, и то ничего, на то онъ волёнъ... А зачѣмъ кухонная палатка полна дѣвокъ и бабъ? И хоть бы однѣ боярскія дочки, да жены,—ровня ему; нѣтъ, набралъ всякихъ куховарокъ, да стряпухъ! Какую только на селѣ или въ заводѣ намѣтитъ, ту и въ стряпущую... Дѣвки и бабы ему варятъ ѣсть, подаютъ кушанье и водятъ его подъ-руки на коня и съ коня. Срамъ одинъ и соблазнъ! а скажи слово, — мигомъ удавитъ!“

— Про что, князья, споръ?—спросилъ Ивашко татаръ, выйдя изъ шатра самозванца.

Идорка объяснилъ. Твороговъ взглянулъ на связаннаго плѣнника.

— Жаль тебя,—сказалъ онъ:—попрошу за тебя государя, коли хочешь ему служить... А ты, — спросилъ онъ татарина, — съ какого хаяру лѣзешь не въ свое? тужитъ, видно, веревка и по тебѣ?

— Да онъ коня не далъ, присягу не исполнялъ, — отвѣтилъ, не унимаясь, Идорка.

Баранка сталъ ему возражать.

- Цыцъ, черти!—прикрикнулъ на нихъ Ивашко:—его величество

безпокоите. Коня государю найдемъ... Ты изъ Куршавина?—обернулся онъ къ Прядышеву.

— Такъ точно,—отвѣтилъ Теодоръ, съ поклономъ.

— А это батюшкѣ, видно, царю? — спросилъ Ивашко, глядя на соболью шубу, которую тотъ держалъ въ рукахъ.

— Ему, ваша честь!.. не обезсудьте, удостойте аудіенціи, лицезрѣть его пресвѣтлое величество.

— Обсудимъ, рѣшимъ,—съ важностью сказалъ Ивашко: — а допрежъ того, любезный, слышно, у тебя тройка добрыхъ коней. Правда ли то? чьи кони и хороши-ль?

— Собственные, ваша честь,—не кони, а сущіе львы,—отвѣтилъ, снова кланяясь, Теодоръ:—тутъ у насъ собственный заводъ...

— Доморослые, значитъ?

— Первый сортъ.

— И рѣзвы?

— Дышловый рысистый, а праваго пристяжнаго ни въ жизнь никому не перескакать.

— Ну, это его величеству, нашему батюшкѣ-милостивцу, почище будетъ твоей шубы, извелись мы въ походахъ лошадьми, — сказалъ Твороговъ:—дорого ли возьмешь?

— Мы съ нашимъ, то-есть, какъ слѣдъ, почтеніемъ, — отвѣтилъ Прядышевъ: — и не токмо шубу, а въ презентъ, коли его царское величество удостоитъ, готовы и жеребцовъ.

— Молодецъ малый!—сказалъ Ивашко, ласково потрепавъ его по плечу:—чай, просьба есть къ царю?

— Великая! не оставьте, ваша милость,—сказалъ Теодоръ:—вѣкъ Бога будемъ молить...

— Ну, Степанъ Максимычъ,—обратился Твороговъ къ Оболяеву:—веди покамѣсть купца къ себѣ въ хибарочку, да накорми его съ дороги; государь отдыхаетъ, еще не кушалъ... разберётъ онъ твое дѣло, —сказалъ онъ связанному плѣннику,—и призоветъ къ себѣ господина купца.

Прядышевъ, съ новымъ поклономъ Ивашкѣ, пошелъ за Оболяевымъ. Землянка послѣдняго въ лагерѣ была вырыта за холмомъ, невдали отъ палатки Творогова. Пока Прядышевъ былъ у шатра самозванца, со стороны лѣса подулъ сильный вѣтеръ и сталъ падать снѣгъ. Идя за Оболяевымъ, Теодоръ сквозь снѣгъ разглядѣлъ что-то темное и странное, торчавшее у холма, на что онъ прежде не обратилъ вниманія. Теперь онъ ниже ставки Пугачова увидѣлъ двѣ висѣлицы, изъ которыхъ на одной, раскачиваясь отъ вѣтра, въ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ, висѣлъ лысый, въ бакенбардахъ, очевидно, нѣмецъ, смотритель завода, на другой — полураздѣтый, въ напудрен-

ныхъ букляхъ и косѣ, не признавшій въ самозванцѣ царя, красивый, въ ботфортахъ, офицеръ. Шайка самозванца потѣшалась надъ ними и по ихъ кончинѣ: лицо и грудь офицера были изстрѣляны пулями и все его платье было залито кровью; у нѣмца-смотрителя была отсѣчена одна нога, а изъ проколотаго живота висѣли какія-то окровавленныя ленты.—„Внутренности!“ съ ужасомъ подумалъ, глядя на казненныхъ, Теодоръ.

Оболяевъ ввелъ его въ свою кибитку. Онъ досталъ изъ торбы краюху яичнаго каравая, печеныхъ яицъ, баклагу съ виномъ и серебряную, чеканенную стопу.

— Господская!—произнесъ онъ, указывая на стопу и наливая въ нее вина:—ну-ка. съ холоду!

— Знатная вещь,—сказалъ Прядышевъ, отпивъ изъ ковша и любуясь имъ:—такія видѣлъ я въ чужихъ краяхъ.

— Нешто ты тамъ былъ?

— Гдѣ только не былъ!

— А штука эта жалованная царями, княжеская,—замѣтилъ Оболяевъ:—у барыни, княгини Звенигородской, взята; а вотъ и часы,—сказалъ онъ, вытаскивая худыми, неповоротливыми пальцами изъ-за пазухи золотые, луковицей, англійскіе часы:—тоже, братецъ, изъ княжескаго дома, Барятинскихъ; его величество, нашъ, значитъ, государь, за супротивность, дворецкаго порѣшилъ; тамъ же взято два пуда серебра, а всякаго добра—и не сосчитать.

Прядышевъ, закусывая, сталъ разсказывать о своемъ пребываніи въ чужихъ краяхъ.

— И тамошнихъ видѣлъ королей?

— Видѣлъ.

— Въ роскоши живутъ?

— Точно въ сказкѣ.

— То же, малый, будетъ и у насъ,—сказалъ Оболяевъ:—батюшка вотъ скопляется пока силами; дастъ Богъ, уберется,—пойдемъ на Уфу, а тамъ и въ первопрестольную. Много ему дѣловъ; вездѣ непорядокъ, народу крайняя бѣда.

— А у меня, дѣдушка, къ царю просьба,—сказалъ, помолчавъ, Прядышевъ:—тятеньку обидѣлъ; уговори его величество, защити...

— Что же, мы всякому готовы, спасетъ тебя Господь! въ чемъ твое прошеніе?

Теодоръ началъ излагать свое дѣло. Съ надворья послышались шаги.

— Степанъ Максимовичъ,—раздался голосъ за палаткой:—давай малаго, требуетъ царь.

— Ну, иди,—сказалъ, убирая закуску, Оболяевъ:—Христосъ тебѣ въ помогу.

— Все ли ему говорить?

— Все.

— Не осерчаетъ государь?

— За правду-то! говори, какъ Богу... все повернетъ, все по правдѣ рѣшитъ.

Пря́дышева подвели къ ставкѣ Пугачова. Ожидавшій его Творогов приподнялъ полу шатра и, пропустивъ просителя въ сѣни, самъ остался снаружи. Сѣни отъ внутренней половины шатра отдѣлялись ковромъ. Теодоръ взялся за коверъ и вошелъ.

Въ глубинѣ ставки, увѣшанной тканями и оружіемъ и освѣщенной сверху, сквозь круглую отдушину въ крышѣ, на кучѣ сложенныхъ одна на другую, цвѣтныхъ, татарскихъ подушекъ, на пестрой войлочной кошмѣ, сидѣлъ широкоплечій, съ тонкимъ перехватомъ у пояса, краснолицый и съ виду какъ бы хмѣльной человѣкъ. На немъ были широкій, очевидно съ чужаго плеча, бешметъ голубаго штофа, черная мерлушковая шапка и въ накидку, поверхъ бешмета, бѣлычій дхабень. За поясомъ торчали два пистолета и большой походный ножъ; сбоку на коврѣ лежала кривая сабля. По чернымъ, пытливымъ, исподлобья на гостя устремленнымъ глазамъ, Пря́дышевъ угадалъ, что передъ нимъ сидѣлъ объявившій себя царемъ. Гдѣ-то слышался женскій сдержанный смѣхъ, бренчаніе гитары.

— Подойди, стань ближе,—раздался съ подушекъ глухой, хриплый голосъ:—что̀ скажешь?

Пря́дышевъ поклонился въ землю и положилъ на коверъ принесенную соболью шубу.

— Смилуйся, государь, — сказалъ онъ, стоя на колѣняхъ и не поднимая головы: — не обидь, прими презентъ... позволь бить челомъ и тройкою коней.

— Благодарствую, дѣло говоришь,—отвѣтилъ Пугачовъ: — намъ, рассейскому великому государю, въ нашей нынѣшней скудости и тѣснотѣ, все нужно, а паче — одёжа и добрые кони отъ подданныхъ. Садись, будешь гостемъ... потчую тебя,—прибавилъ самозванецъ, протягивая Пря́дышеву руку.

Цѣлуя эту руку, Теодоръ съ удивленіемъ увидѣлъ, что передъ государемъ, къ которому онъ явился, на татарской, низенькой скамеечкѣ, стояла простая глиняная миска, съ пахучей рыбной щербо̀й, деревянное блюдо, съ чѣмъ-то бѣлымъ и еще болѣе пахучимъ, и нѣсколько флягъ, съ водками, квасомъ и виномъ.

— Ваше царское величество,—сказалъ, снова кланяясь, Пря́дышевъ:—скажите божескую милость; обижены мы и разорены въ конецъ.

— Ты съ дороги, бери, закуси.

— Довольны мы вашею милостью,—дозвольте о дѣлѣ сказать.

— Не хочешь ѣсть, выпей,—сказалъ Пугачовъ, наливая и подавая гостю водки: — а мы закусимъ, — не бойся, говори, что̀ надо,— потому, я царь!

Теодоръ, отпивъ изъ рюмки, сталъ разсказывать. Пока онъ говорилъ, Пугачовъ опорожнилъ миску съ щербой, вынулъ изъ-за пояса ножъ, накрошилъ имъ полную тарелку того бѣлаго, что̀ лежало на блюдѣ, истолокъ и размялъ его ручкой ножа, полилъ изъ фляги квасомъ и началъ ѣсть, закусывая хлѣбомъ. Въ палаткѣ распространился острый запахъ чесноку.—„Неужели его величество такъ-таки и ѣстъ это голякомъ?“ —удивился, не вѣря своимъ глазамъ, Теодоръ: — „или цари и въ самомъ дѣлѣ вкусъ ко всему простому имѣютъ?“

— Такъ, прикащикъ твоего отца и впрямь,—спросилъ, жуя полнымъ ртомъ, Пугачовъ,—вязалъ тебя и въ холодную сажалъ?

— Сажалъ, ваше царское, пресвѣтлое величество,—отвѣтилъ Теодоръ:—и мало того... забралъ заводъ и всѣ руды, какъ есть,—собственность нашей, выходитъ, покойной родительницы, — а тятенька тутъ ровно ни при чемъ-съ. Я тебѣ, говоритъ прикащикъ, покажу, въ рогъ тебя, собачье мясо, согну... Можно ли? вѣдь я, ну, какъ есть, все-таки хозяйскій сынъ!..

— А вотъ мы ему камень на шею, да въ воду,—сказалъ Пугачовъ, кончивъ одну тарелку чесноку и принимаясь крошить себѣ другую: — ты, братъ, намъ хорошихъ вотъ рысачковъ, а ужъ мы тебѣ... то-есть, все...

XX.

„Но что же это? неужели же онъ и по правдѣ царь?“ — вдругъ подумалъ Теодоръ, пристальнѣе вглядываясь въ краснорожаго, вспотѣвшаго отъ ѣды и водки, почти пьянаго бородача, который едва ворочалъ передъ нимъ языкомъ: — „видѣлъ я у московскихъ баръ гравированные и масляными красками портреты царя Петра Ѳедоровича; тотъ былъ полновиденъ, высокъ, бѣлолицъ и съ свѣтлыми глазами, а этотъ сухощавъ, малъ ростомъ, смуглый и черноглазый... И смотритъ онъ все искоса, да страховито, часто оглядывается, точно боится всего... А эти казачьи ухватки,—грубая, мужицкая рѣчь? Если царь, то какъ онъ, въ бѣдности, гоненіи, одичалъ! а если не царь, — ужли всѣхъ провелъ и обманулъ?“

Пугачовъ, кончивъ трапезу, утерся концомъ скатерти, которою была покрыта скамейка, опять налилъ изъ фляги два стакана, одинъ выпилъ, а другой подалъ гостю.

— Благодарствую,—отказался тотъ, съ поклономъ.

— Пей, коли даю самъ! —сердито крикнулъ самозванецъ.

Пря́дышевъ выпилъ.

— Грамотенъ ты?—спросилъ его Пугачовъ.

— Грамотенъ, въ пансіонѣ обучался въ Москвѣ.

Пугачовъ помолчалъ.

— Ну, слушай же,—сказалъ онъ:—мы, значитъ, теперича собрались, оружія и пушекъ добыли, сколько надо, войска тоже прибыло вдоволь. Видѣлъ лагерь?

— Видѣлъ.

— Десять тысячъ, нѣтъ, что я?—двадцать, опричь башкировъ и мордвы. Оставайся при насъ, назначаю тебя главнымъ писаремъ. Согласенъ?

Пря́дышевъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ.

— О заводѣ, о достаткахъ своихъ материнскихъ не печалуйся, все тебѣ будетъ, служи только вѣрою и правдою.

— А съ прикащика, ваше царское величество, взыщете? сколько терпѣлъ отъ него утѣсненія, обидъ!

— Вызовемъ, — одно слово, петля! и не его одного, передавимъ енераловъ! Эй, кто тутъ?—крикнулъ Пугачовъ, хлопнувъ въ ладоши.

Изъ-подъ ковровой занавѣски, съ задней стороны шатра, показалась высокая и худощавая, въ шелковомъ зеленомъ платьѣ и въ кружевномъ чепцѣ, молодая, очевидно не изъ простыхъ, женщина. Ея блѣдное лицо было сумрачно. Впалые глаза глядѣли презрительно и строго.

— Княгинюшка, слушь-ка, подь, скажи Ивану. — обратился къ ней Пугачовъ: — нѣтъ, лучше пошли Дуньку, сама туда не ходи... Пусть Иванъ отрядитъ въ Куршавино за прикащикомъ, доставитъ его нонче же сюда.

Женщина молча скрылась за занавѣсью. — „Княгиня?“ —подумалъ Теодоръ: — „плѣнница? вотъ участь!“

— А ты, ну-ка, еще выпей,—сказалъ Пугачовъ Пря́дышеву, наливая ему третій стаканъ:—мы сбираемся далѣе... завтра походъ и ты, слышь, съ нами. Согласенъ? цѣлуй крестъ, вотъ мой крестъ.

Пугачовъ вынулъ изъ-за пазухи и подалъ Пря́дышеву тѣльный крестъ. Теодоръ подумалъ: „царь ли онъ или обманщикъ, не все ли пока одно? лишь бы вырвать пока мое достояніе, а тамъ уйду отъ него!“ —и, перекрестясь, поцѣловалъ крестъ.

— Имѣемъ намѣреніе,—продолжалъ, хмѣлѣя, Пугачовъ:—разорять и бить непокорныхъ, вплоть до Казани, до самой Москвы... И вотъ, ребятушки, слышно, сынъ нашъ, великій князь Павелъ Петровичъ, всталъ за насъ, ведетъ на помощь сорокъ тысячъ, и не нынче, завтра, гляди, будетъ здѣсь... Такъ остаешься?

Пря́дышевъ, раздумывая: „Нѣтъ, Господь съ нимъ, лучше, видно,

выждать ночи, да уйти!“ —молча поклонился самозванцу. Вошли еще двѣ женщины; одна, въ простой мѣщанской душегрѣйкѣ и съ краснымъ платкомъ на черныхъ волосахъ, была особенно красива. Румяное и полное лицо ея дышало здоровьемъ, быстрые глаза улыбались. Женщины подняли Пугачова отъ трапезы и подъ-руки провели его въ правый уголъ шатра, гдѣ и опустили на укрытый ковромъ пуховикъ.

— Ну, иди же, Твороговъ отведетъ тебѣ фатеру, —сказалъ Прядышеву Пугачовъ: — назначаю тебя секретаремъ, будешь при нашей главной, военной коллегіи и переводчикомъ для бумагъ.

Прядышевъ, не помня себя отъ видѣннаго и слышаннаго, вышелъ изъ шатра. Хмѣль отъ выпитыхъ угощеній кружилъ ему голову. Въ глазахъ его рябило. За шатромъ стоялъ Твороговъ и развязанный плѣнникъ. Прядышевъ сообщилъ Ивашкѣ слышанное отъ государя.

— Ну, и ладно,—отвѣчалъ Твороговъ:—на вашъ заводъ, за прикащикомъ, уже послано.

— Куда же мнѣ теперь?—спросилъ Теодоръ.

— А туда же, пока, къ Степану Максимовичу: надо будетъ, позовутъ.

Прядышевъ отправился къ Оболяеву, котораго не засталъ въ землянкѣ; умётчикъ былъ въ обозѣ, на совѣщаніи войсковыхъ старшинъ. Почти не спавшій въ минувшую ночь, Теодоръ прилегъ въ землянкѣ.

„Гдѣ же вольность и права? — разсуждалъ онъ, лежа на ворохѣ сѣна: — думалось, поживу; заводъ-то отберутъ у тятеньки, отдадутъ мнѣ, а самому тутъ велѣно быть, бумаги писать... Собираются въ новый походъ, къ самой Москвѣ... и шляйся теперь съ ними... Будутъ стычки, сраженія, кровь польется, а я не военный; бумагъ тоже писать вовсе не умѣю, — какой я секретарь? Еще напутаю, навру, — взыщутъ, да хорошо, какъ только выбранятъ, а то у нихъ и горшаго примѣнь... за все у нихъ висѣлица. Какъ бы выждать время, какъ бы отсюда уйти?“

Теодоръ заснулъ и спалъ долго. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ, что на дворѣ уже темно. Наступила ночь, костры въ лагерѣ едва дымились. Оболяевъ еще не приходилъ; онъ смѣнялъ прежніе и разставлялъ новые караулы, вокругъ лагеря, со стороны лѣса и моста на рѣкѣ. Давно прогремѣлъ заревой барабанъ. Говоръ, шумъ и пѣсни кругомъ затихли; въ темнотѣ слышались только окрики часовыхъ, кое-гдѣ мелькали фонари есауловъ и десятскихъ, обходившихъ дозоромъ лагерь и обозъ, да издали виднѣлось зарево догоравшихъ предмѣстьевъ. Укутавшись съ головой въ шубу, Прядышевъ опять заснулъ. Онъ не слышалъ, какъ возвратился умётчикъ, какъ онъ, кряхтя и повторяя: „Спасъ, Спасъ, Пречистая, помилуй и спаси!“ — клалъ поклоны, и какъ, наконецъ, помолясь и свернувшись калачомъ, также улегся въ

другомъ углу землянки. Теодоръ крѣпко спалъ; ему снился странный сонъ. Онъ мчался на бѣшеной тройкѣ, а рядомъ съ нимъ въ кибиткѣ—похищенная имъ Серафима. Кони неслись безбрежною, снѣговою поляной, а вдали, въ лучахъ солнца, точно вылитыя изъ голубаго стекла, горѣли и переливались радугой заоблачныя, Альпійскія горы.—„Смотри, смотри,—шепталъ онъ Серафимѣ, прижимая ее къ себѣ:—снѣгъ кругомъ, вездѣ; какъ блеститъ! но онъ уже таетъ, бѣгутъ и шумятъ ручьи,—то вѣчныя Альпы, за ними Италія... пальмы и розы... туда, дорогая, туда“...

„На сломъ, братцы! на сломъ!“—вдругъ послышались сперва неясные, потомъ болѣе громкіе крики за землянкой. Прядышевъ вскочилъ, протеръ глаза.—„На конь! оружайся! сѣдлай!“—кричали казаки, бѣгая по обозу. Раздался невдали ружейный выстрѣлъ, за нимъ другой.—„Дядя, Степанъ Максимовичъ, дядя, что̀ это?“—вскрикнулъ Теодоръ, увидѣвъ въ сумракѣ чуть брезжившаго разсвѣта согнутую спину Оболяева, который уже всталъ и надъ чѣмъ-то возился, у двери землянки.

— Царицыно войско! штурмъ! сполохъ!—проговорилъ Оболяевъ, съ захваченнымъ ружьемъ, исчезая за дверью:—вонъ, въ углу сабля, бери, выходи.

Прядышевъ подвязалъ къ поясу саблю, одѣлся и выскочилъ наружу. На дворѣ было холодно и сыро. Густой туманъ стлался надъ лагеремъ. Взгорье, съ шатромъ Пугачова и висѣлицей позади, точно плавало поверхъ облаковъ. Въ туманѣ, со стороны рѣки, слышалась учащенная пальба. Ружейные огоньки, кучей и рядами, вспыхивали у рѣки и на мосту. Имъ въ отвѣтъ трещали разрозненные выстрѣлы по сю сторону, въ обозѣ. Слышался плачъ женщинъ, дикій визгъ и гикъ калмыковъ и башкиръ.

Отрядъ самозванца былъ застигнутъ врасплохъ. Полураздѣтые казаки, инородцы и всякій сбродъ, выскакивая изъ землянокъ, кибитокъ и изъ-подъ возовъ, строились въ безпорядкѣ по откосу берега. Имѣвшіе мушкеты и винтовки наскоро заряжали ихъ и стрѣляли, цѣлясь къ мосту и за рѣку. Остальные, съ чекушами, пиками, саблями и топорами, нестройною толпой тѣснились впереди обоза. Проскакалъ къ мосту на рыжей, худой лошаденкѣ, Ивашко Твороговъ. Становилось свѣтлѣе, туманъ расходился. Съ холма, гдѣ стоялъ наблюдавшій за боемъ Пугачовъ, послышался зычный крикъ: „не выдавай, ребятушки! дружно, дружно!“ — Раздался топотъ нѣсколькихъ всадниковъ. Среди лагеря, направляясь къ обозу, показалась конная стража самозванца. За нею, въ сопровожденіи главныхъ есауловъ, Оболяева и Идорки, скакалъ Пугачовъ. Прядышевъ узналъ своихъ сѣрыхъ жеребцовъ: на широкогрудомъ и росломъ коренникѣ, Соколѣ, сидѣлъ самъ Пугачовъ; на правомъ, долгогривомъ Аниpасѣ—Оболяевъ, на лѣвомъ, въ ябло-

кахъ, Орлѣ—Идорка. Крича и размахивая ятаганомъ, Пугачовъ, еще не проспавшійся отъ вчерашней попойки, красный, какъ изъ бани, твердо сидѣлъ на сѣдлѣ.

„А мнѣ коня? вѣдь я теперь пѣшъ!“—подумалъ Пря́дышевъ, видя, какъ всѣ эти всадники, спустясь со взгорья, помчались къ мосту, у котораго не переставала гремѣть ружейная перестрѣлка и слышались вопли и стоны раненыхъ и умирающихъ: „лошадей моихъ взяли, а меня забыли, и никому до меня дѣла нѣтъ“.—Теодоръ бросился къ обозу, въ надеждѣ купить у кого-нибудь коня.—„Денегъ не пожалѣю, хотя бы плохаго достать!“—думалъ онъ. Между саней, телѣгъ и возовъ онъ увидѣлъ метавшихся въ ужасѣ и кричавшихъ безъ толку женщинъ. Два дюжихъ парня запрягали четверню изморенныхъ клячъ въ желтобокій, помѣщичій возокъ. Въ послѣднемъ, тѣснясь и молча посматривая на мостъ, сидѣли прислужницы и стряпухи самозванца. Теодоръ узналъ блѣдную, смуглую княгинюшку, рядомъ съ нею сидѣла полная и румяная молодуха, въ кичкѣ, съ жемчугомъ.

— Да ну же, скорѣе же, дьяволы! — кричала молодуха, поднимавшая наканунѣ государя подъ руки: — да помогъ бы и ты, паренёкъ,—обратилась она къ Теодору,—что такъ-то глазѣть!

Пря́дышевъ сталъ помогать кучерамъ.

— А что̀, — спросилъ онъ вполголоса одного изъ возницъ, приправляя постромку пристяжной: — моихъ коней взяли подъ государя; нельзя ли тутъ у васъ присѣсть хоть на облучокъ?

— Лѣзь,—отвѣтилъ, подтягивая послѣднюю подпругу, возница:—ишь ты, Божье попущеніе, дождались чего!

— Кто же это нападаетъ?

— Должно, самъ Михельсонъ, — отвѣтилъ возница, трясущимися руками закрѣпляя возжи:—пропали наши головушки, не успѣемъ,—порѣшатъ.

— Самъ Михельсонъ? — спросилъ въ ужасѣ Пря́дышевъ.

— А кто же иной? не енаралъ, чёртъ!—съ неудовольствіемъ отвѣтилъ возница, крестясь и взлѣзая на козлы:—одинъ на тысячи прётъ.

— Ну, что-жъ это, скоро ли?—пищали голоса изъ нагромождennаго возка:—Дунька, подвинь ноги... а ты, толсторожая, не видишь, держу батюшкино добро.

— Эй вы, други!—крикнулъ возница, хлестнувъ по лошадямъ:—что же, сударь, не садишься? есть мѣсто, вотъ...

Пря́дышевъ стоялъ неподвижно. Ему было не до того.

XXI.

Изъ-за рѣки, отъ моста, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Ядро прогудѣло надъ лагеремъ. Отъ берега мгновенно грянули еще выстрѣлы. Ядра послѣднихъ упали среди обоза. Прядышевъ увидѣлъ батарею, въ нѣсколько пушекъ, направленныхъ на лагерь съ другаго бока рѣки. Взводъ конныхъ гусаръ охранялъ пушки. Полный, съ плюмажемъ на треуголкѣ, начальникъ стоялъ у берега, командуя артиллеристами. Мелькали надъ батареей банники, поднимались бѣлые клубы дыма и чаще и чаще, одинъ за другимъ, гремѣли черезъ рѣку оглушительные удары. Полчища самозванца у моста дрогнули и, съ криками, стрѣляя на-угадъ, въ безпорядкѣ бросились обратно къ лагерю. Сквозь пушечный и ружейный дымъ было видно, какъ бравый, круглолицый и тучный командиръ вскочилъ на коня и впереди небольшой колонны изъ черныхъ гусаръ и синихъ уланъ, съ саблями и пиками на-перевѣсъ, понесся къ мосту и, подъ прикрытіемъ ядеръ и гранатъ, летѣвшихъ изъ-за рѣки, помчался вслѣдъ за тѣснимою, бѣжавшею къ лѣсу, толпой. — „Крошн ихъ, полосуй!“ — кричалъ, поднявъ саблю, командиръ колонны. — „Михельсонъ, Михельсонъ!“ — повторяли казаки, на-бѣгу, оглядываясь на него.

Прядышевъ былъ увлеченъ и куда-то притиснутъ бѣжавшими мятежниками. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, съ остатками свиты, обратно проскакалъ на Соколѣ Пугачовъ. Голубой, штофный бешметъ на немъ былъ разстегнутъ, шапка свалилась съ головы; потное лицо было растерянно. Испуганные глаза устремились къ опушкѣ лѣса, куда въ то время въѣзжалъ возокъ съ его сожительницами и добычей. Идорка, на раненомъ Орлѣ, едва поспѣвалъ за Пугачовымъ. Творогов скакалъ, окровавленною рукой придерживая насквозь прострѣленную щеку. Сзади всѣхъ ѣхалъ Оболяевъ. Старый умётчикъ былъ раненъ въ грудь. Блѣдный, истекая кровью, онъ, съ значкомъ Пугачова въ рукѣ, чуть держался на сѣдлѣ, склонясь грудью къ шеѣ коня.

Среди бѣгущихъ упала и съ оглушительнымъ трескомъ разорвалась граната. Толпа въ ужасѣ отхлынула и безъ оглядки побѣжала далѣе. На мѣстѣ осталась безобразная куча растерзанныхъ, залитыхъ кровью, тѣлъ. Отброшенный взрывомъ гранаты и напискомъ толпы въ сторону, Прядышевъ увидѣлъ, какъ его правый, бывшій подъ Оболяевымъ, жеребецъ Анпрасъ взвился на дыбы и сбросилъ съ себя сѣдока. Теодоръ поспѣшилъ къ Оболяеву. Конь фыркалъ и рвался, сдерживаемый уздою, обмотанною вкругъ руки старика. — „Дѣдушка, вставай, помогу тебѣ!“ — говорилъ Прядышевъ, нагибаясь къ неподвижно-лежавшему умётчику. Оболяевъ не отвѣчалъ. Его глаза были открыты. На шеѣ висѣлъ по-

ходный образокъ самозванца; свободная рука прижимала къ вышитой позументами груди остатокъ разорваннаго гранатою штандарта. Кровь струилась изъ плеча.—„Бей ихъ! коли!“—послышались новые крики отъ моста. Къ холму скакала вторая шеренга гусаръ.—„Прости, дѣдушка, не поминай лихомъ!“—сказалъ Прядышевъ, распутавъ узду и вспрыгивая на Аннраса. Конь, почуявъ на себѣ знакомаго сѣдока, помчался вскачь. — „А, старый чёртъ, въ позументахъ!“ — раздались сзади его крики: „давно тебя, сатану, искали!“—Обскакивая, по пути къ лѣсу, пригорокъ, Прядышевъ оглянулся. Два рослыхъ гусара, поднявъ раненаго Оболяева, прикручивали его къ сѣдлу запасной лошади.

Войско Пугачова было разбито на-голову. Самъ онъ, съ остатками отряда, скрылся въ смежномъ, шедшемъ на десятки верстъ, лѣсу. Убѣдившись, что, измученный непрерывною гоньбою за нимъ, Михельсонъ остановился дать отдыхъ солдатамъ, онъ кое-какъ привелъ въ порядокъ свой отрядъ, перевалилъ съ нимъ, лѣсными дорогами, за Уральскія горы и, присоединяя къ себѣ, обманными листами и силой, новыя шайки башкиръ и съ разоряемыхъ заводовъ крестьянъ, вышелъ на большую дорогу и потянулся къ Уфѣ.

Лазутчики во-время дали знать объ этомъ Михельсону и тотъ, опередивъ самозванца, встрѣтилъ его 5-го іюня на пути и снова разсѣялъ его скопища. Пугачовъ бросился къ Кунгуру, потомъ къ Екатеринбургу, но, узнавъ, что и тамъ стояли сильные правительственные отряды, вышелъ на красноуфимскую дорогу и направился къ пригороду Осѣ. Прядышева онъ не отпускалъ отъ себя.

Теодоръ былъ при осадѣ и взятіи Осы. Подойдя къ ней 18-го іюня, Пугачовъ послалъ воззваніе къ гарнизону, грозя сжечь пригородъ и предать смерти всѣхъ его защитниковъ, если они ему не сдадутся миромъ. Командиры гарнизона, майоръ Скрипицынъ и капитанъ Смирновъ, не уступали. Самозванецъ, съ старшинами, осмотрѣлъ берега Камы, исправилъ на ней переправы и мосты, подкатилъ къ деревяннымъ стѣнамъ крѣпости, съ подвѣтренной стороны, рядъ возовъ съ сѣномъ, берестой и соломой, и собственноручно ихъ зажегъ. Крѣпость и пригородъ запылали. Сильный вѣтеръ усиливалъ пожаръ. Гарнизонъ отворилъ ворота и сдался. Пугачовъ простилъ офицеровъ. Спасшіеся майоръ и капитанъ, съ младшимъ подпоручикомъ, Минѣевымъ, написали извѣщеніе къ казанскому губернатору, оправдывая себя и предупреждая его, что злодѣй замышляетъ набѣгъ и на Казань. Заготовленное письмо майоръ носилъ при себѣ, ожидая случая переслать его въ Казань. Подпоручикъ выдалъ товарищей самозванцу. Майоръ и капитанъ были повѣшены. Доносчика Пугачовъ, въ награду, произвелъ въ капитаны и отдалъ ему имущество и пожитки казненныхъ. Всѣ въ отрядѣ завидовали новообъявленному государеву любимцу.—„Эка, дья-

волъ, успѣлъ!“—толковали о немъ въ старшинской избѣ и на базарѣ: „сколько посуды ему досталось, какая коляска и кони! а зубастый, должно, сатана, хоть и изъ молодыхъ!“ — „Задастъ онъ вамъ, толоконникамъ... вѣдь, не нашъ братъ, — отвѣчали другіе — офицерская косточка, дворянинъ!“ — Съ любопытствомъ Пря́дышевъ ожидалъ увидѣть этого офицера, такъ какъ, до казни выданныхъ послѣднимъ товарищей, онъ находился за пригородомъ, въ командѣ Баранки, тушившей горѣвшія предмѣстья и охранявшей обозъ. По прекращеніи пожара, всѣ потянулись въ пригородъ. Пря́дышевъ вышелъ на базарную площадь. Часть казаковъ чистила и ладила найденныя въ пригородѣ пушки. Твороговъ изъ казенныхъ амбаровъ раздавалъ обознымъ пекарямъ провіантъ. Согнанные жители грузили изъ амбаровъ на обозныя фуры кули съ мукой, крупой, солью и овсомъ. Толпа зѣвакъ глядѣла на просторный домъ соборнаго протопопа, гдѣ остановился самозванецъ. Вдругъ толпа зашевелилась. На крыльцѣ этого дома показался вертлявый, худой и остриженный въ скобку, по-казацки, въ пѣхотномъ, полняломъ мундирѣ, курносый офицеръ.—„Новый капитанъ, капитанъ!“—заговорили въ толпѣ, указывая на крыльцо. Пря́дышевъ взглянулъ на офицера и остолбенѣлъ.

Въ переодѣвшемся подпоручикѣ онъ узналъ офицера Ѳедора Минѣева, который, вслѣдъ за выходомъ изъ кадетскаго корпуса, встрѣчался съ нимъ на разныхъ увеселеніяхъ Москвы, въ театрахъ, на маскарадахъ и холостыхъ попойкахъ. Онъ же, съ другими знакомыми, на одной изъ пирушекъ обсуждалъ съ нимъ увозъ Серафимы Дуга̀новой и приготовилъ для увоза лошадей. — „Да неужели же это онъ самъ, мой тёзка?“—спросилъ себя Пря́дышевъ, вглядываясь въ знакомые, маленькіе глаза и смуглое, съ выдавшимися скулами, курносое лицо Минѣева, который, съ важною осанкой, гордо шелъ мимо толпы, снимавшей передъ нимъ шапки: „вотъ неожиданность! его, за пьянство и буйство, перевели изъ полка въ гарнизонъ, и вдругъ онъ тутъ!“—Онъ подошелъ къ Минѣеву.

— Ѳедоръ Ильичъ,—сказалъ онъ:—тебя ли вижу? узнаёшь ли меня?

Минѣевъ съ секунду пристально и удивленно всматривался въ лицо Пря́дышева.

— Какъ не узнать!—произнесъ онъ, отворачиваясь:—первый, по Москвѣ, знаменитый ухарь, угститель пріятелей и сердцеѣдъ Теодоръ, хоть ты уже не въ пудрѣ, да и я не въ косѣ. Только, батенька, помни, — прибавилъ онъ вполголоса и оглядываясь: — о прошломъ здѣсь, а особливо обо мнѣ, ни гу-гу. Послѣ все узнаешь, вечеромъ, заходи...

Сказавъ это, Минѣевъ снова принялъ важный, начальническій видъ. Небрежно кивая головой кланявшимся ему изъ толпы, онъ ото-

шелъ къ возамъ, на которые грузили провіантъ, и оттуда долго еще раздавались его громкія приказанія, выговоры и крупная брань.—„Изъ молодыхъ, да ранній“,—подумалъ о немъ, прислушиваясь къ его восклицаніямъ, Пря́дышевъ:—„впрочемъ, оно тутъ и полезно; хоть и шутъ гороховый, а все-таки способный и знающій, среди здѣшней сутолочи и безпорядковъ“.

Въ сумерки Пря́дышевъ подошелъ къ небольшому дому, который занималъ Минѣевъ, невдали отъ квартиры самозванца. У его воротъ, какъ и у квартиры Пугачова, стояла стража.

— Ну, старый знакомецъ и тёзка,—началъ Минѣевъ, когда Пря́дышевъ вошелъ къ нему въ комнату: — очень радъ встрѣчѣ, а еще болѣе, что и ты, дружище, какъ слышу, одумался и передался истинному нашему, гонимому государю. Выпьемъ, братъ, на радости!—прибавилъ онъ, указывая гостю на столъ, обильно уставленный питьями и закусками.

— Такъ онъ и въ самомъ дѣлѣ настоящій? — спросилъ Теодоръ и, спохватившись, что сказалъ неладное, прибавилъ: — то-есть, видишь ли, врутъ разное; хотѣлось бы, Ѳедоръ Ильичъ, узнать истину, доподлинный ли онъ, по твоему, государь?

— А ты думалъ какъ? — строго взглянувъ на гостя, спросилъ Минѣевъ:—эхъ ты, простота, Ѳедя, вижу... былъ и есть передъ Господомъ младенецъ.

Минѣевъ всталъ, заперъ дверь на задвижку, прошелся по комнатѣ, ероша свои обрѣзанные въ кружокъ волосы, и сталъ передъ зеркаломъ, висѣвшимъ на стѣнѣ.

— Да какъ же, подумай ты, могъ бы хоть и я присягнуть ему?—сказалъ онъ, глядя въ зеркало и выпячивая грудь: — ну, какъ эти силы, голова рѣшились бы на этакое даромъ, безъ причины? Вѣдь ему, какъ настоящему прирожденному государю, присягнула уже половина царства. Да здравствуетъ нашъ истинный царь, Петръ Ѳедоровичъ! Пей, братецъ, ура!..

Хозяинъ и гость чокнулись полными стаканами, съ крикомъ ура, выпили и снова повторили.

— Закуси, дружище,—обратился къ гостю Минѣевъ, указывая на миски и блюда:—караси въ сметанѣ, пельмени съ бараниной, уха изъ стерлядей...

— Да это просто балъ,—вскрикнулъ гость, давно въ походахъ питавшійся одними сухарями и солониной:—откуда такая стряпня?

— Поваръ покойнаго здѣшняго майора, — отвѣтилъ Минѣевъ, уплетая уху: — не покорился майоръ, повѣшенъ, намъ за то такая благодать.

Собесѣдники помолчали.

— Куда же его величество отсюда?—спросилъ Прядышевъ, кончивъ уху и принимаясь за пельмени.

— Въ Казань, дружище, въ Казань! Тамъ цесаревичъ, его высочество, Павелъ Петровичъ, ждетъ спасеннаго отца съ свѣжимъ войскомъ... тридцать, коли не болѣе, тысячъ привелъ и всю, какъ есть, гвардію. Всѣхъ разнесемъ, покоримъ.

Прядышевъ на это поморщился.

— Такъ-то, такъ,—сказалъ онъ, качая головой: — разнести все можно, отчего-жъ, только не по мнѣ это, не по душѣ.

— Почему?—нахмурился Минѣевъ.

— Да потому, братъ на брата, свои вѣдь, это подло!

— Какъ подло?—вскрикнулъ и вскочилъ Минѣевъ:—такъ ты, выходитъ, трусишь? На попятный дворъ?.. Да знаешь ли, подлая твоя душа,—шепталъ онъ, напирая, съ кулаками, на гостя:—что если здѣсь замѣтятъ, ну, только догадаются, не сдобровать, слышишь ли, ни тебѣ, ни мнѣ. Мало петли, съ живаго кожу сдерутъ.

— Да я ничего, полно, Ѳедоръ Ильичъ,—опомнился Теодоръ:—я только такъ, что свои, молъ,—повторялъ онъ, оправдываясь:—не мое дѣло... мнѣ бы только бумагу на тятенькинъ заводъ.

— Какой заводъ?

Прядышевъ разсказалъ.

— Будетъ тебѣ все, будетъ, вотъ тебѣ Богъ!—объявилъ, указывая на образъ, Минѣевъ:—помоги только намъ и ты.

— Въ чемъ же моя помощь?

— Ты грамотнѣе, ученѣе меня, въ первомъ пансіонѣ обучался, былъ въ чужихъ краяхъ; а нужно половчѣе написать манифестъ въ Казань.

— Да помилуй, я и простыя письма съ трудомъ, едва пишу!

— Вздоръ, братецъ, напишемъ вмѣстѣ! А какъ возьмемъ Казань да Москву, превознесутъ насъ, родной ты мой, вотъ какъ! Орловы нынче въ силѣ и славѣ, а въ то время, дружище, будемъ милы отечеству и мы!

— Такъ дѣйствительно, слушай, не серчай, онъ государь?—спросилъ опять Теодоръ:—ну, для меня скажи, ты вѣришь тому?

— Не вѣрилъ бы, не пошелъ бы,—отвѣтилъ, зѣвнувъ, Минѣевъ:—простота, вижу, ты, простота. Какъ не понять? веревка тутъ, веревка и тамъ, такъ ужъ лучше, братецъ, вѣрить тому, что самъ видишь, авось выгоритъ. Ну, развѣ самъ не примѣчаешь, какъ къ нему льнутъ и сколько у него войска?

— Ура!—крикнулъ, махнувъ на все рукой, Теодоръ:—счастье, значитъ, выше всего, за нимъ идемъ!

Минѣевъ хотѣлъ еще что-то говорить и оглянулся на Прядышева. Тотъ, склонясь на столъ, уже спалъ.

XXII.

Передъ выходомъ изъ Осы на Узы и Малмы́жъ, Пугачовъ учинилъ судъ и казнь надъ послѣдними изъ указанныхъ ему непокорныхъ офицеровъ, дворянъ и купцовъ, достояніе которыхъ было взято въ обозъ самозванца. Ихъ повѣсили на базарѣ; нѣкоторыхъ прямо топили въ рѣкѣ, а на выгонѣ устроили еще особую расправу. Захожій изувѣръ, изъ толка бѣгуновъ, гостя въ пригородѣ, встрѣтилъ самозванца на улицѣ, верхомъ на конѣ, разглядѣлъ подслѣповатыми глазами, какъ многіе изъ народа, крестясь, падали передъ новоявленнымъ государемъ на колѣни, не вытерпѣлъ, выхватилъ изъ-за пазухи походный ножъ и, съ крикомъ: „антихристъ, тьфу! бей его, сатану! разсѣйся!“ —бросился съ ножомъ на самозванца. Изувѣра схватили. По совѣту Минѣева, въ острастку прочимъ, его привязали на выгонѣ, у оврага, къ столбу и, созвавъ городскихъ подростковъ, объявили, что злодѣй отданъ имъ на разстрѣляніе. Куча безбородыхъ малолѣтковъ бросилась съ отцовскими ружьями на выгонъ. Тѣмъ временемъ Пугачовъ покидалъ Осу. Въ отрядѣ слышали звуки выстрѣловъ и хохотъ потѣшниковъ. Когда же войско проходило невдали отъ оврага, съ дороги увидѣли страшную мишень,—освѣщенный лучами заходящаго солнца, столбъ, на которомъ, въ послѣднихъ судорогахъ, подъ неумѣлою пальбой ребятъ, корчилась и билась длинная, окровавленная фигура казнимаго.

— Что, батенька, отвернулся?—спросилъ съ усмѣшкой, подъѣхавъ къ Теодору, Минѣевъ:—сердце, видно, не мужское, а бабье?

— Ахъ, ужасъ!—отвѣтилъ, смигивая слезы, Пря́дышевъ: — вѣдь, человѣческая все-таки душа, жизнь вѣдь это, а ты шутишь.

— Полно, баба, ахать, недолго ждать!—сказалъ Минѣевъ:—все рѣшено; указаны мною средства, пути и все! вѣдь не даромъ я казанецъ, всѣ норы знаю, проведу. Все пока успѣшно... А сколько этого народу со всѣхъ концовъ идетъ, просится въ государево войско! Сегодня опять принято безъ счету и конныхъ, и пѣшихъ. Эхъ вы, купчишки, не военная косточка, гдѣ вамъ понять? А, впрочемъ, Пря́дышевъ, будетъ хорошо и тебѣ. Какъ возьмемъ Казань, тамъ губернаторская канцелярія, эти всѣ бумаги, законы и все. Государь вспоминалъ еще сегодня, безпремѣнно подпишетъ и выдастъ тебѣ документъ.

Пря́дышевъ ѣхалъ молча. Не то теперь у него было на умѣ. „Казни, пожары, грабежи и кровь!—думалъ онъ:—и все это на моихъ глазахъ, ко всему я по-неволѣ причастенъ. Водятъ, тягаютъ, отъ Урала до Кунгура, назадъ до Красноуфимска и снова вонъ куда. Я имъ бумаги пишу, объявленія, обносятся, голодаю... Шубу приняли,

коней, сбрую и всѣ деньги забрали, даромъ загубили прикащика, а резону насчетъ наслѣдія ни на алтынъ. Какой онъ и впрямь государь? чеснокъ, да щербу тарелками ѣстъ, пьяница, развратникъ и всѣхъ въ конецъ поитъ... Лучше бы, видно, на заводѣ было сидѣть и ждать. Нѣтъ, кончено, бросить ихъ надо, убѣжать. Виномъ заливаютъ, диктуютъ воззванія, а что̀ иной разъ пишу пьяный, и не сообразишь... И зачѣмъ я тогда, въ Кіевѣ, связался съ цыганами?.. Не споилъ бы, не обобралъ бы Пантюшка,—божество-Серафима была бы моя! проживалъ бы я въ чужихъ краяхъ, а не тутъ, съ мужичьемъ, душегубами! Насолилъ врагу подмѣтнымъ письмомъ, да что̀ вышло? думалъ—нарвется отъ ревности на лѣкаря, а тотъ пришибетъ его; одначе, не удалось... А красавица? будь силы, будь капиталъ, кажись, опять выкралъ бы, увезъ бы кралю... Исполнитъ царь просьбу, минуты не останусь, убѣгу“...

Мысль о побѣгѣ изъ отряда самозванца не давала Пря́дышеву покоя. Но какъ уйти? поймаютъ, коротка расправа, петля и на сукъ. Онъ мучительно выжидалъ случая, стычки какой-нибудь, ночнаго нападенія на заводъ или помѣщичье село, пожара, грабежа, чтобы подъ общую сумятицу и возню отбиться въ сторону, засѣсть въ какой-либо водороинѣ или въ лѣсу и оттуда, когда все смолкнетъ, уйти, куда глаза глядятъ. Не встрѣчалось, однако, ни новыхъ стычекъ, ни пожаровъ.

Путь отъ Осы до Узы и до обоихъ Кильмезе́й былъ пройденъ безъ всякаго отпора и преградъ. Вездѣ самозванца встрѣчали съ хлѣбомъ-солью; сельскіе причты ожидали его у церквей, съ хоругвями, а чернь, выслушавъ отъ него указъ о волѣ, присягала ему, цѣлуя крестъ. Подошли къ Малмы́жу. На утро готовились переправиться черезъ Вятку.

„Ну, тутъ непремѣнно убѣгу!“—рѣшилъ Пря́дышевъ, съ замираніемъ ожидая ночи. Онъ прилегъ у старшинской палатки и притворился, что спитъ. Солнце давно зашло за прибрежными холмами, но сумерки еще длились, не смѣняясь ночной тьмой.

— Ѳедя, а Ѳедя! Теодоръ!—раздался чей-то голосъ надъ Пря́дышевымъ.

Кто-то теребилъ его за плечо. Онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ стоялъ Минѣевъ.

— Что̀ тебѣ?—спросилъ Пря́дышевъ.

— Не знаешь новости?

— Какой?

— Да твоя-то былая дульцинея, эта Дуга́нова... знаешь ли, гдѣ она?

— Не знаю, говори!—вскрикнулъ, поднявшись на локтѣ, Пря́дышевъ.

— Подъ Казанью, въ имѣніи своей крёстной, этой генеральши Туровцовой, что ли.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Къ намъ, уже вторыя сутки, съ другими присталъ одинъ новобранецъ, изъ барскихъ лакеевъ... и какъ бы ты думалъ, кто? помнишь Сергѣя дугановскаго, московскаго слугу? Начётчикъ еще такой, все святцы читалъ.

— Еще бы не помнить! сколько разъ съ письмами ко мнѣ ходилъ.

— Ну, онъ самый и есть.

— Гдѣ же онъ? гдѣ? неужели здѣсь?

— У Идорки, кухаремъ у артельнаго котла; узналъ меня, сейчасъ и сообщилъ,—вся, говоритъ, дугановская семья гоститъ теперь у Туровцовой, подъ Казанью.

Прядышевъ вскочилъ.

— Въ какой сторонѣ артельные котлы?—спросилъ онъ, оглядываясь.

— Иди, дружище, прямо, вонъ видишь, дымъ—у самаго берега.

Прядышевъ пошелъ по указанію.

— А что, — усмѣхнулся Минѣевъ: — теперь уже безъ колебаній пойдемъ на Казань?

Прядышевъ на этотъ вопросъ не оглянулся и ничего не отвѣтилъ.

Красный-Кутъ, имѣніе Варвары Ивановны Туровцовой, крёстной матери Серафимы Дугановой, находился на правомъ берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ Казани. Обширная барская усадьба этого села выходила на почтовый сибирскій трактъ. Фруктовый садъ и паркъ упирались въ лѣсную дачу, черезъ которую шла дорога отъ Краснаго-Кута, вдоль Волги, въ Казань. Передъ стариннымъ, деревяннымъ домомъ, съ залой въ два свѣта, въ тридцать оконъ, съ галлереями, винтымъ и рыбнымъ погребами, разстилался зеленый, усаженный кустами, большой дворъ, съ чугунною рѣшеткой и высокими чугунными воротами, на рѣзной перекладинѣ которыхъ красовался бронзовый гербъ владѣлицы, а по ночамъ, для удобства пріѣзжающихъ, постоянно зажигался большой фонарь. На вышкѣ бельведера, надъ которымъ развѣвался флагъ, собственный крѣпостной астрономъ Туровцовой, Антонушка, содержалъ для ея гостей большую зрительную трубу. Видъ отсюда на ближніе холмы и лѣсъ и на синѣющія, чуть видныя въ туманой дали, очертанія Казани былъ живописный и привлекательный. Парадное крыльцо господскаго дома, съ началомъ лѣта, уставлялось магноліями, олеандрами и другими растеніями изъ теплицъ. Здѣсь обыкновенно толпились свои и заѣзжіе слуги, ожидая зова господъ и пересуживая то, что̀ слышали въ домѣ, или о чемъ шли толки на

сторонѣ. Кромѣ астронома, у Туровцовой были собственные актеры, музыканты, парикмахеръ, хоръ пѣвчихъ и даже артиллерія, такъ какъ по бокамъ воротъ, на лафетахъ, стояли двѣ мѣдныя пушки.

— Весело у васъ тутъ,—сказалъ молодой и франтоватый, заѣзжій лакей пожилому, въ сѣрой курткѣ, кухонному слугѣ, давшему ему, на ходу, у крыльца потянуть изъ коротенькой, дымящейся трубочки:— и это у васъ часто?

— Почитай, каждый Божій день,—отвѣчалъ тотъ, сплёвывая:— съ пріѣзда этихъ Дугановыхъ, ихней, значитъ, родни, ни сѣсть, ни лечь, — съ утра до поздней ночи у печки,—завтраки, обѣды, полудники, ужины, не напасемся дровъ. Вы будете, значитъ, изъ Тевкелевки?

— Изъ Сурмыша, дяденька, Порозовыхъ.

— А что, паренёкъ, — спросилъ вполголоса кухонный мужикъ, отводя лакея отъ крыльца: — что слышно, то-есть, вопче, въ вашей сторонѣ?

— О чемъ спрашиваете?

— Да о тѣхъ же все, о ѣздящихъ тутъ въ степи! Правда ли, сказываютъ, будто онъ воръ, какъ есть, и будто вовсе не царь, а только взялъ на себя такое имя?

Франтъ-лакей тоже сплюнулъ и опять затянулся изъ трубочки.

— Намъ какое дѣло!—отвѣтилъ онъ, отставивъ ногу, одѣтую въ голубой плисъ, съ серебрянымъ позументомъ, и вертя ею передъ собой:—мы не баре, холопы,—наше дѣло молчать. Опять же, гдѣ намъ про такое, то-есть, дѣло судить? Оно точно, слышно, будто именно всякіе люди ѣздятъ въ тутошнихъ мѣстахъ; а воръ ли онъ, заправскій ли государь, про то, дядя, мы не свѣдомы.

— Нѣтъ, слушай, малый; набью тебѣ еще трубочку, покури,— продолжалъ, оглядываясь, кухонный мужикъ:—ты, какъ передъ Богомъ, скажи, правда ли, что онъ, этотъ-то старый, или новый царь, отбираетъ у господъ, ослобоняетъ, то-есть, мужиковъ, и правда ли, будто, какъ только осерчаетъ, сейчасъ вѣшаетъ не токмо начальство, а и господъ?

— Какъ какіе господа!—съ важностью отвѣтилъ, взглянувъ на старика, лакей:—ваша, чай, поди, живодёрка?

— Что ты, что ты! — въ ужасѣ замахалъ руками старикъ:—нечего Бога гнѣвить, тятенька ихній былъ точно—куда строгъ, а она, сердечная, ничего... Одна бѣда, наѣдутъ гости изъ города, али какъ вотъ ваши, до-поздна сидятъ; кричатъ, гляди, пѣтухи, а имъ ужинъ подавай... Ну, а какъ ваши? строгоньки, спуску не даютъ?

— Изверги,—усмѣхнулся лакей, кончивъ курить и выбивая о ладонь трубку:—да что! у васъ, дяденька, до пѣтуховъ, а у насъ до

солнца; музыка, карты, плясъ... особенно эти карты, ломберъ, али тотъ фараонъ; доиграются инова́, на столахъ негдѣ записывать выигрыша, пишутъ на сапогахъ.

— Насчетъ воли этой что̀ слышно? будто ни податей, ни барщины больше не отбывать?

— Какъ не слышно! Всякое толкуютъ, да мы на это плевать. У насъ двѣ барышни на выданьѣ; такъ будетъ такой развальяжъ, фейерверки, комедія, изъ Казани ждутъ трубачей... намъ справляютъ новыя ливреи, желтыя... опять же и насчетъ шлянъ...

— Ну, на барынино рожденіе и у насъ будетъ фейеркъ,—отвѣтилъ, уходя и не желая уступить заѣзжему молокососу, старикъ:—а музыка и всякое угощеніе къ намъ выписаны не токмо изъ Казани, изъ Москвы. Да у васъ сколько душъ?

— Триста.

— Ну, а у нашей—три тысячи! Одной прислуги пятьдесятъ человѣкъ, да своя вонъ антиллерія...

Домъ и усадьба Варвары Ивановны Туровцо̀вой, съ пріѣздомъ Серафимы Львовны и ея семьи, наполнились давно небывалымъ здѣсь оживленіемъ. Гости изъ города и окрестныхъ помѣстьевъ съѣзжались сюда чуть не каждый день. За столъ садились по сорока и болѣе человѣкъ. Предпринимались поѣздки въ поле, на берега Волги и въ лѣсъ, гдѣ пили чай, собирали цвѣты и грибы. Устраивались катанья, съ музыкой, въ лодкахъ—по лѣснымъ озерамъ и на большомъ, парусномъ катерѣ—по Волгѣ. Пожилые, по вечерамъ, играли въ карты, молодежь собиралась у клавикордовъ; пѣли, играли въ фанты и танцовали.

XXIII.

Если молодые, заѣзжіе изъ Казани и отдаленныхъ деревень, помѣщики привозили и шопотомъ передавали какую-либо непріятную вѣсть о новыхъ похожденіяхъ и неистовствахъ Пугачова, вновь, какъ стало слышно, появившагося изъ-за Уральскихъ горъ и бунтовавшаго тамошніе помѣщичьи и казенные заводы, то другіе, пожилые, этимъ слухамъ не придавали особаго значенія и старались имъ не вѣрить.

— Все это бабьи страхи и вздоръ,—разсуждали выросшіе въ давнемъ, глубокомъ мирѣ и тишинѣ старожилы:—ну, гдѣ ему противъ регулярныхъ войскъ! притомъ такая даль, гдѣ-то въ башкирскихъ и киргизскихъ степяхъ... Да въ Казани сколько полковъ—вятскій, владимірскій, томскій, гренадеры, карабинеры, бахмутскіе гусары!

— А какъ злодѣй, все-таки, нагрянетъ сюда?—возражали робкіе

и болѣе впечатлительные вѣстовщики:—вѣдь, у него скопища по десяти, двадцати тысячъ!

— Въ Казань-то, батенька? на этакую крѣпость?—усмѣхались старики, служившіе когда-то въ военныхъ и участвовавшіе въ походахъ съ Минихомъ:—по вашему, этотъ разбойникъ, казакъ нѣкій,—что ли, герой, Марій-безстрашный, или Цезарь-стратегъ?

— А что же такое Пугачовъ?

— Маркитантишка плюгавый, не больше! пьяница былъ всегда и грубіянъ, какъ и слѣдуетъ мужику, а все его войско—сбродъ каналій, оборванной голытьбы, вотъ и все. Настигни его настоящее войско, произведи, какъ слѣдъ, атаку, съ диверсіей, обходомъ съ фланговъ и прочимъ, не устоять ему и часу. Хорошъ стратегъ, удираетъ въ степь отъ первой правильной пальбы. Трусъ онъ подлый и только измѣной, предательствомъ беретъ!

— Однако же, — не унимались возражатели:—что ни говорите, а Пугачовъ дерзокъ и смѣлъ; носится на конѣ подъ пулями, передъ нашимъ фронтомъ; топнетъ ногою,—легіоны изъ-подъ земли выходятъ... А какъ мучитъ плѣнныхъ, непокорныхъ ему? Офицеровъ разстрѣливаетъ, священниковъ ребромъ вѣшаетъ на крюкъ, истекающихъ кровью раненыхъ топитъ безъ сожалѣнія въ колодцахъ и прудахъ... дѣтей, невинныхъ младенцевъ, вверхъ ногами вѣшаетъ на глазахъ матерей... а женъ и дѣвицъ беретъ къ себѣ въ поварихи. Это ли не смѣлость? И ужъ если Емелька не римскій герой, то, по правдѣ сказать, сермяжный Аттила, крещёный, для позора народа и нашей вѣры, современный Тамерланъ.

— Эхъ, видно и впрямь, сами вы, господа, храбрецы!—отвѣчали, прижатые къ стѣнѣ, старики:—вѣрите всякому объ этомъ разбойникѣ авантюрьёрскому вранью и галиматьѣ. Ужъ и Аттила, и крещёный Тамерланъ! Ну, чего бояться его хоть бы намъ съ вами? Посудите толково... Казань окружена крѣпостью, батареями; въ ней свыше двухсотъ пушекъ. Такъ ли это? нѣтъ, вы скажите, ложь это, или вѣрно?

— Ну, вѣрно. Что же далѣе?

— А если вѣрно, то гдѣ же этой, извините, безпорточной командѣ, этой аравѣ мужиковъ, отважиться хоть бы на осаду, или на штурмъ такой правильной и всѣмъ снабженной крѣпости, когда, во-первыхъ, о ихъ подступѣ всѣ будутъ знать напередъ, — не степная же это, жалкая фортеція, въ родѣ Озерной,—и, во-вторыхъ, защищаетъ ее, съ достаточнымъ войскомъ, такой опытный генералъ, какъ нашъ губернаторъ фонъ-Брандтъ... Пусть попробуютъ! Притомъ и измѣны намъ не ждать, кругомъ насъ тихо, ни голода, ни мора, ни повѣтрій, а урожай, кстати, какой,—давно не было такого. Такъ-то, государи

мои, напрасная тревога... Народъ не глупъ, истязателей между нами нѣтъ, и не изъ чего ему бунтовать.

— Но позвольте, позвольте,—не унимались спорщики-пессимисты: — кому же не извѣстно, что всѣ на свѣтѣ рабы, испоконъ вѣковъ, всегда того только ждали и ждутъ, чтобы освободиться, и для этого готовы хоть растерзать своихъ владѣльцевъ, какъ бы послѣдніе, подобно намъ съ вами, ни были къ нимъ склонны сердцемъ и добры...

— Что вы, что вы!—шептали, въ ужасѣ оглядываясь, старики:— говорите такія слова! затворили бы хотя двери, слуги услышатъ.

— А именно-съ... и нечего затворять дверей. На то подданные мужики и чернь, чтобъ питать ненависть и сокровенную злобу къ власти, къ достатку и къ господамъ. Нѣтъ между нами бездушныхъ истязателей, въ родѣ хотя бы московской, по правдѣ надо сказать, просто безумной Салтычихи; это истина-съ, и наши, да и сосѣдніе дворяне не ославлены еще, благодаря Бога, никакимъ вопіющимъ претекстомъ къ бунту и насиліями надъ крѣпостными. Но такъ всегда было въ мірѣ, такъ и будетъ... рабъ остается рабомъ.

Старики хотѣли возражать.

— Non, non, messieurs, notre peuple n'est pas sûr,—перебивали ихъ спорщики уже по-французски, увидя лакея, входившаго съ чашками чая на подносѣ: — et vous le savez bien, vous mêmes, que le scélérat fera beaucoup de mal, s'il parvient jusqu'à Kazan.

— Mais écoutez donc, Степанъ Романычъ,— перебивали старики, когда лакей удалялся съ чашками: — ну, чѣмъ соблазняютъ хоть бы этотъ народъ? Вы читали воровскіе листы, эти манифесты самозванца?

— Нѣтъ, не случалось.

— Ну, а вотъ я читалъ, губернаторъ привозилъ... Штиль, батюшка, глупый, подлый и чисто мужицкій, какъ и все у этого злодѣя мужицкое и подлое.

— Да что вы толкуете? да вѣдь мужику того только и нужно! что ему обѣщаетъ Пугачовъ? полную свободу отъ барщины и податей... и ему только этого и надо...

— Я, сударь, самъ подати за своихъ плачу.

— А онъ обѣщаетъ имъ и землю даромъ.

— Да и у меня бери земли, подлецъ, сколько хочешь.

— Бери, однако, съ моего согласія! а тогда мужикъ и самъ возьметъ,—такъ-то-съ!

— Опять же чѣмъ ихъ манитъ этотъ злодѣй? На что, говоритъ, церкви и попы? хочешь вѣнчаться, обойди съ дѣвкой вокругъ куста и баста, ты совершилъ бракъ... самокруткой, понимаешь?

— Ну, это вы уже черезчуръ, Иванъ Ильичъ!

— Нѣтъ, не черезчуръ-съ! Эхъ, вы, вольнодумцы, послать бы

васъ въ гости къ Шешковскому, посадить бы хоть одного изъ васъ въ его кресло, съ секретомъ... Былъ это я, намедни, въ полицейской ратушѣ; привели, при мнѣ, пойманнаго подъ городомъ, лазутчика. Связали, стращаютъ, грозятъ плетьми; сказывай, молъ, говорятъ, видѣлъ ты Пугачова? каковъ онъ собой? А лазутчикъ отвѣчаетъ: что же, господа? правду скажу, видѣлъ батюшку-царя, и таковъ-то онъ милостивъ, нищелюбивъ, свѣтлодушенъ и сладкорѣчивъ.

— Задалъ бы я ему это свѣтлодушіе!

— Да и задали... Не будь подстрекателей и мутьяновъ, не совратить нашихъ подданныхъ. Во всемъ нашемъ округѣ не изъ чего бунтовать. Да хоть бы и дерзнули, одинъ нашъ православный герой, Михельсонъ, чего стоитъ? Налетитъ сюда и сразу прекратитъ политическую чуму, неистовство и злое похабство слѣпой и глупой черни. Онъ одинъ справится, возвратитъ и усилитъ символы нашего счастья, сниметъ веревку съ шеи всего россійскаго дворянства.

— Вашими устами медъ бы пить!

На эти и подобные имъ разговоры Алексѣй Андреевичъ Дугàновъ наружно не обращалъ никакого вниманія. Внутренно же они тревожили его и смущали, и онъ не разъ, послѣ такой бесѣды, долго бывалъ не въ духѣ.

Стояли превосходные, теплые дни конца іюня. Рабочая пора была въ разгарѣ. Поля кишмя-кишѣли народомъ. Убирали сѣно. Поспѣвала рожь, на славу отцвѣтали просà и гречихи. Былъ обильный пчелиный взятокъ; ульи ломались отъ меда, и пчелйницы не успѣвали собирать роевъ. Ожидался незапамятный урожай огородины и плодовыхъ садовъ. Деревенскія околицы, по вечерамъ, оглашались пѣснями возвращавшихся съ поля загорѣлыхъ косарей и убранныхъ цвѣтами и лентами гребчйхъ. Довольство радостнаго, трудоваго народа отражалось и на веселіи господъ.

Въ Туровцóвской усадьбѣ, уже болѣе двухъ недѣль, готовились къ празднованію дня рожденія Варвары Ивановны. Въ саду, надъ ближнимъ озеромъ, ставили шесты и размалеванныя декораціи для фейерверка. Изъ Москвы пришли подводы съ винами и заморскою бакалеей, изъ Казани — съ свѣжепросоленною, копченою и вяленою рыбой. Въ Казани же договорили для танцевъ хоръ военныхъ трубачей, а для парадной обѣдни — соборныхъ и архіерейскихъ пѣвчихъ; собственный домашній хоръ долженъ былъ пѣть за столомъ. Изъ Москвы къ церковному служенію доставили новыя богатыя ризы, а каменный, пятиглавый храмъ, еще съ весны, подновлялся живописью и украсился новою утварью, въ томъ числѣ дорогимъ хрустальнымъ паникадиломъ и выписанными съ ярмарки, изъ Астрахани, персидскими и тибетскими

коврами. Всѣ любовались отдѣлкою богатаго, старинаго храма. Домашній священникъ, отецъ Гервасій, надѣвъ новую шелковую, голубую рясу, съ широкими рукавами, чувствовалъ отъ предвкушенія радостей праздничнаго торжества, что онъ не ходитъ, а какъ бы носится, паритъ, на пышныхъ, лазоревыхъ крыльяхъ. Все было уже вполнѣ наготовѣ; свезенъ на конюшни въ кладовыя запасъ сѣна и овса для лошадей ожидаемыхъ посѣтителей, садовый павильонъ, одинъ изъ флигелей и нѣсколько пустыхъ амбаровъ на главномъ дворѣ были очищены, убраны и превращены въ спальныя помѣщенія для гостей. Ранѣе другихъ ожидали Марью Родіоновну, съ Нинѣтъ Ладыженцевою, да Силу Ѳомича Травкина, который вызвался встрѣтить Марѝ, при ея возвращеніи изъ Свѝблова въ Горки, и проводить ее сюда. Время, назначенное для пріѣзда Марѝ въ Туровцѝво, давно прошло. Ожидали еще недѣлю и двѣ. Марѝ не являлась.

„Чтѝ бы это значило?—раздумывалъ Алексѣй Андреевичъ: — ужъ не заболѣла ли она? Ни писемъ по почтѣ, ни нарочныхъ. Заболѣла бы — Травкинъ навѣрное бы извѣстилъ!“ — Поднимаясь, какъ бы для развлеченія, утромъ и вечеромъ, на вышку бельведера, Алексѣй, не безъ тревоги, наводилъ зрительную трубу въ ту сторону, гдѣ лежалъ путь отъ Самары, и высматривалъ, не видно ли облака пыли, не катитъ ли издали въ Туровцѝвку знакомый синій берлинъ Марѝ. — „Сюрпризъ хочетъ намъ сдѣлать, — думалъ онъ о свояченицѣ: — нечаянно рѣшила подкатить!“—Но ожиданія Алексѣя оказывались тщетными. Съ самарской дороги онъ невольно обращалъ зрительную трубу на сибирскій трактъ, уходившій въ загадочную даль, раздумывая, все ли тамъ благополучно.

XXIV.

Однажды вечеромъ, въ воскресенье, когда всѣ сидѣли на балконѣ и Серафима вслухъ читала Варварѣ Ивановнѣ недавно полученный изъ Петербурга новый французскій романъ, человѣкъ подалъ Алексѣю Андреевичу нѣсколько писемъ съ почты.

— Отъ Силы Ѳомича,—сказалъ Алексѣй, распечатавъ одинъ изъ конвертовъ.

— Не пишетъ ли чего о Марѝ? читайте, — послышались голоса.

Дугáновъ пробѣжалъ про себя полученное письмо, соображая, все ли въ немъ можно сообщить слушателямъ. Надъ нѣкоторыми свѣдѣніями онъ было задумался, но затѣмъ прочелъ письмо вслухъ.

„Досточтимѣйшій Алексѣй Андреевичъ,—писалъ Травкинъ: — сообщаю вамъ горестныя вѣсти, до коихъ довѣдался вчерась, въ Саратовѣ, куда совершилъ краткій вояжъ къ знакомому вамъ, ученому звѣздо-

чёту, г. Ловицу. Колецъ Сатурна въ его телескопъ еще не видно,— будутъ зримы, какъ вѣдомо вамъ, токмо въ августѣ. А бывшіе у него гости, толкуя о Сатурнѣ, повели рѣчь и о земной, всѣхъ насъ занимающей, яицкой гидрѣ. Оный ядовитый звѣрь, представьте, покинулъ Магнитную крѣпость, разорилъ и ограбилъ за Ураломъ множество рудныхъ заводовъ и селъ и перешелъ снова, какъ слышно, по сей бокъ тамошнихъ горъ. Упаси насъ, Господи, отъ него и помилуй. Но къ сему и пріятное услышалъ я. Нашъ, всѣми хвалимый, герой Иванъ Иванычъ Михельсонъ, яко истинный патріотъ, неусыпенъ въ гоньбѣ за нимъ. И что за молодецъ! Нынче разбиваетъ изверга здѣсь, завтра наноситъ ему пагубу тамъ, но подъ силу ли, скажите, все то совершать, съ малою горстью храбрыхъ, почти одному? Аки аравійскій вихрь, на истомленныхъ, казенныхъ лошадкахъ, онъ настигаетъ оборванное сонище; а тѣ нахалы и срамцы развѣ стѣсняются? Въ каждомъ селѣ силой берутъ новыхъ, свѣжихъ коней и, завидя погоню, летятъ далѣе, аки снѣговой ураганъ. Защитительное попеченіе безстрашнаго героя и малой горсти его уланъ, гусаръ и прочихъ при немъ штатныхъ людей, хотя весьма и одобряетъ наши дýхи и смущенныя сердца,— но остановитъ ли оная горсть злобнаго того яицкаго тигра и всю его звѣроярostную месть? Преградитъ ли она въ конецъ путь его дерзкимъ и пронырливымъ набѣгамъ? Ѳеатръ бунта, увы, видимо расширяется, ростетъ. Ахти-хти, какъ бы отрожденный христіанскою утробою Чингизъ не наскочилъ на насъ, истребляя всѣхъ неповинныхъ, здѣ живущихъ по Волгѣ дворянъ, какъ перебилъ и захватилъ по Яику и инымъ рѣкамъ? Ужли погибнемъ и впрямь, аки ночныя весеннія бабочки, сирѣчь эфемерйды? Въ сихъ-то тискахъ, почтенный Алексѣй Андреевичъ, не отъ трусости, и не какъ чехвалъ или пустой фанфаронъ, а изъ расположенія, яко другъ вашей семьи, нахожу за нужно сообщить сіи, безъ должныхъ, можетъ быть, коммъ и пунктовъ, предостерегательныя ремарки. Эй, благодѣтель нашъ, берите мѣры, укладывайтесь, уговорите и ея превосходительство, высокочтимую Варвару Ивановну, и—ýтру-сýщу, либо во едину изъ тихихъ нощей, уѣзжайте, не откладывая, съ домочадцами и съ добромъ, какое поцѣннѣй,—изъ вашихъ сельскихъ мѣстъ, да не въ Казань, а прямо въ Москву, еще же того лучше въ Питеръ, гдѣ близость самой монархини и столько защиты отъ войскъ. И еслибы, прямо изъ Свіяблова, прибыла къ вамъ Марья Родіоновна, съ Ниной Александровной, берите, не медля, и ихъ съ собой. Вѣдь помѣстье, гдѣ нынѣ обрѣтаетесь, на изстари вѣдомой, сиротской и гулевой, сибирской дорогѣ. Ахъ, берегитесь! По ней, того и гляди, нежданно объявится треклятый могильный филинъ. Его пособниковъ-нетопырей, слышно, уже во множествѣ, половили и ощипали; да онъ, дерзостный и ядовитый убійца, еще цѣлъ и, на

пагубу неповинныхъ, носится крылатый. И всѣ-то домашніе воры, скрытные злодѣи, видимо, молятся въ сердцѣ: гряди, сѣмо, сынъ геенны, ждемъ, не дождемся тебя!—Эй, спасайтесь, пока есть время, бѣгите, хоть то и тяжело. Не глядите на нерѣшительныхъ; запрягайте коней, спѣшите, памятуя изреченіе: отруби руку по запястье, коли добра себѣ не хощетъ. О главномъ думайте,—о жизни, а не о мелочахъ. Меня же, малаго, за сіи дерзкія, можетъ быть, строки не осуждайте. Огненная лава, кровавый потокъ настигаетъ. Не теряйте времени. Остаюсь—Сила Травкинъ".

Это письмо сильно озадачило слушателей.

— Что же, это, однако?—произнесла первая Серафима Львовна:—неужели все это вѣрно, и опасность, даже здѣсь, такъ велика? Да говори же, Alexis, какъ твое мнѣніе?

— Не думаю,—отвѣтилъ Алексѣй Андреевичъ, желая по возможности успокоить взволнованныхъ:—Травкинъ получилъ свѣдѣнія въ Саратовѣ, но оттуда Пугачовъ чуть не за тысячу верстъ; мы ближе, и въ Казани, разумѣется, знаютъ обо всемъ лучше, чѣмъ тамъ, здѣсь же всѣ спокойны.

Поднялись горячіе споры. Одни стояли за немедленное исполненіе совѣта Травкина: „не даромъ старикъ тревожится, онъ желаетъ намъ добра!"—Другіе увѣряли, что все это ложные и преувеличенные слухи, что Сила Ѳомичъ, хотя дѣльный и прозорливый человѣкъ, но уже черезчуръ напуганъ роковою кончиной своего брата на Яикѣ, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, даромъ бить тревогу и укладываться въ путь, когда подъ-бокомъ укрѣпленная Казань и все уже готово къ празднику, значитъ, не только по-пусту смущать прислугу, но и вообще подавать примѣръ трусости и излишней суеты.

Варвара Ивановна, все это время молча вязавшая, въ очкахъ, какой-то шелковый съ бисеромъ кошелекъ, спокойно выслушала всѣ мнѣнія, поправила спавшую у нея на колѣняхъ, подъ гарусным одѣяльцемъ, крошечную, съ розовымъ бантикомъ на шеѣ, болонку, откинулась въ мягкое кресло, на которомъ обыкновенно сидѣла, придвинула ближе къ глазамъ очки и сквозь нихъ пристально взглянула на спорщиковъ.

— Слушала я васъ, слушала,—сказала она:—и, признаюсь, не мало удивляюсь. О чемъ споры? Дѣло такъ просто. Вы, Alexis, съѣздите въ городъ, повидаетесь съ губернаторомъ и допросите его, отъ моего имени, да построже, толкомъ. чтобъ онъ внялъ, ну, и все узнаете... Есть какая-либо опасность,—нашъ праздникъ можно и отложить; нѣтъ ничего важнаго,—все пойдетъ своимъ чередомъ... Аттила, Чингизъ, Тамерланъ!.. какія, подумаешь, страсти! бунтуетъ горсть глупыхъ мужиковъ,—и все тутъ. Развѣ у насъ войска мало? Поль По-

темкинъ пріѣхалъ, строятъ батареи, даже гимназистовъ вонъ вооружили. Будетъ опасно—скроемся въ крѣпость... а наконецъ, экая невидаль,—ну, уѣдемъ, пожалуй, и въ Москву.

— Но, maman,—начала было Серафима, видя по лицу Алексѣя, что тотъ не совсѣмъ раздѣлялъ мнѣнія ея крёстной:—пока соберемся въ Казань или въ Москву, все вдругъ можетъ случиться.

— Перестань, ma chère, неподходящія вещи говорить,—недовольно перебила Туровцова, опять подвигая очки къ глазамъ и черезъ нихъ оглядывая присутствующихъ:—да ты забыла, самъ губернаторъ удостоилъ принять приглашеніе къ намъ и, еслибы дѣла здѣшнихъ мѣстъ находились мало-мальски подъ сомнѣніемъ, неужели онъ не прислалъ бы заранѣе отказа и не далъ бы должнаго, по своей обязанности, совѣта и руководства? Поѣзжайте же, Alexis!

Алексѣй Андреевичъ утромъ слѣдующаго дня отправился въ Казань. Проѣзжая паркомъ, потомъ тѣнистою, лѣсною просѣкою, онъ вглядывался въ вершины столѣтнихъ дубовъ, вязовъ и липъ, вѣтви и листья которыхъ были недвижимы въ сонной и пахучей прохладѣ, оглашаемой только стрекотаніемъ кузнечиковъ, и думалъ: „Какъ здѣсь тихо, спокойно! а тамъ на востокѣ? ждать ли оттуда бѣды?“

Въ городѣ, куда онъ пріѣхалъ, было, повидимому, также все спокойно. Стѣны старинной крѣпости были подновлены и на нихъ, кромѣ прежнихъ, установлены новыя пушки изъ арсенала. Со стороны Арскаго Поля, Сукопной и другихъ подгородныхъ слободъ, насыпались и вооружались новыя батареи. День стоялъ безоблачный, жаркій. По улицамъ города и крѣпости мирно двигались пѣшеходы, дребезжали пыльныя извощичьи дрожки и долгуши, раздавались крики разнощиковъ: „блины горячіе!“—„сбитень, сбитенёкъ!“—и на скамеечкахъ у лавокъ, обмахиваясь отъ мухъ, дремали толстые и загорѣлые, изнывающіе отъ жаркой, безвѣтренной погоды, купцы. Торговки, грызя вѣчныя сѣмечки и повторяя, со вздохомъ: „Охъ, тошно, матушки! тошнёхонько, чтой-то!“—также чуть не падали отъ дремоты.

Коляска Дуга́нова подъѣхала къ губернаторскому дому. Алексѣй Андреевичъ взошелъ на крыльцо, обмахнулъ платкомъ пыль съ сапогъ, оправилъ на себѣ платье и шляпу и поднялся по парадной лѣстницѣ. Въ прихожей, отъ гарнизоннаго дневальнаго, снявшаго съ него плащъ, онъ узналъ, что губернаторъ, генералъ фонъ-Брандтъ, дома и что никого изъ посторонннихъ у него нѣтъ. Войдя въ пріемную, Дуга́новъ увидѣлъ у окна сѣдаго и толстаго губернаторскаго слугу, спавшаго на стулѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, который онъ по уроку вязалъ. Алексѣй едва добудился его.

— Ахъ, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, это вы-съ! — вскинулся, отирая губы, лакей:—и не примѣтилъ васъ, извините...

— Принимаетъ ли генералъ?

— Васъ-то, батюшка? помилуйте, что вы! по всякъ часъ .. пожалуйте-съ! а мы, день-то жаркій, маленечко вздремнули; ихъ превосходительство тоже купались и только что вернулись съ рѣки.

„Огненная лава, кровавый потокъ пастигаетъ!“ —думалъ Алексѣй, идя за слугой по тихимъ, пустымъ комнатамъ: — „а они купаются, ради прохлады, спятъ!“

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КРОВАВЫЙ МЕТЕОРЪ.

„И, видѣвъ нѣкоего—обидима, способствова и сотвори отмщеніе".
(*Дѣянія Апостольскія*, VII, 24).

I.

Лакей отворилъ Алексѣю Дуга́нову дверь въ губернаторскій кабинетъ.

Генералъ фонъ-Брандтъ, худой и высокій, съ красными отъ недавняго купанья глазами, полулежалъ на мягкой софѣ, просматривая полученныя въ то утро гамбургскія газеты. Онъ былъ въ зеленомъ шелковомъ халатѣ, въ бухарскихъ туфляхъ на босу ногу и въ черной шелковой шапочкѣ, поверхъ мокрыхъ и развившихся послѣ купанья волосъ.

— Ба! кого вижу? — съ удивленіемъ и радостью вскрикнулъ Брандтъ:—милости прошу, дорогой гость, садитесь. Какъ здоровье Варвары Ивановны?

— Отъ нея-то, по ея порученію, я и пріѣхалъ,—отвѣтилъ, усѣвшись, Алексѣй: — скажите, ваше превосходительство, мы получили письма... что̀ слышно о злодѣѣ?.. гдѣ онъ, далеко ли? и нѣтъ ли какой-либо отъ него опасности здѣшнему краю?

— Опасности, гм!..—произнесъ Брандтъ:—да не хотите ли трубочки? вотъ вамъ табакъ, рекомендую—свѣжій.

— Нѣтъ, благодарствую; курилъ дорогою.

— Вы получили, говорите, письма?—продолжалъ Брандтъ:—а вотъ я ничего и ни отъ кого не получаю; точно сговорились, точно ничего нѣтъ! И если что̀, сказать вамъ, знаю, то единственно отсюда,—указалъ онъ на пачку нѣмецкихъ газетъ.

— Что же говорятъ газеты?

Губернаторъ потеръ себѣ переносицу и, взявъ съ двухъ сторонъ шапочку, передвинулъ ее на лысой головѣ.

— О, эти заграничныя газеты,—отвѣтилъ онъ:—хотя онѣ, знаете, все наше русское осуждаютъ и подъ-часъ зло острятъ, но говорятъ и правду. По ихъ мнѣнію, мы проиграемъ дѣло, а Пугачова, представьте, эти столь умные и серьезные нѣмцы считаютъ, какъ бы вы думали, кѣмъ?.. братомъ претендентки на престолъ, княжны Таракановой.

— Но какъ ваше мнѣніе о здѣшнемъ народѣ, о краѣ? сладимъ мы съ Пугачовымъ?

— О, въ этомъ будьте спокойны!—отвѣтилъ Брандтъ:—благодаря Бога, здѣсь у насъ все еще пока благополучно. Я еще сегодня дѣлалъ смотръ гарнизону и артиллеріи. Приняты всѣ мѣры и, хотя вначалѣ скудно было въ орудіяхъ, порохѣ и офицерахъ, теперь все то улажено, а если дерзкій самозванецъ осмѣлится явиться передъ нашими стѣнами, мы его не допустимъ и отобьемъ. Одно горе,—сказалъ и остановился Брандтъ, запахиваясь въ халатъ.

— Что именно?—спросилъ Алексѣй.

— Прислали намъ этого Павла Сергѣевича Потемкина. Я буду съ вами откровененъ,—произнесъ Брандтъ:—ну, я васъ спрашиваю, на что онъ мнѣ, и какъ тутъ упражняться съ серьезнымъ дѣломъ, когда тебѣ на шею садятъ этакого, извините, надутаго чехвала и вреднаго хвастуна? Кузенъ фаворита! да намъ то, вѣрнымъ слугамъ монархини, на что онъ? Врётъ, похваляется, будто ему дана верхняя надъ всѣми власть. Духъ отбиваетъ... приходится одно — сложить руки и терпѣливо сидѣть, аки... какъ это говорится? аки Іову на гноищѣ...

— Что же здѣсь поручено Павлу Сергѣевичу?—спросилъ Алексѣй.

— А Господь его знаетъ. Инструкцій не показываетъ, вмѣшивается во все, подрывая респектъ къ истинному владыкѣ края,—вотъ и все его дѣло... Придирчивъ, мелоченъ и грубъ.

— Но почему же все это вышло такъ?—спросилъ Алексѣй.

— Благоговѣніе передъ державствомъ смыкаетъ вѣрнымъ рабамъ уста,—отвѣтилъ, склонивъ голову, Брандтъ:—тутъ я, государь мой, безгласенъ и нѣмъ! но, чтобъ я спустилъ обидчику, потому только, что онъ двоюродный братецъ фаворита? Аттанде-съ! извините... Великая монархиня, по высоко-матерней любви къ подданнымъ, всѣхъ призрѣваетъ и отличаетъ равно... За что же такая власть выскочкамъ и блюдолизамъ двора? Я старше его годами, чиномъ и службой. Обиды такой не прощу.

„Экое горе! и такова судьба всѣхъ нашихъ дѣлъ!—подумалъ

слушая эти жалобы, Дугановъ:—тутъ бы заботиться о единеніи, объ общихъ усиліяхъ для охраны города и края, для истребленія врага, а они не успѣли встрѣтиться, и уже оба чуть не на ножахъ!"

— Какъ же, однако, вы думаете, ваше превосходительство?—спросилъ Алексѣй:—опасность не грозитъ намъ? и вы первый,—можно ли надѣяться,—удостоите ли насъ, по обѣщанію, своимъ заѣздомъ?

— Пока, сударь мой, повторяю,—сказалъ, покраснѣвъ и хмурясь, Брандтъ:—пока я на этомъ мѣстѣ, злодѣй не осмѣлится, не дерзнетъ сюда приступить! Есть слабые духомъ, не скрою отъ васъ, есть трусы, собрались и уже тайно выѣхали изъ города.

— Давно ли?

— По ночамъ, батюшка, украдкой,—горько усмѣхнулся Брандтъ:—но что же это значитъ? ровно ничего, малодушіе и только.

— Такъ что же окончательно сказать Варварѣ Ивановнѣ?—спросилъ Дугановъ, вставая и взявъ шляпу.

— Кланяйтесь ея превосходительству и скажите, пусть будетъ совершенно покойна... Не допущу злодѣя на пушечный выстрѣлъ, самъ выступлю впереди войска и горожанъ, а въ доказательство, что всѣ страхи ложны... изъ первыхъ, да, изъ первыхъ, буду на вашемъ праздникѣ.

Алексѣй поклонился и вышелъ.

— Еще слово,—сказалъ по-нѣмецки Брандтъ, догнавъ его въ залѣ:—если бы, однако, сверхъ ожиданія, злодѣй предпринялъ покушеніе сюда, я дамъ тотчасъ знать, и тогда милости просимъ въ нашу крѣпость. Тутъ увидите, какъ я разнесу и добью злодѣя. Такъ и передайте почтенной Варварѣ Ивановнѣ.

„Передать-то все это я передамъ,—разсуждалъ Алексѣй, ѣдучи обратно, тѣмъ же дремучимъ, спокойнымъ лѣсомъ, изъ Казани:—но дѣло, кажется, дѣйствительно, неладно, и надо, въ виду ихъ несогласій, принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры".

Возвратясь въ Туровцово, Алексѣй успокоилъ, какъ могъ, Варвару Ивановну и остальныхъ домашнихъ. Въ тотъ же вечеръ, однако, когда въ домѣ все затихло, онъ призвалъ къ себѣ своего кучера, спросилъ его, подкованы ли лошади и исправна ли карета, и объявилъ, что надо готовиться, такъ какъ онъ получилъ письмо изъ Горокъ и, вслѣдъ за днемъ рожденія Варвары Ивановны, долженъ ѣхать во-сколяси.—„И отлично, сударь,—отвѣтилъ кучеръ:—пора! и то лошади томятся, точно отъ дороги, по ночамъ корма не ѣдятъ"...

Подъ шумокъ послѣднихъ приготовленій къ празднику, Алексѣй и Серафима, которой мужъ по секрету объяснилъ свое рѣшеніе, уложили свои чемоданы и сундуки.

— Это уже вы и собираетесь?—спросила Варвара Ивановна, заставъ ихъ за укладкой.

— Нельзя, maman,—отвѣтила Серафима:—хлѣбъ у насъ поспѣваетъ; да и Мари́ безпокоитъ своимъ молчаніемъ. Приготовимся заранѣе; наѣдутъ гости, въ суетѣ при нихъ будетъ не до сборовъ.

— Такъ, такъ,—вздыхая и уходя, сказала старуха.

Слуги и всѣ въ домѣ также знали уже, что Алексѣй и Серафима ѣдутъ, тотчасъ послѣ праздника, и потому никто не удивился, когда къ садовому крыльцу, откуда былъ ходъ на половину Дуга́новыхъ, подкатили, укрытую бѣлымъ чехломъ, ихъ карету, а для вещей и прислуги фургонъ. Варвара Ивановна старалась быть покойною, но она съ грустью смотрѣла на Серафиму и на ея рѣзвившихся по дому и по саду дѣтей.

„Все это шумно, полно жизни теперь,—думала она:—а скоро всѣ разъѣдутся, домъ опустѣетъ, и опять я останусь одна. Ну, да я готовлю имъ сюрпризъ. Все собиралась къ нимъ въ Горки; теперь, едва уѣдутъ, поѣду къ нимъ и сама".

До праздника Варвары Ивановны оставалось не болѣе трехъ-четырехъ дней. Въ это время ждали окончательно пріѣзда Мари́.—„Не пишетъ, значитъ, ѣдетъ!"—думали всѣ. Но Мари́ не ѣхала и не отзывалась.

— Что́ же это, наконецъ, значитъ?—не вытерпѣвъ, съ тревогой спросила Туровцо́ва Алексѣя:—ужъ и въ самомъ дѣлѣ, здорова ли Маша?—Написали бы вы къ Травкину или къ Нинѣтъ.

— Писалъ, успокойтесь; думаю, она будетъ не нынче, завтра.

За день до праздника, утромъ, когда въ домѣ еще спали, Алексѣй, по обычаю, поднялся на бельведеръ и съ мыслью: „ну, навѣрное ничего опять не увижу!"—навелъ подзорную трубу на окрестности. На сибирскомъ трактѣ было пустынно и тихо; тамъ лѣниво тянулся какой-то обозъ и чернѣло нѣсколько отдѣльныхъ пѣшеходовъ. Алексѣй навелъ трубу на лѣсную просѣку и сталъ смотрѣть пристальнѣе. По дорогѣ отъ города столбомъ неслась пыль. Среди просѣки онъ увидѣлъ всадника, скакавшаго къ Туровцо́вскому двору. Миновавъ мостъ черезъ ручей, всадникъ скрылся за садомъ.—„Не съ почты ли?"—подумалъ Алексѣй, вспомнивъ, что съ вечера поговаривали о посылкѣ въ городъ, и сошелъ съ бельведера. Внизу на галлереѣ, соединявшей домъ съ служительскимъ флигелемъ, онъ увидѣлъ своего камердинера Дрона. Постоянно въ пудрѣ, въ сѣромъ ливрейномъ фракѣ и въ башмакахъ, съ стальными пряжками, солидный, важный и плотный Дронъ теперь казался растеряннымъ.

— Что̀ это? нарочный изъ города?—спросилъ его не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ Алексѣй.

Дронъ молча подалъ ему, на подносѣ, нѣсколько писемъ. Отъ крыльца къ конюшнѣ, черезъ дворъ, шелъ, пошатываясь, ѣздовой Сашка, ведя подъ уздцы дымившагося, усталаго коня. Алексѣй въ поданной пачкѣ пакетовъ разглядѣлъ письмо отъ Марѝ, вскрылъ его и началъ читать. Письмо было изъ-подъ Самары. Марѝ извѣщала, что нежданно возникшіе слухи о приближеніи самозванца и его полчищъ отъ Уральскихъ горъ къ Волгѣ такъ сильно смутили ее и напугали, что она, какъ ей это ни прискорбно, послѣ долгихъ колебаній, рѣшила отмѣнить свою поѣздку въ Туровцо̀во и обратилась съ просьбою къ Травкину—прибыть въ Свѝблово и немедленно проводить ее въ Горки, гдѣ она и будетъ ждать возврата Алексѣя и Серафимы.—„Поздравьте за меня почтенную Варвару Ивановну,—писала Марѝ:—а на меня не сѣтуйте. Вы себѣ представить не можете, дорогіе мои, какіе ужасы и страсти разсказываютъ здѣсь о неистовствахъ злодѣя и его изувѣровъ. Казаки-раскольники изъ его войска врываются въ церкви православныхъ, обдираютъ оклады съ образовъ, пьютъ водку изъ причастныхъ чашъ, на дискосахъ ѣдятъ мясо, утираются антиминсами, какъ платками, а въ алтари пускаютъ собакъ и свиней. Недавно гусары, занявъ разоренную мятежниками крѣпость, нашли всѣ образа храма въ пуляхъ изверговъ: злодѣи нарочно разстрѣливали ихъ, причемъ въ уста Спасителя на Распятіи вбили гвоздь. Все это, Серафимочка, пишу тебѣ, прибавляя: охъ, не сидите долго возлѣ Казани; сейчасъ видѣла исправника,—самозванецъ, по слухамъ, повернулъ на Осу, а это вѣдь на пути къ Казани. Уѣзжайте скорѣе, да берите съ собой и крёстную. Молюсь Пресвятой Божіей Матери, защитницѣ праведныхъ. И знайте, если въ Горкахъ не застану васъ, уговорю Силу Ѳомича и, долго не думая, пущусь съ нимъ, на Воронежъ, въ Ракитное. Туда злодѣй, авось, уже не достигнетъ. Господь вседержитель! въ руцѣ Твои предаюся.—спаси насъ, помилуй и защити“.

— Итакъ, Марья Родіоновна не будетъ,—сказалъ Алексѣй, дочитавъ письмо.

— Не здоровы? занемогли?—спросилъ Дронъ, глядя на барина и какъ бы собираясь еще о чемъ-то сказать.

— Нѣтъ, здорова... но вышли такія обстоятельства...

Между прочими письмами Алексѣй разглядѣлъ пакетъ съ почеркомъ Травкина.

— Иди себѣ,—сказалъ онъ Дрону, вскрывая и читая это письмо.

II.

Дронъ отошелъ къ сторонѣ. Письмо Травкина еще болѣе взволновало Алексѣя.

„Вѣчно-незабвенный и высокочтимый благодѣтель мой и дорогой сосѣдъ, Алексѣй Андреевичъ,—писалъ Травкинъ:—на-дняхъ дерзнулъ въ репортиціи своей дать вамъ отъ сердца совѣтъ. Нынѣ паки и паки считаю долгомъ подтвердить его. Эй, не отлагайте! молю, заклинаю, спѣшите,—великое началось шатаніе уже и въ нашемъ народѣ; пошли вездѣ крайне-вредительные толки и колобродства. Чернь мятется на базарахъ, въ кабакахъ и вопитъ:—„это намъ, братцы, свѣтъ открылся, Господь насъ сыскалъ; казаки, башкиры и всякія орды нашему батюшкѣ, новоявленному царю, покорились; намъ ли ему противотвòрничать? Надо милостивцу сдаться, надо пресвѣтлаго встрѣтить, безъ лукавства, криводушія и премѣненія сердцòвъ“.—Такъ-то, благодѣтели вы мои, толкуютъ у меня и даже въ Горкахъ. О, ужасъ! о, существо! Да неужели же, вслѣдъ за слѣпцами, вѣрить тому, что злодѣй, оное подлое чудище, не самозванецъ, а во-истину царь? Развѣ могъ онъ,—пытался я говорить заблудшимъ,—сверхъ натуры воскреснуть и вторично объявиться живой? И царь ли онъ,—твердилъ я вашимъ и своимъ крестьянамъ,—когда оскверняетъ храмы, безъ суда вѣшаетъ и бросаетъ въ огонь неповинныхъ священниковъ, благодѣтельныхъ вамъ помѣщиковъ и офицеровъ, а ихъ семьи казнитъ десятками, сотнями! Обижаютъ ли, мучатъ ли васъ, скажите?.. Молчатъ на это омраченные слѣпцы и думаютъ, по всей видимости, злое... До чего мы дождались! И неужели намъ суждено вернуться къ варварской эпохѣ, къ безвременью Стеньки Разина, къ смутамъ, бывшимъ за сто лѣтъ назадъ? Сердце болитъ, а потокъ грабежей, огня, висѣлицъ и крови, по всей видимости, двигается и къ намъ оттолѣ, гдѣ погибъ неповинный мой братъ Павелъ. Его гласомъ снова заклинаю васъ, Алексѣй Андреевичъ, и вашихъ: не слушайте легкомысленныхъ и непрозорливыхъ упорственниковъ, бѣгите, спасайтесь! Азъ же, грѣшный и малый, получивъ вчерашняго числа краткую цидулочку отъ дражайшей и всякой жертвы достойной Маріи Родіоновны, въ ту-жъ минуту, какъ пишу это, уже добылъ почтовыхъ и лечу къ ней, дабы вызволить ее, со чадомъ и съ кузиною, и сюда проводить въ сохранности. И тако, мнѣ шествующу, глаголю и, со слезами, клятвенно восклицаю: бросьте завѣренія хвастуновъ и претендантовъ на знаніе истины, недоступной имъ. Вѣрьте испытанному другу и, хотя бы на крыльяхъ вѣтра, спѣшите въ свой уголъ, а тутъ уже потолкуемъ, какъ и что далѣе.—*С. Травкинъ*“.

— Варвара Ивановна проснулась?—спросилъ Алексѣй, дочитавъ письмо Силы Ѳомича и видя, что Дронъ не уходилъ съ галлереи.

Дронъ не отвѣчалъ. Алексѣй пристально взглянулъ на него. Смущенное лицо слуги озадачило его.

— Что съ тобой? — спросилъ его Алексѣй.

— Огорчительныя письма, видно, изволили получить изъ вашихъ мѣстъ,—сказалъ Дронъ:—да неладныя дѣла, сударь, смѣю доложить, и по здѣшней близости.

— Что такое? говори,—произнесъ, подходя къ нему, Алексѣй.

— Помирать, видно, отецъ родной, всѣмъ намъ,—несмѣло, упавшимъ голосомъ, отвѣтилъ Дронъ.

— Не понимаю, объясни.

Дронъ оглянулся. Руки его дрожали. Полныя щеки тряслись отъ заглушаемыхъ слезъ.

— Злодѣй... Пугачъ, — выговорилъ онъ съ трудомъ: — идетъ къ Казани... по близости уже видѣли... тьмы, то-есть, темъ...

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Сашка, ѣздовой, какъ отдавалъ письма.

Алексѣй взглянулъ къ сторонѣ конюшни. Сашка привязывалъ къ яслямъ лошадь. Толпа дворни окружала его, очевидно, слушая его вѣсти. Алексѣй съ секунду подумалъ.

— Старая барыня одѣлась? — спросилъ онъ: — чай, надѣюсь, готовъ?

— Одѣлись, все приготовлено-съ...

— Ну, Дронушка, ничего; все это, можетъ быть, еще пустые розсказни и слухи. Иди, не тревожь никого; все узнаемъ и примемъ мѣры.

— Охъ, сударь, не слухи,—сказалъ, покачавъ головою, Дронъ:—Сашка говоритъ, въ городѣ такой переполохъ, суета; толкуютъ, за слободами видимо-невидимо злодѣйскаго войска... по близости гарцуютъ верховые, а дальше валомъ-валитъ пѣхота...

— Повторяю тебѣ, это еще, весьма можетъ быть, вздоръ... Подавай чай и поменьше, пока, объ этомъ говори. Сейчасъ пошлю новаго нарочнаго къ губернатору. Молчи же .. понялъ?

— Понялъ-съ.

Алексѣй, оставивъ галлерею, направился къ конюшнѣ.

— Чего собрались?—громко крикнулъ онъ, останавливаясь передъ дворовыми, окружавшими ѣздоваго:—слушаете дурака?

— Да мы, батюшка, Алексѣй Андреевичъ, ничего, — отвѣчали, разступясь и снимая шапки, дворовые:—мы только такъ, что, молъ, онъ баетъ?

— То-то, ребята, лучше по мѣстамъ!—скомандовалъ Алексѣй:—а чтобъ вамъ доказать, что не все то правда, что сорока носитъ на хвостѣ, ну-ка, Филатъ, да Сысой,—обратился онъ къ своему и туровцовскому

кучерамъ: — готовьте лошадей, мы съ Варварой Ивановной сами съѣздимъ вечеромъ въ городъ... никакого Пугачова тамъ нѣтъ.

— Одначе, баринъ, помилуйте,—отозвался было кухонный мужикъ, въ сѣрой курткѣ:—оно бы, точно, ничего... да вонъ Сашка божится...

— Ты самъ его видѣлъ? самъ?—крикнулъ опять Алексѣй, наступая грудью на Сашку:—ну говори, ракалія, говори при всѣхъ!

— Я, ваша милость, не то, чтобы самъ, — отвѣтилъ, кланяясь, Сашка:—а люди, помилуйте, сказывали.

— То-то люди! самъ гдѣ-нибудь увидѣлъ стадо коровъ, либо свиней... ну, съ пьяныхъ глазъ и струсилъ, небо съ овчинку показалось!

— А и впрямь, ребята, можетъ такъ! молодецъ баринъ! — разсмѣялась, расходясь, толпа: — и взаправду Сашка, можетъ, видѣлъ свиней...

Все общество Алексѣй засталъ въ гостиной. Поздоровавшись съ Варварой Ивановной и съ прочими, онъ подсѣлъ къ Серафимѣ, шепнулъ ей, чтобъ она не выдала того, что̀ услышитъ, и наскоро передалъ ей о полученныхъ извѣстіяхъ.

— Такъ это правда?—спросила, помертвѣвъ, Серафима.

— Болѣе я не сомнѣваюсь, будь готова, сегодня въ ночь мы ѣдемъ,—сказалъ Алексѣй, съ чашкой чая, пересаживаясь къ общему столу.

— Какое чудное утро!—сказалъ онъ, спокойно оглядывая всѣхъ:—не жарко, вѣтерокъ... Вотъ бы всею компаніей проѣхаться въ городъ.

— Quelle idée!—поморщилась Туровцова:—то разбойниковъ ждутъ, а то вдругъ кататься по лѣсамъ.

— Не пугайтесь, mesdames, никакихъ разбойниковъ; но недурно бы снова справиться. Вонъ Травкинъ опять пишетъ...

— Ахъ, ужъ этотъ вашъ Травкинъ,—вздохнула Туровцова:—надоѣлъ онъ, какъ горькая рѣдька.

— Получено, однако, письмо и отъ Марьи.

— Что̀ же она, будетъ наконецъ?

Алексѣй помолчалъ.

— Нѣтъ, не будетъ,—сказалъ онъ.

— Почему?

— Боится и всѣмъ совѣтуетъ отсюда уѣзжать.

Туровцова подняла глаза къ потолку и стала искать въ ридикюлѣ и карманахъ флаконъ съ нюхательнымъ спиртомъ.

— Прочти, что̀ пишетъ Марья, — обратилась къ мужу Серафима, подавая крёстной лежавшій на столѣ флаконъ.

Алексѣй прочелъ вслухъ письмо Марьи, потомъ и письмо Травкина. Лица всѣхъ вытянулись и побѣлѣли.

— А опасности, по-моему, все-таки никакой нѣтъ, — сказалъ Алексѣй: — вы не хотите ѣхать, съѣзжу, пожалуй, снова я одинъ и все разузнаю. Если же хотите окончательно успокоиться, я совѣтовалъ бы, не долго думая, собраться, да всѣмъ на время и переѣхать въ Казань. Это, во-первыхъ, городъ, а не деревня, во-вторыхъ, тамъ и войско, и полиція подъ бокомъ... Бережёнаго Богъ бережетъ, да и губернаторъ почти пріятель.

Всѣ на это промолчали.

— Вы кончили? — спросила Варвара Ивановна, обращаясь къ Алексѣю.

— Кончилъ... это мое искреннее мнѣніе.

— И отлично!—сказала Туровцова, надѣвъ очки и глядя сквозь нихъ на Алексѣя: — вы, Alexis, можете хитрить и дипломатничать, какъ знаете; скажу прямо, я вашу стратагему пропикла. Не возражайте, вы въ глубинѣ души считаете меня неправою и находите, что отсюда прямо надо бѣжать... А я вамъ отвѣчу: отправляйтесь изъ этихъ мѣстъ, съ Божьей помощью, куда знаете, я же отсюда,—прибавила Варвара Ивановна, оглядывая гостиную:—и вообще изъ этого дома—ни ногой... да, да, ни ногой!

III.

Туровцова сказала это такъ рѣшительно и съ такимъ достоинствомъ, а высокая, съ зеркалами, бронзами и портретами императорской фамиліи и предковъ, гостиная такъ весело освѣщалась солнцемъ сквозь вѣтви столѣтнихъ деревьевъ, что всѣ невольно подумали: „Да, эта стойкая и властная, подобно гордой львицѣ, хозяйка не покинетъ этого дома и спокойно останется здѣсь“.

— И что вы въ самомъ дѣлѣ думаете,—продолжала старуха:—неужели вашъ этотъ Тамерланъ и Чингизъ, — excusez du peu, какъ вы его называете,—осмѣлится, съ своими бунтовщиками, проникнуть сюда и тронетъ меня или васъ?.. А мои-то здѣшніе подданные? Развѣ они выдадутъ меня? Ея величество, для ободренія края, назвала себя казанскою помѣщицей. Она сдѣлала этимъ честь намъ, да скажу прямо—и себѣ самой... Я же изстари, отъ предковъ, здѣсь, въ селѣ, помѣщица, тоже царица... У меня тутъ три тысячи душъ и изъ нихъ чуть не полторы тысячи здоровыхъ и крѣпкихъ хранителей. Я ихъ не тиранила, я заботилась о нихъ, холила и лелѣяла ихъ по всѣ дни. Въ голодъ, сударь, сама толокнныя лепешки, да блины изъ лебеды съ ними ѣла, а ихъ дѣтишекъ и женъ отъ цынги въ собственныхъ моихъ хоромахъ лѣчила и кормила... такъ имъ бунтовать, за душегубами идти? Дронушка, а Дронъ! — крикнула Туровцова, увидя въ

залѣ слугу Алексѣя, поливавшаго изъ лейки на окнахъ цвѣты:—иди, разсказывай имъ... да святую правду... Ты не здѣшній, сторонній, говори, что слышалъ?

— Что приказать изволите, ваше превосходительство? — спросилъ Дронъ, остановясь у двери.

— Говори, любятъ меня, почитаютъ мои мужики?

— Какъ не любить свою, то-есть, благодѣтельницу и мать! Одно слово, всѣ ваше превосходительство хвалятъ.

— Слышите? А тѣснила я ихъ? Обижала въ чемъ-нибудь?

— Что вы, матушка, да когда же? Глаза лопни, ничего не слыхалъ какъ есть.

— Ну, а защитятъ они меня, если бы, на случай, эти изверги... ну, вздумали бы придти сюда?

— Животъ, милосердная, положатъ, дубинами всякаго изобьютъ... самому мнѣ, глаза лопни, похвалялись...

— Vous voyez?—съ торжествомъ оглянула всѣхъ Туровцова:—ну, иди себѣ, Дронъ, благодарю... Филиппычу и другимъ прикащикамъ уже велѣно, а ты моимъ именемъ еще подтверди, чтобы созвали сейчасъ всѣхъ сотскихъ и старостъ и поставили бы, съ вечера, караулы, съ дубинами, а то и съ ружьями, — охотниковъ у насъ не мало, — вокругъ деревни и выселковъ, на дорогѣ и у двора. Понялъ?

— Все, матушка, понялъ,—отвѣтилъ, уходя, Дронъ.

— А вы, господа, какъ знаете,—заключила, вставая, Туровцова:—завтра я пойду къ обѣднѣ, помолимся, закусимъ, много гостей, въ виду такихъ слуховъ, пожалуй, вправду, и не ждать, — поморщилась старуха: — можете ѣхать, куда угодно, — въ Казань, въ Горки, хоть въ Москву, я же, съ Божьимъ благословеніемъ, останусь здѣсь.

Съ уходомъ Варвары Ивановны, Алексѣй, Серафима и прочіе домочадцы сперва помолчали, потомъ стали толковать: „Неужели же такъ и оставить здѣсь старуху? И что, если ѣздовой Сашка, въ самомъ дѣлѣ, сказалъ правду?“ Передъ обѣдомъ рѣшили снова послать, для болѣе точныхъ развѣдокъ, вѣрнаго нарочнаго въ Казань. Алексѣй, тѣмъ временемъ, на всякій случай, настоялъ на окончательной укладкѣ. Серафима, съ горничной, не только собрала, но и упаковала послѣднія изъ имѣвшихся своихъ и дѣтскихъ вещей. Оставалось только вынести все это въ стоявшіе у крыльца экипажи. Лошади Дугановыхъ, съ обѣда, ѣли кормъ въ хомутахъ.

Обѣдъ и вечерній чай прошли невесело. Всѣ съ видимымъ смущеніемъ, истерпѣливо ожидали вѣстей изъ города, куда Алексѣй Андреевичъ написалъ обстоятельныя письма не только къ губернатору,

но и знакомому полиціймейстеру.—„Разъясните, наконецъ,—спрашивалъ онъ ихъ:—вѣрны ли дошедшіе до насъ слухи, будто злодѣй уже невдали отъ Казани, и не уѣхать ли намъ, для спокойствія, изъ этихъ мѣстъ?“

Солнце склонилось къ закату. Посланный съ письмами „вѣрный развѣдчикъ“ еще не возвращался.—„Написали бы вы только губернатору,—вскользь замѣтила за чаемъ Варвара Ивановна Алексѣю:—онъ экспедитивнѣе и отвѣтилъ бы сейчасъ, а полиціймейстеръ порядочный суета, и гдѣ его тамъ найдутъ, въ постоянномъ шныряніи по городу?“—Не менѣе другихъ томясь неизвѣстностью, но скрывая это, Туровцова, ранѣе обыкновеннаго, велѣла подавать ужинъ и, не дождавшись конца его, встала, подъ предлогомъ усталости, простилась со всѣми и ушла къ себѣ.

Стемнѣло. Всѣ въ домѣ и флигеляхъ улеглись. Настала общая тишина. Часы съ музыкой, нѣжнымъ нѣвучимъ звономъ, пробили въ залѣ девять, десять и одиннадцать. Въ окна замолкшаго дома изъ сада глядѣла тихая звѣздная ночь. Караульные, во дворѣ, на деревнѣ и за садомъ, били въ чугунныя доски. Скоро и они угомонились Заснула деревня, какъ и барскій дворъ.

Туровцова не спала. Изъ-за бѣлаго, кисейнаго полога, ей была видна ея просторная, уставленная комодами и канапѣ, опочивальня, съ лампадкой, горѣвшей у образовъ. Передъ окнами чуть шевелились въ темнотѣ верхушки деревьевъ.

„И неужели, наконецъ, это правда? — невольно раздумывала въ постели Туровцова: — неужели и въ самомъ дѣлѣ надо бросить этотъ уголъ, родное гнѣздо предковъ, и бѣжать, спасаться, отъ кого? — отъ горсти бунтующихъ, подбитыхъ какимъ-то казакомъ, мужиковъ? И этотъ домъ, эти комнаты, мебель, картины и гобелéни—все нажитое дѣдами и отцами, можетъ достаться разъяренной черни, будетъ разграблено и истреблено? И за что?.. Я здѣсь бѣгала дѣвочкой, росла; ставъ законной владѣлицей вотчинъ, я заботилась о подданныхъ, была имъ матерью, праведнымъ судіей, защитницей и другомъ. Неужели же эти самые люди, среди которыхъ я выросла, въ случаѣ нападенія на меня, не станутъ за меня грудью, не защитятъ своей благодѣтельницы и госпожи? Быть не можетъ! Въ дѣтствѣ разсказывали няни, пращуръ нашъ, при Стенькѣ Разинѣ, былъ спасенъ своими подданными... Они спрятали его въ стогѣ сѣна и какъ ни грозилъ имъ Стенька и его клевреты, не выдали его. Пугачовъ принялъ имя покойнаго государя, но у правительства много войска и силы, и злодѣя навѣрное скоро уймутъ. Alexis не понимаетъ сути дѣла, а она такъ проста. Для слѣпой, глупой черни самозванецъ — истинный царь. Чтобы повластвовать, хотя не-надолго, хоть на-короткѣ, онъ истребляетъ

главныхъ своихъ противниковъ—офицеровъ, чиновниковъ, духовенство и дворянъ. Говорятъ, народъ исполняетъ его казни; но онъ это дѣлаетъ не потому, что и самъ онъ будто бы кровожаденъ или имѣетъ причину мстить, а потому, что ему это приказываетъ мнимый, для него же настоящій государь. И что они толкуютъ? крестьяне вонъ, со слезами, не изъ одного села, везли къ этому извергу своихъ помѣщиковъ и ихъ семьи, говоря: „Вы намъ отцы родные! да что дѣлать, надо слушаться,—приказываетъ самъ царь!“—Ихъ сбиваютъ... Я же проповѣдниковъ, возмутителей къ себѣ не допущу... у меня своя полиція,—не посмѣютъ, буду въ оба смотрѣть... У правительства достаточно войска; Казань укрѣплена, а губернаторъ клялся, что злодѣй не посмѣетъ сюда. И, разумѣется, онъ, какъ честный, заботливый человѣкъ, извѣститъ, коли что...“ Съ этими мыслями Туровцова закрыла глаза и стала дремать.

Что-то неожиданно разбудило ее. Она взглянула по комнатѣ. Поверхъ деревьевъ какъ бы что-то свѣтилось. Сперва старухѣ показалось, что это всходитъ мѣсяцъ; но тутъ же она сообразила и вспомнила, что мѣсяцъ въ это время, надъ садомъ, поднимался нѣсколько лѣвѣе, именно къ сторонѣ гостинаго балкона. „Не начинается ли разсвѣтъ? — подумала она: — нѣтъ, не можетъ быть, съ полчаса назадъ часы явственно прозвонили полночь, и я, помню еще, сама считала ихъ бой“. Полоса свѣта надъ деревьями изъ блѣдно-розовой становилась красною и поднималась выше и выше.—„Что же это, однако? не пожаръ ли?—спросила себя Туровцова, спустивъ ноги съ кровати и отыскивая ими на коврикѣ туфли:—надо разбудить прислугу, послать справиться, гдѣ это, у насъ или сосѣдей? Какъ бы къ сторонѣ Волги, у Воейковыхъ, какъ будто, или Ильиныхъ,—село горитъ, или лѣсъ?..“

Туровцова встала, набросила на плечи ночной бѣлый капотъ, оправила на головѣ чепецъ и взяла бронзовый канделябръ, стоявшій на туалетѣ, у ея изголовья.—„Пройду къ Аринушкѣ,—подумала она о главной своей прислугѣ, старой ключницѣ, спавшей въ особой коморкѣ у буфета: — она разумная, не подниметъ, спросонья, лишней тревоги и суеты“.—Варвара Ивановна, проходя къ лампадкѣ, чтобы зажечь канделябръ, невольно взглянула на окна. Зарево захватило уже чуть не половину неба. До слуха Туровцовой дошли странные звуки, но не снаружи, а точно кто-либо ходилъ по корридору или въ гостиной.—„Должно быть, проснулась Аринушка, прошла въ дѣвичью“—рѣшила Варвара Ивановна. Но въ это время, какъ бы подъ чью то ногой, треснула половица. Звукъ донесся изъ залы.—„Эхъ, такъ и есть, Арина побудила горничныхъ, и зачѣмъ?—подумала старуха:—точно не знаетъ ихъ; еще даромъ разбудятъ и напугаютъ Серафиму и дѣтей!“—Туровцова зажгла свѣчи, накинула себѣ на шею

фуляровый платокъ и, съ канделябромъ въ рукахъ, тихо отворила дверь въ гостиную. Она ступила за порогъ и остолбенѣла. Канделябръ чуть не выпалъ изъ ея рукъ.

IV.

По освѣщенной залѣ двигались, съ поклажей, слуги. Ими распоряжался встревоженный Алексѣй. Одѣтая въ дорожный капоръ и мантò, блѣдная Серафима сидѣла у двери гостиной на стулѣ, держа младшаго изъ дѣтей на рукахъ, а двухъ другихъ, также дремавшихъ, — у своихъ колѣнъ. Толстая, подслѣповатая, съ непокрытою сѣдою косичкой, Аринушка стояла поодаль, глядя въ зальныя окна на зарево, полыхавшее надъ садомъ.

— Серафима, да что же это? — въ ужасѣ вскрикнула Туровцòва, медленно выступая отъ двери спальни на середину гостиной.

— Ахъ, maman, — отвѣтила Серафима, передавъ дѣтей Аринушкѣ и со слезами припадая къ плечу крёстной — великое горе! мы все готовили, чтобы вамъ разсказать и предложить... ахъ, родная! Пугачовъ дѣйствительно подступилъ къ Казани и... зажегъ ее. Городъ съ вечера горитъ со всѣхъ сторонъ.

Туровцòва опустила канделябръ на столъ и молча перекрестилась. Ее окружили.

— Кто привезъ это извѣстіе? — спросила она.

— Посланный не возвратился изъ города, онъ либо попался въ плѣнъ или погибъ, — отвѣтилъ Алексѣй: — я передъ вечеромъ посылалъ другаго, этотъ даже не доѣхалъ, къ городу уже нѣтъ доступа.

— Тимошка братинъ впервое ѣздилъ, ой-ой! — захныкала Аринушка: — убили, видно, тамъ, извели!.. Конецъ всѣмъ, конецъ пришелъ.

— Да полно, Арина, не смущай глупостями! — сказалъ Алексѣй, подвигая Туровцòвой кресло: — садитесь, Варвара Ивановна, и прежде всего, ради Бога, успокойтесь.

— И съ чего ты взялъ, что я безпокоюсь? — отвѣтила Туровцòва, оглядываясь и ища въ карманахъ свои очки.

Ей подали ихъ.

— Я ни мало не встревожена, — продолжала Туровцòва: — а только удивлена. Творится что-то непонятное. Дарьюшка, Гаша, дайте мнѣ шаль, тутъ что-то свѣжо. А ты, Alexis, говори, что это вы затѣяли?

— Ѣхать надо, вотъ что! — сказалъ Алексѣй: — мимо насъ съ вечера уже проѣхали Писаревы, Татищевы, Шеншины; дорога вправо и влѣво полна бѣгущими изъ Казани. Мы, Варвара Ивановна, только

ждали конца укладки, чтобы васъ не тревожить даромъ и разбудить, когда все будетъ уложено, и наше, и ваше. Все готово; лошади запряжены, надо ѣхать. Позванъ и священникъ, для напутственнаго молебна.

— Ѣдемъ, chère maman, одѣвайтесь, не медлите,—сказала, плача, Серафима:—долго ли вамъ собраться?

— Служите, мои милые, молебенъ! что же, Господь вамъ поможетъ!—отвѣтила Туровцова, кутаясь въ шаль:—и я охотно помолюсь съ вами, но ѣхать—не поѣду.

— Бабенька, не бросай насъ!—закричали старшія дѣти Серафимы, вырываясь отъ матери и подбѣгая къ старухѣ: — въ нашей каретѣ поѣдемъ; наша просторная, и Филатъ на козлахъ,—будешь намъ говорить сказки, а у насъ варенье и все...

— Спасибо, дорогія, и у меня карета и варенье,—отвѣтила Туровцова, нѣжно обнимая и цѣлуя дѣтей:—ну, можно ли разстаться съ такими прелестными крошками, и есть же еще на свѣтѣ такія наслажденія! Поѣзжайте, дѣти, я подожду и васъ непремѣнно догоню.

— Mais, de grâce, maman, au nom de Dieu,—сказала Серафима, подсѣвъ къ старухѣ и всячески стараясь убѣдить ее не медлить.

— Да у меня дѣла, помилуйте, разсчеты... Я остаюсь, а вы,—что же?—поѣзжайте, съ Богомъ. Все ли у васъ готово? Эй, кто тутъ? Позвать Филиппыча... Не простудите только ночью дѣтей. Деньги есть ли у васъ на дорогу? припасли ли мелочи?

— Есть, благодаримъ.

— И куда же это вы рѣшили? въ Горки?

— Нѣтъ, туда уже опасно,—въ Москву.

— На Арзамасъ и Рязань?

— Да, на Рязань.

— Ну, Господь съ вами! помолимся, пойдемъ!

Туровцова вышла со всѣми въ залу.

Отслужили молебенъ. Отецъ Гервасій окропилъ всѣхъ святою водой. Слуги, крестясь, растерянно смотрѣли изъ корридора, буфета и прихожей на отъѣзжавшихъ. Серафима съ чувствомъ склонилась на грудь крёстной.

— Благословите, родная, насъ и дѣтей, — сказала она, отирая слезы.

— Господь вамъ да поможетъ,—произнесла Туровцова, крестя Серафиму, ея мужа и дѣтей:—не сомнѣваюсь, доѣдете благополучно,—а тамъ, даю слово, двинусь и я. Не въ Рязани догоню, увидимся въ Москвѣ. Благодарю за посѣщеніе... Ну, сядемъ же, по обычаю,—заключила Варвара Ивановна, первая сѣвъ на стулъ и кивая Арипушкѣ и прочимъ, чтобъ и тѣ сѣли.

Господа и слуги размѣстились по стульямъ.

— А теперь съ Богомъ!—произнесла, вставая, Туровцова:—кто васъ провожаетъ изъ нашихъ? безъ нашего собьетесь съ пути.

— Дронъ отлично знаетъ дорогу, — сказалъ Алексѣй:—онъ не разъ отсюда ѣздилъ съ нами въ Москву.

— И отлично, смотри же, Дронъ, въ оба, береги господъ... Кормить будете въ Курмышѣ,—зайди къ воеводѣ и кланяйся; скажи, его подарокъ—чайныя розы—здравствуютъ... повидимся вскорѣ, отблагодарю сама,—а нашимъ, молъ, прошу во всемъ пособить.

Всѣ стали прощаться и медленно вышли на крыльцо. У подъѣзда стояли, съ зажжёнными фонарями, готовые въ путь экипажи. Слуги стали подсаживать въ карету и коляску господъ и дѣтей. Одѣтый по дорожному, у дверецъ кареты, стоялъ, безъ шапки, важный и почтительно нахмуренный Дронъ.

— Отъ Курмыша на Пензу? — спросилъ онъ, обращаясь къ барину:—или прямо, на Москву?

— Поѣдешь, куда велятъ,—отвѣтилъ Алексѣй.

Дронъ молча захлопнулъ дверцу, подтянулъ на себѣ поясъ и взлѣзъ на козлы.

— Провизіи взяли ли?—спросила его Туровцова.

— Все взяли,—отвѣтилъ, уже невидимый на козлахъ, Дронъ.

— Ну, съ Богомъ! — объявила Варвара Ивановна, крестя съ крыльца тронувшіеся экипажи.

Гремя колесами и тяжело переваливаясь кузовами, карета шестерней и коляска четверкой медленно выѣхали за ворота. Стукъ рессоръ нѣсколько времени слышался за садомъ. Прогремѣвъ по каменной настилкѣ мельничной запруды, экипажи выѣхали на большую дорогу и затихли.

— Ну, дастъ Господь, доѣдутъ благополучно,—сказала Варвара Ивановна, въ сопровожденіи Филиппыча и Аринушки возвращаясь въ домъ:—ступай, Филиппычъ, осмотри, вездѣ ли на мѣстахъ стража?

— А какъ же на завтра?—спросилъ Филиппычъ.

— Скажи священнику, я буду, какъ всегда, къ ранней обѣднѣ... Все, что велѣно готовить, готовьте. На счетъ же всего прочаго, призову утромъ и распоряжусь.

Туровцова прошла снова въ спальню. Слуги и служанки, погасивъ въ домѣ свѣчи, также разошлись по своимъ угламъ. Въ наставшей тишинѣ слышались только постукиванья въ доски разбуженныхъ Филиппычемъ сторожей. Кухонный мужикъ, въ сѣрой курткѣ, вышелъ на крыльцо поварни, глядя на яркое зарево, по прежнему стоявшее надъ садомъ.—„О, Господи!—подумалъ онъ:—Царица Небесная! кому конецъ? намъ ли, или господамъ? воля или та же неволя, да еще

хуже?“ —Надъ садомъ что-то громко бухнуло отъ Казани и гулко пронеслось къ мельницѣ, по рѣкѣ. За первымъ звукомъ раздался еще громче и раскатистѣе второй. —„Палитъ! пушки стрѣляютъ!“ —подумалъ, крестясь, мужикъ: —„онъ ли бьетъ по городу, его ли гонятъ оттоль?“

Возвратясь въ спальню, Варвара Ивановна оправила лампадку передъ образами, перекрестила комнату, погасила свѣчи, раздѣлась и легла въ постель Звуки выстрѣловъ остановили-было ея вниманіе. — „Наконецъ, догадались, —подумала она: —стрѣляютъ по злодѣямъ, на утро имъ конецъ... А ѣхать, пожалуй, надо. Все устрою завтра и двинусь. Одной, дѣйствительно, неловко въ такой смутѣ; да могутъ даромъ и напугать“.—Часы въ залѣ прозвонили, съ обычною трелью, два часа, потомъ три... Туровцова болѣе не слышала ихъ колокольчиковъ: она крѣпко заснула.

Настало утро, день рожденія Варвары Ивановны. Съ первымъ звономъ колокола, она встала, одѣлась въ лучшее свое платье и, спросивъ у прислуживавшей ей Аришки, все ли готово для пріема гостей, съ обычною торжественностью, въ сопровожденіи ключницы и главныхъ горничныхъ, несшихъ надъ нею зонтикъ, а въ рукахъ вѣеръ, платокъ и ея накидку, отправилась къ обѣднѣ.

Церковь уже была полна народомъ. Кромѣ своихъ, туровцовскихъ, пришло немало и чужихъ, окрестныхъ крестьянъ и крестьянокъ, всегда помнившихъ этотъ день и шедшихъ сюда поздравить генеральшу и вкусить ея щедрыхъ угощеній. Туровцова стала на особый новый ковричекъ, слѣва у алтаря; справа, возлѣ клироса, она увидѣла нѣсколько мелкопомѣстныхъ, всегдашнихъ своихъ посѣтителей, изъ сосѣднихъ дворянъ и дворянокъ. Перекрестясь и поклонившись, при входѣ налѣво и направо, Варвара Ивановна мысленно сосчитала прибывшихъ посѣтителей: ихъ съ стоявшимъ впереди, отставнымъ полковникомъ-старикомъ, въ пудрѣ и косѣ, съ подвязанною, раненою рукой, было всего семь человѣкъ.—„Немного!“—подумала, вздохнувъ, Туровцова: „ни Щетининыхъ, ни Чоглоковыхъ! хороши!.. по авось еще подъѣдутъ“. Старуха, впрочемъ, тутъ же утѣшилась: отецъ Гервасій, въ розово-золотой, глазетовой ризѣ и фіолетовой, бархатной камилавкѣ, полученной имъ, благодаря генеральшѣ, служилъ такъ благоговѣйно и чинно, а вновь отдѣланный заботами хозяйки храмъ, благоухая ладаномъ, смирной и живыми розами и левкоями, такъ сіялъ рѣзьбой, обновленною живописью и хрусталемъ паникадилъ, и поданные Варвары Ивановны, въ то же время, такъ усердно молились, крестясь и кланяясь въ клубахъ кадильнаго дыма, что Варвара Ивановна даже прослезилась и, въ умиленіи, прошептала: „Господи! за что же мнѣ, грѣшной и недостойной рабѣ, все радостное сіе?“

Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ, съ водосвятіемъ, и провозглашено, подхваченное хоромъ пѣвчихъ, многолѣтіе строительницѣ и благодѣтельницѣ храма. Отецъ Гервасій, при этомъ, сказалъ краснорѣчивое слово, съ чувствомъ воскликнувъ въ концѣ его: „О, сколь поучительно, братіе, сколь радостно видѣть намъ, что въ оное время, когда міръ земной мятётся и наша бренная персть обуревается, готовая изныть отъ надвигающихся на насъ смертныхъ страховъ и ожиданій,— она, благодѣтельница сей Господней, тихой храмины, спокойно предстоитъ здѣсь, передъ Творцомъ и ближними, во всеоружіи вѣры, благой надежды и неколебимой великости своей души! Помолимся, братіе, за нее!“—Вся церковь молилась, творя земные поклоны.

Варвара Ивановна, отирая слезы и набожно потупясь, тихо вышла изъ церкви, сопровождаемая домочадцами и гостями. Главный барскій дворъ, тѣмъ временемъ, былъ устланъ скатертями и цвѣтными портйщами. На нихъ разложили нарѣзанные ломти караваевъ и уставили миски, тарелки и кýхвы, съ дымящимися яствами. Народъ усѣлся на доскахъ и на травѣ, вокругъ портйщъ и скатертей. Священникъ благословилъ трапезу. Туровцова нѣкоторое время, съ парадная крыльца, смотрѣла въ лорнетъ на обѣдающихъ среди двора, затѣмъ, съ малымъ, общимъ поклономъ, пригласила въ домъ сосѣдей и духовенство. Угостивъ ихъ роскошною закуской и винами и выпивъ сама только небольшую японскую чашечку зеленаго чая, съ бисквитами, она взяла зонтикъ и перчатки и, въ сопровожденіи священника, снова вышла во дворъ.

Нѣсколькимъ стамъ трапезующихъ здѣсь уже были, подъ наблюденіемъ Филиппыча, не по одному разу, поднесены медъ, пиво и разныя водки. Языки у всѣхъ развязались. Веселый, громкій говоръ несся изъ густыхъ рядовъ крестьянъ. Красные отъ вкусной ѣды и обильной выпивки, мужики и бабы, не слушая другъ друга, горланили, размахивая руками; нѣкоторые цѣловались другъ съ другомъ и, поднявъ шапки, затягивали пѣсню:

„Малинушка... распрекрасная... ой, сморо-о-дина...“

Варвара Ивановна, съ лорнетомъ у глазъ, благосклонно подошла къ обѣдающимъ.

— Все ли вамъ, ребята, подано?—спросила она:—довольны ли вы?

— Благодаримъ, матушка... разлюбезная... вò-какъ, то-есть, благодаримъ!

— А ты, Ульяша,—обратилась съ улыбкой Туровцова къ одной изъ бабъ, служившей у нея когда-то въ горничныхъ:—ты одна, а гдѣ же твой мужъ?

— Мы, сударыня, ваши, то-есть, подневольныя,—отвѣтила совсѣмъ

оньянѣвшая Ульяша, оправляя съѣхавшую съ головы на затылокъ кичку:—одно слово, рабскія рабыни!.. ну, іонъ,—выходитъ, Пётра,—и голодаетъ, потому больше около тваво стада... тѣ бражничаютъ, имъ что! а приказные тиранятъ его, да и ты, правду сказать, поѣдомъ ѣшь его, вотъ что!

— Что ты, что ты, кувалда!—замахали на бабу сосѣди и сосѣдки: — экъ, надрызгалась, чортова глотка, замолчи!

— Почему молчать? намъ тоже съ господами антиресно!

— Ты прости ее, мать-государыня, — сказалъ, поднявшись съ травы и цѣлуя руку барынѣ, худой, какъ шестъ, и блѣдный, недавно умиравшій отъ лихорадки, а теперь также пьяный, лѣсовщикъ Тихонъ: —что бабу слушать,—она одна сырость и дрянь!.. а мы, то-есть, всѣ за тебя, родимая, какъ одинъ... вотъ какъ, грудью! преположимъ животы!

— Всѣ, всѣ!—оглушительно крикнули ближніе и дальніе изъ рядовъ.

Священникъ нагнулся къ Туровцовой.

— Изволите видѣть, ваше превосходительство, какъ преданъ вамъ народъ, — сказалъ онъ ей, вполголоса, оправляя изъ голубой рясы свои бѣлыя, полныя руки: — еще намедни была у нихъ сходка, — съ дрекольемъ, говорятъ, съ топорами, коли что, а мы ужъ своей владѣлицы не выдадимъ.

— Всѣ, матушка милосердная, поголовно всѣ!—продолжали кричать мужики и бабы, поднимаясь отъ скатертей и шумною толпой окружая барыню.

V.

Туровцова рукой дала знакъ, чтобъ помолчали. Отецъ Гервасій тоже махнулъ шляпой, что барыня, молъ, хочетъ имъ говорить. Всѣ мигомъ стихли.

— Вотъ что, милые мои, — сказала Варвара Ивановна, принимая отъ глазъ лорнетъ и странно, подслѣповато поэтому глядя на толпу: —вы знаете, слышали, вѣроятно, что злодѣй, именующій себя государемъ, пришелъ и въ наши мѣста .. говорятъ, что онъ будто уже и возлѣ Казани.

— Что-жъ, коли его царское величество, значитъ, къ намъ, — начала было пискливо и развязно въ толпѣ другая баба, изъ сосѣдскихъ.

— Шш! пшикни, колъ те въ роть! — закричали на нее свои и чужіе мужики, отпихивая ее въ задніе ряды.

— Такъ вотъ, еслибы этотъ злодѣй Пугачовъ, — продолжала, не обративъ вниманія на дерзкую, Туровцова: —еслибы онъ вздумалъ въ наши мѣста, сюда,—какъ, скажите, поступили бы вы?

Толпа молчала. Одни умильно и жалобно, какъ бы ожидая чего-то трогательнаго, смотрѣли прямо въ ротъ Варварѣ Ивановнѣ; другіе, сопя носомъ и глядя въ землю, вертѣли въ рукахъ шапки.

— Да вы скажите, чада мои,— вмѣшался, крякнувъ, священникъ: —въ случаѣ чего, Боже упаси, будете ли вѣрны, то-есть, своей благодѣтельницѣ, станете ли ее защищать?

— Всѣ, одно слово, всѣ! — дружно крикнула опять толпа: — да какъ ему, окаянному, уроду, посмѣть? да мы его, матушка, шапками! ни въ жизнь, то-есть, не пустимъ сюда.

Туровцова пристально оглянула окружавшихъ ее. Лица всѣхъ были такъ искренни и такъ преданно-добродушно смотрѣли на нее, что она радостно вздохнула.

— Спасибо вамъ, ребята! — сказала она, кланяясь: — дайте имъ еще вина! пейте на здоровье, веселитесь!

Варвара Ивановна спокойно возвратилась въ домъ. Время до обѣда прошло въ бесѣдахъ съ гостями. Нѣкоторые изъ сосѣдей, робко оглядываясь, начали-было говорить, что вотъ отецъ Гервасій вѣрно выразился о тяжкихъ и смутныхъ временахъ, что Казань дѣйствительно, по слухамъ, осаждена, уже второй день, городъ горитъ, и какъ бы непрошенные гости не нагрянули изъ-за Волги и ближе?

— Полноте, государи мои,— возразилъ раненый полковникъ, глянувъ въ садовое окно гостиной, въ которой всѣ сидѣли:— дымъ нонче сталъ куда меньше, пожаръ, по видимости, гасятъ и, можетъ, уже погасили; а нешто злодѣевъ такъ и пустятъ, куда они захотятъ? Прежде всего надо супостатамъ разбить въ баталіи регулярныя наши войска, —чего еще, благодаря Бога, съ нами не случалось,—а потомъ перейти по сю сторону Волги. Гдѣ имъ, сермяжникамъ, взять судовъ, да и кто ихъ пропуститъ?

Всѣ благодарно взглянули на полковника. Пригласили всѣхъ въ столовую. Обѣдъ прошелъ чинно, но нѣсколько натянуто.

— Хоть насъ и мало сегодня,—сказала Туровцова, грустно оглядывая гостей:—пейте, дорогіе, кушайте во здравіе! Филиппычъ, подливай шампанскаго! мальвазіи сюда! полковнику— венгерскаго.

За обѣдомъ пѣли пѣвчіе, а во время тоста за хозяйку, во дворѣ раздались выстрѣлы изъ мѣдныхъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ. Послѣ обѣда гости съ хозяйкой гуляли по саду. За вечернимъ чаемъ, на садовомъ балконѣ, Варвару Ивановну вызвали на парадное крыльцо, во дворъ. Сюда собрались старыя и молодыя краснокутскія бабы, съ курами, подситками яицъ, пряжей и отрѣзками холстовъ,— обычными отдариваніями барынѣ за щедрое угощеніе того дня.

— А Ульяша и не пришла? — улыбнулась Туровцова, милостиво принимая подношенія дарительницъ и давая имъ цѣловать свою руку.

— Вѣстимо, родимая, стыдно ей!—скалили зубы еще краснолицыя, отъ обѣденныхъ питій, бабы: — не гнѣвайся на скалды́рницу, забудь!

— Она безъ ногъ, въ погребу свекрухи, спитъ! что ей, кобылѣ, станется!—хохотали, утираясь, дарительницы.

Варвара Ивановна сказала нѣсколько словъ стоявшему возлѣ нея Филиппычу. По его знаку, изъ-за угла дома вышли деревенскіе музыканты, съ балалайками и бубнами. Ключникъ съ подвальнымъ, въ то же время, выкатили изъ погреба новые боченки, съ медомъ и пивомъ. Раздалось трéнканье балалаекъ. Пожилыя бабы взмахнули платками, молодыя взялись подъ бока. Изъ кухни и служительскаго флигеля выскочили парни, и всѣ пустились въ плясъ.

Варвара Ивановна и ея гости долго не сходили съ крыльца, любуясь весельемъ народа, пляски котораго, съ наступленіемъ темноты, смѣнились пѣснями. Когда дворецкій доложилъ, что готовъ ужинъ, Туровцóва провела гостей въ столовую и усадила ихъ, но сама извинилась, что не останется съ ними. — „Стара я стала, — сказала она, откланиваясь:—будьте, какъ дома; что всякому чтò нужно, требуйте, а я наморилась, простите, уйду!“

Удалясь въ опочивальню, она выслала оттуда горничныхъ и велѣла позвать къ себѣ прикащика.

— Чтò, Филиппычъ?—спросила Туровцóва, когда онъ вошелъ и сталъ у трюмó, за которымъ она кончала ночной туалетъ: — есть ли новые слухи о Казани? возвратился ли посланный къ губернатору?

— Посланнаго, сударыня, еще нѣтъ, а пожаръ уменьшается, видно и отсель, мало уже огня.

— Погасили, стало быть?

— Нечему, видно, больше горѣть!—отвѣтилъ, со вздохомъ, Филиппычъ:—нефёдовскіе давеча проѣхали,—сказываютъ, выгорѣли не только слободы, и весь городъ до самаго Кремля.

— Ну, а этотъ... ихній царь, гдѣ онъ?—спросила Туровцóва.

— Тамъ же, слышно, въ лагерѣ, подъ городомъ.

— Ты же отъ себя посылалъ провѣдать?

— Чтò даромъ-то посылать! Второй и третій гонецъ тамъ же вѣдь остались.

— Остались? да какъ они смѣли?—спросила, обратясь къ прикащику, Туровцóва:—или ты нестрого приказывалъ?

Филиппычъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Охъ, милостивая, какъ не приказывать? Только нонче, не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано, такое тутъ и кругомъ дѣется, такое... И чтò у нихъ, вражьихъ сыновъ, на умѣ, не поймешь!

— О чемъ ты это?

— Какъ о чемъ? отъ кабака народа никакъ не отженёшь; вся

слобода, почитай, тамъ вторыя сутки, толкуютъ неподобное, орутъ, а подойдешь, какъ воды въ ротъ набрали: ни словечка тебѣ, ни намека.

Туровцова встала отъ трюмо.

— Завтра чтобъ все было готово,—сказала она:—когда выѣду, еще не знаю, но можетъ быть въ скорости... даже и завтра...

— И давно, матушка, пора,—отвѣтилъ Филиппычъ:—мало ли что можетъ выйти! опять же подозрительный человѣкъ нонче наѣзжалъ сюда,—привозилъ какую-то бумагу, будто бы манифестъ... я къ нимъ, грозилъ,—не говорятъ... всѣ—какъ ошалѣли!

— Манифестъ?—встревожилась Туровцова:—это новости!.. а какъ, полагаешь, далеко ли наши уѣхали за сутки!

— Лошади у Алексѣя Андреевича рѣзвыя, отдохнули... верстъ за сто, пожалуй, коли не болѣе, будутъ ночевать.

— Ну, иди съ Богомъ,—закончила Варвара Ивановна:—обойди только, получше осмотри нашу полицію,—не пьянъ ли кто изъ сторожей? а утромъ позову тебя и все остальное уладимъ.

Прикащикъ, поклонясь въ поясъ, вышелъ. Туровцова заперла обѣ двери на замокъ, помолилась, раздѣлась, откинула пологъ, погасила свѣчи и легла. — „Манифестъ! да, болѣе нечего медлить, завтра же отдамъ послѣднія приказанія и уѣду“,—мыслила она, засыпая:—„подослали таки совратителя, проникъ... по всему видно, дѣйствительно, на время надо уѣхать, переждать въ иныхъ, болѣе безопасныхъ мѣстахъ“.

VI.

Непонятный, странный шумъ разбудилъ Варвару Ивановну. Она открыла глаза. Къ ея удивленію, было уже почти свѣтло. Солнце косыми лучами освѣщало, изъ-за угла галлереи, березу и кусты сирени, росшіе у оконъ. Туровцова, по примѣтамъ, поняла, что было уже не менѣе пяти-шести часовъ утра. Она отдернула у кровати пологъ, стала обуваться. Странный шумъ усиливался. Послышались возгласы, даже какъ бы крики, сперва у воротъ, возлѣ конюшни или амбара, потомъ ближе. „Филиппычъ на кого-нибудь сердится, кричитъ“, — подумала Туровцова: — „вѣрный слуга, а подъ-часъ ротозѣй и несносный горланъ!“ Шумъ становился громче. Кто-то быстро пробѣжалъ, мимо оконъ, по саду. Раздался крикъ:—„Эй, сюда, ребята, тутъ!“—„Ужъ не пожаръ ли во дворѣ?“—пришло въ голову Варварѣ Ивановнѣ:—„натопили кухню, съ-позаранку, видно, и вспыхнуло!“—Она вскочила, на-скоро накинувъ на себя капотъ.

— Арина, Дарьюшка!—крикнула она:—да кто же тутъ? скорѣе, сюда!

Никто въ домѣ не отзывался.—„Что это они, оглохли?“—подумала Туровцова, съ сердцемъ дёргая за шнурокъ звонка.

Не дождавшись никого и на звонокъ, она вышла въ корридоръ и оттуда, мимо столовой, въ дѣвичью. Всѣ комнаты были пусты. Видя въ дѣвичьей, на сундукахъ, неубранныя постели горничныхъ и валявшіеся по полу ихъ платья и башмаки, она снова сказала себѣ:—„да, и впрямь, видно, пожаръ! всѣ, какъ оглашенные, выскочили, забывъ обо мнѣ!“—Варвара Ивановна возвратилась въ спальню, раскрыла комодъ, достала изъ его потайнаго ящика свертокъ съ болѣе цѣнными изъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей, сунула его и кошелекъ, съ деньгами, въ карманъ капота и, съ облегченною душою, мысля:—„если и впрямь пожаръ, сберегу хоть это!“,—поспѣшила къ парадному крыльцу. Минуя прихожую, она взглянула въ окно и отступила. Дворъ, отъ воротъ до кухоннаго флигеля и конторы, былъ полонъ народа. Въ распахнутыхъ зипунахъ, съ шапками на затылкѣ, двигалась, горланила и размахивала руками толпа странныхъ, незнакомыхъ людей. Между ними нѣкоторые были съ дубинами.—„Гдѣ же Филиппычъ, приказные? что это за народъ?“—подумала Туровцова, ближе подходя къ окну. Экипажей гостей не было уже во дворѣ; гости, очевидно, разъѣхались. Вправо отъ палисадника, сквозь деревья, была видна площадка парадная крыльца. На ней, держась за перила, осаждаемый напиравшими на него какими-то оборванцами, стоялъ блѣдный, съ растрепанными волосами, Филиппычъ. Онъ растерянно прижималъ руки къ груди и, кому-то низко кланяясь, о чемъ-то говорилъ.—„Что это? передъ кѣмъ онъ?“—удивилась Варвара Ивановна, берясь за ручку выходныхъ дверей. Она отворила ихъ, ступила въ запертыя сѣни, помедлила и вышла на крыльцо.

Гулъ толпы, стоявшей передъ крыльцомъ, совершенно оглушилъ ее. При ея появленіи, голоса понемногу смолкли.

— Что вамъ надо?—громко спросила Туровцова, разглядѣвъ, въ дальнихъ рядахъ, нѣсколько знакомыхъ мужиковъ своей деревни.—Впереди стояли, въ чекменяхъ, какіе-то незнакомые казаки.

Мужики молча попятились. Кое-кто снялъ шапки. Казаки, мрачно потупясь, не двигались съ мѣста.

— Въ чемъ дѣло, Филиппычъ? что это здѣсь за люди?

Прикащикъ молчалъ.

— Если вамъ что нужно, идите въ контору,—продолжала Туровцова:—а хотѣли меня видѣть, вотъ я...

Спокойный, властительный видъ увѣренной въ себѣ старухи, ея бѣлый, длинный капотъ и сѣдыя букли, подъ высокимъ, съ оборками, чепцомъ, подѣйствовали на всѣхъ. Толпа дрогнула, нѣсколько осѣла назадъ.

— Вы вчера такъ увѣряли меня въ преданности,—начала-было, обращаясь къ своимъ, Туровцова: —гдѣ же ваши завѣренія, божба?

— Да что на нее смотрѣть!—раздался голосъ изъ заднихъ рядовъ:—колдовка-чортъ! заговоритъ...

Впередъ выступилъ рослый и рыжій, въ красномъ казацкомъ чекменѣ, бородачъ. Гдѣ-то въ толпѣ вертѣлась, размахивая руками, и Ульяна.

— Батюшка, нашъ государь,—сказалъ онъ, ставъ у крыльца:—прислалъ насъ, боярыня, къ тебѣ... Волею покорись; отдавай все, что у тебя есть,—корми, угощай царёво войско.

Туровцова поняла ужасъ своего положенія. Она взглянула на Филиппыча. Тотъ молча стоялъ, прислонясь къ двери. Въ разныхъ углахъ виднѣлись оттёртые отъ дома, испуганные слуги—лакеи, горничныя, пѣвчіе и повара.

Прошло нѣсколько секундъ общаго недоумѣнія. Всѣ глаза были устремлены на Туровцову. Она, судорожно перебирая ленты чепца, думала:—„Кончено! правы были Серафима и Алексѣй! Да, надо было ѣхать съ ними. Неужели же уступить, отдать этимъ насильникамъ домъ, кладовыя и все? Или слѣдуетъ противиться имъ, попробовать усовѣстить ихъ, уговорить? Не успѣлъ извѣстить губернаторъ, погубилъ льстивый нѣмецъ! Перехваченъ, видно, и послѣдній гонецъ!“

За дворомъ, въ это мгновеніе, на церкви, раздался звукъ набата. Ворвавшійся, подъ общій шумъ, на звонарню, отставной, съ вечера выпившій гдѣ-то, солдатъ билъ во всѣ колокола. Отъ деревни ко двору бѣжали остальные, запоздавшіе, туровцовскіе мужики.

— Ну-ка, ребята, впередъ!—объявилъ, взбираясь по ступенькамъ, рыжій казакъ:—бери ее, хрычовку, вяжи!

— Но вы же вчера, вы же... одумайтесь!—вскрикнула изъ всѣхъ силъ Туровцова:—вы христіане... Господь накажетъ!

— Въ Сибирь, въ бѣлую Арапію насъ сошлешь?—визгнулъ чей-то женскій голосъ:—ну, это ужъ погоди!

— Ура!—гаркнули чужіе и свои:—чего на нее глядѣть? ура!

Толпа навалилась на крыльцо. Филиппыча и конторщика сбросили съ площадки, черезъ перила. Испуганная, блѣдная Туровцова исчезла среди сѣрыхъ зипуновъ, чекменей, бараньихъ шапокъ и въ кучу сбившихся плечъ и спинъ. Раздался неистовый женскій вопль. Въ воздухѣ безсильно мелькнули бѣлыя и худыя руки и съ развившеюся, тощею косой, сѣдая голова... Все смѣшалось въ кучу. Верблюжьи кафтаны, сермяги и чекмени, обрушивъ перила, раздѣлились. Часть толпы бросилась къ палисаднику, ограждавшему домъ съ этой стороны. Рвали изъ рукъ въ руки свертокъ, выпавшій изъ кармана старухи. Остальные ломились въ дубовую, кѣмъ-то изнутри снова запертую, огромную дверь сѣней. Дверь затрещала и рухнула. Толпа, колеблясь и напирая другъ

на друга, хлынула въ сѣни, оттуда въ прихожую и залу. Черезъ садовый балконъ въ гостиную ввалилась другая толпа. Въ разныхъ концахъ дома слышались отчаянные, молившіе о пощадѣ крики. Здѣсь и тамъ полилась кровь. Падали, съ раздробленными черепами, сбѣжавшіеся послѣдніе защитники барскаго добра. Домъ наполнился трескомъ разбиваемыхъ шкафовъ, комодовъ, бауловъ и сундуковъ. — „Гостей, братцы, забыли!“ — раздался голосъ. — „Гдѣ они, брюхатые, развѣ не всѣ убѣгли?“ — „Въ погребѣ Митька нашелъ, за бочками!“ — „Волоки ихъ сюда! на берёзы!“

Приземистый, въ рысьей шапкѣ на бритой головѣ, скуластый, съ узкими глазами, башкирецъ, войдя въ залу, съ размаха ударилъ дубиной по старинному зеркалу, въ рамѣ изъ разноцвѣтнаго хрусталя. Зеркало разлетѣлось въ дребезги. Толпа захохотала. Одни ломали штофную, раззолоченную мебель, кресла, диваны, стулья и канапе́; другіе тащили изъ кладовыхъ серебряную и фаянсовую посуду, бутылки съ виномъ и ликерами, иконы, подушки, ковры и пуховики. Нѣкоторые на ходу ѣли захваченные въ шкафахъ остатки булокъ, сладкихъ чайныхъ печеній и пирожныхъ.

Въ буфетѣ шла драка за столовый серебряный сервизъ. Въ спальнѣ дѣлили и рвали другъ у друга изъ рукъ платья хозяйки, робро̀ны, мантильи, оконныя занавѣси и пологъ ея постели. Къ садовому балкону изъ главнаго подвала подкатили бочку старой водки, отбили топоромъ ея дно и всѣ черпали, чѣмъ попало — стаканами, шапками и пригоршнями. — „Еще бочку! волокй!“ — кричали пьющіе. Косой и тощій псаломщикъ, въ нанковой рясѣ, черной скуфьѣ и съ саблей у пояса, сопровождавшій грабителей изъ Казани, бросился въ залу, сѣлъ за клавикорды и крикнулъ: „Я музыкантъ, ребята, слушай!“ — Онъ ударилъ по клавишамъ и пьянымъ хриплымъ голосомъ запѣлъ: „Пей, православные! Исайя, ликуй!“ — Съ вышки бельведера толпа, раскачавъ, сбросила на землю, найденнаго тамъ, астронома Антонушку, проглядѣвшаго набѣгъ незванныхъ гостей. — „Колдунъ-вѣдовщикъ!“ — кричали, сбрасывая его. Сверху же было видно, какъ казаки съ татарами, окруживъ церковь, ломились въ ея двери, стрѣляя въ окна по спрятавшимся въ ней причетникамъ.

Сквозь оглушительные крики и гамъ грабившей и пившей, подъ звуки набата, толпы, послышались выстрѣлы на улицѣ. Къ воротамъ подскакалъ, стрѣляя на воздухъ, отрядъ новыхъ всадниковъ. Впереди ихъ ѣхалъ Идорка; рядомъ съ нимъ Прядышевъ. Идорка съ сѣдла что-то издали кричалъ.

— Казань взята! — ура, Казань! — слышалось во дворѣ.

Пря́дышевъ соскочилъ съ коня, отдалъ его подручному казаку и бросился къ кучкѣ мужиковъ, обдиравшихъ у конюшни съ поваленнаго и разбитаго въ щепы вѣнскаго дормёза остатки кожи, бронзы и сукна.

— Ты здѣшній?—спросилъ онъ ближайшаго мужика.

— Здѣшніе, туровча́не, а тебѣ что̀?

— Гдѣ ваши господа? гдѣ ихъ родичи, Дуга̀новы, коли слышалъ?

— Вонъ тебѣ кого надо!—не оглядываясь, отвѣтилъ спрошенный, отрывая мозолистою, волосатою рукой полоски шелковаго аграманта внутри кузова:—побѣгли.

— Куда?

Мужикъ не отвѣчалъ.

— Да говори же, чортова голова!—крикнулъ Пря́дышевъ, наступая на него.

Мужикъ оглянулся, увидѣлъ, что передъ спрашивавшимъ его всѣ стояли безъ шапокъ, и тоже снялъ шапку.

— Куда убѣжали Дуга̀новы?—повторилъ Пря́дышевъ.

Мужикъ молча указалъ шапкой на гору, за садъ.

— Это куда же дорога?

— Въ Нижній, родимый, а то и въ Курмышъ.

— Всѣ убѣжали?

Мужикъ почесалъ въ бородѣ.

— Генеральша ваша ушла?—спросилъ Пря́дышевъ.

— Осталась.

— Гдѣ же она?

Мужикъ молча указалъ на палисадникъ, въ которомъ росло нѣсколько красивыхъ, развѣсистыхъ березъ. На одной изъ нихъ висѣло что-то длинное, бѣлое, какъ бы закинутая на вѣтви, для просушки, простыня. Изъ-подъ складокъ этого бѣлаго и длиннаго виднѣлись вышитыя гарусомъ и бисеромъ туфли, съ высокими, выгибными каблуками. Невдали, на другихъ трехъ березахъ, висѣли найденные въ погребѣ гости хозяйки...

Пря́дышевъ, отвернувшись и крестясь, пошелъ къ боковой галлереѣ, соединявшей домъ съ кухоннымъ флигелемъ.

— Батюшки, родименькіе, свѣтики! бьютъ!—раздался крикъ изъ конторы, смежной съ флигелемъ.

На конторское крыльцо выскочили нѣсколько казаковъ и башкиръ. Они тащили спрятавшихся на чердакѣ младшаго конторщика, поваренка-подростка, въ фартукѣ и бѣломъ колпакѣ, и кухоннаго, въ сѣрой курткѣ, мужика.

— Говори, гдѣ господскія деньги?—твердилъ старшій изъ казаковъ, нанося удары побѣлѣвшему отъ страха конторщику:—ты записывалъ, ты собиралъ! гдѣ скры́ня съ казною? гдѣ холсты, пряжа, мѣха?

— Все было у самой енаральши, у насъ ничего! — вопилъ конторщикъ, вскидывая на окружающихъ молящіе глаза.

— Ну-ка, Гассанъ,—сказалъ казакъ, мигнувъ стоявшему рядомъ съ нимъ башкирцу: — спроси ты его!

Башкирецъ молча поднялъ дубину и ударилъ ею по затылку конторщика. Тотъ, обливаясь кровью, упалъ ничкомъ.

Другіе стали рубить саблями по плечамъ поваренка и кухоннаго мужика. Оба окровавленные хватались за сабли мучителей.

— Стой, изверги, что вы!—крикнулъ, подбѣгая къ крыльцу, Пря́дышевъ:—не смѣй трогать! за что?

— А ты что за сказчикъ? — огрызнулся на него казакъ:—откулича взялся?

— А вотъ откуль, душегубы вы!—бѣшенно крикнулъ Пря́дышевъ, выхватывая пистолетъ: — не смѣй бить неповинныхъ: батюшкѣ-царю доложу!

— Далеча до него,—презрительно усмѣхнулся казакъ:—былъ, да може весь уже вышелъ, — а тутъ мы всѣ цари!

— Нѣтъ, не далеча, слѣдомъ поспѣваетъ,—объявилъ Пря́дышевъ.

— И мы скажемъ ему, — подхватили другіе грабители.

— Что скажете? ну, говори, что?

— А то же,—добычу дѣлимъ,—не смѣй мѣшать... подступи только.

— И подступлю!—крикнулъ Пря́дышевъ, цѣлясь изъ пистолета:—вонъ отсюда!

VII.

Казаки одинъ за другимъ удалились. Пря́дышевъ, шагая черезъ тѣла конторщика и кухоннаго мужика, подошелъ къ поваренку, еле дышавшему въ углу крыльца.

— Гдѣ, скажи,—обратился онъ, нагнувшись, къ нему:—гдѣ родичи вашей госпожи?

— Ой, ой, родимые!—ухватясь за плечи и качаясь, стоналъ окровавленный мальчикъ:—голубчики мои, помираю!

— Куда уѣхали Дуга́новы? говори, голубчикъ, не бойся, я имъ не врагъ.

— Въ Москву, сердечный, въ Москву.

— Ты правду говоришь?

— Богъ убей, не прими мать сыра земля.

— А, можетъ быть, они еще въ домѣ, не ушли, заперлись гдѣ въ подвалѣ?

— Ушли, батюшка, ночью ушли. О, милые, смерть!

Изъ дома, со стороны сада, послышался отчаянный женскій крикъ.—

„Она, она!—подумалъ Пря́дышевъ:—„мальчикъ утаилъ; ее нашли, терзаютъ!“ — Онъ безъ памяти бросился на галлерею.

Крыльцо послѣдней было залито кровью; здѣсь лежала убитая, красивая, съ развившеюся косой, горничная Глаша. Далѣе, на полу галлереи, среди пролитыхъ винъ и водки, валялись окровавленныя, съ отсѣченными головами и руками, тѣла садовника, сѣдого парикмахера и старшихъ музыкантовъ, сбѣжавшихся, при появленіи шайки, защищать барыню. Въ воздухѣ чувствовался тяжелый запахъ водки и свѣжей крови. Въ окно галлереи Пря́дышевъ увидѣлъ кучу казаковъ и мужиковъ, стоявшихъ у входа въ липовую аллею. Они смотрѣли на крайнюю липу, въ вѣтвяхъ которой виднѣлся босой, въ синей рубахѣ, казакъ. Онъ держалъ въ рукахъ веревку, другой конецъ которой двое стоявшихъ внизу привязывали къ шеѣ кричавшей и молившей о пощадѣ, толстой и приземистой, съ сѣдою косичкой, старухи—ключницы Арины.

— Соколики! голубчики! —вопила старуха, ловя и цѣлуя руки и полы кафтановъ своихъ палачей: — ангелы-свѣты! все укажу, бери! душеньку на покаяніе пустите...

— Врешь, чертовка! не говорила — поздно теперь!..

Со двора бритоголовый, безъ шапки, красный отъ хмѣля Идорка сюда же со смѣхомъ тащилъ за волосы окровавленнаго, въ разорванной синей рясѣ, отца Гервасія. —„Что, и батьку?“—кричали ему на встрѣчу отъ деревьевъ.—„Присягу не принималъ, отказалъ!..“—„На сукъ его, жеребца, на сукъ!“

Пря́дышевъ ухватился за голову, припалъ головой къ окну.—„Треклятые изверги, палачи!“ — мысленно вскрикнулъ онъ: — „вамъ только этого и нужно—крови, убійствъ, грабежей! Не царь онъ, такой же извергъ. Будьте вы прокляты! Прочь отсюда... Но куда? и какъ я спасу безъ нихъ ту, неповинную, и ея семью? Спасти можно только съ ними и черезъ нихъ! Они дѣйствительно здѣсь сила, цари! но куда это тащатъ солому, неужели поджигать?“

За садомъ, отъ мельницы, въ это время послышался конскій топотъ. Пря́дышевъ сквозь деревья увидѣлъ отрядъ уланъ, скакавшихъ, съ саблями и съ пиками на перевѣсъ. Впереди отряда, на пѣгомъ, костлявомъ иноходцѣ, рысью ѣхалъ плотный, въ черной венгеркѣ, съ болтавшимися у висковъ гусарскими локонами, командиръ. Пря́дышевъ узналъ въ немъ грозу Пугачова — Михельсона.

— Ребята, уланы!—самъ Михельсонъ!—крикнулъ онъ толпѣ, вѣшавшей, рядомъ съ ключницей, еще кого-то изъ слугъ.

Толпа разсѣялась въ разсыпную по саду, а онъ выскочилъ черезъ окно галлереи во дворъ, подбѣжалъ къ конюшнѣ, отвязалъ своего сѣраго, прыгнулъ на него и, съ крикомъ: „грабятъ!“—прилегъ къ лукѣ

сѣдла. Конь, пріученный къ этому сибирскому окрику, понесся стрѣлой. Пря́дышевъ, подъ пулями, успѣлъ промчаться до конца села, когда уланы влетѣли во дворъ, а съ мельничной плотины грянула поставленная Михельсономъ, на перерѣзъ бѣгущимъ, пушка. Картечь засвистѣла по саду и по прыгавшимъ черезъ заборы и канавы сада, застигнутымъ врасплохъ, грабителямъ.

— Ни одного не выпустить! бей ихъ, вали!—слышался охрипшій голосъ Михельсона.

Проскакавъ полемъ и лѣсомъ верстъ пять, Пря́дышевъ остановился, на пригоркѣ у Волги, и оглянулся. Со стороны Краснаго-Кута поднимался громадный столбъ дыма. Съ пригорка было видно, что горѣла подожженная грабителями усадьба Туровцовой: домъ былъ уже весь въ пламени; загорались и другія постройки. За Волгой виднѣлись полосы дыма надъ догоравшею Казанью; по рѣкѣ плыли барки, расшивы и лодки съ мятежниками, переходившими на эту сторону. По дорогѣ неслась пыль экипажей съ бѣглецами, спасавшимися въ направленіи къ Москвѣ.

Алексѣй и Серафима, съ дѣтьми, благополучно миновали Свіяжскъ, Цивильскъ и приблизились къ рѣкѣ Сурѣ. Въ двое сутокъ они сдѣлали болѣе полутораста верстъ. Невдали отъ переправы черезъ Суру, ихъ обогналъ посланный въ Москву, отъ казанскаго губернатора, гонецъ. Отъ него Алексѣй на почтовой станціи узналъ, что Казань вся почти сожжена, что изъ трехъ тысячъ ея домовъ истреблено болѣе двухъ тысячъ и что Пугачовъ, отбитый отъ города, перейдя по сю сторону Волги, бросился, въ обходъ Свіяжска, на Чебоксары и чуть ли оттуда не пойдетъ на Москву. — „Такъ сказывали на допросѣ плѣнные,—говорилъ гонецъ: — меня послали прямымъ трактомъ на Курмы́шъ“. — Алексѣй вздохнулъ свободнѣе. Онъ былъ далеко впереди самозванца и его злодѣевъ.

Лошади Дуга́новыхъ въ двухсуточной ѣздѣ сильно притомились. Приходилось дать имъ хорошую дневку, либо нанять другихъ лошадей,—но гдѣ? Настигая по дорогѣ множество другихъ, такихъ же, какъ они, бѣглецовъ, путники убѣдились, что въ эти смутные дни не было никакой возможности не только нанять, но даже ни за какія деньги и купить новыхъ, сносныхъ лошадей. Содержатели переполненныхъ постоялыхъ дворовъ неохотно пускали къ себѣ проѣзжихъ, а иные, боясь налета разбойничьихъ шаекъ, бросали свои дворы и прятались, гдѣ попало.

Прошли еще сутки. День клонился къ вечеру. Дорога шла вдоль опушки большаго лѣса. Истомленныя лошади, кое-какъ подкормленныя въ какой-то деревенькѣ, едва тащились. Путниковъ, подъ лѣсомъ,

стала настигать чья-то бричка. Сидѣвшіе въ ней, очевидно, ѣхали не издалека. Рослыя, сытыя лошади неслись дружно. Зависть взяла кучера дугановской коляски, въ которой ѣхалъ, изнывая отъ жары и пыли, самъ Алексѣй.

— А что, сударь,—сказалъ кучеръ, обращаясь къ Дуганову:—не свернуть ли въ лѣсъ? постояли бы, покормили бы на травкѣ, какъ слѣдъ,—а завтра, то-есть на зорькѣ, и съ Богомъ... Куда не уѣдешь, коли лошадь сыта!

— Да вѣдь до Курмыша не болѣе двѣнадцати верстъ.

— Такъ-то, такъ,—вздохнулъ кучеръ:—а достанемъ ли на постояломъ, не то, чтобы овса, хоть бы сноснаго сѣна? Чѣмъ кормили у этой мордвы? А въ лѣсу, сударь, прохлада, ни этой жары, ни мухъ... трава тоже свѣжая, найдемъ и воды.

Алексѣй взглянулъ на небо. Безоблачная, тихая, прозрачная синева была такъ привлекательна. Солнце, обливая алыми лучами лѣсъ, поля и вербы почтовой дороги, готовилось зайти за дальніе, тонувшіе въ легкомъ туманѣ, холмы. На взгорьѣ, съ котораго спускалась дорога, показалась пыль; послышался прерывистый звукъ колокольчика. Между вербъ обозначалась подъѣзжавшая къ лѣсу почтовая телѣга. На ней, покачиваясь между подушекъ, сидѣлъ, съ подвязанною рукой, красивый, очевидно раненый, офицеръ. Алексѣй, видя, что телѣга, объѣзжая дорожную водороину, поѣхала шагомъ, всталъ изъ коляски и вышелъ на-встрѣчу офицеру.

— Извините, — сказалъ онъ, подходя къ нему, съ приподнятою шляпой:—откуда вы? успокойте насъ... мы изъ-подъ Казани, спѣшимъ въ Москву...

— И я оттуда,—отвѣтилъ, кланяясь, офицеръ:—раненъ на Арскомъ полѣ, въ грудь и руку... Торопитесь!.. отпросился съ эстафетой, да врядъ ли донесетъ Господь... Убиты генералы Нефедовъ и Кудрявцевъ, а сколько отставныхъ!..

— Правда ли, что Пугачовъ уже на этой сторонѣ? и что сталось съ самою Казанью? — спросилъ Алексѣй.

— Слѣдомъ, батюшка, слѣдомъ побѣдители за нами!—безнадежно махнулъ рукой офицеръ:—а Казань—море огня, груда тлѣющихъ развалинъ. Пугачова видѣлъ я лично,—въ красномъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ и съ саблей на-голо, пронесся онъ передъ нашимъ фронтомъ. Солдаты оторопѣли и не стрѣляли. Ужасъ, сударь, ужасъ!

Офицеръ тронулъ за плечо ямщика, чтобы тотъ ѣхалъ далѣе. Тройка понеслась. Алексѣй молча взглянулъ на небо. Ясная синева была также прозрачна и тиха. Жаворонки звенѣли надъ полями.—„Неужели все кончено?“—подумалъ Алексѣй:—„неужели намъ, счастливымъ донынѣ, неповиннымъ ни въ чемъ, также суждено стать жертвами?“

— Ну, что?—спросила его Серафима, когда онъ, стараясь быть спокойнымъ, подошелъ къ каретѣ:—что сказалъ этотъ офицеръ?

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Алексѣй:—а вотъ кучеръ совѣтуетъ свернуть въ лѣсъ; здѣсь дѣйствительно и покормимъ, и отдохнемъ, лучше всякаго постоялаго.

— Что же, и отлично,—весело сказала Серафима, удерживая радостные возгласы и прыжки дѣтей, заслышавшихъ объ отдыхѣ въ лѣсу.

Экипажи своротили въ лѣсную просѣку; пока было свѣтло, проѣхали еще нѣсколько верстъ. Лѣсная чаща становилась темнѣе, деревья гуще и выше. У перекрестка двухъ дорогъ встрѣтили пѣшаго мужика.

— Чей, дядя, лѣсъ?—спросилъ пѣшехода кучеръ.

— Дёмкиныхъ купцовъ.

— Далече ли отсель до Курмыша?

— Верстъ семь,—да вы не туда ѣдете.

— Знаемъ. А есть ли тутъ по близости жилье?

— Въ лѣсу жилья нѣту, одинъ мельникъ, вона, за лѣсомъ,—указалъ мужикъ вдаль:—а вамъ, родимые, что же?

— Покормить бы лошадокъ, притомились.

— Бери, милый, влѣво... тутъ тебѣ будетъ вражекъ, а маленечко подальше полявинка... трава богатѣющая и ручей по овражку-то,—попоить лошадей.

Экипажи направились къ овражку, миновали его и остановились на просторной, уютной полянѣ. Кучера распрягли упаренныхъ лошадей и стали ихъ водить. Прислуга, развязавъ разныя укладки и узлы, занялась самоваромъ. Серафима умылась и умыла дѣтей, сняла съ нихъ запыленныя дорожныя платья, одѣла ихъ полегче и пустила бѣгать по травѣ. Вода въ ручьѣ оказалась отличною для чая. Алексѣй, съ Дрономъ и горничною, разостлалъ подъ деревомъ коверъ, уставилъ его дорожною, холодною закуской и, когда принесли сюда же привѣтливо пыхтѣвшій самоваръ, кликнулъ жену и дѣтей.

— Готово, пожалуйте,—сказалъ онъ, разливая въ чашки чай.

— Какъ здѣсь хорошо!—невольно воскликнула Серафима, окидывая счастливымъ взглядомъ поляну, съ распряженными на ней экипажами и радостно фыркавшими на прохладѣ лошадьми:—а какой чудный, душистый воздухъ и какая, точно сказочная, тишина!

— Добраться бы скорѣе до Москвы,—вздохнулъ, какъ бы не слыша словъ жены, Алексѣй.

— Ну, что же, доѣхали сюда,—отвѣтила она:—доѣдемъ и далѣе.

— Да, это правда, Курмышъ—рукой подать, за нимъ Арзамасъ. Переѣдемъ Оку, тогда уже безопасно.

— А какъ-то выбралась maman?—сказала Серафима, намазывая

дѣтямъ и мужу масло на хлѣбъ:—вотъ не догнала же, какъ обѣщала сама; пожалуй, до Москвы и не увидимся.

— Отчего же?—возразилъ мужъ: — не въ Курмышѣ, на переправѣ, авось догонитъ еще на Окѣ.

„Сказать ли ей о переходѣ Пугачова черезъ Волгу?“—думалъ, между тѣмъ, Алексѣй:—„нѣтъ, лучше завтра; пусть не тревожится и получше отдохнетъ!“

VIII.

Сумерки сгустились на полянѣ, хотя надъ деревьями еще виднѣлся свѣтъ. Лошади попаслись на травѣ, ихъ напоили и засыпали имъ въ торбы овса. Вкусившія сочной, свѣжей пищи, лошади дремали, не касаясь овса. Убравъ посуду, стали закусывать слуги. Надъ стемнѣвшими верхушками лѣса проглянули звѣзды. Скоро все небо засвѣтилось ими. Ни единый звукъ не доносился на поляну изъ таинственно-молчавшей окрестной гущины.

— Смотри,—сказала Серафима мужу:—какъ тамъ, вверху, торжественно и ясно, и какъ здѣсь, внизу, тихо и темно; усталыя лошади насытились и не жуютъ больше, спятъ.

— И прибавь, слава Богу, что ни одна изъ нихъ въ этой гоньбѣ не захромала,—замѣтилъ Алексѣй:—натерпѣлись бы мы, страхъ и подумать, не то, что испытать.

Дѣти давно спали въ каретѣ. Серафима еще что-то разсказывала и вдругъ, покачнувшись, смолкла.

— Эге, сударыня, да и ты клюешь носомъ,—улыбнулся Алексѣй:—иди, пора спать.

Онъ провелъ жену къ каретѣ, помогъ ей устроиться тамъ, рядомъ съ дѣтьми, подозвалъ Дрона, обошелъ съ нимъ поляну и остановился у коляски.

— Ну-ка, Дронушка,—сказалъ онъ:—достань здѣсь изъ-подъ сидѣнья ящикъ.

Дронъ исполнилъ приказаніе Дуга́нова.

— Видишь ли, голубчикъ,—произнесъ Алексѣй, отпирая ящикъ и доставая оттуда оружіе:—все можетъ случиться; злодѣи отбиты отъ Казани, но слышно перешли на сю сторону... двинулись къ Чебоксарамъ.

— Это, упаси Господи, слѣдомъ за нами?

— Да, все можетъ случиться, нагрянутъ, пожалуй, и сюда.

— Такъ что же мы стоимъ, сударь? ѣхать бы, хоть по-малу, дальше.

— Нѣтъ ужъ, видишь ли, не такъ еще, думаю, опасно; отдохнутъ лошади, побѣгутъ скорѣй.

— Положимъ, сударь, и у казаковъ кони тоже не желѣзные;

одначе, осмѣлюсь доложить, они, слышно, налетаютъ и силой вездѣ свѣжихъ берутъ.

— Это правда,—сказалъ Алексѣй: —потому-то и надо намъ особенно жалѣть своихъ.

— Ироды, сударь, какъ подумаю, сущіе проды искаріотскіе!—въ негодованіи даже плюнулъ Дронъ.

— Такъ видишь ли, голубчикъ,—продолжалъ Алексѣй:—не хотѣлъ я тревожить барыню, а тебѣ все теперь открою. Плохо, надо быть очень на сторожѣ. А потому вотъ тебѣ, Дронушка, ружье. Кучеру отдай это другое,—вотъ и заряды, а себѣ я оставляю штуцеръ и пистолеты. Хорошо я сдѣлалъ, что купилъ, по случаю, у татарина въ Казани, эти ружья; думалъ въ Горкахъ охотиться осенью на гусей. Ты изстари былъ у покойнаго тестя егеремъ, кучеръ тоже стрѣляетъ, даромъ хоть не отдадимся.

— Оно, сударь, правда,—отвѣтилъ въ раздумьѣ Дронъ:—даромъ что же гибнуть? да какъ помыслишь, эхъ...

— Что же? говори.

— Да, сказываютъ, его, окаяннаго, прости Господи, ни пули, ни бомбы не берутъ.

— Вздоръ, сущій вздоръ! ну, не стыдно ли?—съ досадой возразилъ Алексѣй:—вотъ ужъ вамъ нагородили! не дай только промаха, увидишь, свалится, какъ и всякій. А еще хуже, не вздумай струсить, измѣнить .. Ты смотри у меня, на рукахъ у насъ молодая барыня, надо ее беречь,—опять же малыя дѣти.

— Что вы, сударь, батюшка, да можно ли? да я землю буду грызть, разорвись утроба, лопни глаза!.. у самого дѣти...

— То-то, Дронъ, я и не думаю, а великій грѣхъ возьмешь на душу! Иди же, объяви кучеру и всѣмъ; заряжайте ружья и глядите въ оба, а какъ что, — слушаться и отъ меня не отставать. Помни одно, мы погибнемъ, не сдобровать и вамъ!

Алексѣй влѣзъ въ коляску, поднялъ ея верхъ, положилъ возлѣ себя заряженный штуцеръ, прилегъ и вскорѣ заснулъ.

Ночь прошла благополучно. Съ восходомъ солнца, путниковъ разбудили птичьи крики. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ зонта коляски. Вершины деревьевъ золотились лучами зари. Лѣсъ стоналъ отъ голосовъ пернатаго населенія. Надъ прогалинами, гоняясь за мухами и комарами, кружились ласточки. Черные, желтоносые дрозды, съ рѣзкимъ щелканьемъ, проносились между кустовъ. Зеленыя иволги звуками флейтъ перекликались въ вершинахъ деревьевъ. Стайки дикихъ утокъ спускались къ ручью, но видя на полянѣ людей, съ шумомъ взлетывали и уносились далѣе. Вдругъ въ воздухѣ потемнѣло. Откуда-то, поднявшись надъ лѣсомъ, съ громкимъ карканьемъ, неслась туча

вордонъ. „Что это онѣ разорались?“ — подумалъ Алексѣй, взглянувъ на вершины деревьевъ: — „все ли благополучно у лѣса, на дорогѣ? пора запрягать!“

Напившіяся чаю дѣти прыгали по травѣ и собирали цвѣты. Серафима съ горничной кончала укладку вещей.

— Выкупали бы вы, до запряжки, лошадей,—обратился Алексѣй къ кучерамъ.

— Выкупали, сударь, и сами искупались, — отвѣтилъ Дронъ, оправляя на себѣ еще мокрые волосы:—а тутъ, дальше, по ручью, смѣю доложить, есть мельница и при ней на хозяйствѣ мельникъ живетъ. Тамъ для сударыни и дѣтокъ можно бы достать свѣжаго хлѣба и молока.

— Ты откуда это знаешь?

— Шелъ, какъ мы купались тамъ, у вражка, пастухъ-скотарь и сказывалъ.

— Гдѣ же это будетъ, въ какой сторонѣ?

Дронъ указалъ на солнце, къ востоку.

— Не по пути, — отвѣтилъ Алексѣй: — намъ къ Курмышу вотъ куда, а то будетъ крюкъ. Ну-ка, ребята, проворнѣе!

— Все готово,—произнесъ, усаживаясь на козлы, старшій кучеръ.

Всѣ размѣстились и снова выѣхали на почтовый трактъ. Лошади по утренней прохладѣ бѣжали рѣзво и дружно. Скоро стали видны церкви, а тамъ и дома Курмыша. Доносился колокольный звонъ; въ тотъ день былъ праздникъ. Невдали отъ города надо было проѣзжать большое село. Едва экипажи, взбивая пыль, приблизились къ въѣзду въ околицу, ихъ съ шумомъ остановила толпа мужиковъ. Народъ, послѣ обѣдни, уже подгулялъ у кабака. Одни, стоя въ синихъ кумачныхъ рубахахъ и заложивъ руки за поясъ, весело усмѣхались, глядя на подъѣхавшихъ баръ. Другіе, съ красными потными лицами, лѣзли прямо на лошадей, хватаясь за уздечки и постромки. Отъ общаго шума и гама трудно было понять, въ чемъ дѣло.

— Э-эхъ, малинушка-матушка!—плаксиво голосилъ совсѣмъ пьяный, растрепанный мужичонка, въ дырявомъ зипунѣ, ни съ того, ни съ сего кланяясь въ землю передъ экипажами:—милостивые, добрые, кормильцы вы наши!

— Пошелъ прочь! слышишь ли ты?—крикнулъ кучеръ кареты, стегнувъ по лошадямъ и стараясь прорваться сквозь буяновъ:—еще наѣду, берегись!

— А ты постой,—отозвались изъ толпы:—ишь, какая цаца! говори, что за проѣзжатели?

— Полковникъ изъ Казани.

— Полковникъ, вотъ что! а куда?

— На что вамъ?

— А на то,—всякаго, то-есть, проѣзжателя приказано подозрѣвать.

— А какъ не скажемъ?

— Ну, и ладно,—не скажешь, не поѣдешь,—не велѣно пущать.

— Кто не велѣлъ?

— Батюшка-царь.

— Гдѣ онъ?

— Подходитъ, ждемъ милостивца,—а тутъ енаралъ сидитъ.

„Опоздали! — подумалъ, блѣднѣя, Алексѣй: — дать имъ денегъ, хуже не вышло бы... все отнимутъ, задержатъ самихъ".

— Давно ли генералъ въ Курмышѣ?—спросилъ онъ.

— Эвоси, только туды прошелъ.

— Уходите, родименькіе, — голосилъ, кланяясь, мужичонка: — то-есть, съ глазъ долой!.. мы что? намъ велѣно... отпустишь ихъ, православный народъ?

— Для-че не пустить? — отвѣтили изъ толпы:—не ѣдутъ далѣе, ну, и уходи, значитъ, откулича пришелъ.

Алексѣй велѣлъ ѣхать обратно. Лошади снова рысцой добѣжали до лѣса и остановились.

— А вѣдь отдѣлались недурно,—сказалъ по-французски Алексѣй, подойдя къ женѣ:—могли бы попасть въ большую бѣду.

— Чѣмъ же, однако, все это можетъ кончиться?—спросила Серафима.

— Пустяки, объѣдемъ городъ кругомъ.

— Куда прикажете, сударь?—спросилъ кучеръ, придерживая лошадей, на вспотѣвшіе бока и спины которыхъ жадно бросались слѣпни и оводы.

— Заѣдемъ опять въ лѣсъ,—обратился Алексѣй по-французски къ женѣ:—этотъ набѣгъ на Курмышъ сдѣланъ, очевидно, какою-нибудь ничтожною шайкой... У нихъ всякій головорѣзъ—енералъ. Нечего дѣлать, переждемъ; пасъ тутъ не увидятъ; буяны потѣшатся и уйдутъ, тогда и двинемся опять.

Серафима, съ трудомъ удерживая слезы, молча глядѣла на дѣтей. Въ знакъ согласія, она кивнула головой. Алексѣй отдалъ приказаніе кучеру. Экипажи снова свернули въ лѣсъ.

IX.

На этотъ разъ ѣхали недолго. Узкая, сыроватая колея пошла книзу песчанымъ косогоромъ. Лѣсъ порѣдѣлъ. Слѣва тянулись березы и ольхи, справа выглянулъ ручей, у вершины котораго путники почевали. Здѣсь онъ былъ уже рѣкою, красиво извивавшеюся между

отлогихъ, поросшихъ кустами, береговъ. Далѣе стали видны верхушки водяной мельницы и стоявшей возлѣ нея избы. Послышался шумъ бѣгущей по жолобу и падавшей въ омутъ воды. Рабочее колесо стояло неподвижно. Сѣдой, сгорбленный мельникъ, въ бѣлой рубахѣ, сидѣлъ, грѣясь на солнцѣ, у мельничнаго крыльца.

Алексѣй вышелъ изъ коляски.

— Съ праздникомъ, дѣдушка!—сказалъ онъ, подходя къ нему.

Мельникъ снялъ шапку и молча поклонился.

— Мы издалека,—продолжалъ Алексѣй:—нужно въ городъ, а у васъ непокойно, мутятъ мужики. Гдѣ бы намъ тутъ укрыться, переждать.

— Укрыться, родимые?—прошамкалъ мельникъ, оглядывая грузную, запыленную карету, изъ окна которой испуганно смотрѣли глаза блѣдной молодой барыни и весело улыбались лица дѣтей, занятыхъ шумомъ падавшей воды.

— Да, дѣдушка,—обратилась къ мельнику, удерживая дѣтей, Серафима: — нѣтъ ли тутъ по близости спокойнаго пристанища? мы въѣхали въ ближнее село на почтовой дорогѣ, но тамъ народъ буянитъ, не пускаетъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Не во-время, кормильцы, ѣдете,—сказалъ онъ, вздохнувъ:—оно точно, сумнительно стало въ нашей сторонѣ, а въ городъ лучше вамъ и вовсе не ѣхать.

— Почему?—спросилъ Алексѣй.

— Нешто не сказывали на селѣ? Это нынче ѣхали съ базару мужики... сказываютъ, поднялся народъ вчера съ вечера и порѣшилъ воеводу и приказныхъ.

— Какъ порѣшилъ?—спросила Серафима.

— Прискакалъ это гонецъ,—шамкалъ мельникъ, не видя, что баринъ дѣлаетъ ему знаки, чтобъ онъ молчалъ:—говоритъ, ждите, ребята, на утро епарала, а слѣдомъ и самого батюшку-царя; ну, народъ возрадовался, приказныхъ связали, всѣхъ потопили, а воеводу, о, Господи! —ввели на колокольню, да сбросили, что ли, оттоль.

Серафима въ ужасѣ закрыла глаза.

— Mon Dieu, mon Dieu! quelle horreur!—вскрикнула она, прижимая къ себѣ дѣтей:—demandez, priez le de nous sauver...

— Это все еще, можетъ быть, одни слухи,—спокойно сказалъ Алексѣй:—люди испуганы и толкуютъ. У тебя, дѣдушка, негдѣ пріютиться, ты на проѣзжей дорогѣ. Нѣтъ ли тутъ по близости, въ лѣсу, пчельника или лѣсной сторожки.

— Лѣсъ, батюшка, монастырскій, его Богъ бережетъ, а пчелъ монахи нонѣ, по засухѣ, держатъ за Курой, на лугахъ.

Алексѣй взошелъ на мельничное крыльцо.

— Городъ въ ту сторону?—спросилъ онъ, указывая за рѣку.

— Нѣтъ, кормилецъ, вонъ гдѣ,—указалъ мельникъ лѣвѣе.

— А это же что за церковь?

— Монастырь.

— Нельзя ли тамъ укрыться?

— Трудно,—монахи, уже три дня, какъ заперлись, не пускаютъ къ себѣ никого.

— Ну, прощай, дѣдушка,—сказалъ Алексѣй, возвращаясь и садясь въ коляску:—поѣдемъ, авось сами найдемъ себѣ пріютъ.

— Богъ въ помочь, кормильцы! счастливо, миленькіе!

Лошади уже тронулись.

— А слушай-ка, старикъ,—отозвался съ козелъ Дронъ:—нѣтъ ли у тебя свѣжаго хлѣба, барскимъ дѣтямъ, либо крынки молока?

— Ничего нѣту-ти,—шамкалъ, почесываясь и щурясь отъ солнца, дѣдъ:—хозяйка холсты на монастырь понесла, коровёнку зимой еще волки заѣли,—радъ бы, миленькіе, да нѣту-ти!

— И все вретъ скалдырникъ!—ворчалъ, оглядываясь на мельницу, Дронъ:—ужъ народецъ! самъ гладокъ, какъ быкъ, а дѣтямъ жалѣетъ молока...

Не о дѣтяхъ думалъ въ это время Дронъ. Онъ еще съ вечера голодалъ, разсчитывая на лучшую пищу въ городѣ, а теперь видѣлъ, что опять быть ему и прочимъ слугамъ на однихъ сухаряхъ.

Новое мѣсто въ лѣсу, выбранное Алексѣемъ для остановки, оказалось, какъ и вчерашнее, также укромно и защищено со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ ужъ именно медвѣжій уголъ!—сказала мужу Серафима, оглядывая громадныя деревья, когда экипажи, версты черезъ двѣ отъ мельницы, снова свернули съ просёлка въ гущину:—чисто разбойничья глушь.

— За то никакіе калабрійскіе бра́ви насъ тутъ не найдутъ.

Кучера опять распрягли и пустили на траву лошадей. Снова вынуты узлы съ закуской. Пока принесли воды и ставили самоваръ, дѣти съ горничной собирали цвѣты. Серафима, подъ вуалью отъ комаровъ и мошекъ, чтобы разсѣяться хотя немного, достала изъ кареты книгу и сѣла подъ деревомъ.

— Я тебѣ, Alexis, почитаю вслухъ... хочешь?—обратилась она къ мужу.

— Сдѣлай одолженіе.

Алексѣй опустился на траву. Чтеніе, однако, не клеилось. Комары и мошки кусали Серафиму и сквозь вуаль. Она, то и дѣло, съ досадой, отгоняла ихъ книгой. Алексѣй не слушалъ чтенія. Подошелъ, съ озабоченнымъ видомъ, Дронъ.

— Ну, чай готовъ?—спросилъ Алексѣй.

— Готовъ-то, готовъ, да смѣю доложить о другомъ.

— Что еще?

Дронъ оглянулся.

— Припасы, сударь, повышли,—сказалъ онъ:—вамъ и дѣткамъ будетъ еще до вечера булокъ, сыру, есть и цѣлая жареная курица... ну, а на завтра?..

Алексѣй молчалъ.

— Въ Цивильскѣ, сударь, помните, не во гнѣвъ будетъ вамъ сказано,— продолжалъ Дронъ:—я совѣтовалъ больше брать живности, масла, хлѣба, ну и прочаго.

— Такъ что же?

— Не помирать же, сударь; вамъ маловато, а у насъ, простите, ничего не осталось, кромѣ сухарей.

— Что же дѣлать?—озабоченно спросилъ Алексѣй:—не придумаешь ли чего? безъ овса тоже не быть же лошадямъ.

— Ужъ я, сударь, про все думалъ и самъ съ кучеромъ говорилъ... пострѣлять бы дичинки, и ружья есть, да боязно,—ну, какъ на выстрѣлы нагрянутъ, найдутъ здѣсь?

— Вотъ что, — сказалъ, вставая, Алексѣй: — зови форрейтора Митьку.

Митька подошелъ.

— Лѣзь, Митя, на березу,—сказалъ ему Алексѣй:—гляди, не видать ли церкви?

Мальчикъ скинулъ армякъ и сапоги и, какъ бѣлка, вскарабкался по вѣтвямъ.

— Видно,—крикнулъ онъ съ вершины дерева.

— Пятиглавая?

— Такъ точно.

— Далеко ли?

— Верстъ пять будетъ.

— Въ какой сторонѣ?

— Эвоси,—крикнулъ сверху мальчикъ, показывая черезъ лѣсъ:—тутъ сбоку и дорога видно туда, вонъ и поворотъ.

— Ну ладно, лѣзь долой. Такъ вотъ что,—обратился Алексѣй къ Дрону, доставая кошелекъ:—вотъ тебѣ деньги, ѣзжай въ монастырь и купи всякихъ припасовъ... ну, муки, тамъ, зелени какой, овса для лошадей, крупъ,—котелокъ хоть небольшой добудь у монаховъ, рыбы свѣжей, а не то и соленой, хоть постнаго масла, да хлѣба готоваго побольше... Скажи, что ты проѣзжій, изъ купцовъ, что ли,—обозъ, молъ, пристalъ въ лѣсу, тамъ подводчикамъ нужна, молъ, провизія. Понялъ?

— Какъ не понять! не впервое,—замялся Дронъ:—только въ эвтой-то ливреѣ, опять же въ косѣ... ну, какой я купецъ?

— Такъ развѣ кучера послать?—обратился Алексѣй къ Серафимѣ.

— О, Боже!—вздохнула она:—такую-то простоту?

— И то правда, ему не слѣдъ бросать и лошадей.

— Да я, сударь, коли угодно,—объявилъ Дронъ:—переодѣнусь въ его армякъ, готовъ обрѣзать и косу.

— Зачѣмъ, Андронъ Ильичъ, рѣзать ее?—вмѣшалась слышавшая это горничная:—можно и подъ шапку подвернуть.

— А и то правда,—отвѣтилъ Дронъ:—такъ ѣхать, сударь?

— Съ Богомъ.

X.

Сказано—сдѣлано. Дронъ, въ кучерскомъ армякѣ и съ подвернутой косой, опростилъ отъ вещей телѣгу, запрегъ въ нее пристяжнаго изъ коляски и, сунувъ деньги за пазуху, двинулся по направленію къ монастырю. У опушки лѣса, отдѣленная оврагомъ отъ его бѣлыхъ, высокихъ стѣнъ, расположилась небольшая, но, благодаря сосѣдству съ монастырскою святыней, зажиточная деревушка, съ постоялымъ дворомъ и двумя лавченками. Въѣхавши въ ея околицу и увидя эти лавки, Дронъ сердито подумалъ: „Эка, брехунъ-мельникъ! о лавкахъ, старый чортъ, и умолчалъ. Не хотѣлъ пособить эдакимъ-то господамъ!“ —Примѣтя, что ворота монастыря точно заперты, онъ подъѣхалъ къ одной изъ лавокъ, отыскалъ во дворѣ ея хозяина, купилъ у него муки, два мѣшка овса и крупъ, а дѣтямъ, кстати, фунтъ орѣховъ, и спросилъ лавочника, гдѣ купить хлѣба. Тотъ ему указалъ дворъ пекаря.—„На обитель, дядя, печемъ!“—съ гордостью сказалъ, выпившій для праздника, хлѣбникъ, укладывая въ кулекъ все, что у него осталось отъ утренней продажи.

— А нѣтъ ли хоть постнаго маслица?—спросилъ довольный покупками Дронъ, доставая изъ кошелька деньги.

Хлѣбникъ, съ удивленіемъ, въ рукахъ покупщика разглядѣлъ, между мелочью, нѣсколько золотыхъ монетъ.

— Купцы будете?—спросилъ онъ.

— Да, обозъ тутъ въ лѣсу... работнички проголодались,—небрежно отвѣтилъ Дронъ, подавая для размѣна червонецъ:—всякому давай свѣженькаго.

— Обнаковенно,—согласился хлѣбникъ:—не токма, значитъ, человѣкъ, всякая тварь. Вотъ, дядя, тебѣ сдача.

Дронъ вышелъ, уложилъ кулекъ, и видя, что къ лавкѣ подошли еще два мужика, поспѣшилъ сѣсть въ телѣгу.

— Одначе, землячокъ, стой, обожди,—сказалъ ему съ крыльца хлѣбникъ, переговоривъ съ подошедшими мужиками.

— Что тебѣ, милый человѣкъ?—спросилъ, обернувшись съ телѣги, Дронъ.

— Да вотъ что, любезный, точно ли ты купецъ? Господъ нонѣ велѣно хватать, не пропускать; а у тебя такія, то-есть, деньги? Не изъ господскихъ ли ты? могимъ за то отвѣчать.

— Брешете, ребята!—отвѣтилъ Дронъ, хлестнувъ по лошади, и помчался.

— Стой,—закричали ему во слѣдъ:—держи его.

Не обращая вниманія на крики, Дронъ проскакалъ улицу, выѣхалъ за деревню и уже сталъ близиться къ лѣсу. На-встрѣчу ему, изъ-за пригорка, показалась куча парней. Они шли, заломивъ шапки, и, покачиваясь, горланили пѣсню.

— Стой, держи!—громче послышались сзади Дрона крики.

Онъ оглянулся. Отъ деревни за нимъ, крича и размахивая руками, гнались нѣсколько всадниковъ. Пѣшіе, увидя погоню, бросились на встрѣчу Дрона. Его задержали и окружили. Изъ-подъ упавшей шляпы у него обозначилась коса.

— Такъ вотъ ты кто!—пристали къ нему верховые, между которыми Дронъ увидѣлъ и хлѣбника:—признавайся, покупалъ не себѣ, господамъ?

— Знать не знаю ни о какихъ господахъ, лопни глаза.

— Снимай его, ребята, волоки...

— Полноте, православные, за что?

— А вотъ узнаешь... Сказано, не велѣно пропущать господъ; приказъ такой вышелъ—ловить ихъ и преставлять въ городъ начальству. Бей его, ребята!

— Стойте, соколики... отпустите душу на покаяніе.

— Бей, Андрюшка! тащи, Демидъ.

Андрюшка далъ Дрону такого тумака, что не надо было его и тащить, онъ самъ свалился съ телѣги на земь. Дронъ, оглядывая сумрачныя лица окружавшихъ его, подумалъ: „Господи, прости прегрѣшенія! ихъ спасти—погубить, значитъ, себя! такъ за что же?“—и разсказалъ всю сущую правду.

— Вона что!—толковали озадаченные мужики:—надо, выходитъ, повѣстить стариковъ. Мы, дядя, не то, чтобы какъ,—старались они успокоить Дрона:—мы, какъ передъ Богомъ, всѣ, то-есть, безъ обиды... потому начальство велѣло... а намъ какъ не послушаться, нѣтъ ли, выходитъ, чаво?

— То-то, дѣтушки, не обидьте ни меня, ни ихъ, кланялся му-

жикамъ Дронъ:—господа у меня добрые,—не люди, сказать, ну, ангелы, и дѣтки у нихъ, да и у меня семья, дѣти тоже и внуки.

— Зачѣмъ, дядя, обижать? мы все ладомъ, какъ есть. Гони, Родька, къ Власычу, а ты, Андрюшка, къ Кузьмину; задержали, молъ, барскаго холуя.

Поскакали Родька и Андрюшка. Мужики, балагуря, усѣлись на землѣ вкругъ телѣги. Дронъ, нѣсколько обиженный прозвищемъ холуя, такъ, впрочемъ, былъ доволенъ добрыми завѣреніями крестьянъ—все уладить мирно и безъ обидъ, что досталъ мѣшечекъ съ орѣхами и угостилъ ими своихъ стражей.

— Откуль вы, по правдѣ?—спрашивали его мужики, щелкая орѣхи.

— Говорю по истинной правдѣ,—произнесъ Дронъ:—мы саратовскіе; подъ Казанью были—у генеральши, первой богачки въ губерніи, и тутъ, значитъ, въ лѣсу, ея родичи.

Возвратились верхами Андрюшка и Родька. Чернобородый, въ новыхъ сапогахъ, Андрюшка засуетился и объявилъ, что барскаго лакея надо прежде всего вести на допросъ къ сотскому. Сѣдой, съ ввалившеюся грудью и въ худыхъ лаптишкахъ, Родька долго вглядывался въ Дрона и объявилъ, что нечего ходить къ сотскому, сотскій съ утра загулялъ, а нужно дать знать прясловцамъ.

— У нихъ, ребята, лучше вѣдомо,—сказалъ онъ, глухо кашляя:—они съ самимъ енаралъмъ говорили и ужъ,—какъ и что,—обсудятъ.

Ребята поспорили и положили, тѣмъ же Андрюшкѣ и Родькѣ—ѣхать въ Прясло. Часа черезъ два, въ лѣсу послышался говоръ множества голосовъ. Между деревьями замелькали сѣрые и черные зипуны. На поляну высыпала толпа мужиковъ, съ вилами, дрекольями и косами. То прибыли Прясловцы.

Впереди всѣхъ, съ дубиной на плечѣ, шелъ невысокаго роста широкоплечій, съ опухшимъ лицомъ, вывернутыми врозь ногами и въ порванной, войлочной шапкѣ, пьяный и, очевидно, отъ давняго запоя, страдавшій желтухой, кузнецъ. Прясловцы окружили Дрона.

— Ну, барскій рабъ, сказывай,—обратился къ нему кузнецъ:—гдѣ твои баре?

Дронъ замялся. Кузнецъ, покосясь на него желтыми бѣлками, съ размаха ударилъ его по уху.

— За что, милый, дерешься?—вскрикнулъ, пошатнувшись, Дронъ:—мы люди смирные, никому никакого зла...

Кузнецъ ударилъ его въ другое ухо. Дронъ упалъ на траву. Кровь сочилась по его лицу.

— Веди, холуишка, указывай! у, прибью!—свирѣпо крикнулъ кузнецъ, поднимая его за шиворотъ.

— Иди! что упираешься? велѣно, значитъ, къ допросу!—орали остальные мужики.

Оторопѣлый Дронъ, обиженно отирая кровь полою кафтана, пошелъ впереди галдѣвшей и размахивавшей руками толпы.—„Тише, черти, не ори! выпустишь лисовйна и лисятъ!“—окрикнулъ товарищей кузнецъ. Всѣ тихо, скучившись, вошли въ лѣсную просѣку.

— У кого, ребята, ножъ?—спросилъ кузнецъ.

Ему подали ножъ.

— Становись къ дереву!—сказалъ кузнецъ помертвѣлому отъ страха Дрону:—нечего ждать; былъ ты барскимъ слугою, будь сразу царскимъ!—и, прижавъ его къ древесному стволу, онъ обрубилъ ему косу до затылка.

Толпа покатилась со смѣху: такъ былъ смѣшонъ остриженный Дронъ.

— Тише, зубоскалы! смирно!—командовалъ, идя далѣе вывернутыми ногами, кузнецъ.

XI.

Ничего не подозрѣвавшій, Алексѣй Андреевичъ, съ нетерпѣніемъ ожидая возвращенія Дрона, прохаживался у экипажей по полянѣ. Кучера у коновязи отъ скуки играли въ карты. Серафима, въ тѣни берёзъ, вынувъ изъ кареты подарокъ Туровцовой внукамъ, нѣмецкую книжку народныхъ сказокъ, переводила изъ нея дѣтямъ сказку о красной шапочкѣ и о лютомъ волкѣ. Въ то время, когда она дошла до разсказа о дѣвочкѣ, увидѣвшей подъ чепцомъ мнимой бабушки зубастую голову волка, въ гущинѣ лѣса послышался трескъ валежника, какъ бы что-то шло и надвигалось оттуда. Дѣти въ страхѣ прижались къ матери. Серафима взглянула на мужа. Алексѣй Андреевичъ, въ смущеніи, стоя среди поляны, что-то говорилъ подходившему къ нему кучеру.

— Что это? что тамъ?—спросила, роняя книгу, Серафима.

Алексѣй молча махнулъ ей рукой. Переговоривъ съ кучеромъ, онъ поспѣшилъ къ коляскѣ, вынулъ оттуда двухстволъный штуцеръ и саблю и подошелъ къ женѣ. Его лицо было блѣдно; губы подергивались судорогой.

— Не бойся, милая, ничего особеннаго!—сказалъ онъ, стараясь быть спокойнымъ:—какіе-то мужики подошли и стоятъ вонъ тамъ, за деревьями, въ гущинѣ... должно быть—пьяные.

— Но что же имъ нужно?

— А вотъ увидимъ,—отвѣтилъ, отходя, Алексѣй:—собирайся, да

живо; я велѣлъ запрягать, торопись,—бери дѣтей... не успѣемъ вмѣстѣ, — уѣзжай пока впередъ одна.

— Alexis! mon Dieu! que signifie tout cela? да куда же ты? — говорила Серафима, хватая мужа за руки: — не ходи, они тебя могутъ убить!

Алексѣй обнялъ жену, тихо отстранилъ ее и, перекрестивъ ее и дѣтей, молча пошелъ по полянѣ. Шумъ въ гущинѣ усилился. Послышались отдѣльные голоса. Изъ-за крайнихъ деревьевъ выглянула голова въ разорванной войлочной шапкѣ.

— Не подходи, что̀ тебѣ надо?—крикнулъ, остановясь среди поляны, Алексѣй.

— Для-че, ваше благородіе, не подходить? — спросилъ кузнецъ.

— А для того,—я приказываю! дѣтей напугаешь!

— Дѣтей? у насъ приказъ повыше! — отвѣтилъ, взявшись подъ бока и покачиваясь на разставленныхъ, кривыхъ ногахъ, кузнецъ.

Сзади его изъ-за вѣтвей выступили еще нѣсколько мужиковъ, съ дрекольями въ рукахъ.

„Неужели опознали Дрона?“ — въ ужасѣ думалъ Алексѣй: — „гдѣ онъ бѣдный самъ? живъ ли?“

— Кто васъ послалъ сюда? по чьему приказу явились? — спросилъ онъ передовыхъ.

— Отъ батюшки, самого царя, повелѣніе! такъ-то! — отвѣтили мужики.

— Ну, слушай же, не подходи никто! буду стрѣлять! — громко сказалъ Алексѣй, взводя курокъ ружья и оглядываясь на жену и на кучеровъ.

Карета уже была запряжена. Серафима подсаживала туда послѣдняго, меньшаго ребенка. Второй кучеръ возился съ запряжкой коляски.

— Стрѣлять? — усмѣхнулся кузнецъ: — вотъ какъ! руки, баринъ, коротки, — шею, може, сверпешь...

Онъ выступилъ ближе изъ подъ деревьевъ. За нимъ вышли на поляну другіе, посмѣлѣе.

— Эй, уходи, выстрѣлю! — объявилъ, беря на прикладъ ружье и цѣлясь, Дуга́новъ.

— Покоритесь, батюшка, Алексѣй Андреевичъ! вамъ ничего вреднаго не будетъ!—вдругъ послышался изъ толпы знакомый, плаксивый голосъ:—не то... пропадать, видно, и намъ!

Алексѣй опустилъ ружье. Среди мужицкихъ зипуновъ и бородъ, онъ разглядѣлъ растерянаго, остриженнаго по-мужицки, Дрона.

— Такъ это ты, старый, отцовъ слуга, привелъ ихъ сюда и еще предлагаешь мнѣ сдаться?—вскрикнулъ Алексѣй: — ужли, безсовѣстный, измѣнилъ, продалъ насъ?

— Не продалъ, батюшка, казнй Господь!—отвѣтилъ, всхлипывая, Дронъ: — убивствомъ грозили... а вѣдь не мы, сударь, одни... и прочіе, посуди, господа, служащіе вонъ офицеры признали, цѣлуютъ крестъ новоявленному государю...

Алексѣй оглянулся. Карета, съ Серафимой и дѣтьми, уже выбралась съ поляны на дорогу. Серафима оттуда махала ему платкомъ. Коляска тоже была запряжена; кучеръ съ горничной бросали туда послѣдніе узлы.

„Прощай, жена! прощайте, дѣти!“—мысленно произнесъ Алексѣй, видя передъ собой болѣе и болѣе надвигавшіяся къ нему, хмурыя и грозныя лица мужиковъ.

— Да что, братцы, глядѣть?— визгливо крикнулъ кузнецъ: —бей его, вяжи, ура!

Толпа, размахивая дубинами и косами, бросилась на Алексѣя. Онъ снова поднялъ ружье, приложился и выстрѣлилъ... Нападающіе шарахнулись назадъ, къ деревьямъ; дымъ разсѣялся. „Раненъ ли, убитъ ли кто-нибудь?“ — думалъ Алексѣй, взводя курокъ втораго ствола.

Поляна опустѣла. У ея окраины валялось на травѣ нѣсколько оброненныхъ шапокъ и дубинъ. Распластавъ руки навзничъ, лежалъ убитый выстрѣломъ кузнецъ. По лѣсу шелъ трескъ отъ бѣгущей въ разсыпную толпы. Между березъ, невдали отъ дороги, бились испуганныя выстрѣломъ лошади, опрокинувшія коляску, съ кучеромъ и горничною. Алексѣй бросился къ нимъ на помощь. Кучеръ, надавленный кузовомъ коляски, съ трудомъ вылѣзъ изъ-подъ него и когда поднялся, Алексѣй увидѣлъ, что его лицо и руки были въ крови. „Зарѣзали, голубчики, убили!“ — ревѣла, припавъ ничкомъ къ травѣ, выброшенная изъ коляски горничная.

— Уходите, сударь, хоть пѣшкомъ, а не то верхомъ! — сказалъ кучеръ, дрожащими руками силясь освободить спутавшихся въ вѣтвяхъ и оборвавшихъ сбрую лошадей:—сами изволите видѣть, можно ли ѣхать? изъ четверни осталась тройка, и лопнула ось...

Онъ указалъ на опрокинутый кузовъ коляски. Отлетѣвшее, съ концомъ задней оси, колесо лежало у ближнихъ кустовъ.

— Барыня, барыня гдѣ? — спросилъ растерявшійся, видѣвшій отъѣздъ жены, Алексѣй.

— Далече уже, видно; Филиппъ тоже, полагать надо, не сдержалъ лошадей, — не свалился бы только со страху фалеторъ съ выноснаго.

— Куда они поѣхали?

Кучеръ указалъ вправо, къ сторонѣ большой дороги.

— Готово, батюшка, садитесь, да скорѣй!—произнесъ онъ, опрогавъ и подводя барину остальнаго присяжнаго коня:—еще догоните, успокоите сударыню и дѣтокъ.

— А ты же?

— Намъ что!—отвѣтилъ кучеръ, отирая травой раненую руку:—насъ, холопей, не тронутъ; мы имъ нешто нужны?

— Да возьми хоть это,—сказалъ Алексѣй, бросая на траву саблю:—авось пригодится.

— И, батюшка! еще хуже будетъ; своею смертью помремъ! супротивъ такой аравы нешто устоишь?

— Ой, ой, зарѣзали младешеньку, погубили сироту!—выла, припадая къ травѣ, хорошенькая перепуганная горничная.

— Ты, Семенъ, береги Феклушу! — сказалъ Алексѣй, вскидывая перевязь ружья черезъ плечо и взлѣзая на коня:—найдешь знающихъ людей, почини коляску,—вотъ тебѣ деньги,—да спѣши, догоняй... а ее чтобъ не обидѣли!

— Что ей, паскудѣ, станется! не съѣдятъ!—презрительно глянулъ на горничную кучеръ, освобождая изъ сучьевъ запутавшихся дышловыхъ:—а вы сударь, гоните,—не рано, да и душегубы эти какъ бы не перестрѣли.

Алексѣй поднялъ пристяжнаго вскачь. Его мучило сознаніе, что Серафима, съ дѣтьми, безъ него должна была теперь особенно тревожиться, кучеръ могъ сбиться съ дороги и, вмѣсто почтоваго тракта, врѣзаться глубже въ лѣсъ. А тутъ еще близились сумерки. Алексѣй, какъ ему показалось, ѣхалъ долго, никого не встрѣтивъ на пути. Но лѣсъ, въ той сторонѣ, куда онъ ѣхалъ, не прекращался и большой дороги, которая, по его мнѣнію, была тутъ недалеко, еще не было видно. „Что бы это значило?“ — разсуждалъ онъ, разглядывая извилистую колею и не видя на ней слѣдовъ каретнаго хода:—„или я пропустилъ поворотъ, или попалъ не на тотъ путь?“ Сердце Алексѣя сжалось. Въ лѣсу, между тѣмъ, замѣтно становилось темнѣе. Онъ то гналъ лошадь, то замедлялъ ея бѣгъ, давая ей вздохнуть и прислушиваясь, не гремятъ ли гдѣ, невдали, рессоры и не слышенъ ли бѣгъ каретной шестерни? Онъ поднялъ голову; вверху надъ деревьями было еще свѣтло. Облака золотились отблескомъ зари. Вдругъ Алексѣй замеръ; ему гдѣ-то почудилось фырканье лошадей; послышался стукъ экипажа. Онъ снова погналъ лошадь. Но мелькали деревья, кусты,—онъ убѣждался, что слухъ обманулъ его. Впереди и по сторонамъ все молчало, дорога была пуста. Прошло еще около полчаса. Паръ валилъ съ лошади. Алексѣй не зналъ, что дѣлать. Непривыкшій къ ѣздѣ, безъ сѣдла, на тряской, костлявой упряжной, онъ наконецъ почувствовалъ, что далѣе ѣхать не въ силахъ. „И какая цѣль?“ — думалъ онъ, теряясь въ догадкахъ, гдѣ же онъ теперь и куда ѣдетъ:—„сомнѣнія нѣтъ, я очевидно сбился, среди этихъ лѣсныхъ, разбѣгающихся тропинокъ... замучу только даромъ коня; надо остановиться, ждать

разсвѣта... А жена, а дѣти?“ Онъ въ отчаяніи сжималъ кулаки. А тутъ еще голодъ сталъ напоминать о себѣ. Алексѣй сообразилъ, что съ утра почти ничего не ѣлъ. Въ лѣсу совершенно стемнѣло.

Своротивъ въ чащу деревъ съ дороги, Алексѣй слѣзъ съ лошади, кое-какъ пробрался сквозь вѣтви, привязалъ лошадь за уздечку къ кусту, положилъ ружье на траву и самъ свалился тутъ же. Угнѣздясь у древеснаго пня, онъ прилегъ къ нему головой, но, какъ ни былъ утомленъ, нескоро заснулъ.

XII.

Спалъ онъ, какъ показалось ему, недолго. Его разбудило что-то непріятное и холодное, падавшее ему на лицо. Онъ очнулся, открылъ глаза. Начинался блѣдный, пасмурный разсвѣтъ. Набѣжавшее облако роняло сквозь деревья крупныя, тихія капли дождя. Лошади у куста болѣе не было. Она, вѣроятно, сорвала съ вѣтви уздечку и ушла пастись на привольѣ. Алексѣй вскочилъ, бросился искать ее. Онъ ходилъ долго, промочилъ ноги и самъ промокъ, но не нашелъ лошади. „А ружье?“—вдругъ вспомнилъ онъ и началъ искать то дерево, подъ которымъ провелъ ночь; оглядывался, ходилъ вправо и влѣво, возвращался назадъ, соображалъ, — но тщетно. Алексѣй очутился безъ лошади и безъ ружья. „Теперь все кончено, я безповоротно пропалъ!“ —рѣшилъ онъ:—„первый встрѣчный прохожій увидитъ меня, тотчасъ, по одеждѣ и по всему, признаетъ меня за барина, за дворянина, и безъ жалости выдастъ меня. Побѣгъ нашъ оглашенъ въ окрестности... тамъ на полянѣ убитый мною мужикъ... развязка неминуемая“...

Алексѣй снялъ шляпу, отеръ вспотѣвшее лицо, перекрестился и пошелъ по лѣсу, отыскивая дорогу. Скоро онъ увидѣлъ въ сторонѣ, между деревьевъ, тропинку и свернулъ на нее. Лѣсъ порѣдѣлъ. Тропинка вышла къ рѣкѣ. День прояснился. Облака разошлись. Солнце начинало припекать. Томимый жаждой, Алексѣй напился въ рѣкѣ и пошелъ ея берегомъ. Вдали показалась верхушка какого-то зданія. Алексѣй узналъ мельницу, къ которой онъ подъѣзжалъ вчера утромъ съ семьей.

Серафима, выбравшись изъ лѣса, послѣ нападенія мужиковъ, то и дѣло выглядывала изъ окна на дорогу, не догоняетъ ли ее мужъ? Коляски Алексѣя не было видно.

— Да куда же ты торопишься, Филиппъ?—спросила она кучера: —баринъ насъ такъ не догонитъ.

— Эхъ, матушка, сами-то думайте о себѣ, да о малыхъ дѣтяхъ! — укоризненно отвѣтилъ кучеръ, понукая лошадей:—баринъ-то еще спра-

вится, коли что, а ужъ вамъ хоть бы доѣхать до города. Вотъ мы стороной, сударыня, мимо того каторжнаго села... Прежде было бы такъ-то... Да и городъ не далече, вонъ верхушки церквей,—указалъ съ пригорка Филиппъ:—должно, это и есть самый тотъ Курмышъ... объѣхать бы и его... Гони, Митька!—крикнулъ онъ форрейтору.

Карета съ почтовой дороги спустилась влѣво на лугъ и понеслась, извилистымъ проселкомъ, между свѣжей черной пахоти и пасущихся по снятымъ покосамъ овецъ и лошадей. Версты черезъ двѣ проселокъ поднялся на новое взгорье. За взгорьемъ оказалась деревушка, дворовъ въ десятокъ. „Объѣхать бы какъ-нибудь и это новое, чортово гнѣздо?“—подумалъ кучеръ, видя съ досадой, что дорога идетъ прямо на этотъ посёлокъ. Онъ направилъ лошадей, по лугу, еще лѣвѣе, въ объѣздъ огородовъ и огуменниковъ деревни. Но встрѣтился крутой оврагъ; внизу оврага струился ручей, а мостъ черезъ него былъ разоренъ. Пришлось опять сворачивать. Кучеръ поѣхалъ прямо въ околицу. Карету здѣсь уже замѣтили. Изъ-за плетня крайняго огорода на подъѣзжавшихъ смотрѣла высокая старуха, знаками подзывая кого-то съ грядокъ. Съ улицы въ ближній дворъ, крича, оглядываясь и махая руками, стремглавъ бѣжала куча ребятишекъ. Митька форрейторъ, безъ крика: пади! — изъ всѣхъ силъ понукалъ выносныхъ.

Едва карета въѣхала въ деревню, на встрѣчу ей изъ ближнихъ воротъ вышелъ, съ рубанкомъ въ рукѣ, босой, съ бѣльмомъ на глазу, бородатый мужикъ.

— Куда, дядя, ѣдете? — спросилъ онъ, вытаскивая изъ бороды древесныя стружки.

— На богомольи были... мы сами курмышскіе,—отвѣтилъ, поше-веливая возжами, Филиппъ.

— Чьихъ же будете?—недовѣрчиво уставился на него бѣльмомъ бородачъ.

— А вы?

— Мы Синдѣевцы... выселокъ нашъ — Синдѣевка... а я, выходитъ, бондарь.

— Ну, а мы Лаптевыхъ купцовъ... басонщики они, опять же держатъ и винный подрядъ,—придумалъ на удачу кучеръ:—эй, вы, други! не далёчко до дому! — прибавилъ онъ, спокойно ударивъ по лошадямъ.

— Басонщики? Лаптевыхъ?—произнесъ бондарь, загораживая лошадямъ дорогу и хватая подъ уздцы дышловыхъ:—не слыхано что-то такихъ!

Кучеръ оглянулся. Справа и слѣва подходили другіе мужики. Они окружили карету, заглядывая въ окна. Дѣти снова подняли плачъ.

— Что вамъ нужно?—строго спросила Серафима:—видите, дѣти... пугаете... ну, развѣ можно такъ?

— Зачѣмъ пугать? у самихъ, сударыня, ребята, не щенки!—заговорили крестьяне:—а только такихъ дѣлдвъ не попустимъ... нельзя!

— Но какія же, скажите, дѣла?

— Курмышскіе, видишь, басонщики-купцы! а такихъ и не слыхано.

— Кучеръ съ испуга напуталъ... мы дальніе, посторонніе,—оправдывалась Серафима.

— Ужо вотъ повидимъ! начальство разберетъ! въ городъ ихъ! садись, Михеичъ, и ты, Парамонъ... вези ихъ, настаивала толпа, такъ близко наваливаясь къ окнамъ, что въ каретѣ стало трудно дышать.

— Да что же это, о, Господи!—проговорила, заливаясь слезами, Серафима:—Петя, Коля, просите ихъ.

Дѣти, прижимаясь въ страхѣ къ матери, еще болѣе разревѣлись.

— По что, милые голубятки, плачете? — спросилъ, ближе всѣхъ стоявшій къ окну кареты, подслѣповатый и курносый, въ дырявыхъ лаптишкахъ, старикъ Ермилъ: — дай, батюшка, ручку! дай! — обратился онъ къ плакавшему Петѣ.

Понукаемый матерью, озадаченный Петя протянулъ въ окно пухленькую, мокрую отъ слезъ, руку.

— Ай, да барчёнокъ! молодецъ распрекрасный! — воскликнулъ Ермилъ, щуря смѣющіеся глаза и цѣлуя руку дитяти:—не бойся, съ матушкой! государь-отъ нашъ милостивый пряничковъ дастъ.

Прочіе мужики, тоже присмирѣвъ, умильно смотрѣли на дитя и на Ермила.

„Что же это, Богъ мой? во снѣ или на яву?“—думала Серафима, разглядывая казавшіяся ей теперь добрыми, ласковыми и совершенно искренними лица мужиковъ:—„я ошиблась; бояться ихъ нечего... это не тѣ, что грозили, съ дубинами, въ лѣсу!“

— Такъ что-жъ, Парамошка? Михеичъ, лѣзь! — заговорили въ толпѣ:—нечего, братцы, зѣвать! велѣно, ну и вези.

— Да куда лѣзть-то?

— На козлы.

Михеича подталкивали въ спину. Онъ подумалъ, ухватился за колесо, сталъ на его ступицу и, оборвавшись, упалъ. Толпа захохотала. Дѣти также развеселились. Михеичъ снова полѣзъ; добрался до козелъ, усѣлся тамъ и втащилъ за собой Парамона.

— И мнѣ, видно, съ вами!—сказалъ Ермилъ, взлѣзая на запятки.

— Съ Богомъ! счастливаго пути!—заговорили, кланяясь, мужики.

Филиппъ шевельнулъ возжами.—„Господи, дай намъ благополучно доѣхать!“—шептала, крестясь, Серафима. Карета понеслась, гоня по улицѣ куръ и гусей и поднявъ облако пыли.

— А вѣдь барыню и ребятокъ-то порѣшатъ! — сказалъ бондарь, качая головой вслѣдъ удалявшимся путникамъ.

— Ну, дядя Сысойко, може разсудятъ еще и инако!—возражали, расходясь, мужики:—погрозятъ и отпустятъ.

Карета, свернувъ изъ Синдѣевки, выѣхала снова на большую дорогу. Невдали обозначались берега Суры.

— Гдѣ же мы остановимся? куда насъ везете?—спросила Серафима Львовна проводниковъ.

— Да ты не сумлѣвайся, не бойся, какъ есть ничего, — отвѣтилъ, нагнувшись съ козелъ, Парамонъ: — къ самому енералу преставимъ.

— Онъ праведный, вчерась, слышно, вотъ какъ дѣла разбиралъ!—отозвался съ запятокъ Ермилъ:—у кого что̀ взято—отдадено, а кому, сказывали нонче ребята, такъ и прибавилъ еще отъ казны.

Миновавъ Суру, путники въѣхали въ городъ и приблизились къ площади, полной народа.

— Куда теперь?—спросилъ, оглядываясь на провожатыхъ, кучеръ.

— Вонъ, тесовыя новыя ворота, воеводская фатера,—указалъ рукой Парамонъ.

— Да нѣтъ, въ ратушу держи,—вмѣшался Михенчъ:—туды сказано.

— Знаешь ты много, чортъ! ратушу енералъ увольнилъ, закрылъ.

Карета остановилась у каменнаго, въ одинъ этажъ, воеводскаго дома, передъ крыльцомъ и воротами котораго стояла, съ пиками и шашками, кучка яицкихъ казаковъ и башкиръ. Далѣе толпился народъ.

— Гдѣ изымали?—спросилъ чей-то голосъ:—кто везетъ?

— Синдѣевскіе.

— Красный, видно, звѣрь...

— Иди, доложи.

Серафимѣ указали на крыльцо. Входя на него, она оглянулась: ея проводниковъ уже не было видно. Надвинувшаяся съ площади, горланившая толпа захлестнула ихъ своей волной. Держа младшаго ребенка на рукѣ, она съ двумя другими робко ступила черезъ порогъ сѣней.

Задержанныхъ ввели въ просторную комнату, гдѣ у стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, передъ зерцаломъ сидѣлъ широкоплечій, плотный человѣкъ, съ свѣтло-русою, широкою бородою и голубыми, красивыми глазами. То былъ опередившій самозванца, ближайшій изъ его новыхъ пособниковъ, Иванко Творогдовъ.

— Ты кто?—спросилъ онъ, оглядывая Серафиму.

Та назвала себя.

— Это твои, что-ль, малюкй?—указалъ онъ на дѣтей, жавшихся къ матери.

— Мои.

Творогóвъ оглянулся на стоявшаго за нимъ, въ синемъ кафтанѣ, молодаго казака. Серафима остолбенѣла. Въ казакѣ она узнала того офицера, который, подъ видомъ мнимо-раненаго подъ Казанью, вчера обогналъ ее и Алексѣя на дорогѣ подъ лѣсомъ.—„Эмиссаръ!“—подумала она: — „спѣшилъ сюда, на казенныхъ почтовыхъ, бунтовать народъ!“

— Это въ Прáсловѣ, что-ли, васъ остановили вчера?—спросилъ, переговоривъ съ товарищемъ, Творогòвъ.

— Да, мы ѣхали вчера черезъ какое-то село и насъ далѣе оттуда не пустили.

— А по чтò мужъ твой, али онъ тебѣ родичъ какой, отгонялъ давеча въ лѣсу царскихъ дозорцевъ? Только вотъ донесли оттоль верховые.

— То дѣйствительно былъ мой мужъ,—отвѣтила Серафима:—но набѣжали вдругъ крестьяне и чуть не до смерти напугали меня и дѣтей.

— Нѣжныя какія!—усмѣхнулся Творогòвъ:—а для-че было стрѣлять въ народъ? вѣдь убитъ, ни за што, прáсловскій кузнецъ.

Серафима не чувствовала ногъ подъ собою.

— За то отвѣтишь, съ мужемъ,—объявилъ Творогòвъ:—за убивство—знаешь чтò?

— Скажите на милость, не знаю, какъ васъ звать,—произнесла Серафима:—гдѣ же мой мужъ? живъ ли онъ?

— Найдется, красавица, по-пусту не томись!—отвѣтилъ Творогòвъ.

Онъ далъ знакъ казаку, стоявшему у дверей.

— Кликни конвой, отведи ихъ къ прочимъ, а ты, молодуха, не бойся; завтра ждемъ самого государя, онъ разберетъ твое и всякое дѣло.

Серафима, не кланяясь, молча направилась къ выходу.

— Такъ ты будешь Дугàнова? помѣщица?—спросилъ ее во слѣдъ Ивашко.

Серафима, оглянувшись, молча качнула головой.

— Гдѣ ваша вотчина?

— Возлѣ Саратова.

— Какъ звать?

— Горки.

Творогòвъ записалъ на клочкѣ бумаги ея слова.

— А ѣдете аткуль?—спросилъ онъ.

— Изъ-подъ Казани.

— Зачѣмъ тамъ были?

— Въ гостяхъ у моей крёстной.

— Какъ ее звать?

— Вдова генералъ-аншефа, Варвара Ивановна Туровцова.

Творогóвъ подумалъ, какъ бы что-то вспоминая, и сказалъ:

— Такъ, такъ, знамое дѣло... ступай, молодка, отдыхай, завтра все порѣшимъ!

Серафиму, сквозь толпу тѣснившихся, напиравшихъ другъ на друга зѣвакъ, конвойные провели въ сосѣдній, въ два яруса, домъ городской ратуши.—„Сердечная, да съ махонькими ребятками!“—слышался, при ея проходѣ, голосъ бабъ. — „Одна дорога душегубкѣ! всѣ они, дьяволы, одного сада малина!“—отзывались мужскіе голоса.

XIII.

Невысокая и длинная комната втораго яруса, куда ввели Дуга́нову, выходила окнами на площадь и во дворъ. Она была переполнена задержанными въ городѣ и окрестностяхъ дворянами. Здѣсь находилось не менѣе тридцати человѣкъ. Старые и молодые помѣщики, чиновники и отставные офицеры, женщины и дѣти, тихо разговаривая, сидѣли или лежали на скамьяхъ и прямо на полу. Въ сумеркахъ еще можно было разглядѣть ихъ блѣдныя, у нѣкоторыхъ спокойныя, у другихъ испуганныя лица и заплаканные глаза. При входѣ новой арестантки, двое-трое взглянули на нее съ состраданіемъ; прочіе — въ тупомъ отчаяніи даже не повернулись къ ней.

— Послушай, милый,—сказала вполголоса Серафима конвойному казаку, проводившему ее сюда:—тамъ, въ нашей каретѣ, узелокъ, съ закуской... достань, голубчикъ, принеси сюда дѣтямъ.

Казакъ молча вышелъ. Закуски не приносили. Серафима, съ дѣвочкой, заснувшей на ея рукахъ, сѣла къ окну, выходившему на площадь. Петя усѣлся рядомъ съ нею; Коля подошелъ къ окнамъ во дворъ.

— Мама, мама, — сказалъ ей, вполголоса, Коля, подбѣгая отъ оконъ:—смотри, что во дворѣ дѣлаютъ мальчики... да смотри же.

Серафима пошла за Колей, взглянула въ окно. Уличные ребятишки, устроивъ среди двора изъ палокъ висѣлицу, втягивали на нее веревкой за шею связаннаго котёнка. Куча взрослыхъ, надсѣдаясь отъ смѣха, слѣдила за ихъ забавой.

— Комическая репетиція—en petit—грустной и грозной трагедіи — en grand! — тихо проговорилъ кто-то, за спиной Дуга́новой.

Она оглянулась. Возлѣ нея стоялъ пожилой и высокій, нѣсколько сгорбленный господинъ, съ блѣднымъ и важнымъ лицомъ. Онъ былъ

въ сѣромъ суконномъ рединготѣ, но безъ камзола, въ батистовой, тонкой рубахѣ, съ кружевами, и въ однихъ чулкахъ, безъ сапогъ.

— Да, сударыня,—сказалъ онъ, со вздохомъ:—эти маленькіе будущіе Калигулы и Нероны репетируютъ здѣсь, за-просто, въ миніатюрѣ, то, что̀ ихъ родители и близкіе уже продѣлываютъ на площадяхъ, торжественно и въ виду всѣхъ.

Серафима въ ужасѣ отвела ребенка отъ окна.

— Отставной гвардіи капитанъ, Ѳедоръ Копьёвъ,—сказалъ, идя рядомъ съ нею и вѣжливо кланяясь, пожилой господинъ:—взятъ подъ городомъ, въ собственной усадьбѣ, и, какъ видите,—прошу извинить, — въ чемъ былъ, почти босикомъ... А мой братъ, Петръ Копьёвъ, цивильскій воевода, два дня назадъ, испыталъ въ своемъ городѣ участь той кошки, которую вы видѣли сейчасъ.

Серафима готова была разрыдаться.

— Но за что̀ же все это, за что̀?—спросила она, въ изнеможеніи опускаясь на стулъ:—вѣдь на все есть какія-нибудь основанія... тигръ, крокодилъ нападаютъ отъ голода... а здѣсь?

Копьёвъ, молча разставивъ руки, поднялъ глаза къ потолку.

— За грѣхи наши! — сказалъ онъ: — бѣднымъ и богатымъ одна участь... Нашъ родъ не изъ богатыхъ, а терпимъ тоже... Съ кѣмъ, извините, имѣю честь говорить?

Дугàнова назвала себя. Копьёвъ присѣлъ рядомъ съ нею.

— Какъ попали сюда?—спросилъ онъ:—гдѣ вашъ мужъ, родина?

Серафима обо всемъ разсказала.

— Да, ваша исторія, какъ и моя, — какъ и моего брата, одно и то же,—тяжкій сонъ на-яву!—произнесъ Копьёвъ:—а вонъ, сударыня, въ углу, у печки, господинъ, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ:—видите, въ темно-вишневомъ, бархатномъ кафтанѣ, съ золотыми кистями у петель, завитой, въ серебряной пудрѣ... Это первый въ нашемъ округѣ богачъ и мотъ, князь Сивскій... Охъ, обижалъ же онъ бѣдненькихъ сосѣдей, да какъ! не крестьянъ,—съ ними онъ дружилъ и бражничалъ,—нѣтъ, своего брата, дворянина! У того вонъ, въ суконномъ архалучкѣ, отставнаго майора Юрлова,—что спитъ, свернулся на полу, — этотъ Сивскій силой вырубилъ послѣдній лѣсъ, скосилъ въ прошломъ году все сѣно, а нынче хлѣбъ; а у этой вонъ барыни, Маковневой, и у ея брата, Дмитрія, что сидятъ у двери, загналъ скотъ, связалъ и высѣкъ ихъ управителя... Въ службѣ не былъ, грамотѣ не ученъ и не умѣетъ писать... А франтъ, внучатный племянникъ Орловыхъ,—ну, вездѣ терпѣли и вышелъ сухъ изъ воды... Попался обидчикъ, наконецъ, сюда, да что̀! Этакій выйдетъ сухонекъ и здѣсь.

— Что̀, Ѳедоръ Ильичъ, псёшь новой гостьѣ? — отозвался отъ печки мягкій, насмѣшливый голосъ Сивскаго, дремавшаго тамъ и услы-

шавшаго кое-что изъ словъ Копьёва: — раньше тебя не вздернутъ! Извините, сударыня, что вмѣшиваюсь и перебиваю. Онъ, вѣдь, у насъ святоша, даже въ скоромные дни ѣстъ постное... А лучше пусть скажетъ, какъ онъ радовался и предрекалъ, что скоро, молъ, всѣ избавимся отъ бича, вотъ и избавились.

— До-нынѣ во хмѣлю,—шепнулъ Серафимѣ Копьёвъ.

„Боже!—подумала Дуга̀нова:—въ такомъ мѣстѣ и то перекоряются, ссорятся!“

— Полно вамъ, безстыдники, спорщики, душу всю за день истерзали!—отозвалась изъ дальняго угла старушка, въ черномъ платьѣ и черномъ головномъ платкѣ: — у нея, сердечной, дѣти голодныя, сама она не своя и, чай, тоже голоднёшенька, а они языки чесать, сплётки плести, тьфу!

Старуха, вставъ, пригласила Серафиму въ свой уголъ, гдѣ сама сидѣла, съ миловидной дѣвушкой-внучкой, достала изъ какого-то свертка хлѣба, сухой рыбы и пирога, и накормила дѣтей Серафимы, убѣдивъ закусить и ее. Въ комнатѣ стемнѣло. Бывшіе въ ней, знакомые другъ съ другомъ и незнакомые, мало-по-малу затихли.

— Да, тяжкая и главная наша бѣда — общій разладъ и ссоры!— сказала старуха, разостлавъ на полу свой капотъ и мантò внучки и уложивъ на нихъ дѣтей Серафимы:—я, матушка, сама коренная здѣсь въ городѣ дворянка, вдова Наталья Прокофьевна Ульянова. Не любятъ меня за правду здѣшніе, груба, молъ, очень откровенна и зла на языкъ! А уже гдѣ тамъ зла? Истину говорю... Вотъ хоть бы и это наше тяжкое горе... Развѣ все то, что̀ наступило, случилось бы, еслибы, сказать, эти Сивскіе, да хоть бы и Копьёвы, вмѣсто перекоровъ, да тяжбъ, дружно собрались, да объяснили толково своимъ подданнымъ, какъ и что̀, вооружили ихъ и смѣло вышли бы на злодѣевъ? Почему ихъ гонятъ? трусы! а сами злодѣи чуть услышатъ—Муфель, либо графъ Меллинъ, и всѣ въ разсыпную.

— И что̀ еще удивительно, — проговорила чуть помнившая себя отъ усталости и пережитыхъ тревогъ Серафима:—какъ духовенство не поднимаетъ голоса, не толкуетъ черни?

— Да какое, мать ты моя, духовенство?—съ горечью шептала и вздыхала Ульянова: — какое оно нынче у насъ? попъ и дьякопъ въ селѣ пьяные, дьячокъ неграмотный, читаетъ по наслышкѣ... А была я, съ покойнымъ мужемъ, въ нѣметчинѣ; онъ отъ хворости вòды тамошнія пилъ... Ну, тамъ не то, куда! не токма высшіе—всѣ дружны,—чернь, почитай, вся грамотна до одного, а ужъ духовенство... да что̀ и говорить! Я не помѣщица, какъ ты, либо какъ Копьёвъ, да Сивскій, а попала сюда по доносу здѣшнихъ же соборныхъ поповъ, Евдокима да Адріяна.

— За что?

— Обнесли, что я мнимаго царя открыто зову Емелькой и воромъ. Да вѣдь онъ воръ — Емелька и есть! Свояченица маво мужа ему въ Казани, въ тюрьмѣ, и милостыню подавала, знаетъ его. Мнѣ что, вдова и сирота, некому жалѣть, въ гробъ давно гляжу... А они, бородачи, хоругви поднимаютъ, сбираются встрѣтить его, съ иконами и звономъ, а его, прости Господи, царицу Устинью на эктеньѣ поминаютъ.

Долго еще говорила Ульянова. Серафима уже не слушала ее. Примостивъ дѣтей ближе къ себѣ, она спала крѣпкимъ, тихимъ сномъ.

Арестованные, спавшіе въ повалку, гдѣ и какъ кто устроился и легъ, были разбужены шумомъ съ надворья. Утро только-что занималось. Подошедшіе къ окнамъ увидѣли, что площадь снова уже полна народомъ. Духовенство, въ облаченіи, съ хоругвями и крестами, стояло на паперти, глядя въ сосѣднюю улицу. Плотники, у церковной ограды, строили какой-то помостъ и по бокамъ его ставили столбы. Сторожа принесли заключеннымъ пищу. Князь Сивскій тщетно уговаривалъ ихъ добыть чаю, сахару и самоваръ. Пришелъ сбитеньщикъ; нѣкоторые стали пить сбитень. Сивскій, морщась, подсѣлъ къ нимъ. Серафима, выпросивъ у конвойныхъ кувшинъ воды, умыла и прибрала дѣтей. Прошло нѣсколько часовъ. — „У меня есть деньги, подумала Серафима: „— что, если подкупить стражу, вырваться, уйти?“

Сидѣвшіе у оконъ нежданно крикнули: — „ѣдетъ, ѣдетъ!“ — Всѣ всполошились, бросились къ окнамъ. Черезъ головы и спины другихъ, Серафима увидѣла въѣзжавшихъ рысью на площадь запыленныхъ, на тощихъ лошадяхъ, казаковъ. Во главѣ ихъ, на высокомъ, чаломъ конѣ, ѣхалъ, съ саблею въ рукѣ, худой и сильно-загорѣлый, глядѣвшій изподлобья, всадникъ, въ красномъ чекменѣ, въ черной, барашковой шапкѣ на-бекрень и въ наперсномъ, архимандричьемъ крестѣ, съ голубой лентой, на шеѣ.

„Пугачовъ, это Пугачовъ!“ —съ ужасомъ твердили арестованные, видя въ окна, какъ, при проѣздѣ этого всадника, у паперти преклонялись хоругви, духовенство осѣняло его крестомъ, а онъ кланялся народу, падавшему передъ нимъ, безъ шапокъ, на колѣни.

— Ваше величество, ваше..! — смѣялся князь Сивскій, кланяясь и прикладывая руку ко лбу, какъ бы къ козырьку: —обрадовалъ отецъ нашъ, спасибо! оживилъ!

— Да полно, князь, паясничать! вотъ скоморохъ, и въ такую минуту! —огрызнулась на него Наталья Прокофьевна: —мало тебя, видно, въ дѣтствѣ сѣкли.

— Бросьте его, бабенька! охота! —шопотомъ остановила Ульянову внучка.

— Вотъ и правда на землѣ!—обиженно сказалъ Сивскій:—я скоморохъ... а что же лучше, не терять ли духа, или отчаяваться и печалить другихъ? Такъ ли я говорю, товарищи по общему горю?

Никто Сивскому не отвѣтилъ. Всѣ молча глядѣли въ окна.

Пугачовъ всталъ съ лошади, взошелъ на паперть и положилъ свою руку на руку Творогова, обмотанную желтымъ шелкозымъ платкомъ. Народъ цѣлуя крестъ, протягиваемый священникомъ, тутъ же прикладывался къ рукѣ самозванца.

— Тьфу, богохульники! — не утерпѣвъ, плюнула Ульянова:—и это слуги алтаря! такъ вотъ, кажись, своими руками выщипала бы имъ бороды.

— Не торопись, тетенька, сама присягнешь!—вполголоса сказалъ Сивскій.

— А ужъ это увидимъ, кто первый поподличаетъ,—отрѣзала ему Наталья Прокофьевна, одергивая на головѣ платокъ.

XIV.

Присяга народа самозванцу была кончена. Окруженный приближенными, онъ прошелъ отъ церкви вправо, къ воеводскому дому, въ которомъ опрашивали Серафиму и котораго не было видно изъ ратуши. Толпа повалила туда къ крыльцу. Прошло болѣе часа. Мимо оконъ ратуши въ это время, то и дѣло, сновали пѣшіе и конные посланцы. Казаки провели къ воеводскому дому какого-то, съ связанными руками, хмураго и толстаго старика, очевидно, зажиточнаго купца.

— Мама,—обратился къ Серафимѣ Коля:—а котенокъ все виситъ во дворѣ...

— Не смотри туда, милый,—остановила Колю Серафима, уводя его въ глубину комнаты.

— А посмотри, бабенька, что это?—сказала внучка Ульяновой:—вотъ, вотъ у церкви.

Серафима тоже взглянула на площадь. Ея близорукіе глаза у церковной ограды увидѣли что-то тёмное и высокое, чего прежде за народомъ не было видно. То были два столба, съ перекладиной; такіе же два столба видѣлись далѣе, у деревьевъ ограды.

Сердце Серафимы упало.—„Для кого это?“ — подумала она:—„неужели и здѣсь будутъ казни? Воевода уже смѣненъ; на его мѣстѣ вчера засѣдалъ другой. Неужели смѣнённаго осудятъ, замучаютъ?“ — И ей вспомнилось прощаніе съ крёстною, ея поклонъ этому воеводѣ, благодарность за чайныя розы...—Серафима перенеслась мыслью на Волгу, въ Красный Кутъ и Горки.

— Кто здѣсь Мàковневъ? Мáковневъ Дмитрій, майоръ?—громко спросилъ казакъ, войдя, съ пикой и въ шапкѣ, къ плѣннымъ.

Всѣ молча и съ тревогой переглянулись. Отдохнувшій за ночь и подкрѣпившійся сбитнемъ, съ булкою, Мáковневъ спокойно выступилъ впередъ. Серафима со словъ Ульяновой знала, что его, съ пожилою его сестрой, привезли за двадцать верстъ изъ ихъ деревни, на телѣгѣ, связанныхъ и въ чемъ утромъ застали: ее—въ капотѣ и ночномъ чепцѣ, его—въ ситцевомъ халатѣ, тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ, и въ вышитыхъ гарусомъ башмакахъ, на босу ногу. Больная зубами, его сестра всю ночь не спала, сидя съ подвязанною щекой. Онъ, умывшись и закусивъ, смотрѣлъ свѣжо и, для утѣшенія сестры, даже весело.

— Я Мàковневъ майоръ!—отвѣтилъ онъ посланному, застегиваясь и оправляя на себѣ волосы.

— Иди, ваше благородіе, требуютъ!—сказалъ казакъ, отворяя дверь.

Мàковнева увели. Прочіе арестанты стали разсуждать, зачѣмъ и куда повели майора, о чемъ будутъ его спрашивать и чѣмъ кончится его дѣло. Серафима увидѣла, что нѣкоторые, подъ шумъ разговоровъ, молились, другіе, добывъ отъ стражи клочокъ бумаги, перо и чернилъ, писали, вѣроятно, къ ближнимъ письма. Такъ прошло не менѣе двухъ часовъ.

„А что же дѣлаетъ мнимый царь?“—подумала Серафима. Она освѣдомилась у сторожа.

— Раздавалъ батюшка милостивый деньги, потомъ дѣлилъ всѣмъ вино, теперь обѣдать сѣлъ,—отвѣтилъ сторожъ.

— Куда повели майора?

— Не могимъ знать... должно допроса въ воеводской ждетъ.

Еще прошло съ полчаса. Серафима ощупала на пальцѣ дорогой, съ изумрудомъ, перстень.—„Подкупить ихъ, бѣжать!“—мыслила она, съ дрожью ходя по комнатѣ и поглядывая на дверь, за которою стояла стража.

— Юрловъ Василій! секундъ-майоръ Юрловъ!—объявилъ тотъ же казакъ, снова войдя въ комнату.

Отставной кавалеристъ и страстный охотникъ, Юрловъ былъ схваченъ подъ городомъ, при переправѣ черезъ Суру. Прослышавъ о переправѣ Пугачова черезъ Волгу, онъ затѣялъ бѣжать изъ своего помѣстья въ Москву и для того нарядился мѣщаниномъ, въ поношенную сѣрую поддёвку и въ длинные, смазные сапоги, а для большей неузнаваемости даже по-мужицки остригся, въ скобку. Собственный его

пьянчужка егерь, ѣздившій въ Курмышъ за лѣкарствомъ для собакъ, узналъ его и разболталъ о немъ на переправѣ.

— Прощайте, други,—сказалъ Юрловъ, кланяясь и, какъ ни былъ взволнованъ, стараясь улыбнуться товарищамъ по заключенію:—не поминайте лихомъ. Коньёвъ!.. заберите борзыхъ, коли пришибутъ.

— Полноте, мужайтесь!—успокоивалъ его Коньевъ:—все это, дастъ Богъ, кончится благополучно.

— Да я и не смущаюсь!—отвѣтилъ Юрловъ:—какъ это сказано? Dieu ne peut, roi ne daigne, Rohan... Сирѣчь Юрловъ—je suis! salut, mesdames et messieurs!

Юрловъ, поклонясь, вышелъ. За нимъ, черезъ нѣкоторое время, потребовали Ульянову.

— Дворянка Наталья Ульянова!—послышался голосъ конвойнаго:—кто здѣсь Ульянова?

Наталья Прокофьевна молча встала. Помолясь въ окно на церковь, она обняла внучку, трижды перекрестила ее, поцѣловала, и когда та, прощаясь съ бабкой, горько заплакала, старуха снова перекрестила её и, цѣлуя, тихо сказала ей, въ утѣшеніе, нѣсколько теплыхъ, ободряющихъ словъ.

— Ну, а теперь вы, Серафима Львовна! честная любящая мать!—обратилась Ульянова къ Дугáновой, отводя ее въ сторону: — иду въ отверстый зѣвъ лютаго тигра и, ужъ такъ думаю, меня ему не пощадить. Прости, родная! сохранитъ тебя Господь, побереги Сончку, мою сироту. Да сейчасъ, постылый, дай проститься!—крикнула Наталья Прокофьевна казаку, звавшему ее вторично:—не на радость иду, вернусь ли?

Голосъ старухи дрогнулъ. Слезы побѣжали по ея блѣдному, морщинистому лицу. Серафима обняла ее, поцѣловала въ плечо и стала утѣшать.

— Пощада, прощеніе? нѣтъ, добрая, стой, не говори,—перебила ее старуха:—развѣ не видишь? никто изъ позванныхъ къ злодѣю не возвратился... Сама, разумная, молись; проси у Господа жизни для малыхъ твоихъ дѣтокъ. Не скрою, и твоя участь на волоскѣ,—заключила Ульянова, строго и важно смотря въ глаза Дугáновой:—будь готова, понимаешь, ко всему, хоть и думается мнѣ, за что гибнуть такой красивой, доброй, да молодой? Да, сердечная, жди всего... вонъ, гляди, всѣ прочіе поняли, убиваются... и князь-скоморохъ плачетъ!

Серафима оглянулась. Щеголь Сивскій, ухвативъ себя за волосы, сидѣлъ въ дальнемъ углу, склонясь къ колѣнямъ. Его плечи тихо вздрагивали отъ заглушенныхъ слезъ. На новый зовъ конвойнаго Ульянова, крестясь и шепча молитву, низко поклонилась всѣмъ и молча вышла за дверь.

„Не возвращаются, точно падаютъ въ пропасть!“ —въ мучительной тревогѣ думала Серафима: — „неужели суждено не возвратиться и этой бѣдной старухѣ? да что же съ ними дѣлаютъ?“ —Кто-то, идя по комнатѣ, взглянулъ въ окно на площадь и въ ужасѣ что-то вскрикнулъ. Всѣ снова бросились къ окнамъ. Поднялись отчаянные вопли, рыданія. — „Боже мой! что они видятъ тамъ?“ —замирая, думала Серафима. Растерянныя, съ обезумѣвшими лицами, женщины, ломая руки и продолжая что-то кричать, метались по комнатѣ. Блѣдный, потерявшійся, какъ всѣ, съ испуганными глазами и развившеюся косой, князь Сивскій, припавъ къ полу, приводилъ въ чувство упавшую въ обморокъ внучку Ульяновой. Серафима вспомнила о висѣлицахъ, стоявшихъ на площади. — „Вотъ о чемъ ужасъ и крики!“ —сказала она себѣ и, съ мыслью о перстнѣ, о спасеніи, схвативъ дѣтей, бросилась къ выходу. — „Бѣжать, бѣжать“ —мыслила она.

Дверь отворилась. У порога стоялъ тотъ же конвойный.

— Помѣщица Дуга́нова и капитанъ Копьёвъ! —сказалъ онъ, глядя на плѣнныхъ.

„Кого это онъ зоветъ?“ —подумала Серафима, видя, что на нее всѣ смотрятъ. Она не двигалась съ мѣста. Подошелъ сумрачный, сгорбленный Копьёвъ.

— Васъ и меня,—сказалъ онъ тихо, оправляя на себѣ платье.

Серафима бросилась къ дѣтямъ, прижала ихъ къ углу и, заграждая ихъ, обернулась.

— Не смѣйте трогать дѣтей! не отдамъ! уходите! —кричала она, не помня себя.

Конвойный выглянулъ за дверь; оттуда вышло нѣсколько сторожей.

— Возьмите деньги! это кольцо! у насъ много, алмазы! —вопила, дрожа и плача, Серафима: —меня берите, ведите на казнь, оставьте дѣтей.

Сторожа подошли къ Дуга́новой, отстранили ее, подняли на руки плачущихъ и рвавшихся къ ней дѣтей и понесли ихъ изъ комнаты. Серафима, поддерживаемая Копьёвымъ, послѣдовала за ними.

— Du calme, chére dame, du calme devant ces brigands! —успокоивалъ ее блѣдный, старавшійся идти твердою поступью, Копьёвъ: — on vous rendra la liberté et vous partirez...

Шумъ и говоръ тысячеголовой толпы оглушилъ Серафиму, едва она вышла на площадь. На крыльцѣ воеводскаго дома, куда ее подвели, передъ широко разступившимся народомъ, на стулѣ съ высокою спинкой, опершись руками въ колѣни, сидѣлъ тотъ загорѣлый и бородатый, въ красномъ кафтанѣ, всадникъ, котораго Серафимѣ называли Пугачовымъ. Онъ исподлобья глядѣлъ на подходившихъ новыхъ арестантовъ. Сердце Серафимы сильно билось. Не слыша за собою шаговъ

стражи, несшей ея дѣтей, она замедлилась у крыльца и оглянулась. Копьёвъ, слѣдуя за нею, пристально смотрѣлъ на Пугачова и на вооруженныхъ его охранниковъ, стоявшихъ по бокамъ подъѣзда.

— Ты, сударыня, первая! стань ближе, сюда!—услышала Серафима грубый и хриплый голосъ съ крыльца.

Она медленно поднялась на нижнюю, крылечную ступеньку. Дѣтей поставили съ нею рядомъ. Гдѣ-то за народомъ, на углу ближней улицы, Серафима увидѣла свою карету, на козлахъ которой, вмѣсто Филиппа, сидѣлъ, въ лохматой шапкѣ, косоглазый калмыкъ. Пугачовъ, посмотрѣвъ на арестантку, обернулся къ стоявшему за его стуломъ Творогову и тихо ему сказалъ: „А вѣдь красавица какая!“—Творогóвъ сталъ ему что-то говорить.

XV.

Прошло нѣсколько минутъ. Видя устремленные на себя глаза смолкшей и какъ бы ждавшей чего-то толпы, Серафима переживала мучительныя мгновенія. Тысячи мыслей, образовъ и воспоминаній проносились передъ нею. „Гдѣ я? неужели, наконецъ, передъ этимъ извергомъ, о которомъ столько говорили и который вездѣ вселялъ столько ужаса? — мыслила она, разглядывая Пугачова:—вотъ онъ, облитый кровью, замучившій десятки, сотни жертвъ, таинственный для многихъ, непонятный и для меня, царь-мужикъ! Онъ взялъ рядъ крѣпостей, осаждалъ Оренбургъ, сжегъ Казань и теперь идетъ на Москву. Что опъ мнѣ скажетъ, зачѣмъ меня позвалъ?“—Дугáновой вспомнились ея дѣтскіе годы, пансіонскія мечты съ Марй, ея свадьба и жизнь въ Горкахъ, пріѣздъ съ мужемъ въ Москву, безумный побѣгъ съ Прядышевымъ и появленіе Глѣба въ Кіевѣ.—„Отчего, вмѣсто Глѣба, не догналъ насъ тогда Алексѣй?—спрашивала себя Серафима:—зачѣмъ меня простилъ онъ, не убилъ насъ тогда на мѣстѣ?“

— Ты вдовая, али есть и мужъ?—послышался съ крыльца тотъ же хриплый и грубый голосъ.

Дугáнова поняла, что ее спрашиваетъ Пугачовъ.

— Замужняя,—отвѣтила она.

— Твои это дѣти?

— Мои, — проговорила Серафима, потупясь и судорожно гладя тонкими, бѣлыми пальцами растрепанныя и вспотѣвшія головки дѣтей.

— Помѣщица! лиходѣйка!—громко, чтобъ всѣ слышали, произнесъ Пугачовъ:—много вы тиранили, пили людской крови, попробуйте нонѣ, какова своя!

Серафима вытянулась, подняла глаза на самозванца.

— Никого наша семья не тиранила,—сказала она:—можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ, хоть не слышала и не знаю... можетъ, другіе люди,—говорила она, спѣша и обрываясь:—наши же дѣды и отцы, мы съ мужемъ, клянусь всѣмъ святымъ, заботились о подданныхъ, кормили ихъ въ голодные годы и всѣмъ жертвовали для нихъ.

— Вотчина подъ Саратовымъ, что ли?—подумавъ, спросилъ самозванецъ, глядя на Творогова:—а есть родичи у тебя въ Малороссіи... на Донцѣ? намъ сказывали о нихъ.

— Золовка тамъ жила, мужнинаго брата жена,—тихо отвѣтила Серафима.

— И нонче она тамъ?

— Не знаю, недавно гостила въ нашей вотчинѣ, на Волгѣ...

— Такъ вы проѣзжіе, дальніе... ладно! Авось и насъ приведетъ Господь въ Саратовъ, сами повидимъ и разспросимъ,—сказалъ Пугачовъ:—а это дѣти твои, наслѣдники? У меня самого, чай, знаешь, тоже сынъ, Павелъ... Смотри же, молодуха, найдется твой мужъ, и коли что да не такъ, не сдобровать тебѣ и съ хозяиномъ. По многимъ изъ вашихъ веревка плачетъ...

— Ейный мужъ, ваше величество, вчера стрѣлялъ по народу,—замѣтилъ Творогова:—двухъ ранилъ, одного убилъ; для-ради примѣра, надёжа-государь, станичники просятъ и ее тожъ, съ прочими...

Серафима вздрогнула, чуть устояла. Она силилась что-то сказать и не могла. Кровь стучала ей въ голову.

— Видѣла, красавица, наши качели?—спросилъ, глядя на нее, Пугачовъ.

Серафима молчала.

— Ейнаго мужа, батюшка, ищутъ и вотъ-вотъ найдутъ,—сказалъ Творогова:—а пока судъ да дѣло, вѣдь она въ отвѣтѣ!

Пугачову жаль было молодой и красивой арестантки, но она уже очень смѣло глядѣла на него и не стѣснялась отвѣтомъ.

— Наши подданные всѣ равны передъ нами,—произнесъ самозванецъ, возвышая голосъ:—ослушнику одна доля. Взгляни, сударыня, на висюлю, не опознаешь ли тутъ кого изъ знакомцевъ?—прибавилъ онъ, указывая на церковь.

Въ прогалину между народомъ, у церковной ограды, были видны обѣ висѣлицы. На одной, въ мундирѣ и треуголкѣ, со шпагой, висѣлъ тощій и длинный какой-то канцелярист; рядомъ съ нимъ—полный, съ сѣдою бородою, купецъ. На другой висѣлицѣ Серафима разглядѣла нѣчто ужасное. Съ высокой перекладины спускались знакомые ей—халатъ тѣлеснаго цвѣта, съ пуговками, въ видѣ бомбочекъ, сѣрая мѣщанская чуйка и длинное, съ оторочкой, черное платье. Серафима узнала Юрлова, Маковнева и Ульянову... Она вскрикнула,

пошатнулась и безъ чувствъ упала со ступени на руки стоявшаго возлѣ нея Копьёва.

— Жидка на расплату! крупчатая! — слышалось въ толпѣ казаковъ.

— Ну, а ты, братъ крамольника и самъ бунтовщикъ!—обратился самозванецъ къ Копьёву:—оставь-ка барыню, досмотрятъ ее и другіе; брата тваво, за упорство, порѣшили... ну, а ты какъ? признаешь ли меня государемъ?

Копьёвъ стоялъ молча. Его блѣдное лицо стало еще блѣднѣй; глаза были опущены къ землѣ, впалая грудь дышала тяжело.

— Что же молчишь?—спросилъ самозванецъ:—отвѣчай, слушаемъ.

— Боже-Господи, Вседержитель!—проговорилъ Копьёвъ, медленно крестясь на церковь и кланяясь:—поддержи мя, грѣшнаго! укрѣпи милостью Твоею, не попусти...

Пугачовъ махнулъ рукой. Казаки бросились на Копьёва, связали ему руки и повели къ церкви.

— Слѣдующаго!—крикнулъ Пугачовъ, оглядываясь на ратушу, у воротъ которой шла свалка.

Съ крикомъ и гамомъ конвойная стража, одолѣвъ новаго, боровшагося руками и ногами, арестанта, вела его изъ ратуши. Онъ вырвался; его поймали и за волосы тащили къ крыльцу. То былъ князь Сивскій. Темновишневый, бархатный кафтанъ на немъ былъ разорванъ; багровое отъ натуги, искаженное бѣшенствомъ, лицо было окровавлено.

— Каины, изверги!—кричалъ онъ, силясь вырваться:—я потворствовалъ черни, насильничалъ надъ равными себѣ... Господь покаралъ, но я не повиненъ въ человѣческой крови! не мнѣ, а вашему названцу быть на висѣлицѣ, и онъ приметъ казнь... Какой онъ царь? душегубъ, кровопійца и Каинъ, какъ вы всѣ!

— Бей его, души!—крикнулъ съ крыльца Твороговъ.

Самозванецъ далъ знакъ. Сивскаго потащили къ церкви, рубя его по плечамъ саблями.

— Убрать и эту!—произнесъ Пугачовъ, отворачиваясь и указывая на лежавшую безъ чувствъ Серафиму.

Ее подняли на руки и понесли вслѣдъ за Сивскимъ.

— А этихъ?—спросилъ Твороговъ, указывая ногой на дѣтей Серафимы, прижатыхъ толпою внизу крыльца.

— Что хошь съ ними! хоть удави и ихъ, чертенятъ!—отвѣтилъ самозванецъ, вставая со стула и пристально глядя, черезъ толпу, въ сосѣднюю улицу.

Оттуда къ площади, изъ-за церкви, быстро приближался верховой казакъ. Доѣхавъ до крыльца, въ то время, когда народъ сталъ тѣс-

ниться къ церкви, за новыми обреченными на смерть, казакъ спрыгнулъ съ коня и, подойдя къ Творогову, что-то проговорилъ ему, запыхавшись.

— Въ чемъ дѣло? откуда?—спросилъ самозванецъ.

— Уланы, графъ Меллинъ!—отвѣтилъ, вполголоса, Творогвъ:—переправились въ бродъ, черезъ Суру́, у Пря́словой, видѣли пастухи...

Пугачовъ молчалъ, пощипывая бороду. Лѣвый глазъ его щурился.—„Неужели перестрѣли? неужели конецъ?“—думалъ онъ.

— Спасайся, государь, что же медлишь?—сказалъ Творогвъ:—аль у всѣхъ у насъ двойные животы?

Пугачовъ опомнился, выступилъ на край крыльца.

— На конь, ребята, оружайся!—зычнымъ голосомъ крикнулъ онъ, глянувъ направо и налѣво:—поздравляю, дѣтушки! идемъ далѣе, на Москву!

Толпа, напиравшая къ церкви, отхлынула назадъ. Одни стояли въ недоумѣніи, другіе бросались изъ стороны въ сторону. Пугачовъ и его приближенные стали садиться на подведенныхъ лошадей. Карета Дуга́новой, съ выглядывавшею изъ нея женскою свитой самозванца, двинулась по площади и, обогнувъ ближній домъ, скрылась за угломъ, направо. За нею сталъ вытягиваться конный обозъ самозванца. Нагруженные добычей возы и телѣги скрипѣли; въ облакахъ пыли слышались удары кнутовъ и крики погонщиковъ. Выѣзжавшіе изъ сосѣднихъ дворовъ казаки, калмыки и башкиры строились у воеводскаго дома. Почуявшіе бѣду горожане разбѣгались съ площади.

Очнувшись у церковной ограды, брошенная здѣсь конвойными, Серафима увидѣла бѣгство толпы, сквозь которую нѣсколько мужиковъ и мѣщанъ тащили по площади блѣднаго, со связанными руками, Коньёва.

— Да бросьте, не успѣете! сами спасайтесь!—сказалъ кто-то, убѣгая за толпой.

Дуга́нова поняла, что нѣчто грозное и роковое для мятежниковъ и благодатное для ихъ жертвъ вставало откуда-то, близилось, и что она сама еще, въ это мгновеніе, могла бы спастись. Она собрала послѣднія усилія, встала и бросилась бѣжать...

— Мама! мама!—послышались ей знакомые голоса.

Серафима оглянулась и увидѣла, среди казаковъ и мужиковъ, тащившихъ къ висѣлицѣ Коньёва, своихъ дѣтей, рванулась къ нимъ и ухватилась за рослаго бородача, державшаго младшаго ребенка. Мужикъ съ силой оттолкнулъ ее, такъ что она чуть не упала.

— Что съ ними валандаться?.. долбонй ихъ, Терёха! съ барыни починъ!—раздался голосъ сзади Дуга́новой.

Увѣсистая дубина поднялась и размахнулась въ воздухѣ. Кровь брызнула, деревья у ограды покрылись красными пятнами.

— Скачутъ, скачутъ!—крикнулъ Творогóвъ, еще стоявшій на воеводскомъ крыльцѣ, указывая рукою по другую сторону церкви.

Пугачовъ приподнялся на стременахъ. Черезъ головы народа онъ увидѣлъ двухъ всадниковъ, въѣзжавшихъ слѣва на площадь, сквозь бѣжавшую имъ на-встрѣчу толпу.

— Да что вы, черти!—досадливо вскрикнулъ самозванецъ:—то не уланы, а наши—Баранка, да Ѳедька Прядышевъ... эвоси, за оградой. Отбой, братцы, отбой!

Сказавъ это, Пугачовъ взялся за сѣдло, слѣзая съ коня. Но съ правой стороны площади, откуда примчался первый вѣстовщикъ, показался новый верховой „графъ Панинъ“—первый есаулъ самозванца, хромой Овчинниковъ.

— Сполóхъ, батюшка, сполóхъ! — кричалъ онъ во весь голосъ, махая шапкой: — гренадеры въ городѣ, прошли задворками... стража проглядѣла... уланы!.. спасайся!

Пугачовъ взглянулъ на ближайшихъ изъ сообщниковъ и молча оправилъ на себѣ кафтанъ и оружіе. Его черные глаза смѣло свѣтились.

— За мной, братцы-атаманы!—крикнулъ онъ, стегнувъ изъ всей силы по коню:—наша стёжка не исхожена еще, не изъѣзжена!

Начальство, стража и весь казацкій отрядъ поскакали за самозванцемъ.

— Куда теперича?—спросилъ, ровняясь съ нимъ, при выѣздѣ изъ Курмыша, Творогóвъ.

Самозванецъ молчалъ.

— На Москву, что ли?—спросилъ, догнавъ его, Овчинниковъ, въ силу сдерживая взятаго въ обозѣ, новаго коня.

— Да что, братцы-станичники? нешто не видите? проспали!—сердито отвѣтилъ самозванецъ:—куда на Москву? къ низу, къ Волгѣ ближе, въ Алатырь!

— Ну, а задержанные, рѣшепные?—освѣдомился Творогóвъ:—мало ли взято? нешто такъ и бросить? у одного князя сколько пожитковъ, всякаго добра.

— Баранка-пёсъ разсудитъ, да и Ѳедька маху, чай, не дастъ, коли успѣютъ и не передавятъ дьяволовъ, самихъ!—отвѣтилъ, не оглядываясь, Пугачовъ.

XVI.

Очутившись пѣшкомъ и безъ оружія въ лѣсу, не вдали отъ Курмыша, Алексѣй Дугáновъ выбрался съ трудомъ изъ чащи на берегъ рѣки и, увидѣвъ оттуда крышу мельницы, къ которой подъѣзжалъ наканунѣ, ускорилъ шаги.

„Добуду у мельника хоть ломоть хлѣба,—разсуждалъ онъ:—а если удастся, то, укрывшись тамъ, выжду и развѣдаю, какъ быть далѣе“.

День становился жарче. Рѣка, сверкавшая на солнцѣ въ серединѣ, у берега манила затишьемъ и прохладой.

„Дай, кстати, выкупаюсь“—пришло въ голову Алексѣю:—„освѣжусь здѣсь, пока, на безлюдьѣ, въ тѣни деревьевъ; далѣе, у мельницы, еще кого-нибудь встрѣтишь, будетъ не до того“.

Алексѣй, пологимъ берегомъ, спустился къ рѣкѣ, раздѣлся, положилъ возлѣ себя, подъ деревомъ, платье, обувь и шляпу и вошелъ въ воду. Рѣка тихо плескалась о пустынный, зеленый берегъ. Кузнечики звонко стрекотали въ травѣ; ласточки, съ веселымъ писком, рѣяли надъ камышомъ и водой, ловя мошекъ. Желтые и бѣлые мотыльки мелькали между спящими, въ знойной тишинѣ, кустами. Алексѣй, съ наслажденіемъ до-нельзя измореннаго человѣка, нѣсколько разъ погрузился въ прохладную, свѣтлую воду и собирался снова окунуться.

Надъ рѣкой послышался странный звукъ. Какъ бы кто-то ухарски гйкнулъ вдали. За этимъ окликомъ въ лѣсной глубинѣ раздались другіе звуки, — ближе и ближе. Явственно сталъ слышенъ конскій бѣгъ, а вскорѣ и голоса нѣсколькихъ всадниковъ, несшихся изъ лѣса къ рѣкѣ.—„Пастухи!“—подумалъ-было Алексѣй:—„гонятъ табунъ къ водопою“... „Нѣтъ“—рѣшилъ онъ тутъ же:—„не пастухи! это погоня за мной, меня ищутъ! надо спасаться!“—Бросившись къ одеждѣ, онъ сообразилъ, что одѣться уже не успѣетъ, схватилъ платье, обувь и шляпу, быстро спряталъ ихъ далѣе, подъ деревья, въ траву, и съ мыслью:—„Тутъ нельзя оставаться, замѣтятъ!“ — поплылъ изъ всѣхъ силъ къ противоположному берегу, гдѣ и забился подъ старую, развѣсистую иву, склонившую вѣтви къ водѣ.

Рѣка здѣсь была еще глубже. Алексѣй, не доставъ ея дна, ухватился за толстый ивовый сукъ. На берегу, отъ котораго онъ только что отплылъ, показался небольшой отрядъ вооруженныхъ казаковъ. Истомленныя лошади, тяжело дыша, едва переступали ногами. Потные, запачканные пылью, всадники, въ разстегнутыхъ кафтанахъ и съ шапками на затылкѣ, ѣхали, очевидно, послѣ долгой и быстрой гоньбы, покачиваясь отъ жары и истомы.

— А что, ребята, закусить бы тутъ? — сказалъ ѣхавшій ближе другихъ къ рѣкѣ, бритоголовый, въ татарской тюбетéйкѣ, бородачъ.

— Слышь, Ѳедька, — окрикнули казаки всадника, нѣсколько отставшаго отъ нихъ:—Баранка баетъ, закусить, а ты думалъ купаться. И ладно бы съ похмѣлья-то... попаслись бы малость и кони. Что говорилъ проводникъ? далеко ли до Курмыша?

— Будетъ сперва село, тамъ переправа и городъ, верстъ семь.

— Слѣзай, братцы! дѣдко Устинъ, привалъ!—послышались голоса: —еще успѣемъ. Въ Ядринѣ наложили въ спину, и не донесешь!

Всадники спѣшились, напоили, стреножили и пустили на траву лошадей; отвязавъ съ сѣделъ торбы, они раздѣлись и стали купаться. Первые вошли въ воду бережно, прочіе стали бросаться въ нее съ разбѣга.—„Микѝшка—пёсъ! не замай!“—кричали одни.—„Ой, Ванька, дьяволъ, лѡскотно!“—отзывались другіе, барахтаясь другъ съ другомъ у берега и взбивая руками и ногами столбы воды. Спины и плечи у нѣкоторыхъ были въ синякахъ.—„Одначе, нѣмецъ-то на память тебѣ всыпалъ!“—смѣялся красивый, молодой парень, плывя на спинѣ у берега: — „порохъ разстрѣляли царицыны объѣдки... а гнались же, дьяволы!“—„Дна, братцы, нѣту-ти! прощай, Пашу́тка!“—откликнулся другой парень, съ повязанной, окровавленной головой, выплывъ на серединѣ рѣки и, съ поднятыми руками, ныряя въ глубину:—„вода-то, вода!“—„Вотъ ужъ Ѳедька придумалъ, удружилъ!“—толковали старшіе изъ казаковъ, выйдя на берегъ и, съ пріятною дрожью, отираясь пучками мягкой осоки.—„А у тебя, дѣдко Устинъ, съ нѣмецкой бани-то, индо чернила по брюху съ бороды потекли!“—острила молодежь надъ вымывшимся сѣдымъ есауломъ.—„Вѣничковъ, ребята, нарѣзали бы, да и впрямь попарили бы лысаго!“—крикнулъ съ рѣки парень, нырявшій на дно.

„Боже Господи!“—замиралъ, тѣмъ временемъ, у другаго берега, подъ ивой, Алексѣй Дугáновъ:—„что, какъ найдутъ мое платье? расположились невдали,—откроютъ и меня“.

Казаки, одинъ за другимъ, вышли изъ воды, одѣлись, размѣстились подъ деревьями, развязали торбы и стали ѣсть.—„Устинъ Наумычъ, у тебя въ баклагѣ не высохло?“—спросилъ кто-то.—„Есть, дѣтушки, пейте!“—отвѣтилъ старикъ, подавая боченокъ.—„Графская?“—„Она! первый сортъ, крѣпы́шъ!“—„А бился пузатый, какъ тянули на ре́лю!“—замѣтилъ первый, выпившій изъ баклаги. Всѣ захохотали.—„Какъ ты, Наумычъ, допросъ ему чинилъ?“—„Да что, сколько уже сказывалъ!“—„Скажи еще!“—„Сняли это съ него часы, кафтанъ и нарядный такой, съ позументомъ камзольчикъ“—говорилъ есаулъ, щурясь на сотрапезниковъ смѣющимися глазами:—„ну, и связали его, надѣли петельку.—а Макаровъ да Ахмéтка стали на древо и тянутъ. Я велѣлъ маленько ослобонить его и спрашиваю:—„что, ваше графское сіятельство, горька смерть?“—„Охъ, горька, горька!“—плачетъ онъ и хрипитъ... Я кивнулъ, его и вздернули... вотъ отъ него и крѣпы́шъ!“—Дружный хохотъ казаковъ покрылъ слова старика.

„Найдутъ, откроютъ!“—съ приливомъ новаго ужаса, думалъ Алексѣй, держась за дерево. по горло въ водѣ:—„кто-нибудь отойдетъ къ сторонѣ и наткнется“.

Казаки, закусивъ, увязали снова торбы, улеглись въ повалку подъ деревьями и заснули. Прошло болѣе часу. Алексѣй выглянулъ изъ-подъ ивы. Казаки еще спали. Лошади, фыркая и отмахиваясь головами и хвостами отъ мухъ и шмелей, паслись, разсыпавшись по берегу. На солнце надвинулось облако. Тѣнь застлала рѣку, деревья и лошадей. Бритая, безъ шапки, голова поднялась надъ спящими, сонно оглянула ихъ и снова опустилась подъ дерево. Еще прошло съ полчаса.

— Ну, ребята, вставайте, пора!—раздался голосъ есаула.

Казаки встали, потягиваясь. Дѣдъ Устинъ уже взнуздывалъ своего коня.

— А что, Ѳедоръ, еще бы пополоскаться?—сказалъ кто-то:—какъ писалъ Ивашко? гдѣ къ батюшкѣ-царю сборъ?

— Въ Курмышѣ,—отвѣтилъ за писаря Устинъ.

— Да мы мигомъ, еще по малости...

Нѣкоторые снова раздѣлись и бултыхнулись въ воду.

— На конь! ребята, на конь! — командовалъ уже строго дѣдъ Устинъ, ходя по берегу, съ писаремъ, походка и лицо котораго Алексѣю показались какъ бы знакомыми.

„Гдѣ я его видѣлъ, гдѣ встрѣчалъ?“—раздумывалъ Алексѣй, едва держась за вѣтви.

Казаки растреножили, снова напоили лошадей, сѣли на нихъ и, двинувшись берегомъ, скрылись въ извилинахъ поросшаго кустами, прибрежнаго проселка. Алексѣй выждалъ, пока затихли звуки копытъ, бережно выплылъ изъ-подъ ивы, оглядѣлся кругомъ и, доплывъ къ берегу, гдѣ оставилъ платье и обувь, началъ одѣваться. Окоченѣлые, сморщенные отъ воды, пальцы едва ему служили. Все его тѣло намокло и вспухло. Стуча зубами отъ холода, онъ кое-какъ одѣлся и, чтобъ скорѣе согрѣться, быстро пошелъ къ мельницѣ, которую заслонялъ песчаный, поросшій ельникомъ, пригорокъ. Прислушиваясь къ малѣйшему шороху и оглядываясь, Алексѣй поднялся на пригорокъ, миновалъ ельникъ и обмеръ.

Мельница была отъ этого мѣста въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ. Не доходя до нея, по тотъ бокъ рѣки, Алексѣй увидѣлъ худую и пожилую бабу, которой до той минуты онъ не замѣчалъ и которая, полоща тамъ бѣлье, очевидно слѣдила за нимъ съ того берега. Выйдя изъ-за кустовъ, она кому-то махала рукой на мельницу, указывая на Алексѣя и какъ бы говоря: — „Глядите, вотъ онъ!“—У мельничной плотины виднѣлись три всадника, отставшіе отъ прочаго отряда и о чемъ-то до той минуты говорившіе съ мельникомъ. Алексѣй со всѣхъ ногъ бросился съ пригорка въ лѣсъ; но его у мельницы увидѣли. Всадники поскакали за нимъ.

— Не уйдешь, сдавайся!—кричали они.

Алексѣй бѣжалъ, пробираясь сквозь вѣтви и прыгая черезъ валежникъ и кочки. Гущина деревьевъ стала скоро рѣдѣть. Между вѣтвей замелькали широкіе просвѣты, обозначилась поляна, а за нею еще болѣе густой лѣсъ. Всадники настигали Дуга́нова.—„Не уйдешь, говорятъ тебѣ, верзи́ло! не заяцъ!“—слышались ихъ голоса. Алексѣй побѣжалъ по полянѣ. Сзади его раздался выстрѣлъ.—„Миновало!“—съ радостью подумалъ Алексѣй, перемахнувъ черезъ поляну и въ ея концѣ чувствуя, какъ бы что-то вцѣпилось въ его ногу. Онъ сдѣлалъ еще усиліе и покачнулся. Ноги его подкосились; онъ съ размаха упалъ лицомъ въ траву.

— Вяжи его, долговязаго! баринъ и есть... ишь, умаялся, какъ дышетъ! снимай, Петруха, поясъ,—въ торока́ его!—раздавались надъ нимъ голоса.

Алексѣй лежалъ неподвижно. Въ лѣвой голени онъ ощущалъ нестерпимую боль. Его чулокъ и штиблеты пропитывались сочившеюся изъ ноги кровью.

— Зачѣмъ его вязать? не убѣжитъ, помѣченъ!—сказалъ одинъ изъ всадниковъ:—слѣзай, Мики́шка, бери, и такъ довеземъ.

— Эдакого-то бо́рова? а мнѣ пѣшему, что ли? Самъ слѣзай.

— До мельника, покамѣсть, чортова голова! у него повозка... дичина, видать, не малая; ишь, какова одёжа! батюшка отблагодаритъ! Тутошніе его ищутъ,—семья его, сказываютъ, ушла отъ нихъ...

XVII.

Казаки подняли Алексѣя, посадили на одну изъ лошадей, а сами, съ лошадьми въ поводу, пошли пѣшкомъ. На всѣ разспросы, кто онъ, откуда и какъ сюда попалъ, Алексѣй не отзывался. Отъ потери крови, онъ едва сидѣлъ, а у мельницы уже не могъ встать съ лошади и едва помнилъ себя. Его сняли и положили подъ плотиной. Сюда, между тѣмъ, на выстрѣлъ въ лѣсу, примчались посланные есауломъ другіе изъ всадниковъ, уѣхавшихъ впередъ, и съ ними писарь.

— Боже Господи, кого вижу!—проговорилъ писарь, нагнувшись и взглянувъ въ лицо Алексѣя.

— Ты его знаешь?—спросили казаки.

— Да, да... еще бы!.. давай, Сидоровъ, ручникъ, нужно ему повязку!—отвѣтилъ писарь:—а ты, старикъ,—обратился онъ къ мельнику:—запрягай повозку, вези арестанта.

— Помилуй, сударь,—взмолился мельникъ:—одна у насъ лошадушка и та еле ходитъ, захромала, уволь!

Сидоровъ дернулъ старика по спинѣ нагайкой. Тотъ заметался,

проворно вывелъ изъ закуты сытую и здоровую лошадь и сталъ ее запрягать. Его старуха, указавшая казакамъ барина, принесла, по приказу писаря, ведро воды.

„Неужели это Прядышевъ?“ — думалъ, видя и слыша все, какъ сквозь сонъ, Алексѣй: „тотъ же голосъ, видъ, остриженъ по-мужицки, казацкая одежда... онъ, онъ!“ Алексѣй хотѣлъ къ нему обратиться, сказать: „ты похищалъ мою жену, оскорбилъ насъ, опозорилъ... искупи же свой проступокъ, — видишь, что со мной, спаси меня“... Губы Алексѣя беззвучно шевелились. Полоса густаго тумана надвигалась на его глаза. Онъ окончательно потерялъ сознаніе.

— „Дугановъ, Алексѣй Андреичъ! вотъ гдѣ свела судьба, гдѣ свидѣлись!“—разсуждалъ Прядышевъ, разувъ Алексѣя и обмывая рану на его ногѣ: „думалъ ли я въ Москвѣ? думалъ ли я въ Кіевѣ? Не онъ виноватъ, его своякъ! Не обери меня Пантюшка, да не догони тотъ насъ тогда, въ Кіевѣ, не разстаться бы мнѣ съ Серафимой, не очутиться бы здѣсь! Треклятый проповѣдникъ, сухарь! не попался ты мнѣ послѣ, разсчитался бы я съ тобой!“

— Вези его,—сказалъ Прядышевъ мельнику, когда рана Алексѣя была перевязана и его уложили на солому, въ телѣгу:—не отставать отъ насъ, въ городъ! разберемъ!

— А намъ, Ѳедоръ Саввичъ, провожать его? будетъ награда?— спросили казаки, поймавшіе Алексѣя.

Прядышевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сѣлъ на коня и направился отъ мельницы. Пріѣхавшіе съ нимъ казаки послѣдовали за нимъ. „Мужъ здѣсь, значитъ, и жена его не далеко!“—мыслилъ Ѳедоръ: „это ясно... онъ шелъ пѣшій, жену его, съ дѣтьми, полагать надо, задержали... Но гдѣ она, что съ нею? Не иначе, какъ въ городѣ! Тамъ Творогово,—туда ждутъ и царя... надо спасти ихъ! неужели не успѣю?“ Прядышевъ погналъ лошадь; его провожатые едва поспѣвали за нимъ.

Лѣсъ скоро кончился. Вправо обозначилась ограда монастыря, прямо село Прялово, за нимъ рѣка, за рѣкою виднѣлись церкви Курмыша.

— Ты, Ѳедоръ, выходитъ, знаешь этого барина?—спросилъ Баранка, дожидавшійся Прядышева, у переправы черезъ Суру, и узнавшій здѣсь отъ его провожатыхъ о плѣнникѣ, котораго захватили казаки.

— Знаю.

— Гдѣ видывалъ его?

— Въ Москвѣ.

— Кто онъ?

— Саратовскій помѣщикъ, Дугановъ.

— Богатъ?

Ѳедоръ сообщилъ, что̀ зналъ объ Алексѣѣ.

— Чья будетъ добыча? — спросилъ Баранка, косясь на старика есаула и на Пря́дышева:—за нами считать его!.. рѣшай, на Устина нечего смотрѣть... такъ и объявимъ царю! ребята сказываютъ, у него карета, коляска, сколько добра...

— Бери его и все, что̀ при немъ окажется,—сказалъ Ѳедоръ:—деньги, имущество, лошадей... одно мое...

— Какой такой кладъ?—удивился Баранка.

— Его хозяйка, жизнь ея!—отвѣтилъ Пря́дышевъ.

Татаринъ сипло разсмѣялся.

— Смотри, пёсье рыло, не попущу!—сказалъ Ѳедоръ, придерживая коня:—ты ли ее тронешь, другой ли кто,—какъ собаку, застрѣлю.

У въѣзда въ городъ стояла пугачовская стража. Караульные казаки, сидя на землѣ, пили изъ привезеннаго боченка водку. Всѣ были уже сильно на-веселѣ.

— Здѣсь ли государь?—спросилъ, минуя ихъ, Ѳедоръ.

— Тута.

— Что̀ дѣлаетъ?

— Деньги изъ казначейства забралъ, вино забралъ... и насъ батюшка не забылъ... ну-ка, иди, угостимъ!

— А дворянъ собрано?—спросилъ Баранка.

— Видимо-невидимо, въ ратушу согнали.

— Вѣшали кого?

— Только начали...

Пря́дышевъ хлестнулъ коня. Всадники поскакали.

— Смотри же, Баранка,—повторилъ Ѳедоръ, въѣзжая въ улицу:—все бери... а ужъ что̀ сказано, голову расшибу.

— Ладно!—усмѣхнулся татаринъ.

Достигнувъ площади, Ѳедоръ увидѣлъ верхи висѣлицъ, съ казненными на нихъ. Размахивая шапкой и во весь голосъ, на свой страхъ, крича: „постой, постой! будетъ отмѣна!“—онъ протискался сквозь бѣгущій на-встрѣчу ему народъ и соскочилъ у церкви съ коня. Ближняя висѣлица была переполнена жертвами. У стоявшей поодаль, на которой висѣло двое, еще толпилось нѣсколько горожанъ.

Пря́дышевъ растолкалъ ихъ, увидѣлъ спущенныя съ висѣличной перекладины чьи-то длинныя, худыя ноги, въ штиблетахъ и чулкахъ безъ сапогъ, и рядомъ съ ними—черное, какъ бы траурное платье, и остановился, глядя на площадку, залитую кровью. Между висѣлицей и церковною оградой, Пря́дышевъ разглядѣлъ что-то обезображенное, неподвижное. Свернувшись бокомъ и поджавъ руки подъ грудь, виднѣлся, въ темно-вишневомъ бархатномъ кафтанѣ, убитый мужчина. Въ двухъ шагахъ отъ него, раскинувшись на окровавленной травѣ, лежала,

съ разбитою головой и въ ужасѣ открытыми глазами, женщина... Трое дѣтей валялись у ея ногъ. Прядышевъ узналъ Серафиму. Ему показалось, что она еще жива и смотритъ на него.

— Спасайте, голубчики! доктора! доктора! — крикнулъ Прядышевъ, припавъ къ Серафимѣ и поднимая ея окровавленную голову:— живыя души, смилуйтесь! неповинна она, даромъ изувѣчили каины-злодѣи!

Никто не отзывался. Стоявшіе возлѣ, заслыша новые откуда-то крики, бросались по сторонамъ. На площадь, рубя саблями и коля пиками на-право и на-лѣво, влеталъ взводъ уланъ. На-встрѣчу бѣгущимъ мятежникамъ, изъ-за церкви и изъ сосѣдней улицы, грянули залпы гренадеръ. Попавшіе подъ натискъ уланъ и перекрестные выстрѣлы пѣхоты, мятежники кидались въ сосѣдніе дворы и колодцы, лѣзли на крыши, въ погреба.

— А, мошенники! измѣнять, бунтовать? — кричалъ, въѣзжая на площадь, худой и рыжій начальникъ отряда, графъ Меллинъ:—поручикъ Суходольскій!—обратился онъ къ адъютанту, отирая вспотѣвшее лицо:—остановите стрѣльбу! будетъ съ нихъ.

Приказавъ трубить отбой, адъютантъ подъѣхалъ къ графу.

— Ваше сіятельство,— сказалъ онъ, взявъ подъ козырекъ:—изволили видѣть?

— Что?—спросилъ графъ.

Суходольскій указалъ за церковь, на висѣлицы.

— Тамъ, ваше сіятельство, очевидно, не всѣ еще погибли,—произнесъ онъ:—вонъ, изволите видѣть, кто-то возится подъ второю висѣлицей,—приводитъ кого-то въ чувство.

— Лѣкаря зовите! что же мы съ вами? коли живъ еще, спасутъ.

— Францъ Карлычъ! — крикнулъ Суходольскій полковому врачу, за шеренгой гренадеръ, на корточкахъ, раскуривавшему трубку.

— Gleich!—отозвался врачъ.

— Что gleich, lieber Трейчке? накуришься еще!—ласково крикнулъ Меллинъ, услыша отвѣтъ врача.

Графъ, позванный медикъ и адъютантъ приблизились къ висѣлицѣ. Медикъ внимательно осмотрѣлъ лежавшія здѣсь тѣла.

— Nun, was meinen sie?—спросилъ, глядя на него, графъ.

— Alle mausetodt!—отвѣтилъ медикъ:—всѣ умерли.

— И эта женщина?— спросилъ графъ, всматриваясь въ лицо Серафимы:—такъ еще молода и красива...

— Fertig! — флегматически отвѣтилъ врачъ:—die Kleinen auch! (готова! дѣти также!).

— А ты кто? — спросилъ графъ Меллинъ, увидѣвъ Прядышева, молча стоявшаго у тѣла Серафимы и ея дѣтей, изъ которыхъ одно,

какъ показалось графу, еще какъ бы шевелилось:—родичъ погибшей, или ея палачъ?

Ѳедоръ, отирая слезы, назвалъ себя.

— Вотъ какъ!—удивился и даже отступилъ графъ, оглядывая Пря́дышева:—наконецъ-то изловленъ! Ну-ка, Суходольскій, связать его, да покрѣпче... приставить къ нему караулъ... Давно сокола слѣдили и ждали!.. вѣдь письмоводецъ Емельки,—обратился графъ къ прочимъ офицерамъ:—своего рода секретарь... переписывалъ бумаги самозванца, а можетъ строчилъ и манифесты!

Приказавъ убрать и схоронить тѣла погибшихъ, Меллинъ освободилъ остальныхъ, запертыхъ въ ратушѣ, далъ краткій отдыхъ отряду и, выйдя за Курмышъ, снова форсированнымъ маршемъ бросился въ догонку за самозванцемъ.

Первые, бѣжавшіе отъ его натиска, пьяные сторожевые казаки наскочили у Пряслова на повозку, въ которой мельникъ везъ Алексѣя. Брошенный конвоемъ, мельникъ связалъ плѣнника по рукамъ и ногамъ. Нестерпимая боль въ скрученной, раненой ногѣ мучила Алексѣя. Онъ поминутно молилъ мельника развязать его. „Полежишь, сударь, и такъ!“—шамкалъ старикъ, сердито шагая лаптями по дорогѣ и что-то обдумывая.

— Куда везешь?—окликнули казаки, встрѣтивъ его, у переправы черезъ Суру́.

— Къ батюшкѣ государю.

— Былъ, да вышелъ,—никого въ городѣ нѣту-ти.

— Какъ же быть-то? кто уплатитъ за извозъ?

Казаки, смѣясь, тронулись далѣе.

— Да вы постойте, окаянные,—крикнулъ старикъ:—обманъ! заплатите, одна у васъ казна... нешто даромъ трудились, изловили?.. за помѣщика, сказано,—сто рублёвъ, за енерала—тысяча,—а може іонъ енералъ!

— Изволь,—отвѣтили, перемигнувшись и снова возвращаясь къ повозкѣ, казаки:—вынимай барина, ставь его тамъ вонъ, а самъ становись тутъ... Деньги достанемъ, выкупимъ и пустимъ васъ на всѣ стороны. Становись же, да не оглядывайся,—будемъ деньги считать.

Мельникъ развязалъ Алексѣя и бережно ссадилъ его на земь.

— Стань, миленькій, стань здѣсь вотъ,—говорилъ онъ, отводя Алексѣя въ сторону:—такй, видишь, порядки; получимъ выкупъ съ бабой,—а ты, какъ отъѣдутъ, подбери полы, да тоже скорёхонько, съ Богомъ, къ своимъ.

Мельникъ провелъ Дуга́нова отъ телѣги на берегъ рѣки, а самъ сталъ на дорогѣ, невдали отъ него.

„Боже! скоро ли? какая пытка, какое издѣвательство надъ живымъ

человѣкомъ!“ —думалъ Алексѣй, глядя на Суру́, тихо катившую желто-бурыя, хмурыя волны:—„и за что́ все это?..“

Раздался ружейный залпъ. Мельникъ, ахнувъ, свалился навзничь. Алексѣй упалъ ничкомъ, раскинувъ руки...

Пьяные казаки, отвязавъ лошадь мельника и снявъ съ Алексѣя кафтанъ, камзолъ и сапоги, ускакали по дорогѣ на Алатырь.

XVIII.

Прочтя полученное черезъ моряка письмо Спесивцева, Глѣбъ Дуга́новъ рѣшилъ немедленно воспользоваться давнишнимъ предложеніемъ князя - главнокомандующаго и ѣхать безотлагательно на Волгу къ женѣ.—„Бѣдная! чего она не натерпѣлась!“—думалъ онъ теперь:—„и въ какое время я, безумный, оставилъ ее одну, съ ребенкомъ? Весь тотъ край въ пламени; шайки злодѣевъ рыскаютъ всюду, сожгли Казань и, если встрѣтятъ сильный отпоръ, по сю сторону Волги, то какъ разъ ринутся внизъ, къ Саратову“.

Глѣбъ навѣстилъ Шимкову, узналъ отъ нея, что Марѝ въ то время должна уже была возвратиться изъ Свѝблова въ горки, сказалъ ей, что рѣшился безотлагательно ѣхать туда, и на утро явился къ Волконскому. Домъ князя, съ недавняго времени, окружала усиленная стража; площадь передъ домомъ была уставлена пушками.

Въ Москвѣ толковали объ удивительномъ рѣшеніи государыни Екатерины,—забывъ личную вражду къ графу Петру Ивановичу Панину, котораго въ письмахъ къ князю Волконскому она называла „извѣстнымъ враломъ“ и своимъ „персональнымъ врагомъ“,—назначить его главнокомандующимъ войскъ, отряженныхъ на Волгу, для усмиренія и поимки Пугачова.—„Братъ воспитателя цесаревица ведетъ войско,—толковали въ народѣ:—значитъ, именующій себя царемъ дѣйствительно самозванецъ! противъ настоящаго царя, цесаревича отца, такой вельможа не пошелъ бы“.—Волконскій встрѣтилъ Глѣба сочувственно.

— Ну, и отлично, Дуга́новъ, поѣзжай!—отвѣтилъ онъ на просьбу своего адъютанта объ отпускѣ:—путь къ Саратову еще не загроможденъ; самозванецъ пока вверху, за Суро́й. Нынче ночью я получилъ и послалъ государынѣ эстафету. Отбитый отъ Казани, злодѣй двинулся на Чебоксары и Ядринъ: не оставляетъ, видно, мысли о походѣ на Москву. Да я недрема́ннымъ окомъ слѣжу за нимъ и къ первопрестольной не допущу его. Отправляйся, съ Богомъ; успѣешь еще проѣхать на Пензу или Тамбовъ.

Глѣбъ поблагодарилъ князя.

— Да что́ же я?—спохватился Волконскій:—тебѣ, кстати, есть и

оказія. Государыня шлетъ изъ Петербурга особую, секретную комиссію, для пріема злодѣя, на случай могущей быть выдачи его отъ сообщниковъ. Члены комиссіи вчера прибыли, послѣ обѣда, и мнѣ, по повелѣнію, вчера же представлялись.

— Куда, извините, ваше сіятельство, посылается комиссія?—спросилъ Глѣбъ.

— Всюду, гдѣ бы ни оказался самозванецъ... Ты—преданный монархинѣ, испытанный подданный,—продолжалъ князь, оглядываясь и понижая голосъ:—тебѣ могу сообщить, по секрету: яицкіе казаки одумались, отрядили къ государынѣ нарочнаго и письменно, за скрѣпой трехсотъ человѣкъ, предложили схватить, заковать злодѣя Емельку и выдать его живымъ въ руки уполномоченныхъ ея величества. Комиссія ѣдетъ черезъ два дня и везетъ съ собой десять тысячъ золотомъ, за выдачу Пугачова. Для охраны пословъ и этой суммы назначенъ конвой. Полагаю, и ты могъ бы ихъ сопровождать.

— Не знаю, какъ благодарить ваше сіятельство,—сказалъ Глѣбъ: —вы такъ милостивы ко мнѣ...

— Очень радъ, очень радъ!

— Но кто, осмѣлюсь освѣдомиться, члены этой комиссіи?—спросилъ Глѣбъ.

Волконскій взялъ со стола знакомый Дуга́нову портфель, съ секретною перепиской, отперъ его небольшимъ ключикомъ, бывшимъ у него въ денежномъ кошелькѣ, досталъ изъ портфеля распечатанный толстый пакетъ, вынулъ изъ него бумагу и началъ читать.

— Ѣдетъ присланный изъ-подъ Казани отъ бунтовщиковъ яицкій казакъ—Астафій Трифоновъ, весьма способный, бойкій и ловкій, какъ сообщаютъ о немъ,—а провожаютъ его, съ особыми важными полномочіями, капитанъ гвардіи Галаховъ и приданные ему въ помощь отставной секундъ-майоръ Ру́ничъ и нѣсколько гренадеровъ.

Краска румянца залила лицо Глѣба.

— Галаховъ, ваше сіятельство?—спросилъ онъ.

— Да.

— Какъ, извините, его имя и отчество, если сказано въ сообщеніи?

Волконскій снова взглянулъ въ бумагу.

— Александръ, Павловъ сынъ, изъ потомственныхъ дворянъ,—отвѣтилъ онъ:—съ начала яицкихъ смутъ занимался въ особомъ о нихъ тайномъ комитетѣ... а тебѣ что? имѣешь знакомцевъ изъ Галаховыхъ?

— Ваше сіятельство,—произнесъ, охваченный сильнымъ волненіемъ, Глѣбъ:—явите божескую милость! пособите къ зачисленію меня, въ какомъ бы то ни было положеніи, въ эту комиссію... Зная хорошо тѣ края, я могъ бы оказать посильную пользу дѣлу и къ своей семьѣ доѣхалъ бы спокойнѣе... Что же до Александра Павловича Галахова,

то мы не только, по отцамъ еще, близко знакомы и пріятели, но даже въ Петербургѣ, въ послѣднее время, состоя въ вашей командировкѣ, я у него и квартировалъ.

— Ну, и прекрасно. Найди его и Ру́нича, да нынче же,—они гдѣ-то на Тверской, у родныхъ Ру́нича,—предупреди ихъ, а остальное я устрою.

Глѣбъ бросился на поиски Галахова, сильно обрадовалъ его, познакомился съ Ру́ничемъ, и черезъ сутки секретная комиссія, куда Глѣба причислили въ качествѣ квартирьера, выѣхала къ отряду полковника Дре́вица, въ Муромъ. Здѣсь члены комиссіи узнали, что Пугачовъ, отбитый отъ Курмыша, прошелъ 20-го іюля на Алатырь, бросился къ Саранску и оттуда къ Пензѣ, которую и занялъ 4-го августа. Комиссія поспѣшила въ Пензу, но здѣсь уже не застала самозванца. Повѣсивъ въ Саранскѣ укрывшихся тамъ до трехсотъ человѣкъ, обоего пола и всѣхъ возрастовъ дворянъ, а въ Пензѣ посадивъ воеводой господскаго мужика, на мѣсто сожженнаго живымъ на кострѣ Всеволожскаго,—Пугачовъ 5-го августа вышелъ изъ Пензы, круто повернулъ влѣво и, по слухамъ, двинулся опять къ Волгѣ. У него въ это время насчитывали еще тринадцать пушекъ и до четырехъ тысячъ войска, изъ которыхъ половина была съ ружьями, остальные—съ вилами, чекушами и дубинами.

Жители разграбленной и залитой кровью Пензы, только-что избавившіеся отъ злодѣя, съ ужасомъ разсказывали о замученныхъ имъ жертвахъ. Въ городѣ и уѣздѣ, какъ узнала комиссія, были убиты, повѣшены и утоплены, съ женами и дѣтьми:—графъ Головкинъ, князь Звенигородскій и генералы Пахомовъ и Сипягинъ; послѣднему мятежники живому предварительно распороли брюхо.

— Злодѣю, впрочемъ, недолго насильничать,—сказалъ кто-то, въ присутствіи Глѣба:—онъ попалъ наконецъ въ настоящіе силки, очутился среди трехъ „мысле́те“... Михельсонъ наспѣваетъ за нимъ отъ Арзамаса, Меллинъ гонится по его пятамъ отъ Саранска, а Муфель спѣшитъ на перерѣзъ ему изъ Симбирска.

— Куда же, въ такомъ случаѣ, направится, по вашему, Пугачовъ?—спросилъ Глѣбъ.

— О, далеко теперь не уйдетъ... раздѣлка ему въ Алатырѣ, или въ Краснослободскѣ, не далѣе!

— И въ этомъ вы убѣждены?

— Такъ увѣряютъ лазутчики; и если только новый ходъ злодѣя не маска и онъ какъ-нибудь ниже не прорвется за Волгу,—ему въ самомъ близкомъ времени—капутъ!

„Ниже! а вѣдь тамъ недалеко и Саратовъ!“—думалъ, съ замираніемъ сердца, Глѣбъ:—„подъ Саратовымъ Горки, а въ нихъ безпомощная, не ожидающая этого нашествія Марѝ“.

Комиссія поспѣшила выѣхать изъ Пензы. Съ трудомъ, а нерѣдко и съ оружіемъ въ рукахъ, добывая и мѣняя, въ разоренныхъ и брошенныхъ жителями селахъ, вольныхъ лошадей, она только около половины августа достигла прибрежій Волги, не видя ни шаекъ Пугачова, ни гнавшихся за нимъ военачальниковъ. Въ Петровскѣ ея члены, къ ужасу Глѣба, узнали, что самозванецъ, ускользнувъ отъ погони, уже побывалъ въ Саратовѣ и четыре дня производилъ тамъ всякаго рода неистовства, но узналъ о близости Муфеля и Михельсона и бросился тѣмъ же правымъ берегомъ Волги, еще ниже, къ Камышину.

Мысли Глѣба не покидали Горокъ.

„Марѣ несомнѣнно успѣла вѣ-время выѣхать изъ Горокъ,—думалъ онъ:—но куда? чуть не всѣ Поволжье охвачено смутой. Въ Малороссію, въ Ракитное? нѣтъ, туда далеко и опасно... Медвѣдица, Хопёръ и Донъ, по слухамъ, также не надёжны... Скорѣе всего въ Тамбовъ!“ — утѣшалъ себя Глѣбъ:—„тамошній воевода—однокашникъ по корпусу, а по полковой службѣ, сколько помнится, даже кумъ Травкина... У него Сила Ѳомичъ, провожая моихъ, лучше всего могъ бы ждать болѣе спокойной поры. Да, всего скорѣе въ Тамбовѣ, дастъ Богъ, найду Марѣ и сына“...

XIX.

Марѣ съ сыномъ и съ Нинѣтъ Ладыженцевою, въ сопровожденіи Травкина, возвратилась изъ Свіблова, близъ Самары, въ Горки, въ послѣднихъ числахъ іюля. Не заставъ здѣсь Алексѣя и Серафимы, она долго не знала, что ей дѣлать.

Первою ея мыслью было ѣхать къ свекрови въ Ракитное, или въ Москву. Травкинъ и другіе сосѣди совѣтовали ей то же. Но въ окрестностяхъ Саратова, въ то время, все было такъ спокойно, а самозванецъ, отбитый отъ Казани и, по слухамъ, будто бы повернувшій оттуда къ сѣверу, на Чебоксары и Нижній, былъ такъ далеко, что Марѣ рѣшилась остаться въ Горкахъ, о чемъ извѣстила и свою пріятельницу Шймкову, звавшую ее въ Москву.

— Оно, дѣйствительно, лучше ожидать здѣсь,—согласился наконецъ и Травкинъ:—Алексѣй Андреевичъ не нынче, завтра, возвратится во-свояси; не станетъ же онъ, какъ ни на есть, медлить, подвергая себя и своихъ опасностямъ. Тогда вкупѣ и постановите, какъ и что.

Прошло болѣе недѣли. Алексѣй и Серафима въ Горки не возвращались. Марѣ стала сильно тревожиться.

— Хоть бы вы, Сила Ѳомичъ, почаще навѣдывались въ Саратовъ, — сказала она Травкину:—тамъ у васъ столько знакомыхъ,—аптекарь Аменде, астрономъ Ловицъ, его помощникъ Иноходцевъ и чиновники.

Они видятъ всякихъ людей, знаютъ многое,—особенно у Аме́нде въ аптекѣ, надо полагать, больше всего собирается новостей. Хоть бы къ Лаптеву съѣздили,—онъ тоже знаетъ многое.

— Былъ я, сударыня, и у Лаптева, и у Аме́нде,—отвѣтилъ Травкинъ: — хоть завтра готовъ съѣздить и къ Егору Иванычу Лѣвицу... Всѣ пока говорятъ въ одинъ голосъ: злодѣйскія скопища, по отбытіи отъ Казани, двинулись сперва къ Нижнему, а потомъ повернули къ Окѣ, то-есть къ Москвѣ... Но ихъ туда, безъ сомнѣнія, не допустятъ.

— Разумѣется, не пустятъ, — вмѣшалась въ разговоръ сидѣвшая тутъ же, за работой, Нине́тъ.

— Да почемъ ты все это знаешь? почему такъ увѣряешь?—раздраженно спросила Марѝ:—толковали же всѣ, что злодѣя не пустятъ къ Казани, а онъ пришелъ и выжегъ ее! И куда теперь судьба занесла нашихъ туровцовскихъ, безъ сомнѣнія, успѣвшихъ бѣжать оттуда, развѣ тоже кто скажетъ и вѣрно рѣшитъ? Боже! когда, наконецъ, этого изверга-самозванца схватятъ и за всѣ его звѣрства казнятъ?

— Тебѣ, chère Marie, опять будетъ непріятно,—глядя въ пяльцы и считая иглой канвовыя петли, возразила Нине́тъ:—но самозванецъ ли онъ еще? и развѣ, повторяю тебѣ, кто-нибудь навѣрное убѣдился хотя бы въ этомъ?

Марѝ сильно поблѣднѣла. Судорога сжала ей горло.

— Слушай, Нина, — съ усиліемъ проговорила она, бросивъ на столъ свое вязанье:—ты снова признаёшь самозванца!.. Если ты хоть разъ еще, хоть разъ въ моемъ присутствіи, скажешь это... если позволишь себѣ...

— Да помилуй,—не слушая ея и покраснѣвъ до корней волосъ, продолжала, еще ближе склонясь къ пяльцамъ, Ладыженцева:—Пугачова я вовсе не отрицаю, — это было бы глупо и смѣшно! Но развѣ не можетъ, въ числѣ другихъ слуховъ, оказаться вполнѣ вѣрнымъ и тотъ, о которомъ такъ упорно толкуютъ въ народѣ, что въ отрядѣ, который отъ Оренбурга и Урала ведетъ спасенный чудомъ, истинный государь, Петръ Ѳедоровичъ, находится и этотъ его слуга — донской казакъ Пугачовъ?

— Замолчи ты, безумная, замолчи!—крикнула Марѝ, затыкая себѣ уши:—не терзай меня, безжалостная, пощади!

— Да въ чемъ щадить?—не унималась, блѣднѣя въ свой чередъ и отстраняясь отъ пялецъ, Нине́тъ:—пойми, наконецъ, и ты, что не могли же всѣ сразу обезумѣть! Я навѣстила, на прошлой недѣлѣ, въ городѣ, дочерей покойнаго здѣшняго коменданта Унгерна; имъ пишутъ изъ Сарепты, что идущій теперь къ Москвѣ государь вовсе и не прячется. Онъ по пути отъ Ижевскихъ заводовъ къ Казани, въ день Петра и Павла, торжественно, при всемъ народѣ, справлялъ именины

свои и сына, цесаревича Павла Петровича... А Пугачова тоже всѣ видятъ у него въ отрядѣ и знаютъ... На вылазкахъ изъ крѣпостей этотъ казакъ нападающимъ на него прямо кричитъ, во всеуслышаніе: зачѣмъ ловить Пугачова и назначать тысячи за его голову? вотъ онъ самъ идетъ къ вамъ, съ батюшкой царемъ!.. И если государь, наслѣдникъ великихъ предковъ и царей, какъ увѣряютъ, идетъ къ своей столицѣ, чтобъ занять ее, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь,—войска у него мало,—то развѣ кому оттого будетъ хуже? Не одни философы говорятъ, что правленіе средняго, по дарованіямъ, мужчины неизмѣримо выше правленія даже первой по уму женщины... Est-ce que, ma chère, à ton avis, ce n'est pas vrais?

— Ахъ, оставь меня, ради Бога, уйди!—истерически рыдала Марѣ, стуча руками по столу.

Травкинъ едва успѣвалъ успокоивать и мирить спорщицъ. Однажды онъ явился съ хутора, особенно оживленный и въ духѣ. Марѣ и Нинетъ по обыкновенію сидѣли, за обычными рукодѣльями, въ нижней столовой.

— Радостныя вѣсти,—сказалъ Сила Ѳомичъ, входя и кланяясь:— вся Волга, наконецъ, скоро отпразднуетъ полную побѣду!

— Откуда вы это узнали? — недовѣрчиво спросила Марѣ, тоже втайнѣ бывшая въ какомъ-то особомъ, радостномъ возбужденіи.

— Мимо Саратова, Марья Родіоновна, вчера, передъ вечеромъ, проплыли двѣ нижегородскихъ расшивы,—отвѣтилъ, обмахиваясь платкомъ, Сила Ѳомичъ: — ихъ узнали по постройкѣ и по другимъ примѣтамъ... Онѣ плыли — безъ единой живой души, но на каждой изъ мачтъ и на реяхъ висѣли казненные казаки... Вороньё кружилось надъ этими гекатомбами! Такъ эти плавучія висѣлицы и прослѣдовали ниже, въ назиданіе прочимъ мятежникамъ.

— Какой ужасъ!—не утерпѣвъ, вскрикнула Нинетъ:—и вы, добрый, человѣколюбивый, радуетесь такому варварству?

— Не понимаю,—сказала, не слушая ея, Марѣ:—гдѣ вы, Сила Ѳомичъ, тутъ видите освобожденіе Волги отъ злодѣевъ?

— А какъ же?—отвѣтилъ Травкинъ:—заѣзжалъ я къ Лаптеву,— онъ говоритъ, расшивы свободно плыли отъ самаго Нижняго и никто на всемъ пути ихъ не остановилъ, не посмѣлъ снять съ нихъ страшнаго груза; ну и выходитъ, что вся Волга оттуда,—какъ же вы этого не видите?—очищена и свободна отъ бунтовщиковъ.

— Да, пожалуй... ваши соображенія, можетъ быть, и имѣютъ долю основанія, — нѣсколько разсѣянно сказала Марѣ, очевидно, думавшая, въ это время, о другомъ.

— Боже мой! казни, смуты, кровь и плывущія висѣлицы! ужасъ! — проговорила, вставъ и судорожно двинувъ плечами, Ладыженцева: — да когда же, о Господи, все это кончится?

Подойдя къ окну, она нѣсколько мгновеній постояла тамъ, молча глядя на Волгу, мирно катившую свои голубыя, тихія воды, и вышла.

Едва шаги Нинéтъ затихли за дверью, Марѝ порывисто вскочила со стула, схватила за руку Травкина, увела его въ свою комнату, заперла дверь на ключъ и вынула изъ кармана письмо.

— Сила Ѳомичъ! дорогой нашъ! — произнесла она, какъ-то вся сіяя и обрываясь въ словахъ:—вы тоже не можете не порадоваться, нашъ другъ!.. Ахъ, я никому еще, даже нянѣ и Нинéтъ, не сказала, да можетъ и вовсе не скажу... а вамъ, вамъ—все...

— Въ чемъ же, милая, голубушка, дѣло? удостойте, сообщите скорѣй.

Марѝ хотѣла прочесть письмо и опять сжала его въ рукѣ; строки прыгали въ ея глазахъ.

— Надя Шѝмкова, вы ее знаете, ну, пріятельница моя... пишетъ изъ Москвы,—сегодня я посылала въ Саратовъ,—привезли... ахъ, не могу! не могу! — произнесла, ухватясь за сердце, Марѝ: — Надя пишетъ, что Глѣбъ Андреевичъ... прямо такъ и написала... Глѣбушка, представьте, возвратясь изъ Петербурга, получилъ командировку сюда, на Волгу, и будетъ, понимаете ли, не нынче, завтра,—не только по близости, но и здѣсь.

— Что же? если Глѣбъ Андреевичъ, дѣйствительно, командированъ въ приволжскія окольности, то кто же помѣшаетъ ему навѣстить и наши мѣста?—удивленно спросилъ Травкинъ.

— Ахъ, вы не понимаете, не все знаете! онъ узналъ отъ Нади и, ужъ разумѣется, ѣдетъ прямо въ Горки, въ Горки! ко мнѣ! — восторженно вскрикнула Марѝ:—теперь уже не выпущу его, нѣтъ!—какъ бы тамъ и кого бы ни усмиряли, на Волгѣ и за Волгой... Сегодня же стану собираться и, едва явится онъ, прямо отсюда, съ нимъ, съ Васей... и съ вами, не правда ли, — на югъ, въ Ракитное, къ маманъ! Туда, къ нашимъ вѣрнымъ малороссамъ, не посмѣютъ явиться никакіе Пугачовы!

Сборы Марья Родіоновна кончила очень скоро. Ликующая Сысоевна, взявъ обратно отъ священника отданныя ему на сбереженіе ея главныя похоронки, объявила, что все въ дорогу готово,—ослабѣвшая въ каретѣ шѝна была перетянута, расковавшаяся пристяжная подкована, и вымыто, выглажено и уложено все барынино и барчуково бѣлье.

Марѝ поминутно глядѣла въ окна и съ крыльца, не ѣдетъ ли дорогой гость. — „Такъ онъ одумался? раскаялся?“ — мыслила она, радостно замирая: — „да, да! Надя именно пишетъ о его раскаяніи... Онъ, очевидно, самъ ей на это намекнулъ... Не только ѣдетъ, но и раскаялся... милый, милый!“

— А что же, матушка, насчетъ эвтаго самаго злодѣя? гдѣ, слышно,

эвтотъ Пугачъ?—спросила какъ-то свою барыню Сысоевна, сидя на сундукѣ съ дѣтскимъ бѣльемъ и опорожняя, въ прикуску, третью чашку чая.

— Брось ты о немъ думать теперь,—отвѣтила Марѝ:—чего тебѣ болѣе? Глѣбъ Андреевичъ вотъ-вотъ будетъ, мы немедленно выѣдемъ... вѣдь Ракитное родина твоя...

— Да злодѣй-то нонче гдѣ?—не унималась Сысоевна.

— Къ Окѣ загнали всѣхъ, отъ Нижняго; тамъ, вѣроятно, скоро перехватаютъ ихъ всѣхъ.

XX.

Наступило шестое августа. Марѝ, въ этотъ день, ждала къ обѣду Травкина. — „Будутъ ваши любимыя блюда—борщъ съ уткою и съ ветчиной, пшеничка къ маслу и жареныя перепёлки“,—сказала она, приглашая его лично, наканунѣ:—„смотрите же, пріѣзжайте ранѣе; можетъ быть, подъѣдетъ и другой гость“.—„Соблазнительно! благодарствую и всенепремѣнно буду, не опоздаю!“—отвѣтилъ, кланяясь, Травкинъ. Ждали, однако, Силу Ѳомича весьма долго. Наступилъ уже и обѣденный часъ; сосѣда не было. Съ хутора пріѣхалъ нарочный, съ запиской. Марѝ прочла ее вслухъ.

„Извините, дорогая сосѣдушка, — писалъ Травкинъ:—къ вашей трапезѣ сегодня быть не могу: ѣду, съ Борей, на-скорáхъ, въ Саратовъ; у него сильно разболѣлись зубы, все медъ лакомка ѣлъ и повредилъ себѣ, надо показать его лѣкарю и взять медикаментовъ; да встрѣтилось и другое, неотлагательное дѣло; возвратясь, обо всемъ доложу“.

— Зубы у крестника болятъ, вздоръ какой!—съ неудовольствіемъ сказала, выслушавъ записку, проголодавшаяся Нинéтъ:—изъ-за такого пустяка скакать въ городъ, быть неаккуратнымъ!

„Дѣло неотлагательное!“—подумала Марѝ:—„что же это, однако, за дѣло? даромъ Сила Ѳомичъ не поѣдетъ“.

Сердце Марѝ невольно сжалось. Томимая предчувствіемъ чего-то необъяснимаго и тяжелаго, она вздохнула и, ничего не отвѣтивъ на замѣчаніе Нинéтъ, велѣла слугѣ подавать обѣдъ. Сѣли на обычныхъ мѣстахъ за столъ: Нинéтъ—противъ Марѝ, Вася—на высокомъ стульчикѣ, рядомъ съ нею. Сысоевна служила за Васей; слуга приносилъ и уносилъ кушанье и посуду.—„Пустой приборъ!“—подумала Марѝ, глядя на приготовленный и неснятый приборъ Травкина:—„хорошій знакъ—будетъ дорогой гость“.

День былъ солнечный, теплый, по лѣтнему, и тихій. Въ раскрытыя окна, какъ въ маѣ или іюнѣ, несся запахъ съ цвѣточныхъ клумбъ;

влетали и вылетали, съ веселымъ жужжаніемъ, мухи. Марѝ, послѣ прогулки съ Васей въ саду, сидѣла въ легкомъ, бѣломъ капотѣ и въ кисейной косынкѣ на за-просто убранныхъ волосахъ. Ежедневно пудрившая вычурную, высокую прическу, даже въ деревнѣ, Нинéтъ была въ цвѣтномъ шелковомъ платьѣ, на фижменахъ, и корсетѣ, удлинявшемъ и безъ того длинную и узкую ея талію. Послѣ борща подали душистую, сваренную къ маслу, молодую пшеничку-кукурузу. Въ вазахъ на столѣ стояли къ дессерту клубника и только-что поспѣвшіе въ оранжереѣ персики. Вася, грызя сочный и сладкій качанъ пшенички, нетерпѣливо поглядывалъ на ягоды и персики. Онъ сильно загорѣлъ и поправился за лѣто. Его черные, какъ у отца, курчавые волосы длинными локонами падали на бѣлый воротникъ пикейной курточки.—„Глѣбъ не нарадуется на него!“—думала Марѝ, любуясь ребенкомъ.

— Что нынче, развѣ праздникъ? — спросила Нинéтъ, едва удостоивъ погрызть пшенички и чопорно вытирая салфеткой свои тонкіе, съ длинными, тщательно выхоленными ногтями, пальцы, обмоченные сочнымъ качаномъ.

— Что за вопросъ?—разумѣется, праздникъ, Преображеніе Спаса, —произнесла Марѝ:—въ церкви была ранняя обѣдня, я ходила.

— А я, по обыкновенію, проспала, — отвѣтила Нинéтъ:—спросила же оттого, что съ утра не слышно звуковъ топора; у бани, въ саду, эти дни плотники что̀-то мастерили.

— Передбанникъ передѣлываютъ,—отвѣтила Сысоевна:—да что, хоть бы господа скорѣе ѣхали; тутъ, какой уже день, все праздники, да гулянье... Атàва поспѣла, сѣять пора, а здѣшніе всѣ,—точно очумѣли,—шепчутся, толкутся у кабака. Не только нынче, и вчера весь день—хоть шаромъ покати, никого, почитай, не было на работѣ; а какой же вчера хотя былъ праздникъ? мученицы Нòнны и только.

— Ты почемъ это знаешь? вотъ выучила календарь!—усмѣхнулась Ладыженцева.

— Кума у меня въ Ракитномъ Нòнна, вотъ что̀!—съ неудовольствіемъ отвѣтила Сысоевна: — а что народъ тутъ куда распущенъ, такъ это вѣрно.

— Что же прикащику не доложишь? — продолжала язвить Нинéтъ:—онъ, кажется, не охотникъ баловать работниковъ...

Сысоевна на это только махнула рукой. Убравъ посуду, послѣ пшенички, слуга пошелъ въ кухню за жаренымъ. Сысоевна унесла тарелку барченка. Прошло нѣсколько минутъ. Ни слуга, ни Сысоевна не возвращались. Марѝ взглянула на часы, въ длинномъ, до потолка, ящикѣ, стоявшіе въ углу столовой. Прошло еще съ четверть часа.

— Что это?—съ досадой сказала Марѝ:—ужъ не запраздновалъ ли и поваръ?

— Кухня здѣсь не близкій свѣтъ,—возразила Ладыженцева:—ну, не поспѣли, можетъ быть, заказанныя тобой перепёлки.

Часы медленно стучали въ стихшей комнатѣ. Съ птичьяго двора и отъ деревни, бывшей за садомъ, доносились веселые крики пѣтуховъ, дравшихъ горло, благодаря длившемуся вёдру и теплу. Въ окно влетѣлъ мохнатый шмель и, гулко пронесясь вокругъ столовой, снова вылетѣлъ въ садъ. Небесная синева, безъ единаго облачка, привѣтливо глядѣла въ окна, черезъ верхи неподвижно стоявшихъ липъ и тополей.

Въ концѣ дома послышались торопливые шаги. По корридору бѣжало что̀-то тяжелое. Въ дверяхъ столовой показалась растерянная, запыхавшаяся Сысоевна. Съ секунду она не могла произнести ни слова и, опершись плечомъ о притолокъ двери, только безсильно разводила руками.

— Спасайтесь, барыня, свѣтикъ! охъ, скорѣе!—выговорила она, наконецъ, бросившись къ столу и схватывая ребенка на руки.

— Что̀ ты, няня? опомнись!—вскрикнула Марѝ.

— Злодѣи! Пугачъ! должно, самъ, за деревней, въ полѣ... съ большой дороги, сказываютъ, ѣдутъ ко двору... да бѣги же, родимая, бѣги!

Марѝ обомлѣла. Она хотѣла встать и не могла: ноги не слушались ея. Комната, няня съ Васей, Нинéтъ, опрометью бросившаяся въ прихожую, все заколыхалось въ ея глазахъ.

— Господи, Господи!—твердила Марѝ, ища глазами икону и не видя ея:—спаси насъ, Пречистая, угодники!

— Да бѣги же, сударыня! поздно будетъ! — произнесла няня, схвативъ барыню за руку и таща ее, черезъ балконную дверь, въ садъ.

Силы Марѝ возвратились. Она не отставала отъ няни. Пробѣжавъ главною аллеей, онѣ своротили вправо, къ рощицѣ акацій, у которой, на скатѣ пригорка, перестраивалась баня. Здѣсь Сысоевна остановилась у груды досокъ, разныхъ обрубковъ и мелкой щепы. Марѝ дрожала всѣмъ тѣломъ. Испуганный ребенокъ тихо всхлипывалъ на рукахъ няни.

— Ложись, сударыня, сейчасъ ложись! — сказала Сысоевна:—спрячу тебя здѣсь, не найдутъ.

— А Вася?—спросила, ломая руки, Марѝ.

— Да ложись же, говорю тебѣ!—понизивъ голосъ, сказала няня:—за него и не бойся... Пробѣгу съ нимъ по задворкамъ, къ Маланьѣ коровницѣ, либо къ попу... Остригу его, переодѣну, назовется

поповичемъ, что ли... у Маланьи дитё недавно померло,—рубашку, портишки авось добуду ему!

Сысоевна опустила Васю на-земь, уложила Марѝ у колоды, прикрыла её обрѣзками досокъ и засыпала щепками.

— Смотри же, матушка, не ворушѝсь! гòлоса не подавай!—сказала она, нагнувшись къ Марѝ:—а Васеньку-свѣтика спрячу такъ, что не найдутъ...

Подхвативъ ребенка, старуха пробѣжала за баню, постояла здѣсь, прислушалась и, спустясь съ пригорка, низомъ сада, направилась къ крестьянскимъ дворамъ.

Едва Сысоевна, чуть помня себя отъ волненія и усталости, растрепанная, съ упавшимъ на спину головнымъ платкомъ, добѣжала до ближайшаго крестьянскаго огорода и уже занесла ногу на перелазъ плетня, въ барскомъ дому послышались крики. Крестясь и шепча молитву, старуха тихо высунула голову изъ-за плетня, глянула и обмерла. Барскій дворъ былъ полонъ всадниками. Часть ихъ спѣшилась. Одни окружили домъ, другіе бѣжали въ садъ и на выгонъ, къ церкви. Домъ, очевидно, оказался запертымъ. Не попавъ въ двери, нападавшіе били окна и черезъ нихъ лѣзли въ комнаты.

Сысоевна, собравъ силы, перелѣзла черезъ плетень и, творя молитву и прижимая къ груди Васю, грядками огорода бросилась къ крайнему крестьянскому двору. Въ барской усадьбѣ послышался выстрѣлъ. Съ колокольни раздался набатъ...

Сила Ѳомичъ Травкинъ поспѣшилъ, съ Борей, въ Саратовъ, не вслѣдствіе зубной боли крестника и не по своему личному, какъ онъ писалъ, неотложному дѣлу, а потому, что ѣздившій въ городъ, за солью для овецъ, его ключникъ привезъ извѣстіе, что, по слухамъ въ народѣ, среди охраняющихъ городъ гарнизонныхъ солдатъ и волжскихъ казаковъ явилось колебаніе и что горожане, купцы и чиновники стали грузить на барки и лодки свое имущество и тайкомъ бѣгутъ. Травкинъ завернулъ для развѣдокъ къ антекарю, но не засталъ его дома и заѣхалъ къ Лòвицу. Отъ прислуги онъ узналъ, что профессоръ вверху, на антресоляхъ, и по витой, деревянной лѣстницѣ, прошелъ туда. Худой и высокій, безъ парика и въ очкахъ, лысый астрономъ сидѣлъ у раскрытаго окна, глядя въ зрительную трубу. Увидѣвъ Травкина, онъ ласково протянулъ ему руку и указалъ возлѣ себя стулъ.

— Всё ли у васъ, Егоръ Иванычъ, благополучно? — спросилъ Сила Ѳомичъ.

— О, вполнѣ. Ссорятся только, по обычаю, начальники.

— Кто такой?

— Комендантъ и присланный уфъ городъ изъ гвардіи поручикъ Державинъ.

— Но какъ же это?—удивился, самъ бывшій въ военной службѣ, Сила Ѳомичъ: — комендантъ — полковникъ; развѣ поручикъ, хотя бы и гвардеецъ, можетъ не покоряться ему? это предосудительно, противно дисциплинѣ.

— И я то же говорю, — сказалъ Лѳвицъ: — но это ужъ русски карáктеръ: одинъ трактуетъ за дислокаціонъ войска за городъ, на встрѣчу врага, — если бы тотъ объявился; другой кричитъ — насыпай земляной валъ, впередъ города, до Волги. А какой тутъ валъ, когда округъ города—высоки горъ и съ нихъ легко все разрушайтъ и сжигайтъ... Aber, Gott sei Dank, все то уладится!

Травкинъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Ваши добри сосѣдъ Дугáновъ ишѳ не возвратились изъ вояжъ? — спросилъ Лѳвицъ.

—Нѣтъ, — отвѣтилъ, вздохнувъ, Травкинъ: — и это просто непостижимо! я сильно, сильно сомнѣваюсь на ихъ счетъ... въ такія попали мѣста!..

— О, зачѣмъ такъ думайтъ?—сказалъ Лѳвицъ, раскуривъ трубку и предлагая ее гостю.

— Благодарю,—отказался Травкинъ.

— Вы въ городъ дѳ вечеръ?—спросилъ Лѳвицъ.

— Нѣтъ-съ, ѣду сейчасъ; нельзя, знаете... родственница Дугáновыхъ, молодая, милая барыня,—вы ее видѣли,—гоститъ въ ихъ имѣніи, безъ нихъ, и очень безпокоится,—я далъ слово поспѣшить.

— А жаль! ночью это, это... такой видъ на атмосферъ!.. Ваши Дугáновъ думали, на обратный путь, взглянуть на кольца Сатурнъ... Теперь этотъ планетъ уфъ лучшемъ видъ... ну, вотъ, какъ серебряне поясѳчки округъ голубой шаръ! Оставайтесь, увидите. Когда я были уфъ Гурьевъ и на Венера глядѣлъ...

— Благодарствую, не до того теперь, — отвѣтилъ, вставъ и кланяясь, Сила Ѳомичъ.

Провожаемый хозяиномъ, онъ въ раздумьѣ спустился и вышелъ на крыльцо.

XXI.

— Папа, — сказалъ Боря, встревоженно глядя на крёстнаго: — тутъ проскакалъ какой-то верховой и крикнулъ лавочникамъ, Пугачовъ будто бы невдали отъ города...

— Что ты, что ты!—замахалъ, въ ужасѣ, руками на крестника Травкинъ:—опомнись! что ты говоришь!

— Ей Богу, такъ онъ и объявилъ,—настаивалъ Боря:—къ Соколовой горѣ, говоритъ, движутся, видны и пушки...

Сила Ѳомичъ взглянулъ на Лѣвица, потомъ на улицу. Два сосѣднихъ торговца, булочникъ и гончаръ, торопливо запирали лавки. Лѣвицъ отвелъ Травкина въ сѣни.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, взявъ гостя за руку:—уфъ мой зрительный труба все видно, какъ на ладонь.

Лѣвицъ и Травкинъ снова поднялись на антресоли. Астрономъ передвинулъ на подставкѣ трубу, навелъ ее ниже, за городъ, уставилъ стекло къ Волгѣ и развелъ руками.

— Глядѣлъ на атмосферъ, подъ свой носъ не видалъ! — растерянно сказалъ онъ, вставая.

Травкинъ присѣлъ къ трубѣ, взглянулъ въ ея стекло и отшатнулся.—Онъ увидѣлъ нѣчто ужасающее.

Къ окраинамъ города, по московской дорогѣ, надвигалась какая-то лавина. Обширный, конный и пѣшій отрядъ виднѣлся сквозь клубы пыли. Одна его часть тянулась къ Соколовой горѣ, другая близилась прямо къ городу и его предмѣстьямъ. Съ городскаго вала, по выгону, взвивались разрозненные дымки ружейныхъ выстрѣловъ.

— Не слышно, а видно,—это палятъ отъ города,—сказалъ Травкинъ, наклоняясь къ трубѣ: — ишь, выпалили и идутъ впередъ! благодарить Бога,—нашихъ хоть мало, а кажется, стойко и смѣло стремятся на врага.

Лѣвицъ нагнулся къ трубѣ.

— Nein... sie werfen ihre Waffen fort!—произнесъ онъ, всматриваясь въ стекло: — бросятъ свой оружіе... sie übergeben sich... передаютъ себя, бѣгутъ... o, die Verräther! прямо къ злодѣю.

— Прощайте,—сказалъ Травкинъ, бросаясь къ лѣстницѣ.

Онъ быстро спустился внизъ. Лѣвицъ догналъ его въ прихожей.

— Послушайте, секундъ одинъ! — вскрикнулъ онъ, остановивъ гостя:—скажите,—вы умный человѣкъ,—что вы намѣренъ дѣлать?

— Я?—удивился Травкинъ:—разумѣется, бѣжать!.. Не будь одна особа, давно не былъ бы здѣсь... а вы?

— О, кто бы ни оказался этотъ проблематичный человѣкъ—Пугачовъ, обманщикъ или царь, — произнесъ Лѣвицъ, поднявъ на лобъ очки:—онъ, дѣлая таки умны походы, аттакъ, оцѣнитъ мирна, учёна заслугъ... Надо ему рѣчь о Волга и Донъ...

Травкинъ сбѣжалъ съ крыльца, вскочилъ на таратайку и, молча поклонясь профессору, погналъ савраску вскачъ. Къ торговой площади, мимо которой онъ взялъ въ сторону, изъ сосѣднихъ улицъ и

переулковъ бѣжалъ народъ. Какой-то купецъ, стоя на телѣгѣ, среди толпы, покрывавшей площадь, что-то говорилъ, размахивая руками. Сила Ѳомичъ узналъ въ немъ кума своего, богатаго краснорядца. — „Ура, батюшкѣ-царю! къ нему!“ — кричала толпа, не слушая краснорядца.

Мелкіе торговцы уносили съ перекрестковъ лотки съ товарами; купцы запирали лавки. Изъ дворовъ, протискиваясь между прохожими, выѣзжали нагруженные разнымъ хламомъ возы. Нѣсколько колымагъ и колясокъ, минуя главныя улицы, неслись за городъ.

У опустѣлаго комендантскаго двора Травкинъ увидѣлъ часть гарнизонныхъ солдатъ и передъ ними нѣсколько офицеровъ и самого коменданта. Растерянный, на себя не похожій, полковникъ Бошнякъ, пряча за лацканъ разстегнутаго мундира скомканное батальонное знамя, оторванное отъ древка, ударялъ себя въ грудь и говорилъ, со слезами, что-то трогательное и возвышенное остатку вѣрнаго гарнизона.

— Вотъ, вотъ герой! надѣется пробиться, съ горстью храбрыхъ!— сказалъ крестнику, смигивая слезы, Травкинъ:—такъ и надо, и надо... Не хочетъ отдавать злодѣямъ войсковой святыни.

— А мы пробьемся? —спросилъ Боря.

— Мужайся, Борисъ! Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ!—отвѣтилъ Сила Ѳомичъ:—да держись, гляди, крѣпче, не выпади на толчкѣ.

Савраска неслась изъ всѣхъ силъ. Травкинъ миновалъ послѣдній переулокъ. Потянулись огороды, за ними монастырская роща; за рощей стало видно послѣднее подгородное зданіе—обширный казенный винный заводъ, и рядомъ съ нимъ—купеческій, канатный.

Едва таратайка въѣхала въ рощу, нѣсколько рабочихъ, шедшихъ съ канатнаго завода, преградили ей дорогу.

— Стой, кто ѣдетъ?—спросили рабочіе, окруживъ таратайку.

— Да вы же здѣшніе, заводскіе! неужели не знаете меня?.. что вамъ надо?—удивился Травкинъ.

— Здѣшніе-то, правда, да не прежніе!—отвѣтили рабочіе:—были царицыны, нынѣ опять царёвы! Ну-ка, вставай, баринъ, да вертáй!

Травкинъ ударилъ по савраскѣ. Конь двинулся было, но его осадили.

— Вязать ихъ, братцы!—крикнули канатчики.

На что? одинъ старъ, другой дитя, вези и такъ!

Нѣсколько рабочихъ сѣли на облучокъ таратайки и повезли плѣнниковъ обратно въ городъ.

— Да куда же вы? нéхристи вы, что ли?—спрашивалъ Сила Ѳомичъ канатчиковъ.

— Ладно! вашего брата велѣно преставлять, вышелъ указъ... тамъ разберутъ!

Таратайка въѣхала въ улицу. Мятежники, тѣмъ временемъ, уже

ворвались въ городъ. Разбивъ въ предмѣстьяхъ нѣсколько постоялыхъ дворовъ и кабаковъ, они перепились и буйными шайками рыскали по улицамъ и площадямъ, грабя лавки, дома и церкви и убивая тѣхъ, кто пытался защищать свое добро. Надвинулась туча, поднялся сильный вѣтеръ. Улицы покрылись тучами пыли, заслонившей дома и заборы. Канатчики, задержавшіе Травкина, едва пробираясь въ пыли и, то и дѣло, наталкиваясь на слѣды грабежа и крови, сами струсили. Они хотѣли уже оставить плѣнныхъ, но потомъ разсудили, не досталось бы имъ, скажутъ еще, что они выпустили господъ за выкупъ.

— Гдѣ батюшка-царь?—спросили они, на перекресткѣ, яицкаго казака, тащившаго на спинѣ изъ лавки огромнаго вяленаго осетра:— куда везти господъ?

— Царь далече, на зимовникѣ Килѝмова, — отвѣтилъ казакъ: — время не пришло, еще не жалуетъ въ городъ; везите въ лагерь, тамъ скажутъ!

— А гдѣ, милостивый, будетъ это?

— Подъ лѣсомъ, у Алтынной горы.

— Не опасно?

— Вези, коли говорятъ.

Канатчики доставили плѣнниковъ къ Алтынной горѣ. Здѣсь, у югозападной части города, на-скоро располагался, въ это время, подъ начальствомъ Творогова, главный, пѣшій лагерь самозванца, изъ разнаго сброда, вооруженнаго вилами, чекушами, косами и просто дубинами. Лагерь однимъ концомъ упирался въ покрытую лѣсомъ Алтынную гору, другимъ подходилъ къ городскому выгону. На гору мятежники втащили нѣсколько пушекъ и открыли было изъ нихъ пальбу по городу; но ядра туда не долетали, да и городъ, узнавъ объ измѣнѣ гарнизона, сдался, и пушки, бывшія подъ вѣдѣніемъ Чумакова, замолкли. Въ лагерь тащили съ захваченныхъ на Волгѣ судовъ рыбу, соль, муку и другіе припасы; у горы и по выгону рыли землянки, ставили старшинамъ палатки и разводили костры.

Пугачовъ, съ хромоногимъ своимъ фельдмаршаломъ, Овчинниковымъ, въ это время, съ хутора колониста Килѝмова, заправлялъ коннымъ отрядомъ. Мелкія шайки верховыхъ, ворвавшись въ городъ, грабили его; болѣе крупныя, разсыпавшись по подгороднымъ окраинамъ, доскакивали до ближнихъ помѣщичьихъ селъ и хуторовъ. Казаки, опустошая барскія усадьбы, убивали или увозили съ собой ихъ владѣльцевъ, прикащиковъ и домочадцевъ.

Травкина и его крестника канатчики подвезли къ на-скоро установленнымъ на взгорьѣ, не вдали другъ отъ друга, палаткамъ есауловъ Идорки и Баранки. Здѣсь, въ обозѣ, подъ стражей, уже были и другіе, захваченные въ плѣнъ, — дворяне, чиновники, купцы, нѣ-

сколько причетниковъ и священникъ изъ подгородной слободки, знакомый Травкину. Новыхъ плѣнныхъ приняли и помѣстили среди остальныхъ, безмолвно сидѣвшихъ на землѣ, передъ палатками, у телѣгъ обоза. Ихъ еще не допрашивали. Идорка и Баранка, съ прочими изъ старшихъ, слѣдя съ пригорка за устройствомъ лагеря, закусывали у одной изъ палатокъ. Передъ ними, на разостланной попонѣ, лежали краюхи добытаго въ предмѣстьѣ хлѣба, захваченная у пристани вяленая бѣлорыбица, свѣжая икра и осетровые балыки. Тутъ же стояли раскупоренные ящики съ виномъ. Одинъ уже былъ опорожненъ, къ другому только-что приступили.

Хмѣль уже замѣтно охватывалъ трапезующихъ. Вѣтеръ сталъ стихать. Отъ палатки неслись веселые возгласы и громкій смѣхъ. Раздавалось тре́нканье балалайки, визгъ чибузги́, а кто-то подъ носъ затягивалъ пѣсню.

— Стой, братцы!—сказалъ, покачиваясь, Идорка, остановивъ музыку и глядя на стражу, охранявшую плѣнныхъ:—что морить на жарѣ царскихъ слугъ? порѣшить сперва продово сѣмя, господъ, а стражу отпустить.

— Да погоди, чортъ, успѣешь!—остановилъ его Баранка.

— Нѣтъ, такъ хочу, нельзя!—не унимался Идорка.

— Сядь, говорятъ тебѣ, яма́нъ! оставь ихъ и пей!—возразилъ не менѣе хмѣльной Баранка.

— Какъ? эвту сволочь? что ты, ба́чка! опомнись! дьяволовыхъ шишѝгъ жаль?—спросилъ, приподнимаясь и отталкивая удерживавшихъ его станичниковъ, пьяный Идорка:—да кто же мнѣ помѣшаетъ?

— Я!—отвѣтилъ, блѣднѣя, Баранка:—и не совѣтую тебѣ! чтобъ моя не знала, слышь, и не видала! сунься, еще вдарю!

— Да какъ смѣешь? ты кто тутъ!

— А ты?

— Нѣтъ, ты кто?—настаивалъ Идорка.

— Начальникъ антилеріи, фильцыгме́йстеръ, во кто!—отвѣтилъ Баранка.

— Ахъ ты фи́льцыгъ, пёсъ! право слово, пёсъ! и пушки твои ни къ дьяволу тутъ! а я енара́льнаго, значитъ, штану, царскій охранникъ и надъ всѣми судья... ну, и сужу.

— Не смѣешь, собачье рыло!—огрызнулся Баранка.

— А вотъ увидишь, колъ те въ ротъ,—проговорилъ, весь красный и въ поту, Идорка:—Стре́петовъ, Шульга!—крикнулъ онъ ку́харямъ, сорвавшись съ мѣста:—ходи, ба́чка, сюда!

Два здоровенныхъ ку́харя, снявъ шапки, подошли къ татарину.

XXII.

Опѣшенный отпоромъ царскаго любимца, худаго и изуродованнаго оспой Идорки, приземистый, съ рваными ноздрями, Баранка только плюнулъ и отвернулся.

— Это оврагъ?—спросилъ кухарей Идорка, указывая на глубокую и узкую водороину, за палаткой.

— Оврагъ.

— А то вонъ мачта, или брусъ?—указалъ Идорка на длинное сосновое бревно, лежавшее, съ другими брусьями, у водороины.

— Мачта.

— Волоки ее, мости поперекъ прорвы.

Кухари перекинули бревно черезъ оврагъ.

— Давай, душа-человѣкъ, веревокъ.

Веревки были принесены.

— Да брось ты, Махметъ Салтановичъ,—уговаривали Идорку товарищи,—ну, самъ батюшка пріѣдетъ, онъ и рѣшитъ.

— Безъ него разсудимъ! веди брюхомдровъ, псовъ!—крикнулъ, разстёгивая залитый виномъ, алый бешметъ, Идорка:—на висюлю ихъ, вяжи шайтановъ!

Онъ опять сѣлъ на земь. Кухари подвели плѣнныхъ къ палаткѣ. Впереди ихъ былъ высокій и полный подгородный священникъ.

— А, отецъ честной!—приподнявъ слегка шапку, усмѣхнулся попу потускнѣлыми отъ хмѣля глазами Идорка:—не хотѣлъ честью выйти, съ хоругвями и крестомъ? наше вамъ-съ!

Священникъ молча пощипывалъ свою бороду.

— А вы, кровопійцы, щеголи-дворянчики! вы что теперь?—продолжалъ, глядя на понурыя лица плѣнныхъ, Идорка:—не покаялись? трусите, скаредные ярыжки, чинушки, да и ты, пузанъ торговецъ,—кто ты?

— Миколаевъ, сударь,—отвѣтилъ, кланяясь въ поясъ, купецъ.

— А еще стриженъ, ай-ай! въ скобку и въ бородѣ! что, живодёры? хо-хо! жаль было свово добра? На царя-то, собачьи дѣти, да на такого-то, сказать, добраго, на монарха?

Идорка смолкъ, искоса поглядывая на растерянныя, блѣдныя лица плѣнныхъ.

— Стрепетовъ, Шульга!—крикнулъ онъ:—ну-ка, бачка, народу еще сюда! вяжи имъ, каторжнымъ, петли, да съ колоды-то, съ висюли, по одному, и спускай собачье племя въ прорву...

Кухари, подозвавъ стражу, приблизились къ купцу и стали вязать ему руки.—„Боже милостивый, Боже правый!“—шепталъ побѣлѣв-

шими губами Травкинъ, прижимая къ себѣ дрожавшаго отъ страха Борю:—„вразуми ихъ, нехристей, укроти ихъ злобу и ярость къ неповиннымъ... защити, о, Господи, защити!“

Баранка сидѣлъ, покачиваясь и налитыми кровью глазами глядя въ землю.—„Молчитъ, пёсья харя“,—думалъ о немъ Идорка, слѣдившій, какъ кухари вязали руки купцу:—„смирился, небось! не на того наскочилъ!“—Въ лагерѣ, между обозомъ, въ это мгновеніе, гдѣ-то снова тилйкнула балалайка. За нею зазвенѣли бубны. Тихіе, веселые звуки странно прозвучали среди омраченныхъ предстоящею казнью лицъ.

— Стой, Махметъ! —сказалъ вдругъ Баранка Идоркѣ:—что такъ-то, задаромъ, рѣшать хоть бы этихъ псовъ? Повеселили бы малость ребятъ... поплясали бы, что ли? Есть, чай, между ними и плясуны?

Не ожидавшій такой выходки, Идорка подумалъ и усмѣхнулся. Разсмѣялись и остальные изъ станичниковъ.

— Да ты не наперекоръ только?—спросилъ Идорка, опомнясь и недовѣрчиво косясь на товарища.

— Убей Богъ!—отвѣтилъ Баранка:—висюли одно, а пляска другое.

— Ну, и ладно!—рѣшилъ Идорка:—врёшь ты, али нѣтъ, а придумалъ ловко... Якшй, ребята, брось ихъ! Ну-ка, честный отче,—сказалъ онъ священнику:—начинай первый хоть ты.

Священникъ вздрогнулъ.

— Пощади! вы тоже Божьи чада, одумайтесь!—проговорилъ онъ, едва ворочая пересохшимъ отъ страха, путающимся языкомъ:—за что такое надругательство? Вы иной вѣры, ваша здѣсь власть,—таково попущеніе Господне!.. Но по что такая издѣвка? слугамъ ли алтаря, подумайте, въ скоморохи идти, васъ веселить? на то есть иные, хоть бы оный изъ малыхъ сихъ,—указалъ онъ на Борю.

Идорка и Баранка опять заспорили, кому изъ плѣнныхъ начинать плясъ. Они кричали, скрежетали зубами, ворочая бѣлками и бросая шапки объ земь.—„Я заводчикъ тутъ всему!“—кричалъ Идорка.—„Нѣтъ, я! моя придумала, а не ты!“—не спускалъ ему Баранка.

— Какъ вамъ, отецъ Игнатій, не грѣшно?—укоризненно шепнулъ Травкинъ священнику:—и что вы вздумали? ужли вамъ не жаль отрока, не жаль, наконецъ, меня, старика?

— Да полно-те, ничего!—отвѣтилъ священникъ:—нешто я спроста? вѣдь не разъ бывалъ въ Горкахъ, видѣлъ, какъ предивно пляшетъ ваш-отъ соколокъ.

— А какъ смѣшается, оборвется?

— Не оборвется,—шепталъ священникъ, не спуская глазъ съ татаръ.

Спорщики смолкли. Идорка взялъ съ земли начатый бурдюкъ вина, потянулъ изъ него, отдохнулъ, еще выпилъ и утерся полой бешмета.

— Такъ-то,—сказалъ онъ Баранкѣ:—прячь морду, не тебѣ тутъ командовать! зови, Стрепетовъ, музыку сюда, пусть баранчуку попляшетъ.

Явились три балалайки, чибузга и нѣсколько бубенъ. Музыка заиграла трепака.

— Иди, да иди же, Бориччка!—вполголоса уговаривалъ Травкинъ племянника:—ну, что тебѣ? ободрись, потѣшь ихъ... Не намъ, тебѣ, можетъ быть, будетъ лучше.

Боря не помнилъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Его ноги подкашивались. Слезы катились по лицу.

— Да выступай же, псёнокъ! что стоишь, какъ пень?—крикнулъ, недовольный медленностью мальчика, Идорка:—или, твое благородіе, не уважишь приказа?

Боря медленно выступилъ изъ среды плѣнныхъ и покачнулся; но, взглянувъ на крёстнаго, онъ опомнился, оправилъ на себѣ одежду и, взявшись подъ бока, плавно, подъ звуки музыки, присѣдая и опять выпрямляясь, пошелъ вкругъ площадки. Казаки впились въ него глазами. Сила Ѳомичъ крестилъ издали Борю. Священникъ тихо шепталъ молитву.

Мальчикъ оживился. Молніей промелькнулъ, въ этотъ мигъ, въ его мысляхъ тихій, лѣтній день въ Горкахъ, проводы Дугановыхъ въ Казань, и какъ онъ, подъ игру крёстнаго на віолончели, танцовалъ „Варварушку“.—„Варварушка, сударушка, не гнѣвайся на меня“,—вспоминалъ Боря и, какъ тогда, вдругъ остановился и махнулъ рукой. Еще мигъ, онъ хлопнулъ ногой объ ногу, припрыгнулъ и началъ плясать, но ослабѣвшія отъ страха ноги не выдержали, онъ споткнулся и упалъ, залившись слезами. Толпа громко захохотала. Мальчикъ опомнился. Отирая слезы, онъ вскочилъ, съ разгорѣвшимся лицомъ, снова выпрямился, пустился въ плясъ и такъ разошелся, вертясь по площадкѣ юлой, присѣдая и вскидывая ноги и руки, что только пятки его мелькали.

— Молодца, молодца!—кричали, подъ звонъ и гулъ музыки, казаки:—ну-ка, вертунъ. еще! такъ-то! жарь, жарь...

Старшіе, слѣдя за Борей, тоже стали притопывать на мѣстѣ и качаться, а младшіе сорвались и сами пустились въ плясъ.

— Вотъ такъ лихо! жги, вали!—раздался громкій и властный голосъ надъ толпой.

Музыка мгновенно стихла. Всѣ оглянулись. На обрызганномъ пѣной, тяжело дышавшемъ конѣ, сидѣлъ подскакавшій главный начальникъ лагеря, Ивашко Творогдвъ. Красный и потный, онъ былъ весь въ пыли. Боря остановился, испуганно разсматривая подъѣхавшаго казака, передъ которымъ прочіе, даже Идорка и Баранка, почтительно

и молча сняли шапки. Плѣнные подумали, что передъ ними былъ самъ Пугачовъ.

— Что̀, соколы, тѣшитесь?—спросилъ Ивашко.

— Тѣшутся ребята,—отвѣтилъ, кланяясь, Баранка:—съ енаралъ-фильцы̀гместромъ поспорили.

— О чемъ?

— На счетъ, то-есть, евтихъ самыхъ господъ,—произнесъ Идорка, также кланяясь и указывая на плѣнныхъ.

— Ну, а какѝ-такѝ были ваши споры?

— Я говорю,—отвѣтилъ Идорка:—надо ихъ, псовыхъ дѣтей, на ре́ли, а Гирей говоритъ, поплясать бы ихъ сперва заставить, повеселить ребятъ... не отслужилъ ли бы кто за грѣхи?

— Ну, и что-жъ, старались?—усмѣхнулся Творого̀въ.

— Преусердно, Иванъ Александровичъ! Не хочешь ли винца?

— Кто же первый? не попъ ли?—спросилъ Творого̀въ, прикладываясь къ поданному бурдюгу́ и глядя на священника.

— Нѣтъ, пока избавили попа, мальчёнокъ эвтотъ самый постарался,—указалъ Идорка на Борю:—усердствовалъ, то-есть, вотъ какъ...

— Видѣлъ, видѣлъ! отслужилъ, выходитъ, за всѣхъ! — произнесъ Творого̀въ, отдыхая и опять жадно припадая къ бурдюгу́ съ виномъ.

Ивашкѣ вспомнился его собственный путь отъ Урала до Казани и оттуда на Осу, Курмышъ, Саранскъ и Пензу. Рѣкой огня и крови пронесся онъ, съ Пугачовымъ, по этимъ городамъ. — „Сколько повѣшено, побито дубьёмъ и пострѣляно!“ — думалъ красавецъ-Ивашко, глядя на новыя жертвы казней, во имя новоявленнаго государя: — „и за дѣло вѣдь всѣ удавлены и побиты!.. Не покорялись, не признавали царя!.. Саратовъ сдался безъ боя; знакъ хорошій... Гонятся за нами генералы; а тутъ, видно, ничего не подѣлаютъ. Богатства и всякихъ припасовъ тутъ безъ числа. Нагрузимъ барки, спустимся Волгой въ Астрахань, оттуда въ Каспій, ищи тогда вѣтра въ полѣ... А выше меня, у его величества, нѣтъ никого!“

„Да“, — мыслилъ въ то же время Травкинъ, чувствуя, какъ его сердце билось шибко, замирая и падая куда-то безъ слѣда: — „вотъ онъ, во очію, бунтъ низкой черни, стихійный, загадочный и безобразный... Былъ на Божьемъ свѣтѣ Травкинъ, росла былинка, и мигомъ ихъ не станетъ... Рѣшайте, философы,—Юмъ, Аристотель и Кантъ,—что̀ это? все вмѣстѣ и рядомъ, музыка и висѣлицы, смѣхъ и истязанія, пляска и смерть...“

— Ну, коли потѣшилъ паренёкъ молодцовъ, отслужилъ, такъ тому видно и быть!—сказалъ Творого̀въ:—разные, дѣтушки, у нашего царя подданные и разная отъ нихъ служба... Что̀ до меня, именемъ его, всѣхъ задержанныхъ хоть бы и отпустить! а ты, Махметъ, и ты,

Гирей, за мной! — прибавилъ Ивашко, повернувъ коня: — государя въ городъ просятъ, къ сдачѣ и къ присягѣ... не мало у него тамъ важныхъ дѣловъ... одной казны захвачено двадцать пять тысячъ...

Старшины сѣли на коней.

— Что же, одначе, съ плѣнными? — спросилъ, глядя на Баранку, Идорка.

— Да сказано, вѣдь, отслужили, ну, и ладно, пока; всѣхъ полагалъ бы ослобонить! пусть явятся къ батюшкѣ-царю... авось и его величество помилуетъ и вовсе проститъ.

Плѣнные бросились другъ къ другу въ объятія. Боря припалъ со слезами къ крёстному. Священникъ, усиливаясь сказать товарищамъ что-то трогательное и сердечное, только молча шевелилъ губами и бровями. Травкинъ, растерянно обнимая и цѣлуя плакавшаго крестника, самъ тихо всхлипывалъ, недоумѣвая въ испугѣ, дѣйствительно ли миновалъ ихъ страшный, занесённый надъ ними, ударъ?

XXIII.

Спрятанная подъ грудой щепокъ, возлѣ бани въ саду, Марья Родіоновна Дуганова лежала здѣсь долго, ежеминутно ожидая, что злодѣи, разсыпавшись по саду, могутъ отыскать ее и убить. Она въ ужасѣ слышала неистовые крики у дома, гдѣ, какъ она была убѣждена, разбойники навѣрное захватили всю прислугу и неуспѣвшую спрятаться Нинетъ. Относительно сына Марѳи всячески старалась успокоить себя. Преданная и такъ любившая Васю Сысоевна, безъ всякаго сомнѣнія, успѣла спрятать его у надежной крестьянки, на деревнѣ, или у священника. Крики то смолкали, то снова усиливались возлѣ дома, во дворѣ. Вскорѣ они послышались и въ саду. Нѣсколько человѣкъ пробѣжало къ оранжереямъ, гдѣ раздался звонъ разбиваемыхъ стеколъ; другіе шныряли по аллеямъ и въ нижнемъ саду, у рѣки. Послышались, наконецъ, голоса и невдали отъ бани. — „Откроютъ, найдутъ!“ — думала, замирая, Марѳа, до слуха которой доносились звуки шаговъ, шелестѣвшихъ по щепкамъ и высохшей травѣ. — „Ушла, хвостатая, ушла!“ — говорили шедшіе снизу, мимо колодъ и бревенъ, между которыми лежала Марѳа. — „Да ты лучше гляди... почемъ знать? можетъ, она тутъ еще, въ банѣ...“ — „Лазилъ, Микишка, — пуста“. — „Ну, такъ въ рощѣ, либо въ саду. За мной, братцы!“ — „Полно, ребята... у берега, сказываютъ, лодка была, — нонѣ нѣту-ти. Уплыла, должно, съ попомъ!“ — „Это меня ищутъ, меня!“ — въ ужасѣ думала Марѳа, усердно шепча молитву и боясь шевельнуться подъ своимъ прикрытіемъ: — „Господи, не дай въ обиду, защити!“

Голоса и крики мало-по-малу стихли. Не зная, длился ли еще день, или насталъ вечеръ, Марѣ слегка двинула окоченѣвшими членами; доски подвинулись, щепки шевельнулись, но изъ-подъ ихъ груды трудно было что-либо разглядѣть.—„Боже правый и милостивый,—молилась Марѣ:—пусть погибну я, пусть мнѣ не жить, но спаси и охрани Твоею десницей неповиннаго ребенка!“—Марѣ вспомнились дни въ Ракитномъ, рожденіе сына, пріѣздъ туда мужа, жизнь въ Москвѣ, разрывъ съ мужемъ и поѣздка съ дитятею за Волгу.—„Но Глѣбъ, Глѣбъ,—говорила она себѣ:—онъ долженъ былъ уже выѣхать сюда... навѣрное, послано войско, онъ находится при немъ“.—Марѣ почудился запахъ дыма. Все еще боясь приподняться, она сквозь щепы завидѣла странный какой-то, какъ бы яркокрасный, отблескъ.—„Вечеръ, догораетъ заря!“—подумала она и невольно вздрогнула. Ей послышался трескъ чего-то горѣвшаго. Она быстро раздвинула щепки и приподнялась отъ колоды.

На дворѣ давно была ночь. Зарево пожара освѣщало деревню, дворъ и, изъ-за темнаго, опустѣлаго дома, ближнюю часть сада. На площади, за усадьбой, полыхала, догорая, сельская деревянная церковь, подожженная грабителями. Никто не спасалъ ее. Площадь и улица передъ церковью были пусты.—„Что это? неужели всѣ бросили село?“—подумала Марѣ:—„или не спасаютъ святыни потому, что сами въ большинствѣ раскольники?“

Она гущиной деревьевъ направилась къ рощѣ, откуда ближе была видна деревня.—„Не можетъ быть, чтобъ всѣ ушли до одного“,—разсуждала Марѣ: —„кого-нибудь увижу изъ крестьянъ и умолю спасти меня“.—Не успѣла она приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ когда-то старикъ Корней и его жена, бывшая птичница, Дарья, зарывали подъ кустами свою худобишку, въ сторонѣ послышался шелестъ шаговъ. Марѣ въ отблескѣ пожара узнала Дарью и, выйдя къ ней, тихо окликнула ее. Старуха такъ испугалась, что нѣсколько секундъ не могла выговорить ни слова.

— Дарья, голубушка, неужели ты не узнала меня?—спросила её Марѣ.

— Съ нами крестная сила! вотъ напугала, матушка!—отвѣтила Дарья:—а мы ужъ не ждали!.. какъ помиловалъ Господь?

— Сынъ мой Вася, Васюта гдѣ?—спросила Марѣ, схвативъ Дарью за руки и теребя её.

— Нешто, родимая, онъ оставался здѣсь? мы и не знали.

— При мнѣ Сысоевна унесла его на село.

— Нѣту-ти у насъ, матушка, ни его, ни ея... Мужики поднялись и ушли за царевымъ войскомъ въ городъ, взяли и Корнея, и другихъ стариковъ, о твоемъ же дитяткѣ и слыхомъ не слыхать.

Марѝ не помнила себя отъ горя.

— Слушай, Дарьюшка,—сказала она:—иди на село,—молю тебя,—разспроси у тѣхъ, кто остался, гдѣ няня и гдѣ мой сынъ, дай мнѣ знать, я тебя здѣсь подожду.

— Охъ, матушка, боязно, не узнали бы... еще убьютъ.

— Ты, Дарья, здѣсь, весною, спрятала свое добро; скажи, вѣдь тебѣ было бы жаль, если бы его нашли и ограбили... ну, а я прошу о сынѣ, единственномъ моемъ дитяти,—сказала, плача, Марѝ.

— Оно, родимая, такъ, что и говорить,—отвѣтила, въ раздумьѣ, Дарья:—да я насчетъ тебя... какъ бы, то-есть, черезъ меня, глупую, не нашли бы здѣсь и тебя?

— Что же, Дарья, чему быть, того не миновать; сходи, голубушка, узнай, и если няня съ ребенкомъ еще здѣсь, нельзя ли какъ-нибудь увезти насъ отсюда?

— Да ты-то, родимая, какъ спаслась?—спросила, глядя на неё, Дарья.

Марѝ разсказала о происшедшемъ съ нею. Слушая ее, старуха только крестилась.

— А барышня... Нина Александровна гдѣ?—спросила Марѝ:—вѣдь она-то именно осталась въ домѣ, не успѣла уйти.

— Никто, сударыня, не знаетъ, что съ нею и гдѣ она. Злодѣи пытали прислугу и насъ, грозили живьемъ въ землю зарыть,—да коли мы не свѣдомы, что же было и говорить?

— Ну, иди, милая, иди!

Дарья молча вышла изъ-за деревьевъ на поляну, осмотрѣлась вокругъ и, сказавъ Марѝ: „жди, сударыня, что смогу, постараюсь“,—направилась, въ обходъ дома, на деревню.

Марѝ присѣла подъ деревомъ. Брошенное жителями село молчало во мракѣ, надъ Волгой. Изрѣдка, у опустѣлыхъ дворовъ, раздавался только лай собакъ. Освѣщенныя отблескомъ пожара, дворовыя зданія и вершины сада красными полосами выдѣлялись изъ ночной тьмы. Марѝ, въ волненіи, вглядывалась въ эту тьму, вслушивалась въ ея малѣйшій звукъ. Ей припоминалась ночь, когда, подъѣзжая къ Волгѣ, она увидѣла огненно-красный, какъ бы кровавый метеоръ, вылетѣвшій ей тогда на встрѣчу изъ-за рѣки.—„Онъ разсыпался съ громомъ,—думала она:—исчезъ, не тронувъ никого... пощадитъ ли насъ теперешняя, грозная бѣда?“

За деревьями, на ближней полянѣ, послышались тихіе шаги. Марѝ увидѣла Дарью, робко пробиравшуюся къ ней.

— Ну, что, Дарьюшка, что? — спросила Марѝ, бросившись къ старухѣ.

— Благодари, матушка, Господа, благодари! сына твоего нянька спрятала дальше.

— Гдѣ? да говори же, говори!

— Ниже тутъ по рѣкѣ, у Петра Ильича... у Волка...

— Лаптева?

— Онъ самый, онъ.

— Какъ же она добралась туда? Ахъ, Дарья, не мучь,—говори сразу все... кто довезъ и когда?

— Сынишка нашей сосѣдки, мнѣ крестникъ, Сидоркой звать.

— Да какъ же онъ довезъ? на телѣгѣ? какъ не боялся?

— На лодкѣ, матушка. И ужъ я ли его не допытывала: сперва не говорилъ отъ страха,—а тутъ и сказалъ... Да что, милая барыня, — ужъ такъ-то ты добра ко всѣмъ, — хочешь, онъ и тебя довезетъ? ихъ лодка и теперь спрятана въ кустахъ, у берега.

Марѝ бросилась на шею старухѣ.

— Дарья, голубушка, слушай,—шептала она:—все тебѣ и крестнику твоему отдамъ, а теперь вотъ тебѣ пока,—прибавила она, вынимая изъ ушей дорогія серьги: отдай крестнику и скажи, что ничего не пожалѣю.

— Что ты, матушка! да какъ можно! грѣхъ какой... ничего онъ не возьметъ.

— Иди, говорятъ тебѣ, иди,—твердила, въ слезахъ, Марѝ, суиувъ серьги въ карманъ старухи и понукая ее идти обратно на село.

Дарья, качая головой, удалилась. Прошло болѣе часа. Марѝ съ ужасомъ поглядывала на вершины деревьевъ, надъ которыми становилось какъ бы яснѣе. Очевидно, близился разсвѣтъ.—„Не успѣемъ, о, Господи, не успѣемъ!“—волновалась, ломая руки, Марѝ.—„Сюда, матушка, сюда!“ — прозвучалъ чуть слышный окликъ отъ тропинки, шедшей въ нижній садъ. Марѝ увидѣла Дарью и, рядомъ съ нею, невысокаго, худаго, лѣтъ двѣнадцати, парнишку. Она опрометью кинулась къ нимъ и, по дну лѣсистаго оврага, спустилась съ ними къ Волгѣ. — „Скорѣй, голубчикъ, скорѣй!“ — шептала Марѝ, спотыкаясь въ травѣ и цѣпкихъ сучьяхъ:—„не увидѣли-бы насъ,—мнѣ гибель, не помилуютъ и тебя!“—„Не бойся, барыня“,—отвѣтилъ Сидорка:—„не изъ такихъ, чтобъ изловили... духомъ довезу!..“—Парнишка оказался юркимъ и расторопнымъ. Нырнувъ, какъ мышь, въ кусты, онъ повозился тамъ, крикнулъ: „Бабка Романовна, подмоги!“ — отвязалъ отъ вѣтви лодку, спустилъ ее, безъ шума, на воду и причалилъ ближе къ берегу. Дарья накинула на плечи Марѝ свою кофту и прикрыла ей голову своимъ платкомъ.

— Получилъ ты мой подарокъ?—спросила Марѝ, садясь, при помощи Дарьи, въ лодку.

Сидорка молча взглянулъ на крёстную.

— Отдалъ матери, забрала у него!—отвѣтила старуха:—она тамъ такая, на три ступни скрозь землю видитъ все!

— Вотъ, Дарья, отдай еще и это его матери, — сказала Марѝ, снявъ съ руки и подавая старухѣ кольцо:—а ты сама... вѣкъ не забуду услуги твоей.

Лодка двинулась отъ берега, миновала отмель и скрылась въ туманѣ, еще покрывавшемъ водную ширь. — „Дай-то имъ, Господи, спаси ее, съ малымъ дитёмъ!“ — думала Дарья, стоя у берега: — „и впрямь, жаль нажитаго, жаль худобишки, — а у нихъ, вѣдь, жизнь берутъ, дѣтей берутъ, а за что?“—Лодка медленно двигалась во мглѣ. Туманъ порѣдѣлъ. Въ немъ яснѣе все стало видно. Рыжій и блѣдный, въ веснушкахъ, мальчикъ оказался въ мѣховой, кудлатой шапкѣ и огромныхъ, очевидно, отцовскихъ сапогахъ. Его глаза улыбались. Острый носикъ весело и смѣло глядѣлъ изъ-подъ густыхъ бровей.

— Сидоромъ звать тебя?—спросила Марѝ.

— Сидорка, — важно отвѣтилъ мальчикъ, налегая на весла, съ которыхъ летѣли пѣнистыя брызги.

— Куда везешь меня?

— Да туда же, сударыня, все къ тому же барину, къ Волку... онъ, сердечный, примаетъ васъ всѣхъ.

— Ты, сказывала Дарья, свезъ туда и Сысоевну съ ребенкомъ?

— А то куда-жъ? Волку что̀! онъ, вѣдь, не боится ничего.

Марѝ готова была кинуться къ парнишкѣ, расцѣловать его рыжіе вихры и пестрое отъ веснушекъ, востроносое и важное личико.

— Кого еще изъ нашихъ принялъ Петръ Ильичъ?

— Не могимъ, барыня, знать.

— Такъ и вправду онъ ничего не боится?

— А для-че ему бояться? сколько у него ружей, собакъ... а живетъ, какъ змѣй-колдунъ, въ лѣсу, на горѣ!

— И ты, дѣйствительно, не знаешь, кого еще укрылъ Петръ Ильичъ? мнѣ можешь всё сказать. Не видѣлъ ли ты самъ кого?

— Какъ не видать! Три барышни-нѣмки, зубатыя, да долговязыя. вчерась еще утромъ проѣхали туда изъ города, съ поклажей.

„Дочки коменданта Юнгера!“—подумала Марѝ.

— Не знаешь ли, онѣ еще тамъ и теперь?—спросила она.

— Были съ-вечера, на тоняхъ, сказываютъ, барку нанимали подъ свое добро... богачки! по нашему говорятъ.

Мальчикъ замолчалъ. Лодка выплыла изъ тумана. Хмурыя воды Волги подернулись розовымъ отливомъ. Правый берегъ рѣки сталъ близиться, съ окутанными еще въ туманѣ, зелеными холмами, чер-

ными водороинами и синѣющими вдали гребнями нагорныхъ, вѣковѣчныхъ дубравъ.

— Вонъ жилье Волка!—произнесъ Сидоръ, указывая на взгорьѣ, въ гущинѣ лѣса, какую-то точку.

Марѝ вглядѣлась и, среди темной зелени, примѣтила небольшую, соломенную крышу лѣснаго домика, въ которомъ, какъ она знала, издавна жилъ Лаптевъ, съ двумя дочерьми, Варей и Соней. Онъ никуда почти не ѣздилъ и рѣдко кто посѣщалъ его самого. Потерявъ жену, онъ отказался отъ свѣта, поставилъ своихъ крестьянъ на оброкъ, но и оброка съ нихъ не требовалъ. Его деревенька была въ двухъ верстахъ отъ барской усадьбы, за холмомъ, у рѣки. Лаптевъ жилъ доходомъ съ аренды отъ рыбныхъ тоней и видѣлъ своихъ крестьянъ только въ то время, когда они являлись къ нему съ какими-либо просьбами. Они, въ волю пользуясь угодьями барина, жили также и рыбными промыслами. Дочки Лаптева обучались въ Саратовѣ, въ пансіонѣ, и только весною возвратились къ отцу.

XXIV.

Путники подплыли къ берегу. Сидорка въ послѣдній разъ взмахнулъ веслами, и лодка плавно въѣхала въ небольшую, скрытую подъ вербами, впадину.

— Пріѣхали,—произнесъ онъ, скидая шапку.

— Ну, спасибо тебѣ, Сидоръ,—сказала Марѝ, вставъ изъ лодки на песчаную отмель: — не выдавай же насъ, не такъ еще отблагодаримъ.

— Зачѣмъ, барыня, выдавать? будь покойна!—отвѣтилъ Сидорка, отирая полой зипуна вспотѣвшее лицо.

— Куда же идти?

— Стой, провожу тебя, злыя собаки тутъ, а меня знаютъ.

Привязавъ лодку къ вербѣ, Сидорка прошелъ съ веслами въ глубь деревьевъ, спряталъ тамъ весла и повелъ Марѝ на взгорье. Взойдя туда, онъ остановился.

— Умаялась, сердечная?—спросилъ онъ, видя, что его спутница едва переводила духъ.

— Да, притомилась...

Пока Марѝ отдыхала, Сидорка оглянулся на рѣку. Сверху по теченію Волги, въ утренней мглѣ, двигалось что-то темное и длинное.

— Барка съ заводскихъ тоней! достали-таки нѣмки,—произнесъ, указывая на рѣку, Сидорка.

Онъ повелъ Марѝ узкою тропинкой къ дому Петра Ильича. На

пути, отъ лѣсной сторожки на нихъ, съ лаемъ, бросилась стая огромныхъ собакъ. Мальчикъ сталъ ихъ отгонять. Изъ сторожки показались какія-то женщины. Марѝ узнала старшую дочь хозяина и дѣвицъ Юнгеръ.

— И вы здѣсь? спасены? слава Богу! — обратилась къ ней дочь хозяина, Варя:—зайдите, не бойтесь, перебудьте у насъ. Вотъ обрадуется отецъ! онъ защититъ, охранитъ васъ...

— Мы ждемъ барку, хотите ѣхать съ нами? — сказали дѣвицы Юнгеръ.

— Гдѣ мой ребенокъ? гдѣ няня? — обратилась Марѝ къ Лаптевой:—его увезли къ вамъ, гдѣ онъ?

— Отецъ отправилъ его въ болѣе безопасное мѣсто.

— Куда? гдѣ они? — вскрикнула Марѝ

— Успокойтесь, Марья Родіоновна, отецъ все устроилъ къ лучшему. Сюда еще могутъ навернуться злодѣи, — онъ же отправилъ няню съ вашимъ сыномъ на пасѣку, въ Дубцы.

— Гдѣ это? да говорите же, ради Бога, далеко ли?

— Верстъ пять будетъ, сестра лучше знаетъ, но она у отца... онъ только что всталъ... Соня поитъ его чаемъ, а я вотъ пришла проводить ихъ; онѣ тутъ въ скрытности ночевали.

— И это вѣрно, какъ передъ Богомъ, Вася и няня живы?—спросила Марѝ.

— Живы, Марья Родіоновна, отецъ все объяснитъ,—онъ съ вечера тоже рѣшилъ ѣхать туда и лошадь ужъ вѣрно готова, — самъ теперь васъ и проводитъ; мѣсто, по его словамъ, таково, что и въ голову никому не прійдетъ, еще глуше нашего, одни дубы столѣтніе, овраги, да холмы.

Марѝ радостно перекрестилась.

— А не видѣли ли вы, когда шли сюда, барки на рѣкѣ?—спросила старшая изъ дѣвицъ Юнгеръ.

Сидорка, стоявшій поодаль на полянѣ, отвѣтилъ: „эвоси, гляди, уже близко!“

Сестры Юнгеръ засуетились. Свою главную поклажу онѣ отослали изъ города прямо на топю, гдѣ ее ночью, по договору, и погрузили на барку. Оставалось идти туда имъ самимъ.

— Амальхенъ, Грётхенъ!—воскликнула старшая изъ сестеръ, Лоттхенъ:—зовите людей, несите... да идите же, Богъ мой!

Дѣвицы Юнгеръ поблагодарили Варю, простились съ нею и съ Марѝ и, въ сопровожденіи горничной, жены лѣсничаго и Сидорки, несшихъ ихъ ручныя вещи, направились внизъ къ рѣкѣ.

— А вы, Марья Родіоновна?—отозвалась, обернувшись, Лоттхенъ: —не лучше ли ѣхать также съ нами?

На это Марѣ молча махнула рукой.

— Войдите же, отдохните, — обратилась къ ней Варя, вводя ее въ сторожку: — закусите, вотъ булка, молоко... Я пошлю къ вамъ Соню, а сама похлопочу о лошадяхъ скорѣй. Отецъ узнаетъ, самъ васъ проводитъ. Да вотъ и Соня...

Вошла младшая Лаптева. Обѣ сестры были въ бѣлыхъ платьяхъ и голубыхъ косынкахъ на русыхъ, высоко-подобранныхъ волосахъ, и, какъ близнецы, были очень похожи другъ на друга.

— Что папа? — спросила Варя.

— Пьетъ чай на крыльцѣ, только что ему подала. Послалъ меня справиться, пришла ли барка и все ли благополучно съ гостьями.

— Все у нихъ готово, — только что ушли... Ну, посиди же съ Марьей Родіоновной, а я позову отца.

— Къ нему пришли мужики.

— Какіе?

— Наши.

— Зачѣмъ?

— По дѣлу какому-то... какъ всегда, видно, съ просьбой.

— Все они выпрашиваютъ только, а помощи отъ нихъ никакой, —сказала съ досадой Варя:—кучеръ дома?

— Видѣла, поилъ вороныхъ.

— Подождите же, Марья Родіоновна, не показывайтесь, — сказала, уходя, Варя: — чуть запрягутъ дрожки, я пришлю ихъ прямо сюда просѣкой, отсюда вы съ отцомъ и уѣдете.

Варя ушла.

— Кушайте, — обратилась къ гостьѣ Соня, наливая ей изъ кувшина въ стаканъ молока и подвигая хлѣбъ:—я и сама голодна, всю ночь возилась, и Спѣшневы ночевали у насъ во флигелѣ, и Крюковы, —уѣхали до зари.

— Вы же съ отцомъ неужели остаетесь здѣсь?—спросила, закусывая, Марѣ.

— Остаемся.

— И не боитесь?

— Чего же бояться?—отвѣтила Соня, наливая вновь въ стаканы молока:—оно, дѣйствительно, мѣсто глухое,—а ужъ скучное при томъ,— и Боже упаси!—но потому-то оно теперь и безопасно. Во-первыхъ, мы какъ есть въ сторонѣ, ну, совсѣмъ на отшибѣ, а во-вторыхъ, и приманки тутъ для злыхъ людей почти никакой. Отецъ живетъ совсѣмъ просто. Что у него есть? Мука для себя, масло, крупа, овощи,—бери хоть все и безъ грабежа. Да и такъ отецъ раздаетъ просителямъ. Онъ зоветъ себя пустынникомъ, и впрямь живетъ философомъ, какъ анахоретъ.

— А ваши крестьяне?

— Ихъ мы почти не видимъ, они давно на оброкѣ, рыбу ловятъ, отецъ лучшія тони имъ отдалъ и смѣется, что они его обманываютъ. Принесутъ иной разъ пустякъ на нашу долю, — онъ доволенъ, не принесутъ, будто уловъ плохой, — промолчитъ и самъ съ дворовыми сѣть завозитъ. Папу крестьяне такъ и прозвали—не панъ, а родной отецъ.

— Давно вы были въ городѣ?

— Съ выхода изъ пансіона всего два раза,—одинъ разъ въ церкви, а другой, съ Силой Ѳомичемъ, у Ловица, — въ телескопъ на звѣзды смотрѣли. Да намъ и некогда. Сестра любитъ цвѣты, развела столько въ саду, передъ домомъ, а я люблю голубей и коровъ... Кушайте еще,—это сборъ съ моего хозяйства,—разумѣется, въ Горкахъ, у вашихъ, все это лучше.

Петръ Ильичъ Лаптевъ, въ хлопотахъ о прибѣгшихъ подъ его защиту знакомыхъ, заснулъ уже въ концѣ ночи. Едва стало разсвѣтать, онъ всталъ, навѣдался въ коровникъ, на птичникъ, въ огородъ и къ лошадямъ.—„Готовь вороныхъ въ дрожки“, — сказалъ онъ кучеру:—„навѣдаюсь въ Дубцы“.—Узнавъ, что его дочери еще въ сторожкѣ, съ гостьями, онъ умылся, одѣлся, усердно помолился въ опочивальнѣ и присѣлъ на дворовомъ крыльцѣ, съ трубкой и съ присланной ему Травкинымъ, недочитанной книгой *Юношескихъ ночей*. — „Почитаю“,—думалъ онъ:—„книга успокоительная, особенно теперь...“— Не успѣлъ онъ прочесть двухъ страницъ, Соня явилась съ подносомъ, поздоровалась съ отцомъ, поставила передъ нимъ чайный приборъ, сливки, хлѣбъ и масло, принесла самоваръ и сказала: — „кушайте, папа, а я навѣдаюсь къ нашимъ“.—Поговоривъ съ дочкой о гостьяхъ, Петръ Ильичъ, поглядывая въ книгу, принялся за чай. Прошло съ полчаса. Въ воротахъ показалась кучка мужиковъ. Они медленно шли къ крыльцу. То были крестьяне Лаптева. Судя по ихъ лицамъ, они успѣли уже сильно выпить, но всѣ были чинны и смирны. Впереди прочихъ шелъ высокій и худой, съ длинною, бѣлою бородою, подслѣповатый старикъ Ермилъ. Вертя въ рукахъ шапку и щурясь на остальныхъ мужиковъ, онъ произносилъ какія-то слова, которыхъ Лаптевъ въ первую минуту не разобралъ.

— Говори, Ермилъ, толковѣе, что вамъ нужно? точно каши ты въ ротъ набралъ.

Толпа придвинулась ближе. Лица у всѣхъ были красны, глаза блуждали.

— Не обидьтесь, батюшка, Петръ Ильичъ, не каша тутъ,—отвѣтилъ, не глядя на барина, Ермилъ: — а паче того, не сумлевайтесь; какъ передъ Богомъ, мы не причинны, а намъ такой даденъ сказъ, велѣно,—ну, мы, рабы рабскіе, все и сполняй...

— Кто велѣлъ? о чемъ сказъ?—спросилъ, прихлебывая изъ стакана, Лаптевъ.

— Нашъ, значитъ, государь, пресвѣтлѣйшій, выходитъ, Пётра Ѳедоровичъ...

— И тебѣ, Ермилъ, не стыдно это говорить?—сказалъ Лаптевъ, оглядывая прочихъ мужиковъ:—ну, былъ бы ты дитя малое, молокососъ,—куда ни шло, а то бѣлая борода, столько на свѣтѣ прожилъ! Не мы ли съ тобой, двѣнадцать лѣтъ назадъ, служили въ Саратовѣ панихиду по этому самому, тогда умершему, государю? ты у меня былъ за бурмистра, пришелъ манифестъ, а мы съ тобой ѣздили въ городъ.

Ермилъ почесалъ себѣ грудь, переступилъ съ ноги на ногу и глянулъ въ сторону. Прочіе перешептывались, украдкой кивали другъ другу.

— Что-жъ, что служили панихиду?—отвѣтилъ онъ:—значитъ, то была брехня, не умеръ въ тѣ поры царь; онъ живой, сударь, нонѣ въ Саратовѣ стоитъ, примаетъ присягу и новые манифесты шлетъ.

— Хорошо, пусть будетъ по твоему, бывшій царь живъ,—сказалъ, подумавъ, Лаптевъ:—но вы зачѣмъ пришли? что вамъ надо?

Мужики переглянулись.

— Не наша, батюшка, нужда, государева, — отвѣтилъ кто-то:—вышелъ, слышь, такой указъ...

— О чемъ указъ?—спросилъ, теряя терпѣніе, Лаптевъ.

Ермилъ хотѣлъ отвѣтить и промолчалъ. Его костлявые пальцы судорожно перебирали дырявую шапку.

— Да что-жъ, дѣдушка, молчишь?—раздались опять голоса изъ толпы:—міръ положилъ, міръ,—ну, и сказывай; іонъ баринъ добрый, разумный, самъ смекнѐ...

— Видишь, батюшка, Пётра Ильичъ, видишь, родимый,—произнесъ, глядя въ шапку, Ермилъ:—царь объявилъ приказъ—не быть больше дворянамъ, помѣщикамъ, ну, и прочимъ чинамъ, а быть единому, какъ есть, хресьянству и володѣть намъ, хресьянамъ, значитъ, всѣми землями въ царствѣ, водами и всякимъ угодьемъ.

Лаптевъ разсмѣялся.

— Старая сказка!—отвѣтилъ онъ:—а вамъ она, пожалуй, и не въ диковинку; вѣдь вы и такъ всѣмъ у меня, сколько лѣтъ уже, владѣете. Правду ли говорю?

— Оно, сударь, такъ, да только, вѣдь, это по твоей милости, а въ другихъ мѣстахъ и по указу все кончено,—у Борщовыхъ, Голенищиныхъ, Болотиныхъ и Тарскихъ,—царь все то порѣшилъ, а нидѣ... и сами мужики.

— Какъ мужики?—спросилъ, нахмурясь, Петръ Ильичъ.

— А также, батюшка, сами, значитъ, по своему... какъ міръ, то-есть, положилъ.

Петръ Ильичъ выбросилъ пепелъ изъ трубки, набилъ ее снова табакомъ и молча сталъ раскуривать.—„Что это они?“—разсуждалъ онъ, теряясь въ догадкахъ:—„лукавятъ, юлятъ, по обычаю, собираясь выпросить что-либо новое? или у нихъ худшее на умѣ? Нѣтъ, быть не можетъ... Въ началѣ смуты, когда только первыя вѣсти о ней пошли, я спросилъ ихъ на тонѣ:—коли Пугачъ нагрянетъ на насъ, станете ли, ребята, меня оборонять?—Куда ему въ такую берлогу навернуться!—отвѣтили.—Ну, однакоже, вдругъ онъ явится?—Тебя-то,—отвѣтили:—не оборонить? грудью станемъ, ударимъ въ ломы, въ топоры...“

— Такъ какъ же, батюшка, Петръ Ильичъ, на чемъ положеніе твое?—спросилъ, видя молчаніе барина, Ермилъ.

„Не понимаю!“—терялся въ догадкахъ Лаптевъ:—„неужели, наконецъ, всѣ амбары и кладовыя, къ ихъ удовольствію, надо отворить? или, и въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ дошли какіе-либо бунтовскіе листы?“

— Говори прямо,—объявилъ онъ, пересѣвъ ближе къ мужикамъ:—тошно, право, съ вашими обиняками.

— Оно точно, сударь, лучше прямо,—сказалъ Ермилъ, тряхнувъ шапкой:—прочіе, видишь ли, по окольности и дальніе мужички, сполняя, выходитъ, царевъ приказъ, вчера и еще раньше... порѣшили все.

— Что порѣшили?

— Не обидься, батюшка, а оно такъ и сталось... прикончили...

— Что прикончили?

— Своихъ, то-есть, баръ... однихъ, о, Господи, пристрѣлили, другихъ иначе, а мы, видишь, не сполняемъ приказу... не отвѣтить бы, въ концѣ, не лишиться бы живота и всего добра.

Всегда веселый, находчивый Лаптевъ сильно поблѣднѣлъ.

— Такъ вы, ребята, что же это, пришли, чтобъ погубить меня?—спросилъ онъ, превозмогая смущеніе:—при томъ, можетъ, и не меня одного?

Ермилъ обернулся къ толпѣ. Его сѣрые, стальные глаза сверкали ледянымъ блескомъ.

— Какъ рѣшаете, братцы?—спросилъ онъ:—одному барину конецъ, или съ дѣтьми? ну, сказывайте, какъ велитъ міръ?

Мужики молчали. Ермилъ зорко смотрѣлъ на нихъ, ожидая отвѣта. Старый рыбакъ, Михей, худой, чахоточный, съ впалою грудью, неистово закашлялся. У его внука, недавно женившагося красавца, черноглазаго Сашки, тряслись руки и онъ растерянно шевелилъ блѣдными губами.

— Говорите же, братцы,—глухо сказалъ Ермилъ, подъ кашель надрывавшагося Михея:—надо же... о, Господи!

— Вѣстимо, не одному быть въ отвѣтѣ, всѣмъ вмѣстѣ!—послышались голоса изъ толпы.

— Такъ не обезсудь, батюшка,—сказалъ, кланяясь барину, Ермилъ:

—мы ужъ такъ тобою довольны, такъ... а что міръ положилъ, такъ тому и быть!

Петръ Ильичъ всталъ. Его руки дрожали; сердце билось сильно, глаза застилалъ туманъ.

— Извольте, ребята, готовъ! — произнесъ онъ, стараясь улыбнуться: —и какъ же теперь, въ дубины или станете стрѣлять?

— Гдѣ намъ, сударъ, стрѣлять,—отозвались мужики:—и ружей у насъ нѣту-ти, самъ рѣшай!

— Ну, ладно, — отвѣтилъ Лаптевъ: — вижу, вамъ дѣйствительно приказано, и вы иначе не можете поступить.

— Вѣстимо, батюшка, не можемъ, пожалѣй и насъ!—загалдѣла толпа:—мы твои и ты нашъ... родителямъ твоимъ и тебѣ сколько служили... нешто наша воля на то, подумай?

— Такъ вотъ что, я согласенъ,—объявилъ, помолчавъ, Лаптевъ:—съ однимъ только уговоромъ.

— Говори, отецъ, повсегда тебя слушали, исполнимъ твою волю и теперь.

— Горько, ребята, помирать, не такъ ли?

— Что и говорить,—ой какъ смерть не мила!

— Вы же рѣшили кончить не со мной однимъ, но и съ дочками? такъ, кажется?

— Такъ, сударь, такъ, по приказу.

— Вотъ, въ виду этого самаго, мнѣ и пришло на душу... вѣдь отецъ съ вами говоритъ, не чужой!

— Еще бы, у самихъ дѣти.

— Такъ вотъ именно, по поводу дочекъ и сказъ... Мнѣ хотѣлось бы,—и въ томъ послѣднее мое слово... — начните не съ меня, а съ нихъ! согласны?

— Почему съ нихъ?—удивились все болѣе пьянѣвшіе мужики.

— Да боюсь я, братцы, какъ помру, вѣдь онѣ барышни взрослыя, при томъ красивыя, не обидѣли бы ихъ, послѣ меня, какіе озорники?

— Что ты, батюшка, Господь съ тобой!—заговорили въ толпѣ:—да нешто мы басурмане какіе? крестъ у насъ, да и душа, тоже, чай, хресьянская.

— Не о васъ однихъ говорю; но всякіе людишки пьяные шатаются, могутъ и мимо васъ наспѣть... а я, други мои, выростилъ, выхолилъ дѣтей, въ страхѣ Божіемъ, въ правдѣ и во всей чистотѣ.

— Что-же, ребята, какъ полагаете? можно это?—спросилъ Ермилъ.

— Можно, можно! отчего же? согласны!—отвѣтили мужики.

— Спасибо, православные!—сказалъ Петръ Ильичъ, кланяясь:—теперь обождите маленько; пойду кликну дочекъ, а коли пѣтъ ихъ въ домѣ, пошлю за ними.

Лаптевъ вошелъ въ сѣни.

— Не убѣгъ бы, ребята?—отозвались вслѣдъ ему изъ толпы.

— Не уйдетъ, экъ, выдумали! — проговорилъ, надсѣдаясь отъ кашля, Михей:—нешто море какое, не нагнать его въ лѣсу? всѣ тропочки—кахи! кихи!—знаемъ.

XXV.

Петръ Ильичъ бросился въ комнату дочекъ, оттуда къ себѣ въ опочивальню. Здѣсь, у завѣшаннаго окна во дворъ, стояла Варя. На ней не было лица. Она слышала весь разговоръ отца съ мужиками.

— Такъ, значитъ, все ты знаешь?—вскрикнулъ, шатаясь, Петръ Ильичъ.

Варя молчала.

— Гдѣ Соня?—спросилъ Лаптевъ.

— Въ сторожкѣ, съ Дугановой.

— И она тутъ?

— На лодкѣ приплыла, ищетъ сына. Я ей сказала гдѣ онъ, и дрожки послала къ ней туда.

— Бѣги же, голубушка, бери её и Соню, и спасайтесь скорѣй.

Варя медлила. Лаптевъ перекрестилъ и поцѣловалъ дочку.

— Ахъ, папа, неужели эти изверги исполнятъ то, что говорятъ?—спросила, плача, Варя.

— Успокойся, милая, пустяки! но надо принять мѣры съ этими дикарями, лаской образумить ихъ... Одна ласка, доброе слово все порѣшатъ, успокойся... Господь съ вами, бѣги!

Взглянувъ на образъ, Варя обняла отца, отерла слезы и опрометью бросилась къ сторожкѣ. Лаптевъ постоялъ у окна. Изъ-за занавѣски ему были видны мужики. Одни горланили; другіе, взявшись подъ бока и расшатываясь, поплевывали передъ собой. Петръ Ильичъ упалъ на колѣни передъ кіотомъ и сталъ молиться, кладя земные поклоны.—„Боже, Господи! что же я сдѣлалъ дурнаго?“—шепталъ онъ: — „чѣмъ я обидѣлъ ихъ, чѣмъ согрѣшилъ передъ Тобой? не о себѣ молю, о дѣтяхъ“... — Послышался скрипъ крылечной двери.—„Неужели идутъ уже за мной?“—подумалъ Лаптевъ, вставая. Увидя заряженное ружье на стѣнѣ, онъ хотѣлъ снять его, и безнадежно махнулъ рукой.—„Зачѣмъ оно? не поможетъ въ такой толпѣ!“—рѣшилъ онъ и, пошатываясь, направился къ мужикамъ.

— Вотъ и я,—сказалъ онъ, снова выйдя съ трубкой на крыльцо:—послалъ за барышнями, а пока дайте, голубчики, покурить.

— Что же, можно, батюшка, кури!

— А кто, однако, первый изъ васъ, по совѣсти, скажите, собралъ сходъ и рѣшилъ это дѣло?—спросилъ Лаптевъ.

— Всѣ мы, разомъ, всѣ!—отвѣтила, напирая, толпа:—пришелъ вчера такой человѣкъ, отъ царскаго, значитъ, енерала и объявилъ.

— Ну, да ладно, ребята. Сейчасъ придутъ дочки, все кончимъ. А совѣсть, все-таки, надо очистить. Вы вотъ говорите, всѣмъ отъ меня были довольны... а можетъ, и не всѣмъ? говорите теперь прямо уже, безъ утайки... вѣдь скоро конецъ, на томъ свѣтѣ развѣ опять увидимся!

— Оно точно, Петра Ильичъ, коли требуешь, мы, какъ передъ Богомъ,—началъ, выдвинувшись изъ-за прочихъ, приземистый, въ старомъ зипунишкѣ и опоркахъ, мужикъ Гаврикъ:—ты вотъ берестову бухту отдалъ подъ тоню Тимошкѣ, а чѣмъ онъ лучше хоть бы меня? мы всѣмъ, то-есть, міромъ, тебѣ служили, а Тимошка что? дѣду Ермилу зять, такъ ему, живоглоту, и все подай?

— Брюханы-чертп! право, брюханы! — вскрикнулъ, плюнувъ, Ермилъ:—слопать дѣда и всю родню его захотѣли! ты что, паршивецъ, разводишь? по правдѣ говори!

— И скажу.

— Выспись прежде, спозаранку напился,—кричалъ Ермилъ.

— Ну, это ты ребятъ поилъ, а не я,—возразилъ цѣпляющимся языкомъ Гаврикъ.

— А кто сѣти у купца покралъ? за кѣмъ травкинскіе сторожа гнались?

— Не дѣло, дѣдъ, ябедничать, э-эхъ!.. ты лучше о своемъ.

— А что мнѣ? вотъ невидаль!—отбивался Ермилъ:—докажи свое; да не докажешь, лопнешь прежде, вотъ...

Толпа раздѣлилась. Одни налегали на Гаврика, другіе лѣзли на Ермила. Отъ всѣхъ несло водкой, лукомъ и потомъ. Петръ Ильичъ не слушалъ спорщиковъ. До его слуха изъ лѣса донесся чуть слышный стукъ колесъ. Они прозвучали гдѣ-то, за просѣкой, и замерли, отозвавшись далѣе, уже надъ берегомъ. Лаптевъ мысленно перекрестился, а чтобъ скрыть свою радость передъ мужиками, сталъ опять набивать себѣ трубку.—„Уѣхали, голубушки, спаси ихъ Господь!“—думалъ онъ:—„а со мной будь, что будетъ... Съ Минихомъ, при Ставучанахъ, турокъ билъ, Хотинъ брали, и живъ остался! неужели же, о Господи, погибнуть отъ мужицкой пьяной петли?“

Подъ шумъ и гамъ горланившей и махавшей руками толпы, никто не замѣтилъ, что у высокихъ, раскрытыхъ воротъ, съ рѣзною кровелькой, показался, съ винтовкой за плечами, верховой, огромнаго роста, казакъ. Онъ отъ хмѣля едва держался на сѣдлѣ. Мутнымъ взглядомъ окинувъ дворъ и толпу передъ домомъ, онъ медленно подъ-

ѣхалъ къ крыльцу. Мужики, завидя его, мгновенно смолкли.—„Новый царскій гонецъ“,—испуганно шептали въ толпѣ.

— Это вашъ панъ помѣщикъ, что ли?—спросилъ подъѣхавшій, указывая нагайкой на Лаптева.

— Виноваты, батюшка, онъ самый и есть.

— Виноваты? такъ вотъ вы какъ, нарушители, измѣнники свому царю? вяжи его!—крикнулъ, шатаясь, казакъ:—меды разводить? бражничать? на осину! съ ихнимъ братомъ у насъ расправа коротка!

Казакъ спустился съ сѣдла и, оступаясь и чуть не падая, полѣзъ на крыльцо. Мужики, нажимая другъ на друга, послѣдовали за нимъ. Судорожно ухватясь за притолокъ двери, блѣдный, растерянный Лаптевъ молча глядѣлъ на ихъ такъ давно ему знакомыя, обычно-добродушныя, теперь дышавшія непонятною злобой и ненавистью лица...

Марья Родіоновна, съ дочерьми Лаптева, благополучно, лѣсомъ, потомъ прибрежною тропинкой, доѣхала до пчельника въ Дубцáхъ. Имъ на-встрѣчу у въѣзда въ лѣсную засѣку, встрѣтился старикъ-пчелинецъ. На вопросъ, гдѣ ребенокъ и няня, старикъ, снявъ шапку, отвѣтилъ, что на зарѣ въ лѣсъ наѣхали, въ телѣгахъ, какіе-то незнаемые люди, должно, царевой команды, опрокинули лучшіе ульи, выбрали въ торбы медъ и взяли съ собой няньку и дитя.

— Куда взяли?—вскрикнула, бросаясь къ пчелинцу, Марѝ.

— Барченка, вишь, схоронилъ, и вѣдьма мамка съ нимъ!—закричали они:—бери ихъ, братцы, волоки туда-жъ!—и поскакали.

Марѝ безъ чувствъ упала на траву.

— Воды, воды!—закричали дѣвушки.

Пчелинецъ принесъ въ крынкѣ воды. Варя и Соня привели Марѝ въ сознаніе. Она залилась слезами.

— Боже, не доставало этого!—говорила она, ломая руки:—куда увезли? ахъ! говори же, дѣдушка, говори!

— Должно, въ городъ,—отвѣтилъ старикъ:—всѣхъ господъ, старыхъ и малыхъ, слышно, свозятъ туда.

— Что же ты раньше не далъ знать?

— И меня, сударыня, чуть не убили... Другіе это опять тоже наѣзжали, послѣдніе соты вырѣзали, вездѣ шныряли... насилу спрятался отъ нихъ въ оврагѣ...

„Что же дѣлать теперь?“—мучилась догадками Марѝ:—„остаться здѣсь, какая польза? найдутъ... къ Травкину ѣхать, онъ самъ исчезъ... Въ городъ, въ городъ! Всѣмъ овладѣлъ этотъ извергъ, все теперь зависитъ отъ него. Онъ одинъ во власти, одинъ, если смилуется и захочетъ, спасетъ меня, сына, няню и этихъ дѣвушекъ. Звѣрь, лютый

тигръ... не спрячешься отъ него. Не нынче, завтра изловятъ клевреты его, приведутъ къ нему... Такъ лучше попытаться, самой добровольно явиться къ нему"!..

— Далеко ли отсюда до Саратова?—спросила Марѝ кучера.

— Верстъ восемь.

— Ну, горой будетъ и десять,—замѣтилъ пчелинецъ.

— Нешто берегомъ, въ объѣздъ?—спросилъ дѣда кучеръ.

— А ты думалъ прямо, дорогой? попробуй, версты не минешь, изловятъ и коней отберутъ.

— Нашихъ-то вороныхъ? у́хну, птицей унесутъ.

Старикъ молча почесалъ въ бородѣ.

— И вправду, дѣдушка,—сказала Марѝ:—какъ намъ лучше проѣхать?

— На ту, вонъ, сударыня, гору,—отвѣтилъ пчелинецъ:—оттоль низомъ къ Волгѣ, а тамъ, версты черезъ три, круто отъ берега влѣво, тутъ и самый городъ.

— Знаешь? провезешь?—спросила Марѝ кучера.

— Не безпокойтесь, доставимъ.

— Согласны?—спросила Марѝ по-французски Варю и Соню.

— Ахъ, ѣдемъ, ѣдемъ,—отвѣтили тѣ, снова усаживая Марѝ на дрожки.

Кучеръ расправилъ возжи, медленно выбрался изъ гущины старыхъ, дуплистыхъ дубовъ, окружавшихъ пчельникъ, на рѣдколѣсную поляну и пустилъ лошадей рысью. Миновали гору. Дрожки спустились къ рѣкѣ. Дорога пошла берегомъ. Волга на всей ея ширинѣ была пуста; ни паруса, ни челна не виднѣлось на ея водахъ.—„Все замерло, притаилось съ приходомъ чудовища... Счастливицы Юнгеръ, ушли!"—невольно думалось Марѝ.—„А что-то бѣдный папа? что съ нимъ?"—размышляли Варя и Соня:—„онъ такой находчивый, его такъ любятъ... но съумѣетъ ли онъ образумить пьяныхъ?"—Невдали, влѣво отъ дрожекъ, обрисовались верхи церквей и зданій Саратова. Дрожки въѣхали въ подгородную, рыбацкую слободу. У крайней избы стояли, съ дубинами, сторожевые казаки.

— Куда ѣдете?—спросили они, заграждая дорогу путницамъ.

— Къ самому государю,—важно отвѣтилъ, придерживая коней, кучеръ.

— Кто такіе?

— Барыня Дуга́нова, съ прошеніемъ, и барышни Лаптевы.

— Раскрасавицы какія! стой-ка, давай выкупъ.

— Руки коротки!—отвѣтилъ кучеръ, ударивъ по лошадямъ.

Дрожки помчались въ улицу.—„Держи, держи!"—раздались сзади голоса. Изъ ближняго двора двое выскочили верхомъ и нѣкоторое

время гнались за дрожками. Вороные не выдали. Дрожки быстро умчались и скрылись въ закоулкахъ и огородахъ предмѣстья.

Улицы и площади города, куда въѣхали путницы, были безлюдны и пусты, какъ и Волга. Ограбленные купцы и дворяне прятались въ разоренныхъ домахъ. Чернь толпилась только у подгородныхъ кабаковъ и на выгонѣ, въ лагерѣ самозванца. На соборной площади, у длиннаго комендатскаго дома, Марѳа увидѣла ружья въ кòзлахъ и часоваго.—„Гауптвахта!“—подумала она:—„здѣсь, значитъ, высшая власть!“—и велѣла подъѣхать туда.

— Кто здѣсь главный изъ начальства?—спросила она часоваго.

— Енаралъ Панинъ,—отвѣтилъ тотъ, шагая съ ружьемъ.

— Какъ къ нему пройти?

— А тебѣ для-че?

— Съ прошеніемъ къ государю.

Часовой указалъ на крыльцо. Марѳа съ спутницами вошла въ сѣни, доложила о себѣ и была, съ Варей и Соней, введена къ „Панину“. Начальникъ города „Панинъ“, то-есть, Ивашко Творогòвъ, встрѣтилъ ихъ, сидя за столомъ, и не предложилъ имъ сѣсть.

— Съ челобитной?—спросилъ онъ, не глядя на пришедшихъ.

— Сына у меня малолѣтняго взяли, единственнаго сына!—проговорила сорвавшимся, молящимъ голосомъ Марѳа.

— Ну, такъ что-жъ? абы живъ былъ, не иголка, найдется! какъ звать тебя?

— Жена капитана Дугáнова,—отвѣтила Марѳа.

— Дугáнова?—спросилъ Ивашко, глядя на нее.

Марѳа повторила свое имя.

— Откуда родомъ?—спросилъ Ивашко:—гдѣ твоя вотчина, гдѣ мужъ?

— У свекрови вотчина въ Малороссіи, въ Изюмскомъ уѣздѣ; своей не имѣемъ; мужъ служитъ въ Москвѣ, а я гостила здѣсь, у золовки, съ ребенкомъ, но его тайно отъ меня схватили съ няней и, сказываютъ, увезли сюда.

— А эти кто будутъ?—спросилъ Творогòвъ, указывая на Варю и Соню:—сродственницы твои?

— Сосѣдки золовки моей, Лаптевы; довезли меня изъ жалости сюда, но и сами сироты, безъ матери, при старикѣ-отцѣ... тоже ищутъ защиты. Не откажи, милостивый, помоги.

— Кто твоя золовка?

— Тоже Дугáнова.

— Гдѣ она?

— Съ мужемъ своимъ, братомъ моего, отъѣхала въ гости подъ Казань и, что̀ теперь съ ними, не знаетъ никто.

Въ глазахъ Творогова мелькнулъ огонекъ.

— Ладно!—сказалъ онъ, подумавъ:—идите, васъ не тронутъ; его величество теперь въ лагерѣ, завтра всѣхъ позоветъ и, какъ слѣдуетъ, разсудитъ.

По знаку Творогова, Дуганову и Лаптевыхъ отвели въ ближній переулокъ, гдѣ три большихъ деревянныхъ дома были заняты арестантами и городскими и дальними просителями изъ дворянъ, ожидавшими на утро допущенія къ самозванцу, у Соколовой горы. Мужчины здѣсь были помѣщены отдѣльно отъ женщинъ. Войдя на женскую половину, Марѳа присѣла, отъ изнеможенія, въ углу на стулъ. Ея спутницъ окружили ихъ знакомыя. Пошли разспросы, какъ онѣ спаслись и попали сюда. При разсказѣ объ отцѣ, Лаптевы расплакались. Ихъ стали утѣшать, говоря, что самозванецъ, нетревожимый въ Саратовѣ никѣмъ, оказался, сверхъ ожиданій, болѣе снисходительнымъ. что безъ его разбора и велѣнія никого не тронутъ, а ихъ отецъ, вдобавокъ, совершенно добрый, никого не обижавшій человѣкъ. Марѳа съ тревогой вслушивалась въ общій говоръ.—„Вася мой, Вася!“—думала она:—„живъ ли ты и гдѣ тебя искать?“—Изъ сосѣдней комнаты вошла въ это мгновеніе какая-то высокая, исхудалая и какъ бы гдѣ-то видѣнная Дугановою женщина, въ измятомъ платьѣ и съ безпорядочно-взбитыми волосами.

— Машенька, ангелъ! ты ли это? — вскрикнула вошедшая, бросаясь къ Марѳѣ и, со слезами, обнимая ее.

Марѳа узнала Нинѣтъ Ладыженцеву.

— И ты спасена? какъ я рада!—съ искреннимъ участіемъ проговорила Марѳа, усаживая ее возлѣ себя: — куда ты скрылась и какъ очутилась здѣсь?

— Я убѣжала въ Горкахъ черезъ садъ, лѣсомъ выбралась на дорогу и пустилась къ Травкину; его хуторъ былъ уже разоренъ, усадьба сожжена. Я переночевала въ саду, въ бесѣдкѣ, и утромъ стала думать: что же далѣе? сегодня спрячусь въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ, но гдѣ-нибудь откроютъ, схватятъ, и тогда—вѣрная гибель... Я рѣшилась прямо отправиться сюда и вчера, договорившъ подводу сосѣдняго колониста, пріѣхала.

— И я поступила такъ же, — произнесла Марѳа: — ахъ, Нина! представь себѣ ужасъ, няню и Васю пріютилъ было Лаптевъ, но ихъ схватили у него, на насѣкѣ, какіе-то люди и увезли, какъ говорятъ, сюда. И гдѣ они, живы ли, не знаю.

— Что же ты намѣрена дѣлать?

— Просить аудіенціи у этого, какъ его здѣсь всѣ называютъ, царя.

— Да,—отвѣтила Нинѣтъ:—кто бы онъ ни былъ, но здѣсь онъ самодержецъ... А какія событія, Богъ мой, и что открывается!—про-

должала, понизивъ голосъ, Ладыженцева:—да нѣтъ, ты не ожидаешь, и могъ ли кто предвидѣть, не только на яву, даже во снѣ!

— Что же именно? говори!

— Ахъ, нѣтъ, не могу, здѣсь не рѣшусь, — отвѣтила, оглядываясь, Нинетъ:—могутъ подслушать... пойдемъ въ другую комнату.

Марѝ встала. Нинетъ провела ее въ небольшую, окнами во дворъ, горенку, гдѣ лежали узлы, верхнія платья и другія вещи временныхъ постоялицъ этого дома. Въ горенкѣ въ это время не было никого.

— Видишь ли тотъ вонъ домишко?—спросила Нинетъ, показывая Марѝ въ окно на уголъ двора: — я эту ночь спала тамъ; здѣсь съ вечера биткомъ было набито и нѣкоторыхъ переводили туда.

— Ну, и что же?

— Ахъ, не могу? ты не повѣришь... какой странный случай, какое совпаденіе нежданныхъ, невѣроятныхъ событій!

— Говори же, говори!

XXVI.

Ладыженцева молча прошлась по комнатѣ, взглянула за дверь и сѣла возлѣ Марѝ.

— Прошлую ночь, повторяю, я спала, съ двумя здѣшними мѣщанками, въ томъ вонъ домишкѣ, — начала она: — тамъ же, въ другой, сосѣдней комнатѣ, за запертою дверью, помѣщалась какая-то арестантка, съ дѣтьми. Къ нимъ былъ отдѣльный ходъ, и у ихъ крыльца, какъ было видно изъ нашего крайняго окна, на караулѣ стоялъ часовой. Все было тихо. Мои компаньонки съ вечера добыли черезъ стражу водки, выпили и вскорѣ крѣпко заснули... Я, послѣ всего испытаннаго, особенно, никогда, пока жива, не забуду, какъ мы съ тобой обѣдали и какъ, послѣ возгласа Сысоевны: Пугачовъ! — раздались крики и толпа стала ломиться въ домъ... Вспоминая пережитое, и вчера я долго не могла сомкнуть глазъ. И вдругъ слышу, — это было уже незадолго до разсвѣта, — въ комнатѣ сосѣдки-арестантки, сперва тихо, потомъ явственнѣе послышались два голоса,—женскій и мужской. Мужчина вошелъ туда, очевидно, съ другаго крыльца. Но какъ его пропустилъ часовой?—удивлялась я. Долго не могла я разобрать, о чемъ говорятъ. Но бесѣдовавшіе заспорили. Я лежала головой къ печи, за которою въ смежную комнату была, какъ я убѣдилась потомъ, для вентиляціи, продѣлана отдушина; проходившій воздухъ покачивалъ неплотно-припертою заслонкой. Въ эту отдушину я неожиданно услышала необычныя вещи... Арестантка, съ плачемъ, стала укорять пришедшаго къ ней человѣка. — Какой ты мнѣ мужъ, а дѣтямъ отецъ? — говорила она, возвышая голосъ:—коли вовсе отка-

зываешься, не признаешь ни меня за жену, ни ребятъ за своихъ дѣтей?—Слушай, Дмитріевна,—проговорилъ на это вошедшій:—всѣ пристали, начали просить, чтобъ я принялъ званіе и все... ну, я и принялъ... Обожди, слушай, — на Донъ двинемся, Донъ поднимемъ, а оттуда въ Туречину, либо въ Персію... Озолочу васъ всѣхъ, милліоны будутъ у насъ... — Не надо мнѣ твоихъ мильонъ мильоновъ, — живи лучше по-божески!—ишь вѣдь ты какимъ собакой сталъ, не приступишься къ дьяволу!—Молчи, дура, растяпа!—прохрипѣлъ мужской голосъ:—и попомни одно,—помѣшаешь въ чемъ, заикнешься кому, хоть словомъ, выдашь меня,—вотъ те крестъ святой,—своеручно при всѣхъ голову срублю!—Арестантка смолкла, потомъ будто тихо зарыдала. Вошедшій сказалъ вполголоса еще нѣсколько словъ, которыхъ я уже не разслышала, и прекратилъ разговоръ. Скрипнула наружная дверь. Я поняла, что посѣтитель уходитъ, бросилась къ окну и стала глядѣть въ него, изъ-за притолка. Въ это время уже начался разсвѣтъ. Я разглядѣла мужчину, медленно шедшаго въ двухъ шагахъ мимо окна, и замерла отъ изумленія... Какъ ты думаешь, кого я узнала въ томъ человѣкѣ?

— Не догадываюсь... но для чего ты все это говоришь?

Ладыженцева схватила Марѣ за руку.

— Помнишь, близъ Ракитнаго, въ Кабаньемъ, — спросила она, задыхаясь:—помнишь, у тамошняго крестьянина Коровки прожилъ больной ногами казакъ Ивановъ и мы еще съ тобой лѣчили его?

— Помню... ну?

Нинетъ нагнулась къ Марѣ.

— Не догадываешься?—спросила она:—это и былъ тотъ самый казакъ Ивановъ,—тотъ же видъ, походка, тѣ же глаза и борода,—только разряженный, въ бархатномъ кафтанѣ и въ шапкѣ изъ золотой парчи.

— Что же удивительнаго?—сказала Марѣ:—онъ, какъ и прочіе казаки, присталъ къ самозванцу, разбогатѣлъ, разумѣется, на грабежѣ, могъ возвыситься въ этой шайкѣ и отказывается теперь отъ семьи... Это такъ просто у нихъ...

— Да арестантка-то эта, арестантка!—прошептала Нинетъ, сжимая руку Марѣ:—утромъ спрашиваю у сторожей, кто подъ карауломъ въ сосѣдней комнатѣ? Отвѣчаютъ,—жена, съ дѣтьми, казака Пугачова, вѣрнаго слуги нашего истиннаго батюшки-царя... Пугачова, молъ, убили за помощь государю въ Питерѣ, царь нашелъ его жену въ Казани и содержитъ ее, съ дѣтьми, въ память вѣрнаго слуги, при себѣ. Поняла ты теперь?

— Ничего, извини, не понимаю.

Нинетъ всплеснула руками.

— Какъ же ты не понимаешь? Ну, эта арестантка—кто? сторожа говорятъ, жена Пугачова... Прошлою ночью кто къ ней приходилъ?—ея мужъ, который именуетъ себя царемъ... Ясно теперь? ну, ясно?.. Что намъ за дѣло, какія тамъ у нихъ отношенія и женился ли онъ на ней, во время своихъ бѣдственныхъ странствій, или такъ держитъ ее при себѣ, будто бы въ память услугъ ея мужа,—этого я не знаю и знать не хочу. Но я довѣдалась, убѣдилась въ одномъ,—если только не обманули меня глаза,—приходившій ночью къ этой женщинѣ человѣкъ былъ когда-то нашимъ паціентомъ, казакомъ Ивановымъ, а теперь онъ—царь!

— Что же ты хочешь этимъ сказать?—спросила Марѝ.

— А то, что теперь мы навѣрное спасены. У мужика Коровки, по сосѣдству съ нами, въ бѣдности и нищетѣ, проживалъ истинный царь.

— Но ты же сама говоришь, что ночной посѣтитель грозилъ смертью той женщинѣ, если она обмолвится, выдастъ его обманъ...

— Еще бы! онъ не желаетъ, чтобъ узнали о ихъ связи... вѣдь у него жива въ Петербургѣ жена—царица.

— Нина! ну, что ты говоришь? да этотъ самозванецъ зимой, подъ Яикомъ, женился уже открыто на другой.

— Ложь это все, злые слухи,—возлѣ насъ, повторяю, проживалъ истинный царь. И я завтра, если только допустятъ меня къ нему, напомню ему наше вниманіе и заботы о немъ.

— Не совѣтую!—отвѣтила, подумавъ, Марѝ:—впрочемъ, что же я? можешь поступать, относительно себя, какъ хочешь,—меня же не впутывай, прошу... И не только прошу, заклинаю, требую—ни однимъ словомъ, ни взглядомъ, не намекни обо мнѣ...

— Да почему же?—удивилась Нинéтъ.

— Не могу тебѣ этого объяснить, но какое-то неодолимое предчувствіе тяготитъ меня... Ахъ, Нина, будь осторожна съ этимъ роковымъ человѣкомъ... Царь ли онъ,—какъ ты вѣчно увѣряла и теперь говоришь,—или самозванецъ,—какъ я убѣждена,—но берегись... Онъ половину Россіи залилъ кровью, и что еще ты сама слышала ночью? вѣдь женѣ, матери собственныхъ дѣтей, за одно слово, грозилъ онъ голову отсѣчь!

— Мнѣ не отсѣчетъ, кто бы онъ ни былъ! Вспомни сказочную дѣвушку, какъ она вынула занозу изъ лапы льва, и что изъ того вышло... одна благодарность заставитъ его снизойти къ намъ и насъ охранять.

— Ну, я все тебѣ сказала... Спасай, родная, себя; помоги тебѣ Господь... меня же отъ его благодарности, — за вынутую занозу, — лучше избавь.

Нинéтъ, нахмурясь, молчала.

— И о себѣ лучше не говори,—просто проси его... дай мнѣ въ этомъ слово... даешь?

— Подумаю!—отвѣтила, пожавъ плечами, Нинéтъ.

На другой день просители и арестанты не были допущены къ самозванцу. На вопросы истомленныхъ напрасными ожиданіями, почему ихъ не зовутъ къ Соколовой-горѣ, имъ отвѣчали, что царь-батюшка осматриваетъ войска и дѣлитъ запасы хлѣба. Въ дѣйствительности— Пугачовъ на радости, что такъ удачно занялъ Саратовъ, два дня подърядъ пьянствовалъ, и его прятали отъ глазъ народа.

Было утро десятаго августа. Погода стояла тихая, теплая, чисто лѣтняя. На небѣ ни облачка. Лагерь мятежниковъ передвинулся ближе къ Волгѣ, обогнувъ собой Соколову-гору, на склонѣ которой, впереди очищенныхъ, подъ свиту самозванца, зданій канатнаго завода, виднѣлась большая, бѣлая палатка Пугачова. Невдали отъ этой палатки стояла другая, поменьше, для старшинъ и приближенныхъ самозванца, а рядомъ съ нею третья, такъ-называемая — канцелярія. Съ разровненной и усыпанной пескомъ площадки, передъ этими палатками, былъ виденъ весь городъ, съ его слободами, и оба лагеря: пѣшій— вправо, конный—влѣво.

Невдали отъ ставки самозванца стояло духовенство, для приведенія къ присягѣ все еще подвозимыхъ и приводимыхъ изъ окрестностей помѣщиковъ, офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ. Въ заводскомъ дворѣ, подъ стражей, виднѣлись ожидавшіе рѣшенія своей участи арестанты, а впереди крайней заводской избы, подъ ея тѣнью, стояли, сидѣли на заваленкѣ и полулежали на травѣ нѣсколько городскихъ и сосѣднихъ дамъ и дѣвицъ, которымъ Пугачовъ назначилъ явиться къ себѣ. Входную дверь въ его палатку оберегалъ, съ саблями на-голо, въ красныхъ кафтанахъ, караулъ изъ яицкихъ казаковъ, при барабанщикѣ и трубачѣ. Бывшіе во дворѣ и у избы съ нетерпѣніемъ ожидали, скоро ли откроются полы этой палатки и начнется обѣщанный пріемъ.

Изъ другаго, боковаго входа въ палатку вышелъ нахмуренный Творогóвъ. Медленно сложивъ бумагу, бывшую въ его рукѣ, онъ направился въ старшинскую ставку, гдѣ на кошмѣ сидѣлъ Ѳедоръ Чумаковъ. Послѣдній что-то диктовалъ новому секретарю самозванца, Дубровскому, приспособившему свое писаніе на перевернутомъ, пустомъ боченкѣ.

— Кончилъ?—спросилъ Ивашко, нетерпѣливо глянувъ на Чумакова.

— Кончаю,—отвѣтилъ тотъ.

Творогóвъ подождалъ, пока Дубровскій, дописавъ бумагу, забралъ чернильницу и перо и вышелъ.

— Ну, Ѳедоръ Ѳедотовичъ,—сказалъ, опустясь на кошму, Ивашко: —ухлопались мы, нечего сказать! ни впередъ теперь, ни назадъ.

— Что такое?—спросилъ, зѣвнувъ послѣ ночной попойки, Чумаковъ.

— А то, что царь-то нашъ,—думалъ ли ты такое?—сдается мнѣ теперь, какъ передъ Богомъ,—не царь, а просто мужикъ.

Чумаковъ привскочилъ на мѣстѣ.

— Какъ? что ты, Иванъ, сказалъ? опомнись! спьяну мало ли что покажется.

— Не спьяну, а ты слушай только, не перебивай.

Творогдвъ всталъ, бережно выглянулъ изъ палатки и снова присѣлъ возлѣ Чумакова.

— Давно, братъ Ѳедоръ, примѣчалъ я и догадывался, — началъ онъ вполголоса, останавливаясь и прислушиваясь къ двери:—что нашъ явленный-то царь не грамотенъ и, какъ есть, въ письмѣ и чтеніи несвѣдущъ... Еще первый его писарь, Почиталинъ, во хмѣлю, разъ проговорился мнѣ, будто государь тайно сулилъ ему алмазный, дорогой перстень и, подъ смертною клятвою, заставлялъ по ночамъ—водить его рукой, обучая, какъ надо подписываться... „По-царски, молъ, писать умѣю, но срокъ еще не пришелъ оказать мою монаршую руку,—такъ поучи по-вашему писать, по простому“... Я тогда промолчалъ, а Почиталинъ вскорѣ попался въ плѣнъ. Ну, а теперь скажу — и впрямь, нашъ-то явленный оказался, какъ есть, неучъ, въ грамотѣ слѣпъ...

Слова государева любимца сильно озадачили Чумакова.

— Какъ же ты довѣдался о томъ?—спросилъ онъ, глядя на разсказчика и думая:—„Ужъ не подосланъ ли ты, не пытаешь ли, съ умысломъ, чтобъ погубить?“

— Узналъ я, другъ ты мой, вовсе, какъ есть, случайно. Написалъ съ моихъ словъ Дубровскій заказанную мнѣ вотъ эту самую грамоту къ донскому войску,—что, молъ, вѣрные мои донцы, встрѣтьте меня вѣрою и правдой, поддержите, иду къ вамъ,—ну, и прочее... Я взялъ ту грамоту, прошелъ это сейчасъ къ нему и говорю: „подпишите, ваше величество“. Онъ взялъ ее, держитъ, вижу, передъ собой, вверхъ ногами, и будто читаетъ... А ты, Ѳедоръ Ѳедотовичъ, знаешь, я былъ въ нѣвчихъ и, хоть малость, а грамотѣ знаю,—пишу неладно, каракулями, читать же гораздъ... Что за оказія?—подумалъ я и жду, что будетъ далѣе. А онъ отдалъ мнѣ бумагу и говоритъ: — пусть за меня подпишется Дубровскій; не время еще мою руку народу казать!— А я ему—прочитай хоть, батюшка, ладно ли все написано?—Взялъ онъ опять бумагу, также вверхъ концомъ, и говоритъ, съ сердцемъ:—эхъ, дьяволы, какъ это у васъ писаря плохо пишутъ! ничего не разобрать,—прочти самъ...—Тутъ только все мнѣ и объяснилось. Дубров-

скій плохо пишетъ? да онъ, братецъ, не писарь,—кудесникъ, нижетъ тебѣ слова кругло, да четко, ну, — какъ жемчугъ, — лучше печатной книги разберешь.

Чумаковъ слушалъ все это молча.

— Что скажешь на мои слова? — спросилъ Творогòвъ: — какъ намъ быть?

— А ты какъ бы рѣшилъ? — отвѣтилъ Чумаковъ.

„Ишь, чортъ, виляетъ, прямо не говоритъ! — подумалъ Творогòвъ: — ну, ладно, сдашься и ты!“

— Что же, Ѳедоръ Ѳедотовичъ, — отвѣтилъ онъ: — наше дѣло, самъ видишь теперь, такъ плохо, такъ плохо, что не угадаешь, какъ дальше быть!

— Дай время, надумаемъ,—сказалъ, вставая, Чумаковъ:—я тоже, сказать тебѣ, давно въ сомнѣніи; а что дѣлать, лучше обождемъ... Кто теперь у царя? скоро ли станетъ принимать?

— Скоро, рядится теперь,—презрительно усмѣхнулся Творогòвъ:— потребовалъ отъ Мясникова орденъ, ленту и платье съ повѣшенныхъ вчера князей Баратаева и Шахматова. Не въ духѣ съ похмѣлья, — да и пилъ же чортъ! на что глотка у Баранки, и того перепилъ. Спрашивалъ тоже, кто просители.

— Кого потребуетъ прежде?

— Разумѣется, бабъ... сколько ихъ!

— Что же, видно, красивыхъ опять припасъ ему Мясниковъ?

— Всякія есть,—сердито отвѣтилъ Творогòвъ:—да что ему? абы были новыя... баловникъ-дьяволъ,— не боится ни совѣсти, ни сторонникъ, совсѣмъ осатанѣлъ...

Раздался звукъ барабана. Отрядъ конныхъ казаковъ, подъ предводительствомъ Овчинникова, отдѣлясь отъ лагеря, поднялся въ гору и выстроился рядомъ съ пѣшею охраной, возлѣ палатки самозванца.

— Не вѣритъ нашему караулу, — замѣтилъ Ивашко, указывая Чумакову на подошедшій отрядъ:—позвалъ конныхъ.

Чумаковъ и Творогòвъ прошли къ государевой палаткѣ и стали у ея входа. Полы палатки распахнулись. Выглянувшій изъ-подъ нихъ Мясниковъ позвалъ Творогòва къ самозванцу. Черезъ минуту Ивашко вышелъ оттуда, взялъ съ собой двухъ казаковъ и направился въ заводскій дворъ къ арестованнымъ.

— Гдѣ тутъ барышни Юнгеръ? — спросилъ онъ, входя, мимо стражи, въ ворота.

Изъ толпы арестантовъ вышли, едва ступая ногами, съ заплаканными, обезображенными отъ страха лицами, дочери бывшаго саратовскаго коменданта. Онѣ робко оправляли на себѣ платья и прическу.

— Васъ перехватили на баркѣ?—спросилъ Ивашко.

— Да, господинъ, мы сироты, бѣдныя дворянки, отецъ умеръ, нашу мать убили, а всѣ наши вещи, деньги и все отняли сегодня бурлаки.

— Зачѣмъ было бѣжать?

— Ахъ, защитите, господинъ, не дайте погибнуть.

— Идите, — отвѣтилъ Творогдвъ, подводя плѣнницъ къ палаткѣ.

Дѣвушки вошли въ нее. Марѣ, съ Нинéтъ и другими просительницами, стоя у заводской избы, съ замираніемъ сердца слѣдила за всѣмъ, что происходило у палатки самозванца. Эта огромная, изъ бѣлой, шелковой ткани, палатка, съ золотою бахромой по швамъ и съ алымъ, плисовымъ верхомъ, поражала своею красотой. Надъ нею развѣвался бѣлый шерстяной флагъ, съ нашитымъ на него осьмиконечнымъ, раскольничьимъ крестомъ, изъ золотаго галуна. Палатка, какъ толковали у избы, была взята въ усадьбѣ пригородной вотчины казеннаго богача, князя Баратаева. Глядя на нее, Марѣ, съ содроганіемъ, соображала, куда изъ ея дверей пойдутъ позванныя къ самозванцу сестры Юнгеръ, — обратно ли, въ заводскій дворъ, или къ ближнему холму? За послѣднимъ, какъ толковали у избы, были устроены висѣлицы, гдѣ, подъ надзоромъ самозванцевыхъ камергеровъ-палачей, Ефима Давилина и Прóньки Мертвецова, въ предыдущіе дни вѣшали и иными способами казнили немало жертвъ.

Полы палатки приподнялись. На площадкѣ снова показались сестры Юнгеръ. Идя обратно къ прочимъ арестованнымъ, онѣ едва сознавали себя отъ волненія и, отирая слезы, издали радостно восклицали знакомымъ: „помилованы! въ Царицынъ велѣно! простилъ!“

За дѣвицами Юнгеръ были позваны дворяне Рахманиновъ и Быковъ, за ними офицеры гарнизоннаго батальона Астафьевъ и Мосоловъ. Всѣхъ четырехъ казаки отъ палатки увели за холмъ, гдѣ черезъ мгновеніе раздался залпъ ружей. Услыша эти выстрѣлы, Марѣ чуть не упала въ обморокъ. Она оглянулась на Нинéтъ. Ладыженцеву, въ это время, позвали къ самозванцу. Она твердою поступью направлялась къ его палаткѣ.— „Сдержитъ ли Нина слово? не проговорится ли о себѣ и обо мнѣ?“ —съ замираніемъ сердца думала Марѣ, провожая ее глазами.

Ладыженцева вошла въ ставку Пугачова. Въ углубленіи, противъ двери, она увидѣла нѣсколько возвышенный надъ поломъ помостъ, крытый алымъ ковромъ. На немъ стояло большое, съ высокою рѣзною спинкой, обитое желтымъ сафьяномъ кресло, взятое изъ разоренной и сожженной усадьбы князя Шахматова, какъ и висѣвшіе на стѣнахъ, по бокамъ кресла, въ золоченыхъ рамахъ, портреты: слѣва— императрицы Елизаветы Петровны, справа—цесаревича Павла Петровича. На креслѣ, въ мѣшковатомъ сѣромъ фракѣ, съ голубою лентой

черезъ плечо и со звѣздой на груди, сидѣлъ, въ синихъ казацкихъ шараварахъ и въ треуголкѣ, сильно-загорѣлый, бородатый человѣкъ. У его пояса былъ морской кортикъ, въ рукѣ зрительная трубка.

— Подойди ближе,—послышался голосъ съ возвышенія:—не бойся, говори, кто ты и что тебѣ нужно?

XXVII.

Нинѣтъ взглянула на говорившаго и едва совладѣла съ собой, чтобы двинуться отъ порога. — „Онъ, именно онъ!“ — пронеслось въ ея мысляхъ:—„тотъ же голосъ, тѣ же глаза и весь видъ,—тотъ самый, кто нѣкогда проживалъ, подъ именемъ казака Иванова, въ Кабаньемъ... Да, это царь!“ — говорила себѣ, съ радостною дрожью, Нинѣтъ, разглядывая нахмуренное лицо и невыспавшіеся, устремленные на нее, глаза самозванца: „онъ не прогнѣвается! за что быть немилости? такая заслуга... все онъ сдѣлаетъ, за помощь ему, въ годину бѣдствій, все!“

— О чемъ твоя челобитная? говори!—повторилъ Пугачовъ:—какъ твое прозвище?

— Ладыженцева.

— Откуда? зачѣмъ явилась къ намъ?

„Время смутное, много всѣмъ по-неволѣ обидъ,— защити меня и другихъ сиротъ-дворянокъ!“ — хотѣла сказать Нинѣтъ и промолчала. Изъ глубины ея души рвались иныя слова.

— Ваше величество,—вдругъ произнесла она:—не казните, милуйте... узнаёте ли меня?

Самозванецъ, нагнувшись съ кресла, ближе взглянулъ на просительницу.

— Видѣлъ будто, а гдѣ — не упомню,— отвѣтилъ онъ:— говори, что надоть?

— Вы, государь, были больны, раны на ногахъ... въ Малороссіи... вспомните, въ Изюмскомъ уѣздѣ... въ селѣ Кабаньемъ.

Въ сонныхъ глазахъ Пугачова какъ бы что-то зажглось.

— И мнѣ, вашей вѣрноподданной,— продолжала Нинѣтъ: — выпало счастье лѣчить и вылѣчить ваше величество; я тогда гостила, по сосѣдству, у родныхъ.

Лицо самозванца покрылось красными пятнами; лѣвый глазъ его задергала судорога. — „Что это она? куда мѣтитъ?“ — подумалъ онъ, разглядывая просительницу: — „узнала во мнѣ бывшаго бродягу, мужика?.. выкупа, что ли, захотѣла? Ихъ тогда было двѣ... Кажись, и вторая была съ просьбой!“

— Вы, государь, въ то время, разумѣется, скрывались отъ враговъ, — проговорила Нинѣтъ: — не время было явиться... но теперь вы снова въ силѣ и власти, народъ васъ призналъ...

— Скрывался я, точно, въ эвти самые годы, — произнесъ Пугачовъ: — и гдѣ только, въ какихъ странахъ и у какихъ народовъ не бывалъ, отъ земли потерянный, подлинный я самъ, на престолъ опять всхожу, — только не помню что-то ни Кабаньяго, ни тебя.

Нинѣтъ ожидала такого возраженія. — „Не диво, что онъ забылъ, — столько испыталъ, бѣдный, съ тѣхъ поръ!“ — подумала она.

— А это, ваше величество, помните? — сказала она, срывая съ шеи и подавая самозванцу крестикъ: — вашъ даръ, святыня отъ Ченстоховской Божьей Матери?

— Такъ, такъ, теперича вспомнилъ! — отвѣтилъ Пугачовъ, взявъ и разсматривая крестикъ: — и точно вѣдь выпало тебѣ счастье! Не всякому приводится свому царю, въ бѣдности его и нищетѣ, пособлять. Думала ли моя тётка, — или мой сынъ, — продолжалъ онъ, указывая на портреты императрицы Елизаветы и цесаревича Павла: — думали ли они, что я, великій, значитъ, русскій царь, испытаю такія лютыя горести? Проси, что̀ тебѣ нужно...

— Дайте, государь, охрану свою намъ, беззащитнымъ, вѣрноподданнымъ вашимъ дворянкамъ, — многихъ, простите, обижаютъ казаки. Страшно жить, ждешь всего...

— Ладно, будетъ исполнено. Еще что̀?

— Здѣсь тоже наши родные и ближніе; у иныхъ забрали все имущество, у другихъ — даже дѣтей. О послѣднемъ сами они, коли будетъ милость ваша, скажутъ...

— Ну, иди себѣ, все прикажу! — нетерпѣливо отвѣтилъ Пугачовъ: — эй, кто тутъ? — крикнулъ онъ.

Вошелъ Творого̀въ.

— Откинь занавѣску, душно, — сказалъ самозванецъ.

Творого̀въ открылъ двери.

— Счастья и благоденствія вашему величеству! много лѣтъ царствовать! — произнесла, дѣлая форменный реверансъ и уходя, Нинѣтъ.

Она слышала, какъ за ея спиной было произнесено имя Дуга́новой.

— Мужайся, — шепнула она, подойдя у избы къ Марѝ: — сейчасъ позовутъ тебя... о, еслибы ты знала, какъ онъ великодушенъ и добръ... и ты еще сомнѣвалась!

— Дай-то, Господи...

— Иди смѣло, увидишь, все подготовлено, хотя о тебѣ не сказано ни слова.

Марья Родіоновна, не помня ни себя, ни окружающаго, черезъ силу приблизилась къ палаткѣ Пугачова и вошла въ нее. — „Онъ

самозванецъ, убійца столькихъ неповинныхъ жертвъ",—думала она, цѣпенѣя отъ ужаса:—„и въ рукахъ этого изверга судьба моего ребенка! Что я ему скажу, какъ буду просить?"

— Ближе стань, — послышался хриплый голосъ съ кресла:—да говори скорѣе, что надоть? всѣ вы тянете, а у меня дѣловъ не ваши одни, и никто того понять не могитъ...

Марѣ ступила, шатаясь, отъ порога и безпомощно опустилась на колѣни. Слезы кипѣли въ ея горлѣ; языкъ отказывался служить.

— Что же скажешь? говори!—повторилъ Пугачовъ.

Марѣ подняла глаза и остолбенѣла. Она въ самозванцѣ, дѣйствительно, узнала постояльца Коровки; Емельянъ сразу узналъ ее. Они нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга. Марѣ пришла въ себя.

— О помощи молю, о спасеніи дитяти,—сказала она, протянувъ руки:—ребенка моего, единственнаго сына, схватили твои дозорцы, и—гдѣ онъ, куда его дѣли—невѣдомо никому.

— Гдѣ взяли твово сына?

— На пасѣкѣ, у сосѣда, въ лѣсу.

— Прятала его тамѣ? зачѣмъ?

— Какъ не прятать! набѣжали казаки, ограбили усадьбу, гдѣ мы жили у родныхъ, церковь сожгли,—нянька, безъ моего вѣдома, увезла ребенка въ лѣсъ.

— Кто ты, какъ прозываешься?—спросилъ Пугачовъ, не показывая вида, что узналъ просительницу.

„Не призналъ меня, и отлично!" — подумала Марѣ: — „еще недовольнымъ могъ бы остаться, что видѣла его простымъ, какъ есть, мужикомъ..."

Она назвала себя.

— Дуга́нова?—спросилъ Пугачовъ:—прозвище какъ бы знакомое, —не имѣла ли сродственниковъ возлѣ Казани?

— Братъ моего мужа, съ женой и съ дѣтьми, уѣхалъ туда въ гости... въ ихъ селѣ я, съ сыномъ, ждала ихъ возврата.

„Да!"—разсуждалъ, вглядываясь въ просительницу, Пугачовъ:— „не та рыжая, долговязая и зубастая, что хвасталась тутъ, а она.— эта писаная красавица, — первая въ то время сжалилась надъ больнымъ, пропадавшимъ отъ ранъ, сермяжниковъ, осмотрѣла меня и прислала травъ и ту, рыжую, лѣчить меня... Но почему не признается она, какъ та!"—И онъ продолжалъ вглядываться въ Марѣ. Ему вспомнился Изюмскій уѣздъ, жизнь въ Кабаньемъ, у казака Коровки, раны на ногахъ, отъ долгихъ скитаній въ пустынной степи, и эта сердобольная, ласковая барыня, вылѣчившая его въ то тяжелое время.

— Кто твой мужъ? и гдѣ онъ?—спросилъ Пугачовъ.

— Въ Москвѣ служитъ, былъ съ порученіемъ въ Петербургѣ.

— Чѣмъ служитъ?

— Адъютантомъ московскаго главнокомандующаго.

— Видѣла ли ты меня когда-нибудь прежде?—спросилъ самозванецъ:—встань, не бойся, говори правду.

Сердце Марѝ сильно билось. Холодъ пробѣгалъ у нея съ головы до пятъ. Она медленно встала.

— Нѣтъ, не имѣла случая, не видѣла!—отвѣтила она побѣлѣвшими губами.

— Смотри получше, подумай, вспомни!—повторилъ, вглядываясь въ просительницу, самозванецъ.

— Не помню... не видѣла!—твердо выговорила Марѝ.

„Врётъ! полагаю, помнитъ, даже, пожалуй, признала меня, только боится,—подумалъ Пугачовъ:—языкъ на привязи держитъ,—надѣяться можно, не разгласитъ, какъ та... а красавица какая... волосы, глаза!“

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Вошли Творогòвъ и Мясниковъ.

— Дать эвтой барынѣ, отъ нашей монаршей милости, охрану! тебѣ приказъ,—сказалъ Емельянъ Мясникову:—помѣстить ее, слышь, въ лучшемъ городскомъ домѣ, хоть у Бошняка въ палатахъ; самъ ее навѣщу... да, главное, оповѣстить въ лагерѣ и въ городѣ,—ребенка, сына ейнаго, какіе-то озорники, завистцы нашего покоя взяли у нея.

— И съ няней Сысоевной,—перебила Марѝ:—звать дитя Васей... Василіемъ Глѣбычемъ, по отцу!

— Розыскать, слышьте вы, Василія Глѣбыча и съ няней Сысоевной,—объявилъ Пугачовъ:—и возвратить ей немедленно, не дольше нонѣшняго вечера, а мнѣ донести... Еще, барыня, не попросишь ли чего?

— Освободи, сударь, знакомцевъ, сосѣдей моихъ родныхъ,—отца и дѣвицъ Лаптевыхъ и Травкина съ сыномъ.

— Эвто старика-то, съ сыномъ-плясуномъ, что ты говорилъ?—спросилъ самозванецъ Творогòва.

— Такъ точно, батюшка,—отвѣтилъ, кланяясь, Ивашко.

— Освободить и ихъ!—рѣшилъ Пугачовъ:—дать имъ мою коляску,—ту голубую, на лесорахъ,—пусть ѣдутъ, подъ охраной; а я нонче заѣду, барыня, къ тебѣ... не попляшетъ ли эвтотъ паренекъ и намъ?

Марѝ, поклонясь, направилась къ выходу.

— Да строго, Иванъ Александровичъ, подтверди,—сказалъ самозванецъ Творогòву: — не найдутъ, псовы дѣти, ея ребёнка, головы порублю...

Что было дальше съ Марѝ, какъ позвали Травкина съ Борей и дѣвицъ Лаптевыхъ, какъ подали имъ коляску и, усадивъ всѣхъ пятерыхъ, повезли черезъ лагерь въ городъ, она уже не помнила. При-

шла она въ сознаніе, передъ вечеромъ, когда въ отведенномъ имъ помѣщеніи ей послышались вдругъ веселые, сдержанные возгласы и къ ней, какъ буря, влетѣли обѣ Лаптевы.—„Ангелъ, душечка! Марья Родіоновна!—кричали онѣ, на бѣгу:—посмотрите, кто въ передней!“—Марй, оступаясь, бросилась въ прихожую. Тамъ за дверью, отирая радостныя слёзы, стояла Сысоевна. Возлѣ нея шевелилось что-то смѣющееся и махавшее руками. То былъ остриженный, въ чужомъ платьѣ, Вася. Марй вскрикнула и, подхвативъ его, осыпала поцѣлуями.—„Гдѣ вы были, гдѣ?“ — спрашивала она. — „У татарина какого-то, Баранки, либо, какъ его, дьявола, Овечки!“—отвѣтила Сысоевна.—„Кто нашелъ, освободилъ?“—„Енаралъ ихній, Панинъ, что-ли... по указу!“

По отъѣздѣ Дугáновой, Лаптевыхъ и Травкиныхъ съ Соколовой-горы, къ Пугачову привели другихъ просителей. Пока онъ рѣшалъ ихъ участь, у палатки появился высокій, лысый и сгорбленный старикъ, въ ученомъ академическомъ мундирѣ, съ серебрянымъ шитьемъ. Держа треуголку подъ мышкой, онъ что-то бормоталъ, разводя руками, и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на палатку, къ которой протискался.

— Кто это?—спросилъ о немъ Творогóва Чумаковъ.

— Ученый звѣздочетъ, Лóвицъ.

— Зачѣмъ явился?

— Хвалебное слово хочетъ сказать государю,—да подождетъ,—пусть, для почета, подъ конецъ.

Изъ палатки вышли два купца и аптекарь Амéнде. Купцы удалились, сіяя довольствомъ; блѣднаго, еле шагавшаго, аптекаря окружили стражей и повели къ холму.

— Черти нѣмцы, имъ все давай!—съ гнѣвомъ сказалъ Пугачовъ, показываясь изъ палатки:—не смѣй, молъ, ходить, въ ихъ Сарепту, не трогай ихъ провизіи и лошадей! а самъ, бѣлобрысый пёсъ, сколькихъ, чай, переморилъ аптекой... Ну, будетъ! обѣдать пойдемъ.

Сопровождаемый приближенными, самозванецъ прошелъ въ старшинскую палатку, гдѣ, пока онъ чинилъ судъ и расправу, было все приготовлено для трапезы. Пугачовъ сѣлъ на кошму. Творогóвъ, Чумаковъ и Овсянниковъ, стоя, прислуживали за государевымъ обѣдомъ. Емельянъ не столько ѣлъ, сколько пилъ, поднося и своимъ прислужникамъ. Начали донскимъ, перешли къ сантуринскому, а кончили ромомъ.

— Пейте, други-станичники,—говорилъ Пугачовъ, наливая стаканы:—пополнили мы тутъ нашу казну,—двадцать пять тысячъ рублёвъ, муки и всякихъ припасовъ погрузили на суда,—въ Астрахани пожившимся еще болѣе... Всѣхъ надѣлю, всѣхъ озолочу! поддержите только, братцы, свово государя до конца.

Изъ-за трапезы Емельянъ всталъ уже совсѣмъ пьяный. Продолжать разборъ дѣлъ въ своей палаткѣ онъ отказался.—„Душно, братцы,—сказалъ онъ, отираясь:—на дворѣ маненечко какъ бы вольготнѣй!“—Кресло для него поставили снаружи, у входа въ палатку. Оттертый карауломъ отъ государевой ставки, Лѣвицъ, ожидая, черезъ кого бы доложить о себѣ, видѣлъ, какъ къ самозванцу подводили остальныхъ арестантовъ и какъ вершилась ихъ участь. Едва сидѣвшій въ креслѣ, Пугачовъ, покачиваясь и то и дѣло отирая налившееся кровью лицо, почти не слушалъ того, что̀ ему говорили, а, въ видѣ рѣшенія дѣла, только махалъ вправо или влѣво платкомъ. По знаку вправо—арестантовъ и просителей отпускали на свободу, влѣво—немедленно уводили къ холму.—„Куда же это, однако, ихъ уводятъ?“—раздумывалъ Лѣвицъ, не подозрѣвавшій роковаго значенія холма.

Всѣ арестованные и просители были, наконецъ, выслушаны.

— Гѣде, шабашъ! — сказалъ, вставая и направляясь опять въ палатку, Пугачовъ.

— Тутъ, батюшка, ваше величество, еще одинъ человѣкъ,—началъ было Творогѣвъ.

— Гѣде, опосля!—отвѣтилъ, не оглядываясь, самозванецъ:—другія у насъ дѣла...

Поддерживаемый подъ руки Мясниковымъ и Чумаковымъ, онъ прошелъ въ дальнее отдѣленіе палатки, опустился, не раздѣваясь, на сложенныя здѣсь подушки, протянулся и почти мгновенно заснулъ.

Марѣ, съ Сысоевной, Лаптевыми и Травкинымъ, едва сталъ близиться вечеръ, начала въ тревогѣ выглядывать въ окна, не ѣдетъ ли обѣщавшій навѣстить ее страшный гость.

— А у меня, дорогая Марья Родіоновна, и лошади, и экипажъ готовы,—шепнулъ Сила Ѳомичъ:—едва сбудемъ онаго лютаго звѣря,—беру всѣхъ васъ и везу въ ночь, да знаете ли куда?

— Не знаю...

— Прямо въ Москву,—надежнѣе будетъ, благо даютъ конвой.

Пугачовъ не явился въ городъ къ Дугановой. Смеркло, а онъ всё еще спалъ. Къ нему быстро вошелъ и едва добудился его Чумаковъ.

— Вставайте, ваше величество,—сказалъ онъ, теребя его:—уходить надо, царицыны войска по близу.

— Откуда знаешь? врешь!—крикнулъ Пугачовъ, вскакивая и ища близъ себя оружія.

— Лазутчики донесли.

— Давай ихъ сюда; бей тревогу! поднимай лагерь... чекмень, шашку... коня!

Были введены лазутчики — дьячокъ и перебѣжчикъ-солдатъ. Пока самозванецъ разспрашивалъ ихъ, Чумаковъ подавалъ ему дорожное платье. Емельянъ переодѣлся. Чумаковъ видѣлъ, какъ дрожали руки царя и какъ бѣгали по сторонамъ его красные отъ сна, свѣтившіеся испугомъ и злобой, глаза.

— Три дня были покойны,—сказалъ, по выходѣ лазутчиковъ, навѣшивая къ поясу шашку, Пугачовъ:—думалъ и долѣе... такъ нѣтъ! опять, дьяволы, гонятъ, опять грозятъ и тѣснятъ... Мусфель да Меллинъ, —а гдѣ-жъ Михельсонъ? отсталъ?.. ну, да ужъ живыми, Ѳедотычъ, не сдадимся, на потѣху свою не возьмутъ.

Емельянъ распахнулъ полы палатки и бодро вышелъ наружу. Конный казачій отрядъ, стоявшій передъ палаткой, преклонялъ знамя; пѣшая охрана взяла ружья на караулъ. Съ площади было видно, что лагерь уже зашевелился. Гремѣли барабаны. Скакали съ приказаніями вѣстовые. Въ обозѣ снимались тяжести и запрягались воловые и конные возы. Пугачову подвели осѣдланнаго, соловаго коня. Потрепавъ по шеѣ любимаго, не разъ въ послѣднее время выручавшаго его иноходца, Емельянъ взялся за луку сѣдла и только что занесъ ногу въ стремя, сзади его раздалась иноземная рѣчь.

— Euere Majestät, unser grosser Kaiser und Wohlthäter! —напыщенно и громко началъ кто-то, пробившійся къ нему въ общей суетѣ.

Пугачовъ оглянулся. Въ двухъ шагахъ отъ него, высоко поднявъ въ рукѣ треуголку съ серебрянымъ шитьемъ, стоялъ и восторженно что-то говорилъ ему по-нѣмецки высокій и лысый, въ мундирномъ кафтанѣ, старикъ. Искренно считая самозванца за императора Петра третьяго, питомца ученаго нѣмца Штелина,—Лёвицъ въ отборныхъ нѣмецкихъ выраженіяхъ излагалъ радость не только свою и города Саратова, но и всей юной русской науки, что пресвѣтлый государь, внукъ Петра Великаго, удостоилъ этотъ дальній, глухой и дикій край своимъ высокимъ посѣщеніемъ, и съ особымъ удареніемъ твердилъ:—Ich habe, Euere Majestät... „Я, ваше величество, видѣлъ дальнія звѣзды, планеты и кометы! но выше и свѣтлѣе ихъ всѣхъ — великій россійскій государь Петръ Ѳедоровичъ... vale imperator! радуйся, покровитель искусствъ, торговли и безсмертныхъ наукъ... hoch, hoch!“

XXVIII.

— Что̀ это онъ, нѣмецкая колбаса, торо̀читъ тутъ? — вполголоса спросилъ Пугачовъ, обратясь къ окружавшимъ его пособникамъ:—знаю ихніе иноземные языки, да галдитъ онъ несуразно; не все поймешь.

— О звѣздахъ, видно, — отвѣтилъ съ поклономъ Творогóвъ: — я

давеча еще докладывалъ... изъ Питера онъ, сказываютъ, насланъ сюда для науки,—промѣрщикъ и звѣздочётъ.

— Что же ему, дьяволу, нужно?—спросилъ, садясь на коня, Емельянъ.

Творогдвъ молчалъ.

— Звѣздочётъ, говоришь ты?—произнесъ Пугачовъ, глядя на Лдвица, пораженнаго такимъ обращеніемъ съ нимъ.

— Такъ точно, царь-батюшка,—отвѣтилъ Творогдвъ.

Емельянъ оправился на сѣдлѣ.

— Ну, и придвинь его, Иванъ, поближе къ звѣздамъ... подвѣсь! —сказалъ, удаляясь съ площади, самозванецъ.

Твовогдвъ поклонился.

— Да кстати, — произнесъ, уже отъѣхавъ и подозвавъ его къ себѣ, Пугачовъ:—тутъ еще была эта рыжая, высокая барышня, сухожилая такая... изъ просительницъ, помнишь?.. еще съ длинными, какъ у бѣлки, зубами.

— Ладыженцева?—спросилъ Творогдвъ.

— Она самая...

— Простить изволилъ ты ее, батюшка, и охрану отрядилъ,—твоей милости она помощь гдѣ-то оказала.

— Откуда знаешь?

— Сама радовалась она, выйдя отъ тебя, — призналъ, говоритъ, его величество...

— Ну, Иванъ, такъ вотъ что!—сказалъ самозванецъ:—раздумалъ я... гдѣ эта барышня теперь?

— У попа въ слободкѣ ждетъ,—вонъ его жильё, подъ вербами, о чемъ-то еще хотѣла твою милость просить.

Пугачовъ глянулъ на пѣшіе и конные свои полки, шедшіе въ облакахъ пыли къ городу.

— Надумалъ я иное,—произнесъ онъ, въ силу сдерживая коня, горячившагося отъ звуковъ барабановъ и трубъ:—оно, вишь, спокойнѣе будетъ... Пока поднимется весь обозъ, пошли за этою рыжею и на своихъ глазахъ удави ее...

Вечеромъ, десятаго августа, полчища Пугачова, обогнувъ Саратовъ, потянулись въ низовья Волги, къ Царицыну. У самозванца, въ это время, по слухамъ, было еще до пяти тысячъ снабженнаго оружіемъ, доброконнаго войска, болѣе двадцати пушекъ, огромный, нагруженный добычею и съѣстными припасами обозъ, въ нѣсколько сотъ конныхъ и воловыхъ подводъ, и до десяти тысячъ разнаго безоружнаго сброда, крючниковъ, рыбаковъ и окрестныхъ, помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ. Самъ Пугачовъ, съ полкомъ яицкихъ и волжскихъ казаковъ, калмыковъ и татаръ, ѣхалъ впереди отряда. За нимъ, въ коляскѣ и

бричкѣ, слѣдовали его жена съ дѣтьми и прислужницы изъ плѣнныхъ офицерскихъ и помѣщичьихъ женъ и дочерей. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Саратовомъ, у помѣщичьей усадьбы, самозванецъ услышалъ шумъ и крики впереди себя. Подъѣхавъ къ шумѣвшимъ, онъ увидѣлъ окровавленныхъ главныхъ своихъ есауловъ—Баранку и Идорку. Татары заспорили изъ-за какой-то лошади и бросились другъ на друга, съ ножами. Зачинщикомъ оказался Идорка.—„А, чортъ рябой! не утихомирился? баста теперь!“ —крикнулъ Пугачовъ и велѣлъ вздернуть Идорку на ворота усадьбы.—„Чей дворъ?“—спросилъ онъ.—„Дугá-новыхъ“—отвѣтили ему. Пугачовъ долго разсматривалъ разоренную, съ погорѣлою церковью, усадьбу Горокъ, ѣдучи мимо нея.

Травкинъ сдержалъ слово, данное имъ спасенной Марѝ. Едва полчища самозванца прошли черезъ городъ и, въ наставшихъ сумеркахъ, улеглись тучи пыли, поднятыя въ предмѣстьяхъ пушками и подводами мятежниковъ, Сила Ѳомичъ вошелъ въ комнату Марѝ.

— Не досталъ я роскошнаго и удобнаго экипажа, подобнаго вашему берлѝну,—сказалъ онъ ей:—но идемте,—готовъ преобширнѣйшій макарьевскій тарантасъ,—та же, почитай, коляска. Протопопъ, отецъ Иларій, уступилъ по своей цѣнѣ. Лошадей до ближней смѣны добылъ у кума краснорядца.

— А конвой?—спросила Марѝ, все еще въ страхѣ и тревогѣ, не встрѣтилась бы въ дорогѣ какая-либо роковая случайность.

— Конвой? да зачѣмъ же онъ теперь?—улыбнулся Травкинъ:—ѣхать намъ на сѣверъ, а лютый аспидъ, съ своею оравой, ретируется вѣдь на югъ... До Москвы теперь—скатертью дорога. Ѣдемъ, ѣдемъ! Молодцы Муфель и Меллинъ наспѣваютъ, за ними спѣшитъ Михельсонъ; злодѣи отъ нихъ и бѣгутъ. Не ночью, къ утру, встрѣтимъ, авось, и наши аванпосты.

— Но если, вмѣсто своихъ, вдругъ наткнемся на какую-либо отсталую шайку? — спросила Марѝ, боясь и думать о возможности спасенія.

— Какъ?—удивился Травкинъ:—вы полагаете, что кто-либо изъ этой сволочи остался, припоздалъ, когда вотъ-вотъ наскочатъ наши крылатые герои? Плохо же вы знаете эту чернь! да она такъ теперь, сломя голову, бѣжитъ, что за городомъ обрушила два моста и бросаетъ по пути пушки и тяжести. Сейчасъ пономарь воротился изъ лѣсу и сказывалъ.

Марѝ осѣнила себя и ребенка крестомъ, со слезами простилась съ Варей и Соней Лаптевыми, которыхъ пригласилъ подъ свой кровъ тотъ же протопопъ Иларій, бодро вышла во дворъ, гдѣ уже были готовы лошади, и сѣла, съ пяней и Васей, въ тарантасъ.

— Да чья же, сударыня,—и не довѣдалась я,—на тебѣ кофта и чей платокъ?—спросила ее Сысоевна, когда суетившійся по двору съ фонаремъ Травкинъ, разглядывая, удобно ли все уложено, посвѣтилъ въ тарантасъ.

— Дарьи птичницы... она дала мнѣ, какъ я садилась въ лодку.

— Бѣдная ты, горемычная!—проговорила, всхлипнувъ, Сысоевна:— нѣтъ Глѣба Андреича! вотъ повидѣлъ бы онъ, чего ты не натерпѣлась!

— Ничего, милая барыня, съ Богомъ!—сказалъ Сила Ѳомичъ, взлѣзая на козлы, гдѣ уже сидѣлъ его крестникъ Боря:— лишь бы Господь помогъ, а о прочемъ не безпокойтесь... Далъ намъ кумъ на дорогу не токмо провизіи, — теплой покрыши для ночи, дубленокъ, полстей.

Тарантасъ выѣхалъ изъ воротъ, миновалъ опустѣлую Московскую и другія улицы, выбрался на выгонъ, гдѣ еще такъ недавно стоялъ шумный лагерь самозванца, и понесся къ Медвѣдицѣ, по пути на Аткарскъ и Тамбовъ.—„Сказать ли ей о судьбѣ кузины ея?“—раздумывалъ дорогою Травкинъ: — „да, наказана бѣдная философка!“—И, наклонясь съ козелъ, онъ сперва намёками, потомъ прямо передалъ Марѣ, что самозванецъ не пощадилъ Ладыженцевой и что, по словамъ отца Иларія, передъ своимъ уходомъ, велѣлъ казнить её. Услыша рыданія Марѣ, Сила Ѳомичъ промолчалъ объ участи другихъ знакомыхъ.

Передовые отряды Муфеля и Меллина встрѣтились путникамъ верстахъ въ десяти за городомъ. Едва тарантасъ выбрался изъ лѣса, окружавшаго городъ со стороны Соколовой и Алтынной горъ, и, миновавъ овраги и водоронны, спадавшіе къ Волгѣ, поднялся на ровную, гладкую степь, впереди послышался конскій топотъ. Увидѣвъ, при свѣтѣ мѣсяца, пыль, летѣвшую по дорогѣ, путники свернули въ сторону. Мимо нихъ, къ опушкѣ лѣса, понеслись шеренги улановъ и гусаръ. Скакавшіе въ разсыпную всадники, съ разбѣга, натыкались на тарантасъ.

— А, черти! кто тутъ?—кричали черные отъ пыли солдаты, осаживая коней и снова уносясь далѣе.

— Свои, братцы, свои! — кричалъ Травкинъ, стоя на козлахъ и размахивая шляпой:—Саратовъ очищенъ! слышите ли, Саратовъ! злодѣи бѣжали внизъ.

— Ура! — откликались скакавшіе всадники, слыша радостную вѣсть:—ура! гремѣло по ближнимъ и дальнимъ ихъ рядамъ.

Къ тарантасу подъѣхалъ, въ гусарскомъ доломанѣ и ментикѣ, худой и черный, какъ жукъ, полковникъ Муфель. Вѣжливо поклонясь дамамъ, онъ сталъ разспрашивать о бѣгствѣ самозванца.

— Отъ васъ первыхъ слышу радостную вѣсть,—сказалъ онъ Травкину:—скоро, скоро злодѣю конецъ.

— А гдѣ, позвольте узнать, другой нашъ герой, Иванъ Иванычъ Михельсонъ?—спросилъ Сила Ѳомичъ.

— Его-то мы и ждали это время,—отвѣтилъ Муфель:—безъ него не рѣшались двигаться къ Саратову, а теперь онъ невдали; подъ тою вонъ горой, встрѣтите вы пѣхоту графа Меллина, а далѣе, если вашъ путь на Аткарскъ...

— Да, да, къ Медвѣдицѣ, на Аткарскъ,—сказалъ Сила Ѳомичъ.

— Въ такомъ случаѣ,—произнесъ, откланиваясь, Муфель:—за Широкимъ-буераѣкомъ вы увидите и Ивана Иваныча.

Въ станицѣ Широкій-буераѣкъ путникамъ предстояла смѣна лошадей. Задержанные на дорогѣ конницей Муфеля и далѣе, подъ горой, мушкетерами и обозомъ графа Меллина, они доѣхали до станицы уже на разсвѣтѣ. Вася крѣпко спалъ на рукахъ усталой матери. Боря на козлахъ и Сысоевна въ тарантасѣ, истомившись за ночь, такъ сильно покачивались, что едва, въ неодолимой дремотѣ, не падали изъ экипажа. Одинъ Сила Ѳомичъ бодрствовалъ. Остановясь у околицы, онъ ввелъ всѣхъ въ ближайшую избу, наносилъ туда, съ хозяйкой-старухой, сѣна и, уложивъ всѣхъ спать, бросился отыскивать свѣжихъ лошадей. Бо́льшая часть жителей станицы, послѣ прохода здѣсь Пугачова, была въ бѣгахъ. Оставшіеся говорили, что они стары и хворы, и на всѣ просьбы, съ предложеніемъ щедрой платы, отвѣчали отказомъ.

— Гдѣ намъ, батюшка, взять тебѣ коней?—отвѣчали они, толпясь у воротъ и, съ тупымъ любопытствомъ, разглядывая барина, уцѣлѣвшаго отъ общаго погрома:—все заграбилъ и забралъ антихристъ.

— Да можетъ лошади угнаны у васъ, для охраны, на дальніе луга или въ лѣсъ?—спрашивалъ не ожидавшій отказа Сила Ѳомичъ.

— Что́ ты, милъ-человѣкъ, полно! — возражали, кланяясь, мужики:—не токмо лошадушки, послѣдняго телка не оставили лиходѣи, порѣзали на жратву, до малаго, тебѣ, курчёнка и порося́.

— Ничего, слышьте, ребята, не пожалѣю, — твердилъ Травкинъ, соображая, что въ карманѣ у него полный кошель золота, ссуженнаго тѣмъ же кумомъ-краснорядцемъ: — ну, не хотите отдать въ наймы, продайте! что́ возьмете за тройку?

— Ахъ-ахъ, батюшка, родимый ты нашъ! и не думай, ну, не безпокойся! татары мы, что ли, аль супостаты тебѣ? нешто можно грабить! мы съ радостью, только, прости, нѣту-ти ни одного коня.

— А чьи, вонъ тамъ, внизу, пасутся?—спросилъ Сила Ѳомичъ, указывая съ холма на берегъ рѣки.

— Клещовски, сударь, убей Богъ, чужіе.

— Ну, сходите, наймите или купите для насъ.

— Гдѣ намъ, свѣтикъ! стары мы, убоги, хворы, куда по горамъ ходить?

— Нечего, видно, дѣлать, ступай хотя ты,—обратился Травкинъ къ кучеру протопопа: — да не скупись, помни, а главное — не возвращайся безъ лошадей; иначе, что же это, такъ намъ и сидѣть?

— Оно точно, батюшка, Сила Ѳомичъ, — сказалъ, почесываясь, кучеръ:—кому, значитъ, пріятно? а какъ не добуду и я?

— Ну, тогда не прогнѣвайся, — вспылилъ Травкинъ: — тогда... просто не отпущу тебя, какъ знаешь, а задержу... покормимъ и двинемся далѣе. Сказано—до перемѣны, ну, и отпущу тебя, какъ найдемъ, чѣмъ перемѣнить.

Кучеръ съ неудовольствіемъ отпрегъ лошадей, поставилъ ихъ подъ навѣсъ къ корму и, покачивая головой, отправился внизъ къ берегу. Сила Ѳомичъ присѣлъ въ тарантасъ и задумался. Глаза его слипались; одолѣвалъ сонъ. „До этой Клещовки,—разсуждалъ онъ:—будетъ, пожалуй, не меньше трехъ-четырехъ верстъ; вонъ гдѣ виднѣются ея мельницы. Пройдетъ часа два, а то и больше, пока онъ разыщетъ тамъ хозяевъ, да сладитъ съ ними. Впрочемъ, оно и кстати, наши выспятся вдоволь, отдохнутъ. А пережито, пережито, Боже! Всѣ вѣдь на волосокъ были отъ лютой, позорной смерти. Бѣдняжки же Лаптевы остались, въ ожиданіи—ѣхать къ отцу, и не знаютъ о его участи... А достойнаго Петра Ильича, ужасъ и подумать, своими глазами видѣлъ ѣхавшій мимо его двора пономарь... собственные подданные повѣсили бѣдняка на воротахъ его двора! А Тарскій, Быковъ?“ Задумавшись о роковой, страшной кончинѣ стараго знакомца и сосѣда, Лаптева, Сила Ѳомичъ склонился на кузовъ тарантаса. Надвинувъ ниже на лобъ отъ солнца шляпу, онъ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ, съ Петромъ Ильичемъ, на проводахъ хозяевъ изъ Горокъ въ Туровцово, игралъ плясовую на віолончели, а тотъ на скрипкѣ. Прошептавъ со вздохомъ: „миръ праху твоему, добрый человѣкъ и истинный анахоретъ!“ онъ крѣпко заснулъ. Спалъ онъ, какъ показалось ему, очень долго. Очнувшись отъ какихъ-то странныхъ и рѣзкихъ криковъ, онъ оправилъ съѣхавшую на носъ шляпу и растерянно взглянулъ на небо.

Солнце стояло высоко и сильно пекло. Было, вѣроятно, уже далеко за полдень. Лошади, доѣвъ кормъ, дремали подъ навѣсомъ. Возвратившійся, ни съ чѣмъ, кучеръ мирно спалъ, раскинувшись на попонѣ, возлѣ ясель, въ холодкѣ.

„Да что же это? и онъ не успѣлъ“?—подумалъ Травкинъ, вылѣзая изъ тарантаса: —„неужели ни мольбы, ни деньги не въ силахъ уже намъ помочь?“ Онъ направился подъ навѣсъ, къ кучеру.

До его слуха снова донеслись взрывы криковъ. Черезъ улицу, у противоположнаго двора, Травкинъ увидѣлъ, средняго роста, въ дорожной шинели, плечистаго офицера, съ нагайкой въ рукѣ. Сзади

его виднѣлись, въ гвардейскихъ шапкахъ, двое рослыхъ солдатъ-гренадеровъ, а передъ нимъ, опершись на палки, стояли тѣ же станичные, въ капелюхахъ и драныхъ зипунишкахъ,—старики, которыхъ такъ неудачно Сила Ѳомичъ утромъ упрашивалъ о лошадяхъ.

— Такъ вы говорите, что у васъ точно нѣтъ коней для смѣны?— визгливымъ, обрывавшимся отъ гнѣва, голосомъ выкрикивалъ офицеръ.

— Нѣту-ти, ваше благородіе... послѣднюю, то-есть тёлку, все— до курятки, ёнъ, лѣшій, забралъ.

— Ахъ, вы бестіи, бородачи! вотъ вы какіе!—крикнулъ, взмахнувъ нагайкой, офицеръ:—такъ вотъ вы какъ? передъ вами говоритъ посланный ея величества, а вы... ни тёлки, ни коня?

Мужики сняли шапки.

— На колѣни, ракаліи!

Всѣ упали на колѣни.

— Дибулинъ, Кузнецовъ!—скомандовалъ офицеръ:—тесаки наголо! становись сбоку и жди приказа... не дадутъ,—голову сѣки!.. Такъ у васъ, и вправду, нѣтъ для смѣны, подъ коммиссію, коней?

Мужики, склонивъ головы, молчали.

— Ни тройки, ни пары?—крикнулъ офицеръ: — ни одного даже, чтобъ въ городъ послать?

— Есть, милостивый, есть, не гнѣвайся, прости! — взмолились, кланяясь въ землю, мужики:—по клѣтямъ попрятаны, загнаны въ камыши! не опомнишься, батюшка, будутъ! Сколько тебѣ? Терёха, Евдокимъ, бѣги... у Прокла тоже кобылёнка, у Савчихи меренокъ.

— Духомъ, черти! двѣ тройки, да добрыхъ.

— Будутъ, соколикъ, будутъ.

Убогіе и хворые съ виду, старики прытко пустились по улицѣ. Травкинъ вышелъ за ворота.—„Ай, да молодчикъ!“—мыслилъ онъ объ офицерѣ:—„для себя досталъ, добудетъ, пожалуй, какъ попрошу, и намъ“. Сила Ѳомичъ оправилъ на себѣ одежду, даже смахнулъ платкомъ пыль съ сапоговъ, крякнулъ и, наскоро обдумывая должное привѣтствіе, съ приподнятою шляпой въ рукѣ, направился черезъ улицу къ офицеру. Тотъ, отдавая приказанія солдатамъ, не слышалъ его шаговъ.

— Такихъ-то царевыхъ слугъ, такихъ смѣлыхъ патріотовъ и нужно намъ!—началъ Сила Ѳомичъ:—въ нихъ надежда и спасеніе страны...

Офицеръ обернулся на его голосъ. Травкинъ взглянулъ и замеръ въ изумленіи, остолбенѣлъ. Передъ нимъ былъ — Глѣбъ Андреевичъ Дугановъ.

— Сила Ѳомичъ! родной вы мой! какими судьбами?—вскрикнулъ Глѣбъ, обнимая его:—вы живы, невредимы? какъ я счастливъ, радъ!

Травкинъ едва стоялъ на ногахъ.

— Да говорите же, добрый нашъ, какимъ чудомъ спасены? какъ очутились здѣсь?—спрашивалъ Дугановъ, видя, что старикъ глядитъ куда-то въ сторону:—а вашъ Боря, здоровъ ли, гдѣ онъ?

— Тамъ, охъ, тамъ... за этимъ тыномъ, то-есть, извините, заборомъ,—проговорилъ сиплымъ, упавшимъ отъ радости голосомъ Травкинъ, тыча рукой черезъ улицу:—онъ здоровъ, благодарю сердечно-съ, и можетъ быть, что я, навѣрное обрадуется...

— Крестникъ вашъ, говорите вы, тоже здѣсь? куда же вы направляетесь? Саратовъ, дѣйствительно, очищенъ?

— Да нѣтъ, помилуйте, не о томъ-съ,—перебилъ, путаясь пересохшимъ языкомъ, Травкинъ:—Саратовъ, положимъ, точно свободенъ и злодѣй бѣжитъ внизъ... Но можно ли о такомъ, относительно иныхъ лицъ, постороннемъ и неподходящемъ предметѣ? и что такое крестникъ, или хоть бы всѣ Борисы на свѣтѣ! одна моя несообразность и безсиліе въ такой, по истинѣ, важный моментъ...

XXIX.

Травкинъ отеръ пылавшее свое лицо. Глѣбъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на старика.

— Нѣтъ, благодѣтель, защитникъ невинныхъ и слабыхъ! нѣтъ, не могу!—вскрикнулъ Сила Ѳомичъ, снявъ и опять надѣвъ на себя шляпу:—не здѣсь, среди улицы и въ пыли,—въ иномъ, такъ сказать, святомъ уединеніи и вдали отъ чужихъ, недостойныхъ глазъ...

Онъ ухватилъ Глѣба за руку, крѣпко стиснулъ ее и, торжественно-загадочно поглядѣвъ ему въ глаза, потащилъ его къ воротамъ, изъ которыхъ вышелъ.—„Куда это онъ и что затѣялъ?“—думалъ Глѣбъ, идя за Травкинымъ:—„Марѣ и Вася, очевидно, благополучны, спасены, и онъ собирается сообщить о нихъ“...

Травкинъ и Глѣбъ, войдя въ сосѣдній дворъ, приблизились къ стоявшей тамъ избѣ. Въ окнѣ избы мелькнула и скрылась какая-то тѣнь. Сила Ѳомичъ взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь въ сѣни и знакомъ предложилъ Дуганову идти впередъ. Едва Глѣбъ ступилъ въ сѣни, справа растворилась другая дверь. Что-то знакомое, несбыточное и сказочно-дорогое предстало и замерло на порогѣ.

— Глѣбъ! Глѣбушка! ахъ, да ты ли это?—послышался плачущій и вмѣстѣ блаженно-смѣющійся голосъ Марѣ.

Она съ безумно-порывистыми, горячими поцѣлуями повисла на груди растерянаго и плачущаго отъ радости мужа.

— Ну, представь, сейчасъ... не повѣришь, — во снѣ, ну, какъ живаго, видѣла тебя! — говорила Марѣ, увлекая мужа въ избу: — и свѣтлый ты, свѣтлый такой, какъ теперь.

— А Вася? гдѣ онъ? здоровъ ли?

— Вотъ онъ, вотъ!—смѣялась и плакала Марѝ, указывая мужу на улыбавшагося большими глазами, краснаго отъ сна, ребенка, пившаго молоко на колѣняхъ няни.

— Съ благополучнымъ, сударь, возвратомъ! — сказала, вставъ съ лавки и кланяясь, Сысоевна:—ужъ ждали-ждали,—принесъ Господь!

Вася сталъ лепетать что-то, морща брови и повторяя: бумъ, бумъ.

— Это онъ о пушкахъ, что въ лагерѣ палили, подъ городомъ,— объяснилъ Боря.

— Нѣтъ, ты лучше самъ скажи, какъ пляскою спасъ отъ гибели столько близкихъ,—сказала ему Марѝ.

— Увольте, матушка, до того ли вамъ теперь?—возразилъ Травкинъ, кивая крестнику:—бери картузъ, Боря, иди сюда,—дѣло есть...

Онъ увелъ мальчика на крыльцо. Няня съ Васей ушла черезъ сѣни къ хозяйкѣ. Глѣбъ посадилъ Марѝ на лавку, рядомъ съ собой, взялъ ея руки и долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Не стою я тебя, Маша! — сказалъ онъ съ чувствомъ: — вотъ гдѣ увидѣлись!.. Прости меня, прости,—я кругомъ передъ тобой виноватъ...

— Что ты, Глѣбушка, полно, ну, можно ли? да я и въ мысляхъ на тебя никогда...

— Нѣтъ, нѣтъ, я былъ неправъ, грубъ и жестокъ! — твердилъ Глѣбъ:—и если намъ еще суждено счастье, если ты не разлюбила, прости, позабудь!

Онъ опустился возлѣ Марѝ на колѣни, обхватилъ ее, припалъ къ ней головой. Его плечи судорожно двигались; слышались заглушенныя рыданія.

— Если тебѣ, милый, дорогой, нужно мое извиненіе, — сказала Марѝ, положивъ ему руки на голову и сама плача: — Господь тебя проститъ! прости меня и ты!

Двѣ телѣги у двора, черезъ улицу, давно были запряжены, и давно неслись оттуда звуки колокольчиковъ и бубенцовъ. Товарищи Глѣба, съ снисходительнымъ терпѣніемъ поглядывая на избу, гдѣ онъ сидѣлъ съ женой, разговаривали на заваленкѣ съ Травкинымъ. На ихъ разсказы объ ужасахъ въ Пензѣ, Курмышѣ, Казани и иныхъ городахъ, Сила Ѳомичъ имъ передавалъ о звѣрствахъ мятежниковъ въ Саратовѣ и его окрестностяхъ.

Глѣбъ, въ бесѣдѣ съ Марѝ, завелъ рѣчь о томъ же. Передавъ ей слышанную въ Пензѣ вѣсть о гибели Туровцовой, въ разгромленной мятежниками ея усадьбѣ, подъ Казанью,—Глѣбъ упомянулъ о братѣ и Серафимѣ и остановился.

— Ну, что-жъ ты замолчалъ?—спросила, глядя на него, Марѝ:—гдѣ они? спасены, надѣюсь? ты знаешь о нихъ?

— Готовься услышать нѣчто ужасное, вопіющее,—сказалъ Глѣбъ, мысленно подбирая слова:—въ Петровскѣ только вчера офицеръ изъ отряда Меллина сообщилъ мнѣ слышанное отъ захваченнаго въ Курмышѣ слуги нашихъ, очевидно, Дрона... братъ Алёша, Серафима и ихъ дѣти настигнуты, представь, въ томъ городѣ злодѣями...

— Ну, ну? и что̀ же съ ними?

Глѣбъ молча склонилъ голову. Марѝ, глядя на образъ, крестилась.

— Они въ плѣну?—спросила она:—живы?

— Воля Божья... будемъ молиться за нихъ...

— Убиты, погибли?

— Покойники, кромѣ одного ребенка...

Марѝ съ рыданьями упала на руки мужа.

— Бѣдный Алёша, бѣдный! а Серафима? ужасъ!—твердила она:—думали-ль мы всѣ, прощаясь съ ними? а Лаптевъ! знаешь о немъ? Да, Богъ мой, что̀ же я! главнаго и не сказала... Знаешь ли, что̀ съ Нинéтъ?

— Не знаю.

— Она и Лаптевъ... нѣтъ, не могу...

Марѝ задыхалась.

— Оба... погибли, оба,—проговорила она:—я молила бѣдняжку Нину... не послушала она меня... вѣдь ты знаешь, кто этотъ Пугачовъ? помнишь казака въ Кабаньемъ? ну, больнаго, помнишь?

Марѝ разсказала о гибели Ладыженцевой и Лаптева. Глѣбъ слушалъ ее понуривъ голову. Опять послышались колокольчики.

— Неужели пора? — сказалъ Глѣбъ, взглянувъ въ окно и тихо вставая:—да и вамъ запрягли лошадей, — поѣзжай съ Богомъ! путь до Москвы вполнѣ теперь безопасенъ. Кончу свое дѣло, возьмемъ Пугачова,—не сомнѣваюсь въ томъ,—съ какимъ наслажденіемъ вернусь опять въ нашъ уголъ. Черный годъ смѣнится свѣтлымъ...

Глѣбъ медлилъ, не уходилъ. Явился Травкинъ, — извѣстить, что Галаховъ рѣшилъ послать впередъ Рунича, съ гренадерами, а самъ подождетъ Глѣба Андреевича. Дугáновъ просилъ благодарить его и еще остался съ женой. Руничъ уѣхалъ. Прошло болѣе часа. Глѣбъ и Марѝ продолжали говорить, строили планы, какъ они снова увидятся въ Москвѣ, какъ заживутъ въ своемъ уютномъ гнѣздѣ, навѣстятъ Ракитное. У окна показался Травкинъ.

— Александръ Павловичъ совѣтуетъ,—сказалъ онъ, постучавъ въ окно:—можетъ быть, останетесь, подъѣдете послѣ?

Марѝ встала, обхватила мужа и замерла. Слезы давили ей горло.

— Въ самомъ дѣлѣ, останься, — развѣ нельзя?—спросила она...

— Совѣстно, видишь, ждутъ товарищи; скоро вечеръ.

— Благослови же меня, благослови сына!—сказала Марѝ, отворяя дверь въ сѣни:—Сысоевна, неси Васю.

Глѣбъ перекрестилъ дитя и жену, осыпалъ ихъ поцѣлуями и вышелъ. Онъ представилъ Галахова женѣ. Разговоръ длился еще нѣсколько минутъ.

— Ну, ѣдемъ!—сказалъ Глѣбъ.

Колокольчики и бубенцы зазвенѣли. Тройки понеслись.

— Пиши же чаще!—кричала Марѝ, сквозь слезы, глядя на отъѣзжавшаго мужа и издали крестя его.

Глѣбъ въ силу сдерживалъ слезы.

По выходѣ изъ занятаго и ограбленнаго Саратова, Пугачовъ взялъ Камышинъ и Дубовку, выжегъ окрестности Царицына, разорилъ Сарепту и бросился въ низовья Волги, къ Черному Яру. Отрядъ Михельсона, опередивъ Муфеля и Меллина, гнался за нимъ по пятамъ. Члены коммиссіи, посланной для пріема самозванца, слѣдуя въ нѣсколькихъ дняхъ разстоянія за Михельсономъ, съ каждымъ днемъ убѣждались, что увѣренія ѣхавшаго съ ними Долгополова о готовности казаковъ выдать Пугачова—ложь, что, напротивъ, къ самозванцу ежедневно пристаютъ новыя полчища и что его сообщники, въ виду смѣлаго его упорства и новыхъ побѣдъ, очевидно, расположены защищать его во что бы то ни стало.

— Ну, Астафій Трифонычъ, гдѣ же твой Емелька?—спрашивалъ Галаховъ Долгополова:—что-то не выдаютъ его казаки, а самъ онъ, оказывается, и ухомъ не ведетъ.

— Подождемъ, увидимъ,—отвѣчалъ Долгополовъ.

Въ Дубовкѣ имъ сказали, что движеніе Пугачова къ Сарептѣ—только отводъ глазъ, что оттуда онъ предположилъ повернуть вправо, къ близкому колѣну Дона, послалъ уже гонцовъ съ воззваніями къ донскимъ казакамъ, и что, занявъ Донъ, онъ окончательно двинется на Москву.—„Царь Иванъ Грозный подъ Казанью семь лѣтъ стоялъ,—будто бы похвалялся онъ: — а у меня она въ три часа непломъ покрылась,—то же будетъ и съ Питеромъ! Божественныя книги указываютъ,—быть мнѣ на престолѣ опять!“—Ѣхавшія въ отрядѣ самозванца, его жена и дѣти сильно изнывали отъ жары и пыли. Онъ издали слѣдилъ за ними, посылая имъ въ коляску освѣжиться арбузовъ и дынь. Въ Сарептѣ нашли лавку съ пряниками. Самозванецъ послалъ дѣтямъ узелъ позолоченныхъ рыбокъ и коньковъ, говоря: „Жаль мнѣ дѣтей вѣрнаго моего слуги Пугачова; дайте имъ полакомиться“.

На разсвѣтѣ 24-го августа отрядъ Михельсона нагналъ самозванца, на берегу Волги, у рыбнаго Сальникова завода. Узнавъ отъ развѣдчиковъ о наступленіи, Пугачовъ поднялъ лагерь, установилъ на склонѣ холма длинный рядъ пушекъ, а ниже, впереди ихъ, пѣшіе полки, и готовился двинуть ихъ, подъ прикрытіемъ общей пальбы, съ цѣлью—раздавить наступающихъ. Впереди послѣднихъ ѣхалъ, отдавая окончательныя приказанія, Михельсонъ. Дувшій отъ Волги рѣзкій вѣтеръ, играя его гусарскими, длинными локонами, заплетёнными на вискахъ, въ видѣ косичекъ, несъ на встрѣчу улановъ и гусаръ облака пыли. Михельсонъ не замѣчалъ ни вѣтра, ни пыли. Его открытое, круглое лицо было весело; быстрые, голубые глаза, изъ-подъ надвинутой на лобъ шляпы, зорко вглядывались въ полчища мятежниковъ.

— Нечего ихъ, подлыхъ собакъ, ждать!—сказалъ онъ, видя, что его отрядъ готовъ и только ждалъ его приказа: — ну-ка, чугуевцы! донцы-молодцы! за бороды ихъ, сермяжниковъ, впередъ!

Онъ далъ шпоры коню. Рыжій, горбоносый кубанецъ, съ подтянутыму ребрами, пройдя рысью, помчался вскачъ. Уланы, гусары и малороссійскіе казаки слѣва, драгуны и донскіе казаки справа неслись возлѣ него. На холмѣ поднялись клубы дыма. Грянулъ залпъ пушекъ. Черезъ головы нападающихъ звонко прогудѣло нѣсколько ядеръ, упавшихъ за пѣхотой и наспѣвавшей въ облакахъ пыли кавалеріей.

— Въ середину ихъ! бей прямо въ середину!—кричалъ, размахивая саблей, Михельсонъ:—на-двое ихъ, ребята, пополамъ!

Несшіеся всадники врѣзались въ средину пѣшихъ мятежниковъ. Съ обѣихъ сторонъ загремѣли ружейные выстрѣлы, свистѣли пули. Два улана и нѣсколько драгунъ повалились съ коней. Всадники рубили и кололи направо и налѣво. Невдали отъ нападавшихъ донцевъ, на пригоркѣ, среди мятежниковъ, виднѣлся, въ красномъ чекменѣ, плечистый, съ бородою, всадникъ. Донцы узнали Пугачова.

— А, Емельянъ Иванычъ! здорово!—кричали они, цѣлясь въ него и стрѣляя на скаку:—къ намъ, Емеля! твоей хаты у насъ въ станицѣ уже чортъ-мá, сожгли... выстроимъ новый острóжокъ!

Мятежники дрогнули, бросились бѣжать. Пугачовъ помутившимся взглядомъ окидывалъ бѣгущихъ. Онъ хриплымъ голосомъ молилъ биться, грозилъ—никто не слушалъ его. Сквозь порѣдѣвшіе ряды, къ холму помчался рослый, лихой донецъ-зимовéецъ, односелецъ Емельки, въ бѣлой, распахнутой на груди, рубахѣ и съ шапкой на затылкѣ. Обскакивая бѣгущихъ, съ арканомъ въ голой, волосатой рукѣ, онъ усмѣхнулся, мѣтя съ коня накинуть петлю на Пугачова. Стоявшій за самозванцемъ, бывшій дугáновскій слуга, Сергѣй, увидѣлъ его, прицѣлился изъ винтовки и выстрѣлилъ почти въ упоръ. Казакъ съ арканомъ грохнулся на земь съ сѣдла.—„Ура!“—кричали драгуны и уланы, обхва-

тывая пригорокъ, гдѣ стоялъ Пугачовъ.—„Ура“—гремѣли, надвигаясь за ними, со штыками на перевѣсъ, мушкатеры. Пугачовъ съ силой стегнулъ нагайкой коня и, заслоненный горстью охранниковъ, бросился вскачъ къ глубокому и длинному оврагу, куда скрывались остатки разбитыхъ его полковъ. Раненая подъ нимъ въ ногу лошадь слегка прихрамывала.

— Лови его, лови! стрѣляй!—кричалъ Михельсонъ, указывая съ холма на оврагъ.

Мушкатеры дали залпъ изъ ружей. Трое изъ охранниковъ самозванца, въ томъ числѣ Овчинниковъ и Сергѣй, повалились съ коней. Донскіе и волжскіе казаки оцѣпили въ это время обозъ самозванца и, задержавъ его коляску съ дѣтьми и казной, грабили добычу. Нѣкоторые изъ нихъ понеслись было къ оврагу, но, истомленныя шестимѣсячною гоньбой за мятежниками, лошади не могли догнать бѣглецовъ. Пугачовъ оврагомъ доскакалъ до ближняго лѣса, перевязалъ ногу коня и, съ послѣдними изъ сообщниковъ, скрылся въ лѣсной трущобѣ.

Коммиссія, послѣ длиннаго и утомительнаго перегона, не доѣзжая Царицына, остановилась въ станицѣ, надъ Волгой, перемѣнить лошадей. Былъ конецъ августа. Погода стояла знойная, безвѣтренная. Нагорныя, выжженныя солнцемъ, степи праваго берега Волги разстилались желтыми пустырями. Дневная жара и сушь къ ночи смѣнялись холодомъ и сыростью.

Близился вечеръ. Члены коммиссіи сидѣли у амбара, на выгонѣ станицы, изъ табуновъ которой ожидали свѣжихъ лошадей. Посланный туда гренадеръ Дибулинъ возвратился съ извѣстіемъ, что въ станицѣ толкуютъ, будто Пугачовъ гдѣ-то, ниже Сарепты, въ конецъ разбитъ, бросилъ войско и обозъ и, съ главными пособниками, едва спасся, переплывая за Волгу.

— Слышали мы такія басни! — сказалъ, зѣвнувъ на это, Галаховъ:—а вотъ мы лучше покуримъ; дай-ка, Трифонычъ, огня.

Онъ закурилъ трубку. Руничъ и Долгоноловъ съ нимъ заспорили. Амбаръ, у котораго они толковали, стоялъ на высокомъ бугрѣ, надъ рѣкой. Полулежа, съ прочими, въ его тѣни, Глѣбъ прислушивался къ говору собесѣдниковъ и—соображая, гдѣ въ это время могла быть Марія, доѣхала ли она до Аткарска, перебралась ли за Медвѣдицу и скоро ли кончатся его собственныя скитанія,—поглядывалъ на низменный, лѣвый берегъ Волги, мирно катившей синія, сверкавшія на солнцѣ, воды. Вдругъ онъ приподнялся на локтѣ. На противоположномъ берегу рѣки онъ примѣтилъ нѣсколько всадниковъ, показавшихся

изъ-за зеленой уймы камышей. Поодаль за ними заклубился и сталъ близиться къ берегу столбъ пыли.

— Смотрите, господа, смотрите,—вскричалъ Глѣбъ:—что это за конница?

Всѣ вскочили, стали глядѣть. Изъ-подъ пыли виднѣлись новые всадники. Они прыткою рысью неслись, въ обходъ прибрежнаго озера, направляясь вверхъ противъ теченія рѣки. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ за ними, ѣхалъ, пригнувшись къ соловому, слегка хромавшему иноходцу, одинокій, съ ружьемъ за спиною, всадникъ. За нимъ слѣдовало небольшое прикрытіе, съ вьючными лошадьми.

— Прячьтесь, прячьтесь!—крикнулъ Долгополовъ, въ страхѣ убѣгая за амбаръ:—Боже-господи! вѣдь это самъ Пугачовъ!

Всѣ послѣдовали за нимъ.

— Да почемъ же ты, однако, думаешь, что это онъ?—спросилъ, глядя за рѣку, Галаховъ.

— Ахъ, не выставляйтесь... Бога ради!—жалобно молилъ блѣдный, какъ полотно, Долгополовъ:—развѣ не видите? его посадка, всѣ ухватки и... соловой конь. При немъ всегда зрительная трубка... и такъ мы врѣзались вонъ впередъ войска... разглядитъ, пропали мы... перевѣшаетъ до одного!

— Пустяки!—сказалъ Глѣбъ, оставшись:—что онъ сдѣлаетъ намъ?

Прочіе, зайдя за амбаръ, молча слѣдили оттуда за всадниками. Миновавъ озеро и камыши, послѣдніе выбрались на песчаный пригорокъ, поѣхали шибче и скрылись вдали.

— Что же, Александръ Павловичъ,—обратился Глѣбъ къ Галахову: — какъ все это объяснить? что если и въ самомъ дѣлѣ мы только-что, воочію, видѣли самого злодѣя и онъ дѣйствительно разбитъ?

— Увы,—отвѣтилъ въ раздумьѣ Галаховъ:—слышали мы то же въ Пензѣ и Саратовѣ; наши странствія, полагаю, нескоро еще кончатся; если злодѣй и понесъ какое-либо новое, частное пораженіе, что же изъ того? видите сами, онъ уже на той сторонѣ и не одинъ.

XXX.

Отъ станицы послышались звуки колесъ. По гладкому выгону, къ амбару, мчались двѣ телѣги тройками.

— Добрыхъ коней раздобыли,—сказалъ Галаховъ:—съ такими къ ночи будемъ въ Царицынѣ.

Телѣги приближались. На передней стоялъ второй изъ посланныхъ въ станицу гренадеровъ, Максимовъ. Держась за ямщика, онъ размахивалъ шапкой и издали еще кричалъ:—„побѣда, радость, ура!“—Гренадеръ спрыгнулъ съ телѣги. Всѣ окружили его.

— Говори, говори!—сказалъ ему Галаховъ.

— Отъ генерала Михельсона, ваше высокоблагородіе, только-что проскакалъ черезъ станицу гонецъ.

— Ну, и что-жъ?

— Онъ мѣнялъ въ расправѣ коня, изъ нашихъ лучшаго взялъ.

— И отлично.

— Такъ вашей милости приказалъ доложить,—злодѣй Емелька, у Сальниковой ватаги, на-голову, то-есть, въ конецъ разбитъ.

— Стой, повтори,—произнесъ Галаховъ:—у Сальниковой-ватаги, въ конецъ? гдѣ это?

— Не могимъ знать,—сказывалъ, въ степи гдѣ-то, невдали отъ Чернаго-Яра. Бились четыре часа; положено немало главныхъ начальниковъ злодѣя и между ними, должно, его фельдмаршалъ Овчинниковъ,—а отнято двадцать-пять пушекъ, весь обозъ, съ добычей, коляска, съ дочками и казною Емельки,—и божился гонецъ—больше десяти тысячъ плѣнныхъ... Коляска, ваше высокоблагородіе, какъ бѣжалъ злодѣй, опрокинулась на косогорѣ, донцы и захватили, а женка и сынъ Емельки ускакали за ними верхами.

Всѣ молча сняли шляпы и перекрестились.

— Слава Тебѣ, Господи, слава! поздравляю! — сказалъ Глѣбъ Галахову:—теперь не скажете больше, что наши странствія нескоро еще кончатся?

— А это?—спросилъ Галаховъ, указывая на синѣющіе пустыри за Волгой:—кто изловитъ бѣглецовъ, тамъ, въ этой дикой, родной имъ, степи? Недалеко солёныя озера, а оттуда рукой подать—лѣса и камыши пустынныхъ Узенёй... пщи тогда вѣтра въ полѣ, гонись!

— Осмѣлюсь еще доложить, запамятовалъ,—сказалъ, вытянувшись и весело глядя въ глаза Галахову, гренадеръ:—гонецъ тоже, значитъ, сказывалъ,—въ Царицынъ ждутъ новаго всѣмъ здѣшнимъ корпусамъ командира.

— Кого, кого?—спросили офицеры.

— На простой телѣжкѣ, одинъ, говоритъ, какъ перстъ, проскакалъ черезъ Сарепту.

— Да кто проскакалъ?

— Изъ Турціи прямо... генералъ-поручикъ Суворовъ... и всѣмъ начальникамъ велѣно сдать ему команду.

Галаховъ вторично снялъ шляпу и склонилъ голову.

— Теперь и я скажу,—произнесъ онъ, глядя на Рунича и Глѣба:—залитую кровью, донскую лисицу, пожалуй, пымѣ и вскорѣ закапканитъ этотъ ловецъ... Ну, Астафій Трифонычъ, — улыбнулся Галаховъ Долгополову:—готовься и ты; живымъ ли, мертвымъ ли, а скоро повидишь теперь былаго своего знакомца и земляка.

Долгополовъ, нахмурясь и какъ бы не слыша обращенныхъ къ нему словъ, молча глядѣлъ на пустынный, лѣвый берегъ рѣки.

Коммиссія прибыла въ Царицынъ ночью. Узнавъ тутъ же, что Суворовъ уже въ городѣ, ея члены рѣшили пораньше представиться ему.

„Итакъ, я увижу того, къ которому такъ стремился, о которомъ столько думалъ“,—разсуждалъ Глѣбъ, подходя къ небольшой, бѣлой мазанкѣ, на краю города, въ которой помѣщался вновь прибывшій, главный командиръ края: — „коммиссіи, очевидно, нечего болѣе дѣлать; этотъ самъ возьметъ злодѣя,—будетъ неустанная погоня, молодецкія лихія стычки. Не бросить ли театръ бунта и эту, уже ненужную для дѣла, коммиссію? не поспѣшить ли въ Москву обратно къ Марѣ? Нѣтъ! надо до конца отслужить дѣлу! Попрошусь въ дѣйствующій, передовой отрядъ“.

Передъ избой стояло нѣсколько офицеровъ. Тихо перешептываясь другъ съ другомъ, они почтительно поглядывали на окна избы, у крыльца которой солдаты держали подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей. Галаховъ приказалъ доложить о себѣ и былъ позванъ къ Суворову. Глѣбъ успѣлъ сказать пріятелю о своемъ желаніи перейти въ дѣйствующій корпусъ и просилъ замолвить за него слово. Галаховъ недолго оставался въ избѣ. Въ сѣняхъ послышался громкій, какъ бы сердитый, голосъ. На крыльцо быстро вышелъ, въ запыленной треуголкѣ и въ потертомъ, сильно полинявшемъ на солнцѣ, темнозеленомъ мундирѣ, невысокій, худощавый человѣкъ. Поведя передъ собой краснымъ отъ загара носомъ, странно выдѣлявшимся среди бѣлыхъ, выбритыхъ послѣ долгаго перерыва щокъ, вышедшій взглянулъ на стоявшихъ у крыльца и улыбнулся. Глѣбъ сразу узналъ Суворова, за которымъ стоялъ плотный полковникъ. — „Михельсонъ!“ — подумалъ Глѣбъ, глядя на него.

— Такъ вотъ, Иванъ Иванычъ, и прочіе герои!—произнесъ Суворовъ, указывая Михельсону на остальныхъ членовъ коммиссіи:—молодцы! явились живьёмъ взять Емельку, да не удается все... Что же, помилуй Богъ, попробуемъ!.. Курочка по зернышку клюетъ... Но одинъ изъ васъ просится въ дѣйствующій отрядъ... кто именно?

Глѣбъ молча поклонился.

— Дугáновъ?—спросилъ, глядя на него, Суворовъ:—очень радъ,—зналъ твоего отца; у него было двое сыновей,—гдѣ твой братъ?

Глѣбъ разсказалъ о гибели Алексѣя и его семьи въ Курмышѣ. Суворовъ внимательно слушалъ его, посматривая на лагерь, виднѣвшійся невдали, у огородовъ, откуда неслись веселыя солдатскія пѣсни:—„Всѣ мужья до женъ добры, накупили имъ тафты... въ бисеръ нѝ-

занную—плеть насвистанную"—выводилъ запѣвало. Хоръ громко подхватывалъ.

— Знаешь о нихъ?—спросилъ Суворовъ Михельсона.

— О комъ?

— Слышалъ объ участи родныхъ ему страдальцевъ? — указалъ Суворовъ на Глѣба.

— Какъ же, ваше превосходительство, своими глазами видѣлъ убитыхъ... уцѣлѣлъ, кажется, только младшій ребенокъ, — отвѣтилъ Михельсонъ.

— Мученики! святые страдальцы! и сколько ихъ... сотни, тысячи неизвѣстныхъ!

— И что еще прискорбно, — замѣтилъ Михельсонъ: — въ шайкѣ изверговъ, ограбившихъ и залившихъ кровью Курмышъ, оказались, какъ помню, собственные слуги господъ Дугáновыхъ,—старикъ камердинеръ, важный такой толстякъ, и молодой, грамотный лакей... Старику, кромѣ прочаго, я на память обрѣзалъ уши, а молодой успѣлъ изъ-подъ стражи бѣжать и, по слухамъ, кажется, и теперь при самозванцѣ.

„Дронъ камердинеръ... неужели измѣнилъ?"—подумалъ Глѣбъ:—„а молодой? жена писала Шимковой о бѣгствѣ Сергѣя, — неужели нашъ Сергѣй?"

— Такъ желаешь въ дѣйствующіе?—спросилъ Суворовъ Глѣба.

— Удостойте, ваше превосходительство.

— Да, понимаю тебя и твои чувства... не удерживаю, иди къ тѣмъ вонъ, — указалъ Суворовъ на лагерь:—слышалъ? не унываютъ лихачи, точно дома, въ хороводахъ... Ты, слышалъ я, встрѣтился на пути съ женой, очень радъ... Такъ и она побывала въ когтяхъ донской кошки? разскажи...

Глѣбъ передалъ о плѣнѣ и спасеніи Марѣ.

— Дай ему, Иванычъ, поработать,—сказалъ Суворовъ, указывая Михельсону на Глѣба.

— Отъ души радъ,—отвѣтилъ Михельсонъ, протягивая руку Дугáнову.

Суворовъ опять указалъ на лагерь.

— И съ такою горстью, помилуй Богъ,—сказалъ онъ:—разбито пятнадцати-тысячное скопище. Безсмертное дѣло! Летѣлъ я сюда прямо съ Дуная, дорожилъ часомъ, минутой, а когда не давали лошадей, не стыдно сказать, принималъ, для успѣха, даже злодѣйское имя; билъ турокъ, янычаръ, а ужъ Емельку и подавно догонимъ и разобьемъ... Ѣдемъ, Иванъ Иванычъ, ѣдемъ!

Вскочивъ на коня, Суворовъ понесся къ лагерю. Михельсонъ и свита послѣдовали за нимъ.

Причисленный къ одному изъ передовыхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за самозванцемъ, Глѣбъ съ каждою посылкой на почту писалъ женѣ съ похода. Онъ сообщалъ ей, какъ, разбитый у Сальниковой-ватаги, Пугачовъ переправился черезъ Волгу на рыбачьей лодкѣ, а его сообщники прямо вплавь, подвязавъ къ хвостамъ лошадей плоты изъ тальника, съ уложенными на нихъ ружьями и одеждой, и какъ самозванецъ, спасаясь отъ налетѣвшихъ на него командъ Суворова, бросился сперва къ елтоновскимъ озерамъ, а оттуда, по слухамъ, въ болота и камыши Узеней, съ цѣлью перебраться къ черня́мъ и пескамъ у Каспійскаго моря и скрыться у дружественныхъ ему хановъ въ Персіи. — „Задуманный планъ злодѣю не удался, — писалъ Дугановъ женѣ: — его главные пособники Творогóвъ и Чумаковъ, измученные безполезнымъ скитаніемъ и голодомъ, поняли, что ихъ дѣло потеряно и, уговоривъ другихъ, рѣшили мнимаго государя связать, при удобномъ случаѣ, и отвезти для выдачи законнымъ властямъ въ Яицкъ. Этотъ случай скоро представился. Сегодня, въ степи, намъ встрѣтился верховой киргизъ: онъ клялся, что вчера, на привалѣ, на Узеня́хъ, гдѣ раскольничьи старцы-монахи поднесли Пугачову освѣжиться арбузовъ и „бу́квы“, степной здѣшней рѣпы, казаки-заговорщики выманили у него походный ножъ, какъ бы для того, чтобъ разрѣзать огромный арбузъ. Одинъ изъ нихъ крикнулъ: „Ты не государь, а Емелька! вяжите его, братцы!“ — а прочіе схватили его, сняли съ него шашку и стали вязать ему руки. — „Какъ смѣете такъ поступать съ государемъ?“ — крикнулъ Пугачовъ. — „Нѣтъ, братъ, теперь уже не обманешь!“ — отвѣтили ему казаки: — „полно проливать безвинную кровь!“ — И представь, самозванецъ до того растерялся, что заплакалъ, божился, что не уйдетъ, и молилъ, чтобъ его не вязали. Но едва посадили его на лошадь, онъ изъ всѣхъ силъ погналъ ее и ускакалъ. Его догнали, сбили тупыми концами копій съ сѣдла и, со скрученными за спину руками, вновь посадили на другую, тощую лошадь. Арестанта, по слухамъ, повезли на Будáринскій форпостъ, взятіемъ котораго, осенью минувшаго года, начались всѣ злодѣйства Пугачова, а оттуда препровождаютъ въ Яицкъ, куда изъ всѣхъ силъ скачемъ, по этимъ пустынямъ, и мы“.

„Радуйся, милая, дорогая Маша, — писалъ женѣ, отъ 15-го сентября, Дугановъ: — мы въ Яицкѣ и сюда же сегодня прибылъ нашъ главный начальникъ, генералъ-аншефъ Суворовъ. Онъ тотчасъ принялъ въ свое распоряженіе злодѣя, выданнаго капитану Маврину. Я сосчиталъ, — Пугачовъ свирѣпствовалъ почти ровно годъ, поднялъ знамя бунта 18-го сентября прошлаго года, а выданъ и закованъ въ кандалы нынѣшняго 15-го сентября, описавъ истребительный кругъ злодѣяній и крови — отъ Яика за Уралъ, къ Казани и Курмышу, а

оттуда — черезъ Пензу, Саратовъ и Царицынъ — къ Черному-Яру и Узенямъ, — болѣе чѣмъ въ двѣ тысячи верстъ. И странное совпаденіе: при обыскѣ нашли у него кошель, съ золотою, серебряною монетой, и какъ думаешь, что̀ оказалось, среди послѣдней? Медаль, выбитая, двѣнадцать лѣтъ назадъ, на погребеніе того самаго, покойнаго государя Петра III, имя коего онъ, невѣжда-злодѣй, столь дерзостно принялъ на себя. А нашъ Астафій Трифоновъ бѣжалъ отъ Галахова и Рунича на одномъ изъ ночлеговъ, увезя съ собой и деньги, присланныя за выдачу злодѣя... Для препровожденія Пугачова къ главнокомандующему графу Панину въ Симбирскъ, по приказу Суворова, сооружается особая, на четырехъ колесахъ, деревянная, какъ бы звѣриная клѣтка и формируется конвой, изъ двухъ ротъ пѣхоты, съ конною казачьей эскортою и двумя пушками. При этомъ конвоѣ, въ числѣ другихъ офицеровъ, назначенъ шествовать и я".

Въ началѣ октября Марѣ получила отъ Глѣба письмо, изъ Симбирска, гдѣ онъ, передавая о привозѣ и представленіи самозванца графу Панину, описалъ, какъ Пугачовъ, увидѣвъ графа, упалъ передъ нимъ на колѣни и на его вопросъ: „Какъ ты, извергъ, дерзнулъ назваться царемъ Россіи?" — оторопѣлымъ, но яснымъ голосомъ, при всѣхъ, отвѣтилъ: „Виноватъ передъ Богомъ, государыней и министрами".

Въ теченіе октября, Марѣ получила еще нѣсколько писемъ отъ Глѣба. Въ нихъ онъ, передавая подробности о шествіи съ арестованнымъ самозванцемъ, сообщилъ, между прочимъ, что на всѣхъ „растàхахъ" ихъ встрѣчали особыя гарнизонныя команды, заготовленныя княземъ Волконскимъ, для охраны злодѣя отъ разъяреннаго противъ него чернаго народа. — „Вѣришь ли, Машенька, — писалъ Глѣбъ: — не только на всемъ пути отъ черни, но даже отъ колодниковъ, недавнихъ пособниковъ изверга, изловленныхъ въ разныхъ мѣстахъ и, какъ и онъ, сгоняемыхъ на разборъ дѣла въ Москву, нѣтъ намъ отбоя. Всѣ рвутся взглянуть на страшилище Россіи, громогласно клянутъ его и, распалясь, грозятъ и готовы, еслибъ не охрана, разорвать его на части. И еще вообрази, что я узналъ давеча въ Рязани... ты не ожидаешь... Извѣстный намъ обоимъ, сосланный отцомъ на заводъ, но оттуда скрывшійся. Ѳедоръ Прядышевъ, уличенный въ измѣнѣ и нахожденіи въ шайкахъ Пугачова, былъ арестованъ въ Курмышѣ; но, очевидно, подкупилъ гарнизонную стражу, подъ конвоемъ коей пересылался, въ партіи прочихъ колодниковъ, въ Москву, и на-дняхъ, по выходѣ изъ Рязани, бѣжалъ, какъ слышно, съ деньгами и добытымъ оружіемъ. Бѣдный рязанскій воевода въ горѣ, боится отвѣта. Впрочемъ, его утѣшаютъ, что этому арестанту долго не быть на волѣ, такъ какъ и родитель Прядышева не дерзнетъ укрывать такого преступника, и самъ онъ, по наклонности своей, убѣжавъ, начнетъ, въ-

роятно, прежде всего тѣмъ, что гдѣ-нибудь не выдержитъ, запьетъ, а потому, безъ особаго труда, и выдастъ себя".

Второго ноября Марѝ получила, наконецъ, письмо мужа изъ недалекой Коломны и, въ радостныхъ слезахъ, бросилась на шею гостившей у нея Шѝмковой.

— Ахъ, Надя, ахъ, мой другъ! — вскрикнула она, едва владѣя собой:—представь, Глѣбъ... уже въ Коломнѣ... пишетъ, вотъ письмо!.. послѣ завтра онъ будетъ въ Москвѣ. Ѣдемъ, голубушка, завтра на встрѣчу.

— Но насъ не допустятъ.

— Какъ, да онъ изъ главныхъ при стражѣ. Ѣдешь? у меня и шубка новая, и капоръ...

— Ѣдемъ.

Москва заволновалась, въ ожиданіи привоза Пугачова. Улицы, площади и паперти церквей были полны народа. Всѣ разспрашивали другъ друга, собирались идти на встрѣчу проклинаемаго въ церквахъ злодѣя. Множество пѣшаго люда, богатыхъ крытыхъ возковъ, колымагъ на полозьяхъ, простыхъ кибитокъ и пошевней потянулось изъ Рогожской заставы, по рязанскому тракту, къ Брѐнницамъ.

XXXI.

Около полудня, третьяго ноября, къ постоялому двору, на окраинѣ Брѐнницъ, съѣхался рядъ экипажей, тройками, четвернями и шестёрками. Невдали, противъ постоялаго, виднѣлся, окруженный частоколомъ, острогъ; въ переулкѣ, за дворомъ постоялаго, былъ кабакъ. Съѣхавшіеся изъ Москвы любопытные не сводили глазъ съ воротъ острога,—стража котораго, съ минуты на минуту, ожидала прибытія Пугачова, — и не слышали пьяныхъ возгласовъ и пѣсенъ, несшихся изъ кабака.

— Чтой-то, братецъ, у васъ неприличіе какое?—вполголоса спросилъ сѣмоновскій кучеръ, указывая съ козелъ подошедшему мѣщанину на переулокъ.

— Іоська кабатчикъ менѝнникъ,—отвѣтилъ мѣщанинъ:—блаженнаго пресвитера Іосифа нонѣ, а у Іоськи дочь просватана,—съ утра онъ и угощаетъ.

Кучеръ сталъ высматривать городскихъ знакомцевъ. Экипажи и лошади Нелѐдинскихъ, Вязмѝтиновыхъ, Архàровыхъ и другихъ были здѣсь; Дугàновскихъ еще не было видно. Изъ улицъ показалось нѣсколько бѣгущихъ мальчишекъ. За ними, отдѣльными кучами, слѣдовали взрослые. Повалила вскорѣ сплошная толпа. Всѣ, оглядываясь,

спѣшили къ острогу. Махальный на сосѣдней полицейской каланчѣ далъ знакъ. Выстроенные у острога солдаты, по командѣ офицера, вытянулись, взявъ ружья на плечо. Изъ-за невысокихъ, съ черепичными и соломенными кровлями, домиковъ, показалась просторная рогожаная, побѣлѣвшая отъ инея, кибитка, справа и слѣва окруженная казаками. За нею, въ сопровожденіи пѣхотнаго отряда, двигались на колесахъ двѣ мѣдныя пушки. — „Пугачовъ! Пугачовъ!“ — пронеслось въ толпѣ народа, запрудившаго площадь передъ острогомъ. Всѣ ближе надвинулись къ послѣднему. Туда же, кое-какъ пробираясь между толпой, подъѣхали и экипажи, а за ними протиснулись и гости именинника-кабатчика.

— Такъ вотъ онъ, вотъ,—толковали въ народѣ:—Мать-Пресвята Богородица! Іисусе! и такой плюгавый, отрёпанный, съ бородёнкой, объявился царемъ! Почешетъ тебѣ, паскуднику, спину-то и рёбра катъ!

— Только-то? спину, да рёбра? ну, братъ, за таки убивства, да за пролитіе тысячей крови, нешто, помирятся на томъ?

— Кончилось мужичье царство! — разсуждали, въ то же время, въ колымагахъ и возкахъ: — алчному тигру не властвовать, не пить больше крови... А, смотрите, нашъ-то Дуга́новъ, Глѣбъ Андреичъ...

— Гдѣ онъ? гдѣ?

— Да вонъ, у кибитки, слѣдитъ, какъ изверга высаживаютъ казаки...

— Почему онъ тутъ?

— Развѣ не слышали? онъ и Повалошве́йковскій причисленъ къ отряду Галахова... узна́етъ ли? хорошо бы подозвать его, разспросить.

Началъ падать снѣгъ. Пугачовъ медленно вылѣзъ изъ кибитки, отряхнулся, искоса, какъ подстрѣленный волкъ, глянулъ на народъ и баръ, смотрѣвшихъ на него, и, звеня ручными и ножными кандалами, пошелъ, среди конвоя, въ ворота острожнаго двора. Въ переднемъ ряду любопытныхъ, въ это время, стоялъ протискавшійся сквозь толпу, рослый и плотный, въ старомъ тулупѣ и мѣховой шапкѣ, съ опухшимъ и потемнѣлымъ лицомъ, пьяный прохожій. Его налитые кровью глаза впивались въ Дуга́нова. То былъ бѣжавшій изъ-подъ стражи и направлявшійся къ отцу Ѳедоръ Ря́дышевъ. Онъ узналъ Глѣба. — „Такъ вотъ, гдѣ встрѣтились!“ — думалъ онъ, охваченный дрожью, вглядываясь въ Дуга́нова: — „ты счастливъ, въ почётѣ, — да какомъ! — самозванца на судъ и казнь везешь! А я? не укрыться, видно, измѣнщику — бродягѣ, вездѣ найдутъ... одна судьба, одинъ конецъ“! — Обрывки пережитаго проносились въ его хмѣльной головѣ. Смутно вспомнился ему спектакль у Соймоновыхъ, бѣгство съ Серафимой, пріѣздъ въ Кіевъ, цыгане, Луша, попойки, прибытіе отца съ Глѣбомъ, высылка за Уралъ и гибель Серафимы въ Курмышѣ... Снѣгъ падалъ, осыпая ему лицо. Мрачные, дикіе помыслы пронизывали его

холодомъ и жаромъ. Что-то безобразное, подавляющее росло и поднималось въ его душѣ. И въ то мгновеніе, когда, нежданно-окликнутый знакомымъ голосомъ, Глѣбъ оглянулся, увидѣлъ передъ собой Прядышева, на секунду, удивленный этой встрѣчей, остановился и, съ радостною улыбкой, бросился на зовъ къ чьему-то подъѣхавшему возку, — Прядышеву показалось, что Глѣбъ, примѣтивъ его, спѣшитъ его арестовать. Онъ рванулся изъ толпы, выхватилъ изъ-за пазухи пистолетъ, взвелъ курокъ и прицѣлился. Раздался выстрѣлъ.

— Ай-ай! держи его, держи!—послышались крики:—убили...

— Кого?

— Офицера... гляди! на смерть, видно! упалъ, сердечный...

Дымъ отъ выстрѣла разсѣялся. Схваченнаго Прядышева окружилъ народъ. Шапка съ него свалилась, тулупъ былъ разорванъ.—„Кушаки, ребята! вяжи его!“—кричали одни.—„На судъ! на разборъ самозванцева-то приспѣшника!“—кричали другіе.—„Сами, православные, разберемъ! бей окаянника! въ смерть его, пса!“ — Толпа навалилась на схваченнаго. Мелькали дубины и кулаки; летѣли клочки тулупа. Осирѣпѣлая толпа мяла и терзала безпомощно-хрипѣвшую жертву.

Галаховъ, Руничъ и Повалошвѣйковскій бросились къ упавшему Дуга́нову.

— Что̀ съ тобой, голубчикъ, Глѣбъ Андреичъ? — спросилъ Галаховъ, нагнувшись къ нему и разстёгивая на его груди окровавленный мундиръ:—ты раненъ? гдѣ?

Глѣбъ не отвѣчалъ. Его большіе, черные глаза спокойно и кротко смотрѣли съ блѣднаго, неподвижнаго лица, какъ бы говоря: „что̀ съ вами? изъ-за чего тревога и смущеніе? развѣ не видите? я счастливъ, счастливъ вполнѣ“.

— Пустите, пустите!—раздался вопль среди экипажей.

Толпа разступилась. На площадкѣ показалась молодая, блѣдная женщина, въ голубой атласной шубкѣ и собольемъ капорѣ. Она подбѣжала къ столпившимся офицерамъ, вскрикнула: „Глѣбушка, Глѣбъ!“ —и, рыдая, припала къ простёртому на снѣгу Дуга́нову.

— Кто это? — тихо спросилъ Галаховъ даму, помогавшую ему и товарищамъ его приподнять и привести въ чувство упавшую.

— Боже мой! жена его, жена! — отвѣтила дама: — но онъ, скажите, живъ ли?

— Успокойтесь, живъ, но сильно раненъ,—отвѣтилъ Галаховъ:— а того, тулупника, очевидно, порѣшили.

Четвертаго ноября, 1774 года, Пугачова торжественно ввезли въ Москву, на монетный дворъ; десятаго января его казнили, за Москвой рѣкой, на Болотѣ.

Гостившій у Дугáновыхъ и ухаживавшій за больнымъ еще Глѣбомъ, Травкинъ присутствовалъ при этой казни. Благодаря служебнымъ связямъ Глѣба, Силѣ Ѳомичу удалось помѣститься у самаго эшафота. Онъ видѣлъ, кáкъ самозванецъ, ѣдучи по улицамъ, переполненнымъ народомъ, на высокомъ помостѣ, устроенномъ поверхъ саней, держалъ въ исхудалыхъ рукахъ большую, горящую свѣчу желтаго воска, таявшаго отъ вѣтра и обливавшаго ему судорожно-стиснутыя руки. Травкинъ видѣлъ кáкъ Пугачовъ, взведенный на эшафотъ, молча выслушалъ приговоръ къ четвертованію и „съ утороплепнымъ видомъ“ сталъ кланяться на всѣ стороны, громко повторяя: „Прости, народъ православный! отпусти — въ чемъ согрѣшилъ передъ тобой! отслужу, отслужу!..“

— „Въ чемъ это онъ, извергъ, надѣется отслужить?“ — удивился Травкинъ: — „неужели и вправду, какъ увѣряли, полагаетъ, что такого небывалаго злодѣя могли бы простить и дать ему загладить его вины, на иномъ, хотя бы ратномъ поприщѣ?“ —Травкину вспомнился лагерь самозванца подъ Саратовымъ, висѣлица надъ оврагомъ и пляска его крестника передъ пьяными душегубцами. Онъ не спускалъ глазъ съ эшафота. Также пристально вглядывался въ самозванца и одинъ изъ осужденныхъ съ нимъ преступниковъ, стоявшихъ на сосѣднемъ эшафотѣ. То былъ взятый въ плѣнъ, послѣ сраженія, приговоренный къ кнуту и вырѣзанію ноздрей, старый умётчикъ Оболяевъ, онъ же и Ерёмкинъ-курица. Бывшій хоругвеносецъ самозванца, съ трепетомъ глядя теперь на скованнаго Емельку, вспоминалъ дни, когда Пугачовъ, проживая у него на умётѣ, нежданно объявилъ себя царемъ и, увлекая другихъ, такихъ же, какъ онъ, Оболяевъ, слѣпцовъ, пронесся по Заволжью потокомъ крови и пожаровъ. Пугачовъ, быстро подхваченный въ это мгновеніе палачами, снявшими съ него бѣлый бараній тулупъ и кандалы и рвавшими рукава его шелковаго малиноваго полукафтана, сталъ-было изъ всѣхъ силъ упираться, но вдругъ, какъ бы понявъ весь ужасъ неизбѣжной, надвигавшейся надъ нимъ развязки, безпомощно всплеснулъ руками и, какъ чурбанъ, опрокинулся навзничъ. По площади пронесся смутный гулъ...

На высокомъ столбѣ эшафота показалась воткнутая на желѣзную спицу, отрубленная, растрёпанная и облитая кровью, голова Пугачова.

— Вотъ тебѣ и корона, вотъ тебѣ и престолъ! — толковали въ многотысячной толпѣ, тѣснившейся къ эшафоту:—тоже царемъ, сиволапый, захотѣлъ быть! сказывали — тузъ, богатырь... куда! бородка жидёхонька и весь-то, ну, харчевникъ плюгавый. — одно слово — мелкота...

„Да“, — разсуждалъ Травкинъ, ѣдучи съ казни: — „мелкота!.. а

какихъ дѣлъ натворилъ! сколько пролилъ крови, грозилъ двумъ столицамъ, да и имъ ли только грозилъ?“

Въ Москвѣ говорили, что рана Дугàнова не заживетъ, что онъ безнадеженъ, и одно время носилась даже упорная молва, что онъ скончался. Благодаря неустаннымъ заботамъ Марѝ, онъ остался живъ, выздоровѣлъ и, съ наступившимъ лѣтомъ, уѣхалъ на родину въ Малороссію.

Весной, передъ отъѣздомъ съ мужемъ въ деревню, Марѝ неожиданно получила письмо отъ Спесивцева. Это письмо было помѣчено 15-мъ февраля 1775 года. Находясь, для излѣченія, въ Италіи, онъ писалъ ей, что надняхъ, отъ заѣзжаго москвича, онъ случайно узналъ печальную вѣсть о роковомъ событіи съ Глѣбомъ Андреевичемъ и о его нежданной кончинѣ. Спесивцевъ спрашивалъ, вѣренъ ли этотъ ужасный слухъ, скорбѣлъ о потерѣ Марьи Родіоновны и просилъ простить ему то, что̀ невольно рвалось высказаться изъ его сердца.— „Я когда-то былъ на волоскѣ отъ смерти,—писалъ онъ Дугàновой:— и теперь еще далеко я не Голіафъ, едва, какъ видите, вожу перомъ; по прежнему, кашель и кашель... но все превозмогаетъ и, смѣло надѣюсь, превозможетъ великая и могучая сила природы. А когда, среди этой чудной, южной весны, среди вновь зацвѣтающихъ розъ, сирени и геліотроповъ (сравните съ ними снѣга и морозы родного февраля, въ Москвѣ!), воскресшій безумецъ снова примчится къ вамъ, о чемъ онъ только и мечтаетъ на чужбинѣ, и рѣшится наконецъ сказать вамъ то, что̀ давно таилось въ его душѣ и о чемъ онъ не дерзалъ вамъ до-нынѣ даже намекнуть, — неужели вы не повѣрите ему, отвернетесь отъ него? Нѣтъ, вы пожалѣете его, протянете руку обожающему васъ безумцу“.

Лѣтомъ, уже въ деревнѣ, Дугàнова, разбирая на балконѣ свои бумаги и какъ бы нечаянно вспомнивъ объ этомъ письмѣ, дала его прочесть Глѣбу, сидѣвшему здѣсь, съ кипой новыхъ, привезенныхъ съ почты, листовъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

— И что̀ же ты отвѣчала ему на это?—спросилъ Глѣбъ, прочтя письмо и помѣту на немъ.

Его голосъ слегка дрожалъ; въ глазахъ, устремленныхъ на жену, мелькнуло томительное недоумѣніе и какъ бы испугъ. Марья Родіоновна замѣтила это. Она вынула изъ шкатулки и подала мужу другое письмо, съ черною каймой. Въ ней незнакомый ей человѣкъ, на французскомъ языкѣ, по обѣщанію, данному имъ, какъ онъ выразился „сосѣду по загородной виллѣ“ — русскому врачу Спесивцеву, — извѣщалъ ее, что названный Спесивцевъ,—20-го февраля того же 1775 года,

къ сожалѣнію всѣхъ, знавшихъ его, скончался близъ Палермо, на виллѣ „Fortuna dolce“.

— Бѣднякъ прожилъ, послѣ своего письма, всего пять дней!— сказалъ, покачавъ головою, Глѣбъ:—жаждалъ такъ жизни, стремился на родину.

— За то, пожалуй, и счастливъ... умеръ въ надеждѣ,—не дождавшись моего отвѣта! — произнесла, съ затаеннымъ вздохомъ, пряча письма Марѝ.

Въ деревнѣ Глѣбъ Андреевичъ окончательно оправился, по совѣту матери вышелъ въ отставку, съѣздилъ въ Курмышъ за осиротѣлымъ сыномъ Алексѣя, Колей, и принялъ опеку надъ нимъ и надъ его имѣніемъ.

Въ заботахъ о воспитаніи сына и племянника, Глѣбъ и Марѝ прожили въ Малороссіи тихо и счастливо длинный рядъ годовъ.

По смерти матери, Глѣбъ занялся устройствомъ Ракитнаго, развелъ новый плодовый садъ, увеличилъ запашку, вырылъ нѣсколько прудовъ въ степи, выписывалъ хозяйственные журналы и служилъ по выборамъ. Онъ держалъ себя со всѣми чинно, но ласково, былъ всегда чисто, со вкусомъ одѣтъ и тщательно выбритъ. Глядя на него и на Марѝ, посторонніе говорили: „Вотъ голубки эти Дуга̀новы! входятъ въ преклонныя лѣта, а, кажись, влюблены донынѣ другъ въ друга, какъ юноши, не наглядятся одинъ на другого“.—Случались, впрочемъ, иногда вспышки былого, забытаго недуга. Глѣбъ ни съ того, ни съ сего, дома или въ гостяхъ, среди знакомыхъ, добродушно оказывавшихъ Марѝ знаки душевнаго почтенія, вдругъ чувствовалъ приступы обуревавшей его ревности. Онъ мгновенно блѣднѣлъ, лицо его подергивалось судорогами и въ глазахъ сверкалъ зловѣщій огонекъ. Но это длилось не долго. Онъ выпивалъ залпомъ, какъ бы отъ жажды, стаканъ-другой холодной воды, и когда былъ въ гостяхъ—немедленно уѣзжалъ, увозя съ собой подъ какимъ-либо предлогомъ и жену, а если былъ дома—садился на коня и, какъ безумный, скакалъ по полямъ. За столомъ, у вечерняго чая, все проходило и забывалось. — „Ахъ, Маша, какъ я счастливъ,—говорилъ онъ тогда, цѣлуя руку жены и глядя на сына: —такая ты добрая у меня, прощающая!“

Прошло двадцать-пять лѣтъ. Сыновья Глѣба и Алексѣя Дуга̀новыхъ, Василій и Николай, выйдя изъ кадетскаго корпуса, давно находились на службѣ, въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Ракитнымъ завѣдывалъ, какъ всегда, самъ Глѣбъ, Горками—крестный сынъ престарѣлаго, еле уже двигавшаго ноги, но еще бодраго душою, Силы

Ѳомича,—Борисъ Травкинъ, прозванный съ Пугачовщины „плясуномъ“. Въ 1799 году, двоюроднымъ братьямъ привелось, съ арміей фельдмаршала Суворова, совершить походъ въ Италію, гдѣ оба они участвовали въ знаменитыхъ битвахъ, при Трéбіи и Нѳви, противъ „корсиканскаго Пугачова“, какъ Глѣбъ называлъ Наполеона. Возвращаясь изъ похода, съ наградами за отличіе, одинъ—орденомъ, другой—чиномъ, они рѣшили, сюрпризомъ, заѣхать въ Изюмскій уѣздъ, въ Ракитное, гдѣ по прежнему, безвыѣздно, мирно и счастливо жили Глѣбъ Андреевичъ и Марья Родіоновна и куда, какъ братья знали изъ писемъ, они, около того времени, ждали изъ Москвы Шѝмкову, а изъ Горокъ—Травкина, съ крестникомъ—плясуномъ.

Едва, со стороны деревни, послышался звукъ ихъ колокольчика, надъ столѣтними, дуплистыми ракитами и липами сада, поднялась, съ крикомъ, исполинская стая воронъ и грачей.

— Точно нашего Суворова на смотру армія привѣтствуетъ! — сказалъ Василій Дугà новъ брату, съ улыбкой глядя на крылатыя полчища, горланившія въ небесной синевѣ.

— А вонъ, смотри, вонъ!—произнесъ Николай Дугà новъ, указывая изъ-за деревьевъ на домъ, къ которому они мчались.

Тамъ, на обветшаломъ крыльцѣ, виднѣлся загорѣлый и сѣдоусый, какъ всегда, прифранченный, въ бѣломъ, пикейномъ рединготѣ, Глѣбъ Андреевичъ,—рядомъ съ нимъ, въ палевой косынкѣ на сѣдыхъ волосахъ, Марья Родіоновна, съ крошкой крестницей, Ѳѝмочкой, дочерью Бориса Травкина, а возлѣ нихъ—Шѝмкова и махавшій платкомъ Сила Ѳомичъ. Всѣ они сидѣли передъ тѣмъ у стола, гдѣ Марья Родіоновна кончала мѣтки на бѣльѣ, заготовленномъ для сына и племянника, а Глѣбъ читалъ газеты, поданныя ему старымъ Дрономъ, которому господами было разрѣшено постоянно ходить въ особой плисовой шапочкѣ, съ наушниками, вслѣдствіе потери ушей, отрѣзанныхъ у него „на намять“ въ Курмышѣ Михельсономъ.

Радостныя слезы текли по красивому еще лицу былой Марѝ. Облокотясь на руку мужа и глядя на подъѣзжавшихъ путниковъ, она счастливо улыбалась. Не помнила Марья Родіоновна, въ эти мгновенія, ни чернаго пугачовскаго года, ни другихъ бѣдъ и горестей, пережитыхъ ею. Ей вспоминалось одно, что въ это мгновеніе она была вполнѣ и безконечно счастлива.—„А если,—мысленно говорила она себѣ:—если этому счастью, какъ всему на свѣтѣ, суждено когда-нибудь кончиться,—Ты, Господи, охранялъ рабу Свою... приду подъ охрану Твою, прими тогда съ миромъ“!

1887 г.

БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

—„Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“.
Поговорка.

Дѣдъ поставилъ ружье въ уголъ, усѣлся на теплой лежанкѣ и сталъ разсказывать...

Это было въ Изюмѣ,—говорилъ онъ:—на святкахъ. Шелъ мѣщанинъ Явту́хъ Шаповаленко по дальнему переулку, заглядывая во всѣ окна и затрогивая всѣхъ прохожихъ. Шелъ онъ ужъ поздно на зарѣ, на вечерни́цы, т.-е. посидѣлки, которыя справлялись на десяти-копѣечную складчину молодежи ближней слободки, въ лѣсу, на водяной мельницѣ, и потому-то онъ нарядился въ пухъ и въ прахъ. Синіе нанковые шаровары, только-что купленные на торгу, были туго перетянуты ремнемъ, съ висящими на немъ гребенкой и коротенькой трубочкой. Концы шароваръ были засунуты въ высокіе, съ желѣзными подковами, сапоги. Поверхъ бѣлой рубахи, съ синимъ и краснымъ шитьемъ у воротника, на плечи молодецки была накинута сѣрая свитка, а на волосы была надвинута высокая, съ синимъ суконнымъ ве́рхомъ, черная барашковая шапка. Въ его лѣвомъ ухѣ болталась серьга, а изъ кармана шароваръ выглядывалъ конецъ желтаго съ разводами платка. И шелъ онъ, предаваясь всякимъ потѣхамъ. То просунетъ голову въ узенькое окошко подслѣповатой бабы-вдовы и надъ самымъ ея ухомъ крикнетъ: „а-гу!“ То совершенно неожиданно, передъ домомъ волостнаго писаря, начнетъ на рукахъ и ногахъ вертѣться колесомъ—и ропнетъ по пыльной дорогѣ то трубку, то платокъ, то цѣлую дорожку пятаковъ; или погонится за толпою разряженныхъ дѣвокъ, а тѣ разбѣгаются отъ него съ визгами и криками, какъ стая воробьевъ отъ налетѣвшаго ястреба... То, наконецъ, у воротъ двухъ сосѣдей стариковъ, съ громкимъ крикомъ „*Ходилъ*

гарбузъ по городу!“ пускается отплясывать въ присядку. Его сапоги звенятъ подковками, выбивая лихой танецъ. Густая пыль летитъ столбомъ, и въ ея облакѣ мелькаетъ по временамъ баранья шапка, складка шароваръ, или его длинные черные усы. Съ громомъ летитъ мимо тарантайка проѣзжаго купца, и послѣдній, поднявъ съ подушекъ изумленное лицо, смотритъ и, съ просонковъ не понимая, что̀ передъ нимъ дѣлается, исчезаетъ въ концѣ улицы.—„Молодецъ!“ говоритъ въ одно слово ватага парней, идя мимо плясуна. „Молодецъ Явту́хъ! Молодецъ гуляка Шапова́ленко!“ —И Явту́хъ понимаетъ, что онъ точно молодецъ, потому что наконецъ и головы столѣтнихъ старцевъ поднимаются передъ нимъ, и устремляются на него глаза тѣхъ людей, которые уже столько лѣтъ съ утра до ночи сидятъ, какъ могильные камни, у своихъ воротъ и смотрятъ въ землю, не поднимая головы ни передъ чѣмъ на свѣтѣ.

„Любо жить на свѣтѣ! Вотъ такъ любо“!—думаетъ между тѣмъ Явту́хъ, минуя околицу и огородами пробираясь къ лѣсу. Тряхнулъ онъ волосами, надвинулъ шапку, подтянулъ ту́же поясъ и взглянулъ на ясное звѣздное небо... Звѣзды дрожатъ и будто колышутся, точно огоньки воздушныхъ свѣчекъ. Но вотъ, изъ-за лѣса послышался далекій говоръ и смѣхъ. Хата мельника скоро выглянетъ изъ-за деревьевъ. А тамъ веселье, шумъ, толкотня, и среди всего — красавица На́йда, дочка мельника...

„Что за краля эта На̀йда!“ думалъ Явту́хъ, пробираясь къ околицѣ и перескакивая то черезъ камышъ, то черезъ ровъ, обросшій осокой. „Была не была!—скажу сегодня всѣмъ, что На̀йда—моя невѣста и что я женюсь на ней! Посмотрю тогда, какъ заартачится старый мельникъ!“ И, разведя кусты, онъ смѣло вошелъ въ лѣсъ. Темнота и мертвая тишина кругомъ. Ни соловей, ни филинъ не оглашаютъ лѣса. Между деревьями, на мѣсяцѣ, сверкнуло болото; черезъ него, по мостику изъ бревенъ и вѣтвей, лежитъ дорога... Подойдя къ болоту, Явту́хъ бодро ступилъ на мостъ, размахивая длинною хворостиною и расточая разныя замѣчанія насчетъ людскаго трудолюбія. „Эка народъ эти изюмцы! пять лѣтъ копались по поясъ въ водѣ и выстроили такой мостъ, прости Господи, что съ нечистымъ не разминешься; а ужъ куда необъемистъ этотъ вражій сынъ!..“ И вдругъ онъ видитъ, какъ разъ на срединѣ моста, усѣлось что-то маленькое, худенькое, черненькое и мохнатое. Явту́хъ къ нему, а оно сидитъ, и только его зеленые глазки сверкаютъ, какъ у кота. Явту́хъ закричалъ:—„брысь!“ а оно и ухомъ не ведетъ и только виляетъ черпымъ и длиннымъ, какъ у собаки, хвостикомъ. „Э-ге-ге, дѣло недоброе! Только упомянулъ нечистаго, а ужъ онъ и подвернулся! Постой же ты, йродова душа:—я тебѣ покажу, какъ вашего брата учатъ!“

Онъ быстро подошелъ и со всего размаха хлестнулъ его длинною

хворостиной. Завизжалъ, залаялъ бѣсъ, какъ собака, и кинулся подъ ноги парня. Явту́хъ пошатнулся, скользнулъ съ мостика и со всего размаха полетѣлъ внизъ усами, въ болото.

— Вотъ вода, такъ вода, да и холодная какая!—пробурчалъ онъ, выкупавшись въ лужѣ и опять взбираясь на тощія бревна. Съ его шароваръ, съ рубахи и съ усовъ текло, какъ съ крыши во время дождя. „Эхъ-ма!“, прибавилъ онъ, осмотрѣвшись и выворачивая карманы шароваръ и свитки:—„ни кисета, ни платка, ни денегъ нѣтъ! Все тамъ!“ И онъ показалъ въ воду... „Погоди-жъ ты, бѣсовъ сынъ:—я тебѣ утру носъ! Заставилъ выкупаться, точно пьянаго москаля! И на вечерни́цы теперь опоздаешь!.. Ахъ ты, свиное твое ухо... Ахъ...“ И въ самомъ досадливомъ расположеніи духа, онъ пошелъ обратно въ Изюмъ.

Онъ шелъ, едва передвигая ноги отъ намокшихъ шароваръ, а тутъ еще казалось ему, за плечами, по кустамъ, кто-то шагалъ и будто говорилъ ему: „что, братъ? смѣяться вздумалъ? Что? драться вздумалъ? Вотъ, теперь и пляши! и пляши!“ Закипѣла месть въ его груди. „Не поддамся!“—крикнулъ онъ и плюнулъ:—„добѣгу до хаты, переодѣнусь и еще поспѣю на вечерни́цы!“ Сказалъ и во всю прыть понесся къ Изюму...

Но не добѣжалъ Явту́хъ и до половины пути, какъ холодъ сталъ пронимать его до костей. Онъ остановился, оглянулся по полю и, не видя вокругъ ни души, присѣлъ на траву, да не долго думая началъ раздѣваться. „Теперь не будетъ холодно!“ сказалъ онъ себѣ, взялъ свиту и рубаху подъ мышки и еще шибче побѣжалъ, несясь по высокой травѣ и перепрыгивая черезъ рвы и кочки... Мѣсяцъ кстати спрятался въ тучи и не смотрѣлъ на полураздѣтаго парня. Изюмъ скоро выглянулъ изъ-за пригорка. Огороды Явту́хъ миновалъ счастливо и, прошмыгнувъ подъ заборами, вбѣжалъ въ околицу. Тутъ онъ остановился и бросилъ пугливый взглядъ по сторонамъ: на улицѣ—ни души. Старики и бабы сидѣли ужъ въ хатахъ, а молодежь повалила на вечерни́цы въ подгородную мельницу... Явту́хъ вздохнулъ свободнѣе и впотьмахъ пустился далѣе... Но не миновалъ онъ и четверти улицы, какъ изъ воротъ мѣщанки Хи́ври Макитренковой, съ пѣснями и криками, выступила ватага дѣвушекъ и длинный, какъ цапля, ткачъ Юхи́мъ Бубликъ... Разряженная толпа щебетала вокругъ ткача, а онъ, со всякими припасами для вечерни́цъ, важно шелъ по улицѣ.

Завидѣлъ дѣвокъ Явту́хъ и обомлѣлъ отъ ужаса. Мокрую свиту и рубаху онъ оставилъ на дорогѣ, подъ огородомъ, думая завтра рано взять ихъ оттуда. „Вѣдь это бѣда!“ подумалъ онъ, да такъ въ однихъ мокрыхъ шароварахъ и остался посреди улицы. Ватага приближалась къ нему... Ужъ дѣвки близко, ужъ онъ слышитъ ихъ голоса, какъ сча-

стливая мысль мелькнула въ его головѣ: онъ оглянулся, вскочилъ въ первыя ворота и забился подъ опрокинутую бочку. Въ то же время выглянулъ мѣсяцъ. Пѣсни и говоръ раздались подъ самымъ его ухомъ.

— Охъ, постойте, дѣвки,—я кого-то видѣла!

— И я.

— И я...

— И я видѣла!—посыпались звонкіе голоса, и толпа остановилась у воротъ. Явту́хъ, ни живъ ни мертвъ, сидѣлъ подъ бочкой.

— Куда же оно дѣлось? Какъ въ воду упало!—замѣтили нѣкоторые голоса.

— Да, точно странно:—куда-бъ ему дѣться? Только-что видѣли...

— Да не подъ бочку ли залѣзъ какой-нибудь дурень?—замѣтила рябая и косая Ве́кла.

— Можетъ быть и подъ бочку! — отозвались другія, и ужъ направлялись къ бочкѣ.

— Да нѣтъ, постойте, то вѣрно слѣпой Кондратъ проснулся и за чѣмъ-нибудь ночью выходилъ изъ хаты,—перебилъ длинный ткачъ.

— Ну, такъ и есть!—захохотали дѣвки и, поглядывая на опрокинутую бочку, пошли далѣе...

На душѣ у Явту́ха отлегло. Онъ выглянулъ, переждалъ, пока толпа исчезла за околицею, и что̀ есть духу понесся по улицѣ. Прибѣжалъ къ своей хатѣ, ударился въ дверь:—на двери виситъ замокъ; дверь заперта. Онъ къ окну—оно изнутри заперто; да и безъ того въ окно развѣ одна рука его могла бы свободно пролѣзть... „Ахъ ты, судьба моя горемычная!“—сказалъ онъ себѣ, чуть не сквозь слезы:—„надо же было матери уйти и запереть двери. Ну, гдѣ я ее теперь найду?“ И онъ съ досады хлопнулъ кулакомъ по двери... И вдругъ слышитъ:—за его плечами въ темнотѣ кто-то заливается тихимъ, дребезжащимъ смѣхомъ. Явту́хъ обернулся и наставилъ передъ собою увѣсистый кулакъ. „Не поддамся я тебѣ, окаянный! Не поддамся, да еще при случаѣ и побью! Хоть въ чужую юбку и въ бабьи чужіе башмаки одѣнусь, а вотъ пойду на вечерни́цы и горѣлки напьюсь, и съ моею красавицею насмѣюсь надъ твоею собачьею харей!“ Сказалъ и подошелъ къ окну сосѣдней хаты. Въ хатѣ не было ни души. Мѣсяцъ отражался на гладкомъ полу, на печи и на полкахъ, уставленныхъ посудой. Онъ вошелъ во дворъ, ступилъ на крыльцо и толкнулъ ногою дверь. Дверь отворилась. — „Это не по нашему!“ замѣтилъ онъ: „не запираются, какъ отъ татаръ, прости Господи!“

Вошелъ Явту́хъ въ хату своей кумы, молодицы Ивги Лободи́, у которой мужъ былъ въ отлучкѣ, на заработкахъ; приперъ дверь засовомъ, досталъ изъ печи уголь и засвѣтилъ огонь. „Кума посердится, да и проститъ, а на вечерни́цы я все-таки попаду!“ подумалъ онъ и

сталъ снимать со стѣны оставленные наряды сосѣдки... Надѣлъ длинную женскую рубаху, голову повязалъ платкомъ, надѣлъ красные башмаки съ подковками, ожерелье „добраго мониста“, накинулъ зеленую кофту и посмотрѣлъ въ зеркало. „Не будь усовъ, и вышелъ бы молодица-молодицею“,—сказалъ онъ съ усмѣшкою:—„и какъ, право, странно рядятся эти женщины! Точно пи́санки на Пасху... Распотѣшу же я теперь всю сходку! И набѣгается, насмѣется и навеселится моя Найдуся, моя зорька, моя краля ненаглядная!“

Онъ погасилъ огонь, вышелъ изъ хаты, заперъ дверь и ступилъ за ворота. Городъ молчалъ. Свѣтлая глубина неба переливалась тысячами звѣздъ... Мѣсяцъ неподвижно и ярко стоялъ надъ горою Кремянцемъ.—„Впередъ, Явту́хъ Оста́повичъ, впередъ!“ сказалъ самъ себѣ Явту́хъ, двинувшись въ путь по опустѣлой улицѣ, и вдругъ заболталъ по воздуху ногами...

Протеръ глаза, посмотрѣлъ внизъ—и обомлѣлъ отъ ужаса. Земля у него далеко-далеко подъ ногами, а его тянетъ кверху какая-то невидимая, страшно-могучая сила, и онъ летитъ все выше и выше, покидая облитый луннымъ блескомъ городъ и быстро разсѣкая воздухъ ночи.

— Что̀? будешь теперь смѣяться да грозить?— спросилъ за плечами чей-то голосъ... Явту́хъ обернулся и увидѣлъ, что маленькій и черненькій бѣсенокъ торчитъ у него за спиной, а мохнатыя лапы бѣса держатъ его подъ руки. — „Вотъ тебѣ и невѣста, и горѣлка, и твои вечерни́цы!“ говоритъ парубку чортъ, быстро унося его все выше и выше. Холодомъ обдало парня при мысли о мести и силѣ нечистаго, и отъ страху онъ закрылъ глаза. Когда онъ вновь посмотрѣлъ—земля, городъ, лѣсъ и окрестности, все исчезло подъ его ногами... Онъ летѣлъ въ необъятной пустотѣ, и воздухъ съ шумомъ скользилъ мимо его ушей.

— Куда ты несешь меня, дядюшка?—спросилъ, опомнясь, Явту́хъ.

— А вотъ я сейчасъ тебѣ скажу!—отвѣтило у него за плечами:— я тебя, братъ, посажу верхомъ на мѣсяцъ; и просидишь ты у меня на немъ день, два, а можетъ и годъ, развѣ, когда мѣсяцу придется опуститься до краевъ земли, успѣешь ты соскочить на стогъ травы, или на какое-нибудь дерево...

— А какъ я неравно засну и упаду съ мѣсяца?

— Ну, туда тебѣ и дорога!—отвѣтилъ чортъ и рванулъ его еще скорѣе...

„Прощай, На́йда! Теперь ужъ я тебя не увижу никогда!“ подумалъ Явту́хъ и отдался на волю бѣса.

Летѣлъ онъ долго, минуя воздушныя пространства; наконецъ, мѣсяцъ, спрятавшись и опять явившись, мелькнулъ между разбѣжавшихся тучекъ и сталъ къ нему такъ близко, что онъ, какъ послѣ самъ разсказывалъ, могъ даже разглядѣть, изъ чего онъ сдѣланъ; а сдѣланъ

мѣсяцъ, но его словамъ, изъ серебра, только вызолоченъ, какъ блюдо изъ хорошей посуды, да еще въ одномъ мѣстѣ,—должно быть, задѣлъ обо что-нибудь на землѣ,—позолота потёрлась, и оттого пятна на мѣсяцѣ. Онъ поднялся высоко и вдругъ слышитъ, что-то въ воздухѣ шумитъ, и въ то же время чортъ за его плечами задрожалъ и увильнулъ, отшатнулся въ сторону.

— А! такъ ты дѣвокъ таскаешь, сякой-такой?—раздался хриплый и сердитый голосъ.

Старая, сморщенная вѣдьма, верхомъ на метлѣ, налетѣла на бѣса съ поднятыми кулаками.

— Да это, полноте, не дѣвка; это парень,—пропищалъ нечистый.

— Какъ парень?.. Ахъ ты, сякой-такой!.. А юбка?

— Да вы, Мавра Онуфріевна... да я, право... ужъ я же вамъ говорю!—кричалъ чортъ, осыпаемый кулаками вѣдьмы.

— Вотъ я тебя, вотъ я тебя!—кричала вѣдьма, отъ ревности и злобы не зная, съ какого конца лучше отсчитывать удары. Она ухватила бѣса за хвостъ и за загривокъ и такъ стала его трясти, что съ ея рыжей косы слетѣлъ платокъ, а изъ когтей чорта выпалъ Явту́хъ и камнемъ полетѣлъ на землю...—„Ну, теперь ужъ и мнѣ не сдобровать!“ сказалъ бѣсъ и понесся выше и выше, силясь стряхнуть съ себя злую вѣдьму.

И долго въ воздухѣ сыпались клочки волосъ, и крупная брань бѣса и вѣдьмы оглашала темныя пространства. Явту́хъ камнемъ летѣлъ на землю...

Между тѣмъ весело лилась бесѣда въ низенькой свѣтелкѣ подгородной мельницы. Складчина на этотъ разъ удалась какъ нельзя лучше, потому, во-первыхъ, что мельникъ, старый вдовецъ и скряга, уѣхалъ въ Чугуевъ на ярмарку и дочка его осталась хозяйкою хаты; и, во-вторыхъ, потому, что многіе изъ изюмской молодежи надѣялись на этотъ разъ привести къ окончанію свои сердечныя дѣла.

Полъ мельниковой хаты былъ чисто прибранъ и вымазанъ за́ново охрою; стѣны, также вновь выбѣленныя, украсились вѣнками и пучками цвѣтовъ. Печь ярко горѣла и въ ней шипѣли на горячихъ сковородахъ, въ маслѣ, пшеничные орѣшки, ячные блины и сластёны. Дубовый столъ, покрытый бѣлою скатертью, помѣщался въ главномъ углу, подъ образами; на немъ стояли графинчики съ горѣлкой. На лавкѣ у печи, близъ двери въ темную комнату, лежали куски сдобнаго и прѣснаго тѣста, яйца, свиное сало и стручковый перецъ. Вокругъ этого стола двѣ молодицы, и одна изъ нихъ Ивга Лобода́, хлопотали надъ печеніемъ и замѣшиваніемъ сластёнъ и орѣшковъ. По скамейкамъ, опрокинутымъ ведрамъ и корытамъ, вокругъ хаты, сидѣли дѣвки и парни.

Смѣхъ, говоръ и пѣсни перемѣшивались съ трескомъ печи и жужжаніемъ веретёнъ. Дѣвки, сидя на рѣзныхъ дощахъ, тянули изъ гребней пряди и бойко водили веретенами. Иныя сидѣли молча, другія пѣли пѣсни, а третьи болтали и щебетали, какъ ласточки въ весеннее утро. Парни, кто за столомъ, кто на перевернутомъ боченкѣ, а кто и просто на полу, сидѣли и тоже занимались разными работами. Иной точилъ деревянную чашку, другой строгалъ веретено своей красавицѣ; третій гнулъ дугу; четвертый расписывалъ вывѣску для хуторянскаго кабака, а иные говорили сказки. Сказки смѣнялись хоровыми пѣснями. При окончаніи одной изъ послѣднихъ, длинный ткачъ Бубликъ вдругъ приложилъ ладонь къ уху и, давъ знакъ рукою, чтобъ всѣ замолчали, затянулъ тоненькимъ голосомъ весьма жалобную пѣсню. Это не помѣшало ему протянуть въ печку спичку и потянуть оттуда, подъ общій хохотъ, горячую галушку. Всѣ веселились, хохотали, шумѣли, разсказывали сказки. Не веселилась одна хозяйка, мельникова дочка...

Прошло уже немало времени, а Явту́ха не было да и не было. Сперва она думала, что онъ зашелъ къ своему пріятелю писарю; потомъ ей казалось, что онъ только притворяется, что давно ужъ пришелъ и спрятался гдѣ-нибудь по близости, за хатою, ожидая, что вотъ она не вытерпитъ и выбѣжитъ сама къ нему на-встрѣчу. На́йда ужъ готова была встать и выдти, какъ будто невзначай. „Нѣтъ!“ — подумала она: — „лучше подожду его. Нечего баловать жениха! Положишь ему палецъ въ зубы, такъ и не вынешь!“

И она осталась.

Прошло еще нѣсколько времени. На́йда забылась и слушала, водя веретеномъ, страшную сказку, которую началъ ткачъ. Нитка пряжи у нея оборвалась, и она выронила веретено. Нагнулась подъ столъ и вдругъ видитъ: въ углу, подъ лавкой, сидитъ что-то худенькое, маленькое, черненькое и, виляя хвостомъ, смотритъ горящими, какъ угли, глазами... На́йда обомлѣла отъ ужаса... Чортъ, между тѣмъ, посидѣлъ и юркнулъ въ дверь; дверь за нимъ тихо затворилась. Кромѣ На́йды, никто не замѣтилъ ни его появленія, ни бѣгства. Сказка тянулась своимъ чередомъ.

И вотъ, чувствуетъ На́йда, что непонятная сила тянетъ и ее съ мѣста за дверь. Она знаетъ очень хорошо, что за дверью, въ темныхъ сѣняхъ, ожидаетъ ее то же страшное чудище, что за дверью она перепугается до смерти, знаетъ и — дивное дѣло! — не можетъ себя побѣдить. Встала она съ лавки, тихо сложила гребень и отворила дверь. „Куда ты, На́йда?“ — спрашиваютъ ее подруги. „А вотъ я... въ сарай... коровѣ сѣна нужно подложить!“

Она ступила въ темныя сѣни. Въ сѣняхъ — ни души. Она на крыльцо — и на крыльцѣ никого не видно. Площадка передъ хатою

также пуста. И только подъ заборомъ маленькаго садика бѣгаетъ котъ. „Васька, Васька!“ стала она звать кота. Котъ вошелъ въ калитку садика. „Еще забѣжитъ въ лѣсъ!“—подумала она:—„шляется за сосѣдскими кошками“... Но не успѣла сдѣлать и пяти шаговъ, какъ котъ къ ней обернулся и сталъ мяукать и расти. Холодъ пробѣжалъ по ея жиламъ. „Брысь“!—закричала она.—Котъ ощетинился, выпустилъ когти, страшно засверкалъ зелеными глазами, такъ что освѣтилъ сосѣдніе кусты и плетень, замяукалъ еще сильнѣе и, выгибаясь, сталъ расти и расти... Найда хотѣла бѣжать и не могла: ноги не слушались; хотѣла кричать: языкъ, какъ во снѣ, не двигался. А котъ прыгнулъ и, поднявшись на заднія лапы, протянулъ къ ней усатую морду... „Тьфу!“—крикнула Найда и спрятала лицо. „За что же ты бранишься?“—спросилъ у нея нѣжный и сладкій голосъ. Найда смотритъ: передъ нею стоитъ ужъ не котъ, а Явту́хъ, ея Явту́хъ, ея милый суженый...

— Это ты, Явту́хъ?

— Я, моя кралечка!

— Какъ же ты напугалъ меня! Богъ знаетъ, чѣмъ показался!

И она кинулась къ нему на шею и потащила его за руку въ хату.

— А, Остановичъ, Шапова́ленко!—залепетали вокругъ парня собесѣдники:—а мы васъ ждали, да все думали, куда это васъ занесло!

Найда отъ радости бѣгаетъ по хатѣ и ставитъ на столъ миски съ угощеніями. Явту́хъ, крутя усы и нахмурившись, стоитъ посреди хаты, не снимая шапки и сурово поглядываетъ по сторонамъ. — „Будетъ вамъ, щебетухи, языкомъ торохтѣть!—сказалъ ткачъ:—садитесь вечерять“.

Найда всыпала въ миску варениковъ.

Всѣ при этомъ бросили болтовню и, крестясь, сѣли за столъ. Явту́хъ молча сидѣлъ, сложа руки.

— А ты же что паномъ разсѣлся? — спросила его съ досадою Найда, видя его невѣжливость:—не велика птица! на̀ полотенце, да занавѣсь свои шаровары, а то еще какъ разъ съ усовъ капнетъ!

Явту́хъ нагнулся къ столу и раскрылъ ротъ. Въ ту же минуту дивныя дѣла произошли въ хатѣ. У одного изъ парней въ карманѣ были припасенные орѣхи и рожки; вдругъ карманъ раскрылся, и орѣхи, а тамъ и рожки, будто воробьи, стали вылетать оттуда, направляясь въ ротъ Явту́ха, который только раскусывалъ ихъ. Долго никто не могъ придти въ себя отъ изумленія. „Э-ге-ге! да что же это такое?“ подумали въ одинъ разъ всѣ гости и остались неподвижными. Молчаніе сдѣлалось такое, что слышно было, какъ муха жужжала и билась гдѣ-то подъ опрокинутымъ кувшиномъ.

— Ой, лѣлечко, братцы!.. караулъ! — закричалъ вдругъ ткачъ, весь въ мукѣ вскакивая изъ-подъ стола, куда нагнулся искать упавшій кисетъ съ табакомъ: — да это—не Явту́хъ; это, братцы, такое, чего и назвать нельзя... у него хвостъ собачій! Смотрите!..

— Чортъ, чортъ!—закричали всѣ, и во мгновеніе ока, выскочивъ изъ хаты, побѣжали, куда глаза глядятъ.—Въ то же время у мнимаго Явту́ха упала съ головы шапка, и на лбу сверкнула пара золотыхъ рожекъ. — „Такъ вотъ это кто!“ — подумала Нàйда и замерла отъ ужаса, оставшись глазъ на глазъ съ тѣмъ, котораго, по словамъ ткача, даже и назвать было нельзя...

Выроненный изъ рукъ чортомъ, Явтухъ стремглавъ понесся съ неба, посылая прощанія милой и ожидая каждое мгновеніе, что вотъ снизу, изъ воздушной тьмы, выяснится рѣка, болото или сухое, рогатое дерево, и онъ распростится на-вѣки съ жизнью,—какъ вдругъ неожиданно почувствовалъ подъ собою что-то мягкое. Онъ осмотрѣлся и видитъ, что упалъ со всего размаха въ стогъ свѣжаго, пушистаго сѣна и утонулъ въ немъ по самую шею. Почувствовавъ пріятный запахъ травы, Явту́хъ сперва убѣдился, что всѣ ребра у него цѣлы, потомъ выкарабкался изъ сѣна, легъ на стогъ и посмотрѣлъ внизъ...

Возлѣ стога былъ разложенъ огонь. Толпа чумаковъ, наклонясь надъ чугуннымъ котелкомъ и куря трубки, сидѣла у огня.

— Здорово, паны-браты!—сказалъ со стога Явту́хъ.

Чумаки, не поднимая головы, не двинули ни плечомъ, ни усомъ, а только въ одинъ голосъ отвѣтили:

— И ты будь здоровъ!

— А я къ вамъ!—сказалъ опять Явту́хъ.

— Милости просимъ! — отвѣтили чумаки, не поднимая головы и спокойно сося коротенькія трубки.

Явту́хъ оправилъ на себѣ бабью юбку и кофту и съ такою рѣчью обратился къ чумакамъ:

— А посмотрите-ка, добрые люди, въ чемъ я!

Чумаки вынули изо рта трубки и подняли къ нему головы.

— Хорошъ?—спросилъ Явту́хъ.

— Хорошъ.

— И башмаки хороши?

— Хороши.

— А платокъ?—спросилъ Явту́хъ.

Чумаки, которые опять было принялись курить, удивляясь, что̀ это за человѣкъ ихъ разспрашиваетъ и откуда онъ взялся, опять отняли изо рта трубки и, смотря на Явту́ха, отвѣтили:

— Хорошъ и платокъ.

— Хлѣбъ же соль вамъ!—сказалъ нежданный гость, спускаясь на землю со стога:—должно быть, борщъ варите, съ таранью.

— Нѣтъ, кашу съ саломъ.

Явту́хъ спустился на землю и подсѣлъ къ костру.

— А позвольте узнать, господа-чумачество, откуда васъ Богъ несетъ?

— Изъ Крыма.

— За солью ѣздили?

— За солью.

— А гдѣ мы теперь, паны-браты?—прибавилъ Явту́хъ.

Чумаки молча переглянулись: вотъ насмѣхается человѣкъ.

— То-есть... какъ оно... насчетъ, то-есть?.. гдѣ это мѣсто, на которомъ вотъ мы теперь сидимъ?—прибавилъ Явту́хъ, указавъ пальцемъ на землю.

— Гдѣ это мѣсто?—спросили чумаки, опять переглянувшись между собою.

— Да, добрые люди.

— За Мелитополемъ.

— Слышалъ, слышалъ, братцы, про Мелитополь! слышалъ! это отъ насъ верстъ пятьсотъ будетъ! Еще оттуда, то-есть—тьфу! отсюда... коробейники къ намъ съ ситцами ходятъ. Ну, хватилъ же нечистый! въ полночи пролетѣлъ полъ-тысячи верстъ.

Чумаки перестали курить.

— Такъ ты, стало-быть, не здѣшній?—спросили они.

— Не здѣшній... Я изъ Изюма, коли знаете. Еще сегодня ходилъ тамъ по базару и купилъ себѣ шаровары, — замѣтилъ Явту́хъ, да и запнулся на этомъ словѣ.—То-есть, просто диво!—вздохнулъ онъ и, придвинувшись поближе къ чумакамъ, сталъ разсказывать обо всемъ дивномъ и непонятномъ, что̀ съ нимъ случилось въ тотъ вечеръ.

„Съ пьяну!“—думали, глядя на него, чумаки.

— Да что̀, — сказалъ въ заключеніе Явту́хъ: — я вамъ, братцы, скажу такое еще, что просто отъ смѣху за бока ухватишься... Дайте трубочки покурить... Какъ летѣли мы съ чортомъ, встрѣтилась намъ вѣдьма, рыжая да старая, такая старая, что только вороньё пугать. Завидѣла меня у него въ лапахъ, подумала, что я—не казакъ, а дѣвка, потому что въ этой юбкѣ былъ, и вцѣпилась въ него. Нечистый выронилъ меня, а съ головы вѣдьмы свалился платокъ. Такъ она простоволосая и полетѣла съ нимъ подъ самыя звѣзды... Когда я падалъ сюда, внизу — по дорогѣ летитъ оброненный вѣдьмою платокъ; я его захватилъ налету съ собою! Должно быть, вещь важная!—заключилъ Явту́хъ и, спрятавъ трубку за пазуху кофты, выложилъ передъ глазами чумаковъ яркій, невиданнаго цвѣта платокъ.

— Эка, бѣсово племя! да еще и козырится!—прибавилъ Явту́хъ, собираясь спрятать находку, и видитъ: сзади его, на корточкахъ, сидитъ тощая, простоволосая старушонка и изъ-за его плеча протягиваетъ костлявую руку. „А! такъ ты тутъ?“—закричалъ Явту́хъ, такъ что чумаки привскочили на мѣстѣ, и ухватился за сморщенную лапу вѣдьмы.

Вѣдьма заметалась, закричала, какъ заяцъ, когда собаки поймаютъ его за длинныя уши, и стала, подпрыгивая, подниматься съ Явту́хомъ изъ кружка изумленныхъ чумаковъ. Тихо всплылъ онъ съ ней опять на воздухъ и, освѣщенный блескомъ костра, взмахнулъ ногами, сталъ исчезать въ темнотѣ, превратился въ красноватую точку и скрылся... И долго еще чумаки, въ сѣрыхъ бараньихъ шапкахъ, сидѣли подъ стогомъ, съ опрокинутыми головами и неподвижно смотрѣли въ темное небо...

Какъ легкое перо, носимое вѣтромъ, летѣлъ Явту́хъ по небу, держась за руку вѣдьмы. Вѣдьма бросалась изъ стороны въ сторону и стонала, выбиваясь изъ силъ. Наконецъ, она поднялась такъ высоко, что, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Явту́хъ, чуть не зацѣпила за край мѣсяца и стала опускаться на землю. Явту́хъ не унывалъ и, держась за ея руку, смотрѣлъ внизъ.

И вотъ, видитъ онъ, далеко-далеко внизу, сверкнули огоньки, сперва одинъ, потомъ два и, наконецъ, цѣлыя сотни. „Что бы это было такое?“—думалъ Явту́хъ:—„у насъ въ Изюмѣ давно уже спятъ. Ужъ не Полтава ли это, или Бахмутъ?“

Воздухъ съ шумомъ летѣлъ мимо его ушей, а съ земли неслись къ нему навстрѣчу чудныя картины. Утесы и горы, покрытые лѣсами; на скалахъ каменная крѣпость, башни, лѣсъ, глубокія, какъ колодцы, долины и, наконецъ, цѣлый огромный городъ, залитый огнями. Явту́хъ только высматривалъ, обо что ему придется грянуться и распроститься съ жизнью, и вдругъ почувствовалъ, что снова тихо и плавно на что-то опускается. Онъ сталъ на ноги, а вѣдьма, утомленная несеніемъ здороваго парня, воспользовалась счастливымъ мгновеніемъ, вырвалась у него изъ рукъ и съ быстротой молніи исчезла въ темномъ пространствѣ.

Явту́хъ окинулъ взоромъ окрестность.

Богатый городъ разстилался у его ногъ; онъ самъ стоялъ на плоской кровлѣ высокой башни. Гдѣ-же это онъ? и что это за городъ?

Башня помѣщалась въ нижнемъ отдѣленіи сада, идущемъ уступами въ гору. Вокругъ башни—рядъ тополей. Далѣе, вправо, небольшой прудъ, окруженный мраморною набережной; кусты широколиственника темнѣютъ здѣсь и тамъ, и мѣсяцъ ярко отражается въ

стеклѣ пруда... Другая, болѣе высокая ограда окружаетъ и тополи, и прудъ, и башню. За садомъ виденъ пространный дворъ; его обступаютъ высокіе терема, съ островерхими крышами и причудливо-рѣзными окнами и деревьями. Въ глубинѣ двора возвышается новая башня съ воздушнымъ крылечкомъ. Глядя на огоньки въ окошечкахъ домовъ, прилѣпленныхъ къ уступамъ горъ, между которыми легъ городъ, Явту́ху показалось, что по сторонамъ его не горы, а огромные дворцы, съ тысячами оконъ. „Нѣтъ, это не Полтава!“ — сказалъ онъ самъ себѣ, и для того, чтобы убѣдиться, точно ли онъ все это видѣлъ на яву, а не во снѣ, онъ ущипнулъ себя за ухо, а потомъ за носъ. Ничуть не бывало! онъ точно не спитъ и находится въ какомъ-то далекомъ, дивномъ городѣ.

Осмотрѣвшись еще нѣсколько вокругъ себя, Явту́хъ протянулъ руку въ карманъ кофты и, вынувъ оттуда трубку, взятую у чумаковъ, а изъ шароваръ огниво, вырубилъ огня и, стоя на крышѣ башни, принялся курить и посматривать на городъ, на скалы и небо. „Оно бы и выкупаться хорошо!“ — подумалъ онъ, глядя на прудъ. И, нагнувшись съ башни, увидѣлъ, что сойти съ нея очень легко: тополь росла у самой ея крыши. Недолго думая, онъ уцѣпился за стволъ и сталъ спускаться на землю, но не успѣлъ миновать и половины дерева, какъ дверь изъ терема въ садикъ отворилась, и цѣлая толпа женщинъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и желтыхъ и красныхъ остроконечныхъ башмакахъ, потянулась черезъ крыльцо къ пруду. За женщинами шелъ черный губанъ-арабъ, въ широкихъ шароварахъ, зеленой чалмѣ и съ саблею у пояса. Сердце застыло въ груди Явту́ха, и руки приросли къ стволу тополя. Онъ остановился въ воздухѣ, а вошедшія женщины, не замѣчая его, съ хохотомъ и съ криками окружили прудъ и, въ пяти шагахъ отъ него, стали скидать съ себя длинныя, легкія покрывала....

На́йда, оставшись, между тѣмъ, глазъ на глазъ съ чортомъ, долго не могла опомниться: мнимый Явту́хъ сидѣлъ передъ нею за столомъ и пристально глядѣлъ на нее. Наконецъ, онъ шевельнулся, поправилъ усъ, кашлянулъ и протянулъ къ ней руки...

— Краля ты моя, На́йда, садись возлѣ меня. Да обними, да поцѣлуй.

На́йда вскочила.

— Сгинь ты, окаянный, нечистый!—крикнула она и бросилась въ другой уголъ хаты.

Бѣсъ засмѣялся и кинулся вслѣдъ за нею. На́йда, несмотря на то, что приходилось возиться съ чортомъ, ловко увертывалась и отбива-

лась отъ него. Ужъ одна изъ лапъ нечистаго ухватила ее за рукавъ рубашки, а другая порвала питку красныхъ гранатовъ, и тѣ звономъ посыпались на столъ и по лавкамъ; ужъ она почувствовала на своихъ щекахъ дыханіе чорта. „Явту́хъ, Явту́хъ“!—закричала она въ отчаяніи и, однимъ взмахомъ руки отбившись отъ объятій бѣса, кинулась въ темный чуланъ, заперла за собою дверь и наложила на нее крестное знаменіе. Чортъ грянулся въ двери и остановился. На́йда, въ страхѣ, смотрѣла въ замочную скважину и увидѣла странныя вещи...

Бѣсъ, принявшій образъ парня, сѣлъ за столъ, придвинулъ къ себѣ миску оставленныхъ варениковъ, досталъ съ полки здоровенную флягу водки и съ голоду принялся закусывать. Все было тутъ же вскорѣ очищено. Тогда чортъ принялся выглядывать, какъ бы удобнѣе лечь спать. Мостился онъ долго и безуспѣшно. Легъ на лавку—узко; легъ на полъ—холодно; легъ на печку—жарко... Охмѣлѣвшій бѣсъ подошелъ къ столу, на которомъ мѣсили тѣсто, и легъ прямо въ муку. Только и тутъ еще провозился немалое время: то ляжетъ такъ, что голова свѣсится, то ляжетъ такъ, что свѣсятся ноги. Наконецъ, онъ легъ поперегъ стола, то-есть въ такомъ положеніи, что съ одной стороны свѣсились ноги, а съ другой голова, и заснулъ.

На́йда подождала еще нѣсколько времени, усмѣхнулась, отыскала впотьмахъ свою шубку, постлала ее на сундукѣ, начала молиться долго и не спѣша, перекрестила всѣ углы, окна и двери, легла тоже, свернулась клубочкомъ и заснула, еще не оправясь отъ тревоги и волненія той ночи. И долго во снѣ ей мерещилось все, что̀ она испытала, и пьяный сатана на столѣ, который храпѣлъ не хуже хмѣльнаго отца На́йды, какимъ тотъ возвращался иной разъ съ ярмарки.

Ни живъ, ни мертвъ сидѣлъ Явту́хъ на тополи, держась за стволъ, и смотрѣлъ на непопятныя вещи, происходившія вокругъ него. Женщины, скинувъ покрывала, вошли въ ограду пруда и стали скидать съ себя серьги, золотыя шапочки, пестрыя туфли, наконецъ, стали расплетать длинныя косы. Надобно сказать, что Явту́хъ былъ, вообще, храбръ и смѣлъ только съ своимъ братомъ; женская же красота совершенно отнимала у него всякую прыть... „Боже мой, Боже! что̀-жъ это будетъ?“—думалъ онъ, глядя изъ-за вѣтвей тополя на толпу раздѣвавшихся красавицъ.

Съ криками и хохотомъ кинулись незнакомки къ водѣ. Арабъ, зѣвая во весь ротъ, ушелъ въ теремъ.

Красавицы, между тѣмъ, усѣлись на ступенькахъ ограды и, скидая съ ножекъ башмаки, нехотя и шаловливо опускали ноги въ холодныя струи. Вотъ онѣ разстегиваютъ шелковые пояса, готовятся сходить въ воду.

„Господи, Боже мой! что́-жъ это я дѣлаю! зачѣмъ я смотрю на этихъ женщинъ? Вѣдь онѣ совсѣмъ и не знаютъ, что я тутъ“...

Недолго думая, спустился онъ съ дерева на землю, поднялъ одно изъ покинутыхъ покрывалъ и, закутавшись въ него, сѣлъ на берегу пруда. Купальщицы его примѣтили.

— Это кто?—закричали онѣ.

Явту́хъ закутался съ го́ловой.

— Это ты, Ханымъ?

— Это ты, Шерфе́?—заговорили купальщицы и стали плескаться, прыгать и возиться, какъ маленькія рыбки.

„Ну“,—думалъ Явту́хъ, жмуря глаза:—„что̀-то будетъ дальше“?

— Да что-жъ ты молчишь? Выходи, раздѣвайся и полѣзай въ воду, купаться съ нами.

— Ай, усы!!!—закричали вдругъ нѣкоторыя, и всѣ пугливо бросились въ воду.

— Что вы испугались, добрыя па́ни?—проговорилъ Явту́хъ:—я—мѣщанинъ изъ Изюма.

— Э! да это и вправду казакъ! — сказала одна изъ красавицъ по русски.

— Ну, да, казакъ!—прибавилъ Явту́хъ—лукавый бѣсъ занесъ меня и опустилъ вонъ на ту башню.

Возгласы изумленія раздались изъ воды.

— А скажите, па́пи, гдѣ это мы теперь... то-есть, какой это городъ?

— Бахчисарай.

— А далеко это будетъ отъ Изюма?

— Считай самъ; это—столица Крымскаго царства...

— Крымскаго царства!—вскрикнулъ Явту́хъ, всплеснувъ руками:—вѣдь это еще дальше Мелитополя будетъ!..

— Тс! что ты! не говори такъ громко, а то какъ разъ разбудишь всѣхъ во дворцѣ,—сказала незнакомка:—ложись лучше въ этотъ ящикъ; мы одѣнемся и тебя потихоньку пронесемъ въ наши комнаты.

— Да кто вы такія?—спросилъ Явту́хъ, занося ногу въ ящикъ.

— Мы—жены крымскаго хана! лежи смирно!

И красавицы бережно понесли его въ теремъ.

Когда Явту́хъ почувствовалъ, что ящикъ снова опустили, онъ приподнялъ крышку и всталъ на ноги. Стѣны гарема, гдѣ онъ очутился, были обтянуты краснымъ сукномъ. По полу валялись подушки. Зеркало надъ каминомъ было обито фольгою. Дрожащій свѣтъ лампады, изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, лился съ потолка, и легкій дымъ курильницы, стоявшей у завѣшенной двери въ другую комнату, стлался по полу. Явту́хъ не могъ надивиться на все это и, поднявъ голову, оглядывался по комнатѣ.

— Какой хорошенькій! — сказала одна изъ красавицъ по-своему.

— Какой страшный, да усатый!—прибавила говорившая по-русски.

— Давайте, сестрицы, свяжемъ ему руки, да одѣнемъ его въ наши наряды! Вѣдь одѣли же его гдѣ-то казачки въ юбку...

— Ахъ, да какой онъ смѣшной! — закричали остальныя, хлопая въ ладоши и еще тѣснѣе окружая гостя.

Явту́хъ вѣжливо и молча стоялъ передъ ними.

Одна изъ женъ обратилась къ нему съ просьбой:

— Повесели насъ твоими разсказами; какою силой занесло тебя сюда?

Просьбу эту ему перевели. Явту́хъ почесалъ за ухомъ.

— Да что же такое я вамъ, пани-матки, разскажу? Я, право, и не знаю; языкъ какъ-то... того... не ворочается!

— А вотъ, мы его подмажемъ!—сказали болѣе догадливыя.

И съ этими словами его усадили на мягкія подушки, поставили передъ нимъ низенькій столикъ, а на столикъ большое блюдо съ яблоками, персиками, виноградомъ и татарскими пряниками, и принесли ему ханскій кальянъ.

— Начать съ того...—заговорилъ Явту́хъ.

И всю ночь разсказывалъ онъ красавицамъ свои похожденія, которыя тутъ же переводились. Когда на подносѣ не осталось ужъ ничего, Явту́хъ всталъ и, покачиваясь, сказалъ:

— Теперь ужъ все! теперь ужъ я пойду отсюда...

— Какъ пойдешь?—спросили съ удивленіемъ красавицы.

— Да, мнѣ пора ужъ домой.

Въ комнату проникалъ блѣдный разсвѣтъ зари.

— Ахъ, какой ты чудной! Вѣдь самъ же говоришь, что отъ твоей родины до насъ чуть не тысяча верстъ.

— И то правда! — вздохнулъ Явту́хъ, почесывая за ухомъ: — а впрочемъ, нѣтъ, ужъ лучше я пойду!

— Да вѣдь вокругъ дворца течетъ рѣчка, и часовые стоятъ у поднятыхъ мостовъ! Если тебя увидятъ да поймаютъ, то приведутъ поутру къ хану, на дворцовомъ мосту отсѣкутъ тебѣ голову, положатъ тебя въ мѣшокъ, да такъ, безъ головы, и бросятъ въ воду.

— Э, нѣтъ, я ужъ лучше пойду!—твердилъ Явту́хъ, пробираясь сквозь толпу красавицъ къ двери.

— Такъ хоть, по крайней мѣрѣ, погоди ты, бѣшеная голова! Мы тебя вынесемъ опять въ ящикѣ въ садъ, и ты опять влѣзешь на крышу; оттуда спустишься на улицу; авось, найдешь въ городѣ какого-нибудь жида: онъ тебя и вывезетъ въ таратайкѣ, подъ мѣшками.

И, уложивъ его снова въ ящикъ съ нарядами, красавицы вынесли его въ садъ. Явту́хъ толкнулъ крышку и оглянулся вокругъ себя.

Мѣсяцъ опустился за гору, и румяная полоса на другомъ концѣ города показывалась изъ-за плоскихъ крышъ. Въ воздухѣ свѣжѣло. Роса сверкала на листьяхъ цвѣтовъ. Отблескъ зари прокрадывался по островерхимъ минаретамъ, плоскимъ крышамъ саклей и по трубамъ позолоченныхъ кровель ханскихъ дворцовъ.

Явту́хъ протеръ глаза: что̀ это такое? Передъ самымъ его носомъ торчитъ опять вчерашняя рыжая старушонка.

— Не унывай, казаче! — говоритъ она: — прости меня и забудь прошлое; дай только мнѣ найти да порядкомъ проучить того косолапаго, что̀ тебя вчера обидѣлъ, такъ я мигомъ тебя донесу домой.

— Кого найти, какого косолапаго? — спросилъ съ изумленіемъ Явту́хъ.

— Чорта!—отвѣтила вѣдьма:—моего губителя, изверга! Онъ теперь заперся на мельницѣ съ твоею невѣстою и сидитъ тамъ всю ночь, окаянный.

— Съ моею На́йдою? — закричалъ во все горло Явту́хъ и такъ ухватился за тоненькую лапу вѣдьмы, что та не взвидѣла свѣта: — неси меня, распропащая твоя душа! неси, а не то, вотъ клянусь тебѣ, измелю тебя въ табакъ!

И, вскочивъ на спину вѣдьмы, Явту́хъ стиснулъ ее колѣнями, засучилъ рукава и поднялъ здоровенные кулаки. Вѣдьма сперва пошатнулась, заскреблась лапками, какъ мышь; но потомъ понемногу выпрямилась, подпрыгнула и стала подниматься съ парнемъ на воздухъ. Она полетѣла сперва къ крышѣ терема, потомъ черезъ дворъ къ мечети, а наконецъ, стала косвенно подниматься кверху. Ханская стража замѣтила ихъ. Во дворѣ, въ саду и на улицѣ поднялся сильный переполохъ. Махали саблями, раздавались крики, даже послышался ружейный выстрѣлъ. Но трудно было догнать улетѣвшихъ: поминай какъ звали...

Сидя на плечахъ вѣдьмы, Явту́хъ недоумѣвалъ, какъ это она, не двигая ни руками, ни ногами, летитъ быстрѣе облака, гонимаго вѣтромъ. Въ это время онъ поднялся такъ высоко, что кое-гдѣ на землѣ еще были сумерки, а онъ уже увидѣлъ вдалекѣ красный шаръ солнца, которое будто купалось въ волнахъ большаго озера, готовясь выкатиться въ ясное небо.

— А какое это озеро, тётка?—спросилъ Явту́хъ у вѣдьмы.

— Это—Черное море! тамъ много хорошей тарани, да и всякой другой рыбы.

— Э!—подумалъ Явту́хъ и отшатнулся.

Прямо въ глаза ему налетѣла легкая прозрачная тучка, и онъ исчезъ въ ней, точно въ волнахъ серебристой кисеи. Когда онъ вы-

летѣлъ снова на свѣтъ, въ его волосахъ и на рубашкѣ блестѣли капли росы, а тучка далеко-далеко внизу виднѣлась лиловою точкою.

Въ иныхъ мѣстахъ, когда ужъ нѣсколько разсвѣло, онъ увидѣлъ въ воздухѣ раннихъ жаворонковъ, у которыхъ глаза еще спали, а они ужъ поднялись въ небо и славили своими пѣснями восходящее солнце.

Изъ трубы какого то села вылетѣлъ, въ серебряной одеждѣ, свѣтлый духъ, держа на рукахъ что-то.

— Это что такое?—спросилъ Явту́хъ.

— Это ангелъ Божій уноситъ въ небо только-что умершую дѣвушку!

„Ужъ не моя ли На́йда?“ вздохнулъ Явту́хъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ совершенно наткнулся на распластаннаго подъ облаками коршуна, который сторожко глядѣлъ внизъ, въ траву, и выбиралъ себѣ утреннюю поживу. Явтухъ хотѣлъ ему дать по дорогѣ порядочнаго тумака, но одумался, чтобъ не сорваться съ вѣдьмы, и полетѣлъ далѣе.

— А это какія голубыя облака?—спросилъ онъ вѣдьму.

— Это—Черкесскія горы, покрытыя снѣгомъ, и снѣгъ этотъ никогда на нихъ не таетъ.

— Какъ никогда не таетъ?

— Такъ же, никогда!

— Стало быть, и въ косовицу не таетъ?

— И въ косовицу не таетъ.

— Чудеса, да и только!—подумалъ Явту́хъ и сталъ снова всматриваться въ безконечныя пространства земли, выходившей подъ нимъ изъ ночныхъ сумерекъ.

— Ну, а то что такое?—спросилъ онъ, указывая налѣво, черезъ плечо:—точно жаръ горитъ; должно быть, чумаки чужіе лѣса подожгли?

— Это — городъ Кіевъ, и въ немъ такъ золотыя главы церквей горятъ!

„Э!“ — подумалъ про себя Явту́хъ: — „какой же важный городъ Кіевъ! да никакъ въ немъ уже и къ заутрени благовѣстятъ?“ И онъ еще пристальнѣе началъ вглядываться внизъ.—Послушай... какъ тебя звать? Мавра Опуфріевна, что ли?... это ужъ и на базаръ выходятъ? Ишь ты, какъ народъ повалилъ на улицы; должно быть ярмарка!

— Въ Кіевѣ каждый день яркарка; ужъ такой, хлопче, городъ удался!..—замѣтила вѣдьма и понеслась еще быстрѣе.

— Да куда тебя несетъ такъ? погоди, скажи-ка, тётка, гдѣ Москва?

— Москва, казаче, такъ далеко, что нужно еще въ десять разъ

подняться выше, и тогда увидишь не всю Москву, а одного Ивана Великаго, да Царь-пушку.

— Ну, а вонъ то что̀ такое танцуетъ? — спросилъ, помолчавъ, Явту́хъ.

— То плясовицы, бабы некрещенныя, выходятъ всякое утро, рано на зарѣ, съ распущенными косами, на вершинахъ кургановъ солнце встрѣчать... Пора, пора!—проговорила неровнымъ голосомъ вѣдьма:— надо пѣтуховъ обогнать...

И она помчалась стрѣлой.

— Какъ пѣтуховъ обогнать?

— Подъ нами, какъ пролетали Катериновку, давно ужъ въ первый разъ прокричали... Скоро прокричатъ въ другой разъ, а до третьихъ пѣтуховъ надо все покончить.

— Эхъ ты, мышиная кума, гдѣ была!—замѣтилъ весело Явту́хъ, покачивая головою.

— Что̀ ты сказалъ, хлопче? — спросила вѣдьма, оглядываясь на него.

— Я спрашиваю, что̀ это такое выяснилось тамъ внизу, точно коровы идутъ по зеленой травкѣ?

— Это — вправо Данциловка, налѣво Гусаровка, далѣе Пришибъ, Петровское, а еще далѣе Харьковъ.

— Ну, а это какія серебряныя ленты протянулись, точно змѣи по лугамъ?

— Это, казаче, рѣки Донецъ, Берека да Торецъ, со своими озерами...

Не успѣлъ оглянуться Явту́хъ, какъ земля, горы, лѣса и весь Изюмъ понеслись къ нему навстрѣчу.

— Тише, тише! — закричалъ Явту́хъ, камнемъ падая на кривую березу, что росла у самой мельниковой хаты.

— Ничего, хлопче! сиди только смирно!—отвѣтила вѣдьма и тихо опустилась на землю, подъ березой у порога хаты: — теперь слѣзай съ меня и отворяй двери; твоя невѣста ихъ перекрестила, и мнѣ туда не войти.

Явту́хъ сталъ на ноги, хотѣлъ войти въ дверь.

— Нѣтъ, погоди! чортъ теперь съ-пьяну спитъ, такъ ты его не буди, а прежде ступай въ кладовую и выводи оттуда свою красавицу. Съ косолапымъ же я сама справлюсь!..

Съ трепетомъ подошелъ Явту́хъ къ кладовой, въ которой спала На́йда. Чуть переводя духъ, онъ взялся за дверь; еще въ первый разъ въ жизни онъ переступалъ порогъ, за которымъ спала его суженая. Онъ повернулъ скобку двери и остановился.—„Нѣтъ“, подумалъ онъ,

махнувъ рукой: „не войду!“ и прибавилъ шопотомъ, наставивъ губы къ замочной скважинѣ:

— Найда, вставай, одѣвайся, выходи...

— Кто тамъ?—спросилъ тихій, чуть слышный голосъ.

— Это я, Явту́хъ... твой Явту́хъ, моя кралечка!

— А если ты Явту́хъ, а не тотъ, что лежалъ на столѣ, такъ перекрестись: я буду въ щелку смотрѣть.

Явту́хъ перекрестился; дверь отомкнулась; Явту́хъ и Найда бросились другъ къ другу.

— Какой же ты странный, Явту́хъ, въ этомъ нарядѣ!

— Ничего, моя зорочка, пойдемъ отсюда; послѣ я тебѣ все разскажу.

Онъ тихо увлекъ ее изъ хаты и тутъ только, проходя мимо двери, замѣтилъ, какая образина лежала на столѣ, свѣсивъ на полъ ноги и отекшую пьяную голову. Они вышли на крыльцо, а вѣдьма съ порога прыгнула въ хату, и скоро тамъ послышались крики, брань, визгъ, шумъ, и въ растворенную дверь запыхавшаяся вѣдьма злобно вытащила за чубъ мнимаго казака.

— Вотъ я тебя, вотъ!—кричала она, трепля бѣса за волосы, какъ бабы треплютъ мочки льна:—вотъ я тебя! теперь не скажешь, что не бражничаешь, да не гоняешься за дѣвками.

— Да что вы! да помилуйте!—стоналъ жалобнымъ голосомъ чортъ, успѣвшій принять свой бѣсовскій образъ.

— Вотъ я тебя!.. а?.. за дѣвками? — и градъ кулаковъ сыпался на сатану. Къ его счастію, прокричали пѣтухи.

Вѣдьма опять ухватила худаго бѣса одною рукою за хвостъ, а другою за загривокъ, повернула его вверхъ ногами и поднялась съ нимъ на воздухъ.

— Вотъ тебѣ и на! — усмѣхнулся Явту́хъ, прижимая къ сердцу Найду:—поплатился-таки вражій сынъ! Ишь ты, какъ удираютъ! точно москаль съ краденымъ индюкомъ на ярмаркѣ... Ну, ужъ ночка!—прибавилъ онъ, нѣжно глядя на Найду и ласкаясь къ ней.

— Да!—сказала, вздохнувъ, Найда:—а ты гдѣ былъ все это время?

— Въ Крыму,—отвѣтилъ Явту́хъ.

— Какъ въ Крыму? въ крымскомъ царствѣ?

— Въ крымскомъ царствѣ ..

— Любитъ прибавить, брехунъ, да нѣхотя повѣришь, что былъ онъ сегодня въ Крыму!—проговорилъ у Явту́ха за плечами басистый голосъ:—нѣхотя повѣришь послѣ всего, что̀ сейчасъ видѣлъ.

Явту́хъ и Найда оглянулись. За ними, на подъѣхавшей телѣжкѣ, сидѣлъ старый мельникъ и, закинувъ кверху голову, смотрѣлъ въ небо.

— Все разскажу вамъ, Семенъ Потаповичъ! — сказалъ Явту́хъ, кланяясь въ поясъ мельнику: — ничего не утаю, только отдайте за меня На̀йду.

И онъ замеръ въ ожиданіи отвѣта. На̀йда стояла въ сторонѣ, закрывъ лицо рукавомъ.

Мельникъ сбросилъ съ телѣги кучу пустыхъ мѣшковъ, слѣзъ наземь, перекинулъ на спину лошади возжи и, взявшись руками въ бока, задумался.

— Развѣ ужъ потому, — сказалъ онъ, наконецъ, поглядывая поверхъ хаты: — что счастливо продалъ муку въ Чугуевѣ! Такъ и быть, дочка; такъ и быть, Явту́хъ! Только ужъ ты, братъ, не отвертишься, разскажешь все, какъ было!

1852 г.

ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ГУБЕРНСКАГО ДЕПУТАТА А. С. С.).

„О, родина моя!..“
N. N.

Не даромъ зовутъ наши новороссійскія степи и нашу Украйну краемъ крайностей. Здѣсь въ одной сторонѣ какъ будто одолѣваютъ преданія старосвѣтскія, представители которыхъ, въ незлобіи души и тучности тѣла, желаютъ сохраненія всего, что было прежде, или, какъ говорятъ здѣсь, сохраненія „дѣдовщины“ и „батьковщины“. Съ другой —здѣсь ясно забираютъ силу молодые побѣги явленій новыхъ, наплывныхъ, колоніальныхъ, для которыхъ еще столько храпятъ простора наши пустынныя, воспріимчивыя и привольныя степи. Чуждыя всякаго консерватизма, онѣ отъ созданія міра свободно пропустили черезъ себя тучи всякихъ бродячихъ, переходныхъ племенъ и всякихъ понятій и вѣрованій, оставляющихъ послѣ себя либо благодатныя сѣмена, либо темные и непонятные слѣды, въ родѣ здѣшнихъ таинственныхъ истукановъ, нашихъ смиренныхъ „каменныхъ бабъ“. По всѣмъ новымъ вопросамъ тутъ рѣшительно тѣ же Соединенные Штаты Сѣверной Америки, съ которою наша молодая Украинская Новороссія имѣетъ столько родственнаго. Недаромъ и для слова колонія здѣсь давно есть свое слово „заимка“. Такъ и по крестьянскому дѣлу здѣсь явились свои пенсильванцы и свои каролинцы, свои Сѣверные Штаты, поклонники эмансипаціи и свои южные противники ея.

Сравненіе съ Соединенными Штатами Америки озадачитъ читателя. Но право такъ. Наша степная, украинская колонія имѣетъ много общаго съ родиной и любимымъ дѣтищемъ Вашингтона. Здѣсь кроются дѣльные уроки и для нашей Метрополіи. Та же благодатная дѣвственная почва и пока та же испорченность первыхъ ея колонизаторовъ. Позднѣйшіе пришлецы, поселенцы новые, идущіе и бѣгущіе сюда безъ обветшалыхъ привилегій на готовый, вѣками заготовленный трудъ,

безъ старыхъ претензій и предразсудковъ, съ однимъ путеводителемъ— силою рукъ и жаждою честныхъ работъ, и съ живыми, бойкими и смѣлыми денежными капиталами, захватываютъ здѣсь теперь послѣднія, еще незанятыя мѣста. Та же здѣсь, какъ и въ Америкѣ, смѣсь сословій и народовъ, и та же поэтому горячая мѣстная борьба умирающаго съ начинающимъ жить. Только нѣтъ тутъ еще, какъ въ странѣ Бостона и Филадельфіи, ни каналовъ, ни очищенныхъ и оживленныхъ рѣкъ съ громадными пароходами, нѣтъ пятисотъ-тысячныхъ населеній въ здѣшнихъ смиренныхъ, еще первобытныхъ казацкихъ городкахъ, восемьдесятъ лѣтъ назадъ бывшихъ маленькими и глухими запорожскими „займками“. Лѣпятся еще эти „займки“ и до сихъ поръ у тощихъ рѣченокъ, на пустынныхъ равнинахъ, въ пологихъ и тихихъ степныхъ котловинахъ, не увѣнчанныя пока ни исполинскими трубами паровыхъ фабрикъ, ни складочными магазинами всесвѣтной торговли. Рѣки плывутъ себѣ тихо, омывая малолюдныя поля, бревенчатые и малолюдные хутора и жалко распаханныя нивы и прыгая, какъ во времена былыя, какъ, вѣроятно, было и при Адамѣ, черезъ каменныя гряды непобѣжденныхъ пороговъ. Молчатъ наши степи. Ихъ зеленыя равнины не оглашаются еще звуками желѣзныхъ чудовищъ, въ иныхъ странахъ давно раскидывающихъ свои дымовыя полосы по вѣтру. По прежнему здѣсь, съ весны, бродятъ по пустыннымъ, пыльнымъ „шляхамъ“ тяжелые чумаки, лѣнивo погоняющіе своихъ лѣнивого шагающихъ воловъ. Осенняя и весенняя грязь у насъ еще, по-прежнему, историческая грязь. Многаго еще, многаго здѣсь нѣтъ. Зато уже появляются у насъ новые, небывалые люди— „степные янки“. Это—сыновья бѣдныхъ помѣщиковъ, новыхъ купцовъ и чиновниковъ, кончившіе курсъ въ университетахъ и неслужащіе. Бойкіе и ловкіе практики, они ищутъ работъ другихъ, горячихъ и болѣе подвижныхъ. Рыская съ мелкими, сколоченными капиталами, они съ виду мало разнятся отъ тѣхъ же нашихъ купеческихъ подрядчиковъ и прикащиковъ приморскихъ хлѣбныхъ конторъ, отъ бродячихъ кулаковъ, странствующихъ маклеровъ и прочей перелетной торгующей птицы, съ давнихъ поръ, еще отъ генуэзцевъ, населяющихъ шумными кочевьями наши степныя и побережныя мѣста и отважно свивающихъ нынѣ свои гнѣзда тамъ, гдѣ водились еще недавно одни цапли да пеликаны. Странствуя въ мѣщанской дубленкѣ и сапогахъ выше колѣнъ, эти небывалые господа, янки, являются сюда въ видѣ коммиссіонеровъ, агентовъ и директоровъ разныхъ новыхъ обществъ. И смотришь—то тамъ, подъ ихъ началомъ, склеилась контора, то здѣсь уладилось и пошло вѣрное и бойкое торговое дѣло, созидаются фабричные дома, огромныя паровыя мельницы. Это—квартиргеры нашихъ будущихъ Вашингтоновъ. Какъ на диковинку, еще засматриваются здѣсь на ихъ бодрыя, здоровыя и какія-то сіяющія лица. Это же по преиму-

ществу—и наши пенсильванцы. Но есть у насъ, повторяю, и свои каролинцы. Эти большею частью сродни римскимъ гусямъ. На первомъ словѣ у нихъ старина и былыя патріархальныя преданія. Таинственные и мрачные патріоты, господа каролинцы большею частью опираются на примѣры старобытной, старосвѣтской Малороссіи. Это—наши южные казакофилы, хотя въ старомъ казачествѣ было болѣе свободы, чѣмъ въ ихъ требованіяхъ. Ихъ внѣшнее знамя—поклоненіе салу и варенникамъ. Ихъ идеалъ — возвращеніе родныхъ степей ко временамъ Хмельницкаго. Небольшой кругъ нашихъ любимыхъ народныхъ писателей съ ними ничего не имѣетъ общаго. Они плачутъ надъ виршами Сковороды, считая этого мистика за поэта, плачутъ надъ слабѣйшими изъ повѣстей Квитки и не признаютъ Гоголя. А наши дни, наши вѣрованія—имъ не по сердцу. Словомъ, здѣсь—какъ вездѣ: умъ работаетъ, безуміе ему несетъ преграды...

Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ были собраны и внесены въ губернскіе комитеты. Комитеты открыли и закрыли свои засѣданія. Много высказалось дѣльныхъ мыслей, много выдвинулось живыхъ людей. Пенсильванцы и каролинцы, аболиціонисты и анти-аболиціонисты, сошлись на послѣдней исторической раздѣлкѣ, вступили въ борьбу, спорили, писали, составляли сходки, ополченія. Губернскій застой оживился и передалъ движеніе уѣздамъ. Уѣзды раздѣлились на свои враждебные станы, зашумѣли, а кое-гдѣ шумятъ и до сихъ поръ. Изъ городовъ волненіе перешло въ хутора и деревушки. Въ городахъ оно давало волны большія, морскія, если не волны самого океана; здѣсь оно отозвалось мелкою зыбью рѣченокъ. Оживились такіе дома, гдѣ уже все, казалось, давно умерло, отпѣто и погребено. Тутъ также открылись ставни, крыльца усыпались песочкомъ, въ комнатахъ явились гости и все спорщики. Явились сюда и невиданныя здѣсь вовсе газеты. Старые, забытые очки вынуты изъ ящика; пожелтѣлыя стекла въ нихъ протерты, заржавленные ободки вычищены. Читаются правительственные циркуляры, списки выборовъ, программы; читаются печатныя журнальныя статьи. Тамъ съѣздъ, тутъ съѣздъ. На съѣздъ къ холостымъ депутатамъ даже являются непрошенными шестидесятилѣтнія барыни-хуторянки съ молодыми внучками. И имъ подавай циркуляры и списки, и имъ объясняй программы и печатныя статьи. Враги барынь находятъ даже, что эти нежданные наѣзды съ ихъ стороны—не болѣе какъ ловкое видоизмѣненіе прежнихъ способовъ выставить на показъ своихъ засидѣвшихся невѣстъ: то возили на балы, а теперь—на гражданскія сходки... Подмѣшалась тутъ, разумѣется, и всегдашняя уѣздная и губернская грязь. Она смѣло липнетъ къ колесамъ нашей торжественной колесницы. Бездарные уѣздные остряки прежде потѣшались уличными сплетнями, описывая въ туноумныхъ пасквиляхъ какіе-

нибудь смиренные балы и семейные вечера, куда они сами же первые подобострастно вторгались. Теперь эти уѣздные памфлетисты перенесли свои стрѣлы на степенныхъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу. Къ чести пенсильванцевъ надо сказать, что они, какъ партія пока торжествующая, не прибѣгаютъ къ этимъ пасквилямъ. Зато каролинцы носятъ усердно въ своихъ сановныхъ и горделивыхъ карманахъ замасленные списки сатиръ на своихъ ненавистныхъ собратій и сами на старости лѣтъ становятся памфлетистами, какъ школьные мальчишки. Составляются враждебныя эманципаторамъ сходки, адреса; пишутся угрожающія, надменныя письма...

А время идетъ своимъ путемъ, и пенсильванцы все-таки празднуютъ пока побѣды, задаютъ пиры, произносятъ рѣчи. Избиратели видятъ, кто торжествуетъ, и заранѣе со вздохомъ спѣшатъ кроить на новый ладъ свой бытъ, свои вѣрованія и свои привычки. Много драмъ разыгрывается въ маленькихъ хуторкахъ, много надеждъ разбивается подъ соломенными и камышевыми кровлями, много позднихъ и не спасающихъ уже слезъ проливается изъ старыхъ глазъ. Нашихъ Кавуровъ зовутъ предателями, нашихъ Меттерниховъ превозносятъ послѣдними и безплодными овраціями. Старики взываютъ, что дожили до временъ, когда придется имъ повѣсить на древахъ свои лютни и „сѣдѣти и плакати на рѣкахъ вавилонскихъ“. Молодые ждутъ не дождутся увидѣть зарю жизни новой. Въ печальныхъ попыхахъ только тѣ, кто, какъ дѣвы библейскія, въ ожиданіи прихода жениха, найдены врасплохъ съ угасшими свѣтильниками. А солнце свѣтитъ по былому, по старому, такъ же взойдетъ, поглядитъ во всѣ яркіе глаза, повеселитъ степь и пажити, сады и покосы и закатится. Дни идутъ; жатва спѣетъ; серпъ и коса машутъ и блестятъ на солнышкѣ. День прошелъ; зной смѣненъ прохладой душистаго, степнаго вечера. Новыя села тѣснятся между хатами старыхъ: это—хлѣбныя и сѣнныя клади новаго сбора, загромождающія собою токи и дворы. Пыль клубится. По дорогѣ съ поля ползутъ громадные золотые жуки, скрипя и звеня по пригорку: это ѣдутъ возы, нагруженные червонно-золотыми копнами пшеницы. На возахъ ѣдутъ хуторянки. Черные, бойкіе глаза смотрятъ оттуда. Длинныя, въ ладонь шириной, горделивыя косы качаются надъ снопами. Вечеръ тихъ. Только черные глаза посматриваютъ на одинокій степной проселокъ. Съ нимъ сливается за пригоркомъ битая столбовая дорога. По ней летятъ почты и курьеры. И вьется дорога столбовая далеко,—далеко туда, гдѣ лежитъ милый и пока молчаливый сѣверъ.

Былъ полдень. Мѣсто—подъ Сагайдачнымъ Лугомъ, гдѣ сходятся дороги изъ Макарославскаго уѣзда въ Южнобайрацкій.

Мы ѣхали опять съ Говорковымъ и въ той же нетечанкѣ, въ которой представились впервые читателю, по пути въ Сорокопановку.

Теперь мы пробирались на Желтыя Воды, на отдыхъ послѣ трудовъ комитетскихъ.

Товарищъ мой и бывшій секретарь, въ той же гороховой шинелькѣ и смятомъ картузѣ, обдаваемый клубами бѣлой густой пыли, умирая отъ зноя и духоты, по-прежнему не унывалъ и ободрялъ меня разсказами.

— Слышали вы, Александръ Сергѣичъ, у Нѣмецкихъ опять съѣздъ?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Эти господа такъ и мѣтятъ въ колонновожатые, такъ и хотятъ попасть въ кругъ передовыхъ, передъ нашими смиренными Павлёнками, Дублёнками, Макарёнками и Назарёнками!

Клубъ новой, убійственной пыли обдалъ опять нетечанку и скрылъ на мгновеніе Говоркова. Но опять высунулись оттуда его голова и рука. Онъ силился дохнуть чистымъ воздухомъ и кашлялъ.

— А слышали вы, что не только господинъ Пяльскій, добрѣйшій, впрочемъ, старикашка, едва умѣющій подписать свое имя, сочинилъ цѣлый проектъ эмансипаціи,—даже барыня Забайрачная уневѣстилась пишущей братіи! Вообразите, эта барыня, кромѣ шутокъ, сочинила и написала собственноручно, говорятъ даже на картузной какой-то бумагѣ, полный проектъ эмансипаціи для края, возитъ его въ каретѣ шестерикомъ, устраиваетъ литературные вечера, тычетъ его каждому, ѣздила съ нимъ къ губернатору и чуть не разбранила губернскаго предводителя на улицѣ за то, что тотъ отъ нея бѣгалъ, какъ отъ чумы, и семь разъ ей не сказался дома. То-то бойкая дама!

— Вы сегодня, Абрамъ Ильичъ, очень злы, осыпаете насмѣшками даже полезныхъ людей.

— Со смѣху люди бываютъ!—заключилъ Говорковъ и закашлялся. Пыль рѣшительно залѣпила ему все горло.

— Впрочемъ, нынче уже всѣ тычутся въ передовые, да поздно! И рада-бъ теперь наша мама за папа, да нанъ не беретъ!.. Охъ, проклятая пыль!..

И онъ опять закашлялся и скрылся въ пыли.

Скоро мы спустились въ долину. Дорога пошла зеленымъ, сыроватымъ лугомъ, безъ пыли и духоты. Впереди рисовались вербы и поселокъ. Это была недавняя еще слобода бывшихъ южныхъ военныхъ поселеній.

Сбитыя и полуразрушенныя кирпичныя пирамидки вели къ слободѣ, по бокамъ всей дороги. Онѣ имѣли прежде назначеніе скрашивать и указывать дорогу и бѣлились поэтому, чистились и поправлялись ежегодно міромъ. Теперь ихъ тайкомъ поселяне развозили на поправку печей. Издали еще, при въѣздѣ въ околицу, мы увидѣли

полосатые столбы и шлагбаумъ съ цѣпью сельской, нынѣ упраздненной также, гауптвахты. Намъ, при въѣздѣ въ слободу, никто уже не опустилъ роковой перекладины. Заржавленная, забытая цѣнь ея уныло висѣла. На тяжеломъ концѣ праздно взброшеннаго шлагбаума сидѣла стая воронъ. А на площадкѣ тутъ же лѣпившейся маленькой гауптвахты бѣгала и шумно суетилась безпечная толпа ребятишекъ, весело крича и со смѣхомъ сѣдлая другъ друга. Улицы, по случаю полевыхъ работъ, были совершенно пусты.

— Вотъ, — замѣтилъ Абрамъ Ильичъ: — тутъ недалеко живетъ отставной капитанъ, имѣетъ свой собственный хуторокъ и десять тысячъ капиталу въ сундукѣ. Онъ былъ здѣсь военнымъ волостнымъ, и я его коротко зналъ, даже чай у него пивалъ. Вообразите, онъ всегда говорилъ, вмѣсто гауптвахты—абафта, вмѣсто слишкомъ— слышкомъ, вмѣсто комитетъ—комикетъ, а отлично зналъ службу...

— Абрамъ Ильичъ, пощадите! Лучше взгляните, какова слободка: заглядѣнье!

— Да-съ, свободное нынѣ, государственное село!—И, вздохнувши, онъ повелъ кругомъ тусклыми, желтоватыми глазами. Кучеръ тоже, какъ бы угадавши наши мысли и давая лошадямъ посмотрѣть на село, ѣхалъ шагомъ.

Мы оба переглянулись: такъ, очевидно, измѣнился образъ слободки, которую мы оба знали. Видно урожай особенно великъ былъ въ эти два года. Село ломилось отъ хлѣба и сѣнныхъ стоговъ. Я особенно всегда любилъ эту слободку, сорокъ лѣтъ назадъ вольную и обращенную потомъ въ военное поселеніе. Лучшихъ временъ ея я не помню. Сорокъ лѣтъ прошло, и она опять принимала прежній, домашнепестрый видъ. Поселяне радовались, что они опять—хуторяне... Прежде всѣ хозяева до единаго чумаковали, то-есть ходили въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбою. Теперь хозяева-землепашцы опять начинали составлять чумацкія „вàлки“. На эту слободку нельзя было не наглядѣться. Переставши быть Новосамарскомъ и ставши опять былою, тихою Цвѣтовéнькой, она особенно привлекала взоры, какъ всѣ здѣшнія государственныя села, своимъ хлопотливымъ, добродушнымъ домоводствомъ и свойственнымъ хуторянамъ довольствомъ малымъ. При взглядѣ на ея бѣлыя хатки, гнѣздившіяся въ разсыпку, по пригоркамъ ея извилистыхъ, между ярами и буграми, улицъ, казалось, что эти хатки строили бобры, а ласточки ихъ обмазывали. Хатка на хаткѣ и садъ переплетается садомъ. А внизу — пруды, одинъ вытекаетъ изъ другаго; въ нихъ много рыбы. Вербами обсажены берега. Улицы вьются между садами. И все зелень, да бѣленькія хатки, да гладенькія соломенныя крыши. Четыре церкви, усердно содержимыя обще-

ствомъ. Вмѣсто волостнаго—выборный изъ селъ голова, въ простой, долгополой свитѣ, по мѣстному степному обычаю—безъ бороды.

— Хорошо село!—проговорилъ даже нашъ кучеръ, ткнувши въ воздухъ кнутомъ съ козелъ нетечанки.

— Какъ бы, однако, сюда не затесался волостной, въ родѣ того, что вмѣсто гауптвахты говоритъ „абафта!“—заключилъ мой спутникъ.

— Трогай!—сказалъ онъ кучеру, и мы выѣхали опять въ поле.

Лошади пробѣжали еще часа два или три. До подорожной корчмы, гдѣ мы разсчитывали кормить, оставалось не болѣе пяти верстъ. Надо было только переѣхать новую долину и рѣчку. Кучеръ сталъ уже спускаться въ долину. Намъ дремалось. Вдругъ онъ вскочилъ, замахалъ кнутомъ и давай кричать по-своему: „О-о! ге-е-й! а ну, бисовы сыны, поняйте съ мосту!“ Нетечанка стала.

— Что ты?

— Да гляньте, вонъ...

И онъ указалъ кнутомъ. Съ пригорка видны были внизу рѣка и узенькая, жалкая плотинка. Два громадные обоза передними возами съѣхались—одинъ съ той стороны рѣки, а другой съ этой, съѣхались на самой плотинкѣ, сцѣпились колесами и не могли податься ни впередъ, ни назадъ. Кучка озадаченнаго народа копошилась близъ сцѣпившихся колесъ. Другіе сидѣли молча или тутъ же стояли, ковыряя въ носахъ. Кучеръ съ бранью всталъ и пошелъ къ плотинкѣ, помахивая кнутомъ.

— Что мы будемъ дѣлать?—сказалъ я въ досадѣ:—солнце заходитъ, а обозы столкнулись такъ, что, какъ говорится, когда задъ ихъ спать собирается и кашу варитъ, то передъ уже Богу молится и отправляется въ походъ.

— Извѣстное дѣло, будемъ ждать!—началъ Говорковъ:—теперь ихъ самъ чортъ не разведетъ... Я уже знаю, какъ это дѣлается! Должно быть, вожаки ѣхали себѣ да ѣхали, то-есть шли себѣ, помахивая кнутами. Каждому захотѣлось понюхать у встрѣчнаго табаку. Вотъ, забывая о томъ, что сзади двигалась громада другихъ возовъ, они и съѣхались на мостку. „Здравствуйте!“—„Здравствуйте!“—„А ке, лишень, дядьку, кабаки!“ Тотъ и подставилъ тавлинку. Нюхаютъ и нюхаютъ, и другіе слазятъ съ возовъ и тоже нюхаютъ. А возы себѣ сходятся и сходятся. Ну, колеса затрещатъ, они и ахнутъ...

Кучеръ нашъ воротился разобиженный.

— Ну, что?

— Обломались, съ хурами соли, какъ разъ на мосту...

— А что! Я же вамъ говорилъ!—съ радостію крикнулъ Говорковъ:—теперь тутъ ужъ просидимъ до вечера.

— Когда-бъ до вечера!—замѣтилъ кучеръ:—возовъ и до утра не разведешь; съ плотины некуда податься—надо разгружать хуры...

Мы слѣзли съ нетечанки, легли на травѣ и закурили сигары. Долго еще возились чумаки у возовъ. Долго еще неслись оттуда брань и споры. За нами раздался звонокъ и стукъ колесъ. Черезъ минуту съ горы показался экипажъ, четверкой, въ пыли. Не зная, подобно намъ, что было внизу, онъ стремглавъ, звеня бубенчиками и колокольчикомъ, понесся туда. Крики нашего кучера остановили его. Двѣ бѣлыя холстинковыя фуражки высунулись изъ оконъ крытой коляски. — „А? что?“ — спрашивали въ сумеркахъ фуражки. Мы разсказали, въ чемъ дѣло. — „Ну, Павладій, бери вправо по берегу!“ — стоически заключили фуражки, знавшіе, видно, лучше насъ нужныя сноровки при подобныхъ встрѣчахъ. Мы спросили: „А развѣ направо проѣдешь?“ — „Проѣдете, тутъ есть другой мостокъ — вонъ и дорожка туда идетъ. А тамъ сейчасъ Улановка Дядятовскаго. Мы туда ѣдемъ. Всего семь верстъ осталось“... — Дядятовскаго? Романа Романыча?“ — спросили мы съ Говорковымъ въ одинъ голосъ. — „Да-съ. Тамъ именины и съѣздъ“. Коляска быстро свернула вправо и полетѣла лугомъ надъ рѣкой, подхваченная сытою и рослою четверкой.

Мы взглянули другъ на друга. Дядятовскаго знали мы оба и любили, несмотря на его скупость и причуды. Это былъ помѣщикъ другаго съ нами уѣзда и каролинецъ. Какъ честные пенсильванцы, мы бы не поѣхали въ такое время гражданскихъ схватокъ къ каролинцу и плантатору, слѣдовательно, къ нашему врагу. Это бы у насъ назвали лазарничествомъ и непмѣніемъ такта. Но то былъ владѣлецъ другаго уѣзда и притомъ истинно-невинный и простой человѣкъ. Разность въ убѣжденіяхъ насъ съ нимъ не поссорила и теперь.

— Признаюсь, хотѣлось бы посмотрѣть на съѣздъ тамошнихъ,— сказалъ Говорковъ:—да Романъ Романычъ кстати и именинникъ! Поѣдемъ къ нему. Сколько времени уже мы не были у него! Да тамъ же всегда и безъ церемоній. А гостей своихъ, особенно, напримѣръ, изъ офицеровъ, онъ даже иногда и по фамиліи не знаетъ!—И мы свернули вслѣдъ за коляской. Нетечанкѣ, впрочемъ, было не подъ силу гнаться за нею. Мы скоро отстали.

— Догоняй богатаго, что вѣтра въ полѣ!—заключилъ Абрамъ Ильичъ, печально свистнувши вслѣдъ за крутымъ гоготаньемъ ея лежачихъ рессоръ, исчезавшихъ вдали, по тропинкѣ, между темными уже камышами.

Мы также въѣхали въ камыши.

— Да еще какъ!—продолжалъ нашъ кучеръ, все еще въ отвѣтъ своимъ недавнимъ перебранкамъ съ чумаками на плотинѣ:—я пришелъ, спорю; а они мнѣ: „да вы, бываетъ, не изъ жидовъ, что добрыхъ людей въ такомъ дѣлѣ попрекаете?“ А! мы, съ панами жиды!!! —И его огорченію не было предѣловъ. — „А я имъ!“ — продолжалъ

возница:—„ахъ, вы душегубы! Чтобъ вамъ сто-надцать лихорадокъ, да сто болячекъ, да всѣ прыщи и свищи! Такъ вы пановъ жидами звать?.. одного даже за чубъ взялъ, да бросилъ послѣ; ну его...

Дорога свернула влѣво. Лошади свободно простучали по какому-то мостику. Черезъ полчаса мы впотьмахъ въѣхали въ село.

— Это Улановка?

— Нѣтъ, еще не Улановка, а Гусаровка: Улановка черезъ двѣ версты!—отозвался чей-то голосъ изъ темноты.

Названія селъ произошли отъ предковъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, бывшихъ друзей. Одинъ служилъ въ уланахъ, другой въ гусарахъ. Это они и оставили себѣ на память. Какъ въ Гусаровкѣ, такъ и въ Улановкѣ, при нашемъ проѣздѣ, съ заваленокъ хатъ вскакивали и шмыгали за ворота какія-то пары.

— Это все влюбленные!—шепталъ опять Абрамъ Ильичъ:—матери и отца нѣтъ дома—парубокъ и садится, обнявшись съ дивчиною. Сидятъ себѣ въ парочкѣ, „дружкуются“, „женихаются“. А въ концѣ села у какого-нибудь свата уже окна свѣтятся. Тамъ идетъ гульня. Старые условливаются о сватовствѣ дѣтей. И сидятъ эти влюбленные всю ночь, пока, по здѣшнему повѣрью, заря скажетъ мѣсяцу: „мѣсяченьку, мой братику! освитимо звиря въ полѣ, щуку-рыбу въ морѣ, чумака въ дорози!“ Только блескъ мѣсяца, да стукъ панскихъ колесъ и разгонятъ этихъ счастливыхъ до новой встрѣчи. И чего только они не перетолкуютъ: про свое хозяйство, про работы, кто изъ нихъ что въ этотъ день сработалъ, и что ему сказано, и какъ они устроятъ свое теплое житье-бытье послѣ свадьбы! А у насъ? Баринъ стоитъ на колѣняхъ передъ барышней и говоритъ: „я-съ васъ люблю-съ!“ Тьфу! Ажно противно! Да еще иной разъ на французскомъ діалектѣ. Я никогда такъ не говорилъ!

Мы въѣхали въ ворота и подъ крыльцо освѣщеннаго дома. Множество экипажей стояло въ полусвѣтѣ у конюшни.

— Панъ по мечу и кудели!—шепталъ Говорковъ, вылѣзая изъ нетечанки:—панъ отъ двѣнадцати колѣнъ панскихъ, этотъ нашъ пріятель Дядятовскій! Въ гербѣ у него, говорятъ, сущая шляхетская диковина: пулъ—нса̀ и пулъ—козы, да какъ говорятъ еще въ Польшѣ „чарна ве́шка по бѐмбешку го̀нке біе!“

Кто-то распахнулъ на крыльцо двери, и насъ разомъ обдало свѣтомъ.

— А! Скавронскій! Говорковъ! какая радость!—И Романъ Романычъ уже душилъ насъ въ своихъ объятіяхъ.

— Вонъ,—кричалъ онъ, таща насъ на крыльцо:—что значитъ мѣстоположеніе! Живу на самомъ пупѣ земли, на бугрѣ; ко мнѣ и слетаются всѣ братья! Пожалуйте!

Но, сказавши это, онъ тутъ же засуетился и исчезъ. Мы прошли въ боковую комнату, наскоро переодѣлись и пошли въ залъ. Не успѣли мы туда войти, какъ Дядятовскій уже стоялъ въ толпѣ другихъ, окружавшихъ какого-то разсказчика.

Романъ Романычъ былъ по старому въ ермолкѣ, для прикрытія своей полнѣйшей плѣши, въ сѣренькомъ сюртучкѣ и съ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ въ рукахъ, по случаю нюханія табаку. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и очень маленькій ростъ, Романъ Романычъ сохранялъ еще много бойкости и подвижности нрава. Страсти въ немъ еще кипѣли. Тѣло было уже плоховато, какъ отзывался порою онъ самъ. Голосокъ у него былъ тоненькій, и онъ часто заливался веселымъ смѣхомъ. Выйдя рано въ отставку и женившись на милѣйшей и красивѣйшей женщинѣ, онъ скоро вдался въ хозяйство, но остался въ немъ, какъ и въ своихъ убѣжденіяхъ, охранителемъ стараго. Сорокъ лѣтъ онъ прохозяйничалъ, но не улучшилъ имѣнія ни на волосъ, и въ концѣ могъ сдать его въ томъ видѣ, какъ принялъ. Получая порядочный, но ровный всегда доходъ, онъ и его не проживалъ. Гдѣ-то, въ сундукахъ ли, или на сторонѣ, составился у него значительный капиталъ. Но, смотря уже въ гробъ, одолѣваемый болѣзнями, предтечами послѣдней расплаты, онъ не могъ сказать: я привольно прожилъ на свѣтѣ! Теперь уже и хотѣть-то онъ ничего не могъ. Его деньги были—орѣхи подъ старость беззубой бѣлкѣ. Скопидомство перешло въ скупость. Сперва свои сборы онъ берегъ изъ разсчета не заявить ихъ молодой женѣ и молодымъ друзьямъ; потомъ сталъ таить, какъ мрачный и негодный скряга. И, говорятъ, боясь сдѣлать о нихъ даже завѣщаніе, чтобы не узнали про нихъ и не промотали ихъ дѣти, онъ могъ вовсе погубить этотъ капиталъ. Любя искусство отъ природы, онъ и теперь еще игралъ часто на скрипкѣ и на фортепіано. Но, отставши отъ литературы за хозяйствомъ, т.-е. за самою дурною стороной хозяйства —за сидѣньемъ надъ работникомъ съ утра до вечера,—онъ уже не понималъ современныхъ явленій мысли и прикрывалъ себя довольно пошлою и жалкою отговоркою.—„Вы читаете что-нибудь теперь, Романъ Романычъ?“—спрашивали его.—„Э! не читаю ничего, кромѣ бебуны (оберточной бумаги),—отвѣчалъ онъ:—съ тѣхъ поръ, какъ карбонеры стали писать тамъ всякое эдакое!“ Не имѣя на головѣ ни единаго волоска, Романъ Романычъ всегда носилъ длинные, сѣдые усы.

— А! —шепнулъ мнѣ Говорковъ, когда мы вошли и стали незамѣченные въ толпѣ другихъ: — посмотрите, Романъ Романычъ и бороду запустилъ, а ругаетъ радикаловъ!

Въ самомъ дѣлѣ, у него изъ-подъ жабо торчала пресмѣшная, бѣлая, какъ кружевной воротникъ, борода. Онъ ее поминутно гладилъ.

Послѣ мы узнали, что эту бороду онъ запустилъ потому, что одинъ его знакомый, старикъ и его другъ, тоже запустилъ ни съ того, ни съ сего бороду.

— Онъ умный человѣкъ и даромъ ничего уже не сдѣлаетъ!—говорилъ Романъ Романычъ:—отпущу и я бороду, а при встрѣчѣ его спрошу, зачѣмъ это; коли нужно,—оставлю, а нѣтъ,—то сбрѣю!

— Ха, ха, ха!—раздалось вдругъ среди залы изъ круга слушателей.

Мы съ шапками подошли ближе.

— А я ему говорю,—продолжалъ разсказчикъ:—что же, что вы въ комитетѣ были?..

— Ну, что же онъ? что же онъ? —заговорилъ-было кто-то изъ толпы слушателей.

Разсказчикъ, говорившій, какъ говорили на сходкахъ въ былыя времена гетманы, т.-е. по мѣстному выраженію, всѣхъ озираючи и ни на кого особенно не глядя, бросилъ презрительный взоръ на вопросившаго, сердито сбилъ пальцами пепелъ съ папироски, помолчалъ, вздохнулъ и началъ снова.

— Ну, я и пошелъ его валять, и пошелъ! Да мы, говорю, васъ, щелкоперовъ, на выборахъ прокатимъ! Да мы теперь и губернскаго предводителя на вороныхъ провеземъ! Да мы васъ опубликуемъ! Что вы? А?! а?! насъ продавать?..

Слушатели и самъ Романъ Романычъ раболѣпно молчали, внимая этимъ перунамъ.

— Кто это?—шепнулъ я на ухо молодому бѣлокурому господину, стоявшему впереди меня, именно одному изъ двухъ, встрѣченныхъ нами у плотины въ бѣлыхъ фуражкахъ.

— Пивантьевъ...

— Что же онъ такъ сердится?

— А видите ли, онъ теперь чернитъ дѣйствія нашего уѣзднаго депутата по комитету; этотъ комитетъ ему бѣльмо въ глазу. На выборахъ того единогласно выбрали, а Пивантьева забаллотировали.

Новый хохотъ покрылъ какую-то выходку ликующаго Пивантьева. Онъ самодовольно отошелъ къ сторонѣ и направился въ гостиную къ дамамъ. Слушатели тоже разошлись, кто въ кабинетъ, гдѣ играли въ карты, а кто въ садъ, гдѣ гуляли дѣвицы.

— Это, однакожъ, пріятно!—прибавилъ бѣлокурый незнакомецъ: —у толпы есть въ спокойныя минуты свой инстинктъ самосохраненія. Теперь она этому господину дѣйствительно аплодируетъ, а тогда его не выбрали. Говорятъ, Пивантьевъ прежде служилъ въ какой-то коммиссіи и былъ нечистъ на руку...

— Пойдемте къ дамамъ,—шепнулъ Говорковъ.

Сѣвши въ сторонѣ, въ гостиной, мы окинули глазами присутствующихъ. Слава Богу, ни одной знакомой!

— Правда ли, Марѳа Петровна,—говорила, при нашемъ входѣ, одна помѣщица въ зеленыхъ лентахъ другой, бывшей въ коричневыхъ, набирая себѣ на блюдце варенья:—что уже наши дѣвки намъ ни шить, ни прясть, ни вязать, ни служить безъ денегъ не будутъ?

— Правда, матушка, правда, — отвѣчала дама въ коричневыхъ лентахъ.

— Такъ позвольте же васъ спросить,—неожиданно крикнула та же дама въ зеленыхъ лентахъ:—какъ же я буду жить, когда у меня девятеро дочекъ, а имѣнія, кромѣ долговъ моего Филаши, ничего нѣтъ!

— Плохо, плохо!—пищала низенькая, въ розовыхъ лентахъ, сосѣдка говорившей:—много мнѣ разсказывали, много читали, и про какія-то урочныя работы, и про общины толковали. Ни клочка не поняла и не припомню изъ всего,—хоть Богъ меня убей, ни клочка, клянусь моей душою! Такъ написано!..

— Да еще то диво, что не чувствуютъ стыда!—прибавила первая дама въ зеленыхъ лентахъ:—даже выѣзжаютъ уже въ свѣтъ, къ избирателямъ въ мирные дома входятъ!

— Это на нашъ счетъ!—шепнулъ мнѣ Говорковъ:—стыдитесь!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Слуги разносили конфекты и арбузы.

— А будетъ ли выкупъ?—спросила протяжно молодая дама, недурная собой и не скидавшая перчатокъ.

Ей не отвѣтили.

— Я полагаю, что выкупъ, потому что это разомъ разрѣшитъ намъ міровой вопросъ!—нѣсколько учено прибавила милая дама, бойко разрѣзывая маленькими ручками арбузъ, но не безъ волненія видя, что ея собесѣдницы ей не отвѣчаютъ, несмотря на ея перчатки и миловидность. На какой-то новый вопросъ она опять не дождалась отвѣта. Только вилка судорожно звякнула въ рукѣ дамы съ зелеными лентами, усердно уплетавшей арбузъ.

— Милая пенсильванка!—замѣтилъ Говорковъ:—пойду къ тебѣ на помощь!—и подсѣлъ къ ней.

Не рекомендованные, по случаю близкаго конца праздничнаго дня, какъ и двое-трое другихъ, подъѣхавшихъ еще послѣ насъ, мы свободно располагались, гдѣ хотѣли. Оставя Говоркова съ „милой пенсильванкой“, я пошелъ въ кабинетъ. Тучи дыма висѣли надъ игравшими въ карты. Съ дивана, сквозь тотъ же дымъ торчали ноги и головы бесѣдовавшихъ. Какъ новый человѣкъ въ краѣ, и здѣсь я былъ не замѣченъ.

— Да,—продолжалъ разговоръ съ дивана молодой человѣкъ съ

длинными, черными волосами и недурной собой:—ужъ и выдумали же штуку—уступить, продать имъ земли!.. Да я-то этого не хочу! Я-то, слышите ли, не хочу! Земля моя, и баста! Или уже, если продать, такъ по вольной цѣнѣ! Я меньше двухсотъ цѣлковыхъ за десятину не возьму!..

— Семь въ червяхъ! Вистъ! Пасъ!—отдавалось на это со столовъ играющихъ въ карты.

У окна въ креслахъ сидѣлъ высокій, рябой, мѣдноцвѣтный, какъ житель Отаити, господинъ, въ рыжевато-буромъ парикѣ, толстый и сырой, лѣтъ восьмидесяти, держа и ворочая въ рукахъ изломанную, замасленную пуховую городскую шляпу и поминутно обливаясь потомъ. На него рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Внукъ хозяина, девятилѣтній разбойникъ, сзади то посыпалъ ему сахару на парикъ, чтобъ липли на него мухи, то просто его щипалъ и толкалъ. Не принадлежа къ кругу помѣщиковъ, этотъ господинъ, впрочемъ, держалъ себя гордо и, утирая потъ съ лица, презрительно улыбался на иные разговоры. Кто-то съ дивана сказалъ, что теперь ходитъ вообще множество всякихъ темныхъ слуховъ.

— Да,—повторилъ рябой старикъ и всталъ, порывисто двигаясь въ короткихъ брюкахъ и во фракѣ съ протертыми локтями, какъ у Робера Макера:—въ наше время этого не было. Тогда уважали законность! да! законность! Вотъ и у меня, въ мои дни, когда я былъ губернаторомъ—вѣдь я былъ губернаторомъ!—никто у меня не уходилъ безъ аттенціи, ни-ни! Suum cuique! Всякому была дана помощь! А теперь?! Насъ презираютъ...

И онъ обвелъ кабинетъ желтыми, воспаленными глазами, теребя въ одной рукѣ шляпу, а въ другой клѣтчатый, бумажный, продырявленный платокъ.

— Да, теперь,—добавилъ онъ шепотомъ и озираясь:—да! пришли послѣднія времена!..

Въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ тотъ же бѣлокурый знакомецъ нашъ съ бѣлой фуражкой, и съ нимъ Говорковъ.

— Что, Андрей Петровичъ, что ты тутъ наговорилъ опять и навралъ?—спросилъ громко и насмѣшливо бѣлокурый.

Старикъ ошалѣлъ, завертѣлся, капнулъ и сѣлъ, со словами, что онъ многое слышалъ въ городѣ.

— Въ городѣ? Да ты, ваше превосходительство, въ городѣ уже пять лѣтъ не былъ! Лучше попроси у меня цѣлковый на выпивку, а не ври! Иначе исправнику пожалуюсь!

Исправника старикъ, какъ видно, очень боялся, потому что замолчалъ окончательно. Сидѣвшіе у стола стали опять играть. На вы-

ходку бѣлокураго никто не обратилъ вниманія. Старикъ былъ, очевидно, въ черномъ тѣлѣ у общества.

— Кто это?—спросилъ я Говоркова, указывая на бѣлокураго.

— Турбачевъ, старшій братъ: ихъ два брата, здѣшніе богачи. Этотъ отказался отъ выборовъ два раза. У обоихъ пять тысячъ десятинъ земли. Ведутъ хозяйство по новому способу и сущіе янки. Не служатъ, путешествуютъ, хозяйничаютъ и живутъ въ свою волю. Я съ этимъ сошелся. Благороднѣйшій пенсильванецъ! Дамочка, къ которой я подсѣлъ, ихъ сестра, жена одного содержателя пансіона, тоже умнаго человѣка. А главное—оба смѣлы, самостоятельны и съ языками, какъ бритвы...

Говорковъ меня сейчасъ познакомилъ съ Турбачевымъ.

— Очень пріятно, много слышалъ!—сказалъ онъ развязно и собираясь опять съ натискомъ на стараго вѣстовщика.

— Кто это?—спросили мы съ Говорковымъ у Турбачева про послѣдняго.

— О! это личность удивительная!—началъ вполголоса веселый и развязный Турбачевъ:—это Андрей Петровичъ Кузничевскій. Онъ, дѣйствительно, былъ лѣтъ двадцать или тридцать назадъ гдѣ-то вице-губернаторомъ, жилъ въ богатѣйшемъ домѣ, задавалъ пиры, развратничалъ и любилъ хапанцы, но слегка, потому что было и свое имѣніе. Тогда же онъ обобралъ одного родственника, честнѣйшаго малаго, кажется, Твёрдова, отнялъ у него послѣдній хуторокъ. Теперь колесо повернулось. Твёрдовъ нажилъ новый хуторъ; Кузничевскій прожился въ пухъ, отставленъ отъ службы и живетъ у него же на хлѣбахъ, въ какой-то лачужкѣ, вымаливая у своего роднаго по четвертаку на утѣху! Клянусь честью, это не сказка! Да погодите, я его еще спрошу, какъ онъ возилъ съ собою въ Петербургъ одну одиннадцатилѣтнюю особу...

Но Турбачевъ замолчалъ.

Въ это время въ кабинетъ впопыхахъ вошелъ хозяинъ дома, нашъ почтенный Романъ Романычъ. За нимъ шла толпа, и впереди всѣхъ опять Пивантьевъ.

— Господа, позвольте! Слушайте, слушайте,—заговорилъ вполголоса старикъ Дядятовскій, самъ внѣ себя отъ восторга, ломая руки и подобострастно глядя на Пивантьева:—вотъ Макаръ Макарычъ насъ опять подарить хочетъ разсказами! Что за штиль, что за слова! Чисто жемчугъ! Вотъ кто наши защитники, вотъ кого мы должны въ золотыя рамки вставить!..

— Разскажите, разскажите!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ сѣли. Пивантьевъ, не поднимая глазъ и попрежнему гетманомъ стоя среди комнаты, началъ:

— Это пустое, господа, это случай; но о немъ нельзя умолчать въ наши дни.

Онъ оглянулся. У дверей, качаясь отъ дремоты, стоялъ ребенокъ-казачокъ.

— Вышлите его вонъ!—шопотомъ сказалъ Пивантьевъ.—Пошелъ вонъ! Чего ты, ракалія, стоишь тутъ? все подслушиваешь!—крикнулъ хозяинъ дома.

Мальчикъ, качаясь, вышелъ.

— Да-съ, въ нашемъ уѣздѣ былъ недавно такой случай!—говорилъ, озираясь, Пивантьевъ:—вы, конечно, Зеленчу́ка помѣщика знаете? Хорошо. Всѣ мы его знаемъ. Вотъ онъ прожилъ до этой эмансипаціи, или, какъ тамъ ее зовутъ наши филантропы, до ампутаціи, что ли, пятьдесятъ лѣтъ безвыѣздно на своемъ хуторѣ. И какое же несчастье постигло его въ жизни! Его дочка влюбилась въ мѣщанина; случилось даже такое дѣло, что она пошла за него замужъ, убѣжала и обвѣнчалась. А? а?.. И теперь гдѣ-то, увы! живетъ наемницей, гувернанткой. Тамъ же и мужъ ея нанимается. А?.. Ну, вѣдь подло поступила? Такъ ли? Хотя и славная барынька сама по себѣ вообще. Отецъ отъ нея, разумѣется, отрекся. Правда, что и самъ онъ проживалъ въ утѣшеніи, то-есть держалъ своихъ шамшу́рокъ...

Слушатели молча и почтительно внимали разсказчику. Турбачевъ презрительно усмѣхнулся.

— Такъ что же вы тутъ находите особенно печальнаго?—спросилъ онъ со сдержанною злостью.

Страшный ропотъ раздался въ кабинетѣ. Добрый, но трусливый отъ природы, Дядятовскій чуть не плакалъ, смотря на Турбачева. Сперва онъ дергалъ его за фалды, чтобъ тотъ не заходилъ слишкомъ далеко, а потомъ началъ ругать его.

— Это удивительно, до чего доходятъ нынѣ молодые люди,—пищалъ Романъ Романычъ: — какая смѣлость, какое даже нахальство, какая самонадѣянность! Молокососы!

— Романъ Романычъ, Романъ Романычъ!—началъ медленно и со вздохомъ Турбачевъ, дрожащими руками оправляя себѣ галстухъ:—это правда, вы меня на рукахъ носили, почти пяньчили; вы были дружны съ моимъ отцомъ; я моложе васъ. Да за что же оскорблять меня? И вамъ ли опять жаловаться на своихъ вассаловъ? Тоже сорокъ лѣтъ съ ними живете? А обидѣлъ ли васъ хоть единый?—Въ дверь вошелъ лакей и нагнулся на ухо къ Дядятовскому. Тотъ сталъ, какъ обваренный; дыханіе замерло и ротъ раскрылся. Онъ шагнулъ къ дверямъ.

— Что вы?—спросили его.

— Э! это пустое! пришелъ атама́нъ, староста: чего-то мужики мои пришли тамъ!

И онъ торопливо вышелъ.

Турбачевъ шепнулъ намъ:

— Вотъ трусъ! Нарочно обѣгу кругомъ дома и посмотрю, въ чемъ дѣло. Я уже знаю его...

Какъ школьникъ, вышелъ Турбачевъ въ сосѣднюю прохожую комнату, раскрылъ окно, осмотрѣлся кругомъ и выпрыгнулъ въ садъ, а тамъ завернулъ за уголъ дома, къ крыльцу, куда собрались мужики Дядятовскаго.

— Мнѣ не нравится эта безобрядность, безцеремонность Романа Романыча,—началъ вслухъ покровительственно Пивантьевъ, едва тотъ ушелъ:—скверно то, что всегда здѣсь какой-то сумбуръ! Назоветъ кучу гостей, всякаго сброда! Всѣ тычутся по угламъ; нѣтъ того, чтобы усѣсться да побесѣдовать съ умными людьми! Пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, какъ изъ трактира. А тотъ еще благодаритъ за посѣщеніе!

— Семь въ пикахъ! Вистъ! Пасъ!—опять раздалось съ карточныхъ столовъ.

— Макаръ Макарычъ, васъ зовутъ дѣвицы! — послышался голосъ изъ дверей.

Пивантьевъ вскочилъ и ушелъ въ садъ. У окна, сквозь табачный дымъ, мелькнула бѣлая фуражка.

— Господа, пожалуйте сюда!

Мы съ Говорковымъ подошли.

— Вообразите,— началъ онъ шопотомъ:—это просто невѣроятное событіе. Я подкрался къ окну кабинета. Смотрю: нашъ-то почтеннѣйшій Романъ Романычъ прибѣгаетъ туда, впотьмахъ зажегъ спичку, возится, руки дрожатъ, и затѣмъ тихо шагнулъ въ лакейскую. Я припалъ со двора къ окну лакейской. Онъ что-то шепчетъ казачкамъ, разгонавливаетъ ихъ, отвернулся опять, тайкомъ перекрестился и ступилъ въ сѣни. Тутъ уже я его дожидалъ впотьмахъ, у крыльца, у водосточной трубы. Онъ вышелъ, еле дышетъ, спрашиваетъ у мужиковъ: „что вамъ надо?“ Тѣ подходятъ ближе; онъ къ сѣнямъ... Да уже кто-то побойчѣе вышелъ изъ толпы, поклонился и говоритъ: „Мы, пане, цѣлый день возили хлѣбъ, а теперь воротились съ поля и пришли васъ поздравить съ именинами!“ И кланяются. Онъ даже икнулъ отъ неожиданности, тоже поклонился, велѣлъ атаману имъ дать по рюмкѣ водки, еще что-то сказалъ и ушелъ... Ужъ девять мѣсяцевъ онъ лично не является на полевыя работы.

Мы не вѣрили словамъ Турбачева.

— Клянусь вамъ, господа,—добавилъ онъ:—все это правда! Да вотъ онъ и самъ! Подожду я тутъ у окна въ саду.

Вошелъ медленно Романъ Романычъ, даже съ улыбкой, утерся платочкомъ, смиренно сѣлъ, сложилъ на колѣняхъ маленькія ручки и

безпечно вздохнулъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но дыханіе его еще было неровно, и самъ онъ былъ изжелта-зеленоватый. Ермолка была на затылкѣ.—Что, Романъ Романычъ, гдѣ вашъ сынъ теперь? Мы такъ давно его не видали!—спросили мы съ Говорковымъ въ ободреніе его.

— Сынъ мой, сынъ? Да!.. Я было васъ не разслушалъ!.. Ходятъ всякіе слухи, какъ вообще теперь. Да Богъ его знаетъ, гдѣ онъ! Все проситъ у меня, однако, денегъ. Я же говорю: отчего не служишь? А онъ говоритъ: давайте денегъ! А гдѣ я возьму денегъ! Доходовъ нѣтъ уже тридцать лѣтъ, и я боленъ! Впрочемъ, сынъ мой не можетъ въ кавалеріи служить, а въ пѣхотѣ не хочетъ. А вонъ его сынъ, мой внучекъ, бѣгаетъ, все Кузничевскому сахару на парикъ подсыпаетъ! Видите! Вотъ геній! Кольми паче еще няньку ругаетъ такъ, что просто молодецъ!..

Романъ Романычъ отиралъ съ лица обильный потъ.

— Нѣтъ, вы позвольте, вы позвольте,—отозвался съ дивана голосъ того самаго молодаго, съ длинными черными волосами, человѣка, который цѣнилъ у себя землю по двѣсти рублей серебромъ десятину:—вы мнѣ скажите: можетъ ли быть въ наше время новое переселеніе народовъ? Возможны ли движенія народовъ съ сѣвера на югъ? Я думаю, что нѣтъ! Я, слава Богу, таки учился: знаю экономистовъ нынѣ западныхъ. Именно нѣтъ. Литераторы также трезвонятъ о филантропіи, о любви къ ближнему! Подлецы! чистые подлецы! Это все выскочить хотятъ на нашъ же счетъ; извѣстное дѣло, имъ рисковать нечѣмъ... На колъ бы ихъ посадить—пусть любуются видами!—четвертовать! Нѣтъ, господа, дайте мнѣ хоть еще пять лѣтъ сроку, и я ворочу въ доходахъ тройную цѣнность имѣнія; а тамъ хоть трава не расти...

— Кто это?—спросилъ я опять Турбачева.

— Это другъ Пивантьева, довольно богатый и не совсѣмъ глупый человѣкъ, Торбанинъ, если даже хотите, нѣсколько и нашъ братъ, степной „янки“, отличный хозяинъ, но закоренѣлый эгоистъ въ душѣ. И вѣдь что тутъ грустно,—продолжалъ Турбачевъ, облокотясь изъ сада въ окно:—будь онъ фронтовикъ; а то вѣдь изъ нашихъ университетскихъ и даже товарищъ мнѣ по факультету! Учился-то онъ плохо и товарищъ намъ былъ такъ себѣ, не изъ лучшихъ. Но все же таки потерся около науки и хоть по наслышкѣ зналъ имена Бэкона, Смита, Маколея и хоть, положимъ, нашего Грановскаго... А теперь каковъ? Порочитъ каждый шагъ нашихъ комитетовъ, ругаетъ всякую прогрессивную мысль — и это двадцати-семи-лѣтній студентъ, выпущенный шесть лѣтъ назадъ! Посмотрите, съ какимъ благоговѣніемъ слушаетъ его Дядятовскій!.. Пойдемте, господа, въ садъ, здѣсь свѣжѣе...

При нашемъ выходѣ изъ кабинета Торбанинъ, кусая до крови

ногти, вдругъ взмахнулъ длинными волосами и, скрипя зубами и показывая кулакомъ въ воздухъ, сказалъ:

— Развѣ не будетъ выборовъ! это ни на что не похоже! это безчестно! У насъ завелись уже предатели, слуги пресловутой гласности — я ихъ знаю! Трезвонятъ, грабятъ насъ! На колъ ихъ! Въ Австріи Радецкій ихъ розгами сѣкъ...

Мы вышли въ садъ. Тамъ было дѣйствительно свѣжѣе. Часа полтора мы ходили, слушая разсказы Турбачева о хозяйствѣ.

— Мы съ братомъ Петромъ,—говорилъ онъ:—получили имѣніе разоренное, хотя и порядочное. Не было сѣна—мы наняли въ долгъ луга; стали дешевы овцы — мы въ долгъ купили у тѣхъ, у кого онѣ падали отъ голоду; продали отцовскіе экипажи, мебель и всякій хламъ, устроили салотопню и въ одинъ годъ выплатили съ сала и за наемъ луговъ, и за овецъ, а салотопню продали черезъ годъ и выплатили главный долгъ на имѣніи. Мы завели машинное хозяйство. Я самъ пробылъ два года въ Ливерпулѣ, на фабрикѣ хозяйственныхъ машинъ, и вывезъ оттуда паровой локомобиль. Черезъ годъ мнѣ половины крестьянъ нашихъ не надо уже. А братъ ѣдетъ весной въ Америку...

У освѣщенной бесѣдки мы увидѣли Пивантьева. Онъ стоялъ, опять окруженный дѣвицами, и съ полнымъ свойствомъ мѣднаго лба занималъ снова всѣхъ разсказами. Увы! онъ помѣшался на роли говоруна единственно только потому, что какая-то старуха-аристократка, бывшая когда-то большая практикантка на счетъ молодыхъ людей, проѣздомъ черезъ Южно-Байрацкъ, сказала ему гдѣ-то за обѣдомъ: „Да вы, м-сье, краснобай! Владѣете слогомъ!“

— Я прошу васъ, дѣвицы, разрѣшить мнѣ одинъ вопросъ,—говорилъ Пивантьевъ, развязно качаясь и охорашиваясь: — хорошо или нехорошо брать жалованье на службѣ по выборамъ?

Тѣ, разумѣется, молчали, робко прижимаясь другъ къ другу и пугливо слѣдя за его туманными намеками.

— Ну, такъ я же вамъ скажу, что наши филантропы...

— Ну, погоди же ты! — процѣдилъ съ холодной злобой Турбачевъ:—я же тебя оборву! Вотъ скотина! Извините, господа, за такія крупныя выраженія! Вы себѣ представить не можете, до чего безобразенъ этотъ господинъ!

Мы ушли въ темныя аллеи. Еще проговорили съ полчаса. Турбачевъ разспрашивалъ о нашемъ южно-байрацкомъ уѣздѣ, посѣвахъ, сборѣ хлѣба, дѣлалъ предположенія объ устройствѣ громаднаго общества для торговли хлѣбомъ, разспрашивалъ о нашемъ губернскомъ положеніи о крестьянахъ, и вообще смотрѣлъ съ большимъ сочувствіемъ на все сдѣланное депутатами. Говорковъ, хотя и не бывшій въ составѣ комитета, въ качествѣ моего друга и письмоводителя, просто

ликовалъ. „Экъ, душа-то, душа-то!“—шепталъ онъ, толкая меня. Передъ освѣщенной ротондой, въ одномъ мѣстѣ сада, гдѣ играла музыка, ходилъ съ понуренной головой сѣдой, съ длинными, бѣлыми волосами на головѣ и въ длиннополомъ сѣромъ сюртукѣ, старикъ-помѣщикъ.

— Это печальный примѣръ, это профессоръ и нашъ помѣщикъ!—началъ Турбачевъ, указывая на старика: —онъ попалъ въ сосѣдній съ вами комитетъ о крестьянахъ. Я былъ когда-то его ученикомъ, любилъ его всею душою, вѣровалъ въ него и ожидалъ отъ него всегда многаго и многаго! Его чтенія въ классахъ распаляли насъ страстною любовью къ людямъ! Онъ былъ у насъ гуманистъ въ полномъ смыслѣ слова, поклонникъ Гегеля, Гейне... Открылся комитетъ, онъ и тамъ сталъ изъ первыхъ, въ ряду либераловъ; даже тайкомъ его называли краснымъ, чѣмъ онъ втихомолку и гордился. Такъ дѣла шли мѣсяца два! И что же? Какъ-то на носъ предсѣдателя комитета сѣла муха, въ то самое время, какъ этотъ почтенный либералъ читалъ свою рѣчь по какому-то вопросу; тотъ громко чихнулъ; члены тоже чуть не дремали. Этотъ обидѣлся, перешелъ на сторону оппозиціи и запутался такъ, что подъ конецъ даже трудно было понять, чего онъ хотѣлъ. Онъ рѣшилъ тѣмъ, что кинулся въ объятія отсталыхъ, плантаторовъ,—но и тѣ его, говорятъ, не приняли. Жаль мнѣ его; истинно добрый человѣкъ, только очень мягкій. Мы какъ-то съ пріятелями недавно поминали его: „Покойся сномъ праведника, чистая карьера былаго гегелиста; ты сталъ помѣщикомъ и все позабылъ!“ — говорили мы, распѣвая надъ жженкою студенческія пѣсни.

— Пожалуйте ужинать!—сказалъ слуга, добѣжавшій къ намъ напрямикъ, черезъ вишенникъ и поляны сада.

Въ ярко освѣщенной залѣ мы уже всѣхъ застали въ сборахъ усаживанія за столъ и выбрали себѣ три мѣста рядомъ. Стулья прогремѣли, слуги вошли съ дымящимися тарелками. Все шло чинно; дѣти гостей сидѣли за особымъ столомъ, самъ хозяинъ сидѣлъ на одномъ концѣ стола, жена его на другомъ. Пивантьевъ—среди дѣвицъ, безпрестанно услуживая имъ. Попавши такъ нежданно къ Дядятовскому,—вообще любившему въ свои семейные праздники, какъ вѣрно выразился Пивантьевъ, принимать всякій сбродъ, лишь бы было побольше гостей,—мы опять принялись разспрашивать Турбачева о разныхъ незнакомыхъ лицахъ. Рѣчь началъ Романъ Романычъ.

— А слышали вы, господа, у насъ на тотъ годъ предрекаютъ саранчу и голодъ?..

Пошли толки о саранчѣ.

— Что саранча! Говорятъ, залоговъ уже имѣній больше не будетъ!—произнесъ кто-то.

Бородатый господинъ, едва дышавшій отъ толстоты, протянулъ руку за квасомъ и спросилъ, покашливая по-своему:

— Говорятъ, въ нашемъ губернскомъ комитетѣ вышли несогласія: братъ возсталъ на брата и сынъ на отца, какъ говорится въ писаніи о послѣднихъ временахъ?

— Страмъ, чистый страмъ!—подхватилъ Романъ Романычъ:—чуть не шли на ножи! Я тамъ не былъ, а слышалъ, что были случаи, какъ въ уѣздной школѣ! Даже, повидимому, садились по звонку, говорили и молчали, какъ въ классахъ, еще и въ мои времена!

— Это и въ англійскомъ парламентѣ заведено, Романъ Романычъ!—перебилъ Турбачевъ.

— Въ англійскомъ! Да хоть бы и въ китайскомъ. Что англичане? Соловецкій монастырь разграбили, заставили потопить наши корабли въ Севастополѣ, а теперь новые намъ за деньги сами строятъ! Вотъ австрійцы—это народъ! И неговоруны, и незатѣйливы...

Незнакомый сосѣдъ мой съ лѣвой стороны, горбатый, подслѣповатый, немного выпившій и навеселѣ, толкнулъ меня подъ бокъ, указывая на высокаго и блѣднаго, черноволосаго лакея, стоявшаго съ тряпкою за чьимъ-то стуломъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я.

— Посмотрите сюда: вотъ слуга,—началъ горбатый сосѣдъ, сопя и ковыряя перешкомъ въ зубахъ:—слуга, лакей! только хитрое и умное созданіе... У! чистая бестія! посмотрите только на его глаза! Его отдавали въ художники, въ академію, въ Петербургъ,—и вышелъ, ничего, артистомъ!.. Славно малюетъ-съ. Даже тамъ въ какую-то барышню было, говорятъ, влюбился! Ну, да ничего—теперь служитъ и объ искусствахъ говоритъ: хоть нескучно! Хитрая бестія!.. Павелъ!

Сосѣдъ мой кивнулъ головой: черноволосый слуга подошелъ къ нему и нагнулся.

— Кто былъ первымъ художникомъ въ Россіи?—спросилъ горбатый сосѣдъ вполголоса.

— Карлъ Павловичъ Брюловъ, творецъ картины „Послѣдній день Помпеи“,—тихо и какъ-то ласково-грустно отвѣтилъ лакей подъ шумъ общихъ разговоровъ.

— А что такое искусство? — продолжалъ глумиться веселый мой сосѣдъ.

— Свободное творчество!—отвѣчалъ лакей.

— А что лучше: хорошій ли обѣдъ, или картина?—говорилъ насмѣшливый баринъ, хихикая себѣ подъ носъ и ковыряя въ зубахъ.

Лакею-художнику готовились новыя шутки и веселости, какъ въ другомъ концѣ стола раздался нежданно шумъ, скоро перешедшій въ крупную перепалку. Спорили Пивантьевъ и какой-то студентъ.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ,—рѣзко повторялъ студентъ:—ваши слова отзываются личностями! А кто злится, тотъ не правъ!

— Личностями? — подхватилъ Пивантьевъ:—Ха, ха, ха! Прошу вашего вниманія, господа! Юноши зовутъ насъ отсталыми; враги на возрастѣ зовутъ насъ плантаторами! Гдѣ же тутъ молчать? Въ качествѣ плантатора, имѣю честь передать вамъ, что нашъ предсѣдатель того... свихнулся!

Головы и глаза общества устремились къ спорившимъ. Дядятовскій сталъ даже торопиться уничтоженіемъ тарелки какого-то любимаго соуса.

— Какъ это, какъ это? разскажите!—подхватилъ Романъ Романычъ, утирая губы:—ахъ! не могу молчать! Вотъ настоящій, плавный штиль! вотъ истинное краснорѣчіе! вотъ наши защитники! Разскажите!

— Дѣло было вотъ какъ,—началъ, важничая и дерзко поглядывая на всѣхъ, Пивантьевъ:—я не служу въ комитетѣ, не имѣю этой высокой чести, да, не имѣю, но знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что, мѣтя на какое-то значительное мѣсто, нашъ здѣшній великій сановникъ затѣялъ составить себѣ сильное большинство по одному дѣлу... Сталъ вывѣдывать передъ баллотировкой—оказывается, что голоса раздѣлились такъ, что нетолько не выходило сильнаго большинства его мнѣнію, но даже и съ его голосомъ на сторонѣ его было однимъ шаромъ меньше...

Правда это?—шепнулъ мнѣ Турбачевъ, схвативши меня за руку и едва подавляя въ себѣ волненіе:—вы были сами въ комитетѣ! Правда это?

— Клянусь Богомъ, ничего подобнаго не было: у насъ дружное большинство встрѣтило и до конца провожало всякое дѣйствіе предсѣдателя...

— Благодарю васъ... Хорошо... будемъ слушать!—И Турбачевъ впился глазами въ Пивантьева, изрѣзывая мелкими кусочками хлѣбную корку.

— Да-съ, плохо приходилось нашему оффиціалу!—продолжалъ Пивантьевъ:—онъ рѣшительно терялся. Вдругъ въ умѣ его мелькнула счастливая мысль. Вспомнилъ онъ, печально вглядываясь въ списокъ членовъ, объ одномъ господинѣ съ широчайшими бакенбардами и либерализмомъ и страстью къ англоманіи, бывшемъ на сторонѣ его враговъ, сообразилъ, что англоманъ сильно нуждается пока въ субсидіяхъ по поводу одной городской интрижки, а впослѣдствіи въ тепломъ мѣстечкѣ, позвалъ его, подъ общій шумъ и споры, къ своему креслу и шепнулъ ему на ухо: „выходите въ залъ“. Тамъ въ будущемъ обѣщано представленіе къ мѣсту, и дѣло слажено... Пошло на голоса, и мнѣніе его восторжествовало.. И вотъ, господа, пути, по которымъ разыгрываются дѣла у насъ...

Сказавши это, Пивантьевъ спокойно принялся за недоѣденный кусокъ.

Тарелка звякнула въ рукахъ Турбачева.

— Вы лжете,—сказалъ онъ гладко и какъ-то особенно кругло и внятно, смотря на Пивантьева, а самъ былъ бѣлѣе полотна: — вы лжете, какъ пятилѣтній мальчикъ! И это не дѣлаетъ вамъ чести!

Многія вилки остановились на воздухѣ; многіе рты, не проглотя вкуснаго цыпленка съ грибами, остались незакрытыми.

— Что-о-о? — спросилъ озадаченный Пивантьевъ, еще блуждая глазами и сперва не разобравши, кто его такъ оборвалъ.

— Вы лжете! — опять звонко и кругло сказалъ Турбачевъ: — это клевета...

Слуги стали убирать тарелки и разносить жаркое.

— Нашъ пенсильванецъ, однако, тоже горячится!—шепнулъ мнѣ Говорковъ.

— Вотъ мило! Это еще у насъ, господа, и не слыхано!—возразилъ Пивантьевъ, стараясь улыбнуться какъ можно беззаботнѣе, поперхнувшись и озираясь во всѣ стороны:—за столомъ, при дамахъ, говорить такія дерзости!

Глаза общества, однако, мигомъ устремились въ тарелки. Блѣдныя и встревоженныя дамы стали торопливо перешептываться, косясь то на Дядятовскаго, то на его жену. Но хозяева тоже молчали. Романъ Романычъ было обозвался, тоже улыбнувшись и поперхнувшись, словами: „да, правда! это немножко того, рѣзко сказать безъ причины: вы лжете“, но тутъ же утеръ губы салфеткой и, присмирѣвши, сталъ медленно жевать крылышко цыплёнка.

— Вы клеветникъ, господинъ Пивантьевъ!—продолжалъ тѣмъ же голосомъ Турбачевъ:—и мнѣ пріятно будетъ это доказать публично. Лучше заранѣе извинитесь сейчасъ же, за столомъ, сію минуту, передъ обществомъ и передо мною!

— Какъ? Мнѣ?? Передъ вами??? Ха-ха-ха!

Турбачевъ положилъ руки на столъ. Красивые перстни сверкнули на его кривыхъ пальцахъ.

— Если вы будете пасясничать и хохотать, я васъ прогоню изъ-за стола... почтеннѣйшаго Романа Романыча!—началъ опять Турбачевъ, закрывая глаза отъ дрожи и злости, прохватывавшей его до костей.

— Меня? О, нѣтъ, нѣтъ!—крикнулъ, красный уже, какъ ракъ, Пивантьевъ:—я, господа, на васъ ссылаюсь, на васъ! Еслибы не дамы, я проучилъ бы... всякаго! Господинъ Турбачевъ богачъ, а я бѣднякъ! Имъ можно имѣть такую смѣлость! Я обиженъ, господа, обиженъ и буду требовать общественнаго суда, суда всѣхъ дворянъ, всего со-

словія, у губернскаго стола... Я обиженъ... Клянусь, я говорилъ правду, я желалъ обществу пользы. Все, что я ни говорилъ, сущая правда! я докажу... здѣсь свидѣтелей нѣтъ, но я найду, у меня будутъ свидѣтели моихъ словъ!

Прошло нѣсколько секундъ мучительной паузы. Всѣ сердца бились напряженно; всѣ глаза стремились, по обычаю въ такихъ случаяхъ, подъ столъ.

— Что же, господа, будемъ вставать!—сказалъ-было Романъ Романычъ, пуская извѣстную уловку старины, любившей заминать всякія дѣла, не допуская ихъ до крутыхъ раздѣлокъ.

— Нѣтъ, господа, позвольте, подождите!—перебилъ его Турбачевъ:—здѣсь обижены мы всѣ, и потому запросто, не вставая, кончимъ дѣло. Противъ господина Пивантьева есть улика! Между нами теперь сидитъ одинъ изъ господъ депутатовъ комитета—г. Скавронскій!

Онъ обратился ко мнѣ, и взгляды всѣхъ остальныхъ послѣдовали за его движеніемъ. Даже неповинный ни въ чемъ Романъ Романычъ—и тотъ поспѣшилъ загладить свой промахъ и спросилъ меня: „Такъ вы тоже депутатъ? А я этого и не зналъ...“

— Позвольте васъ спросить, Александръ Сергѣичъ, какъ посторонняго свидѣтеля этой выходки,—сказалъ мнѣ Турбачевъ:—было что-нибудь въ нашемъ комитетѣ подобное тому, что такъ громко и свободно постарался передать г. Пивантьевъ?

Мертвая тишина осѣнила все общество. Даже слуги остановились у дверей. Слышно было черезъ стулъ, какъ билось сердце у Говоркова, и какъ тупоумно и обливаясь потомъ сопѣлъ отставной вице-губернаторъ.

— Я скажу одно,—отвѣтилъ я:—подкупалъ ли NN кого-нибудь изъ моихъ сочленовъ, я не знаю; но по дѣлу объ усадьбахъ, да и вообще во всѣхъ спорныхъ баллотировкахъ—онъ въ этомъ не нуждался. Вездѣ мнѣнія круга, къ которому я самъ принадлежу и гдѣ онъ имѣлъ честь руководить, выражались всегда огромнымъ большинствомъ тридцати голосовъ—противъ десятерыхъ. Раздѣленія голосовъ поровну быть не могло: партія десятерыхъ у насъ до конца не завоевала себѣ ни одного голоса.

За моимъ отвѣтомъ раздался такой шумъ за столомъ, что ничего нельзя было разобрать. Всѣ спорили и кричали. А у Романа Романыча мелькали одни усы да борода; словъ его не было слышно. Турбачевъ сидѣлъ съ достоинствомъ и, блѣднѣе противъ прежняго, молча выжидалъ конца споровъ. Пивантьевъ кричалъ во все горло.

— Да, можетъ быть... но... все-таки, говорятъ, что было такъ!—кричалъ, покрывая всѣ голоса, Пивантьевъ.

— Покоритесь, сосѣдъ,—раздался голосъ съ другаго конца стола:

—покоритесь, вы неправы, далеко хватили! И я въ этомъ случаѣ противъ васъ...

Это говорилъ, преклонивши сѣдую голову, тотъ самый отставной профессоръ, бывшій депутатомъ комитета сосѣдней губерніи, о бѣдственномъ паденіи котораго намъ передалъ въ саду Турбачевъ.

Пивантьевъ глянулъ на него и на всѣхъ, какъ волкъ въ послѣдней угонкѣ, огрызающійся на близкія уже морды плотоядныхъ борзыхъ.

— Но какъ же, однако, это? Я не могу!! Нѣтъ, нѣтъ, я не могу поддаться на это доказательство! — сказалъ онъ, едва уже владѣя собою.

Но въ это же время окно сзади Пивантьева зазвенѣло, и стекла разлетѣлись въ дребезги. Мимо уха его, задѣвши за курчавый локонъ, просвистѣла фаянсовая тарелка, пущенная въ голову злополучнаго болтуна Турбачевымъ. Общество вскочило. Скандалъ вышелъ полный и небывалый...

— Что вы надѣлали? Боже, Боже! Осрамить мой домъ!—вопилъ Дядятовскій, подбѣгая, когда всѣ встали и слуги стали поспѣшно уносить со стола посуду, то къ пылавшему местью и злобой Турбачеву, то къ ахавшимъ и пищавшимъ дамамъ.

— Нѣтъ, пересолилъ и нашъ пенсильванецъ!—сказалъ мнѣ Говорковъ, съ сожалѣніемъ глядя на общій шумъ.

— Оррёръ, оррёръ!—кричали нѣкоторыя изъ дѣвицъ.

— Такъ подобныхъ молодцевъ и учатъ!—говорилъ студентъ, ставшій спиною къ кому-то изъ подошедшихъ къ нему съ увѣщаніями.

Мигомъ все общество стало разъѣзжаться. Но шумъ не прекращался въ кабинетѣ, куда друзья Пивантьева собрались толпой, съ угрозами отмстить Турбачеву. Турбачевъ нежданно и смѣло вошелъ туда, съ хлыстомъ и папироской, и объявилъ, что вызываетъ каждаго, кто еще пикнетъ о комитетѣ. Пивантьевъ, ероша волосы, стоялъ у окна.

— А васъ,—сказалъ Турбачевъ Пивантьеву:—я прошу ожидать отъ меня, гдѣ бы мы ни встрѣтились, всего, что только можно сдѣлать пятью пальцами! Теперь, не сходя съ мѣста, прошу васъ объявить сейчасъ же, при всѣхъ, что вы за столомъ сказали ложь, и съ умысломъ.

Пивантьевъ оглянулся за спину, на окно, потомъ на общество и сказалъ, запинаясь:

— Да, извините, я за столомъ немного ошибся...

Студентъ, дама-аболиціонистка, еще два-три гостя и сѣдовласый профессоръ-помѣщикъ, очевидно искавшій въ полномъ осужденіи своего сосѣда Пивантьева чистосердечнаго искупленія своей недавней депутатской карьеры,—стояли на крыльцѣ, вдали отъ озлобленныхъ, разъѣзжавшихся пріятелей Пивантьева.

— Ай да Турбачевъ! — говорила громко и съ увлеченіемъ молодежь изъ гостей, въ потемкахъ усаживаясь во дворѣ въ экипажи:— вотъ такъ проучилъ! Да еще чуть не выкинулъ въ окно! Заставилъ сознаться — и тотъ сознался! Дуэлистъ! въ университетѣ онъ побилъ одного господина...

Къ стоявшимъ на крыльцѣ подошелъ, сверхъ всякаго чаянія, самъ Пивантьевъ, уже закутанный въ шинель. Онъ всхлипывалъ и билъ себя въ грудь.—Меня назвали лжецомъ! меня! пустили въ меня тарелкой!—говорилъ онъ: — Богъ ему судья!.. О, до чего я дожилъ! до чего... Нельзя было уже и пошутить! Я желалъ сословію добра! Ахъ! грустно и горько у насъ служить обществу!..

Онъ опять ударилъ себя въ грудь, сѣлъ въ какую-то бричонку и уѣхалъ. А вдали, уже за деревней, опять гремѣли бубенчики и колокольчикъ на дышлѣ бойкой четверки, уносившей въ бѣлыхъ фуражкахъ нашихъ дорожныхъ знакомцевъ, братьевъ Турбачевыхъ. Уѣхали и дама, и студентъ, и профессоръ, и отставной вице-губернаторъ въ парикѣ, присыпанномъ сахаромъ. Послѣдній, говорятъ, подъ шумокъ, за ужиномъ, рѣшительно напился пьянъ, и его замертво уложили въ чью-то чужую телѣгу. Сюда онъ пришелъ за семь верстъ пѣшкомъ, во фракѣ и въ шляпѣ, безъ шинели.

Уѣхали и пенсильванцы, и каролинцы...

Остались дома одни хозяева, да мы съ Говорковымъ, нуждавшіеся въ отдыхѣ и кормѣ лошадей. Ночь прекратила всѣ гражданскія смуты. Оба лагеря погрузились въ тишину на всемъ протяженіи губерніи... до новой схватки поутру.

Романъ Романычъ, нашъ былой короткій пріятель, простился съ нами сухо. Добрая жена его тоже глядѣла на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ, провожая насъ на покой.

Намъ отвели комнату во флигелѣ. Говорковъ, по обычаю, пріобрѣтенному имъ еще въ какой-то ротѣ въ Сибири, прочитавши громко и съ поклонами при мнѣ всѣ молитвы, легъ и заснулъ какъ убитый. Мнѣ не спалось. Промаявшись на постели, я всталъ и посмотрѣлъ на часы, наведя ихъ на мѣсяцъ: было два часа ночи. Я вышелъ на крыльцо, вырубилъ огня и закурилъ сигару.

Дворъ, домъ и садъ спали въ тишинѣ.

Посидѣвши нѣсколько времени, я уже хотѣлъ идти во флигель на кровать, какъ изъ-за угла кухни, отъ села, раздались мѣрные шаги и какое-то мурлыканье грубымъ голосомъ, точно кто едва двигался и бормоталъ или нѣлъ самъ съ собою. „Конкуррѣнтусъ, винѣнтусъ, бабѣнтусъ“... отдавалось въ тишинѣ. Я вышелъ за кухню. На полномъ сіяніи мѣсяца двигался ко двору по полянѣ, съ палкой и въ какомъ-то бѣломъ балахонѣ, не то въ халатѣ, не то въ длинномъ сюртукѣ, видъ человѣка—старика и, очевидно, слѣпаго. Точно, это былъ слѣ-

пой старикъ. Ощупывая палкой знакомую дорогу и напѣвая про себя непонятное: „Конкуррѐнтусъ, винѐнтусъ, бабѐнтусъ“ —онъ поровнялся со мной, остановился и вдругъ скинулъ шапку.

— Здравія желаю!—сказалъ онъ, шамкая губами и въ носъ.

Это меня сперва удивило. Но потомъ я понялъ, въ чемъ дѣло. Запахъ сигары далъ ему средство угадать мое присутствіе.

— Кто ты такой?—спросилъ я старика.

— Крѣпостной его благородія Романа Романыча!.. крѣпостной и усердный холопъ, Елизаръ Приходько! отставной музыкантъ, капельмейстеръ, сочинитель нотъ и пѣвчій, отъ малыхъ лѣтъ имѣлъ необычайный голосъ!.. А вы кто?

Я назвалъ себя и объяснилъ свое депутатство.

Онъ гордо выпрямился, отставилъ ногу и, помахивая шапкой, съ презрѣніемъ отвернулся.

— Это все пустяки, дрянь, ваша милость!

— Какъ пустяки, отчего?

И я сталъ объяснять ему, что вотъ „пришла пора“ и что теперь господа и правительство даютъ и вскорѣ объявятъ крестьянамъ свободу.

— Это все пустяки,—повторилъ онъ:—сами не знаютъ, что дѣлаютъ. Я съ малыхъ лѣтъ пѣвчимъ былъ у отца моего настоящаго пана; дискантище у меня бѣдовый былъ! А теперь вотъ сегодня я пьянъ; ну, пьянъ и пьянъ, даже въ канавѣ проспалъ цѣлый день... Ну, панъ-то мой, значитъ, Романъ Романычъ найдобрѣющій, только глянулъ на меня, да и полно; а прежде дали бы дерку, посватали бы съ березой липовой на пять недѣль...

Я не оспаривалъ отставнаго музыканта, сказавши только, что пожалуй ему-то вольность и не нужна, да молодые-то за нее поблагодарятъ. Онъ усмѣхнулся и помолчалъ. Выраженіе безбородаго, блѣднаго и морщиноватаго лица его изъ насмѣшливаго перешло въ грустно-задумчивое, ноющее.

— Скучно на свѣтѣ жить! — добавилъ онъ:—скучно, а выпьешь, и веселѣе станетъ... Эхъ, панычъ вы мой, паныченко!—сказалъ онъ, качая сѣдой, плотно остриженной головой:—гдѣ она, вольность-то, у насъ на свѣтѣ? Птицы ее, что ли, имѣютъ? или муха крылатая, или звѣрь полевой? Не-мà ея, не-мà, и бѣсъ ее знаетъ, гдѣ она! Не-мà! И пусть на нее молодые не таращатся. Не-мà, паныченко, и не пищите!

Онъ надѣлъ картузъ, какъ-то всхлипывая вздохнулъ, хлопнулъ по картузу ладонью и пошелъ далѣе, черезъ дворъ, къ какой-то конурѣ, коверкая опять на латинскій ладъ безсмысленныя слова. Я ему крикнулъ вслѣдъ: „Елизаръ, погоди, я объясню тебѣ кое-что... ты не понимаешь!“ Но старикъ не воротился. Старый слуга вѣрилъ старому

времени... На дворѣ свѣжѣло... „Стожаръ“ или „волосожаръ“—по мѣстному названію—голубоватая кучка звѣздъ по сѣверной сторонѣ неба отливалась розово-золотистымъ огонькомъ и спускалась къ землѣ. Это опущеніе здѣсь считается за близость утра. Большая медвѣдица, по здѣшнему—возъ, также склоняла уже къ землѣ и свое дышло, и свои оси, и бока своей воздушной колесницы...

Со стороны вольной слободы, гдѣ стояли, по словамъ стараго музыканта, солдаты, послышался въ тишинѣ медленный крикъ. Замолчалъ онъ и отдался опять. Я сталъ вслушиваться. Кто-то изъ гущины вербъ, ограждавшихъ огороды—должно быть солдатъ — кричалъ навеселѣ и должно быть товарищу на всѣ лады: „Ивàновъ! Иванòвъ! А чи не хочешь ты Гàнки [1])?“ И этотъ окликъ повторялся нѣсколько разъ, разносясь по тихимъ полянамъ и по рѣкѣ, уже подернутой туманомъ близкаго разсвѣта.

1860 г.

[1]) Гàнка—сокращенное имя Агафьи.

БЫЛОЕ И НОВОЕ.

Тетушка моя, Анисья Еремѣевна Магденко, говорила какъ-то, что прежде, бывало, выѣдетъ землемѣръ и говоритъ:

— Хотите, матушка, я вамъ землицы отрѣжу чужой, а вы мнѣ заплатите?

— Съ радостью, батюшка, отрѣжьте!

— Сколько же вамъ нужно?

— Да десятинокъ двѣсти, у сосѣда Бакланова хорошо бы прихватить! Пустыни отличныя, какъ разъ вонъ за рѣкой, съ моими смежны; конопля и просо отлично родятся!

— А какъ благодарность будетъ?! Я меньше ста рублей не возьму. Нужно въ губерніи заплатить, чтобъ бумагу и указъ мнѣ написали рѣзать!

— Съ удовольствіемъ, батюшка, съ удовольствіемъ!

Вотъ и скажетъ землемѣръ въ чертежной, что такая-то помѣщица проситъ выслать межевщика, отрѣзать у сосѣда купленную землю. Ну, присутствіе и высылаетъ съ бумагою, за должною скрѣпою. Выѣзжаетъ господинъ. Сосѣда, какъ нарочно, дома нѣтъ. Показываетъ бумагу, гдѣ предписывается произвести должное отмежеваніе. Староста сосѣдскій ничего не понимаетъ. Выводятъ съ обѣихъ сторонъ понятыхъ. Ставятъ вѣхи, астролябію, ведутъ черту по самой цѣлинѣ, по чертѣ проводятъ плугомъ приличную борозду, роятъ ямы и ставятъ столбы. Землемѣръ даже ловкія мѣры принимаетъ, чтобъ и потомство не забыло о его межахъ, а у самыхъ ямъ сводитъ толпу деревенскихъ ребятишекъ и сѣчетъ ихъ, чтобъ когда даже „прежніе парнишки станутъ бородаты“—и тогда бы памятно имъ было, что тамъ-то шли они съ образами, а тамъ-то еще имъ задали припарку. Кончаетъ дѣло землемѣръ, какъ слѣдуетъ, и говоритъ барынѣ: „Ну-съ, земля ваша! Теперь благодарность!“ И увозитъ, кромѣ ста рублей, полотна еще, мотковъ, грибковъ, варенья, наливки и всякой рухляди. Лнкуетъ барыня. Разумѣется, сосѣдъ возвращается, видитъ какъ разъ на сѣнокосной степи свѣжія борозды и межевые столбы.

— Это что такое?

Староста говоритъ:

— Наѣхалъ землемѣръ и отрѣзалъ такой-то Анисьѣ Еремѣевнѣ!

— Быть не можетъ! По какому праву?

Летитъ въ судъ. Судъ, разумѣется, предписываетъ барынѣ отдать неправедно отнятую землю; столбы выбрасываются, межи и ямы сравниваются. Все забывается. Землемѣръ ликуетъ. Барынѣ не тягаться же съ нимъ. Да и уликъ на лицо нѣтъ. Межевщики-де не отвѣчаютъ за землевладѣльцевъ и рѣжутъ, что попросятъ ихъ размежевать. И остается только въ памяти ребятишекъ, что тогда-то, дѣйствительно, ихъ высѣкли. Былъ одинъ такой землемѣръ, еще маленькій да худенькій, невзрачный, а поди—какая птица, что изъ одного уѣзда такимъ образомъ вывезъ четыре тысячи на ассигнаціи. Все у сосѣдей сосѣдямъ отрѣзывалъ поля, а дворяне были на ярмаркѣ,—безъ себя и поручали благодѣтелю расправляться. Да еще какой это былъ проноза! Нужно, бывало, отклонить въ рощѣ или столѣтнемъ бору линію отъ астролябіи въ сторону: онъ взберется на дерево, зацѣпится за вѣтку вверхъ ногами, повиснетъ и начнетъ кричать не своимъ голосомъ. Ну, мужичье, понятые и разбѣгутся отъ страху. А ему этого и нужно. Сдѣлаетъ свое дѣло, да ихъ же еще и срамитъ.

— У меня, говоритъ, животъ заболѣлъ. Я такъ всегда лѣчусь! А вы чего разбѣжались?..

Теперь, конечно, люди стали умнѣе. А жить нужно. Ну, и берутъ другими путями. И всякъ это знаетъ. Думали у насъ сначала, что кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ брать. А оказалось иначе.

— Я, говоритъ, девятымъ классомъ выпущенъ. Мнѣ нужно и выпить, и поѣсть, и перчатки тоже нужны. А жалованья сколько?

Всѣ мы, оказывается, немного капитаны копейкины! Какъ-то одинъ разъ въ нашей губерніи студентъ изъ старыхъ московскихъ студентовъ, уже дряхлый и разорившійся баринъ, пріѣхалъ по дѣлу о продажѣ имѣнія, узналъ, что надсмотрщикъ изъ университетскихъ и посовѣстился дать ему благодарность. Смотритъ, а дѣло не подвигается. Что за навожденіе! Спросилъ.

— Те-те-те!—сказалъ ему помощникъ изъ канцелярскихъ дѣтей: —да вы дайте ему фіолетовую, и дѣло съ концомъ!

Сгорѣлъ старикъ со стыда, вспомнивши Мерзлякова, Карамзина и весь классическій идеальный міръ прежняго храма науки; а дѣлать нечего: вынулъ изъ старенькаго платочка единственную фіолетовую и подалъ надсмотрщику между листами дополнительныхъ справокъ. Въ тотъ же день дѣло было подписано. Не вытерпѣлъ старикъ и, блѣд-

ный, едва сдерживая дыханіе, свертывая дрожащими руками дѣло, на дому у надсмотрщика, сказалъ ему:

— Многонько изволили взять!

Тотъ вспыхнулъ и вскочилъ:

— Милостивый государь, извольте идти вонъ! Вы забываетесь, милостивый государь! вонъ!

Едва выскочилъ на крыльцо потерянный старикашка.

— Ишь ты,—разсуждалъ онъ:—прежде, бывало, дашь подъячему, да съ нимъ же еще и выпьешь. А тутъ!..

И онъ махнулъ рукой. Да и винить ли вполнѣ чиновника? Мѣсто изстари доходное, такъ уже принято, и держится на откупу. Долго до него надо дослужиться. А въ губерніяхъ при томъ же все такъ непомѣрно вздорожало: четверть ржи прежде стоила два съ полтиной ассигнаціями, а теперь шесть съ полтиной серебромъ, индѣйка—цѣлковый, фракъ—сорокъ пять рублей серебромъ. Тяжелое время!

Кто же не беретъ? Люди-призраки, люди-идеалисты, люди-либералы, которыхъ еще вчера называли безпокойными, и наконецъ особенно склеенныя природы. Вѣдь бываютъ же такіе антики, плезіозаурусы и мамонты нашей общественной фауны...

Нынче „новымъ вѣетъ“ у насъ...

Былъ я какъ-то на сельской богатой ярмаркѣ, и показали тамъ мнѣ помѣщика, по прозвищу—Криничка. Тутъ кроется острота. Видите ли, какъ вода въ криничкѣ (степномъ ключѣ) чиста, такъ-де и поведеніе этого господина было чисто и непорочно. У него даже составился особаго рода „норовъ чести“, какъ бываетъ у русскихъ людей „норовъ правды-матки“, „норовъ усердія“, „норовъ чистоплотности“ и „норовъ кутежа“. Онъ не иначе при этомъ ужъ, разумѣется, ходилъ, какъ въ какомъ-то засаленномъ сюртучишкѣ, шалоновыхъ брючкахъ, всунутыхъ въ сапоги, въ нанковомъ жилетѣ, грязныхъ рубашкахъ изъ домашняго холста, нечесаный, съ изъерошенной головой, ѣлъ гадко, пилъ простую очищенную, а имѣлъ три тысячи десятинъ земли и вездѣ и каждому совалъ подъ носъ любимую поговорку: „Паалюби, бра-атецъ, насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ насъ вся-акой полюбитъ!“ Проводилъ онъ время, разматывая съ утра до ночи мотки пряжи и вывязывая тенета и перепелиныя сѣти. Носилъ, па тоненькихъ ножкахъ, отвислое брюшко и нюхалъ табакъ изъ лубковой тавлинки. Дѣйствительно, по общему говору онъ не бралъ на службѣ взятокъ, служа по выборамъ, и въ разсчетахъ былъ честенъ. Съ любопытствомъ я приглядывался къ нему па ярмаркѣ, гдѣ онъ ходилъ, какъ падишахъ, и всѣ ему шапки снимали. Да что же изъ этого? Черезъ полгода, когда я уже съ нимъ познакомился, послалъ этотъ Кри-

ничка шерсть со своихъ овецъ на ярмарку, не въ свой, а въ сосѣдній городъ, продавать, заслышавъ, что тамъ лучшая будетъ цѣна. И что же вы думаете, для чего онъ при шерсти послалъ не писаря своего, всегда продававшаго шерсть, а старосту? Онъ хотѣлъ наградить старосту.

— Шерсть-де продастся, положимъ, по пятнадцати цѣлковыхъ за пудъ, а онъ покажетъ, положимъ, по четырнадцати рублей по восьмидесяти пяти копѣекъ серебромъ. Ну, сто цѣлковыхъ въ карманѣ и будетъ безгрѣшныхъ барышей! Выторговалъ! Нельзя-же, надо и ему дать почувствовать сладость и утѣхи тепленькаго, доходнаго мѣстечка! Пусть-де поправится, оперится!

Вотъ и честный, не берущій взятокъ человѣкъ. Самъ не беретъ, да допускаетъ возможность арендаторства тамъ, гдѣ одна тѣнь неправды уже бросаетъ порчу въ самый корень званія и мѣста, хотя бы это мѣсто было не болѣе, какъ санъ сельскаго старосты. Разскажу вамъ о хивинцѣ Эскеръ-Агѣ, или иначе о русскомъ поручикѣ Эскеровѣ, пріемномъ сынѣ помѣщика Чебардина. Сидѣлъ я однажды у пріятеля моего, землемѣра губернскаго, Щуковича, въ то время, какъ онъ еще не затѣвалъ печальнаго дѣла съ парикмахеромъ Исидоромъ, но уже, подъ обузою губернскихъ пріятностей, говаривалъ: — Боже, Господи! Когда-то я буду имѣть возможность купить десятины двѣ лѣсу, въ лѣсу выстроить домикъ, и обнести его частоколомъ, саженъ на сто во всѣ стороны, чтобъ погрузиться, въ тишинѣ, въ созерцанье собственнаго достоинства, а калитку запереть ото всѣхъ на замокъ и на цѣпь! Кто придетъ, даже въ двери не стукнетъ, не заглянетъ въ окно, а прежде повозится у калитки. Вотъ, провести бы этакъ годика два жизни, не видя и не слыша никого. Много бы хорошихъ вещей надумалось... Не даромъ присяжныхъ въ Англіи запираютъ въ отдѣльную комнату и морятъ голодомъ, пока тѣ не рѣшатъ, въ присѣстъ, извѣстнаго дѣла единогласно. А тутъ отписывайся! Ничего и нейдетъ въ голову!

Зашла какъ-то рѣчь о честности.

— Видѣли вы,—спросилъ онъ,—вчера господина Эскерова у меня?

— Нѣтъ.

— Жалко-же! Вотъ субъектъ, мимо могилы котораго я никогда не пройду съ покрытою головою. Сущій гость эдема!

— А что?

— Да не любятъ его у насъ развѣ однѣ барыни: обидятся, что всегда безъ перчатокъ ходитъ и не танцуетъ польки. Вонъ, вчера, мадамъ окружная при мужѣ, нарочно въ-пику ревнивому супругу, объявила при всѣхъ съ утонченною развязностью: — „Я, Свищевъ и козелъ всегда вмѣстѣ!“ А Свищевъ ея любовникъ. Вотъ и поди ты съ на-

шею развязностью. И мужъ стерпѣлъ; только улыбнулся и поцѣловалъ еще ей ручку. Эдакая, разумѣется, Эскерова не полюбитъ!—Однако, вотъ въ чемъ дѣло: покойный свитскій полковникъ Чебардинъ, пріемный отецъ Эскерова, дѣлалъ одинъ разъ съемку береговъ Каспійскаго моря и высадился съ небольшимъ конвоемъ на песчаную косу Хивинскаго залива. Пока онъ курилъ отличную гаванскую сигару и дѣлалъ свои наблюденія, три всадника, должно быть странники, показались на ближнемъ пригоркѣ. Они, повидимому, ѣхали мимо. Конвой офицера былъ въ шлюпкѣ, куда и онъ уже готовился воротиться, но еще уклонился въ сторону. Вдругъ всадники гикнули, кинулись на него, схватили его на сѣдло и умчали. Наши солдаты выпалили по нимъ изъ винтовокъ и пистолетовъ, но понапрасну. Хивинцы скоро умчали Чебардина изъ виду. Дорогою онъ быстро понялъ свое отчаянное положеніе, но сохранилъ присутствіе духа. Какъ это онъ оплошалъ, было ему самому непостижимо! Три хищныя рожи торчали передъ нимъ, только махая на востокъ: „туда, дескать, тебя запропастимъ“. Вскорѣ на дорогѣ за холмомъ, въ оврагѣ, къ нимъ пристали еще двое, старикъ и мальчикъ, очевидно наблюдавшіе за ними издали. Лицо мальчика болѣзненно дрогнуло при видѣ скрученныхъ толстымъ ремнемъ бѣлыхъ рукъ и ногъ всадника, помѣщеннаго какъ-то въ стоячемъ положеніи между двухъ сѣделъ. Цѣлый день, пока хищники ѣхали по степи, глаза мальчика съ жалостью обращались то на русскаго, то на его похитителей. Это незримое участіе возросло до невѣроятной степени, и четырнадцатилѣтній хивинецъ сталъ видѣть въ Чебардинѣ чуть не полубога, когда на первомъ же ночлегѣ офицеру освободили руки и онъ, вынувъ изъ кармана карандашъ, на доскѣ поданной деревянной миски набросалъ удивительно схожій портретъ дикаренка. Тутъ же они кое-какъ объяснились (Чебардинъ говорилъ немного по-персидски) и назвались братьями. Въ ближнемъ городкѣ слухъ о знатномъ плѣнникѣ уже разнесся далеко. Густые полковничьи эполеты, самый видъ статнаго и полнаго Чебардина и его кабалистическія занятія на берегу съ магнитной стрѣлкой и зрительной трубой заставили принять его чуть не за намѣстника Кавказа. Городскія власти тотчасъ взяли его на свое попеченіе, думая особенно имъ угодить хивинскому хану, снарядили караванъ изъ верблюдовъ, пѣшихъ и всадниковъ и отправили его далѣе. Сочувствіе маленькаго Эскера не ускользнуло отъ первыхъ хищниковъ, ставшихъ во главѣ торжественнаго отряда и они сказали объ этомъ городскимъ властямъ. Безъ дальнихъ околичностей, власти закатили мальчику, несмотря на его княжескій титулъ, сто палокъ по пятамъ и запретили ему шествовать при отрядѣ. О! тогда месть закипѣла въ груди его. Схвативши

миску съ нарисованнымъ на ней собственнымъ своимъ портретомъ, онъ сѣлъ на коня и въ двое сутокъ слеталъ въ свой родимый околотокъ, гдѣ онъ съ другими братьями былъ въ числѣ владѣтельныхъ князьковъ. Прискакалъ, сталъ бить себя въ грудь, рвать на себѣ волосы и съ пѣною у рта клясться и божиться, что надо отнять у такихъ-то такого-то плѣнника, что этотъ плѣнникъ стоитъ большаго выкупа, что царь русскій не пожалѣетъ за него ничего, что онъ такъ-то и вотъ такъ-то рисуетъ. Миска пошла по рукамъ. Дикари забормотали гортанныя рѣчи, кинжалы сверкнули, и пятнадцать улусовъ возмутились и поднялись на ноги. Мигомъ составлена вооруженная погоня, караванъ догнанъ и разбитъ. Братья, и родичи мстили еще за оскорбленіе родной крови, за наказаніе Эскера. Чебардинъ перешелъ въ полчаса изъ рукъ въ руки — и хивинцы пошли во-свояси, ведя вмѣстѣ отнятыхъ верблюдовъ. Тутъ, выждавши на пути случай и время, Эскеръ-Ага ночью пришелъ къ Чебардину и, подавая ему кинжалъ, сказалъ по-персидски:

— Братъ! возьми этотъ кинжалъ и заколи меня! Я не могу вести тебя въ неволю и торговать твоею свободой, а безъ тебя братья меня зарѣжутъ, какъ барана! Лучше ты меня убей и бѣги...

Чебардинъ сталъ его уговаривать.

— Полно, полно, Эскеръ! убѣжимъ вмѣстѣ! Я тебѣ дамъ въ Россіи денегъ, и ты будешь жить со мною.

— Денегъ? нѣтъ! Эскеръ-Ага такой же князь, какъ и ты, и у него всего вдоволь, земли, скота, овецъ и садовъ! Денегъ я не возьму и не поѣду съ тобою: ты меня сдѣлаешь своимъ рабомъ!..

Чебардину не мало стоило труда переубѣдить Эскера. Онъ поклялся, что никогда не обидитъ его предложеніемъ денегъ, будетъ считать его равнымъ себѣ и самому царю о немъ скажетъ. Эскеръ-Ага согласился, выбралъ у братьевъ лучшихъ двухъ коней, скинулъ съ себя нарядный чекмень и все лучшее, изрѣзалъ это кинжаломъ, чтобъ не показать, что беретъ что-нибудь лишнее, остался въ простомъ исподнемъ кафтанѣ и бѣжалъ съ Чебардинымъ. Послѣ мучительной дороги, на второй день они, верхомъ и пѣшкомъ, достигли наконецъ нашего передоваго поста. Чебардинъ, освобожденный такъ романически изъ плѣна, дѣйствительно сдержалъ слово, Эскеръ-Ага получилъ имя Эскерова и русское дворянство... Грудь его украсилась серебряной медалью *за спасеніе*... Чебардина, который его усыновилъ, Эскеровъ такъ любилъ, что однажды, когда тотъ отлучился по службѣ въ дальнюю командировку, а Эскера оставилъ дома полнымъ хозяиномъ, онъ чуть не уморилъ себя голодомъ. Послѣ шести или семи лѣтъ упорной школы, новый пересаженный цвѣтокъ, наконецъ,

немного освоился съ мѣстностью, принялъ лоскъ русской жизни, былъ записанъ въ полкъ, говорилъ уже по-русски, хотя во всемъ еще сохранилъ черты степнаго дикаря, и былъ произведенъ въ поручики. Одна бѣда: Чебардинъ вскорѣ умеръ, но, оставя названному сыну дворянство, не догадался оставить ему ни копѣйки наслѣдства, хотя самъ былъ значительно богатъ... Говорятъ, просто забылъ составить духовную!! А настоящіе наслѣдники, разумѣется, обошли хивинца, пользуясь буквальнымъ смысломъ закона о родовомъ имѣніи. Но и тутъ простодушный, честный хивинецъ не свихнулся и ни однимъ словомъ не намекнулъ, что скорбитъ и жалѣетъ объ оставленной въ Хивѣ роднѣ, княжескихъ почестяхъ, стадахъ, земляхъ, садахъ и родныхъ, проклявшихъ его за измѣну во имя дружбы.

— Мой атецъ, Чебàрдынъ, лубилъ меня. Мой ошень лубилъ ево! Э! фай! О другихъ я не думайтъ!—говорилъ онъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сообщенной мнѣ біографіи Эскерова, я опять заѣхалъ къ первому.

— Да!—сказалъ онъ послѣ перваго привѣтствія:—помните мой разсказъ о хивинцѣ?

— Помню. Что же?

— А вотъ что, вообразите. На-дняхъ онъ отчисленъ былъ изъ полка въ сосѣдній городъ для пріемки рекрутъ. Ну, а вы знаете, что такое пріемка рекрутъ?.. Сидитъ онъ за столомъ у станка, крутитъ усы, держится за шашку, да топорщитъ бѣлки на сдатчиковъ и на рекрутъ. Воетъ баба и ругается.

— Лобъ!—кричитъ главный пріемщикъ.

— Какъ лобъ? Какъ лобъ?—кричитъ баба:—онъ однимъ окомъ плохо видитъ!

Происходитъ замѣшательство. Баба воетъ. Медикъ показываетъ, что ничего не замѣчаетъ и что-то пишетъ у двери.

— Коли такъ, — кричитъ баба, рванувшись къ присутственному столу:—такъ пусть же лѣкарь отдастъ мнѣ назадъ пять золотыхъ; онъ взялъ у меня, видитъ Богъ, взялъ!

Кровь застучала въ вискахъ Эскерова; губы его сперва побѣлѣли, потомъ посинѣли. Онъ всталъ...

— Какъ лѣкарь взялъ? — спросилъ онъ, шатаясь и неровно идя по комнатѣ.

Лѣкарь, худенькій, золотушный человѣчекъ, въ зеленомъ вицъ-мундирчикѣ и въ очкахъ, застегнутый на всѣ пуговицы и скромно заложа руку за лацканъ, стоялъ между тѣмъ у двери.

— Ты кто? — спросилъ Эскеровъ у бабы: — мужъ есть, али ты вдова?

— Вдова, батюшка, вдова: пятеро дѣтей и все дочки, а это одинъ мой сынокъ!

Эскеровъ глянулъ изподлобья по комнатѣ и, казалось, уже не видя ничего, подошелъ къ лѣкарю.

— Вынимай деньги сейчасъ при всѣхъ! Слышишь ли? — сказалъ онъ ему громко, стискивая рукоятку шашки и бѣшено вращая налитыми кровью зрачками.

— Какъ-съ? что-съ? — забормоталъ лѣкарь, щурясь и ерзая у двери.

— Отдавай!—крикнулъ Эскеровъ, уже съ такимъ зловѣщимъ выраженіемъ лица, что лѣкарь вытянулъ только къ нему побагровѣвшій носикъ и замолчалъ: прильне языкъ къ гортани. Червонцы сама собою какъ-то при этомъ достала изъ праваго кармана сѣрыхъ брючекъ правая же рука и протянула ихъ къ Эскерову.

— На твои де́нга! — сказалъ Эскеровъ вдовѣ и въ то же мгновеніе, шагнувши мимо присутственнаго стола, рванулъ доктора съ полу и вышвырнулъ его за окно... Одни золотыя очки зазвенѣли по полу...

— Благо, что оно не было высоко!—замѣчали, толкуя про этотъ казусъ, мѣстные чиновники. Лѣкарь отдѣлался небольшимъ ушибомъ, а пріемка рекрутъ пошла болѣе честнымъ путемъ.

Разсказъ объ этомъ былъ сообщенъ Щуковичемъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ гостей, гдѣ были и дамы.

— Да! герой для повѣсти! Ужъ мосье Щуковичъ всегда такую любопытную исторійку сообщитъ! — говорили дамы.

— Нѣтъ, это понятно... понятна цѣль разсказа!—возразилъ, горячась съ каждымъ словомъ, сухой и ѣдкій чиновникъ изъ уголовной палаты:—только предметъ не достигнутъ! Что же вы хотите, милостивый государь, сказать? Что если кто не беретъ у насъ взятокъ, такъ только выходцы, люди, подобные Эскерову, дикари, первобытныя натуры, бросающія родину, домашній почетъ и братьевъ за слово другъ? Сущій вздоръ, милостивый государь, сущій вздоръ! Наше время ушло впередъ, ушло-съ! Да! и вы умалчиваете, умалчиваете! Есть уже люди съ образованіемъ, совѣстью, вкусомъ и сознаніемъ долга! Вонъ нашъ Трембицкій писалъ, и другіе тоже писали! Да... есть люди, не берущіе взятокъ, есть; а это—либерализмъ, пустословіе. Разскажу вамъ о Карпѣ Семенычѣ Мокроболотовѣ...

Но, увы! Краснорѣчивый защитникъ Карпа Семеныча Мокроболотова началъ службу съ рублемъ, а теперь—не угодно ли справиться? Имѣетъ на имя жены два дома и строитъ свѣчную фабрику на краю города...

Пройдетъ еще пять лѣтъ, онъ будетъ покровителемъ и сподвижникомъ дѣла цивилизаціи. И прошу покорно тогда заговорить ему о взяткахъ! Одна изъ роскошнѣйшихъ розъ нашего околотка, онъ назоветъ скромную быль о хивинцѣ Эскеровѣ журнальною дребеденью и скажетъ:

— Молодежь, молодежь! шумитъ, пока перебѣсится. Эхъ, вы, умники, умники! Россію вы мало знаете! А узнаете, не будете такъ горячо довѣрять всякимъ вздорнымъ писакамъ... Словомъ, знакомыя мысли...

1860 г.

ВЕЧЕРЪ ВЪ ЧЕРЕШНЯХЪ.

Былъ у меня въ сосѣднемъ казенномъ мѣстечкѣ, Черешняхъ, пріятель-докторъ. Служа при военномъ госпиталѣ, онъ составлялъ рѣдкое исключеніе. Ну, велико ли казенное жалованье военнаго медика? А посмотрите, между тѣмъ, чего у него не было! Послѣдняя копѣйка шла на пріобрѣтеніе книгъ, газетъ и журналовъ. Рижскому извѣстному садовнику и поставщику припасовъ на всю Россію, Вагнеру, стоило только назвать имя Карталинскаго, онъ приходилъ въ восторгъ: „А! герръ Карталинскій, герръ Карталинскій! О! это—великій знатокъ и покровитель флоры: онъ ее понимаетъ и живетъ ею!“ Стоитъ ли прибавлять, что герръ Вагнеръ зналъ герра Карталинскаго по перепискѣ, за полторы тысячи верстъ, и что садъ великаго покровителя герра Карталинскаго былъ величиною всего въ пять квадратныхъ саженъ. И когда подумаешь, что другіе сосѣди, окрестные помѣщики, владѣльцы имѣній въ тысячу и въ пять тысячъ десятинъ земли, имѣютъ сады, гдѣ прозябаютъ искони одни яблоки, да дико растущая туземная вишня, то невольно беретъ злость. Иной разъ пріѣдешь къ такому господину,—на дворѣ жарко, въ комнатахъ безъ занавѣсокъ душно, и спѣшишь въ садъ.

— Куда вы?

— Въ садъ! Хочется посмотрѣть на ваши дорожки и бесѣдки. Вашъ садъ, говорятъ, столѣтній, и еще адъютантъ Потемкина, ухаживая за вашею прабабкою, насадилъ каштаны.

— Э! помилуйте,—отвѣчаетъ безъ запинки хозяинъ: — стоитъ ли ходить по бурьянамъ? Каштанъ этотъ можетъ быть и есть, да я не видѣлъ его; а дорожки у насъ не чистятся уже седьмой годъ. Перестали плодить бергамоты, мы его и запустили!

А у Карталинскаго—чудеса, сущія чудеса. Пришелъ онъ чуть не пѣшкомъ въ мѣстный университетъ, кончилъ курсъ, живя уроками, женился, кажется, на другой же день послѣ выпускныхъ экзаменовъ, на сестрѣ губернскаго учителя, такого же бѣдняка, какъ и онъ, и былъ

причисленъ къ военному госпиталю. Квартирка его въ Черешняхъ, бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ квартировалъ уланскій полкъ, состояла изъ трехъ комнатъ. При квартирѣ былъ дворикъ, величиною съ любой залъ иного помѣщичьяго дома. У этого-то дворика онъ и отрѣзалъ часть земли подъ садъ. Удобрилъ землю, насадилъ деревьевъ, и пошли дива дивныя. Въ одномъ углу сада, съ необычайною быстротою давшаго уже густую тѣнь отъ бѣлыхъ акацій, дикаго жасмина и душистыхъ тополей, явилась тепличка, въ три аршина длины и вышины, куда невозможно было даже и войти, но гдѣ разводились на зиму и выставлялись къ веснѣ на воздухъ оранжерейныя растенія. Въ другомъ углу возникъ парничокъ, и къ Пасхѣ за столомъ доктора стала являться зелень, рѣдисы, щавель, салатъ и скороспѣлые огурцы. У самыхъ оконъ дома, выходившаго въ садъ, раскинулся диковинный цвѣтникъ такихъ цвѣтовъ, о которыхъ въ околоткѣ и не подозрѣвали. Среди клумбъ воспеслась бесѣдка съ хитро размалеванными карнизами и стѣнами. Хмѣлевая бесѣдка, съ ванною внутри, приткнулась уже у самаго плетня въ переулокъ. Наконецъ, вдоль бѣлой, солнечной стороны домика, имѣвшей, даже въ осенніе дни, градусовъ до пятнадцати тепла, явились виноградныя лозы, и на второе же лѣто собственные ребятишки Карталинскаго, въ концѣ сентября, нарвали корзинку, фунтовъ въ двадцать, своего винограду, да какого еще: первѣйшихъ южныхъ сортовъ, нарочно выписанныхъ изъ Крыма и Кавказа! А собственная душа Карталинскаго, любовь къ чести и къ правдѣ, вопреки житейской логикѣ? Э! лучше объ этомъ и не упоминайте... Люблю я эту слободку Черешни... Сидѣлъ я на-дняхъ въ садикѣ у Карталинскаго. Зелень едва проглянула, но на солнцѣ было уже тепло. Онъ курилъ сигару изъ своего доморощеннаго мерилендскаго табаку, который тоже воздѣлывалъ, и былъ въ торжественномъ настроеніи духа. Жена его, Вѣра Осиповна, еще въ ваточной мантиліи, сидя на скамеечкѣ съ косымъ изголовьемъ, читала вслухъ какую-то повѣсть изъ новыхъ журналовъ. Изрѣдка чтеніе прерывалось общими замѣчаніями. Чего, казалось, еще не доставало для счастія бѣдныхъ людей нашего десятка? Весна, первые теплые дни, умная книга, милое общество доброй молодой женщины. Соловьи только-что прилетѣли. Кругомъ разносилось дыханье первыхъ липкихъ почекъ тополей, одаренныхъ необыкновенною пахучестью. Кусты крыжовника убирались зелеными куколками. Береза изъ-за плетня опускала ожерелье своихъ гладенькихъ цвѣточныхъ сверточковъ. За ближними вербами, по ту сторону сосѣднихъ огородовъ, раздавалось веселое побрякиванье цымбалъ и трѣньканье ходячей скрипки. Тамъ былъ спрятанъ подъ вѣтвями, у рѣки, шинокъ. А надъ нами трепетно сквозила и точно носилась вверху и плавала „лазури таящая нѣжность...“

— А вотъ, вы не знаете, о чемъ я думаю?—сказалъ Карталинскій.

— Не знаю, Михаилъ Петровичъ!

— Вотъ о чемъ. Только-что я сегодня сдѣлалъ обходъ въ госпиталѣ, побывалъ на перевязкѣ и у трудно больныхъ, какъ говорятъ мнѣ, что какой-то помѣщикъ пріѣхалъ прямо въ госпиталь; прихожу я къ нему. — „Что вамъ угодно?“ — „А вотъ, нельзя ли дать этому сыну моему свидѣтельство, заднимъ числомъ и годомъ, что ему привита оспа?“ Удивило уже меня это предложеніе о заднемъ числѣ, но я скрылъ удивленіе и только спросилъ, зачѣмъ такое свидѣтельство.— „А въ гимназію думаю его помѣстить. Только туда не принимаютъ безъ такого свидѣтельства. Напишите, я вамъ и денегъ дамъ!“ —Отпустилъ я фельдшеровъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Думаю: хоть усовѣстить его, а то еще и къ другому съ такими же предложеніями поѣдетъ. Разговорились мы. Что-жъ бы вы думали? нейметъ его! такъ и лѣзетъ: напишите да напишите! „Я,—говоритъ,—пять цѣлковыхъ дамъ!“—Изъ мелкопомѣстныхъ!—„Да вы,—говорю,—заразите все училище!“—„Э! въ томъ-то и штука, что нѣтъ; тамъ уже у всѣхъ привита; Ванѣ моему и не у кого будетъ заразиться!“ Насилу его спровадилъ.

Разговоръ перешелъ къ заботливости нѣкоторыхъ помѣщиковъ заводить у себя для лѣченія крестьянъ „домашнія аптеки“.

— Что же, это превосходно, мой другъ,—замѣтила жена:—дѣло цивилизаціи выиграетъ, хоть люди твоего ремесла и теряютъ...

— Цивилизація!.. Превосходно!.. Годъ назадъ зовутъ меня за Подпольную: гонцомъ прискакалъ какой-то юнкеръ, въ усахъ, съ косую сажень, тройку лошадей загналъ. Что такое? „Папенька,—говоритъ,—сестрицѣ хотѣли дать слабительнаго, да вмѣсто того съ просонковъ, послѣ обѣда, дали чего-то такого, что ее все рветъ да рветъ, и она кричитъ, точно подъ ножемъ!“ Полетѣлъ я. Оказывается, что заботливый батюшка далъ дочкѣ, вмѣсто англійской соли, ложечку свинцоваго сахару. Насилу отпоили и вылѣчили. И то до сихъ поръ рѣзями страдаетъ. А другой, вмѣсто кремортартара, собственному садовнику закатилъ мышьяку. Такъ и схоронили бѣдняка. Меня же еще и позвали, точно на похороны. И славный былъ садовникъ,—Ванъ-Гутта понималъ и заграницей былъ... А то, тоже завелась у нѣкоторыхъ страсть репутаціи фельдшеровъ составлять. Иной подумаетъ, что изъ зависти это говорю. Огрядишь въ деревню для первыхъ пособій фельдшера—кровь бросить, банки поставить, рану перевязать; смотришь—черезъ мѣсяцъ его уже и не узнаешь. А чѣмъ портятъ? „Иванъ Гаврилычъ, да Агѣй Филимонычъ!“ И становятся Ванька и Агѣшка въ число окружныхъ геніевъ. Воротнички отпускаютъ; на неоффиціальномъ, праздничномъ сюртучкѣ офицерскіе погончики тайкомъ

ставятъ. А помѣщикъ и уши развѣсилъ! Важничаетъ и ломается у него фельдшеръ. Ужъ и за однимъ столомъ обѣдаетъ. А отчего? Дешевле, видите ли, визиты стоятъ, чѣмъ пріѣзды настоящаго доктора. Ну, до поры до времени и сходитъ съ рукъ какъ-нибудь. Та же англійская соль, рвотное, пиперменты, сода, тинктура валеріана и другія подручныя снадобья играютъ пока безвредную роль. Но вдругъ помѣщикъ заболѣлъ не на шутку. Затянулась злая лихорадка, грозитъ горячка, завалы сдѣлались, острое воспаленіе. Что же вы думаете, доктора тогда позовутъ? Какъ бы не такъ! А Гавриловъ зачѣмъ, а Филимонычъ развѣ не геній-самородокъ? „Вѣдь, говорятъ, у Трындиной грудница послѣ родовъ сдѣлалась, лѣчили, лѣчили эти доктора (въ сущности, оказывается, что одного Яблочкина позвали, по знакомству, изъ городка, да и тотъ не поѣхалъ, зная скаредность звавшихъ), а онъ сдѣлалъ припарки, и все какъ рукой сняло“. Вотъ и посылаютъ за Филимонычемъ уже не телѣжку, а экипажъ, коляску четверикомъ. Филимонычъ заводится штатскимъ платьемъ. Отводятъ ему комнату, и живетъ онъ тамъ по недѣлямъ. Въ госпиталѣ до него мало дѣла, и жуируетъ онъ на сладкихъ хлѣбахъ, даже рецепты тайкомъ въ губернскую аптеку посылаетъ. Хвать, а помѣщикъ уже и на отходѣ... „Пошлемъ,—говорятъ домочадцы,—за Карталинскимъ!“ Ѣдетъ Карталинскій, ничего не зная. Филимонычъ при этомъ разоблачается и въ погончикахъ встрѣчаетъ начальника на вытяжку. „Чѣмъ ты лѣчилъ?“ —„Такъ и такъ-съ, одинѣ предварительныя-съ мѣры“. Разспрашиваются далѣе домашніе. „Какъ предварительныя? Ахъ, ты душегубъ, мерзавецъ, убійца! Вѣдь ты кровь бросилъ?“—„Бросилъ-съ...“—„Въ лихорадкѣ и старику кровь бросилъ?! Вонъ отсюда! мерзавецъ, вонъ“...— Но уже поздно, и экономный господинъ отправляется, благодаря Филимонычу, на тотъ свѣтъ... А прошу покорно увѣрить ихъ, что теперь докторъ безъ платы за визиты лѣченія жить не можетъ! Плату суютъ, краснѣя и заикаясь, точно взятку даютъ. Да о томъ еще и не подумаютъ, что коли тебѣ извѣстно, что я по полтора цѣлковыхъ въ часъ беру, такъ ты уже, суя деньги изъ-подъ полы или въ шляпу, всѣ давай, а то смотришь, трехъ цѣлковыхъ и не додалъ... Точно подарокъ или милостыню даетъ... Да чѣмъ же мы-то виноваты, что въ дѣтствѣ голодали, молодость убили за книгами и въ душныхъ клиникахъ, а теперь обладаемъ такимъ же собачьимъ аппетитомъ, какъ и вы всѣ?—Чѣмъ виноваты въ этомъ мы?.. Нѣтъ, далека еще та пора, когда умственная производительность будетъ у насъ цѣниться если не выше, то хоть наравнѣ съ вещественною. Сапожнику заплатитъ долгъ сполна, а учителя музыки надуетъ! Перчаточнику заранѣе шлетъ деньги, а книгъ не покупаетъ въ лавкахъ и по объявленіямъ, — у пріятелей зажиливаетъ! Будто эти господа писатели для того и живутъ,

чтобы голодать, да думать о безсмертіи въ потомствѣ! Нѣтъ, коли ты сытъ, веселъ и здоровъ, такъ дай же ѣсть и литератору, и музыканту, и доктору... Былъ недавно одинъ презабавный случай...“ Карталинскій не окончилъ. На дворѣ стало сыро, и мы вошли въ комнаты. Въ залѣ было шумно уже и горѣли свѣчи. Старшій сынъ хозяина, Александръ, гимназистъ пятаго класса, живя на пасхальныхъ праздникахъ, возился у стола надъ сосудомъ съ проволоками, гдѣ отливалась гальванопластикой какая-то красивая медаль. Полненькая, черноглазая дочка хозяина, Машенька, пансіонерка, вырѣзывала восковые цвѣты. Меньшой сынъ, Миша, возился съ собакой. Мы перебрались въ гостиную...

— „Былъ одинъ презабавный случай,—продолжалъ здѣсь снова Карталинскій:—и, кажется, всего лѣтъ пять-шесть назадъ. Одинъ богатѣйшій помѣщикъ на Подпольной, Проскуряковъ, началъ гдѣ-то въ газетахъ, что какой-то иностранецъ предлагаетъ выгодно устроить сахарный заводъ. А у него былъ какой-то доморощенный заводецъ съ отсталою системою производства, съ тяжелыми и устарѣлыми машинами. Вотъ онъ и выписалъ иностранца. Нельзя же. Является на Подпольную честнѣйшій бельгіецъ, Девинь, какъ теперь помню,—я даже видѣлъ его. Мнѣ показывали его на ярмаркѣ, уже прогорѣлаго. Начинается дѣло. Пишется контрактъ. Заводъ сдается на томъ условіи, что, положимъ, съ каждаго берковца сахару, въ пользу Девиня, какъ преобразователя завода, за его трудъ и хлопоты отчисляется десятый процентъ. Контрактъ подписанъ обѣими сторонами, и въ немъ положена еще неустойка, что-де „кто нарушитъ контрактъ, платитъ противной сторонѣ пени тысячу рублей серебромъ“. Законошился бельгіецъ, трудится день и ночь, ползаетъ по лѣстницамъ и печамъ, перемѣняетъ людей, перемѣняетъ машины, ведетъ корреспонденцію съ лучшими заграничными сахароварами и рафинадными заводчиками, на безденежьи помѣщика прилагаетъ въ кипучемъ дѣлѣ три тысячи цѣлковыхъ собственнаго кровнаго капитала, съ прибавкою женинныхъ денегъ, и кончаетъ тѣмъ, что дѣлаетъ чудеса: въ два съ половиною года заводъ, прежде не окупавшій работъ своихъ и матеріаловъ, усемеряетъ производство. Помѣщикъ въ первый годъ сталъ получать десять тысячъ серебромъ чистаго дохода, на второй—восемнадцать, на третій—двадцать-пять. Готовясь къ четвертому году, Девинь объявилъ, что надѣется этотъ доходъ въ грядущемъ году довести до тридцати-пяти тысячъ рублей, и что кладетъ послѣдній камень, становится простымъ компаньономъ, а изъ Манчестера на два года выписываетъ еще новую машину и такого машиниста-заводчика, что фабрика на седьмомъ году станетъ на неизмѣнный путь пятидесяти тысячъ цѣлковыхъ ежегоднаго барыша. При этомъ самому Девиню десятымъ процентомъ выпадало на долю пять тысячъ рублей серебромъ. Завидная доля, за то же и хлопотъ

много,—а знанія и природнаго генія еще больше. „Пять тысячъ цѣлковыхъ!—сталъ между тѣмъ разсуждать нашъ господинъ:—да этакъ, считая платежи въ опекунскій совѣтъ да вычеты по долгамъ частнымъ—и все мое имѣніе того не стоитъ! За что же давать басурману?“—Покрѣпился еще, выждалъ, пока Девинь дѣйствительно выписалъ новую машину и шотландца-машиниста, да въ одно прекрасное утро выгналъ бельгійца, со всею его семьею, за околицу своей деревни. Онъ разсчиталъ, что гораздо выгоднѣе ему заплатить сразу тысячу цѣлковыхъ неустойки, чѣмъ, сохраняя при устроенномъ уже заводѣ Девиня, удѣлять ему ежегодно по пяти тысячъ цѣлковыхъ. Какъ былъ Карлъ Богданычъ въ шлафрокѣ и вязанномъ дочерьми колпакѣ, такъ его и вышвырнули, сунувши въ руки пакетъ съ тысячью рублями и съ письмомъ барина: „Я де тобою, Карлъ Богданычъ, недоволенъ. Иди съ Богомъ и устроивай заводы въ другихъ мѣстахъ. А за неустойкой я не погонюсь—возьми ее себѣ до копѣйки по условію!“—„Вздоръ, вздоръ! - вопилъ бельгіецъ, бѣгомъ летя въ шлафрокѣ черезъ озадаченную деревню къ барскимъ покоямъ:—ты отдалъ неустойку? хорошо! а мои лучшія шесть лѣтъ жизни, а моя репутація, честь и слава!“ Проклялъ Подпольную бѣдный бельгіецъ и пошелъ таскаться сперва по разнымъ заводамъ, предлагая свои услуги, а тамъ уже просто по кабакамъ. Осрамился передъ соотчичами, передъ семьей и запилъ горькую чашу. Я, говорю, видѣлъ его самъ какъ-то на ярмаркѣ въ Лышковѣ. Стоитъ издали, прислонясь къ возу съ мѣшками, ногу за ногу заложилъ и качаетъ головой, а голова уже бѣлая, какъ серебро, и весь распьяно. „Мусью! — кричатъ мѣстные мелочные торговцы: — открой заводъ!“ — А въ другомъ концѣ площади стоитъ толстый претолстый брюхачъ. „Кто это?“—„Проскуряковъ!“—Подхожу ближе. Разговоръ, слышу, идетъ о той же извѣстной всѣмъ продѣлкѣ его съ бельгійцемъ. Онъ говоритъ, размахивая руками и косясь черезъ плечо къ видному вдали возу съ мѣшками, а слушатели надсѣдаются отъ хохота. „Какъ такъ?“ — „А вотъ какъ! Разсчитываю я, что заплатить неустойку выгоднѣе. Ну, вотъ я призываю прикащика Нестеренко. Такъ и такъ, Нестеренко, обдѣлай дѣльце. Ну, и обдѣлалъ“...

Карталинскій не кончилъ и сталъ перелистывать книги и газеты на столѣ; мы поболтали еще и готовились разойтись спать. Я мимоходомъ взглянулъ на разложенныя по столу книги. Передо мною лежалъ Шиллеръ, съ картинками, которыя перебирали передъ тѣмъ дѣти.

— Да, — заключилъ Карталинскій:—оспа, коммерческая честь и взаимный кредитъ у насъ туго принимаются, да врядъ ли когда вполнѣ и примутся, а вотъ романтизмъ такъ глубоко пустилъ корни. Знаете ли, что въ мои студенческіе годы, не далѣе, значитъ, пятнадцати лѣтъ, у насъ на Вшивой-Горѣ былъ свой Вертеръ? Да! Вы смѣетесь? Нѣтъ,

истинная правда! Вообразите, полюбилъ пѣхотный офицеръ барышню, зачитавшись Марлинскаго и другихъ сочинителей, свирѣпствовавшихъ въ то время въ нашей литературѣ. Читаютъ они вмѣстѣ „Фрегатъ-Надежду“, „Капитана Миловзора“, „Торкватто-Тассо“ и кстати „Страданія Вертера“. И что же бы вы думали? Напечатлѣли одинъ разъ другъ другу поцѣлуй, за чтеніемъ наединѣ, да и поѣхали на Вшивую-Гору. Пріѣзжаютъ ночью, а тамъ есть кладбище. Привелъ офицеръ барышню на какую-то могилу, а она въ бѣломъ платьѣ, и волосы распущены. Поставилъ ее на колѣни, велѣлъ молиться Богу. Поцѣловались они еще разъ. Онъ ей и говоритъ: „Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май?“ А она ему отвѣчаетъ: „Ахъ! Точно! Тамъ увидимся, гдѣ вѣчный май!“ Приложилъ извергъ ей пистолетъ къ груди и бацъ. А самъ, пока она трепетала въ послѣднемъ издыханіи, взъерошилъ себѣ волосы, выкурилъ трубку и тоже застрѣлился. Сторожъ видѣлъ всю эту продѣлку, но такъ перепугался, что не высунулъ носа изъ будки и на другой день только все разсказалъ полиціи.

— Да отчего же ты не крикнулъ, никого не позвалъ, по крайней мѣрѣ, на помощь?—допрашивали его:—можетъ быть, тебя услышали бы?

— А я думалъ, что это черти!—отвѣчалъ сторожъ.—Такъ и похоронили...

P. S. Когда разсказъ этотъ готовъ былъ къ печати, я получилъ письмо отъ жены Карталинскаго: „Вообразите наше горе. Безъ всякой видимой причины, мужу моему сегодня объявили, что онъ переводится въ Грознуйскъ. Прощай нашъ садъ, оранжерея; прощайте и вы. Напрасно онъ толкуетъ о ломкѣ. Надо ѣхать съ мѣста, гдѣ мы прожили столько лѣтъ“.

1858 г.

Конецъ VII-го тома.

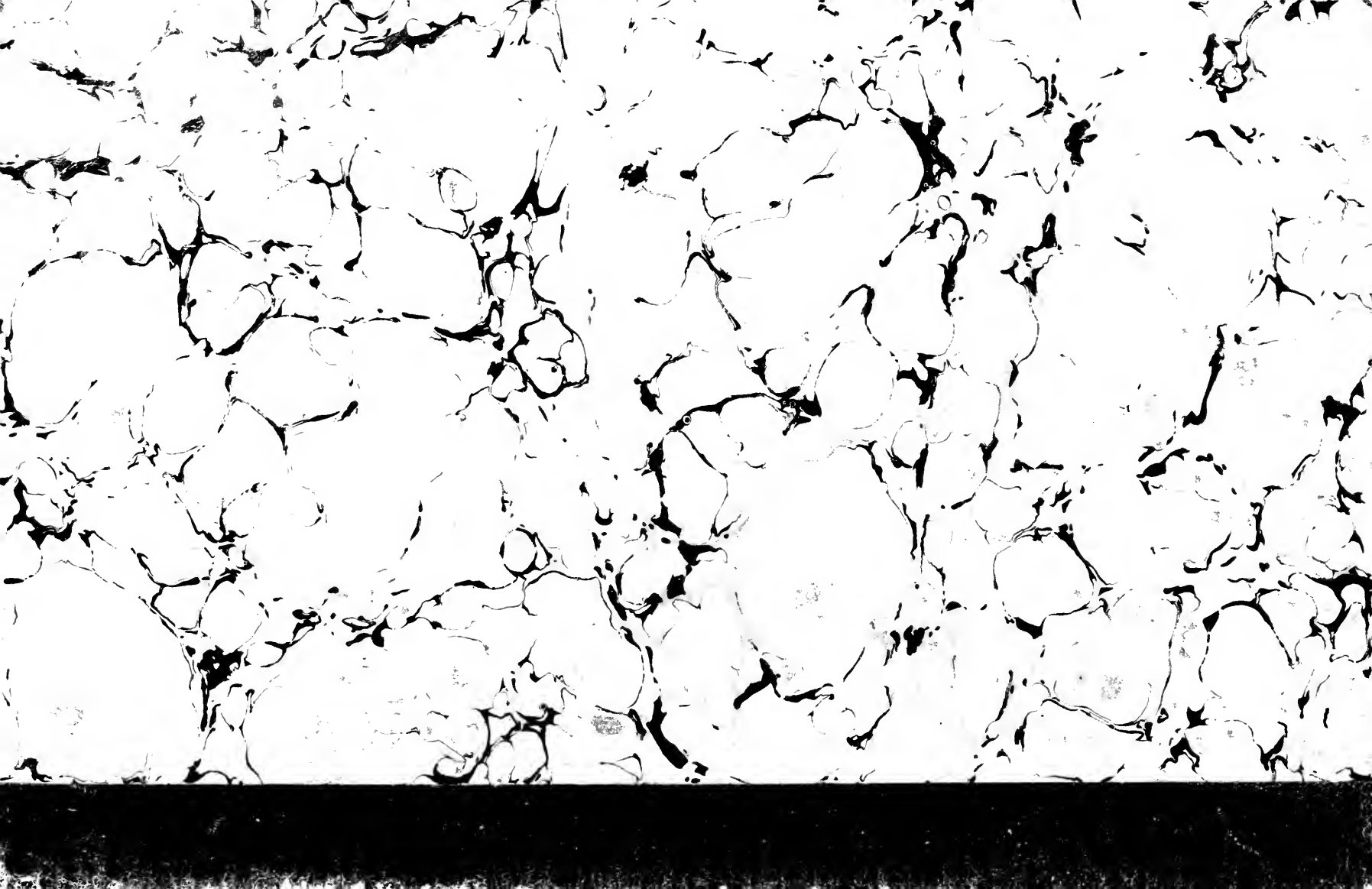
ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕДЬМАГО ТОМА.

	стр.
I. ЧЕРНЫЙ ГОДЪ (Пугачовщина)—историч. романъ.	
I-я часть: Разоренный улей	1
II-я часть: На Волгѣ	126
III-я часть: Кровавый метеоръ	244
II. БѢСЪ НА ВЕЧЕРНИЦАХЪ—разсказъ.	391
III. ПЕНСИЛЬВАНЦЫ И КАРОЛИНЦЫ	411
IV. БЫЛОЕ И НОВОЕ	439
V. ВЕЧЕРЪ ВЪ ЧЕРЕШНЯХЪ	449

PG
3321
D25
1892
t. 7

Danilevskii, Grigorii Petrovich
Sochineniia
t. 7

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY